

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

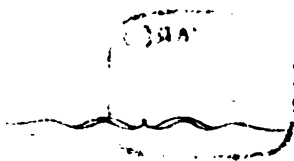
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. ТУШНОВА, по НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ. ДОМЪ № 39.

1876.

△
Pslav 236.4 (1876, no. 1)

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 января 1876 г.

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ.

— chef-d'œuvre —
ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. А. ПОТЪХИНА.

(Посвящается М. М. Потъхиной.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь Михайловна Крамолина, молодая, богатая вдова.

Матрена Ивановна Бокуркина, ея дальняя родственница, перерѣзавшая дѣва.

Графъ Владиміръ Андреевичъ Лопыревъ, бодрый старикъ, крестный отецъ Крамолиной.

Николай Петровичъ Чагановъ, молодой врачъ.

Сергій Ивановичъ Слетышевъ, частный адвокатъ, пріятель его.

Марья Антоновна Вермутакая, каскадная актриса.

Слуга Крамолиной.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Крамолиной.)

Роскошный будуаръ во вкусѣ Помпадуръ. Богатая мебель, ковры, портьеры, вазы, жардиньерки, цвѣты, тропическія растенія, античная бронза, мраморныя статуэтки, бюсты, картины Греза, Вато, Пуссена. Вся блестящяя обстановка роскошью и въ строго-выдержанномъ стилѣ. Прямо противъ зрителей альковъ, закрытый тяжелой портьерой; по сторонамъ его каминныя съ зеркалами, часами-буль, стариннымъ фарфоромъ и цѣнными бижутри. Направо — дверь во внутреннія комнаты; ближе къ аван-сценѣ два окна; около нихъ бюро. Налѣво — входная дверь; противъ бюро, у стѣны, — піанино.

ЯВЛЕНИЕ I.

Крамолина и слуга.

Крамолина (въ богатомъ утреннемъ negligé сидитъ направо, на диванѣ, и раскладываетъ пасьянсъ.) И на этотъ разъ не вышло! (Досадливо мѣшаетъ карты и отбрасываетъ отъ себя колоду.) Четвертый часъ, а его нѣтъ!.. Неужели онъ не будетъ?.. Это невозможно, — онъ далъ слово. Не случилось-ли чего?.. Здоровъ-ли онъ?.. (Звонить.) Ахъ, какая тоска... какая скука! (Вошедшему слугѣ.) Матрена Ивановна въ моемъ экипажѣ уѣхала или на извозницѣ?

Слуга. Не могу вамъ вѣрно доложить.

Крамолина. Узнайте!.. Да спросите у швейцара визитныя карточки сегодняшнихъ гостей и принесите ихъ сюда.

Слуга. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Крамолина. И куда это провалилась Матреша?.. Долго-ли съѣздить съ Сергѣевской на Николаевскую, а цѣлый часъ пропадаетъ... Обрадовалась, что можетъ на свободѣ языкомъ потрещать, противная! (Стукъ во входную дверь.) Войдите!

Слуга (входя съ большимъ подносомъ, на которомъ лежатъ: букетъ цвѣтовъ, письмо, свертокъ нотной бумаги, перевязанной розовой ленточкой, три бомбоньерки и штукъ тридцать визитныхъ карточекъ.) Матрена Ивановна на извозницѣ уѣхали.

Крамолина. Хорошо. Карточки положите въ плато, вещи на столликъ, сюда, а букетъ подайте мнѣ. (Взявъ букетъ.) Отъ кого это?

Слуга. Въ букетѣ есть карточки; швейцаръ на всѣхъ вещахъ положилъ карточки, чтобъ не перепутать. (Ставитъ вещи на указанныя Крамолиной мѣстахъ.)

Крамолина. Можете идти. (Слуга уходитъ.) Какія нѣжности!.. (Разсматриваетъ букетъ.) Розы... Отъ кого-бы это? (Вынувъ карточку и читая.) *Andrée de Kinine, lieutenant de la garde.* Мой нѣжный обожатель, влюбленный въ мои (съ ироніей) глубокіе, бездонные глаза!.. И къ чему мнѣ присылать розы, когда вы всѣ смотрите на меня, какъ на бездушную камелію! (Кладетъ въ сторону букетъ и беретъ свертокъ нотъ.) Это еще что такое? (Развязавъ ленточку.) Ноты?! (Читаетъ.) „Жажда весны“, романсъ, музыка Носогорскаго, посвящается Любви Михайловнѣ Крамолиной, въ день ея ангела. Гмъ! видно, и композиторы нашего времени умѣютъ вдохновляться по-

лумиліоннымъ состояніемъ вдовушки. (Съ ироніей.) „Жажда весны!“ Полю, не жажда-ли богатой жены... Какая гадость! (Отбрасываетъ романсъ и беретъ письмо.) Цѣлое посланіе при бомбоньеркѣ конфектъ. (Распечатываетъ конвертъ и читаетъ подпись на письмѣ.) „Недостойная богомолица, игуменья Митродора“. Видно, деньги понадобились, придралась къ случаю. Почитаемъ. (Читаетъ про себя письмо, улыбаясь.) Ну, да!.. Гмъ! „Изнемогла въ правленіи духовнымъ чиномъ“... Конечно!.. „Развѣ по благодсти Божіей все устрою“... Понятно!.. „Оскудѣніе наше велико, путь нашъ тѣсный, всякихъ лишеній преисполненъ, одна надежда на нашихъ великихъ благодѣтелей“. Фу, отвратительно! Ну, отчего-бы не написать просто: въ общинѣ идутъ перестройки, денегъ недостаетъ, пришлите сколько можете. Нѣтъ, нельзя: надо порисоваться. Повсюду—ложь, обманъ! (Развязываетъ другую бомбоньерку, снимаетъ карточку и читаетъ.) *Wagon Iosef de-Ganzberg*. Вотъ какъ, и іерусалимскіе бароны нынче съ нѣжностями! (Открываетъ бомбоньерку.) Тутъ не одни конфекты!.. Футляръ?.. Съ чѣмъ-бы это? (Вынимаетъ футляръ и раскрываетъ.) Браслетъ — *porte-bonheur*!.. Бриллианты, рубины! Это ужъ изъ рукъ вонъ, какая дерзость!.. Быть у меня два раза въ домъ и осмѣлиться привезти мнѣ цѣнный подарокъ. Надо проучить этого нахала!.. (Бросаетъ футляръ въ бомбоньерку, завертываетъ послѣднюю въ бумагу и звонитъ.) Какая самоувѣренность, какая наглость у этихъ богатыхъ жидовъ! (Вошедшему слугѣ.) Сію минуту отдайте это дворецкому (подаетъ свертокъ), чтобъ отвезъ къ барону Ганцбергу и сдадъ подъ росписку, а карточку (передаетъ карточку) передайте швейцару, для памяти, чтобъ никогда не принималъ этого господина. Поняли?

Слуга. Понялъ-съ... слушаю-съ.

Крамоліна. Ступайте. (Слуга уходитъ.) Видѣлъ хорошенькую вдовушку нѣсколько разъ, и потому, что она была съ нимъ любезна, осмѣлился явиться съ подаркомъ. При покойномъ мужѣ этотъ жидокъ-баронъ считалъ-бы за счастье пожать мнѣ руку; а теперь, потому только, что я не маскирую, какъ наши свѣтскія барыни, своихъ отношеній къ Колѣ, они третируютъ меня, какъ женщину сомнительной нравственности, какъ искательницу приключеній. (Влѣвыхъ дверяхъ показывается Кокуркина въ шляпѣ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Крамоліна, Кокуркина и слуга.

Крамоліна (заятивъ вошедшую Кокуркину, идетъ къ ней навстрѣчу, съ волненіемъ.) Ну, что онъ, видѣла?.. Болѣнъ, лежитъ? Говори скорѣй.

Кокуркина. Нѣтъ, Любовь Михайловна, не видала, потому...

Крамолина (перебивая.) Какъ не видала?! Неужели Коля такъ болѣвъ, что и принять тебя не могъ?.. Господи, что за несчастье!

Кокуркина. Да ихъ вовсе дома нѣтъ. Какъ встали въ десять часовъ, чаю одинъ стаканъ на-скоро выкушали, такъ и уѣхали изъ дому.

Крамолина (въ раздумьи.) Въ десять часовъ уѣхалъ... и до сихъ поръ нѣтъ?

Кокуркина. Да-а-съ. А торопились даже до того, что на извозчикѣ уѣхали; коляска стояла въ сараѣ запряженная, такъ не захотѣли подождать, чтобъ кучеръ одѣлся.

Крамолина (про себя.) То-ро-пил-ся... Торопился. (Громко.) Вѣрно какой-нибудь у него тяжелый больной есть, а?

Кокуркина. Нѣтъ, Любовь Михайловна, нѣтъ-съ... Больныхъ у Николая Петровича даже совсѣмъ теперь нѣтъ. Будьте благонадежны, — я все доподлинно у ихняго камердинера, у Васи, расспросила, до послѣднихъ мелкихъ обстоятельствъ. Да-съ, все узнала... все-съ.

Крамолина. Да что-же это такое все?

Кокуркина. А то-же, что они второй мѣсяць словно другимъ человѣкомъ сдѣлались. Напустили на себя сумрачность, сердитость, неразговорчивость. Прислуга сказывала, какъ только проснутся, сейчасъ стаканъ чаю выкупаютъ, сейчасъ въ свою коляску, маршъ на Выборгскую, въ клинику доѣдутъ, лошадей домой, такъ до поздней ночи неизвѣстно гдѣ и пропадутъ.

Крамолина. Гдѣ-же онъ можетъ быть до поздней ночи?

Кокуркина. Это даже никому непонятно. Всѣ домашніе ихъ полагаютъ такъ, что они у насъ свое время провождаютъ, однако, и то ихъ смущаетъ, что прежде Николай Петровичъ безъ всякой опаски на своихъ лошадяхъ пріѣзжали, а теперь второй мѣсяць пошелъ — даже ни-ни, никогда. Я, конечно, противъ этого ни одного слова не сказала, пускай думаютъ... а ужъ извѣстно: много-ли за послѣднее время Николай Петровичъ у насъ бывали... Да-а-съ!

Крамолина (про себя.) Второй мѣсяць?.. Точно, мѣсяца два, какъ онъ перемѣнился въ отношеніи ко мнѣ. (Вслухъ.) Удивительно!

Кокуркина. И даже очень удивительно, какъ это все у нихъ вдругъ измѣнилось. Пріѣхала я къ нимъ: у парадныхъ дверей разовъ съ десять звонила — насилу отперли; въ комнатахъ пыль, не прибрано; лакей комнатный не при формѣ, а такъ, въ этакомъ сѣренькомъ спинжакѣ; поваръ — вина пьянѣе, вторую недѣлю обѣда не готовитъ, потому не зачѣмъ, все равно — дома не кушаютъ. Вся прислуга ходитъ въ очумѣлости отъ ихъ подозрительности.

Крамолина (съ досадой.) Что такое? Говори, пожалуйста, проще. Какая еще подозрительность?

Кокуркина. А такая и подозрительность, что Николай Петрович ни къ кому довѣрчивости не имѣютъ и всѣхъ держутъ на подозрительномъ счету, такъ, какъ-будто всѣ надъ ними шпионятъ и намъ передаютъ, переводятъ... Ей-богу-съ!.. А ужь что сегодня произошло по случаю дня вашего ангела, какія слова произносились, лучше не вспоминать.

Крамолина. Что такое, говори, Матреша!

Кокуркина. Право, лучше безъ вниманія оставить.

Крамолина. Пожалуйста, безъ ломаній, говори-же.

Кокуркина. Право... ей-богу!.. Это совсѣмъ не интересно... оскорбляться тутъ нечѣмъ, потому, какъ одна неделикатность.

Крамолина. Я тебѣ что сказала?.. (Строго.) Безъ комедій... говори!

Кокуркина (принимая таинственную и озабоченную инву.) Не подслушиваетъ-ли кто, лакеишки у насъ прелюбопытныя, особливо этотъ Александра. (Подходить къ дверямъ и засматриваетъ въ нихъ.) Никого. (Затворяетъ двери.) Сегодня утромъ Василій-то, камердинеръ, съ большого ума вздумалъ Николая Петровича съ дорогой именинницей поздравлять, значить со днемъ вашего ангела. Какъ они вдругъ задрожать всѣ, побѣлѣютъ, пѣна у рта каблукомъ, вскинутся на него, да какъ вдругъ пронзительнымъ голосомъ зыкнуть: молчать, говорятъ, это что за новости, что за поздравленія выдумалъ!.. Что она, сестра мнѣ, жена или родня какая? Такой-то родня у меня въ Петербургѣ не перечеть.

Крамолина (вспыхнувъ.) Не можетъ быть, чтобъ онъ это сказаль... неправда!.. Это выдумка... наглая ложь!

Кокуркина. За что купила, за то и продаю. Можетъ, и выдумалъ кто, да только не я, да и выдумки тутъ никакой не можетъ быть, потому вся прислуга бурю эту слышала, какъ они на Васю кричали и наказывали имени вашего не употреблять, какъ вы имъ чужая, все равно какъ другая-всякая, посторонняя и нестоющая вниманія.

Крамолина. О, Боже мой! (Закрываетъ лицо ладонями рукъ, опираясь локтями на столъ.)

Кокуркина (злобно, въ сторону). А - а, не нравится... не лю-бишь! (Притворно-сочувственно, вслухъ.) Вотъ языкъ-то мой поганый—истинный врагъ, сердце собачье преданное,—всегда набѣдятъ. Не надо было говорить, а вотъ изъ преданности своей сболтнула, дура, не утерпѣла, огорчила васъ для торжественнаго дня ангела... Дура, право, дура! (Цѣлуетъ въ плечо.) Простите вы меня, оглашенную.

Крамолина. Ничего, Матреша, ничего... Не обращай вниманія... Это нервы... Оставь меня одну, иди-себѣ. (Вынимает платокъ и отираетъ полные слезы глаза.)

Кокуркина. Я, Любовь Михайловна, дала Васѣ десять рублей... только отъ себя, а объ вашемъ имени ни слова, ниже-ни, виду не подала, что съ вашего приказанія даю.

Крамолина (не отнимая платка отъ глазъ.) Хорошо, хорошо... Оставь-же меня.

Кокуркина (дойдя до правыхъ дверей.) На сколько персонъ столь приказать накрывать?

Крамолина (раздраженно.) Ахъ, дѣлайте, какъ знаете... Не троньте вы меня, ради Бога. (Опускается головой на столъ.)

Кокуркина (послѣ паузы садится съ ней рядомъ, быстро подойдя.) Полноте, золотая моя, убиваться-то такъ. (Цѣлуетъ въ плечо.) Не въ одномъ окошкѣ свѣтъ Божій... не клиномъ Петербургъ-то сошелся, не перестарокъ вы какой, чтобъ изъ-за одного мужчинки такъ себя терзать да мучить. Глазкомъ посмотрите да бровкой поведите, такъ любой красавецъ жизнь свою за васъ положить.

Крамолина. Перестань глупости говорить, коли ссоры не хочешь.

Кокуркина. Какая-же можетъ быть ссора, когда я вамъ изъ одного душевнаго расположенія говорю? Конечно, фортуны у людей разные бываютъ, однако я довожусь вамъ троюродной сестрой и родители наши были одного простого, то-есть мѣщанскаго званія. Вашему папашѣ выпала фортуна въ Петербургѣ служить курьеромъ при самомъ министрѣ, чрезъ это крестили васъ графъ Лопыревъ, они-же васъ и въ театральную школу для образованія вашего на казенный счетъ помѣстили, а потомъ и замужъ за Глѣба Давыдовича Крамолина выдали. Стали вы послѣ смерти своего супруга образованная вдова - генеральша изъ дворянъ, при своемъ собственномъ домѣ и большомъ капиталѣ; а я, какъ при папенькѣ-когда они въ Нарвѣ служили, называлась дѣвица изъ мѣщанъ, Матрена Кокуркина, такъ и послѣ ихъ смерти осталась дѣвицей-сиротой, въ прежнемъ состояннн и образованнн, даже безъ всякой перемѣны... Послушайте вы моего родственнаго совѣта, не убивайте себя такъ, наберите вольнаго духу, держите себя къ нему неглежа, съ равнодушьствомъ; повѣрьте, гдѣ ни гуляетъ Николай Петровичъ, а къ вамъ придетъ.

Крамолина (быстро.) Что такое-е?

Кокуркина. Будьте увѣрены, гдѣ ни гуляетъ, а къ вамъ придетъ, потому никто ему, кромѣ васъ, такого содержанія не предоставитъ.

Крамолина (съ сердцемъ.) Молчите!.. вы съума сошли... Какъ

вы смѣли мнѣ это сказать? (Кокуркина хочетъ возразить.) Молчите! Понимаете-ли вы, что вы сказали?.. Вы оскорбили меня и Кол... и Николая Петровича.

Кокуркина. Что-же, сестрица, вы такъ вспыхнули? Въ четырехъ стѣнахъ говоримъ, услышать некому... Опять, на моей видимости все это происходило... Послѣ смерти Глѣба Давыдыча, въ три-то года, насмотрѣлась всего... Своими глазами видѣла, какъ вы Николая Петровича Чаганова, общипанца - студентика, что на третьемъ дворѣ, въ каморкѣ жилъ, въ этомъ домѣ, приблизили къ себѣ, превозвысили до невозможности и наградили даже сверхъ всякой мѣры и заслугъ.

Крамолина (не владѣя собой.) Ни слова больше!.. Или вы не проходите глупы, или вы... воплощенная фури!.. Уходите сію минуту... убирайтесь съ глазъ моихъ долой. (Ходить въ волненіи по будуару.)

Кокуркина. Мирси вамъ, сестрица!.. Видно, за всю мою преданность...

Крамолина. Какая я вамъ сестрица!.. Безъ объясненій, отправляйтесь... да помните, если вы еще разъ заикнетесь объ этомъ, нога ваша въ моемъ домѣ не будетъ.

Кокуркина. Будемъ помнить... будемъ... не беспокойтесь. (Идетъ къ правымъ дверямъ и, слыша стукъ въ лѣвыя, останавливается.)

Крамолина. Войдите.

Слуга (входя.) Графъ Владиміръ Андреевичъ Лопыревъ привезли доложить... Я докладывалъ, что не изволите принимать...

Крамолина. Ахъ, папа крестный! Просите, просите графа сюда. (Слуга уходитъ. Къ Кокуркиной.) Что-же, наконецъ, вамъ угодно оставить меня?

Кокуркина. Угодно-съ!.. Мирси вамъ за все... даже очень, боку мирси, сестрица. (Уходя направо, въ сторону.) Полюбился, видно, сатана лучше яснаго сокола!.. Ну, да ладно!.. Еще увидимъ! (Уходитъ.)

Крамолина. Таки достигла своего: вывела меня изъ терпѣнія, противная! „Гдѣ ни гуляетъ, а къ вамъ придетъ!“ Утѣшила, нечего сказать... „Никто ему такого содержанія не предоставитъ!“ Точно онъ продаетъ мнѣ свою любовь, а я ее покупаю... Мерзко, возмутительно... И такъ смотреть всѣ на наши отношенія. Если это меня выводитъ изъ себя, то что-же долженъ испытывать Коля, когда ему на каждомъ шагу дѣлаютъ подобные намеки?.. Бѣдный! Я теперь понимаю, почему онъ все рѣже и рѣже бываетъ у меня, уклоняется являться со мной въ обществѣ... Онъ старается убить въ себѣ чувство, привязанность ко мнѣ... Да, это такъ. (Въ раздумьи.) Но гдѣ-же онъ пропадаетъ цѣлые дни?.. Неужели онъ кѣмъ-либо увлеченъ и обманываетъ меня?.. Я ему чужая, посторонняя... Все

это сплетни, мерзости, зависть!.. Имъ завидно наше счастье, они хотятъ разбить его... отнять у меня Колю... Ну, ужъ этому не бывать! (Въ лѣвыя двери входитъ графъ Лопыревъ, во фракъ и съ двумя звѣздами.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Крамолина, Лопыревъ и слуга.

Крамолина (идя къ нему на встрѣчу.) Ахъ, папа крестный, сколько-лѣтъ и зимъ мы не видались, здравствуйте!.. Давно-ли вернулись изъ за-границы? Какъ я вамъ благодарна, что не забыли меня! (Цѣлуетъ его руку.)

Лопыревъ (цѣлуя ее въ голову.) Bon jour, ma charmante filleule... Всего недѣля, какъ вернулся я въ родныя палестины... Merci за присланныя деньги... Я четвертый день, какъ въ Петербургѣ... Твоихъ именинъ не забылъ и явился, даже не съ пустыми руками. (Подаетъ двѣ изящно переплетенныя книги.) Je vous felicite! Вотъ тебѣ все, чѣмъ я согрѣшилъ въ продолженіи моей жизни передъ русской литературой. Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

Крамолина (взявъ книги.) Вотъ такъ подарокъ! Merci, папа. Я давно добивалась получить ваши сочиненія. Тутъ всё?

Лопыревъ. На русскомъ языкѣ всё, исключая разныхъ моихъ проектовъ, по вопросамъ современныхъ реформъ, и застольныхъ спичей.

Крамолина (перелистывая книгу.) А ваше знаменитое „Въ дорогу“ тоже тутъ?

Лопыревъ (улыбаясь самодовольно.) Тутъ, во второмъ томѣ. (Со вздохомъ.) Знаменитая, гмъ!.. Да, было, ma chère, время, когда моими повѣстями зачитывались, мои комедіи и разные proverbes не сходили со сцены, и когда въ печати къ имени графа Лопырева неизмѣнно прибавлялись эпитеты: даровитый, талантливый, знаменитый. Но съ тѣхъ поръ, какъ монополистами русской печати и журналистики явились разныя лохматые, недоучившіеся разночинцы, благоговѣніе къ авторитету, имени, старости—умерло... Э, да будетъ объ этомъ!.. Мы свое дѣло сдѣлали, за насъ исторія и отдаленное потомство. Скажи-ка, какъ ты поживаешь, вѣдь я не видалъ тебя почти годъ.

Крамолина. Ничего, такъ-себѣ... по немножку.

Лопыревъ. Однако странно—сегодня ты импаница и сидишь въ будуарѣ одна.

Крамолина. Я не совсѣмъ здорова и принимаю только самыхъ близкихъ знакомыхъ.

Лопыревъ. Да-а... вотъ! Но отчего-же я не вижу около тебя твоего сердечнаго друга Чаганова?

Крамолина. Коля занятъ... Впрочемъ, онъ прїѣдетъ обѣдать и проведетъ у меня весь вечеръ. (Стараясь замѣть разговоръ.) Что-жь вы, крестный, забыли свою неизмѣнную подругу? (Подаетъ спичку.) Закуривайте.

Лопыревъ. Постой, не заминай разговора. Скажи-ка лучше, чѣмъ занятъ твой Чагановъ?

Крамолина. Право, я хорошенько не знаю... (Смущаясь.) Онъ работаетъ въ клиникѣ... уѣзжаетъ туда съ самаго утра.

Лопыревъ. Гмъ, да-а! (Пауза. Быстро.) А давно ты его видѣла?

Крамолина. Онъ былъ у меня... третьяго дня. (Опускаетъ глаза.)

Лопыревъ. Тре-ть-яго дня... гмъ! Но что съ тобой, ты какъ-будто не въ своей тарелкѣ?

Крамолина. Голова болитъ, мигрень.

Лопыревъ (приспально посмотрѣвъ ей въ глаза, послѣ небольшой паузы.) Довольно!.. Теперь мнѣ все ясно, все понятно!

Крамолина. Что-же вамъ понятно?

Лопыревъ. Еще разъ въ жизни приходится наглядно убѣдиться, что непостоянство присуще всякой женской натурѣ и что самыя непостоянныя и вѣтренныя существа въ подлунномъ мирѣ—блондинки.

Крамолина (улыбаясь.) Почему-же блондинки?

Лопыревъ. Да вотъ рѣши — почему блондинки. А это такъ, если не вретъ исторія и преданіе. Ева, Клеопатра, Далила, Елена Прекрасная, Магдалина, Маріонъ-де-Лормъ—всѣ были блондинки. Ну, та *charmante filleule*, все у тебя обстоитъ благополучно,—маленькаго нездоровья я не беру въ расчетъ. Теперь мнѣ остается начать молчаливую бесѣду съ моей неизмѣнной подругой (закуриваетъ сигару) и направить свои стопы туда, куда влечетъ меня мой жалкій жребій—поѣду славить имянинницъ... *Au revoir!*

Крамолина. Что вы это, папа крестный? Чуть не цѣлый годъ мы съ вами не видались, и теперь вы заѣхали ко мнѣ на минуту! Развѣ такъ друзья дѣлаютъ?.. Я надѣялась, что вы побесѣдуете со мной, останетесь обѣдать, я такъ обрадовалась.

Лопыревъ. Не лукавь, не умѣешь!.. Ужь и обрадовалась! Я уѣзжаю потому, что не хочу быть татаринномъ.

Крамолина. Какъ татаринномъ?

Лопыревъ. Даже хуже татарина, какъ увѣрлетъ пословица, — не въ пору гостемъ.

Крамолина. И вамъ не грѣхъ это говорить? (Часы бьютъ четыре раза.) Ахъ!.. (Тревожно.) Уже четыре!.. Четыре часа.

Лопыревъ. И онъ долженъ сейчасъ явиться.

Крамолина. Кто такой?

Лопыревъ. *Онъ!*.. Этимъ все сказано... Я не люблю ставить ни себя, ни другихъ въ фальшивое положеніе, не хочу мѣшать *вамъ*, а потому и удаляюсь... До свиданія!

Крамолина. Я васъ рѣшительно не понимаю. Кому вы можете мѣшать, оставшись у меня? (Смотритъ на него съ недоумѣніемъ.)

Лопыревъ. Что ты на меня такъ смотришь? Я—старый воробей, меня не проведешь. Мигрень тебѣ мѣшаетъ сегодня принимать, а? Твой тревожный взглядъ, нервная ажитация, наконецъ, интонація, съ какой ты сказала, услыша бой часовъ: „уже четыре“—тоже слѣдствіе мигрени? Правы французы съ своей пословицей: *pas de fumée sans feu!* (Грозитъ пальцемъ.) Что, и теперь не понимаешь, а?

Крамолина. Рѣшительно не понимаю, говорите яснѣе.

Лопыревъ. Яснѣе?.. Изволь. Ты *никою* не ожидаешь? *Ни-ко-ю?* Ну, солги своему другу крестному, если у тебя хватить силъ; солги!

Крамолина. Я ожидаю, но...

Лопыревъ (быстро перебивая.) Больше ни слова объ этомъ, иначе мой разговоръ съ тобой будетъ похожъ на выпытываніе, а я своей охотой никогда не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, тѣмъ болѣе въ дѣла сердца. Пользуйся жизнью, наслаждайся, живи сердцемъ, пока есть желанія и силы, бери отъ жизни все, что можно взять, но не требуй невозможнаго. Помни, что жизнь, какъ и первая красавица въ мірѣ, можетъ дать только то, что имѣетъ. Это моя однадцатая заповѣдь; держись ея крѣпко—и все пойдетъ складно и ладно. Придетъ старость, успѣешь нажитья холоднымъ умомъ. Ну, до свиданія, *ma petite*, дай мнѣ поцѣловать твою головку. (Обнимаетъ ее.) Будь счастлива съ новымъ избранникомъ твоего честнаго молодого сердца, только постарайся не очень афишировать въ свѣтѣ свои отношенія къ нему. (Цѣлуетъ ее въ голову.)

Крамолина (быстро отстраняясь.) Что?.. Что такое вы сказали? Новый избранникъ у меня?.. Какъ? (Смотритъ изумленно.)

Лопыревъ. Bravo, bravo!.. Недурно сыграно. Ты въ мое отсутствіе сдѣлала блестящіе успѣхи въ свѣтскомъ умѣнны притворяться, но я слишкомъ пожилъ, чтобъ тебѣ удались надо мной твои опыты притворства; выбери кого-нибудь помоложе. *Adieu!* (Идетъ, чтобъ взять шляпу съ дальняго стула.)

Крамолина (стоя на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая.) Онъ сказалъ—новый избранникъ... Что это такое?.. Не понимаю.

Лопыревъ (направляясь къ лѣвымъ дверямъ, проходитъ мимо нея и взглянувъ.) *Tiens!* Сценическій талантъ и... *quelle audace dans le mensonge!* (Пожимаетъ плечами и идетъ медленно къ лѣвымъ дверямъ.)

Крамолина. О, я поняла! Это новая выдумка, новая клевета! (Быстро догоняет Лопырева и берет его за руку.) Нѣтъ, крестный, такъ нельзя!.. Погодите, остановитесь... Намъ надо объясниться безъ всякихъ экивоковъ и салонныхъ тонкостей. Вы останетесь, вы сдѣлаете для меня это одолженіе.

Лопыревъ. *Volontiers, ma pѣtite.* Самъ я не навязываюсь, ты меня просишь—къ твоимъ услугамъ. Будемъ бесѣдовать à *soeur ouvert.* (Садятся.) Что тебѣ угодно?

Крамолина. Скажите, крестный, какимъ образомъ вы узнали о новомъ избранникѣ моего сердца, только-что приѣхавъ въ Петербургъ? Я держала это въ большой тайнѣ; отъ кого вы могли узнать?

Лопыревъ. Нѣтъ, мой другъ, тайны, которая-бы рано или поздно не открылась. *On gasonte!* (Пожимаетъ плечами.)

Крамолина. Это такъ; но вамъ-то кто сказалъ?

Лопыревъ. Я сегодня сдѣлалъ пять визитовъ къ именинникамъ. Былъ у Софьи Давыдовны Крамолиной, у княгини Зарѣцкой, у графини Бухарцевой, ну... однимъ словомъ, объ этомъ вездѣ толкуютъ. *C'est la nouvelle du jour.*

Крамолина (сдерживаясь.) А... вездѣ... вотъ что!.. Ну, что-жь, какъ они находятъ моего поваго избранника: лучше Чаганова?

Лопыревъ. О, безъ сомнѣнія. Конечно, и этотъ отчасти *ragueneu*, и у него въ гербѣ нѣтъ лилій и онъ не обладаетъ способностью однимъ прикосновеніемъ излечивать лихорадку, но онъ воспитанъ свѣтски, прекрасно себя держитъ въ обществѣ, въ гостиной, у него состояніе, ну, и какой-бы ни было, все-таки у него титулъ... Какое-же сравненіе: Чагановъ и баронъ Ганцбергъ!

Крамолина (вскрикнувъ.) Кто?.. Вотъ кто, а-а!

Лопыревъ. Ты вскрикнула. Что съ тобой?

Крамолина (насыльственно улыбаясь.) Нѣтъ, я стала такъ нервна. Мнѣ показалось, что кто-то выходитъ изъ алькова.

Лопыревъ. Нетерпѣливое ожиданіе! О, я тебя понимаю, *ma pѣtite*, самъ былъ когда-то молодъ.

Крамолина (порывисто.) Скажите, крестный, любили вы когда-нибудь?

Лопыревъ. Всю жизнь влюблялся и началъ влюбляться гораздо раньше, чѣмъ себя запомню. Первая женщина, въ которую я влюбился, какъ меня увѣряютъ, была моя кормилица; я ей сдѣлалъ признаніе, еще не умѣя ходить и сидя у ней на рукахъ.

Крамолина. Полноте шутить. Мой-то поступокъ васъ не удивляетъ?.. Лично вы не находите въ немъ ничего страннаго?

Лопыревъ. Рѣшительно ничего. Въ любви необходимо разнооб-

разіе, иначе зачѣмъ-же на свѣтѣ существуютъ блондины, брюнеты, рыжіе, альбиносы, черноглазые, голубоокіе.

Крамолина (перебивая вѣтерпѣливо.) Мнѣ не до шутокъ. Я васъ спрашиваю: вы допускаете съ моей стороны измѣну Чаганову, оближеніе съ Гандбергомъ, не сердитесь за это на вашу любимую крестницу?

Лопыревъ. Допускаю, и не только не сержусь, а благословляю обѣими руками.

Крамолина (вскакивая.) Нѣтъ силъ больше играть комедію. И это мнѣ говорить онъ... говоритъ человѣкъ, замѣнившій мнѣ мѣсто отца родного... Боже мой, Боже! Одна утѣшаетъ тѣмъ, что гдѣ ни гуляетъ, а ко мнѣ придетъ, другой благословляетъ обѣими руками на развратъ. Какъ жить съ такими людьми?!.. Можно съума сойти отъ такихъ оскорбленій. (Схватываетъ себя за голову.)

Лопыревъ (изумленно.) Что съ тобой?.. (Въ сторону.) Что все это значить? Нѣтъ, mon ami, это не притворство. (Громко.) Признаюсь, я ничего не понимаю!

Крамолина. Зная меня, вы могли повѣрить этой гнусной свѣтской сплетнѣ? Непостижимо!.. Что я, по-вашему—свѣтская львица, дама *demi-mond'a*, камелія, мѣняющая свои привязанности съ каждой новой модой?

Лопыревъ. Зачѣмъ такая рѣзкость въ выраженіяхъ? Вѣчной любви нѣтъ, одиночество для твоей страстной природы губительно, безъ сердечной привязанности ты жить не можешь... Наконецъ, свѣтъ постоянно преслѣдовалъ твои отношенія въ Чаганову.

Крамолина. Да что за дѣло вашему свѣту до меня?

Лопыревъ. Не забудь, ты носишь фамилію Крамолина.

Крамолина. Къ несчастію, забыть этого я не могу. Цѣлая девять лѣтъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, напоминаютъ мнѣ объ этомъ всѣ ваши графини Бухарцевы, княгини Зарѣцкія и мужнина свѣтская роденка, въ родѣ старой дѣвы, биготки Софьи Давыдовны. Онѣ шпионятъ за мной, сплетничаютъ, клеветуютъ, пристають съ совѣтами, нравоученіями, наставленіями. Кто имъ на это далъ право?

Лопыревъ. Та position, ma chère, — вотъ кто. Если-бъ свѣтъ тебя считалъ чужой, то игнорировалъ-бы тебя, какъ всякую богатую мѣщанку. Безусловной независимости въ жизни человѣка нѣтъ. Каждое общество, каждая среда, давая извѣстныя права, возлагаетъ и извѣстныя обязанности. Свѣтъ тебѣ далъ имя, богатство, положеніе, — онъ вправѣ требовать, чтобъ всѣмъ этимъ ты распорядилась не въ ущербъ его интересамъ, однимъ словомъ—position oblige!

Крамолина. Все это одни слова.. Фраза и фраза—не болѣе!

Ничего мнѣ вашъ свѣтъ не давалъ и ничего отъ меня не вправѣ требовать. Капризу моего покойнаго мужа, которому на старости лѣтъ пришла фантазія влюбиться въ семнадцатилѣтнюю танцовщицу и сдѣлать ее своей женой, своей наружности да вашимъ стараніямъ я обязана богатствомъ, именемъ и положеніемъ. Почти шесть лѣтъ я прожила замужемъ безъ любви, безъ симпатіи, безъ всякаго проблеска чувства. Меня каждодневно терзали старческой подозрительностью, мучили безумной ревностью и награждали за мою вѣрность поцѣлуемъ разслабленнаго сладострастнаго. Кругомъ мнѣ представлялись тысячи соблазновъ, молодое сердце билось и искало любви, но я, давъ разъ слово мужу, осталась ему вѣрна до послѣдней минуты его жизни. Согласитесь, что не даромъ мнѣ достались имя и богатство, которыхъ я не искала. Я рассчиталась честно съ свѣтомъ, который, по вашимъ словамъ, далъ мнѣ положеніе. Чего-же они отъ меня хотятъ, чего требуютъ? (Молчаніе.) Скажите! (Молчаніе.) Да отвѣчайте-же! (Молчаніе.) Ну что-же вы молчите?

Лоцыревъ. Я предпочитаю молчать и слушать.

Крамолина. Иначе говоря, вы не находите, что отвѣтить? Такъ я за васъ отвѣчу. Оставшись вдовой, я первое время, какъ вамъ извѣстно, отдалась всецѣло свѣту, — потребность жить сердцемъ, любить и быть любимой, посвятить всю себя для любимаго существа, послѣ слишкомъ пятилѣтней пытки замужества, дошла до страсти. Въ обожателяхъ изъ высшаго общества не было недостатка, но, при первомъ сближеніи, поклонники мои обнаруживали такой эгоизмъ, бездушіе и ничтожество, что возбуждали къ себѣ полнѣйшее огвращеніе, даже омерзѣніе. Къ счастью, въ это время я встрѣтилась съ Колей — совершенно случайно. Онъ пордзиль меня своимъ свѣтлымъ умомъ, дѣвственной чистотой чувства, прямою своей натуры, отсутствіемъ ходульности и рисовки; мы сблизились, и полюбила его отъ всего сердца, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ-же. Я не стала скрывать передъ свѣтомъ своего чувства къ Чаганову, я гордилась имъ; это и вызвало бурю въ средѣ искателей моего состоянія, этой золоченой молодежи, ихъ папашъ, мамашъ, дядей, тетокъ. Они образовали противъ меня комплотъ, пускали въ ходъ и совѣты моихъ родныхъ, и вліяніе престарѣлыхъ титулованныхъ грѣшницъ. Ничто не помогло. Они обратились теперь къ клеветѣ, силетнѣ, насквилямъ и всякимъ свѣтскимъ гадостямъ. Цѣлые три года они прославляютъ меня, какъ погибшую, безнравственную женщину, хотя приѣзжаютъ на всѣ мои обѣды и вечера. (Беретъ горсть визитныхъ карточекъ.) Вонъ ихъ сколько явилось съ поздравленіемъ къ развратной имянинницѣ. Лицемѣры, фарисеи! (Отбрасываетъ карточки.) Я

слишкомъ хорошо знаю свѣтское общество, чтобъ не приходять отъ его сплетень въ отчаяніе. Не такъ Коля; его впечатлительная, болѣзненно-честная натура не переносить подобнаго положенія. Чаганова вездѣ встрѣчаютъ двусмысленными улыбками, третируютъ какъ камелію во фракѣ, какъ человѣка, эксплуатирующаго средства любящей его женщины, какъ низкаго *chevalier d'industrie*, совершившаго возмутительное преступленіе, то-есть отнявшаго у какого-нибудь свѣтскаго хлыща такой лакомый кусокъ, какъ мое состояніе. Они хотятъ, убивъ наше чувство, разединить насъ и вернуть меня къ себѣ. Вотъ чего добивается вашъ свѣтъ. Но какъ-бы ни чернили, ни позорили меня, имъ не достигнуть своего. Я больше не дѣвчонка, балетная корифейка, умѣющая на разные лады говорить одно слово—люблю. Свѣтъ и сближеніе съ Колей сдѣлали изъ меня женщину, которая ничего не испугается, ни передъ чѣмъ не отступить, защищая свое чувство. Я люблю Колю всѣми силами души и сердца. Развѣ съ послѣднимъ вздохомъ они отнимутъ у меня эту любовь. Такъ вы и знай, те и скажите всѣмъ, всѣмъ! (Въ волненіи.) Больше мнѣ говорить нечего; меня волнуетъ не ожиданіе новаго избранника, а замѣтное охлажденіе ко мнѣ Чаганова, вслѣдствіе мерзостей свѣта... Я жду его, жду съ ранняго утра! (Пауза.) Теперь вы знаете все. Можете, если хотите, уходить отъ меня: ни удерживать, ни разувѣрять васъ я больше не хочу и не стану.

Лопыревъ. Теперь-то я и не уйду, если-бъ ты даже этого желала. Мнѣ стыдно, что я на старости лѣтъ усомнился въ тебѣ-увлекшись городской сплетней. Прости меня и забудь все, что я сказалъ. (Цѣлуетъ ее въ лобъ и щеки.) Вотъ, вотъ и вотъ доказательство, какъ я вѣрю тебѣ. Ты меня простила, да? Мы по-прежнему друзья? (Протягиваетъ руку.)

Крамолина (цѣлуя его руку.) Все забыто.

Лопыревъ. Хочешь ты послушать моего совѣта, чтобъ разомъ прекратить всѣ эти камеражы и непріятности? Ты позволишь мнѣ его дать?

Крамолина. Говорите, крестный, говорите.

Лопыревъ. Выходи за Чаганова замужъ.

Крамолина. Никогда, ни за что! Выдти замужъ для того, чтобы закрѣпить за собой его хладѣющую любовь, сдѣлать подневольнымъ свободное чувство, обратить его въ привычку и радоваться, что имѣешь законнаго мужа, который остается тебѣ вѣренъ только по обязанности, безъ участія сердца?—нѣтъ, такое мѣщанское счастье не по мнѣ... Да, наконецъ, мнѣ еще рано и унизительно дѣлать какіе-нибудь акты на любовь или покупть ее.

Лопыревъ. Что-жь дѣлать, если нѣтъ другого выхода? Развѣ лучше жить съ чувствомъ петли на шеѣ, переносить оскорбленія, терзаться, мучиться и, въ концѣ-концовъ, все-таки потерять любимаго человѣка?

Крамолина. Какъ потерять, почему?

Лопыревъ. Это неизбѣжно будетъ. Для Чаганова, человѣка честнаго, бѣднаго и притомъ самолюбиваго, нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ считать себя матеріально въ долгу у любимой женщины, особенно когда въ обществѣ ему этимъ колятъ глаза. Ранолі, поздно-ли, онъ не вынесетъ такого положенія и пожертвуетъ любовью общественному мнѣнію.

Крамолина (въ раздумьи.) Да... Онъ каждый разъ при свиданіи со мной твердитъ, что онъ матеріально мнѣ обязанъ, что это его мучить и что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока такъ или иначе не заплатитъ мнѣ всѣхъ денегъ, которыя бралъ въ продолженіи трехъ лѣтъ.

Лопыревъ. Вотъ видишь!.. Уже и охлажденіе началось.

Крамолина (перебивая.) То-есть какъ вамъ сказать... даже не охлажденіе. Онъ ласковъ, нѣженъ по-прежнему, но за порывомъ нѣжности явится вдругъ раздумье, точно что у него есть на душѣ и не хватаетъ силъ открыться мнѣ... Какъ-будто ему неловко со мной... словно онъ передо мной виноватъ.

Лопыревъ. Вотъ что! (Раздумываетъ, Крамолина ходитъ по комнатѣ.) Гмъ... Виноватъ... да! Ты убѣждена, что это единственная причина охлажденія, ты не подозрѣваешь никакого новаго увлеченія съ его стороны, а?

Крамолина. О, нѣтъ!.. Коля слишкомъ честенъ, чтобъ дѣлить свое чувство одновременно между двумя женщинами. Я его хорошо знаю.

Лопыревъ. Въ такомъ случаѣ одинъ выходъ — бракъ. Другого ничего я не могу придумать.

Крамолина (останавливаясь передъ столикомъ.) Я придумала. (Звонитъ.) Пусть будетъ по его... Такъ, отлично. (Садится.)

Лопыревъ. Что ты намѣрена дѣлать?

Крамолина. Увидите послѣ. (Вошедшему слугѣ.) Скажите швейцару, что я принимаю; кто-бы ни пріѣхалъ съ визитами—просить. Передайте Матренѣ Ивановнѣ, чтобы распорядилась накрывать столъ въ большой столовой, персонъ на двадцать... нѣтъ, на тридцать. Мѣжете идти. (По уходѣ слуги.) Теперь, крестный, я увѣрена, что вы останетесь обѣдать, хоть для того, чтобъ видѣть, какъ сегодня я разомъ положу конецъ нашимъ недоразумѣніямъ съ Колей и дамъ ему средство заставить молчать всѣхъ клеветниковъ и завистниковъ.

Лопыревъ. Я остаюсь, но все-таки сомнѣваюсь, чтобъ кромѣ замужества ты нашла какое-либо другое средство.

Крамолина. Вы мнѣ всегда твердили, что женщина тогда только и сильна, когда любить. (Весело.) Я люблю Колю, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ, и, повѣрьте, въ дѣлахъ сердца стужою одолѣть такія препятствія, какія остановили-бы любого мужчину.

Лопыревъ. Ой, не похвастай!

Слуга (войдя.) Госпожа Вермутская.

Крамолина. Просите сюда. (Слуга уходитъ.) Ее надо оставить обѣдать, она насъ позабавитъ пѣніемъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Вермутская.

Вермутская (разодѣтая въ пухъ и прахъ, съ двухъ-аршиннымъ шлейфомъ, быстро вбѣгаетъ.) Поздравляю тебя, душечка, съ днемъ ангела, желаю сто лѣтъ жизни, пудъ здоровья и кулъ червонцевъ. (Цѣлуются.) Ахъ, графъ, здравствуйте! (Протягиваетъ руку.) Гдѣ это вы пропадали столько времени; Грендоръ объ васъ плакала: безъ васъ некому было составить подписку на подарокъ въ ея бенефисъ и нынѣшній сезонъ она осталась на бѣбахъ. Откуда вы явились и гдѣ пропадали?

Лопыревъ. Только-что вернулся изъ Каира.

Вермутская. Ахъ, были за-границей. Ну, что, скажите, весело на этихъ водахъ?

Лопыревъ (изумленно.) На какихъ водахъ?

Вермутская. Ну, на этихъ, гдѣ вы были... На Каирскихъ.

Лопыревъ (покатываясь со смѣху.) Ха, ха, ха!.. На Каирскихъ водахъ, ха, ха, ха! Да вы, madame Вермутская, прелестны... Я готовъ разцѣловать ваши ручки, но отвѣтить на этотъ вопросъ не могу, потому что съ крокодилами незнакомъ и не знаю, весело-ли имъ на Каирскихъ водахъ, ха, ха, ха!

Вермутская. Ну, пожалуйста, не говорите чепухи. Я этого не люблю. (Подходить къ столу, гдѣ стоятъ бомбоньерки.) Конфекты, конфекты и конфекты!.. Слишкомъ много конфектъ и ни одного цѣннаго подарка... Это не приношеніе, а поношеніе, какъ сказалъ-бы, Люба, на твоемъ мѣстѣ Калхасъ, ха, ха, ха! Не правда-ли, графъ, я остроумна, а?

Лопыревъ. Повторяю, вы прелестны.

Вермутская. Вѣрно, баронъ Ганцбергъ, да? Ахъ, а прoros, чтобъ не забыть. Я многое должна передать тебѣ по секрету. (Крамолина значительно взглядываетъ на Лопырева, тотъ пожимаетъ плечами.) Такъ угадала, Ганцбергъ?

Крамолина. Ошиблась, и очень. Этотъ букетъ мнѣ привезъ одинъ изъ твоихъ поклонниковъ.

Вермутская. Кто-же, Карлѣвъ? (Крамолина качаетъ отрицательно головой.) Ахъ, Надрѣзковъ или Усиць-Усикинъ, эти два Аякса, какъ я ихъ прозвала. Они всегда и вездѣ вмѣстѣ. Не правда-ли графъ, я остроумно придумала имъ названіе—наши Аяксы, ха, ха, ха! Они?

Крамолина. Нѣтъ, не они. Кининъ привезъ букетъ.

Вермутская. Вотъ ка-а-къ!.. А мнѣ третьяго дня въ роли Ле-они не поднесъ, увѣрялъ, что нѣтъ порядочныхъ цвѣтовъ. Ну, хорошо, будете вы меня помнить. А вы, графъ, знаете Кинина? Онъ уже три мѣсяца у моихъ ногъ... да-съ... Вы объ насъ плохо не думайте!

Лопыревъ. Кто въ Петербургѣ не знаетъ Кинина, этого игрока и сердцеда? Онъ на короткой ногѣ со всѣми знаменитостями, начиная съ егаревской Альфонсины и кончая Андрюшкой, татириномъ изъ ресторана Дорота.

Вермутская. Да, это правда. У него бездна знакомыхъ. (Увидя ноты.) Что это?.. (Развертывая и читая.) Романсъ „Жажда весны“ (Напѣвая.) Какъ-разъ по моему голосу. Ахъ, какой восторгъ! Любочка, голубчикъ, подари мнѣ этотъ романсъ. Эту новинку Носогорскаго я первая спою въ концертѣ. Какъ это будетъ отлично—я первая!.. Подаришь?

Крамолина. Съ удовольствіемъ, если разрѣшить Носогорскій и если ты сейчасъ намъ пропоешь его здѣсь.

Вермутская (Графу.) Прошу аплодировать. (Вѣжитъ къ піанино.)

Крамолина (тихо Лопыреву.) Вы поняли? И у нихъ уже толкуютъ о Ганцбергѣ.

Лопыревъ. On raconte partout! Клевета, какъ эпидемія, проникаетъ и во дворцы, и въ кабаки. Что дѣлать! (Говорить это тихо.)

Вермутская (раскрывъ піанино и положивъ ноты.) Вниманіе! (Поетъ.)

Красавица поздней зимой
Голову къ окошку склонила,
И думала—Боже ты мой,
Скорѣй-бы весна приходила!
Въ चाहотѣ томится больной,

Что день, таять молодость, сила,
И все-то онъ бредитъ весной —
Скорѣй-бы весна приходила!

И вотъ прилетѣвшая вновь
Обоихъ весна наградила:
Одной—и цвѣты, и любовь,
Другому—цвѣты и могилы.

Крамолина. Bravo, bravo!.. Сколько экспресіи, души.

Вермутская. Такъ романсъ мой? (Цѣлуетъ Крамолину.) Хотя онъ и не въ моемъ жанрѣ, но я имъ произведу фуроръ, а главное—убью эту противную любительницу, княжну Ченгуличеву, которая вездѣ суется съ своимъ „Солнце садится“. Я не знаю, чѣмъ и какъ отблагодарить тебя за этотъ подарокъ.

Крамолина. Я тебѣ дарю, но безъ разрѣшенія и согласія Носогорскаго...

Вермутская. Еще-бы этотъ замарашка не согласился! Наконецъ, если заламается, мнѣ стоитъ сдѣлать глазки, пропѣть хорощенько, вотъ такъ напимѣрь (поетъ каскадно):

Всѣ мы жаждемъ любви,
Любовь—наша святиня...

Ну, и конечно, все къ моимъ ногамъ, ха, ха, ха! Правда, графъ?

Лопыревъ. Правда. Бываете-ли вы, madame Вермутская, когда-нибудь серьезны, задумчивы, молчаливы, а? (Встаетъ.)

Вермутская. Всегда, когда сплю, ха, ха, ха! Что, остроумно сказано? Что-жъ вы мнѣ не аплодировали за „Жажду весны“?

Лопыревъ. Не могъ. Въ то время, когда вы жаждали, я взалкалъ. (Къ Крамолиной.) Скажи мнѣ, ma charmante fille, у тебя прежній поварь, артистъ и мой другъ Данило Ефимычъ?

Крамолина. Все онъ-же. (Улыбаясь.) А что?

Лопыревъ. Чудесно!.. Ты мнѣ позволишь приказать твоему дворецкому принести изъ погреба бутылочку мутонъ-размильдь?

Крамолина. Что за вопросъ; здѣсь вы дома и все къ вашимъ услугамъ.

Лопыревъ. Parfaitement! (Смотритъ на часы.) Времени до объда не очень много—надо поспѣшить. (Идетъ.)

Вермутская (загораживая дорогу.) Куда вы, куда?.. Отвѣчайте... Не пущу, пока не скажете.

Лопыревъ. Пустите, пустите!.. Дѣло серьезное и спѣшное.

Вермутская. Не пущу... Говорите, куда такъ спѣшите?

Лопыревъ. На кухню съ визитомъ и съ бутылкой мутону на поклонъ къ моему другу и благодѣтелю, повару Данилѣ Ефимовичу.

Вермутская (хохочетъ.) Ха, ха, ха! Изъ будуара въ кухню, во

фражъ, съ двумя звѣздами,—милѣ! Что-же у васъ тамъ за серьезное дѣло?

Лопыревъ. Для меня всякій обѣдъ, безъ оригинальнаго, пикантнаго блюда, не въ обѣдъ. Когда вы жаждали, я взалеаль и мнѣ пришелъ на умъ шашлыкъ à la comte Lopireff, какой я собственно-ручно готовилъ въ Тифлисѣ для графа Багрятинскаго. Вотъ я и отправляюсь къ своему благодѣтелю на кухню, поклонюсь бутылочкой мутону, разопьемъ вмѣстѣ и вмѣстѣ-же смастеримъ это кушанье. Но что за блюдо! Ай-ай-ай! Просто à se lécher les doigts, ma parole d'honneur! (Идетъ къ лѣвымъ дверямъ.)

Вермутская. И это опъ называетъ серьезнымъ дѣломъ, ха, ха, ха!

Лопыревъ (останавливаясь у дверей.) Въ мои годы ничто не серьезно, кромѣ разстройства желудка. Надо хлопотать, чтобъ опъ постоянно находился въ вождельнномъ здравіи и блаженномъ состояніи. Au plaisir. (Уходитъ налѣво.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Вермутская, Крамолина и слуга.

Вермутская. Чудакъ, а въ молодости, должно быть, былъ очень пикантенъ. Въ немъ и теперь еще много вызывающаго.

Крамолина. Ну, теперь мы однѣ. Присядь да расскажи, что тебѣ нужно передать мнѣ по секрету.

Вермутская (садясь.) Ахъ, да... Удобная минута. Представь себѣ. Ты помнишь въ школѣ Катю Чиблисову, она поступила въ тотъ годъ, какъ мы выходили; черненькая такая, долговязая; мы ее еще „скаковой“ дразнили, помнишь?

Крамолина. Ну, помню.

Вермутская. Вообрази, она до сихъ поръ на шести стаяхъ оставалась, таланту никакого, ни кожи, ни рожи, и вдругъ теперь у ней карета, пара сѣрыхъ, бель-этажъ въ десять комнатъ, по пятицамъ журъ-фиксы съ ужинами. И какъ-бы ты думала, кто все это дѣлаетъ? Старикашка, банкиръ Трейлейзенъ,—каково счастье, а! Скаковая—и кого подцѣпила! На-дняхъ пріѣхала къ намъ въ театръ, разсѣлась въ бель-этажѣ. Я посмотрѣла со сцены — обмерла. Представь себѣ: платье фэй, ярко-зеленаго цвѣта, кружева points d'Alençon, изумруды въ ушахъ (показываетъ величину) — вотъ!

Крамолина. Представляю, представляю. Я боюсь, чтобъ кто-нибудь не пріѣхалъ, помѣшаютъ намъ... Рассказывай поскорѣй, а то тутъ при чемъ?

Вермутская. Да, да, точно... могут помѣшать. Приѣхала я къ ней въ прошлую пятницу—гостей пропасть. Конечно, тутъ были мои Аяксы, Кининъ, Прихвосневъ, двѣ балетныхъ, рецензентъ Пильпортъ, что прославляетъ „скаковую“ въ газетѣ, бездна военныхъ. Плясали, пѣли, играли въ стуколку, дурачились... Ужасъ какъ было весело! Ужинать сѣли въ два часа. Ужинъ былъ — восторгъ. Вообрази, стерляди чуть не по аршину, свѣжая спаржа тюрбо, земляника, шампанское лилось рѣкой...

Крамолина. Право, вамъ могутъ помѣшать. (Нетерпѣливо.) Говори обо мнѣ-то.

Вермутская. Ахъ, pardon, pardon. Вотъ только за ужиномъ подпили, началось вранье. Вдругъ Дородный, что за нашей Лечнойкой ухаживалъ, объявляетъ самую свѣжую новость, будто ты Чаганова—à la porte и занялась барономъ Ганцбергомъ. Представь, а?.. Каково!

Крамолина. Ну, и дальше?

Вермутская. Сначала всё изумились, стали-было спорить, я первая начала горячиться, говорила, что все это вздоръ, что если-бъ ты разошлась съ Чагановымъ, то могла-бы выбрать любого красавца съ положеніемъ, а не увлеклась-бы какимъ-нибудь жидомъ. Вѣдь правда, Люба, а?.. Жидъ... фи! Мнѣ такъ и кажется, что отъ всякаго жида, будь онъ хоть свѣтлѣйшій, непременно должно пахнуть чеснокомъ. Тутъ всё на меня набросились, говорили, что для тебя Ганцбергъ—находка, что ты сама простая мѣщанка; начался крикъ, гамъ. Только представь, что этотъ противный Дородный осмѣлился мнѣ сказать? Что я въ дѣлахъ любви ровно ничего не понимаю. Я-то не понимаю! вообрази!.. И что женщина, полюбившая рагвечи, какъ Чагановъ, кончитъ непременно акробатомъ. Тутъ ужъ всё захохотали, какъ сумасшедшіе. Ты понимаешь, что это значить—кончить акробатомъ?

Крамолина. Понимаю. (Стукъ во входную дверь.) Войдите!

Слуга. Господинъ Дородный. (Останавливается у дверей.)

Вермутская. Легко на поминѣ.

Крамолина. Скажите, что извиняюсь, не могу принять—сейчасъ ѣду въ циркъ, на репетицію къ акробатамъ. Поняли? (Слуга кланяется.) Ступайте. (Слуга уходитъ.)

Вермутская. Боже мой, что ты сдѣлала?!.. Дородный догадается, что я тебѣ передала, онъ способенъ мнѣ скандалъ устроить.

Крамолина. Не бойся, онъ говорилъ не при одной тебѣ, а пріятелей, которые любятъ передавать неприятное, у меня очень много. Я съумѣю тебя оградить отъ всякаго подозрѣнія.

Вермутская. Пожалуйста, не выдай. Я его боюсь.

Крамоллина. Будь покойна. Этихъ хлыщей надо учить. Ты, конечно, обѣдаешь у меня?

Вермутская я. Непремѣнно. Я сегодня не занята, но мнѣ надо съѣздить къ себѣ домой. Ахъ, ты не знаешь, я больше не ѣзжу въ казенной каретѣ, — свою завела, лошади мѣсячныя. Да-а-съ, не однѣмъ вашимъ балетнымъ въ собственныхъ экипажахъ разъѣзжать. Я заболталась, а мнѣ пора домой — я думаю, закройщица отъ Андрее уже принесла новое платье и ждетъ меня примѣрять. Ну, до свиданія, голубчикъ; еще разъ мерси! Черезъ полчаса, а много черезъ три четверти я вернусь и буду обѣдать у тебя. (Цѣлуетъ и идетъ ко входнымъ дверямъ.) Ахъ, я и забыла сообщить тебѣ мою новость. (Быстро возвращается.) Но это мой большой секретъ. Поздравь меня съ побѣдой, да еще съ какой! Въ меня втюрился по сяхъ поръ... (показываетъ на макушку головы) ты и вообразить себѣ не можешь, кто... самъ графъ Григорій, ей-богу! Ухаживаетъ какъ юнкершка, на театральномъ подѣздѣ ждетъ, право!.. Но я — ни-ни-ни! Надо подольше помучить, взять въ лапки, чтобъ не скоро вывернулся. Если-бъ ты видѣла, какъ влюбленъ! Та-еть, таеть... просто вотъ такъ и таеть. Ну, adieu, machère! (Цѣлуетъ и быстро уходитъ, слегка припрыгивая и напѣвая):

Ахъ, Боже мой, какъ всѣ мужчины глупы...

Крамоллина (смотря ей вслѣдъ, одна.) Весела, счастлива, довольна собой. Чего-же больше? Отчего я не могу сдѣлаться такой?.. Нѣтъ, лучше не жить, если можно удовлетворяться побѣдой надъ какимъ-нибудь графомъ Григоріемъ. (Пауза. Задумчиво.) Кончить акробатомъ!.. Сплетничайте, клеветайте, позорьте меня, а вамъ не удастся отнять у меня Колю... А его все еще нѣтъ... и нѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Крамоллина и Кокуркина.

Кокуркина (проходя мимо Крамолиной изъ правыхъ дверей.) Къ малому подѣзду подѣхали. (Медленно идетъ къ лѣвымъ дверямъ.)

Крамоллина. Что такое вы пробунчали себѣ подъ носъ?

Кокуркина. Не пробунчала, а сказала. (Останавливается.)

Крамоллина. Что сказали и кому?

Кокуркина. Сказала вамъ. Подѣхали.

Крамоллина. Кто подѣхали?.. Куда подѣхали?

Кокуркина. Къ малому подѣзду подѣхали.

Крамоллина. Да кто?

Кокуркина. Если говорю: къ малому подъѣзду, значить Николай Петровичъ.

Крамолина (радно.) Ахъ, Коля! (Дѣлаетъ движеніе къ дверямъ и, опомнясь, останавливается.) Напрасно вы принимаете на себя лакейскія обязанности. Ну, чего-же вы стоите? Чего еще ждете? Уходите!

Кокуркина (злобно, ей въ тонъ.) Ухожу-съ... ухожу. (Уходитъ налѣво.)

Крамолина (одна.) Какъ сердце бьется... Я вся дрожу... Что бы взять въ руки?.. А-а, вотъ. (Беретъ томъ сочиненій Лопырева, переходитъ налѣво и садится на кресло, дѣлая видъ, что погружена въ чтеніе. Посмотрѣвъ на правую дверь черезъ плечо, не поворачивая головы.) Онъ?.. Да, онъ! (Опускаетъ глаза въ книгу.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Крамолина, Чагановъ и слуга.

Чагановъ (выходя изъ правыхъ дверей съ кабинетнымъ портретомъ, отдѣланнымъ въ глухой футляръ.) Любовь Михайловна! (Осмотрѣвшись кругомъ.) Ты одна? (Подходить. Цѣлуетъ руку, потомъ въ губы.) Здравствуй, Любочка, поздравляю, тебя. Прости, что опоздалъ, меня задержали. (Крамолина безстрастно принимаетъ поцѣлуи.) Что съ тобой?.. Ты здорова?

Крамолина. Благодарю васъ, здорова.

Чагановъ. Ты сердисься?.. Увѣрю тебя, что раньше никакъ не могъ пріѣхать. (Садится возлѣ нея.)

Крамолина. Напрасно увѣряете, я не сомнѣваюсь.

Чагановъ. Что значить этотъ тонъ?.. Разговоръ на вы! (Осматривается.) Кажется, мы здѣсь одни?

Крамолина (не отрывая глазъ отъ книги.) Совершенно одни.

Чагановъ. Ну, полно притворяться сердитой, меня задержали въ клиникѣ, раньше не могъ отдѣлаться.

Крамолина. Старая пѣсня!.. Я давно ее слышу.

Чагановъ. Если ты будешь дуться, я уѣду.

Крамолина. Уѣзжайте съ Богомъ, никто васъ не держитъ. Я привыкла къ этому; въ послѣднее время чуть не по недѣлямъ не вижу васъ.

Чагановъ. Не могу-же я...

Крамолина (перебивая.) Скажите лучше: не хочу я сидѣть съ тобой, мнѣ у тебя скучно, ты мнѣ надоѣла.

Чагановъ. Чѣмъ-же я это доказалъ? Каждую свободную минуту я посвящаю тебѣ.

Крамолина. Минѣ мало минуты. Три-четыре дня не бываетъ, а потомъ прїѣдетъ на минуту. День проходитъ—нѣтъ, другой—нѣтъ, третій... Это ужасно!. Наконецъ, прїѣдетъ... Вотъ, думаешь, посидить, расскажеть что-нибудь, почитаемъ вмѣстѣ, какъ бывало прежде... Смотришь, выкурилъ папиросу и—слѣдъ его простылъ! Вѣдь я вижу, что я вамъ въ тягость, вы принуждаете себя, вамъ неловко и скучно со мной. Я все... все вижу, Николай Петровичъ.

Чагановъ. И очень ошибаешься. Я ѣхалъ къ тебѣ счастливый, что могу сегодня пробить подольше... и вотъ какая встрѣча!.. Я-бы прїѣхалъ сюда ранѣе, если-бъ не задержалъ подарковъ. Переплетчикъ не приготовилъ къ сроку, я долженъ былъ самъ отправиться въ мастерскую и просидѣть тамъ битыхъ полтора часа, пока оканчивали отдѣлку рамки и футляра, а съ пустыми руками въ день твоего ангела не хотѣлось явиться... Ну, и поломалъ-же я себѣ голову надъ тѣмъ, что-бы такое подарить тебѣ, чтобъ ты осталась довольна... Наконецъ, придумалъ. (Развернувъ и раскрывъ футляръ, подаетъ.) Надѣюсь, ты довольна?

Крамолина (взглянувъ, быстро.) Вашъ портретъ?

Чагановъ. Да, мой портретъ. Вѣдь ты давно желала имѣть такой, какого ни у кого нѣтъ; а этотъ именно такой, другого экземпляра нельзя получить, потому что стекло послѣ перваго оттиска я собственноручно разбилъ. (Подаетъ портретъ.)

Крамолина. Да, прежде я хотѣла имѣть, теперь не надо... (Отстраняетъ портретъ.) Не возьму.

Чагановъ. Да отчего-же?.. Что за причина?

Крамолина. Портреты отъ тѣхъ, кто намѣренъ умышленно насъ покинуть, не берутъ.

Чагацовъ. Что за вздоръ!.. Какъ умышленно покинуть?.. Я тутъ ровно ничего не понимаю... Полно дурачиться, возьми!

Крамолина. Нѣтъ, нѣтъ. Я не возьму портрета... Говорятъ, что если накануне разлуки взять портретъ, то никогда уже не увидишь того лица, чей портретъ взять. А что-бы ни случилось, я хочю и буду видѣть васъ.

Чагановъ. Послушай, Люба, я тебя не понимаю и объяснить сегодняшняго твоего поведения относительно меня не могу. Опять, видно, друзья наши пустили въ ходъ какую-нибудь сплетню или клевету?

Крамолина. Въ обществѣ толкуютъ, что я бросила Чаганова и замѣнила его барономъ Ганцбергомъ, а мое предчувствіе говорить, что Чагановъ замыслилъ покинуть меня окончательно, а кѣмъ замѣнить—пока еще мнѣ неизвѣстно; потому-то я и не беру его портрета.

Чагановъ (смутясь.) Что за нелѣпости! Предчувствіе... и ты вѣришь этому... не стыдно тебѣ?

Крамоліна (пытливо.) Ну, а если , кромѣ предчувствія есть и факты?

Чагановъ (теряясь еще болѣе.) Что-о?... факты?.. Какіе факты, гдѣ они?.. уважи, объясни.

Крамоліна. Начнемъ съ того, что вы неизвѣстно гдѣ пропадаете всѣ дни и возвращаетесь домой только поздней ночью... Дома не обѣдаете, ѣздите на извозикѣ, имѣя своихъ лошадей, и наконецъ... (Умолкаетъ.)

Чагановъ. Ну, договаривай-же и наконецъ!

Крамоліна. Есть много кой-чего, о чемъ я до времени умолчу... Ну, ваше охлажденіе, напримѣръ... и... (Не договариваетъ.)

Чагановъ. О, я теперь понимаю!.. Вы опять начали подсылать сыщиковъ и шпионовъ въ мою квартиру, чтобъ вывѣдывать отъ прислуги. Вы мнѣ обѣщали, что этого не будетъ, и снова принялись за фискальство. Гдѣ-же ваше слово и уваженіе ко мнѣ? И васъ удивляетъ, что привязанность моя къ вамъ уменьшается, что я сталъ рѣже бывать у васъ! Да вѣдь моя жизнь хуже каторжника. Дома—тайное фискальство, секретные доносы и разспросы у прислуги; въ обществѣ на меня указываютъ пальцами, какъ на камелію во фракѣ; наконецъ, я не нахожу спокойствія и отрады въ своемъ внутреннемъ мірѣ, въ самомъ себѣ. Деньги, перебранныя у васъ, лежатъ у меня камнемъ на совѣсти. Пойметъ-ли кто, что этотъ долгъ сдѣланъ по неопытности, по молодости, по бѣдности? Я, какъ преступникъ, какъ воръ, принужденъ опускать глаза передъ всякимъ свѣтскимъ пошлякомъ и нахаломъ, когда онъ дѣлаетъ весьма прозрачныя намеки на это. Въ инныя минуты я самъ становлюсь себѣ гадокомъ, убѣжалъ-бы на край свѣта отъ своего собственнаго я, а вы хотите, чтобы чувство не охлаждалось, чтобъ я продолжалъ бывать у васъ какъ можно чаще и продолжалъ афишировать по-прежнему свои отношенія къ вамъ! Поймите—я больше не студентъ, а общественный дѣятель, для меня важна репутація, а ее ошибками не составишь; вѣдь въ добромъ имени лежитъ все мое будущее. Я васъ умоляю: облегчите мою душу, снимите гнѣть съ моей совѣсти, дайте возможность примириться хоть съ самимъ собой,—каждое свиданіе прошу, возьмите съ меня обязательства, векселя на сумму перебранныхъ у васъ денегъ... Вы упорно отказываетесь и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваете мои страданія этимъ фискальствомъ, недоувѣріемъ и сценами въ родѣ сегодняшней. (Закрываетъ лицо руками.) Это мученье, пытка, несчастіе! (Послѣ паузы, сильно.) Нѣтъ силъ больше! Я, какъ честный человѣкъ, долженъ, на-

конецъ, вамъ сказать: пока вы не возьмете съ меня вееселей, наши прежнія отношенія не возстановятся.

Крамолина. Я ихъ не возьму.

Чагановъ. А, въ такомъ случаѣ мнѣ остается бросить все—занятія, Петербургъ, васъ, и уѣхать куда-нибудь въ глушь, въ провинцію, на край свѣта, чтобъ не видѣть и не слышать всего, что я здѣсь вижу и слышу. Это я сдѣлаю, даю вамъ слово, клянусь моею честью.

Крамолина. И вы рѣшитесь меня бросить, вамъ это—ничего?

Чагановъ. Не ничего!.. Я одну пытку замѣню другой. Но то, что я теперь выношу, невыносимо... у меня нѣтъ болѣе силъ.

Крамолина (порывисто бросаясь къ нему на шею.) Радость моя, Коля, счастье мое!.. Вѣдь ты не охладѣлъ ко мнѣ, сердце твое по-прежнему всецѣло мое?.. Ты не разлюбилъ свою Любушку, скажи мнѣ, поклянись!

Чагановъ (потупя глаза.) Люба, милая, вѣдь это—ребячество... это экзальтація. (Цѣлуетъ ее въ щеку.)

Крамолина. У тебя не добро на умѣ—признайся лучше.

Чагановъ. Полно-же, Люба, ты...

Крамолина (прерывая его.) Постой, скажи мнѣ—ты меня любишь?

Чагановъ. Люблю, люблю.

Крамолина. Тебѣ, вѣрно, нравится другая?

Чагановъ. Какой вздоръ!

Крамолина. Ты влюбленъ въ какую-нибудь современную, развиту дѣвушку?.. Да? Признайся!

Чагановъ. Перестань, Люба!.. Что за фантазия?

Крамолина. Она, вѣрно, красивѣе, умнѣе, образованнѣе меня... моложе? Да, Коля?.. Не правда-ли?

Чагановъ. Съ чего ты это берешь?

Крамолина. Ужъ куда намъ, твоимъ ученицамъ, тягаться съ современными дѣвушками... Ну, да!.. Что-же?.. Бросай меня, бросай! Но помни, Коля, и знай, если ты меня повинешь, забудешь, насмѣешься надо мной... я погублю и тебя, и себя... Клянусь тебѣ всѣмъ, что мнѣ дорого и свято!

Чагановъ (въ сторону.) Вотъ положеніе-то! (Молчаніе.)

Крамолина (посмотрѣвъ на него.) Что-же ты молчишь?

Чагановъ. Что-же я скажу?.. Я тебя слушаю... твой бредъ, твою горячку.

Крамолина. Ты меня любишь?.. Ты неспособенъ это сдѣлать, Коля?

Чагановъ. Я, кажется... не подавалъ повода сомнѣваться... въ моей честности, Любушка.

Крамолина. О, нѣтъ, нѣтъ... Боже избави! (Обнимаетъ его. Я вѣдь не могу жить безъ тебя... Ни свѣтъ, ни богатство, ни самая жизнь безъ тебя мнѣ не нужны. Можетъ, моя безумная любовь къ тебѣ будетъ моимъ несчастіемъ, но она останется при мнѣ, пока будетъ биться мое сердце... Прости меня, что я разузнавала о тебѣ... Дѣлай, что хочешь, приказывай мнѣ, только не покидай меня, выбрось изъ головы мысль о разлукѣ... Не оставляй меня! (Обнимаетъ и цѣлуетъ его страстно.)

Чагановъ (Оживленно.) Такъ ты согласна взять съ меня векселя?

Крамолина. Да развѣ я могу въ чемъ-нибудь отказать тебѣ, милый мой, дорогой, хорошій!

Чагановъ. Благодарю, Любушка, ты меня снова воскресила снова сдѣлала человѣкомъ... Я, признаться, ѣхалъ сюда, чтобъ окончательно порѣшнить съ этимъ вопросомъ... Откровенно скажу, если-бъ ты не согласилась, я завтра-же уѣхалъ-бы изъ Петербурга, куда глаза глядятъ.

Крамолина (любовно-страстно смотритъ ему въ глаза.) И ты-бы уѣхалъ, бросилъ меня? (Чагановъ опускаетъ глаза.) То-то, потупился, а я-то на что? Да развѣ я отпустила-бы тебя... не нашла-бы тебя?.. На двѣ морскомъ я нашла-бы мое сокровище. Не отдамъ я тебя никому! никогда, ни за что!

Чагановъ. Вотъ что, Люба,—хорошее дѣло не надо откладывать; сегодня у насъ долженъ быть полный праздникъ. Я сейчасъ съѣзжу къ нотаріусу, явлю векселя, а ты тѣмъ временемъ приготовь росписку,—помнишь, какъ я тебѣ говорилъ? Этой запиской я замажу ротъ всѣмъ моимъ врагамъ и завистникамъ.

Крамолина. Отлично. Милый мой, какъ онъ ожил!.. Глаза блестятъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался... Ты возвращайся поскорѣй, только какъ-же?.. Я безъ тебя не сумѣю написать... Вотъ что лучше: ты мнѣ продиктуй, я при тебѣ въ одну минуту и напишу, а то, пожалуй, помѣшаютъ, будутъ съѣзжаться объѣдать. Мнѣ хочется, чтобъ ты оставался цѣлый день сегодня такимъ сияющимъ, довольнымъ... Такъ писать, ты продиктуешь?

Чагановъ. Отлично, садись къ бюро.

Крамолина (раскрывъ бюро и приготовясь писать, садится.) Говори, что надо писать, я готова.

Чагановъ. Годъ, число, мѣсяцъ. „Я нижеподписавшаяся получила отъ титулярнаго совѣтника Николая Петровича Чаганова за занятія имъ у меня наличными деньгами пятнадцать тысячъ ру-

блей серебромъ. три векселя, по пятн тысяч рублей каждый. Вдова тайнаго совѣтника Любовь Михайловна Крамолина“.

Крамолина. Все запомнила, до словечка. Теперь молчи, не мѣшай и не смотри. (Пишетъ.)

Чагановъ (отходя и посмотрѣвъ на нее.) Бѣдная, какъ она любить меня, какъ вѣрить мнѣ, а я... Зачѣмъ тянуть, откладывать? Сказать все на-чистоту, кончить все разомъ? А какъ-же тамъ?.. Безъ росписки... безъ векселей?! Пусть лучше узнаетъ, когда вернуться будетъ невозможно... Но вѣдь это недостатокъ воли, слабохарактерность, двоедушие!.. (Дѣлаетъ къ ней движеніе. Нерѣшительно.) Люба!

Крамолина. Ахъ, погоди, молчи, не мѣшай,—собьешь. (Читаетъ вполголоса написанное.) У титулярнаго совѣтника...

Чагановъ (отходя, про себя.) Нѣтъ, лучше послѣ!.. Подлаго тутъ ничего нѣтъ. Люба ее, я не давалъ никакихъ вѣтвъ. По векселямъ я уплачу деньги,—мы будемъ квитъ... Сердцу не прикажешь полюбить и разлюбить. Мой поступокъ честный, безкорыстный,—я не бѣгу какъ воръ, не беру отъ нея ничего; а чувство свободно!.. Не скажу ей пока ничего, а послѣ... Что-жь, останусь ей другомъ, братомъ!.. Иначе все погбло,—она не пощадитъ ни себя, ни меня. Будь, что будетъ!

Крамолина (переставая писать.) Вотъ и кончила. (Встаетъ и подаетъ записку.) Смотри, такъ-ли?

Чагановъ. Такъ, совершенно такъ. Возьми-же записку, спрячь; я сейчасъ привезу векселя, тогда и размѣняемся.

Крамолина. Не все-ли равно, что ты теперь возьмешь, что послѣ; положи къ себѣ въ бумажникъ и дѣлу конецъ. (Подаетъ, Чагановъ кладетъ росписку въ бумажникъ.) Ну, поѣзжай-же и возвращайся скорѣй!.. Мнѣ надо переодѣться къ обѣду... (Ставитъ портретъ на бюро.) А этого я вамъ не отдамъ ни за что... Теперь мнѣ не страшна примѣта. Когда не будетъ на лицо оригинала, стану любоваться копией.

Чагановъ (порывисто подходя, беретъ ее за руку.) Люба, ну что, если я... (Стукъ въ лѣвую дверь. Оставляя руку, въ сторону.) И тутъ не удалось сказать... Видно, не судьба! Прости, дружокъ, стучать, я ухожу. (Цѣлуетъ Крамолину и идетъ въ правую дверь.)

Крамолина (тихо ему вслѣдъ.) Пріѣжай скорѣй... милый! (По его уходѣ, громко.) Войдите.

Слуга (входя.) Господинъ Слетышевъ.

Крамолина. Доложите Матренѣ Ивановнѣ, что я прошу ее занять Сергѣя Ильича, пока переодѣнусь къ столу. Пусть придутъ сюда. (Слуга уходитъ.) Я его подозрѣвала, оскорбляла... (Смотритъ на портретъ.) Какія осмысленныя черты лица, сколько прав-

ды, нѣжности, ума въ этихъ глазахъ... За то онъ теперь покоенъ, и я счастлива... Что-жь это я?.. Пора одѣться. (Уходитъ направо.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Слетышевъ, Кокуркина и слуга.

Слетышевъ (во фракѣ, съ букетомъ въ рукахъ.) Такъ поступать!.. Это ужасно, это возмутительно!

Кокуркина (дергая его за рукавъ, прикладываетъ палецъ къ губамъ и подмигиваетъ, кивая головой на лѣвую дверь, тихо.) Тс-с-с, нѣтъ ли тамъ кого? (Громко.) Погода довольно пріятная, даже вообразить себѣ нельзя, что сегодня 17 сентября, точно юль мѣсяцъ, хоть въ лѣтнемъ платьѣ гуляй!.. Прошу покорно, садитесь. Любовь Михайловна сейчасъ выйдутъ, только переодѣнутся къ обѣду. (Говоря эти фразы, подходит на цыпочкахъ къ лѣвымъ дверямъ и заглядываетъ черезъ нихъ въ сосѣднія комнаты.) Никого нѣтъ! (Притворяетъ плотно обѣ двери.) Видно, все прикончено... поссорились нена шутку... Должно быть, уѣхалъ. (Подходитъ къ окну.) Такъ и есть. Вонъ стоитъ на маленькомъ подъѣздѣ... Кличетъ извозчика... сѣлъ... потащились. Ну, съ Богомъ, путь-дорога, бывайте почаще, безъ васъ веселѣй! (Отходитъ отъ окна и садится рядомъ съ Слетышевымъ.) Какъ разбираетъ меня антепатея къ этому Чаганову—и выразить не могу. Не подумайте, что изъ какого-нибудь расчетливаго интереса—нѣтъ, отъ всего денежнаго я даже слишкомъ далека; во мнѣ дѣйствуетъ одна женская чувствительность и преданность къ сестрицѣ.

Слетышевъ. Да, такое идеальное чувство къ сестрѣ, такое безкорыстіе, какое обнаруживаете вы по отношенію Любови Михайловны, мнѣ приходится видѣть въ первый разъ въ жизни. Говорю отъ чистаго сердца, безъ лести: я васъ глубоко уважаю за это. (Протягиваетъ руку.)

Кокуркина (пожимая руку.) Мирси вамъ. Нынче рѣдко можно встрѣтить въ мужчинѣ деликатность въ обращеніи, нѣжность въ сердечныхъ поступкахъ и пріятное обхожденіе; у всѣхъ въ сердцахъ жестокость, а въ натурахъ безчувственность и вѣтреность. Хоть-бы взять того-же Чаганова. Осчастливили его сверхъ всякаго воображенія, какое онъ могъ въ головѣ имѣть, однимъ словомъ, предоставили ему всѣ аристократическія преимущества въ жизни, и напоследокъ что-же оказывается? Низкій обманъ, и того не болѣе... Одна полная измѣна въ его сердечныхъ чувствахъ, да-а!

Слетышевъ. Что говорить, — человекъ безъ сердца, безъ правль...

Кокуркина (подхватывая.) А гордости въ немъ, кажется, на двухъ-бы генераловъ хватило съ остаткомъ. Держить себя со мной въ строгой отдаленности, какъ значительный фон-баронъ какой, руку подаетъ съ пренебрегательствомъ и показываетъ видъ, какъ-бы я въ домъ сестрицы содержусь изъ милости, какъ послѣдняя ничтожная прѣживалка. Во всѣ три года я отъ него не только какого подарка не видала, но даже онъ ничѣмъ ко мнѣ свою внимательность не оказалъ...

Слетышевъ. Неблагодарность поразительная! Скажите, неужели на Любовь Михайловну не подѣйствовало все то, что вы ей сообщили сегодня, послѣ поѣздки вашей къ Чаганову?

Кокуркина. Напротивъ, даже очень много подѣйствовало. Конечно, изъ самолюбія сестрица старалась въ себѣ все это побороть; виду не показала, какъ это поразительно ихъ чувствамъ, однако на послѣдокъ не могла и впала въ полную сердечную отчаянность.

Слетышевъ (съ притворнымъ чувствомъ.) О, Боже мой!.. И столько терзаній переносить эта святая женщина изъ-за недостойнаго человека! Если-бъ я встрѣтилъ въ ней сотую долю той привязанности, какую она питаетъ къ Чаганову, я бы всю жизнь посвятилъ ей, холилъ-бы ее, дѣлѣялъ, охранялъ какъ сокровище и поклонялся-бы ей какъ святынь, какъ божеству. Вдумайтесь только въ мое чувство къ ней, о которомъ она и не подозреваетъ. Вы знаете, послѣ смерти Глѣба Давыдовича я веду всѣ ея дѣла; каждый ея грошъ для меня дороже собственныхъ тысячъ; я не досыпаю, не доѣдаю, мыкаюсь цѣлые дни какъ угорѣлый, отъ мирового въ окружный, изъ окружнаго въ палату, изъ палаты въ сенатъ. И изъ-за чего? Все только изъ того, чтобъ не допустить се до малѣйшихъ хлопотъ, неприятностей, огорченій. Я не нахожу словъ, чтобъ высказать вамъ, что я переживаю теперь, какъ я страдаю, какія адскія муки переношу! (Ходитъ какъ-бы въ отчаяніи.)

Кокуркина. На меня вамъ, Сергѣй Ильичъ, нельзя претендовать, я все дѣлаю, что отъ меня въ зависимости... Ссора за ссорой идутъ промежъ ними теперь постоянно. Я только удивляюсь, зная всѣ ваши возвышенныя чувства и пламенные страданія, какъ вы не объясните Любви Михайловнѣ всевозможныя низкости поступковъ Чаганова.

Слетышевъ. Не могу, любовь слѣпа. Мое чувство ей можетъ показаться совсѣмъ не тѣмъ, что оно есть. Любовь Михайловна можетъ заподозрѣть въ этомъ съ моей стороны желаніе подставить

пожку Чаганову. Это может насъ посорить, я принужденъ буду съ ней разстаться на-всегда, а безъ нея нѣтъ мнѣ жизни. Такъ рисковать я не рѣшусь, у меня не хватаетъ смѣлости.

Кокуркина. Какая, право, въ васъ нерѣшительность и робость, даже совсѣмъ женская. Конечно, я дѣвица, но все-таки могу судить о чувствахъ въ нашемъ женскомъ родѣ. Нашъ женскій родъ ужасно не любитъ несмѣлыхъ мужчиновъ; робость въ мужчинѣ отнимаетъ для сердца всякую завлекательность, потому мужчина во всѣхъ случаяхъ долженъ быть неустрашимый и побѣдоносный орелъ, чтобъ отъ него женское сердце трепетало.

Слетышевъ. Нѣтъ, нѣтъ. Тутъ смѣлостью ничего не подѣлаешь; въ этой игрѣ самый вѣрный козырь—терпѣніе. Надо ждать и выждать.

Кокуркина. Превосходное разсужденіе! Ждать, чтобъ другой свое сердце открылъ Любови Михайловнѣ и она оказала ему сочувственность!

Слетышевъ (поспѣшно и тревожно.) Какъ другой?.. Развѣ есть кто-нибудь?.. Неужели?! Ради Бога, скажите, не мучьте меня... Вы знаете мое расположеніе къ вамъ, мою готовность служить вамъ.. Кто-же это другой, кто?

Кокуркина (съ улыбкой.) А вы тоже слово свое держите крѣпко! Вы позабыли наше паре, а? ха, ха, ха!

Слетышевъ. Ахъ, виновать, позабылъ отдать. (Вынимаетъ бумажникъ и достаетъ изъ него запечатанный конвертъ.) Ыдучи сюда, приготовилъ и запечаталъ даже въ конвертъ. Вотъ получите; тутъ ровно сто рублей. (Подаетъ. Въ сторону.) Таки не забыла, шельма!

Кокуркина (отстраняя отъ себя и поглядывая на правую дверь, опасливо.) Ахъ, что вы, Сергѣй Ильичъ, что вы!.. я пошутила... Это вы напрасно... Вы можете обо мнѣ подумать, какъ объ самой низкой антересанкѣ... Мнѣ, право, совѣстно...

Слетышевъ. Совѣститься тутъ нечего; я держалъ съ вами пари, что ссоры не будетъ, проигралъ—и вы должны взять, если не желаете обидѣть меня. Берите, берите!

Кокуркина. Мирси вамъ, но... право, все это такъ странно... (Беретъ и прячетъ въ карманъ.) Конечно, пари, но все-таки... (Прежнимъ тономъ.) Нѣтъ, видите... Баронъ Ганцбергъ очень прельщенъ сестрицей и ищутъ ихъ вниманія; даже со мной познакомился и горы сулитъ.

Слетышевъ. Жидъ, налгецъ!.. Какая дерзость!.. Отецъ весь вѣкъ отравлялъ водкой народъ, нажилъ миліоны, купилъ баронство, а сынокъ мечтаетъ на папенькины деньги купить сердце женщины... Пархъ!.. Да этотъ мнѣ не соперникъ, не страшень.

Кокуркина. Не скажите этого... Когда женщина совсѣмъ посорится съ предметомъ своей любви, она въ отмщенье ему готова свой сердечный капризъ Богъ знаетъ на комъ сорвать.

Слетышевъ. Вы думаете, что эта ссора такъ серьезна, что послѣ нея примиреніе немислимо? Теперь ужь окончательный разрывъ?

Кокуркина. Конечно, Сергѣй Ильичъ, я большую подозрительность насчетъ Чаганова устроила у сестрицы, даже могу сказать—поколебала ее, но все это безъ доказательствъ.

Слетышевъ. А если они есть... если я ихъ представляю, что тогда будетъ?

Кокуркина. Ну, а вы представите—вы орломъ побѣдоноснымъ и будете, заберете все въ свои руки цѣликомъ, отсчитаете мнѣ, по условію, пять тысячъ,—только всего и будетъ. Эй, не упускайте такого случая, спохватитесь, да ужь поздно будетъ!.. Идти-было къ графу-то... (Уходя.) Эй, не робѣйте! Смѣлость, говорятъ, города беретъ. (Уходить.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Слетышевъ.

Слетышевъ (стоя на одномъ мѣстѣ, послѣ молчанія прищелкиваетъ пальцами.) А вѣдь вѣдьма-то права. Такая женщина, какъ эта вдовушка, можетъ простить мужчинѣ все въ мірѣ, все, кромѣ обманутой любви. Рискнуть или выждать? Затруднительное положеніе! Прогорю на рискѣ—теряю кліентуру у Крамолиной, это значить—полторы тысячи годовыхъ, сумма въ моемъ положеніи нелишняя. Выждать?.. Чего, зачѣмъ? Поссорились, какъ говорится, не на животъ, а на смерть. Теперь самый разъ поудить въ мутной водѣ! А оборвусь?.. Что дѣлать, на что рѣшиться?.. Вотъ оно гамлетовское: to be, or not to be. Старая истина, если женщина любила мужчину, то послѣ ссоры, помирившись, полюбитъ вдвое... Выждать—помиряты несомнѣнно; тогда Богъ знаетъ, когда дождешься такого подходящаго случая! (Ходить въ раздумьи и останавливаясь.) Вѣдь родятся-же такіе неудачники, какъ я! Въ школу правосѣднія отдали: не дотянулъ до конца—выгнали; въ университетѣ не по вкусу пришлось—самъ себя уволилъ; махнулъ въ гусары, благо отецъ умеръ и оставилъ состояніе—въ два года спустилъ въ картишки все, не исключая парадера и послѣдняго подѣзда; по недостаточности средствъ долженъ былъ надѣть вмѣсто ментика фракъ; пріютился въ акцизѣ—за какіе-то глухие градусы чуть

подъ судъ не ухлопали, наслу ноги уволокъ. Вдругъ судебная реформа, гласное судопроизводство! Я вышелъ на новый путь, явился защитникомъ сирыхъ и угнетенныхъ... Повезло! Началъ-было уже куски рвать, приобрѣлъ пару рысаковъ... хотя и съ запаломъ, но все-таки рысаковъ... Въ самый развалъ дѣятельности—трах! новый законъ. Держи экзамень, получи свидѣтельство, а! Вѣдь это, помилуйте, разбой, денной грабежъ! Экзамена я не выдержу, это вѣрно, какъ дважды-два! Свидѣтельства мнѣ отъ палаты не видать, какъ своихъ ушей! Это я чутьемъ, по запаху слышу! Что-же остается дѣлать? Стрѣляться, топиться, въ маркеры идти? Pas si bête! Есть такой романсъ (поеть):

Говорять, мой голосъ звонокъ,
Говорять, мой волосъ тонокъ,
Что красавецъ я...

Пропѣлъ я его въ минуту душевной тревоги, взглянулъ нечаянно въ зеркало... Что-жь, правда, сапристи! И волосъ тонокъ, и голосъ звонокъ, и физика у меня хоть куда... Понялъ свое истинное назначеніе, понялъ—и возликовалъ! Понеслись въ воображеніи видѣнія во образахъ дородныхъ купеческихъ вдовиць, съ сотнями тысячъ наличныхъ, кровныхъ рысаковъ, обѣдовъ у Дюнона, въ обществѣ разныхъ балетныхъ и каскадныхъ фей, развеселыхъ Альфонсинъ, Сюзетъ, Камиллъ... Изъ области фантазіи перенесъ свои вожделѣнія въ міръ дѣйствительности, бью теперь безъ разбора сорочку и ворову. Одинъ удачный выстрѣлъ еще здѣсь (указываетъ на правую дверь) — и добьюсь до яснаго сокола. Однако что-то долго переодѣвается имянинница. (Проходя мимо бюро, замѣчаетъ портретъ.) Это новинка! (Разсматривая портретъ.) Мой риваль. Вотъ пословица-то справедлива: не родись красивъ, богатъ и уменъ.. Что такое въ немъ? Самая дюжинная, самая тривіальная физиономія, а счастье валомъ-валить, успѣвай только глотать... бабы съ ума сходятъ. Здѣсь утоааетъ въ мірѣ вакхическихъ наслажденій, а у Запольевыхъ готовить себѣ узы мирнаго Гименея... Ну, нѣтъ, pardon, довольно!.. вы зарвались... Богу и Мамонѣ служить въ одно время невозможно... Сегодня я васъ взорву на воздухъ. (Ставитъ портретъ.) Очень недурно, что вы позаботились оставить по себѣ наглядное воспоминаніе въ здѣшнемъ будуарѣ; вѣроятно, собственной персоной сюда болѣе не заглянете... Съ этого портрета и начнемъ закладывать мину. Отличная мысль, отличная! Да, милѣйшій Николай Петровичъ, ваши дни сочтены... А вотъ и она. (Беретъ букетъ и идетъ на-встрѣчу Крамолиной, выходящей изъ правыхъ дверей въ богатомъ платьѣ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Крамоллина и Слетышевъ.

Слетышевъ. Поздравляю васъ со днемъ ангела, желаю вамъ всего того, чего вы сами себѣ желаете. (Цѣлуетъ руку и подаетъ букетъ.)

Крамоллина. Благодарю васъ. А безъ букета нельзя?... Садитесь; простите, что заставила васъ ждать; просила занять васъ Матрену Ивановну, но ей почему-то, видно, не угодно было исполнить мою просьбу. (Садится у бюро.)

Слетышевъ. Матрена Ивановна бесѣдовала со мной и только сейчасъ вышла,—ее позвалъ графъ Лопыревъ. Что это, вы какъ-будто нездоровы? У васъ такой утомленный видъ.

Крамоллина. Цѣлое утро страдала мигренемъ, теперь боль прошла, но, дѣйствительно, осталось маленькое утомленіе. Ну, что вы подѣлывали эту недѣлю? Нѣтъ-ли чего новенькаго въ судѣ, какихъ-нибудь интересныхъ дѣлъ?

Слетышевъ. Все хлопочу по вашимъ дѣламъ. Одно окончательно выигралъ, завтра получу исполнительный листъ и приступлю ко взысканію съ Бархатова семи тысячъ неустойки по арендѣ вашего курскаго имѣнія. Особенно интересныхъ дѣлъ въ судѣ не слыхать. Навязывали-было мнѣ конкурсъ, съ тремя тысячами годичнаго гонорара, но я не взялъ.

Крамоллина. Что-же такъ, отчего?

Слетышевъ. Дѣло темное. Я не такъ созданъ, не могу входить въ сдѣлку съ собственной совѣстью... Увидѣлъ явное мошенничество и отказался... Пусть разные шакалы, конкурсныхъ дѣлъ мастера, навиваютъ путемъ такого злодѣйскаго и вмѣстѣ законнаго грабежа каменные дома, а я не могу... нѣтъ! (Въ сторону.) Ну-ка, благословясь, поудимъ. (Громко.) А я, здѣсь бывши одинъ, любовался портретомъ коллеги. Какое поразительное сходство и какая артистическая работа! У кого снимался Коля?

Крамоллина (равнодушно.) Право, не знаю, вѣроятно, на портретѣ есть фамилія фотографа.

Слетышевъ (разсматривая портретъ.) Ахъ, да, да!.. Точно есть: Бергамаско. Художественно сдѣлано! Надо попросить у Чаганова одинъ экземплярчикъ для моего альбома, онъ давно мнѣ обѣщалъ, а этотъ портретъ мнѣ нравится болѣе всѣхъ его другихъ портретовъ.

Крамоллина. Ну, врядъ-ли вы получите.

Слетышевъ. Почему-же?.. Онъ мнѣ обѣщать.

Крамоліна. Потому что другого экземпляра такого портрета нѣтъ. Коля снимался специально для меня и стекло онъ собственноручно разбилъ послѣ того, какъ былъ отпечатанъ этотъ экземпляръ.

Слетышевъ. Этакая досада! (Какъ-бы вспоминая.) Впрочемъ, позвольте! Неужели я ошибаюсь?.. Не можетъ быть! (Разсматриваетъ портретъ, взявъ его въ руки.) Нѣтъ... точно такой-же. Руки скрещены на груди, смотритъ нѣсколько прищурясь... на столикѣ три книги... въ рукахъ сигара... Снималъ тотъ-же Бергамаско... (Ставить портретъ.) Не смѣю съ вами спорить, Любовь Михайловна, можетъ быть, я такого портрета не получу, но готовъ какое угодно пари держать, что другой экземпляръ этого портрета существуетъ... Память мнѣ не измѣняетъ, и не дальше, какъ третьяго дня, я былъ съ визитомъ у Запольевыхъ и Вѣра Дмитріевна мнѣ показывала точь-въ-точь такой-же, только вашъ темнѣе и иначе отдѣланъ.

Крамоліна (скрывая волненіе.) Какая Вѣра Дмитріевна?

Слетышевъ (какъ-бы простодушно.) Дочь Запольева. Развѣ вы ничего не слыхали объ этомъ семействѣ отъ Николая Петровича?

Крамоліна (волнуясь болѣе.) Право, не знаю... Кажется... онъ мнѣ что-то говорилъ объ нихъ... (Быстро.) Что вы не курите?

Слетышевъ. Если позволите.

Крамоліна. Пожалуйста. Вонъ спички на каминѣ. (Указываетъ; про себя.) Это что еще такое?..

Слетышевъ (проходя къ камину.) Благодарю. (Про себя.) Поплавокъ шевелится—повлывываетъ. (Закуривъ, громко.) Вѣроятно, говорилъ, да вы забыли; это одни изъ лучшихъ нашихъ знакомыхъ. Прелестная семья! Отецъ—умница; былъ, говорятъ, страшно богатъ, но теперь живетъ не болѣе, какъ человѣкъ обеспеченный. По слухамъ, деньги припрятаны и за дочерью приданаго тысячонокъ сорокъ, пятьдесятъ. Дочь хоть не въ моемъ вкусѣ, но красавица, образована прекрасно, немножко нигилистка, изъ передовыхъ, даетъ уроки въ гимназіи, но это не мѣшаетъ ей быть любезной; вообще пріятная особа.

Крамоліна. Ужъ не увлечены-ли вы этой нигилисткой? Вы съ такимъ жаромъ описываете ея достоинства!

Слетышевъ. Гдѣ ужъ намъ, неучамъ, соваться тутъ съ своимъ умишкомъ... тамъ мѣсто ученымъ! Но, безъ шутокъ, пріятный домъ. Знаете, послѣ нашихъ свѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ всегда надо быть, что-называется, *tiré à quatre épingles*, пріятно провести вечерокъ въ обществѣ людей развитыхъ, привѣтливыхъ безъ

претензій, радушныхъ безъ назойливости, гдѣ говоришь все, что есть на душѣ,—однимъ словомъ, гдѣ... *on ne se gêne pas.*

Крамолина. И часто вы тамъ бываете?

Слетышевъ. То-есть я? Вы про меня говорите... меня спрашиваете? Я?—нѣтъ, въ двѣ недѣли, въ недѣлю разъ. Я очень благодаренъ Чаганову, что онъ меня представилъ въ это семейство. Вашъ Коля, — онъ тамъ свой человѣкъ; послѣдніе два мѣсяца онъ бываетъ у нихъ чуть не каждый день. (Осматривается кругомъ, какъ-бы ищеть чего-то.)

Крамолина (измѣняясь въ лицѣ, про себя.) Два мѣсяца! (Громко.) Вы ищете пепельницу? (Указываетъ на противоположный столикъ.) Вонъ она.

Слетышевъ. Мерси. (Идетъ за пепельницей; въ сторону.) Клонуло... Главное — не робѣть! (Садясь и отряхая пепель, громко.) Что это у васъ сегодня никого нѣтъ?

Крамолина. Я почти никого не принимала: голова болѣла. До вашего пріѣзда я приняла только Вермутскую, графа Лошрера и Колю.

Слетышевъ. А графъ давно пріѣхалъ изъ-за границы?.. Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!

Крамолина. На этихъ дняхъ. Онъ обѣдаетъ у меня и вы можете доставить себѣ это удовольствіе. Крестный, по обыкновенію, возится съ поварами и съ утра на кухнѣ.

Слетышевъ (въ сторону.) Заминаетъ разговоръ... Сигать начала... не сорвешься, вытацимъ. (Громко.) Ну, денекъ сегодня выдался: визитовъ пятнадцать сдѣлалъ, да еще штувъ пятокъ осталось. Отъ васъ направлюсь прямехонько къ Запольевымъ.

Крамолина. А у нихъ что?

Слетышевъ. А Вѣра-то Дмитріевна—имянинница. Отецъ устраиваетъ ей сюрпризъ сегодня. Интимное общество, избранные, близкіе знакомые, приглашены имъ обѣдать за городъ, благо день чудесный; къ пяти часамъ приглашенные соберутся къ нимъ въ домъ, бросятъ жребій, кому съ кѣмъ ѣхать, разсядутся по воляскамъ и покатаютъ. *C'est original!* Меня звалъ старикъ, но я, имѣя отъ васъ приглашеніе, предпочелъ, конечно, ваше общество. А гдѣ-же Коля?

Крамолина. Онъ уѣхалъ по спѣшному дѣлу.

Слетышевъ. Вѣрно, какой-нибудь опасный больной?

Крамолина (равнодушно.) Кажется, что такъ. Впрочемъ, хощенько не знаю. А вамъ онъ зачѣмъ нуженъ?

Слетышевъ. Да есть спѣшное дѣльце... Нужно-бы кой-что передать... по порученію. (Въ сторону.) Ташу... ташу!

Крамолина (съ волненіемъ.) Ужь не отъ Вѣры-ли Запольевой? Слетышевъ (представляясь изумленнымъ и вскакивая.) Какъ?.. Что вы сказали?.. Развѣ вамъ извѣстно?

Крамолина (коварно.) Мнѣ все извѣстно.

Слетышевъ. Все... вы... васъ это не возмутило? Вы вереносите это такъ спокойно, такъ хладнокровно... Я удивляюсь вашему характеру... вашей силѣ воли. (Смотритъ на нее какъ-бы недоувѣрчиво.) Простите, но я... сомнѣваюсь, чтобъ вы знали все... Я не могу представить себѣ... вы меня испытываете... Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ.

Крамолина (закусивъ губу, осиливаетъ волненіе, твердо.) Повторяю—я знаю все. И если вы честный человекъ и преданный мнѣ другъ, вы обязаны мнѣ сказать. Говорите-же; я хочу, я требую.

Слетышевъ. Избавьте, всего я сказать не могу! Это... это... Нѣтъ, я не въ силахъ открыть все... Вы не поймете меня! Я пропаду... Это невозможно... О, Боже мой! вы возненавидите меня.

Крамолина. Все вздоръ! Какая ненависть!.. Я не разсержусь—даю вамъ слово... Говорите все... Ну, что-же?.. Я жду.

Слетышевъ. Если такъ, если все вамъ извѣстно... если вы, наконецъ, требуете... и вправѣ теперь открыть то, о чемъ я упорно молчалъ болѣе двухъ лѣтъ, страдая и не подавая ни малѣйшаго вида. Вѣрно, вы не замѣчали моихъ мученій, я скрывалъ отъ васъ свое чувство, какъ скупой скрываетъ свое сокровище.

Крамолина (изумленно.) Что такое?.. Вы?.. Что?..

Слетышевъ. Да, я хранилъ его въ глубинѣ души, потому что считалъ безчестнымъ посягнуть на сердце, всецѣло принадлежащее другому... Я любилъ васъ молча, безнадежно.

Крамолина (съ презрѣніемъ.) Вы... меня любите?.. Вы? Ха ха, ха!

Слетышевъ (съ поддѣльнымъ жаромъ.) Да, я... я! Смѣйтесь, не вѣрьте!.. Но я началъ и кончу... Меня терзала ревность; каждое ваше ласковое слово, нѣжный взглядъ, простое вниманіе къ этому недостойному, гнусному лицезѣру... (Крамолина дѣлаетъ движеніе, чтобъ возразить, но вдругъ останавливается) заставляли мое сердце обливаться кровью. Сто разъ я порывался открыть вамъ глаза, показать его низкое двоедушіе, гнусный обманъ, подлое двуличіе; но боявнъ явиться въ вашихъ глазахъ доносчикомъ, нарушить вашъ покой хоть на одинъ мигъ, поколебать ваше мнимое счастье, удерживали меня. Теперь безъ меня вы все знаете. Знаете, что этотъ господинъ, представляясь влюбленнымъ въ васъ, два мѣсяца проводитъ дни у Запольевыхъ, ищетъ руки Вѣры и даже теперь чуть не наканунѣ женитьбы...

Крамоллина (прерывая.) Вы клевете на него, жете! Этого быть не можетъ... Я вамъ не вѣрю... Слышите-ли вы, господинъ Слетышевъ, я вамъ не вѣрю, вы—лжець!

Слетышевъ (теряясь.) Но доказательства...

Крамоллина. Молчите! Коля сейчасъ придетъ... Я васъ поставлю на очную ставку и тогда посмотримъ ваши доказательства.

Слетышевъ (опуская голову, въ сторону.) Самъ тону... рѣши-тельно тону.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Крамоллина, Слетышевъ и Вермутская.

Вермутская (быстро вбѣгая.) Скоро я отдѣлалась, молодцомъ? Слетышевъ, bon jour! (Жметъ ему руку.) Вообрази, ѣду къ тебѣ и около самаго Лѣтнаго сада встрѣчаю цѣлый кортежъ—пять колясокъ. Въ первой изъ нихъ сидитъ прехорошенькая особа рядомъ съ какимъ-то представительнымъ старикомъ, а противъ нихъ, на маленькомъ мѣстечкѣ, кто-бы ты думала?.. Твой Чагановъ. Съ кѣмъ-бы это?

Слетышевъ (въ сторону, радостно.) Плыву, всливаю! (Громко.) Старикъ, сѣдой, длинныя волосы, борода à la jeune France, а?

Вермутская. Да, да... Кто это такіе?

Слетышевъ. Это Запольевы. (Въ сторону.) Выплылъ и рыбу вытащилъ... На берегу!

Вермутская. Препивантная рожица у этой барыни... Что-же это вы одни?... А графъ гдѣ?.. Все еще на кухнѣ, да? Сейчасъ побѣгу, вытребую его наверхъ, помѣшаю ему, буду тормозить. Что за платье вышло, Люба,—восторгъ! (Убѣгаетъ въ лѣвыя двери, напѣвая):

Меня мужчины такъ балуютъ...

Слетышевъ (съ выраженіемъ.) Одно изъ доказательствъ—на-лицо.

Крамоллина. Что это?.. Сонъ ужасный, сплю я?.. Нѣтъ, я не сплю... Но это неправда, этого быть не можетъ... Всѣ противъ меня, одинъ общій заговоръ... Гдѣ она?.. Куда убѣжала?.. Ей это показалось... Всѣ лгутъ, всѣ обманываютъ... Коля сейчасъ придетъ... Коля, Коля! (Стукъ въ лѣвыя двери.) Это онъ... Иди скорѣй, уличи ихъ! (Входитъ слуга.)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Крамоллина, Слетышевъ, Вермутская, Лопыревъ и слуга.

Крамоллина (увидя вошедшаго слугу). Что тебѣ?

Слуга (подавая на подносѣ письмо.) Письмо отъ Николая Петровича Чаганова; швейцаръ расписался въ разносной книжкѣ въ полученіи.

Крамоллина (береть письмо.) А, вотъ! (Дѣлаетъ слугѣ знакъ уйти. Слуга уходитъ. Трясущимися руками, судорожно сламываетъ печать, не замѣчая, что изъ конверта выронила на полъ три векселя. Читаетъ дрожащимъ голосомъ). „Безцѣнный другъ, Люба! Посылаю три векселя. При всемъ желаніи обѣдать сегодня у васъ—не могу, дѣло задерживаетъ меня. Да и врядъ-ли скоро удастся свидѣться: мнѣ придется, можетъ быть, уѣхать изъ Петербурга недѣли на три, на четыре. Не тоскуйте, не терзайтесь. Причины такого отсутствія объясню при свиданіи. Вѣрите въ безпредѣльную благодарность и вѣчную дружбу вашего Николая Чаганова.“ Безпредѣльная благодарность... вѣчная дружба!.. Все погибло, все кончено! (Блѣднѣетъ и безъ звука, какъ-бы за-мертво, опускается въ кресло.)

Слетышевъ (поднимая векселя.) Что это?.. векселя... А-а, наконецъ-то послушался! (Разсматривая.) Сроки: на восемь, на двѣнадцать и на шестнадцать мѣсяцевъ, такъ! Брависсимо! (Подходить къ Крамолиной.) Любовь Михайловна, Любовь Мих... (Смотритъ ей въ лицо.) Что съ вами?

Лопыревъ (входя.) А, милѣйшій Жюль-Фавръ, что это вы напѣваете tête-à-tête?

Слетышевъ. Я не знаю, что случилось съ Любовью Михайловной... Она такъ блѣдна, такъ...

Лопыревъ. Гдѣ, что? (Подбѣгаетъ къ Крамолиной.) Ma petite, что съ тобой? (Склоняется надъ ней.)

Вермутская. Что, что такое?.. Что это съ ней? (Вбѣгаетъ.)

Лопыревъ. Тс-с-съ!.. Съ ней дурно, обморокъ... Воды скорѣй, послать за докторами... Скорѣй, скорѣй!

Вермутская. Господи! (Бросается къ столику, на которомъ стоитъ графинъ, наливаетъ стаканъ воды.)

Слетышевъ (отбѣгая на противоположную сторону, дергаетъ со-нетку. Потрясая векселями, въ сторону.) Ловъ удачный: все мое, не исключая стерляди и осетра.

Лопыревъ (обмахивая платкомъ лицо Крамолиной.) Бѣдняжка!
Картина. Занавѣсъ сначала медленно падаетъ, потомъ опускается стремительно.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дмитрій Васильевичъ Запольевъ, старикъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, съ представительной наружностью; носить усы, длинные волосы и бородку à la jeppе Франсе; одѣтъ по модѣ, но солидно.

Вѣра Дмитриевна, его дочь, дѣвушка лѣтъ 22, хороша собой, въ манерахъ, разговорѣ, самой походѣ лежитъ печать сдержанности, серьезности и нѣкоторой угловатости. Одѣта въ черное платье, очень ловко сидящее, но безъ малѣйшаго намека на шикъ.

Настасья Васильевна Пырешева, ея тетка, генеральша, лѣтъ 50, одѣта не по лѣтамъ цвѣтисто и изысканно.

Николай Петровичъ Чагановъ.

Сергій Ильичъ Слетышевъ.

Дуня, дочь швеи, дѣвочка лѣтъ 11.

Демонтіи Лукичъ, старый слуга изъ крѣпостныхъ Запольева.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Запольева.)

Комфортабельно обставленная гостиная, мягкая мебель, ковры, зеркала, портьеры, бронза, цвѣты и растенія. Три двери; посрединѣ—входная; по бокамъ—во внутреннія комнаты. Направо отъ зрителей—каминъ, налѣво—диванъ, столъ, нѣсколько креселъ. На самомъ видномъ мѣстѣ портретъ женщины въ овалной золоченой рамѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра и Дуня.

(При поднятіи занавѣсы Вѣра съ книгой въ рукахъ сидитъ на диванѣ; неподалеку отъ нея помѣщается на стулѣ Дуня.)

Дуня (читая на память):

И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ... И думалъ онъ...

(Позабывъ, останавливается.)

Вѣра. Что-же вы остановились, Дуня?.. Забыли?

Дуня. Нѣтъ, нѣтъ-съ... Я сейчасъ. (Смотритъ въ потолокъ и твѣдитъ вполголоса.) И думалъ онъ... и думалъ онъ... (Молчаніе.) Захлестнуло-съ. А я отлично заучила. Вотъ одно только словечко подскажите, опять пойду какъ по книгѣ.

Вѣра. Нѣтъ, не подсказу, Дуня... Сами вспомните! Оттого у васъ и захлестываетъ, что вы зубрите одни слова и трещите без-

сознательно, какъ попугай. Я вамъ всегда говорю, что надо думать о томъ, про что рассказываете, и не торопиться. Ну, о чемъ-же думалъ Петръ, стоя на Невѣ? Расскажите своими словами.

Дуня (радостно.) Вспомнила-сь. (Читаетъ скороговоркой.)

„Отсель грозить мы будемъ шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложень
На зло над...“

Вѣра (прерывая чтеніе.) Опять затрещали, какъ пономарь. Вѣдь я васъ прошу, Дуня, не торопиться и не читать стихи нараслѣвъ, а говорить, рассказывать просто, какъ мы обыкновенно говоримъ... Ну, продолжайте: „и думалъ онъ...“

Дуня (стараясь говорить рѣже и безъ декламациі):

„Отсель грозить мы будемъ шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложень
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно.“

(Останавливается.) Все-сь! Дальше не задавали... только до окна-сь.

Вѣра. Выучили прекрасно, только все-ли вы поняли въ этихъ стихахъ?

Дуня. Все-сь, Вѣра Дмитріевна. Помилуйте, какъ не понять!

Вѣра. А вотъ сейчасъ увидимъ, увѣримся. Какое это окно прорубилъ Петръ въ Европу?

Дуня. Окно-сь? (Смотритъ въ потолокъ.) Обыкновенно, какія окна бываютъ-сь. Тутъ въ стихахъ не сказано, какое-сь.

Вѣра (про себя.) Нечего сказать, хороша система преподаванія, хорошъ выборъ стихотвореній! (Гроико.) Да вы знаете-ли, что такое Европа?

Дуня. Европа-сь?.. Европа?.. Позвольте, мы учили... (Припоминаетъ и начинаетъ скороговоркой.) „Европа граничить съ сѣвера сѣвернымъ Ледовитымъ моремъ, съ востока...“ (Останавливается и встаетъ. замѣта вошедшую Пырешеву.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежнія, Пырешева и Дементій.

Пырешева (входя въ среднюю дверь.) У тебя гости?.. (Лорнируя.) Дѣвченка въ гостиной! Я [по близорукости и не разглядѣла... Это что значить? (Удивленно продолжаетъ лорнировать.)

Вѣра (спокойно.) Рекомендую, Дуня, дочь одной моей пріятельницы, учится въ школѣ и я съ ней репетирую уроки.

Пырешева (изумленно осматривая и еле отвѣчая на поклонъ.) Mais quel costume!

Вѣра. Ея мать бѣдная швея.

Пырешева. Une couturière!.. И ты съ ней занимаешься въ гостиной? О, mon Dieu, до чего вы опустились... Вѣдь послѣ нея, ma chère, невозможно будетъ сѣсть на стулъ... Pardon, что я такъ безцеремонно высказываюсь. (Снимаетъ перчатки.)

Вѣра (сдержанно.) Ничего, ma tante... Я принуждена была заняться здѣсь,—въ моей комнатѣ натирають полъ.

Пырешева. Въ два-то часа?.. Удивительно опустили домъ. (Указываетъ на диванъ.) Она тутъ не сидѣла?

Вѣра. Нѣтъ. (Пырешева, осмотрѣвъ въ лорнетъ диванъ и смахнувъ пылъ платкомъ, садится.) Къ Дунь. Ну, Дуня, идите домой, теперь мнѣ заняться нельзя съ вами; я уже, послѣ обѣда, забѣгу къ вамъ и объясню, чего вы не понимаете. (Цѣлуетъ ее.) Идите съ Богомъ, поцѣлуйте мамашу и скажите, что я ей достала работу, которую общала... Прощайте, вотъ ваша книжка. (Подаетъ.)

Дуня (присѣдая Пырешевой.) Прощайте-съ...

Пырешева (съ улыбкой пренебреженія.) Прощай, милая, прощай. (Дуня уходитъ.) Ты напрасно ее отослала, я могла уйти въ свою комнату, если тебя стѣсняю.

Вѣра. Ахъ, тетя, что вы!

Пырешева. Пожалуйста, ma chère, не женируйтесь со мной.. Если я васъ стѣсняю, то я могу переѣхать въ гостиницу.

Вѣра. Какъ вамъ не грѣхъ это говорить!..

Пырешева. Пожалуйста, ma chère... Какъ ты неосторожна—въ гостиной уѣлась съ такой оборванкой... Ну, кто-бы пріѣхалъ вдругъ? Я жду сегодня къ себѣ съ визитомъ генерала Забубеннаго и еще графиню Охлестышеву... Что-бы они подумали, заставши тебя въ гостиной съ уличной дѣвченкой? C'est impossible, какъ вы живете!.. Нѣтъ, я этого не допущу: проживу съ вами эту зиму и поставлю вашъ домъ на настоящую ногу... Что это, какой тяжелый воздухъ здѣсь... какой непріятный запахъ? Это, вѣрно, отъ дѣвченки. У васъ имѣють обыкновеніе курить?

Вѣра. Папа курить.

Пырешева. Ахъ, я не про то, mon enfant... Позвони-ка скорѣй. (Вѣра звонитъ.) Какой рѣзкій тонъ колокольчика... Странно, какъ братъ не устроитъ электрическихъ сонетокъ. (Восшедшему Дементію.) Здѣсь дурной запахъ... надо покурить; у васъ есть курильница?

Дементій. Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство... Можно утюгъ или камень найти какой—раскалить...

Пырешева. Что за мерзости—утюгъ... камень, въ гостиной...

Спроси тамъ, у Луизы моей есть дорожная курильница, зажги и привнеси сюда.

Дементій. Слушаю, ваше превосходительство... А амбрею прикажете купить? у насъ въ домѣ нѣтъ.

Пырешева. Какого амбрею? Тамъ, въ моей комнатѣ, есть флаконъ *ragfums de la cour*. Луиза все приготовить... А то какой-то амбре! И курить здѣсь каждое утро.

Дементій. Слушаю, ваше превосходительство... А я потому полагалъ амбрею... какъ при его превосходительствѣ, покойномъ генералѣ, папенькѣ вашемъ, всегда амбреемъ по комнатамъ курили...

Пырешева. Можешь идти. (Дементій поворачивается къ среднимъ дверямъ.)

Дементій. Могу-съ, ваше превосходительство. (Идетъ медленно.)

Вѣра. Не прикажете-ли, тетя, кофе?

Пырешева. Съ удовольствіемъ, *ma chère*.

Вѣра. Дементій Лукичъ, погодите. (Дементій останавливается.) Принесите сюда кофейникъ, спиртъ... все, что надо для кофе, и здѣсь и сварю.

Пырешева. *Mon Dieu*, что за мѣщанство!.. Что ты это, въ гостиной варить кофе!.. Да и что за охота самой пачкаться?.. *C'est horrible!* (Дементію.) Прикажи сварить кофе Луизѣ и принеси сюда.

Дементій. А ла дежѣне прикажете, ваше превосходительство?

Пырешева (съ недоумѣніемъ.) Что такое-е?

Дементій. Сыръ, масло, тартинки разныя подать прикажете... а ла дежѣне то-есть, какъ при покойномъ...

Пырешева (прерывая.) Довольно говорить... спроси мою Луизу, она скажетъ... знаетъ, какъ я пью кофе.

Дементій. Слушаю, ваше превосходительство. (Уходитъ.)

Пырешева. А гдѣ отецъ?

Вѣра. Въ кабинетѣ; читаетъ газеты.

Пырешева. Кто-бы могъ думать, что отъ такого завиднаго богатства брата Дмитрія Васильевича останется только это! (Съ пренебреженіемъ обводитъ рукой вокругъ себя.) Я слышала, что положеніе его незавидное, но все-таки и представить себѣ не могла, что встрѣчу здѣсь послѣ пятнадцати-лѣтней разлуки... Вотъ въ чему приводитъ непорядочная жизнь, неумѣнье распорядиться состояніемъ... да! (Вздыхаетъ.) Ахъ, что дѣлать!.. *que la volonté de Dieu soit faite*.

Вѣра (заменяя разговоръ.) Гдѣ вы побывали сегодня, тетя?

Пырешева. Ахъ, *mon enfant*, измучилась я, совсѣмъ устала— ѣздила по магазинамъ, искала пудры для ногтей. Моя вертушка Луиза забыла съ собой взять изъ Парижа, въ дорожномъ несесе-

рѣ крошечку осталось, на одинъ разъ... (Смотрить себѣ на ногти.) И сегодня-то мало лакировала—плохо блестать! Ни въ англійскомъ магазинѣ, ни у Юнкера, ни у Кнопа—нигдѣ не могла найти такой, какую употребляла. Я была просто въ отчаяніи, хотѣ телеграфировать въ Парижъ, чтобъ выслали... Но что-бы я стала дѣлать, покуда пересылали,—я дня не могу прожить безъ того, чтобъ ногти не были какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ... Наудачу захала къ Альфреду и, къ счастью, у него нашла три коробочки... Да, а ты какой пудрой полируешь свои ногти?

Вѣра (улыбаясь.) Я?—никакой... Я въ первый разъ даже слышу, что ногти полируютъ и что для этого существуетъ особая пудра.

Пырешева. Ah, quelle ignorance!.. Какъ вы отстали, какъ опустились! (Входитъ Дементій съ курильницей.) Поставь на каминъ... И чтобъ каждое утро здѣсь было накурено.

Дементій. Будетъ исполнено, ваше превосходительство. (Ставить курильницу на каминъ и уходитъ.)

Пырешева. Я не могу видѣть этого старика. Онъ смотритъ какимъ-то живымъ монументомъ прежняго положенія брата Дмитрія Васильича... c'est triste. Вотъ еще что, ma chère, я хотѣла тебя спросить... Я живу у васъ недѣлю и вижу тебя постоянно въ черномъ платьѣ, даже въ день своихъ именинъ ты была въ немъ же... Что это такое значить, трауръ у васъ по комъ, что-ли?

Вѣра. Это, тетя, мой мундиръ. (Улыбается.)

Пырешева. Comment, ma chère?.. Я что-то тебя не понимаю... Какой мундиръ?

Вѣра. То-есть я хотѣла сказать, что это мой любимый цвѣтъ и обычный костюмъ, я...

Пырешева (перебивая.) Очень дурной обычай... Дѣвушка твоихъ лѣтъ не должна отдавать предпочтенія такому печальному цвѣту. Ужъ не пошла-ли ты въ *нувелистки*?

Вѣра. Какъ это, тетя, въ нувелистки?

Пырешева. Я вѣдь пятнадцать лѣтъ прожила за границей и не знаю, что у васъ тутъ творится въ Петербургѣ; мнѣ писала въ Парижъ графиня Охлестышева, что у васъ завелась какая-то секта, что волосы стригутъ, очки и палки носить, лягушекъ рѣжутъ и учатся искусству *sages-femmes*... нувелиствами, что-ли, ихъ называютъ, не помню.

Вѣра (съ улыбкой.) Нигилистами, тетя.

Пырешева. Ну, это все равно: нигилистки, нувелистки... que sais-je! Дѣло въ томъ, ты не принадлежишь-ли къ нимъ?

Вѣра. Нѣтъ, тетя, нѣтъ.

Пырешева. Ну, Dieu merci!.. Только этого не доставало, чтобъ внучка генерала отъ инфантеріи сдѣлалась *sage-femme*... Посмо-

трѣла я на твоихъ именинахъ... что за общество у васъ собирается! *Queles costumes, quelles manières* у дамъ, а мужчинъ... просто *hogteur, hogteur!* Я бы дѣваться не знала куда, если-бъ не встрѣтила у васъ Слетышева. Вотъ единственно порядочный молодой человекъ былъ тогда... услужливый, внимательный, благовоспитанный, выдержанный... Сейчасъ видно, что хорошаго семейства... весь въ отца. Съ отцомъ его мы были большіе друзья; когда моего покойнаго мужа перевели сенаторомъ въ Петербургъ, а Слетышева назначили ему преемникомъ, губернаторомъ, тогда я еще знала этого *Serge'a* вотъ какимъ бебѣ. (Показываетъ рукой отъ полу.) Ну, ты этого не помнишь... этому будетъ лѣтъ двадцать шесть, двадцать семь. Премилый, весь вечеръ занималъ меня... Одно жаль — бросилъ военную службу... Онъ вѣдь... что онъ такое теперь... чѣмъ?.. Кажется, онъ *avocat*?

Вѣра. Да, онъ занимается адвокатурой.

Пырешева. Жаль, очень жаль!.. Онъ и сложенъ такъ, что ему слѣдуетъ носить военный мундиръ... Онъ могъ-бы имѣть большой успѣхъ въ свѣтѣ, сдѣлалъ-бы себѣ карьеру... Если я останусь въ Петербургѣ, я ему помогу, въ память его отца... Я его поведу, онъ стоить... *il est très comme il faut*... За то ужъ остальные, особенно этотъ... какъ его фамилія... странная такая... Забыла! Ну, что ѣхалъ съ тобой въ коляскѣ... Какъ его? Чу... Чу... Чугуновъ.

Вѣра (всичнувъ.) Чагановъ.

Пырешева. Да, да!.. *Quel gros animal, qu'il est!*.. Совсѣмъ невѣжа, неучъ. Я къ нему отнеслась съ какимъ-то вопросомъ на французскомъ языкѣ, онъ мнѣ имѣлъ дерзость отвѣтить по-русски намѣренно... да, я видѣла это по его нахальному тону и выраженію лица.

Вѣра. Нѣтъ, тетя, вы ошибаетесь: онъ знаетъ французскій языкъ, но не говоритъ на немъ... и всегда стѣсняется, когда съ нимъ заговаряютъ по-французски.

Пырешева. Ну, я этого не знаю да и не хочу знать... Кто такой онъ?

Вѣра. Онъ докторъ.

Пырешева. Не про то я спрашиваю... Ты мнѣ говорила, что онъ докторъ, когда представляла его, я помню... Нѣтъ, кто его родители, откуда онъ?

Вѣра. Онъ ярославской губерніи, отецъ его сельскій священникъ... нѣтъ, даже дьяконъ.

Пырешева (вскрикнувъ.) *Un diakon?*.. *C'est horrible cela!* И вы принимаете его въ свой домъ, какъ знакомаго?

Вѣра. Что-жъ такое, онъ умный, развитой и хорошій человекъ.

Пырешева. Ахъ, Вѣра, ma chère, je vous prie de cesser cet *enfantillage!*.. ça m'embete! Мало-ли хорошихъ людей и мужиковъ, но мы не зовемъ ихъ въ гостиную, а говоримъ въ передней, если это необходимо. (Вѣра хмурится.) Ты не виновата, впрочемъ, въ этомъ, ma chère; не огорчайся, я на тебя не сѣтую, это все твой отецъ... *C'est ton père qui en est cause!*.. Ахъ, да... Большое несчастіе для дѣвушки вырости безъ материнскаго глаза, подъ мужскимъ вліяніемъ... *Peut-etre je suis arrivée un peu tard, mais* стараюсь все это измѣнить и поставить вашъ домъ иначе... Я говорила съ братомъ, онъ не прочь... Найдемъ большое помѣщеніе... конечно, я, на мои средства, братъ болѣе тысячи рублей платить за квартиру не можетъ... Открою салонъ, возобновлю свои прежнія знакомства, образую свой кружокъ, гдѣ ты займешь должное тебѣ мѣсто... О нарядахъ не хлопочи: это все будетъ, я уже сдѣлала для начала кой-что... распорядилась... Ты будешь въ избранномъ обществѣ и всѣ эти разные *parvenus, fils de diakons*, сами ретируются... *Ça s'est fait de soi-même!* (Дементій вноситъ чайный сервизъ, двѣ чашки, сахарницу съ печеньемъ. Ему.) Поставь сюда. (Указываетъ столъ.)

Дементій. Изъ англійскаго магазина покупки вашему превосходительству принесли. (Ставить приборъ на столъ.)

Пырешева. Подай ихъ сюда. (Дементій уходитъ.)

Вѣра. Тетя, налить вамъ кофе?

Пырешева. Нѣтъ, ma chère, я сама... Мнѣ никто не можетъ угодить налить, какъ я люблю. (Улыбается.) Это моя слабость или недостатокъ, какъ хочешь назови. (Поправляетъ рукавчики и приступаетъ къ разливанью кофе, какъ къ какому-то священнодѣйствию. Переставляетъ нѣсколько разъ чашки, кофейникъ, сливочникъ съ мѣста на мѣсто, вытираетъ каждую чайную ложечку, блюдечки; все это сопровождается дѣланными граціозными движеніями, взглядами, вообще манерничаньемъ.) *Enfin, nous sommes servies!* (Кладетъ сахаръ въ чашки. Входитъ Дементій съ тремя кусками матерій.) Подай сюда. (Беретъ одинъ за другой куски матерій и, показавъ Вѣрѣ, передаетъ въ руки Дементію.) Вотъ эта, *mon enfant*, попроще, для дома, всегдашняго употребленія... Эта матерія—для визитовъ, эта—для выѣздовъ на простые *soirées*... *Les couleurs sont jolies, n'est-ce pas, а?*

Вѣра. *Merci*, тетя, я вамъ очень благодарна... (Конфузась.) Но право, мнѣ...

Пырешева (прерывая ее.) *Point de remerciements. Je ne souffrirais pas cela...* *C'est une bagatelle, ma chère.* (Къ Дементію.) Отдай это спрятать Луизѣ. Завтра пріѣдетъ закройщица отъ Изомбаръ снять мѣрку, такъ ты, ma chère, спросишь... Чего-же ждешь?.. Ступай!

Дементій. Слушаю-съ, ваше превосходительство. (Уходитъ.)

Вѣра. Я очень вамъ благодарна, тетя, за ваше вниманіе и хлопоты, только вы напрасно беспокоились: мнѣ этихъ платьевъ носить не придется.

Пырешева. Et pourquoi non?.. Неужели ты думаешь, что я позволю моей племянницѣ, единственной моей родственницѣ—дѣвушкѣ, послѣдней изъ рода Запольевыхъ, выѣзжать въ чемъ-нибудь, и, живя вмѣстѣ со мной, ходить такой нувелисткой, или нигилисткой, какъ ихъ у васъ называютъ?..

Вѣра. Мнѣ и выѣзжать не придется, потому что я не могу бросить своихъ занятій.

Пырешева (наливая кофе.) Ну, когда мы устроимся, ты у меня не будешь хозяйничать... Всѣ хлопоты по дому и по хозяйству раздѣлять между собой Луиза и экономка, которую я намѣрена нанять... Хочешь кофе?

Вѣра. Merci, тетя, я уже пила... Вы меня не такъ поняли: я говорю не о хозяйственныхъ занятіяхъ, а объ учебныхъ.

Пырешева (пьетъ кофе.) Ну, учебныя занятія, mon enfant, пора бросить... Ты не дѣвочка пятнадцати лѣтъ; и то, кажется, много училась... слишномъ много!.. Ты невѣста, пора подумать о партіи, о будущемъ... Для этого надо являться въ свѣтъ, выѣзжать, а не сидѣть за книжкой и учиться... Не учительницей-же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, быть, въ классныя дамы, что-ли, ты себя готовишь?

Вѣра. Я даю уроки.

Пырешева. Ah, ce sont des betises!.. Я понимаю: тебѣ не съ кѣмъ было выѣзжать, ты дѣвушка образованная, умная, желала что-нибудь дѣлать, ну и вздумала давать уроки, cela t'amuse, voilà tout!..

Вѣра. Вы ошибаетесь, тетя, это вовсе дѣлается не отъ скуки, не изъ желанія развлечься... Это цѣль моей жизни...

Пырешева. Цѣль жизни? Ха, ха, ха! Comme c'est ridicule!.. Она учить читать какую-то мѣщанскую дѣвушку... и это называется цѣлью жизни! C'est plus naïve, que drôle!

Вѣра. Нѣтъ, тетя, вотъ уже скоро годъ, какъ я даю уроки въ низшихъ классахъ гимназій и получаю за это жалованье,

Пырешева (выронивъ изъ рукъ печенье, смотритъ на нее съ открытыми глазами.) Mon Dieu!.. Ты даешь уроки за деньги! Est-ce possible?.. Ты шутишь, натурально.

Вѣра. Нисколько... Я учительница гимназій.

Пырешева (всплеснувъ руками.) Ah, quelle horreur!.. Она, Запольева, учительница... получаетъ жалованье... Неужели дѣла брата такъ плохи, что онъ не можетъ содержать тебя и долженъ допустить свою дочь давать уроки за деньги?

Вѣра. Совсѣмъ не такъ плохи. Но это мое личное желаніе. Я задалась задачей существовать своимъ трудомъ, не зависѣть ни отъ кого, и добьюсь до независимаго положенія. Конечно, я получаю теперь немного.

Пырешева. Par exemple?

Вѣра. Сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ.

Пырешева. Quarante cinq roubles par mois... О, позоръ, позоръ!

Вѣра. Это не Богъ знаетъ что,—правда. Теперь я могу оплачивать мои расходы на платье, извощивовъ и удовольствія, то есть театры и концерты, а къ концу этого года мнѣ обѣщаны уроки еще въ пансіонѣ Морозовой: я буду получать всего до ста рублей и тогда...

Пырешева (перебивая.) И что-жь тогда?..

Вѣра. Тогда я приму долю въ расходахъ папа по столу и квартирѣ.

Пырешева. Ахъ, замолчи, замолчи, пожалуйста... Я захвораю... До чего упасть, до чего опуститься! c'est abominable... Пустить свою дочь, какъ наемщицу, какъ послѣднюю мѣщанку, зарабатывать какіе-то сорокъ рублей уроками, позволить ей бѣгать для этого каждый день въ гимназію... Это, это... Dieu sait quoi... Потерять всякое къ себѣ уваженіе, всякій point d'honneur... Я поражена...

Вѣра. Извините, тетя, я васъ на минуточку оставлю, нужно отдать распоряженіе по хозяйству, я и позабыла. (Встаетъ.) Извините.

Пырешева. Allez, allez, mon enfant! Ужь лучше на кухнѣ торчать, чѣмъ бѣгать по урокамъ, по крайней мѣрѣ, про первое будетъ знать одна прислуга... Ахъ, я опомниться не могу—je suis foudroyée par cette nouvelle!.. Она... моя племянница... Вѣра Запольева—учительница... Cela me révolte!

Вѣра (замѣтивъ отворяющуюся правую дверь.) А, вотъ и папа идетъ! (Уходитъ налѣво.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Пырешева и Запольевъ.

Запольевъ (входя.) А, ты уже возвратилась, сестра?.. Удивительное время мы переживаемъ... Рядомъ съ явленіями самаго поражающаго матерьялизма, обмановъ, подлоговъ, поджоговъ, бле-

снеть фактъ, надъ которымъ невольно задумаешься... Сейчас прочель, что дѣвушка, хорошо воспитанная, образованная, застрѣлилась отъ безнадежной любви.

Пырешева (перебивая его.) Чѣмъ читать глупости о какихъ-то сумасшедшихъ дѣвченкахъ, ты-бы, mon ami, лучше о своей дочери подумалъ.

Запольевъ (тревожно.) Что такое еще случилось? (Садится.)

Пырешева. Ужъ чему больше случиться! Какому несчастью еще быть!.. Допустилъ свою родную дочь сдѣлаться учительницей, бѣгать по урокамъ, для того, чтобъ приобрести какіе-нибудь сорокъ рублей... фи, honteur! Cela me désespère!.. Неужели ты въ такомъ положеніи, что не можешь ни одѣть ее прилично, ни доставлять ей удовольствій на свои средства?

Запольевъ. Ахъ, сестра, можешь-ли ты въ этомъ сомнѣваться.. Положеніе мое, дѣйствительно, незавидное, у меня осталось всего двадцать-тридцать тысячъ, служить мнѣ поздно, да и не могу, проживаю проценты, прихватываю часть капитала, но чтобъ я рѣшился заставлять зарабатывать деньги мою дочь, спаси Богъ... Это ея капризь, ея непремѣнное желаніе.

Пырешева. Да какъ ты могъ допустить это, какъ не принялъ никакихъ мѣръ?.. Помилуй, что будутъ говорить въ свѣтѣ, когда я покажусь съ ней у знакомыхъ, а?

Запольевъ. Все было сдѣлано съ моей стороны, чтобъ отклонить ее отъ этого, но что дѣлать—такой характеръ задался... Не любить она ни баловъ, ни танцевъ, ни женскаго общества, ни свѣта...

Пырешева. А кто виноватъ въ этомъ?—ты; не хотѣлъ мнѣ довѣрить ея воспитаніе, когда я уѣзжала въ Парижъ и она была семилѣтнимъ ребенкомъ... Самъ вздумалъ воспитывать, образовывать ее, нечего сказать, хорошо!

Запольевъ. Она образована недурно, про это нечего говорить. Въ этомъ случаѣ я упрекнуть себя не могу; лучшіе учителя, профессора—все было къ ея услугамъ; я не жалѣлъ денегъ... Въ одномъ виноватъ: оставя при себѣ, я лишилъ ее женскаго вліянія. женской ласки, женской дружбы, она росла безъ сверстницъ, въ обществѣ преимущественно мужскомъ... О гувернанткахъ я не говорю,—Вѣра всѣхъ ихъ ненавидѣла,—и лишь ей стукнуло пятнадцать лѣтъ, я долженъ былъ отказать послѣдней... Это было ея непреодолимое желаніе... Во всякомъ случаѣ, она многое знаетъ, читала и читаетъ такія сочиненія, о которыхъ дѣвушки ея положенія и понятія-то не имѣютъ, названій не слыхивали.

Пырешева. Да развѣ въ этомъ образованіе-то?.. Нѣтъ въ ней

ни свѣтскаго доску, ни изящныхъ манеръ, ни необходимаго кокетства, ни самой женственности... Кому нужна въ дѣвушкѣ ученость, что ей, экзамень, что - ли, придется передъ женихомъ-то держать?.. *C'est drôle!*.. Какую она себѣ партію составить съ своей мудростью?.. Ну, и прельстится ей какой-нибудь сынъ дьякона, въ родѣ вашего пріятели Чугунова—невѣжи, который, не спрося моего позволенія, осмѣливается курить подъ самымъ моимъ носомъ! Такой ты партіи для нея желаешь, такой?

Запольевъ. Зачѣмъ о томъ говорить, что немислимо!

Пырешева. *Il dit*—немислимо, а самъ окружаетъ ее какими-то уродами. Вспомни, что она Запольева... Во всемъ нашемъ роду ни одного какого-нибудь... *mésalliance* не было, всѣ выходили замужъ или за графовъ, или за князей, за генераловъ, а женились на титулованныхъ невѣстахъ... А послѣдняя Запольева, внучка генераль-губернатора,—учительница за 40 рублей въ мѣсяцъ... *C'est affreux!*

Запольевъ (пожимая плечами.) И близокъ локоть, да не укусишь!.. Будь прежнія средства, я не такъ-бы ее повелъ... Что-жь я могу сдѣлать для нея въ настоящемъ моемъ положеніи?.. Мнѣ остается одно—страдать и *laisser faire, laisser aller!*

Пырешева. То-то страдать... а умѣлъ спустить полумиліонное состояніе...

Запольевъ (прерываетъ ее, вскакивая.) Ахъ, *ma soeur*, упреки опять, опять нападки....

Пырешева. Ну, ну... Не буду... *Pardon!*.. Садись, успокойся, *cher ami*. Ты что-же намѣренъ дать въ приданое за Вѣрой?

Запольевъ. Что-жь я могу дать?.. Чтобъ поддерживать съ достоинствомъ свое имя, я и безъ того трогаю каждый годъ капиталъ... дай Богъ самому, одному дотянуть кой-какъ... За Вѣрой я ничего не могу дать... Конечно, что останется послѣ моей смерти...

Пырешева (прерывая.) Ну довольно, *assez, cher ami*. Мнѣ приходится поддержать честь нашей семьи... Я берусь устроить ее будущее.. Я бездѣтна, болѣе близкихъ родныхъ у меня нѣтъ... Послѣ меня она единственная наслѣдница... Я хочу при жизни видѣть, ~~полюбоваться~~ полюбоваться ея счастьемъ.

Запольевъ (цѣлуя ея руку.) Какъ ты добра, *ma soeur*, золотое... золотое сердце ..

Пырешева. Я сыщу ей партію, достойную ея фамиліи, дамъ приданое... то-есть опредѣлю ей изъ своего тридцати-тысячнаго дохода извѣстную часть... все сдѣлаю, но прошу не противодѣйствовать мнѣ, а помогать.

Запольевъ. Всѣмъ сердцемъ и всѣми зависящими отъ меня средствами.

Пырешева. Parfaitement!.. Надо прекратить незамѣтно это учительство, удалить от нея этих знакомых, окружить другими... Прежде всего нужно перемѣнить обстановку. Генеральша Забушенная говорила мнѣ, что на Литейной отдается за девять тысяч очень хорошей отель, вотъ адресъ. (Вынимаетъ карточку.) Съѣзди, посмотри, удобенъ-ли... Я намѣрена пожить съ вами года два, три въ Петербургѣ,—надоѣлъ Парижъ... Ну, конечно, открою приемы, съ Вѣрой будетъ веселѣй,—молодость оживляетъ салоны. Обо всемъ этомъ Вѣра не должна знать до времени, иначе съ ней очень трудно будетъ сладить... Но главное—твое содѣйствіе и полная откровенность, иначе, mon cher ami, пеняй на себя, если я умю руки въ судьбѣ Вѣры.

Запольевъ. Каждое твое слово въ этомъ случаѣ будетъ для меня закономъ.

Пырешева. C'est fini... Тс-съ!.. Кажется, идетъ Вѣра. Nous causerons de nos affaires plus tard... Пойду къ себѣ, я сегодня еще не молилась... je dois avoir le coeur léger... (Идетъ въ среднюю дверь и встрѣта Вѣру, ласково треплетъ ее по щекѣ.) Захлопоталась, моя милая нувелистка... Ну, au revoir! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Запольевъ, Вѣра и Дементій.

Вѣра. Ну, что вы потолковали съ тетей? То-то, я думаю, она отдѣлала васъ за мое учительство... Сказывается барство: непосиима для нихъ никакая разумная дѣятельность въ женщинѣ; по ихъ мнѣнію, наше назначеніе—танцы, музыка и любовь... Что, досталось вамъ?

Запольевъ. Нѣтъ, она добрая старушка... Она такъ расположена къ тебѣ.

Вѣра. Хороша старушка, въ отчаяніе приходитъ, что не нашла какой-то пудры для ногтей, бѣлится и румянится... (Звонитъ.)

Запольевъ (прерывая ее и указывая глазами на дверь.) Вѣра, развѣ можно такъ?

Вѣра. Однако, вы очень ея побаиваетесь. (Запольевъ пожимаетъ плечами.) Ну, не стану, не сердитесь. Прочитали газеты? Какова барышня-то, какая сила воли, какова любовь? (Вошедшему Дементію.) Уберите кофе.

Запольевъ. Какая это сила воли!.. Слабоуміе, слабодушіе, безхарактерность. Лишь что не по насъ, не удалось—баць и чулю въ лобъ. Великое мужество! (Дементій беретъ кофе и уходитъ.)

Вѣра. Да великое-ли, малое-ли, а все-таки не всякая способна это сдѣлать, потому что не всякая умѣетъ такъ полюбить и любить, какъ она... Я поступокъ ея уважаю, видно, что она жила сердцемъ и любила.

Запольевъ. Какова любовь!.. Гмъ! Въ томъ-то и бѣда, что эта несчастная жила сердцемъ и вѣрила въ любовь.

Вѣра. Что-же, по-вашему, любви не существуетъ?

Запольевъ. Нѣтъ, не существуетъ въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете. (Закуриваетъ сигару.)

Вѣра. И дружбы тоже нѣтъ?

Запольевъ. Также нѣтъ.

Вѣра. Что-же такое, по-вашему, любовь и дружба?

Запольевъ. Любовь не больше, какъ половое влеченіе, животная чувственность, *carpices de tête*, дружба-же — или эгоизмъ, или расчетъ...

Вѣра. Вы ни во что не вѣрите?

Запольевъ. Во все то, что могу видѣть, слышать, ощущать и себѣ представить. Однимъ словомъ, вѣрю въ фактъ и образъ. Остальное все—измышленія человѣческаго художества.

Вѣра. Грустно дожить до такого невѣрія!

Запольевъ. Что дѣлать, мой другъ... Невѣріе—непремѣнный выводъ житейской мудрости. Вѣрить только незрѣлая молодость, беззубая старость да крайняя неразвитость. Одинъ и только одинъ разумокъ долженъ быть руководителемъ нашихъ поступковъ.

Вѣра. А сердце?

Запольевъ. Сердце въ человѣкѣ лишній балластъ; оно виновникъ всѣхъ житейскихъ заблужденій, невзгодъ и несчастій.

Вѣра. Да развѣ мыслима жизнь безъ участія сердца?.. Развѣ можно жить однимъ умомъ?

Запольевъ. Не только можно, но должно. Я стою одной ногой въ могилѣ и полувѣковымъ опытомъ убѣдился въ этомъ. Глупецъ выдумалъ, что жизнь есть дѣло серьезное. Для человѣка мысли жизнь—комедія, цѣль ея—довольство, сладкій кусокъ и какъ можно больше наслажденій, финалъ этой комедіи—могила, гниль, ничтожество; остальное все—бабы сказки, не исключая вѣчно тревожнаго и таинственнаго для слабоумныхъ—знаменитаго *тамъ*.

Вѣра. Немного-же отраднаго представляетъ жизнь для того, кто живетъ умомъ!

Запольевъ. А для того, кто живетъ сердцемъ, еще менѣе; для такихъ субъектовъ жизнь—вѣчная трагедія съ зубовнымъ скрежетомъ. Какъ-бы ни былъ горекъ смѣхъ, съ нимъ легче примириться, чѣмъ съ слезами, отчаяніемъ и другими душевными страданіями...

Власть сердца никогда не была прочна, а въ настоящее время она смѣшна и бессмысленна.

Вѣра. Почему-же въ настоящее время?

Запольевъ. Потому, что настоящее время—время денежной силы, время продажи всего за наибольшую цѣну, время эгоизма, начала, разъединяющаго людей, а несоединяющаго въ одно цѣлое,—время беспощаднаго анализа и самой отчаянной спекуляціи. Какой-же смыслъ, какое значеніе могутъ имѣть въ этой современной житейской вакханаліи—сердце, чувство, вѣра? Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, яркая цвѣтная заплата на ветхомъ и грязномъ рубищѣ, капля меду въ бочкѣ дегтя, не болѣе... Да, Вѣра, намъ съ тобой нечего бояться сердца. Этотъ баластъ уложенъ у насъ надежно, не тронется, не двинется съ мѣста. Меня отъ сердечныхъ увлеченій вылечилъ горькій жизненный опытъ, ты крѣпко застрахована отъ нихъ тѣмъ серьезнымъ воспитаніемъ, какое мнѣ удалось тебѣ дать. Я спокоенъ за тебя такъ-же, какъ и за себя—твое сердце покорно уму. Нашъ умъ—наше царство.

Вѣра. Вы, папа, спокойны? А если у меня этотъ лишній баластъ шевельнется, двинется съ мѣста, тогда что?

Запольевъ. Этого быть не можетъ. Если дѣвушка развитая прожила отъ шестнадцати до двадцати двухъ лѣтъ, то-есть свой критическій возрастъ, безъ всякихъ нелѣпыхъ идеальничаній, глупыхъ чувственныхъ порывовъ, безотчетныхъ увлеченій, то ей блажь сердца не страшна. Одна красивая виѣшность, безсодержательная мишура и лакированная пустота ея не прельстятъ въ человѣкѣ.

Вѣра. Ну, а если-бъ со мной случилось наоборотъ, если-бъ я, по безотчетному влеченію сердца, полюбила человѣка, по вашимъ понятіямъ недостойнаго, вы возстали-бы противъ этого, стали-бы противодействовать?

Запольевъ. О, безъ всякаго сомнѣнія и всѣми зависящими отъ меня способами и средствами.

Вѣра. А если-бъ ваши способы и средства ни къ чему не привели?

Запольевъ. Жизнь выучила меня мириться съ тѣмъ, что называется совершившимся фактомъ... Ну, будетъ философствовать, пойти до обѣда пофланировать по Невскому, погрѣть свои старыя кости на солнышкѣ; какова осень-то стоитъ, хоть-бы Италіи, такъ впору. Au revoir!.. Я убѣжденъ,—твой выборъ будетъ основанъ на всестороннемъ анализѣ и на строгихъ выводахъ разсудка. (Протягиваетъ ей руку и встаетъ.)

Вѣра. И вы не ошиблись, папа... Все случилось такъ, какъ вы предполагаете... (Держить его за руку.)

Запольевъ. Какъ случилось?.. Что случилось? (Смотритъ изумленно.)

Вѣра. Я васъ попрошу отложить свою прогулку сегодня... Вы мнѣ нужны; сядьте, папа, потолкуемъ. (Запольевъ, съ изумленнымъ лицомъ, молча опускается на стулъ.) Мой выборъ сдѣланъ послѣ годового размышленія; это не *caprice de tête*, какъ вы называете, это чувство, основанное на убѣжденіи.

Запольевъ (еще болѣе изумясь.) Выборъ... сдѣланъ?!

Вѣра. Да, сдѣланъ. Рѣшеніе мое непоколебимо... Въ день моихъ именинъ я дала окончательное слово... Я выхожу замужъ за Чаганова.

Запольевъ (вскакиваетъ.) Что-о?.. За Чаганова?.. Вѣра, ты-ли это говоришь?.. Ты смѣешься надо мной... Чагановъ—проходимецъ, выскочка, человѣкъ...

Вѣра (прерывая его.) Остерегитесь, вы говорите о моемъ будущемъ мужѣ и вашемъ зятѣ.

Запольевъ. Ни твоимъ мужемъ, ни моимъ зятемъ онъ не будетъ... никогда, ни за что!

Вѣра. Напрасно такъ сильно, громко и строго!.. Вы непослѣдовательны. Вы сейчасъ сказали, что миритесь съ фактомъ... Мое согласіе дано, слова своего я назадъ не возьму, выйду за Николая Петровича замужъ, чего-бы мнѣ это ни стоило. Смотрите на это, какъ на совершившійся фактъ.

Запольевъ. Не могу... не хочу. Этому не бывать!.. Я не позволю. У меня есть права отца, я воспользуюсь ими. Я сдѣлаю...

Вѣра (прерывая его, иронически.) Запереть меня на замокъ или заточить въ монастырскую келью... да? Немножко трудно, несо- временно и не вяжется съ вашими либеральными убѣжденіями. Вотъ когда вы высказываетесь на-чистоту.

Запольевъ. Да, на-чистоту. Я, какъ отецъ, желающій счастья моей единственной дочери, не могу, не долженъ... обязанъ не допустить подобнаго увлеченія, ведущаго къ неизбѣжной гибели... Онъ... этотъ... Чагановъ, сынъ дьякона, проходимецъ, презрѣнный авантюристъ...

Вѣра. Что-жъ вы остановились?.. Пригласите сюда еще мою превосходительную тетюшку и дуэтомъ продолжайте на французскомъ языкѣ, съ жестами отчаянія, восклицать: О-о, *fils d'un diable*... *C'est horrible... horrible!*.. Это будетъ эффектно!

Запольевъ. Не глумись, пожалуйста. Я не договорилъ... не кончилъ. Быть сыномъ дьякона не позоръ, но быть проходимцемъ, презрѣннымъ авантюристомъ...

Вѣра (быстро вставая и перебивая.) Вы теряете самообладаніе, начинаете браниться... Я не хочу слышать ругательствъ, и превращу разговоръ, если вы еще хоть слово дурное скажете о Чагановѣ. Помните, что мое рѣшеніе непоколебимо и не вамъ измѣнить его.

Запольевъ (грозно.) Нѣтъ, я буду говорить... Этотъ наглый искатель приключеній... (Вѣра спокойно встаетъ и идетъ къ лѣвѣмъ дверямъ.) Вѣ-ѣра?

Вѣра (обернувшись, смотритъ спокойно ему въ глаза. Твердо.) Что?

Запольевъ (послѣ паузы, болѣе сдержанно.) Вѣрочка, что съ тобой, я тебя не узнаю... Неужели я, какъ отецъ, заслуживаю такого обращенія съ твоей стороны? Ты третируешь меня какъ чужого, назойливаго человѣка, не хочешь выслушать меня, не хочешь говорить со мной! Ты не уважаешь меня даже на-столько, чтобъ извинить мнѣ нѣкоторую рѣзкость въ настоящую минуту, не хочешь войти въ положеніе отца, у котораго отнимаютъ дочь... Я пораженъ, убитъ... Я не могу собраться съ мыслями, у меня голова идетъ кругомъ... Не уходи-же, сядь, выслушай меня. (Вѣра молча подходит и садится на прежнее мѣсто.) Милое дитя мое! (Обнимаетъ ее.) Я разбитый нравственно человѣкъ, у меня нѣтъ привязанностей, я не вѣрю ни въ людей, ни въ сердце, ни въ любовь, ни въ дружбу; но вѣдь ты дочь моя, моя кровь, мое второе я; изъ одного эгоизма я не могу относиться безразлично къ твоей судьбѣ, къ твоему будущему, а тѣмъ болѣе пожелать тебѣ зла... Кажется, это достаточно вѣское доказательство тому, чтобъ ты не сомнѣвалась въ искренности моихъ словъ и повѣрила всему, что я тебѣ скажу... Выслушай меня. Даю тебѣ слово, что его... Чаганова, я не оскорблю болѣе.

Вѣра. Говорите, папа. У меня достанетъ и смысла, и чутья, чтобъ понять и откликнуться на искреннее, откровенное слово.

Запольевъ. Да, я хочу съ тобой говорить искренно и откровенно, чего я не дѣлалъ ни съ кѣмъ слишкомъ двадцать лѣтъ. Всѣми несчастіями моей жизни я обязанъ своему сердцу, а чрезъ него женщинамъ; онѣ играли, какъ игрушкой, моей жизнью, временемъ и состояніемъ. По окончаніи курса въ университетѣ, я, безбородый, неопытный юноша, потерялъ отца и сдѣлался обладателемъ миліоннаго состоянія; приписавшись къ министерству иностранныхъ дѣлъ, я бросился въ омутъ свѣта, руководясь только пыломъ своего неугомоннаго сердца и ненасытной жаждой наслажденій. Старая истина, что мужчины губятъ себя для недостойныхъ женщинъ, всецѣло оправдалась на мнѣ. Дай мнѣ руку. (Беретъ ее за руку и подводитъ къ окну.) Подойди сюда. (Указываетъ.) Видишь ты этотъ громадный четырехъ-этажный домъ? Онъ былъ моимъ.

Вѣра (изумленно.) Вашимъ?

Запольевъ. Да, моимъ... И его взяла у меня женщина, или... лучше сказать... я обратилъ его въ деньги, а деньги передалъ этой особѣ, которой въ настоящее время я не кивнулъ-бы голо-

вой. (Пауза. Они садятся на прежнія мѣста.) Ты знаешь, я владѣю плохо лѣвой рукой...

Вѣра. Вы выпали изъ экипажа и переломили ее.

Запольевъ (горько.) Да, я это всѣмъ говорю... (Беретъ ее руку и подноситъ къ своей выше локтя.) Потрогай и ты увѣришься, что это рана отъ пули, а не отъ перелома. (Вѣра ощупываетъ и закрываетъ лицо руками.) Да, я дрался на дуэли, рисковалъ жизнью, защищая женщину, защищая ея честь, которой, какъ потомъ оказалось, у нея не было съ тѣхъ поръ, какъ она стала женщиной... Не думай, что я ихъ проклинаяю,—нѣтъ, благослови ихъ Господь... Имъ я обязанъ моимъ разореніемъ и онѣ-же убѣдили меня, что сердце—нашъ первый врагъ, что надо вѣрить только одному уму... Состояніе мое было разматано, но явилось полнѣйшее отрезвленіе послѣ сердечнаго опьяненія, я началъ жить умомъ, счастье мнѣ улыбнулось, я нашелъ именно то, чего искалъ... Я встрѣтилъ женщину—истинную подругу жизни, такую женщину... А, да что говорить!.. Я не могу... (Указываетъ на портретъ, съ волненіемъ.) Вонъ она смотритъ съ своей безгрѣшной, чисто-дѣтской улыбкой, взоромъ, полнымъ участія... Да!.. (Губы его дрожатъ, онъ осиливаетъ волненіе, на минуту зажимаетъ лѣвой рукой глаза и послѣ нѣкоторой паузы.) Я женился на ней... Она дала мнѣ годъ блаженства, подарила тебя и... я овдовѣлъ, ты стала сиротой... Смерть ее сразила меня; всѣ мои надежды, мечты, заботы сосредоточились на тебѣ; я бросилъ свѣтъ, общество, удовольствія и отдался весь тебѣ на цѣлыя семнадцать лѣтъ... Дальнѣйшее тебѣ все извѣстно... Въ дѣлѣ твоего воспитанія и образованія я не понесу упрека; все, что было въ моемъ умѣнїи и въ моихъ средствахъ, все было дано тебѣ... Учителя, професора, поѣздка чуть не по всей Европѣ... въ этомъ отношеніи совѣсть моя спокойна, ты не можешь меня обвинить, что...

Вѣра. Папа, не грѣхъ-ли вамъ это говорить? Развѣ я когда-нибудь во всю мою жизнь, высказывала не только упрекъ, но и малѣйшее неудовольствіе? Я безгранично вамъ благодарна за все, что вы сдѣлали для меня... (Цѣлуетъ его руку.)

Запольевъ. Такъ, да!.. А теперь... что я могу дать тебѣ въ приданое... чѣмъ обезпечу твой черный день?

Вѣра. Какое приданое?.. Что вы, что вы!.. Да я скорѣй сдѣлаюсь простой швеей, пойду въ кухарки, прачки, въ поденьщицы, чѣмъ соглашусь, выходя замужъ, взять отъ васъ хоть одинъ грошъ... Вы жили съ этой обстановкой, выросли и провели всю жизнь въ гораздо еще лучшей, и я рискну лишить васъ хоть малѣйшаго... да что вы, за кого вы меня считаете?

Запольевъ. Постой, постой, все это прекрасно... Но если

представляется возможность обезпечить себя, получить болѣе, чѣмъ хорошія средства, ты согласна, что было-бы безуміемъ не воспользоваться такимъ случаемъ... Да, ты согласна?

Вѣра. Конечно, но гдѣ-же эта возможность, гдѣ этотъ случай?

Запольевъ. Сестра Настасья Васильевна бездѣтна; состояніе у ней огромное, ты единственная наслѣдница его,—конечно, если сохранишь съ сестрой дружескія отношенія. Погоди, не спѣши свадьбой годикъ, другой; мы заживемъ всѣ вмѣстѣ, расширимъ кружокъ знакомыхъ, ты увидишь свѣтъ, другихъ людей, наконецъ...

Вѣра. Довольно, папа, я васъ понимаю... Тетушкѣ пришла фантазія на склонѣ дней устроить въ Петербургѣ салонъ, куда собиралась-бы вся здѣшняя знатная молодежь, пожить въ свое удовольствіе, пожуировать, прикрываясь тѣмъ, что она вывозитъ племянницу. Она ставитъ мышеловку, но у нея нѣтъ кусочка сала для приманки мышей, она меня хочетъ обратить въ этотъ кусочекъ, ха, ха! завидное положеніе, нечего сказать, для вашей дочери. Играть роль покровительствуемой племянницы, получать подачки и выжидать съ терпѣніемъ смерти тети и наслѣдства. Признаюсь, я не могу и не умѣю играть такой роли.

Запольевъ. Какая у тебя, право, странная манера—всему, что не отвѣчаетъ твоимъ цѣлямъ, придавать грязный, безчестный колоритъ, извращая смыслъ... Я не спорю, что тетюшка не совсѣмъ безкорыстно рассчитываетъ на твое общество, но вѣдь безкорыстной привязанности не существуетъ!.. Я увѣренъ, что твой женихъ и будущій мужъ, если только имъ онъ когда-нибудь будетъ, не найдетъ въ этой роли ничего предосудительнаго.

Вѣра. Плохо-же вы его знаете... Человѣкъ, раздѣляющій въ этомъ случаѣ вашъ взглядъ, никогда-бы не былъ моимъ женихомъ, не только мужемъ, а Чагановъ—мой женихъ и черезъ недѣлю будетъ моимъ мужемъ.

Запольевъ. Ого, вотъ какъ, даже и день брака назначенъ?

Вѣра. Да, назначенъ.

Запольевъ. Не поспѣшила-ли ты?.. Не пришлось-бы тебѣ самой отказаться!

Вѣра. Самой? Я васъ не понимаю.

Запольевъ. А, можетъ быть, и онъ наостритъ лыжи, когда узнаетъ, что за тобой кромѣ сорока пяти рублей учительскаго жалованья ничего нѣтъ.

Вѣра. О, что касается этого, я его знаю, не боюсь.

Запольевъ. А я тебѣ говорю—ты его не знаешь, да!

Вѣра. Этотъ споръ ни къ чему не поведетъ. (Хочетъ встать.)

Запольевъ (удерживая ее.) Погоди, еще два слова;—и я кончу. Гнусна женщина, эксплуатирующая средства любящаго ее чело-

вѣка, но до чего-же мерзость и ничтоженъ мужчина, живущій на средства любящей его женщины... (Умолкаетъ.)

Вѣра. Ну... и дальше... говорите!

Запольевъ. Изволь. (Сильно.) Ты выбираешь себѣ въ мужа подобнаго человѣка... Твой Чагановъ живетъ на средства одной вдовы, именно Крамолиной.

Вѣра. Что-о?

Запольевъ. Да, да, и тысячу разъ да... Это знаетъ цѣлый Петербургъ, во всѣхъ клубахъ, вездѣ на него пальцами указываютъ.

Вѣра. Это безсовѣстная сплетня, клевета, наглая ложь!

Дементій (войдя.) Господинъ Чагановъ.

Вѣра (съ радостнымъ крикомъ.) А-а! Просите. (Дементій уходитъ.) Онъ пришелъ съ вами говорить... Я вамъ не буду мѣшать, даю вамъ полную свободу, и если... если это окажется правдой, если онъ не разубѣдитъ васъ, я его не знаю болѣе. Говорите!.. (Уходитъ быстро налѣво.)

Запольевъ (одинъ.) Не все еще пропало!.. Побесѣдуемте, молодой человѣкъ... Увидимъ, кто кого побѣдитъ!.. Шансы у насъ не равны: меня разорили женщины, а васъ онъ обогащаютъ. Потолкуемъ. (Садится направо у камина и беретъ первую попавшуюся книгу.) Современный рыцарь!

ЯВЛЕНИЕ V.

Запольевъ и Чагановъ.

Чагановъ (подходя.) Здравствуйте, Дмитрій Васильчъ!

Запольевъ (сдержанно-вѣжливо.) Ахъ, мое почтеніе, Николай Петровичъ... Я и не слыхалъ, какъ вы вошли... Прошу васъ. (Указываетъ на сосѣдній стулъ.) Не хотите-ли курить?

Чагановъ (сидя.) Благодарю васъ, сейчасъ только бросилъ сигару... (Пауза.) Какъ здоровье Вѣры Дмитріевны?

Запольевъ. Ничего, здорова... Она тамъ, у себя (указываетъ налѣво), занимается.

Чагановъ (послѣ паузы.) Что это вы читаете?

Запольевъ (читая заглавіе книги.) „Прирученныя животныя“, Дарвина.

Чагановъ. Ахъ, это весьма интересная книга; я принесъ ее для Вѣры Дмитріевны.

Запольевъ. Это ваша книга?.. Признаюсь, я не знаю этого сочиненія Дарвина.

Чагановъ. Стоитъ познакомиться, стоитъ... Не помѣшалъ-ли я вамъ, не отвлекъ-ли я васъ отъ чтенія?

Запольевъ. О, нисколько! Я такъ, перелистываль. (Пауза.) Вы не желаете-ли видѣть Вѣрочку? Я позову. (Встаетъ.)

Чагановъ (тоже вставая.) О, нѣтъ, не беспокойтесь пожалуйста. (Запольевъ опускается въ кресло.) Если у васъ есть свободная минута времени, я-бы попросилъ васъ удѣлить ее мнѣ. (Стоитъ, держась за спинку стула.)

Запольевъ. Я вообще особенно занятъ не бываю, потому что ничего не дѣлаю, а въ настоящее время совершенно свободенъ. Я къ вашимъ услугамъ со всей моей долготѣней опытностью. По лицу вашему я вижу, что дѣло серьезное... Вы ажитированы почему-то, а потому соберитесь съ мыслями. Не стѣсняйтесь, я подожду... соберитесь съ мыслями.

Чагановъ. Вы угадали. Дѣло, съ которымъ я намѣренъ къ вамъ обратиться, болѣе чѣмъ серьезно... Это вопросъ жизни.

Запольевъ. Вотъ какъ! А не лучше-ли о вопросѣ жизни вамъ трактовать сиди?.. Садитесь, право лучше.

Чагановъ (садясь, послѣ паузы.) Я молодъ... я только еще вступаю, такъ-сказать, на попрще жизни гражданина... (Ажитируясь, двигается на стулѣ.)

Запольевъ. Ну-съ? (Вдругъ.) Стулъ не спокоенъ. Возьмите кресло. (Указываетъ.)

Чагановъ. Нѣтъ, стулъ спокоенъ. (Снова ажитируясь и двигая стуломъ.) Но моя молодость не мѣшаетъ мнѣ чувствовать...

Запольевъ (перебивая.) Что стулъ не спокоенъ... Конечно! Не упрямитесь, возьмите кресло, прошу васъ.

Чагановъ. Пожалуйста, не обращайтесь вниманія на стулъ, Дмитрій Васпльичъ... Вы меня сбиваете... Дѣло въ томъ, что я намѣренъ жениться.

Запольевъ. Намѣрены жениться! Что-жь, это въ подлунномъ мѣрѣ не новость. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, послѣ сотворенія Адама и Евы, змѣй соблазнилъ послѣднюю отвѣдать райскаго яблока, это намѣреніе сдѣлалось общимъ мѣстомъ для всего человечества. Такъ! Но позвольте прежде, чѣмъ мы будемъ продолжать разговоръ о вашемъ естественномъ намѣреніи, предложить вамъ нѣсколько вопросовъ?

Чагановъ. Сдѣлайте одолженіе, я готовъ ихъ принять и отвѣтить.

Запольевъ. Безподобно. Скажите мнѣ, случалось-ли вамъ, бывъ ребенкомъ и получивъ въ подарокъ какую-нибудь игрушку, хоть, напримѣръ, картоннаго генерала, воображать, что это генералъ *самдлаинный*, что и усы у него выросли, какъ у обыкновеннаго генерала, что и сабля у него такая, что онъ ея можетъ любого непріателя зарубить, что это не кукла, и если захочетъ, можетъ,

не хуже живого, вы́хать передъ фронтъ полка и закричать хриповатымъ баскомъ: здорово, р-р-ребята! (Чагановъ смотритъ на него изумленно.) Не смотрите на меня какъ на съумасшедшаго, я не уклоняюсь отъ дѣла. Вѣдь случалось, да?

Чагановъ (изумленно, не хотя.) Случалось, да.

Запольевъ. Прекрасно. Ну, а способны-ли вы теперь долго оставаться подъ влияніемъ самообмана, сохранили-ли вы способность подобнаго ребяческаго увлеченія собственной фантазіей?

Чагановъ. Я не понимаю, что общаго между картоннымъ генераломъ и моимъ намѣреніемъ?

Запольевъ. Вы не понимаете, такъ я вамъ растолкую. Ребенокъ, упросивъ свою мамашу купить генерала, не видитъ въ своей покупкѣ куклы, подобія генерала, а принимаетъ его за самдѣлашаго, неподдѣльнаго, и счастливъ. Вы приходите въ гостиныя, ищете себѣ жену, выбираете, наконецъ. Вы видите у нея, положимъ, прекрасные золотистые волосы, отличный цвѣтъ лица, черные какъ смоль брови, очаровательное тѣлосложеніе, высокій ростъ. Женитесь— и увь! съ женой вашей совершается метаморфоза: волосы крашены, коса куплена за пятьдесятъ рублей у Альфреда, отличный цвѣтъ лица—пудра, blanc de perle и rouge indienne отъ Юнкера, ея роскошныя формы—вата отъ Андре, ростъ увеличенъ двухвершковыми каблучками какого-нибудь Оклера. Способны-ли вы и тогда считать ее за *самдѣлашную*, какъ ребенокъ—своего картоннаго генерала, остаться подъ впечатлѣніемъ жениховскихъ иллюзій и примириться съ поддѣлкой?

Чагановъ. Вы, очевидно, сегодня въ юмористическо-сатирическомъ настроеніи духа; вамъ угодно потѣшаться надо мной, но, зная васъ, я не обижусь... не...

Запольевъ (прерывая.) Потѣшаться надъ вами?—сохрани меня Богъ, я и не думалъ... Вамъ не понравилась форма, въ которую я отлилъ мои мысли, прошу извиненія... Я хотѣлъ этимъ только рельефнѣе доказать, что въ дѣлѣ женитьбы одного добраго намѣренія мало... Если вамъ угодно, я прекращу разговоръ, потому что, вы не ошиблись, мое сегодняшнее настроеніе далеко не обыденное.

Чагановъ. Напротивъ, я попрошу его продолжать и опять повторяю, что въ какой-бы формѣ вамъ ни угодно было высказываться, это для меня безразлично.

Запольевъ. Въ такомъ случаѣ, я продолжаю и жду отвѣта.

Чагановъ. Все, что вы сказали о поддѣлкѣ, можетъ быть, справедливо относительно нѣкоторыхъ женщинъ, но та дѣвушка...

Запольевъ. Феноменъ и мои слова къ ней не могутъ быть примѣнны, хотите вы сказать... Ваше обращеніе ко мнѣ, нѣкоторое смущеніе, наконецъ ваша необычная сдержанность, даютъ

мнѣ право предполагать, что ваше намѣреніе жениться отчасти касается меня... Ужь не Вѣра-ли тронула ваше сердце?

Чагановъ. Да, именно она... Я...

Запольевъ (прерывая его.) Такъ позвольте васъ спросить, почему вы знаете, что моя дочь не поддѣлка, а самодѣлшная?

Чагановъ. Я говорю серьезно, мнѣ кажется, тутъ шутки неумѣстны. Я люблю Вѣру Дмитриевну.

Запольевъ. Это самый основательный доводъ, какой когда-нибудь мнѣ удавалось слышать!.. Но, вы меня извините, я вамъ не вѣрю.

Чагановъ. Какъ вы сказали?.. Что?

Запольевъ. Я вамъ не вѣрю, что вы ее любите... (Чагановъ хочетъ возразить.) Постойте, не горячитесь... Вы честный человѣкъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь... вѣдь да?

Чагановъ. У насъ идетъ такой странный разговоръ, что...

Запольевъ (не обращая на его возраженія вниманія, перебиваетъ, въ прежнемъ тонѣ.) Ну, да, конечно. А если вы честный человѣкъ, — вы ее не любите, т. е. не должны, по крайней мѣрѣ, любить и жениться на ней.

Чагановъ. Мнѣ любопытно-бы знать, почему?

Запольевъ. Потому что на это вы не имѣете никакихъ правъ...

Чагановъ. Я васъ не понимаю.

Запольевъ. А понять не трудно, когда я вамъ скажу, что за Вѣрой нѣтъ никакого приданого, ни гроша мѣднаго.

Чагановъ. Этого мнѣ и не надо, это меня нисколько не касается.

Запольевъ. А вотъ эти послѣднія ваши слова и доказываютъ, что вы ее не любите. Это должно очень васъ касаться, очень! У васъ самихъ есть обезпеченное состояніе, вы — богатый человѣкъ?

Чагановъ. Богатство — понятіе относительное.

Запольевъ (прерывая его.) Угодно вамъ отвѣтить на мой вопросъ категорически? У васъ независимое, обезпеченное состояніе?

Чагановъ. Нѣтъ.

Запольевъ. Благодарю за откровенный отвѣтъ. Вы намѣрены жениться на Вѣрѣ, то-есть отнять у нея свободу располагать собой, лишить ее отца, а съ нимъ всего того довольства, которымъ она пользуется подъ его кровомъ; вы связываете ее обязанностями жены, хозяйки дома, а потомъ матери. Въ замѣнъ этихъ лишеній, въ облегченіе ноши этихъ новыхъ обязанностей, что вы можете дать ей въ вашей супружеской жизни: нужду, дрязги по кухнѣ, столовой, прачечной, возню въ дѣтской, полуголодь, полухолодь,

вѣчный недостатокъ и мѣщанское наслажденіе въ откладываніи копейки для старости. Нѣтъ, если вы честный человѣкъ, я убѣжденъ, вы бросите свое намѣреніе или, по крайней мѣрѣ, отложите его исполненіе до тѣхъ поръ, пока не будете стоять въ обезпеченномъ положеніи. Вдумайтесь хорошенько во все то, что и вамъ сказалъ, и вы согласитесь со мной, что ваше намѣреніе, по меньшей мѣрѣ, безумно, чтобъ не сказать—безчестно.

Чагановъ. Все обдуманно, взвѣшено и рѣшено; отступленіе назадъ невозможно, объ этомъ напрасно говорить. Изъ всѣхъ вашихъ софизмовъ выходитъ одинъ парадоксъ: что бѣдные люди не имѣютъ права жениться.

Запольевъ. То-есть не совсѣмъ такъ; не бѣдные люди, а пролетаріи не должны жениться... Это—не парадоксъ, а аксіома...

Чагановъ. Да развѣ я пролетарій?

Запольевъ. Вы не пролетарій; пока вы не женаты, можете прокормить сытно самого себя, у васъ есть голова и пара рукъ, а когда вы женитесь...

Чагановъ (подхватывая, съ улыбкой.) Тогда у насъ будетъ двѣ головы и двѣ пары рукъ.

Запольевъ (съ ироніей.) Иначе говоря, вы рассчитываете на сорокъ пять рублей мѣсячнаго жалованья Вѣрочки? Это ужь окончательно не красиво! Вѣдь даже простой крестьянинъ, хоть и видитъ въ своей невѣстѣ будущую лишнюю работницу для дома, но не имѣетъ и въ помыслѣ женитьбой ухудшить ея положеніе, одѣтъ изъ сапоговъ въ лапти. Вы-же, современный, развитой человѣкъ, намѣрены жениться, зная напередъ, что этимъ вы отнимаете у дѣвушки то довольство, которымъ она пользовалась, что вы ухудшаете ея матеріальное положеніе, обрекаете ее на лишній трудъ... Нѣтъ, вы Вѣру не любите.

Чагановъ. Неужели вы думаете, что счастье заключается въ одномъ матеріальномъ довольствѣ, богатствѣ, что трудъ не представляетъ никакого наслажденія?.. Наконецъ, мое положеніе вовсе не такое безвыходное, какимъ вы его представляете; женятся-же бѣдники и не клянутъ своей доли.

Запольевъ. Утѣшили!.. Я не думаю, чтобъ для человѣка, привыкшаго къ вкусному, изысканному обѣду и поставленнаго въ данную минуту въ безысходную необходимость утолять голодъ черствымъ хлѣбомъ, этотъ черствый хлѣбъ показался вкуснѣе отъ сознанія, что есть люди, умирающіе съ голода. Ну-съ, любезнѣйшій Николай Петровичъ, не покончить-ли намъ на этомъ нашъ разговоръ, наши пренія болѣе не выяснятъ поднятаго вами вопроса... Вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ и я вамъ даю его откровенно—не женитесь.

Чагановъ. Я пришелъ къ вамъ не столько за совѣтомъ, за которъй я, впрочемъ, очень благодаренъ, сколько за тѣмъ, чтобъ заявить вамъ о своемъ намѣреніи... Вѣра Дмитриевна раздѣляетъ мое чувство, она готова связать свою судьбу съ моею, она дала мнѣ слово выйдти за меня замужъ... Теперь я прошу вашего согласія, съ этой цѣлью я явился сюда.

Запольевъ (съ усмѣшкой.) Гмъ!.. Заявить о своемъ намѣреніи и просить моего согласія... Вотъ что! (Пауза. Смотритъ ему въ глаза.) Я васъ не понимаю... Вы для меня загадка. Послѣ всего того, что я вамъ сейчасъ сказалъ, вы рискуете просить моего согласія и думаете получить благопріятный отвѣтъ... странно!

Чагановъ. Всѣ ваши совѣты въ нашемъ настоящемъ разговорѣ я объясняю себѣ вашимъ настроеніемъ, вашимъ желаніемъ поразузнать меня, потѣшиться тѣмъ неизбежно - ненормальнымъ положеніемъ, въ какомъ нахожусь я, какъ женихъ, просящій у отца руки его дочери. Въ этотъ годъ знакомства съ вашимъ домомъ я васъ понялъ, нѣсколько изучилъ вашъ характеръ, а потому смѣло еще разъ повторяю свою просьбу, не боясь отказа.

Запольевъ. Вотъ что! Оригинальная самоувѣренность и самонадѣянность... Нѣтъ, сударь, вы меня не знаете и не понимаете!.. Я вамъ теперь скажу рѣшительно—моей Вѣрѣ никогда не быть madame Чагановой... Я не дамъ своего согласія на этотъ бракъ уже по одному тому, что онъ грозитъ ей нуждой, лишениями и безвыходной бѣдностью... О другихъ причинахъ моего отказа я считаю за лучшее умолчать... Нашъ разговоръ конченъ. (Хочетъ встать.)

Чагановъ. Я васъ прошу подарить мнѣ еще пять минутъ, и тогда, если вамъ угодно, нашъ разговоръ можетъ быть конченъ. (Запольевъ опускается, дѣлая знакъ Чаганову, что онъ согласенъ остаться.) Благодарю васъ... Вы увлекаетесь любовью къ Вѣрѣ Дмитриевнѣ, это понятно, а потому все вамъ представляется въ преувеличенномъ видѣ. Я вамъ сказалъ, какъ объяснялъ себѣ ваши совѣты, потому только и не возражалъ обстоятельно. Теперь вы отказываете серьезно и я обязанъ разбить вашъ главный доводъ. Съ чего вы берете, что Вѣрѣ Дмитриевнѣ грозитъ и холодъ, и голодъ, и безысходный трудъ, и всякія несчастія въ замужествѣ за мной?.. Не забудьте, у меня есть спеціальность, я лекарь, докторантъ, у меня впереди практика, даже, можетъ быть, болѣе, чѣмъ вѣроятно, профессорская кафедра... Я всегда заработаю минимумъ пять тысячъ въ годъ, а при этомъ нужда немислима. Вы, сами вы не проживаете болѣе; какія-же матеріальныя лишенія ей предстоятъ, скажите?

Запольевъ (въ сторону.) Каково нахальство!.. Я болѣе его не

пощажу. (Какъ-бы сконфузясь.) Видите, Николай Петровичъ... дѣйствительно я увлекся, я не сообразилъ, мнѣ въ голову все это не пришло... вините себя, вы мнѣ сказали, что у васъ ничего нѣтъ. (Какъ-бы обрадовавшись.) Этакое увлеченіе и забывчивость на старости лѣтъ! Я самъ былъ у васъ съ визитомъ, видѣлъ вашу прелестную обстановку, ѣздилъ на вашихъ рыскахъ... И вдругъ этакое затмѣніе!.. Ну, и вы-то тоже хороши—такъ мистифицировать вздумали старика!.. Будьте со мной откровенны, скажите, неужели у васъ такая практика, что на второй годъ по выходѣ изъ университета вы могли такъ блистательно обставиться и устроиться?.. Или у васъ были какія-нибудь средства отъ вашего батюшки?..

Чагановъ. Мой отецъ бѣднякъ, сельскій дьяконъ.

Запольевъ. Дьяконъ?.. вотъ!.. Стало быть, все это дала практика?

Чагановъ. (Заминяясь.) Нельзя сказать, чтобъ все... (Рѣшительно.) Нѣтъ, не могу передъ вами лгать... Я сдѣлалъ долгъ.

Запольевъ (изумленно.) Да?... До-о-лгъ!..

Чагановъ. Небольшой... въ пятнадцать тысячъ.

Запольевъ (вставая, рѣзко.) Кончено, господинъ Чагановъ... Мое рѣшеніе неизмѣнно... Вы не будете ни мужемъ Вѣрочки, ни моимъ зятемъ... ни за что... Прощайте! (Идетъ къ правымъ дверямъ.)

Чагановъ. Васъ испугалъ такъ мой долгъ?

Запольевъ (вспыхнувъ.) Нѣтъ, не вашъ долгъ... а вы, вы своею личностью, своею ложью, своею безнравственностью... Я знаю все... Скажите мнѣ спасибо, что я уйду... Я щажу васъ.

Чагановъ (блѣднѣя, беретъ его за руку.) Одни трусы дерутся изъ-за угла... Вы мнѣ сказали дерзость и не хотите объясниться... (Въ лѣвыхъ дверяхъ показывается Вѣра.) Честные люди такъ не дѣлаютъ... Объяснитесь, я требую.

Запольевъ. И у васъ достаетъ наглости требовать объясненій? Хорошо!.. Вы сдѣлали долгъ, чтобъ обставиться?.. Лжете. (Наклоняется къ самому уху.) Вы взяли эти деньги безъ отдачи у вашей любовницы Крамолиной.

Чагановъ (отстраняясь отъ него.) О, проклятіе! (Весь дрожить, схватывая себя за голову.) Молчите... Я за себя не ручаюсь.

Запольевъ. И послѣ этого вы осмѣливаетесь искать руки Вѣрочки,—человѣкъ, живущій на средства своей любовницы...

Чагановъ (бросается—было на него, но потомъ удерживается.) Молите Бога, что вы отецъ моей Вѣрочки, иначе-бы... (Достаетъ изъ бокового кармана росписку Крамолиной и всовываетъ ему въ руки.) Читайте. (Закрывая лицо руками, съ подавленными рыданіями.) Дорого обходится мнѣ ошибка молодости!..

Запольевъ. Что это... росписка? А! (Читаетъ про себя.) Это...

это ничего не доказываетъ... Это сдѣлано для отвода глазъ. Я не вѣрю... Возьмите. (Подаетъ.)

Чагановъ. Нѣтъ, я хочу васъ увѣрить... Поѣдьте къ нота-
ріусу, тамъ явлены векселя... Умоляю васъ, поѣдьте.

Запольевъ. Это ни къ чему не поведетъ... Вѣра вашей же-
ной не будетъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Запольевъ, Чагановъ и Вѣра.

Вѣра (подходя, спокойно.) Она будетъ вашей женой.

Запольевъ (обертываясь.) Какъ, что?.. Ты здѣсь?

Чагановъ (припадая къ поданной ему рукѣ.) Вѣра Дмитриевна,
Вѣра... (Отъ волненія не можетъ сказать ни одного слова.)

Вѣра. Успокойтесь, мой другъ... Онъ не хочетъ повѣрить фак-
тамъ и даже увѣриться въ истинѣ, такъ я вамъ вѣрю, зная все
по однимъ вашимъ рассказамъ, безъ всякихъ письменныхъ дока-
зательствъ; для васъ этого должно быть исполнѣ довольно! А вы,
папа, мало того, что должны дать намъ свое согласіе, вы попро-
сите у него извиненія, вы его оскорбили.

Запольевъ (прерывая ее, съ бѣшенствомъ.) Ты забылась... ты съ-
ума сошла... съ кѣмъ ты говоришь?

Вѣра. Съ отцомъ, котораго до сихъ поръ глубоко уважала. Вы
его безвинно терзали цѣлый часъ, издѣвались, оскорбляли... Я все
слышала, подслушала, винюсь въ этомъ...

Чагановъ. Дмитрій Васильчъ, я васъ умоляю, выслушайте...

Вѣра (удерживая его.) Довольно унижаться... дайте мнѣ кон-
чить... Папа! Сейчасъ вы мнѣ говорили про свои увлеченія, про свои
ошибки, которыя разбили всю вашу жизнь. Передъ вами человѣкъ
честный, хорошій, впавшій въ одну ошибку и такъ дорого платитъ
за свое увлеченіе; долженъ-же онъ найти сочувствіе, пробудить
въ васъ желаніе помочь ему; а вы бросаете въ него грязью, позор-
ите его, оскорбляете...

Запольевъ (перебивая.) Безъ наставленій и совѣтовъ... не тебѣ
меня учить... Замолчи!

Вѣра. Вы не хотите согласиться на нашу свадьбу?

Запольевъ. Не хочу и не соглашусь.

Вѣра. Въ такомъ случаѣ я сегодня-же оставлю васъ, переѣду
на квартиру и выйду замужъ за Николая Петровича безъ вашего
согласія.

Запольевъ. Вѣрочка! ты этого не сдѣлаешь!

Вѣра. Какъ ни тяжело мнѣ будетъ, но сдѣлаю, порукой этому
мое честное вамъ слово, а вы знаете, что я его умѣю держать.

Запольевъ (отчаянно.) О, мой Богъ, мой Богъ! (Опускается въ кресло.)

Вѣра. Вспрайте-же, папа, любое: или мой побѣгъ отъ отца, свадьбу безъ отцовскаго благословенія, т. е. полный скандалъ, или ваше согласіе и полный миръ... Это должно рѣшиться сейчасъ. Я жду отвѣта.

Запольевъ (вставая, послѣ паузы.) Судьба... судьба! (Подходя къ Чаганову, слегка дрожащій голосомъ.) Вотъ что, любезный Николай Петровичъ: забудемъ все... (Протягиваетъ руку.) Я согласенъ... Я отдаю вамъ, вѣрю это сокровище,—любите вы ее или нѣтъ, это ваша сердечная тайна, но я требую отъ васъ ея счастья, вы мнѣ это должны обѣщать!.. Но если Вѣра будетъ несчастна... если вы ее обманете, промѣняете... я убью, задушю васъ своими старческими руками... Ну, а теперь дайте мнѣ васъ обнять и поздравить. (Цѣлуетъ, обнимаетъ его и опускается въ кресло.)

Чагановъ. Повѣрьте, Дмитрій Васильичъ, я сдѣлаю Вѣру счастливой; я честный человѣкъ, вы не ошиблись во мнѣ. (Цѣлуетъ руку Вѣры.) Порукой въ этомъ она.

Запольевъ (обнимая и цѣлуя съ рыданіями Вѣру, подошедшую къ нему.) Вѣра моя... Вѣрочка!.. Будь счастлива. Не о томъ я мечталъ всю мою жизнь... Вонъ она (указываетъ на портретъ), одна она знала мои мечты... (Закрываетъ лицо руками.)

Вѣра. Полно, папа, успокойся... Какой ты сталъ нервный! А еще проповѣдуешь всѣмъ, что сердце—лишній баластъ, что надо жить однимъ умомъ... Зачѣмъ-же слезы?.. Ну, будетъ, будетъ. (Цѣлуетъ его въ щеку, въ это время изъ среднихъ дверей показывается Пырешева.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Прежніе, Пырешева и Дементій.

Пырешева (останавливаясь въ дверяхъ и не замѣчая Чаганова.) Ah, quelle scène de famille! (Входитъ.)

Запольевъ (отстраняясь отъ Вѣры.) Сестра...

Вѣра (быстро встаетъ и съ коварной улыбкой подходитъ къ Пырешевой.) Тетя, позвольте вамъ представить...

Пырешева (перебивая.) Ты ужь мнѣ, представляла monsieur Чугунова... Enchantée, monsieur! Я васъ помню. (Съ важностію, надменно киваетъ головой и садится.)

Вѣра. На этотъ разъ, тетя, я вамъ представляю Николая Петровича не просто какъ monsieur Чаганова, а какъ моего жениха, за котораго въ воскресенье я выхожу замужъ.

Пырешева (пораженная, смотря на всѣхъ изумленными глазами.) Что?.. Что такое?.. Странны и вовсе неумѣстны подобныя шутки! *Quelle bêtise que tout cela!* Я этого не люблю... Дѣвушкѣ твоихъ лѣтъ, *mon enfant*, подобныя шутки неприличны. (Къ Запольеву). *Qu'est ce qu'elle dit?*

Вѣра. Я, тетя, нисколько не шучу, да и никогда не позволю себѣ подобныхъ шутокъ съ вами; я говорю серьезно—я вамъ представляю еще разъ Николая Петровича, какъ моего жениха и будущаго мужа, и (иронически) надѣюсь, что вы его примете въ ваше родственное расположеніе.

Пырешева (вспыхнувъ.) Довольно, *ma chère*... *Point de bêtises!*.. Я еще съума не сошла, чтобъ позволяла такъ шутить съ собой! *Je ne suis pas trop bête, qu'en pensez vous!*

Вѣра. Вы мнѣ не вѣрите, тетя, вы сердитесь... Пусть-же папа подтвердитъ вамъ мои слова... Николай Петровичъ, пойдемте въ мой кабинетъ... Мнѣ надо еще заняться... Прочтемъ вмѣстѣ и исправимъ ученическія сочиненія... *Je vous rends mes salutations, chère tante!*.. *Au revoir, papa!* (Беретъ подъ руку Чаганова; ему вполголоса.) Я отомстила этой старухѣ за всѣ ея барскія выходки и недобрые замыслы. (Уходить налѣво.)

Пырешева (смотря на Запольева, который сидитъ съ опущенными глазами и сложенными на груди руками.) Что съ ней? *Que tout cela veut dire?* Что это значить?.. (Вертитъ у себя пальцемъ передъ лбомъ.) Съ ней это бываетъ временами, а? *C'est de la folie, a?*.. Что-же ты молчишь, *cher ami?*

Запольевъ. Что-же мнѣ тебѣ сказать, сестра?.. Вѣра говорила правду.

Пырешева (прерывая.) Что... что-о? Да вы оба помѣшались!

Запольевъ (вставая.) Можетъ быть... Вѣдь говорятъ-же, что всѣ люди на чемъ-нибудь болѣе или менѣе помѣшаны. (Начинаетъ ходить.)

Пырешева (окончательно пораженная.) Такъ это правда?.. Она...

Запольевъ (ходя.) Невѣста Чаганова и выходитъ за него за мужъ.

Пырешева. Какъ за него?... За этого лекаришку?.. *Erouser un médecin... un fils de diakon... mais c'est ignoble!* Да это... это несчастье, хуже—позоръ!

Запольевъ (ходя.) Что дѣлать?.. *fatalité, fatalité!*

Пырешева. Да что ты, *mon cher*... затвердилъ одно—*fatalité, fatalité!* Вѣдь ты не *Belle Hélène*, которая всѣ свои мерзости сваливала на судьбу... Полно бѣгать изъ угла въ уголь, терпѣть не могу... Сядь, расскажи толкомъ, что случилось... Все это вдругъ.. внезапно... Я голову потеряла. *Cela m'étonne*... Сядь.

Запольевъ (сядь.) Рассказывать долго нечего... Мы живемъ

въ такое время, когда власть родительская пуфъ, мифъ... Нынче отцы должны повиноваться дѣтямъ, потому, видишь, что первые виновники существованія послѣднихъ... Грустное время, да!.. Я долженъ былъ согласиться...

Пырешева (въ ужасѣ.) Ah, mon Dieu!.. Какое ужасное несчастье! Я понимаю твое безвыходное положеніе... Я чувствовала, что опоздала... Предчувствіе меня не обмануло... Вотъ что значитъ дѣвушка безъ надзора матери... Расскажи-же, давно-ли, какъ случилось это несчастье съ нею? О, pauvre enfant! Преступное увлеченіе и кѣмъ-же?.. un fils de diakon! О, несчастье!

Запольевъ. Какое несчастье? Что ты, сестра, Господь съ тобой, опомнись! Моя Вѣра—честная дѣвушка. Тутъ нѣтъ такого увлеченія, какое ты предполагаешь.

Пырешева. Mais, ma foi... Я тебя не понимаю... Что-же въ такомъ случаѣ побудило тебя согласиться на это, на эту vilaine mésalliance?

Запольевъ. Характеръ Вѣры. Она рѣшилась, дала себѣ слово выйти за Чаганова замужъ, заявила мнѣ объ этомъ; все равно, даль-ли-бы я согласіе, не даль-ли, она-бы на своемъ поставила. Я ее знаю.

Пырешева. И только поэтому ты согласился разрѣшить своей дочери épouser un fils de diakon! Струсилъ передъ капризомъ безумной дѣвчонки? C'est absurde!

Запольевъ (раздраженно.) Ахъ, сестра... Ты не знаешь Вѣры, ея рѣшеніе—не капризъ... Ну, не согласился-бы я, она потихоньку бы ушла изъ дому и обвѣчалась... Что-жь-бы вышло—скандалъ на весь Петербургъ.

Пырешева. Ну, mon frère, я отъ тебя этого не ожидала. Такая трусость, безхарактерность... C'est horrible! Ты, отецъ, мужчина, и ты не нашелъ средствъ запретить, удержать!

Запольевъ. Вѣдь ей двадцать два года, она не дѣвочка. Не запереть-же ее, въ самомъ дѣлѣ, на замокъ, не посадить на хлѣбъ и на воду... Все это глупости.

Пырешева (обиженно.) Voilà! Вотъ какъ... Глупости!.. Merci, mon frère... Я отъ тебя этого не ожидала! (Звонить.)

Запольевъ. Что ты, ma chère soeur? Что съ тобой?

Пырешева (вошедшему Дементію.) Прикажи моей Луизѣ укладывать въ кофры всѣ мои вещи, мы сейчасъ переѣзжаемъ въ отель. (Дементій стоитъ съ удивленнымъ лицомъ.)

Запольевъ. Сестра!

Пырешева (Дементію.) Что-же ты?.. Ты слышалъ... ступай!

Дементій. Слушаю, ваше превосходительство. (Уходя, въ сторону.) Это выходитъ: але-ву-занъ!

Запольевъ. Сестра, побойся Бога, что ты дѣлаешь?

Пырешева. Я всегда боялась и боюсь Бога, а ты вот нѣтъ! Родная дочь сумасшествуетъ, гибнетъ, а онъ изъ пустого страха какого-то скандала не хочетъ палецъ о палецъ ударить, чтобъ спасти ее. *C'est affreux!* Мнѣ совѣстно оставаться у тебя, видѣть нашъ фамильный позоръ, вращаться въ подобномъ обществѣ... *aller s'encanailler avec de Чугуновъ... jamais de ma vie!*.. Я пріѣхала нарочно въ Россію, чтобъ устроить счастье своей племянницы, послѣдней изъ Запольевыхъ, я хотѣла ее облагодѣтельствовать, сдѣлать своей наслѣдницей—и вдругъ такой позоръ. И все это сдѣлать помимо меня, не сказать мнѣ ни слова, какъ-будто меня нѣтъ, какъ-будто я ничто, нуль... *Merci! Non, non!* Ни минуты не могу остаться съ вами подъ одной кровлей. (Встаетъ.)

Запольевъ. Но ради Бога! Я тебя прошу... умоляю!

Пырешева. Ты умоляешь? Изволь, я готова остаться, и вот мои условія. Сейчас отправляйся къ нимъ, скажи, что ты раздумалъ, что берешь свое согласіе назадъ, попроси этого... Ча... Чугунова оставить твой домъ... Вдвоемъ мы найдемъ средства.. Положись на меня... Если ты этого не сдѣлаешь—*je donne ma parole d'honneur*, что ни минуты здѣсь не останусь. Беру первую знакомую бѣдную дѣвушку вмѣсто дочери и дѣлаю ее моей наслѣдницей. *Ainsi, c'est bien entendu!*

Запольевъ. Я готовъ тебѣ сдѣлать угодное, сестра; но пойми, что изъ этого ничего не выйдетъ... Я знаю характеръ Вѣры...

Пырешева (перебивая.) *Assez!* Довольно! *Pas un mot de plus!* И это мужчина... отецъ... мой братъ... Запольевъ! *Fi, misérable!* Я увѣжаю; мы больше съ тобой незнакомы... Помни это. (Идетъ.)

Запольевъ (идя вслѣдъ ей.) Сестра, *ma chère sœur!*

Пырешева (остановясь.) Ты принимаешь мои условія, а? (Молчаніе.) Ну, говори-же: *oui ou non?* (Молчаніе.) Отвѣчай!

Запольевъ. Это ни къ чему не поведетъ. Клянусь тебѣ...

Пырешева (перебивая.) Послѣ этого... вы не братъ мнѣ... Я васъ знать не хочу, вмѣстѣ съ вашей несчастной нувелисткой... Ни слова! Вы—тряпка!.. Вы—колпакъ! (Уходитъ.)

Запольевъ (одинъ.) Бѣда, несчастіе!.. Что дѣлать, что предпринять? Рѣстилъ, воспитывалъ, послѣднюю копейку ставилъ ребромъ для ея воспитанія, всѣ надежды свои, всѣ мечты лелѣялъ на ея замужествѣ... Вотъ, думалъ, будетъ у меня зять съ именемъ, со средствами, со связями въ обществѣ,—опять моя жизнь потечетъ безмятежно, среди полного довольства, блеска, роскоши... Въ перспективѣ рисовалась почетная старость, значеніе въ большомъ свѣтѣ, уваженіе отъ всѣхъ... и вдругъ!.. О, Вѣра, Вѣра!..

Новыя испытанія, новыя страданія!.. И за что, за что?.. Это ужасно!.. (Уходитъ въ дверь направо.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Дементій и Слетышевъ.

Дементій (выходя изъ среднихъ дверей.) Гдѣ-же онъ? (Осматривается.) Видно, въ кабинетъ, ушелъ. (Подходить къ правымъ дверямъ.) Такъ и есть. (Хочетъ отворить дверь.) Заперся... осерчалъ... Ну, выйдетъ, а я больше этого афронту переносить не намѣренъ. Сегодня-же возьму расчетъ; отойду, безпремѣнно отойду. Самъ шамотонилъ, шамотонилъ весь вѣкъ, замѣсто чтобъ служить да чины получать, шлялся не вѣсть гдѣ по заграничнымъ мѣстамъ, дочку всѣмъ наукамъ обучилъ, учительшей сдѣлалъ, а теперь напоследокъ... нате-ка, за дьяконскаго сына замужь... Срамникъ! Послѣдній день служу... Отойду, пускай глаза мои этого сраму не видятъ.

Слетышевъ (влетая изъ среднихъ дверей.) Гдѣ-же всѣ?.. А, Дементій Лукичъ! Горничная сказала, что принимаютъ, а въ гостиной никого нѣтъ.

Дементій. Всѣ по своимъ комнатамъ, сударь, Сергѣй Ильичъ.

Слетышевъ. Что-же такое значитъ? Странно... Говорятъ—пожалуйте, принимаютъ; прихожу—въ гостиной никого.

Дементій. Не до того, сударь, у насъ въ домѣ афронтъ.

Слетышевъ. Какой афронтъ?.. Въ чемъ дѣло, Дементій Лукичъ?

Дементій. Конечно, это дѣло не наше—лакейское, но какъ я съ младенческаго возраста, еще при его высокопревосходительствѣ, покойномъ папенькѣ Дмитрія Васильевича, вторымъ камердинеромъ шесть лѣтъ находился... (Останавливается.)

Слетышевъ. Ну и что-жь?

Дементій. А то, что это намъ обидно.

Слетышевъ. Да что-же обидно-то?

Дементій. А афронтъ.

Слетышевъ. Какой афронтъ?

Дементій. А этотъ самый, происходяшій... Потому теперь какое объ насъ можетъ быть мнѣніе общества... Почему и какъ?.. всякій ничего незначущій человѣкъ можетъ спросить причину... Намъ очень обидно... и невозможно это все переносить!.. Я больше Дмитрію Васильичу не слуга.

Слетышевъ. Какъ, Дементій Лукичъ, вы отходите отсюда?

Дементій. И даже безъ разсужденіевъ... при всей моей сер-
ной горести и отчаянности.

Слетышевъ. Да что-же, вы обижены чѣмъ-нибудь, оскорблены? Дементій. До самого сердца и души... и даже до слезъ. (Утираетъ глаза.) Вотъ какъ сударь, Сергѣй Ильичъ, истинно, что оскорбленъ.

Слетышевъ. Да чѣмъ-же оскорблены, что случилось?

Дементій. Чего-же хуже и оскорбительнѣе случится этого афронта? Тепереча дѣдушка Дмитрія Васильича и папенька ихъ высокопревосходительные были, при многихъ звѣздахъ; маменька ихъ тоже, царство имъ небесное, были первой княжеской фамиліи; Настасья Васильевна въ губернаторшахъ состояли и даже на послѣдоекъ въ сенаторшахъ... Весь родъ Запольевыхъ, можно сказать, въ чинахъ до послѣдней степени доходилъ и вдругъ наша барышня, ангель и красавица, за дьяконскаго сына замужъ... Обидно!

Слетышевъ. (Изумясь.) Что-о?

Дементій. Да-а-съ... Вѣру-то Дмитріевну просватали.

Слетышевъ. Не можетъ быть!.. Когда, какъ?

Дементій. Вѣрно-съ. За дьяконскаго сына... афронть!

Слетышевъ. За Чаганова... Да не можетъ быть! А Дмитрій Васильичъ далъ согласіе?

Дементій. Однимъ словомъ, окончилось прекрасно.

Слетышевъ. Во-о-тъ что-о, гмъ! Ну, а Настасья Васильевна какъ?

Дементій. Мы съ генеральшей переѣзжаемъ сейчасъ къ Демуту. Потому что-жь? Послѣ такого срамнаго афронту какая можетъ быть ея превосходительству здѣсь пріятная компанія съ дьяконскимъ сыномъ... Онъ и по-французски-то разъ-другой пикнетъ, да и обчелся... То-есть... всѣ оскорблены.

Слетышевъ. Га-а!.. Такъ вотъ что!.. Вотъ какъ!.. Стало быть, вышла ссора?

Дементій. И даже ужасная!.. Генеральша переѣзжаетъ и я съ ней, только вотъ расчетъ получу... Ужь хоть тамъ выѣзднымъ буду, да по крайности передъ своимъ братомъ не стыдно. Спросать: чьихъ?.. Генеральши Пырешевой... А здѣсь какая пріятность... дьяконскій сынъ!.. Ни гербовой ливреи, ни титула, ни блестящаго комфорта, никакого тона и пышнаго великолѣпія, одно слово—самое мизерное простолудинство.

Слетышевъ. Конечно, конечно!

Дементій. За миллионы здѣсь не остануеъ, срамиться... Вы къ намъ жалуйте, Сергѣй Ильичъ, потому генеральша этакихъ-то, какъ вы, арестократовъ, жалуютъ, любятъ.

Слетышевъ. Непремѣнно, Дементій Лукичъ, непремѣнно.

Дементій. То-то, вѣдь у насъ будетъ все на высшую ногу, не какъ здѣсь... Пирь да банкеты, ливреи въ полномъ блескѣ.

(Береть поднось.) Пра-а-во! (Лѣвая дверь отворяется.) Вонъ онъ идетъ... паки и накп!.. Уйти! А фронтъ, какъ есть срамной а фронтъ! (Уходить съ подносомъ въ среднюю дверь.)

Слетышевъ (потирая руки.) Нареченный... женихъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Слетышевъ и Чагановъ.

Чагановъ (въ лѣвыхъ дверяхъ.) Менѣе, гораздо менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, я возвращусь, только перемѣню повязку... До свиданія, дружокъ. (Затворяетъ двери и оборотясь къ Слетышеву.) Ахъ, кого я вижу, —колега! (Протягиваетъ руку.)

Слетышевъ (отстраняя руку.) Не надо руки, не надо... Сюда, на грудь, въ объятія. (Обнимаетъ и цѣлуетъ.) Поздравляю, отъ всего моего безпутнаго сердца поздравляю... Ну, рассказывай, какъ сломилъ старика, чѣмъ.

Чагановъ. Да все благодаря твоему дружескому адвокатскому совѣту, благодаря векселямъ и роспискѣ... Дѣло было-дошло до поножовщины. Онъ тронулъ самую большую струну... ты понимаешь? Я показалъ ему росписку Крамолиной, поѣгла Вѣра, — старикъ смирился и согласился.

Слетышевъ. Bravo! (Жметъ ему руку.) Стало быть, наша взяла!

Чагановъ. Да, мой другъ, и никогда, никогда не забуду, что ты для меня сдѣлалъ; не выдай я по твоему настоянію векселей, не получи отъ нея росписки, просто-бы бѣда... Ну, а что тамъ, какъ?.. Больна, лежить?.. Ты былъ?

Слетышевъ. Вчера. Никакой болѣзни какъ и не бывало, прыгаетъ и распѣваетъ... Все фокусъ-покусы, притворные обмороки... Досада, злоба, что не она первая сказала адые; а главное —знаешь, что векселями и роспиской ты отнял у нея возможность третировать тебя, смотрѣть на тебя при встрѣчѣ свысока.

Чагановъ. Неужели весела?

Слетышевъ. Parole! Полное веселье, все болѣе чѣмъ спокойно, и уже новыя сѣти раскидываются, чтобъ уловить нѣкоего пажона изъ іерусалимскихъ бароновъ. А ты подозрѣвалъ въ ней чувство, страсть, любовь!

Чагановъ. Это ужасно!

Слетышевъ. Что ты хочешь? Львицы большого свѣта вздыхаютъ только тогда, когда онѣ голодны... Ну, да Богъ съ ней, она для тебя отрѣзанный ломоть; скажи-ка лучше, когда свадьба-то твоя?.. Завидно даже, счастливички!

Чагановъ. На будущей недѣлѣ, въ воскресенье. Ты шаферствуешь, конечно?

Слетышевъ. Еще-бы! Съ смертнаго одра соскочу, да прибѣгу держать вѣнецъ. Ну, а всѣ формальности, свидѣтельства разные, оглашенія... ничего еще не сдѣлано, а? Давай, давай, все смастеримъ... Это наше прямое дѣло!

Чагановъ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, будь другъ... Когда-бы намъ свидѣться? Вотъ что: послѣ завтра у меня соберутся всѣ мои знакомые, я дѣлаю вечеръ.

Слетышевъ. Мальчишникъ, что-ли, устраиваешь?

Чагановъ. Пожалуй, что и такъ... Соберу всю ораву своихъ знакомыхъ, въ послѣдній разъ накормлю ихъ, объявлю, что женюсь... Ну, однимъ словомъ, покончу съ ними, сожгу корабли, чтобъ и возврата не было...

Слетышевъ. Bravo, bravo, молодецъ, умно!

Чагановъ. Такъ ты приѣзжай этапъ часамъ къ семи, я готовлю всѣ нужные документы и передамъ тебѣ, а теперь до свиданія, бѣгу къ больному... Да, что ты одинъ, иди къ Вѣрѣ.

Слетышевъ. Я сейчасъ, сейчасъ.

Чагановъ. Ну еще разъ до свиданія, я скоро вернусь, подожди меня у Вѣры. (Жметъ руку.) А того, что ты для меня сдѣлалъ, пока живъ, не забуду; я твой должникъ!

Слетышевъ. Когда-нибудь сочтемся. (Проводивъ его до дверей, бьетъ себя по лбу.) Вотъ что-называется—никакихъ! Теленокъ, совсѣмъ теленокъ!.. Смѣло палецъ въ ротъ клади: сосать будетъ, а не откусить... Теперь, значить, побѣда, полная и совершенная побѣда... Коллега не страшень, малый—рубаха, да и къ тому-же онъ у меня (бьетъ по боковому карману) вотъ гдѣ, ампошированъ вмѣстѣ съ векселями крѣпко. Остается одна эта Вѣра... Ну, ее обойти—не мутовку облизать, да! Раскинуть мозгами, какъ дѣйствовать? (Задумывается.) Если такъ... такъ... и такъ? Отлично, никакого подозрѣнія быть не можетъ... Уговорю, во что-бы ни стало уговорю!.. Приятный сюрпризъ жениху и вмѣстѣ несчастное стеченіе обстоятельствъ... А если послѣ пойметъ, что все это было подстроено мной, подтасовано, пригнано?.. Послѣ, послѣ-то что будетъ?.. О, стоитъ-ли надъ этимъ задумываться! Надо Крамолину взять въ лапки, а послѣ все тринъ-трава... *Après nous le deluge!*.. *En avant!* (Идетъ къ лѣвымъ дверямъ.) Послѣ завтра мальчишникъ!.. (Останавливается.) По-с-л-ѣ зав-тра! *Voilà une charmante idée!*.. Послѣ завтра вечеромъ все это и устроимъ... Да, да, превосходно; однимъ выстрѣломъ уьемъ двухъ зайцевъ... Рѣшено—послѣ завтра. *Enfin*, ворона съ мѣста—соколы на мѣсто! (Идетъ въ лѣвыя двери.)

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь Михайловна Крамолина.

Николай Петрович Чагановъ.

Сергій Ильичъ Слетышевъ.

Вѣра Дмитриевна Запольева.

Федоръ Алексѣевичъ Муравинъ, молодой военный докторъ, товарищъ Чаганова.

Андрей Матвѣевичъ Книгинъ, отставной гусаръ.

Григорій Алексѣевичъ Громчевскій, провинціальный актеръ, исполнитель куплетовъ.

Василій, слуга Чаганова.

Гости.

(Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Чаганова.)

Обширный кабинетъ, обставленный богато и со вкусомъ. Солидная неполированная мебель, двѣ-три хорошія картины. Нагѣво диванъ, нѣсколько креселъ и большой круглый столъ съ альбомами и кипсеками. Направо письменный столъ, плетеное рабочее кресло, этажерка съ книгами и журналами. Прямо арка; направо—входная дверь, нагѣво—во внутреннія комнаты. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чагановъ, Муравинъ, Громчевскій и Книгинъ.

При поднятій занавѣса Чагановъ съ Муравинимъ сидятъ нагѣво около стола. Громчевскій и Книгинъ, въ глубинѣ сцены, направо отъ арки, играютъ за ломбернымъ столомъ въ пикетъ; чрезъ арку видѣнъ залъ съ нѣсколькими столами играющихъ въ карты. Каминъ пылаетъ; на кругломъ столѣ горитъ лампа, на каминѣ пара канделябръ, на ломберныхъ столахъ по четыре свѣчи; передъ сидящими стаканы чая.

Муравинъ (курятъ сигару и прихлебывая чай.) Стало быть, корабли сожжены и возврата нѣтъ?

Чагановъ. Нѣтъ. Начинаю новую жизнь, жизнь трудовую и разумную.

Муравинъ. Давай Богъ! Коли, ты говоришь, такая дѣвушка, то съ ней не страшно. (Куритъ.)

Громчевскій (считаетъ.) Квартъ-мажоръ, терць отъ дамы, четырнадцать королей, три десятка—итого двадцать четыре.

Книгинъ. Bien-bon! (Нагѣваетъ.)

Il nous faut de l'amour,

N'en fut il plus au monde. (Играютъ.)

Чагановъ (Муравину.) Ну, а ты какъ?

Муравинъ. Да что я? Приѣхалъ освѣжиться у васъ въ Питерѣ двадцати-осьмидневному отпускомъ, потомъ опять махну въ благословенную Малороссію, къ своему полку; будемъ морить людъ православный, христолюбивое руссiйское воинство по всѣмъ правиламъ науки, получая за сіе четыре сотни казеннаго жалованья. Какъ видишь, не особенно дешево мнѣ обходится академическая стипендія.

Чагановъ. А держать экзаменъ на доктора, ты вѣдь хотѣлъ?

Муравинъ. Мало-ли что хотѣлъ. На хотѣнье есть терпѣнье, выше брюха своего не вскочишь. Когда въ одномъ казенномъ жалованьи всѣ ресурсы, тутъ не до ученыхъ степеней... тутъ не до жиру—быть-бы живу.

Громчевскій (считая.) Пять и пятнадцать—двадцать, четырнадцать тузовъ—девяносто четыре, три дамы—девяносто семь, три короля—сто, всѣ въ счету—сто двадцать, открытый капотъ—двѣсти. Извольте полюбоваться, ха, ха, ха! (Открываетъ карты.) Видите—сто двадцать, да открытый капотъ—восемьдесятъ, и того...

Кининъ. Видимъ, sacré pom; какъ вамъ валить! (Беретъ карты и тасуетъ, налѣво.) Il nous faut de l'amour!

Муравинъ (тихо Чаганову.) Что тебѣ за охота была назвать всѣхъ этихъ? (Указываетъ на игроковъ.)

Чагановъ (тоже тихо.) Съ умысломъ, голубчикъ. Всѣмъ имъ сегодня объявлю, что женюсь. Это избавитъ меня и отъ тяжелыхъ распросовъ, и отъ ихъ знакомства.

Муравинъ (громко.) Понимаю. Это значитъ... (Декламируетъ.)

„Послѣдній я вечеръ пирую, друзья.“

Громчевскій (подхватывая.) „Веселье намъ пѣсни заводитъ“. (Встаетъ и подходит къ дивану.) Знаю, знаю. А какъ я вчера въ „Благородкѣ“ „Убогую и нарядную“ отжаривалъ... ба-ахъ! Вой, стонъ, ревъ стоялъ... Ей-богу! А какъ дошелъ, знаете, до того мѣста (жестикулируетъ, декламируя): „И на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торгога“—дамы плакали навзрыдь, ей-ей!

Чагановъ. Ужъ что говорить, вы мастеръ своего дѣла... Первый изъ всѣхъ чтецовъ-куплетистовъ.

Громчевскій. А что-жъ ваши столичные Вейнберги, Полонскіе, Стуколкины и tutti quanti лучше меня прочтутъ? Есть у кого-нибудь изъ нихъ моя задушевность въ органѣ? Вѣдь у меня слеза въ голосъ, слеза отъ сердца. А кто юмористическія вещи лучше меня прочтетъ?.. Напримѣръ (читаетъ):

Ужь мы пили, пили, пили,
Ужь мы ѣли, ѣли, ѣли,
Такъ что еле, еле, еле
Развезли насъ на постели!

Кининъ (перебивая нетерпѣливо.) Громчевскій, да идите-же до-игрывать короли.

Громчевскій. Я, батенька, въ Львѣ Красновѣ Садовскому пятьдесятъ очковъ впередъ дамъ, да-съ! И какъ у меня выходитъ это мѣсто (декламируетъ): „Что ни день, что ни взойдетъ солнце красное...“

Кининъ (вновь перебивая.) Это скучно, наконецъ... Идите-же, и жду.

Громчевскій (отходя.) Иду, иду. (Садится на мѣсто и продолжаетъ играть съ Кининимъ.)

Чагановъ (вынимая часы.) Уже восемь, а Слетышева нѣтъ... Странно!.. Ты вѣдь его помнишь?

Муравинъ. Какъ-же. Пустельга былъ человѣчекъ... Вѣдь онъ со второго курса испарился. Что изъ него вышло, а? Гдѣ обрѣтается?

Чагановъ. Здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, адвокатомъ сдѣлался.

Муравинъ. Вотъ какъ! Ну, брехать-то онъ былъ всегда мастеръ, это по его части... И какъ дѣла, клюетъ?

Чагановъ. Ничего, видно поклевываетъ, пару рысаковъ дер-жить.

Муравинъ. Ахъ, шуть его возьми! Да, прежде откушникамъ была лафа, а нынче желѣзнодорожникамъ да этимъ брехачамъ-адвокатамъ.

Громчевскій (съ своего мѣста.) Не забудьте кокотокъ.

Муравинъ. Ну, этимъ, батюшка, съ сотворенія міра было недурно. Онѣ вездѣ и всегда были и являлись на свѣтъ Божій невѣдомо откуда, какъ мухи въ лѣтнюю пору. (Входитъ Слетышевъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Прежніе и Слетышевъ.

Чагановъ. А вотъ и онъ. Легокъ на поминѣ.

Слетышевъ. Здравствуй, Коля. Bon soir, monsieur Кининъ...
Громчевскій. (Всѣмъ подаетъ руки.)

Кининъ. Bon soir, мэтръ Лашо съ Средней Подъяческой, ха, ха, ха!

Громчевскій. А, коломенскій Жюль Фавръ, ха, ха, ха!

Слетышевъ. Ну, заготовали! (Увидя Муравина.) Боже, кого я вижу? Вотъ неожиданность-то!.. Федоръ Алексѣвичъ, какими судьбами? (Жметъ руку.) Ъхавши сюда, никакъ не думалъ встрѣтить стараго товарища. И пополнѣли-же вы!

Муравинъ. Съ малороссійскаго борщу да съ галушекъ раздобрѣлъ. Ну, а вы какъ поживаете? Коллега говоритъ, что въ брехачи записались,—везеть, а?

Слетышевъ. Такъ-себѣ. Ни шатко, ни валко, ни на сторону. Урываемъ куски, гдѣ придется; по верхамъ напрасно глазами не хлопаемъ, боремся за существованіе. (Чаганову.) Что, Коля, продалъ лошадей, а?

Чагановъ. И лошадей, и экипажи—все продалъ.

Слетышевъ. А за сколько?

Чагановъ. За двѣ тысячи триста.

Слетышевъ. Дешевенько. Слышали, Федоръ Алексѣвичъ, говорилъ вамъ Коля, что въ воскресенье женится, а?

Муравинъ. Какъ-же, какъ-же. До прихода вашего все объ этомъ трактовали.

Слетышевъ. Что тутъ трактовать! Одно слово—счастличикъ, въ сорочкѣ родился. Такая особа, такая!.. Хороша, умна, развита, характеръ—дамасская сталь!.. То-есть помедли онъ этимъ дѣломъ еще недѣльки двѣ, я бы столкнулся съ нимъ на этой дорожкѣ, втюрился-бы по-уши и изъ закадычнаго друга обратился-бы въ личнаго врага, разогле... Вы незнакомы съ Вѣрой Дмитріевной?

Муравинъ. Нѣтъ, завтра ѣду представляться.

Слетышевъ. Очаруетесь, пари держу—очаруетесь!

Громчевскій (тасуя карты.) Кѣмъ это очаруется?

Чагановъ (дернувъ за рукавъ Слетышева, послѣшво.) Талантомъ Жюдикъ! Муравинъ еще ея не видалъ и не слыхалъ.

Громчевскій. Преступленіе! Каждый провинціалъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, долженъ прежде всего посѣтить Буфъ, а потомъ уже приниматься за дѣло. (Встаетъ.) Потому что Жюдикъ, понимаете, квинтъ-эссенція современнаго искусства... Это... это...

Квининъ. Это изъ рукъ вонъ!.. Угодно вамъ играть?

Громчевскій. Виновать... Сдаю. (Сдаетъ карты и садится играть.)

Чагановъ (тихо Слетышеву.) Помолчи объ этомъ пока. До ужина недолго подождать, тогда труби сколько хочешь. (Встаетъ, громко.) Однако, я засидѣлся здѣсь съ тобой, Федоръ Алексѣвичъ, всѣхъ гостей оставилъ. Не хочешь-ли пройтись въ залу, надо кой-чѣмъ распорядиться.

Муравинъ (вставая.) Пойдемъ. (Уходятъ подъ руку въ арку.)

Слетышевъ (подходя къ играющимъ.) Ну, у васъ какъ?.. Кто кого?

Кининъ. Съ нимъ невозможно играть, въ шесть королей даетъ два открытыхъ капота. C'est impossible!

Громчевскій. А вотъ кстати и третій, ха, ха, ха! Смотрите: два кварть-мажора, терць-мажоръ и тузь. Вотъ! (Открываетъ карты.)

Кининъ. О, sacré nom! Баста!.. Посчитаемся. (Оба считаютъ.) Итого триста тридцать два рубля, такъ?

Громчевскій. Вѣрно.

Кининъ (отсчитывая и подавая.) Прошу... И везетъ-же вамъ!

Громчевскій (пряча деньги.) Кто въ картахъ счастливъ...

Кининъ (отходя и садясь на козетку.) Рассказывайте, знаемъ мы васъ! (Напѣваетъ.) Il nous faut de l'amour!

Слетышевъ. И охота вамъ пикетиться, то-ли дѣло: наираво, налѣво, четъ-нечетъ, любишь, не любишь, а?

Кининъ. Да я пожалуй. Надо какъ-нибудь до ужина убить время. (Указывая на Громчевскаго.) Захочетъ-ли онъ?

Громчевскій. Теперь съ удовольствіемъ, немножко заручился... Можно.

Слетышевъ. Такъ я сейчасъ распоряжусь. (Звонитъ.)

Кининъ. Только вотъ что. Здѣсь не совсѣмъ ловко, много народу. (Указываетъ черезъ арку.) Dieu sait, кого тамъ нѣтъ. Еще пу-стать по городу слухъ, что у Чаганова игорный домъ. Кромѣ того, здѣсь немножко душно, да къ тому-же я люблю разстегнутъся, рас-пуститься.

Громчевскій. Резонъ.

Слетышевъ (указывая на лѣвую дверь.) Такъ я васъ въ уголь-ной устрою; тамъ можете запереться и сидѣть въ дезабилье.

Кининъ. Parfaitement.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Василій.

Слетышевъ (вошедшему Василю.) Карты и понтерокъ подай туда, въ угольную, поскорѣй.

Василій. Слушаю-съ! Сейчасъ.

Громчевскій. Да захвати парочку крушончиковъ.

Василій. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Громчевскій. Что-жь, вспомнимъ (читаетъ):

Какъ въ ненастныя дни

Занимались они

Дѣломъ,—

И описывали, и записывали

Мѣломъ.

Идемъ!

Кининъ. Allons! (Встаетъ.) Ну а ты, мэтръ Лашо?

Слетышевъ. Дѣло есть, надо потолковать съ Колей. Позднѣй я приду къ вамъ.

Кининъ. Надуешь, какъ всегда!.. Ну-съ, провинціальный Тальма, не будемъ терять золотого времени. (Беретъ подъ руку.) Filons!

Громчевскій. Filons.

Кининъ (напѣвая.) Il nous faut de l'amour! (Уходятъ.)

Слетышевъ (одинъ, проводя ихъ до дверей.) Все готово, обставлено, обдумано. Заручился честнымъ словомъ, а она свое слово сдержитъ непремѣнно. (Смотритъ на часы.) Восемь слпшкомъ, пора бы пріѣхать. А если не будетъ? Неужто придется по соколу пропуделять?.. Это невозможно, невозможно. (Замѣтя Василя, входящаго въ правыя двери съ картами и виномъ.) А, вотъ!.. Его надо наставить!.. Вася, Вася, поди-ка сюда. (Василій подходитъ.) Такъ не забудь, голубчикъ: крику, гвалту больше, и все вотъ у этихъ (показываетъ направо) дверей. А какъ я покажусь, ты сейчасъ успокойся и молчокъ.

Василій. Да ужъ будьте покойны, Сергѣй Ильичъ, все обдѣлаемъ въ лучшемъ видѣ. Мы хоть лакей, а народъ честный, своего господина оконфузить не дадимъ, хотя и послѣдній день у нихъ служимъ.

Слетышевъ. Ты объ мѣстѣ не хлопочи. Прямо ко мнѣ, безъ всякихъ разговоровъ. Жалованья—двадцать пять рублей въ мѣсяць, чай, сахаръ отсыпной, карты, клиенты, по праздникамъ подарки, старое мое платье—все твое.

Василій. Чувствительно вамъ благодаренъ... Да, барина просто узнать невозможно! Задумалъ жениться на бѣдной, распродалъ все, сказываютъ, нанялъ четыре комнаты. Сладко-ли въ нихъ будетъ послѣ этакихъ палатъ-то! Эхъ, жить-бы да жить по-прежнему, а то...

Слетышевъ. Что, братецъ, дѣлать—любовь!

Василій. Хороша любовь, когда деньжищъ полонъ карманъ, а какъ жрать нечего будетъ, волкомъ взвоетъ,—любовь-то не укусишь. Нѣтъ, воля ваша, а это одна очумѣлость да фанаберія, съ жиру сбѣсился человѣкъ. Вѣдь послѣ будетъ каяться, да поздно, и близокъ локоть, да не укусишь.

Слетышевъ. Не хочеть беззаконничать, хочеть жениться.

Василій. Слово нѣтъ, законная жена—святое дѣло; да женись съ разборомъ, съ умомъ, съ деньгами, чтобъ послѣ не плаваться. Нынче, посмотришь, какое время-то: беззаконныя жены въ воляскахъ да каретахъ ѣздятъ, а законныя пѣхтурой по грязи шляндуютъ. Это надо соображать. Нѣтъ, очумѣлъ, сбѣсился.

Слетышевъ. Да, жаль человѣка! Ну, однако, мнѣ надо въ залу. Смотри-же, Вася.

Василій. Сергѣй Ильичъ! У меня сказано—свято. Будьте благонадежны, не осрамимъ господина. Хоша мы и лакеи, а у насъ честь природная, не сумнѣвайтесь.

Слетышевъ. Неси-же скорѣй вино и карты, а какъ получишь отъ Чаганова расчетъ,—прямо ко мнѣ.

Василій. Чувствительно благодарны. А это устроимъ съ помнимъ эффектнымъ трескомъ. (Уходитъ нальво.)

Слетышевъ. Онъ правъ, да! Точно, странные бываютъ на свѣтѣ люди! Чагановъ, напримѣръ... Не только не глупъ, а уменъ, положительно уменъ, и поступаетъ какъ послѣдній пошлякъ. Ну, кто-бы отказался отъ всего этого по своей охотѣ? Общественное мнѣніе, внутреннее убѣжденіе, честь, долгъ, самоуваженіе и... чортъ знаетъ, чего не повидумывали! Человѣкъ сытъ, обутъ, одѣтъ, денегъ до отвала, кругомъ него все блескъ, улыбка, радость, счастье, и вдругъ ни съ того, ни съ сего увлекается какими-то діогеновскими принципами! Да, Василій правъ! Это—очумѣлость, бѣшенство съ жиру. (Замѣтя выходящихъ изъ среднихъ дверей Чаганова и Муравина, идетъ къ нимъ на встрѣчу.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Слетышевъ, Чагановъ и Муравинъ.

Слетышевъ. Я, братъ, усадилъ этихъ *petits crevés* въ угольной, теперь намъ полная свобода побесѣдовать по душѣ, никто не помѣшаетъ.

Чагановъ. Спасибо. (Жметъ ему руку.) Поскорѣй-бы проходилъ этотъ вечеръ; накормлю въ послѣдній разъ всю ораву гостей и скажу имъ адѣ навсегда. Вы представить себѣ не можете, до чего опротивѣла мнѣ эта среда, въ которую я самъ себя втолкнулъ... Жду и не дождусь будущаго воскресенья, чтобъ съѣхать съ этой квартиры, гдѣ каждый стулъ, каждый гвоздь напоминаетъ мое увлеченіе... Эта квартира—тюрьма моя. (Садится на диванъ.) Поскорѣй-бы ночь!

Муравинъ. По-моему, дико было и устраивать этотъ вечеръ. Ну, объявишь ты сегодня за ужиномъ, что женишься, переменяешь жизнь,—они тебя все равно не оставятъ въ покоѣ. Это, colega, идеальничанье, рисовка! Смотрите, молъ, на меня, вотъ я какой честный, женюсь на бѣдной, все по-боку, все къ чорту.

Чагановъ. Не рисовка тутъ... Пойми, что мнѣ надо выбить изъ ихъ бараньихъ головъ то мнѣніе, какое они составили обо

миѣ. Я всѣмъ имъ сегодня за ужиномъ докажу, какъ они ошибались. Ткну имъ подъ ихъ глупые носы неопровержимые документы.

Муравинъ (подхватывая.) И скажешь, какъ гоголевская невеста въ „Женитьбѣ“, — „пошли вонъ, дураки“?

Чагановъ. Да, и скажу.

Муравинъ. И что-жь изъ этого будетъ?

Чагановъ. А будетъ то, что всѣ эти хлыщи, салонные и трактирные вѣстовщики заблаговѣстятъ по всему Петербургу. Тогда ни одна каналья не будетъ смѣть сказать, что Чагановъ ограбилъ женщину и бросилъ ее, влюбившись въ другую.

Слетышевъ. Расчетъ совершенно вѣрный, особенно если ты будешь первое время жить тихо и мирно въ своей новой маленькой квартирѣ, безъ всякихъ рысаковъ и фрачныхъ лакеевъ.

Муравинъ. А по-моему, невѣрный. Вся эта шушера скажетъ, что тебя Крамолина прогнала...

Чагановъ (прерывая запальчиво.) И прекрасно!

Муравинъ. Погоди, не горячись! Прекраснаго тутъ, по-моему, нѣтъ ничего, одинъ крайній идеализмъ, незнаніе жизни — и только. Скажутъ, что прогнала, а для успокоенія тебя и чтобъ отвязаться, дала тебѣ эту росписку.

Слетышевъ. А вы забываете о векселяхъ, явленныхъ у нотариуса? тутъ ужъ подвоха видѣть нельзя-сь.

Муравинъ. И очень можно-сь. Чѣмъ вы увѣрите, что эти векселя существуютъ, а не изорваны, уничтожены? Развѣ они протестованы?

Слетышевъ. Но они будутъ... если не протестованы, то оплачены непременно чрезъ того-же нотариуса, который и вручитъ деньги Крамолиной подъ ея росписку.

Муравинъ. А вотъ когда это будетъ, тогда, можетъ, и повѣрить, а до тѣхъ поръ и-и-и сколько ты горя натерпишься съ своимъ щепетильнымъ характеромъ отъ всевозможныхъ пересудовъ, сплетень и клеветы.

Слетышевъ. Безъ этого-то, положимъ, не обойдется... Но, во всякомъ случаѣ, ужъ вечеръ сдѣланъ, надо быть послѣдовательнымъ до конца, заявить, по крайней мѣрѣ, за ужиномъ о своей женитьбѣ на Запольевой.

Муравинъ (горячо.) А по-моему, этого-то и не слѣдуетъ дѣлать, не надо заявлять, потому что заявленіе это ни къ чему не ведетъ, кромѣ усиленія разговоровъ.

Чагановъ. Да этого-то миѣ именно и хочется; договорятся-же, наконецъ, до истины. Нѣтъ, Федоръ Алексѣевичъ, я рѣшился и сдѣлаю. Ты не знаешь среды, въ которой я вращаюсь теперь: по-

смотри, чортъ знаетъ кого у меня сегодня нѣтъ на вечерѣ: изъ всѣхъ слоевъ общества, изъ всѣхъ кружковъ есть народъ. Просто мерзость и запустѣніе. (Вспомнивъ.) Ахъ, Сережа, я было съ этимъ пошлымъ вечеромъ совсѣмъ забылъ о документахъ. Всѣ приготовлены, и мои, и Вѣры Дмитріевны, лежатъ въ спальнѣ. Сейчасъ принесу, отдамъ тебѣ и буду сповоенъ. (Встаетъ.) Кстати, надо приказать поставить въ столовой водку и закуску, устроить въ послѣдній разъ кормленіе звѣрей. Бесѣдуйте, я сейчасъ вернусь. (Уходить въ дверь направо.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Муравинъ и Слетышевъ.

Муравинъ. Какъ на первомъ курсѣ былъ увлекающійся, честиѣйшій и благороднѣйшій юноша, такимъ и теперь остался, да такимъ, вѣроятно, сойдетъ и въ могилу, если ужъ жизнь-то его очень не помнетъ и не искалѣчитъ.

Слетышевъ. Да, идеалистъ; rug-sang идеалистъ.

Муравинъ. Вѣрно, батенька. Этотъ человекъ не чета намъ съ вами; мы съ своей совѣстью маленько поуживчивѣе его... Вотъ я все на васъ люблюсь, налюбоваться не могу.

Слетышевъ. А что?

Муравинъ. И тѣло нагуляли, и шикъ приобрѣли во всемъ. Видно, что лакомкой стали и въ дѣлахъ-то, поди, косточку съ сладкимъ мясомъ выбираете, а не то, чтобъ броситься, какъ голодный, на большую мосталыгу; лапочка сдѣлалась настоящая адвокатская, гладкая да загребистая... значить, во вкусъ вошли, пра-а-во!

Слетышевъ. Ужъ куда намъ, мы такъ, отъ крупницъ падающихъ питаемся, мы что!... Нѣтъ, вы-бы вотъ посмотрѣли на настоящихъ-то оберъ-брекачей, что въ петличкахъ черныхъ фраковъ въ серебряномъ вѣночкѣ столбикъ носятъ, мэтры-то эти наши.

Муравинъ. А что?

Слетышевъ. Живоглоты!.. То-есть вотъ какъ: лежитъ аршинный пирогъ на столѣ,—пирогъ, замѣтите, на четыре конца, начинка разная... Ну, пышетъ пирогъ, горитъ, кипитъ. Подошелъ этакій мэтръ-брекачъ, понюхалъ, не успѣли вы отвернуться,—гамъ! и нѣтъ пирога!.. Заглотилъ, то-есть заглотилъ, какъ ершь червяка.

Муравинъ. И ничего, не даются?

Слетышевъ. Богъ милуетъ, даже рта не обжигаютъ. Ну, слу-

чится—поперхнется, такъ и тутъ развѣ начинки немножко останется; эту бѣгунчики, мекота-дровокаты подхватятъ и подѣдятъ, а то, чтобъ подавиться, нѣтъ, этого не случилось... Нѣ-ѣтъ.

Муравинъ. Скажите, что значитъ столица-то, какъ наострились! У насъ въ провинціи, въ степяхъ-то, все проще. И оберъ-то брехачи съ вѣточками на фракахъ нейдутъ дальше того, что постучать по столу, влады, дескать, объ это мѣсто деньги, а послѣ и совѣтъ дамъ. А чтобъ такъ—лопачь цѣлыми пирогами, еще не дошли, вратъ не буду. Да и вы скромничаете: по виду сами-то хоть и не щука, а ершъ не послѣдній. Вы какъ: цивилистъ или криминалистъ?

Слетышевъ. Все, что угодно, защитникъ на всѣ руки. Убийство, грабежи, воровство со взломомъ и безъ онаго, поджоги, кражи, бракоразводы, шантажи, конкурсы, оскорбленія дѣйствиельно в словомъ,—однимъ словомъ, все орудуемъ и по всѣмъ преступленіямъ оправляемъ и обвиняемъ,—на всѣ руки!

Муравинъ. Такъ-съ, ха, ха, ха! А частенько приходится входить въ сдѣлку съ своею совѣстью?

Слетышевъ. Бываетъ, случается нерѣдко.

Муравинъ. И не щемить отъ этого подъ ложечкой, не мутитъ на сердцѣ, а?

Слетышевъ. Нисколько-съ. Въ латинской хрестоматіи я нѣкогда выучилъ изрѣченіе, что *poetae nascuntur, oratores fiunt*, а я говорю: *poetae nascuntur, latrones fiunt*, то-есть, что только поэты одни рождаются, а разбойниками люди дѣлаются, да-съ! Вотъ въ силу этого, я буду защищать какого угодно преступника, ибо въ его преступленіи не онъ одинъ, а всѣ мы виноваты, ибо „все соблудимъ“.

Муравинъ. Bravo, вотъ философія-то, ха, ха, ха! Навострились-же вы въ мудрствованіяхъ лукавыхъ, а еще говорите, что адвокатъ средней руки. Что-же тѣ-то, живоглоты, какъ вы ихъ называете, неужели дальше васъ пошли?

Слетышевъ. Куда намъ! Мы сотнями за трудъ недѣльный довольствуемся, а тѣ за одинъ сеансъ по тысячѣ рублей берутъ.

Муравинъ. За сеансъ, ха, ха, ха! Точно фокусники, модные медіумы, Юмы, Бредпфы... Какъ вы выражаетесь!

Слетышевъ. Выражаюсь обдуманно. Между этими профессіями много общаго: медіумъ бьетъ на праздное слабоуміе богатыхъ, адвокатъ—на неизбѣжное тупоуміе обвиняемыхъ;—игра одна, ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Прежніе и Чагановъ.

Чагановъ (выходя изъ правыхъ дверей съ бумагами въ рукахъ.) Вотъ тутъ всѣ документы,—получи, Сережа. (Подаетъ.)

Слетышевъ (взявъ.) Ладно. Вѣнчаться будете у Троицы, а во сколько часовъ?

Чагановъ. Часовъ въ семь, послѣ обѣда. Ужь ты не откажи всѣ эти хлопоты взять на себя. Уговорись тамъ съ священникомъ, при этомъ какіе нужны будутъ расходы, я послѣ уплачу.

Слетышевъ. Во-первыхъ, какъ освѣщеніе? Полное, съ паникадиломъ, или однѣ мѣстныя свѣчи?

Чагановъ (перебивая.) Какое освѣщеніе, какое паникадило? Прикажи зажечь три-четыре свѣчи, чтобы только лба себѣ не разбить.

Слетышевъ. Понимаю. Это значитъ на четыре цѣлковыхъ. Пѣвчіе какіе?

Чагановъ. Никакихъ, Боже сохрани... Еще протодьякона не пригласить-ли?

Слетышевъ (поспѣшно.) Ну, ну, ладно, можно безъ пѣвчихъ... Свѣчи въ руки для васъ, подножку... это все будетъ приготовлено... Ахъ, главное: надо кольца заказать и вырѣзать день, годъ и число.

Чагановъ (перебивая.) Глупости!.. Что еще за вырѣзка; заѣдемъ въ какой-нибудь магазинъ, возьмемъ пару колець, и баста.

Слетышевъ. И на это согласенъ, ну, а букетъ невѣстѣ, передъ отъѣздомъ ея въ церковь, это, согласись, необходимо.

Чагановъ. Чушь, вздоръ, китайщина.

Слетышевъ. Ужь какъ хочешь, безъ этого нельзя. Впрочемъ, я у тебя шаферствую... это ужь мое дѣло.

Чагановъ. И не глупи ты, не серди меня.

Слетышевъ. Какъ себѣ хочешь, сердись не сердись, а я это сдѣлаю, безъ букета не позволю ѣхать вѣнчаться. Дальше: кареты заказать со двора?

Чагановъ. Это еще къ чему?

Слетышевъ. Какъ къ чему? Да что ты изъ-подъ вѣнца-то съ молодой женой пѣшкомъ, что-ли, пойдешь?

Чагановъ. Такъ для этого нужна одна карета, а не кареты. Взялъ съ биржи первую попавшуюся, и дѣлу конецъ.

Слетышевъ. А кто-жь у тебя посаженнымъ отцомъ и матерью будетъ,—для нихъ, можетъ быть, понадобится.

Чагановъ. Никакихъ у меня посаженныхъ отцовъ и матерей не будетъ. Ты да Федоръ Алексѣевичъ—необходимые свидѣтели и больше никого.

Слетышевъ. Да кто-же тебя въ церковь-то будетъ снаряжать и изъ-подъ вѣнца приметь? Это, mon cher, неловко.

Чагановъ. Ахъ, ты!.. Тоже неловко... Что я, малолѣтокъ, что-ли? нянька мнѣ пужна? Чудной!

Слетышевъ. Но согласись, что все это странно... Нельзя игнорировать того, что принято въ обществѣ... Это обрядъ, обычай!..
..Наконецъ, какъ взглянуть на это Вѣра Дмитриевна...

Чагановъ. Она не такой витеаецъ, какъ ты. Обо всемъ этомъ у насъ переговорено и порѣшено. Никакихъ посаженныхъ отцовъ, никакихъ *dames d'honneur*, свахъ, подружекъ и подобныхъ нелѣпостей не будетъ... Да, вотъ что: не забудь распорядиться, чтобъ въ церковь никого не пускали, кромѣ насъ съ Вѣрой, васъ двоихъ, самого Запольева и двухъ со стороны невѣсты свидѣтелей. Обвѣнчаемся тихо, мирно, безъ всякой публики, поѣдемъ ко мнѣ на новую квартиру, Вѣра васъ напоить саморучно чаемъ и... *finita la comedia*. Этимъ и закончится всякое торжество и помпа.

Слетышевъ. Но согласись, что все это пахнетъ такимъ нигилизмомъ... Не будетъ ни ужина, ни бокала шампанскаго?

Чагановъ. Ни капли. Чаю сколько хочешь.

Слетышевъ. *Mais... C'est absurde, mon cher.*

Муравинъ. Bravo, молодецъ! Надо быть послѣдовательнымъ... Къ чорту всѣ эти церемоніи, эту китайскую дребедень... Одобряю.

Слетышевъ. Коля, голубчикъ, ну, для меня по одному бокалу шампанскаго встрѣтитъ молодыхъ... только по одному.

Чагановъ. Ахъ ты, шутъ гороховый, ха, ха, ха! Ну для чего ты со мной-то играешь комедію, а?

Слетышевъ. Нѣтъ... Это, право, Богъ знаетъ что... Молодые изъ-подъ вѣнца—и чай... Шампанскаго ни капли... Это вѣдь... это...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Прежніе, Василій и Вѣра.

Василій (быстро входя.) Вѣра Дмитриевна Запольева.

Чагановъ (вскакивая, изумленно.) Что ты врешь!.. гдѣ... какъ... Гдѣ она?

Василій (указывая направо.) Здѣсь-съ, въ приѣмной, приказали вамъ доложить.

Чагановъ. Ступай, проси... Вотъ сюрпризь-то! Стой, лучше я самъ. Какъ все отлично складывается. (Василій уходитъ.) Она пріѣхала, какое счастье! (Спѣшитъ уйти, его удерживаетъ за руку Муравинъ.)

Муравинъ. Николай Петровичъ, ты голову потерялъ... Ты хочешь ее звать сюда, принять здѣсь, въ незнакомомъ обществѣ мужчинъ... Что ты?

Чагановъ. Да, сюда, непременно сюда!.. Пусть всѣ въ-очію увидятъ мое сокровище... Ты не знаешь ея... О, пусти-же! (Вырываетъ руку и быстро уходитъ направо.)

Муравинъ. Это ни на что не похоже!.. Что онъ дѣлаетъ!

Слетышевъ (язвительно.) Нѣтъ, браво, молодецъ! Надо быть послѣдовательнымъ, къ чорту всѣ эти предразсудки, приличія свѣта, всю эту дребедень! (Про себя.) Слово сдержала, пріѣхала.

Чагановъ (выходя съ Вѣрой изъ правыхъ дверей.) Я-то недоволенъ!.. Да это для меня такой подарокъ, такая радость... Сюда, сюда на диванъ. (Кричитъ.) Василій, чаю скорѣй! И какъ могла вамъ, Вѣра, придти въ голову такая превосходная мысль—пріѣхать ко мнѣ!

Вѣра (указывая на Слетышева.) А вотъ кто, онъ, другъ, надоумилъ, взявъ съ меня третьяго дня слово, что я сдѣлаю этотъ сюрпризь тебѣ. (Протягивая руку.) Здравствуйте, Сергѣй Ильичъ.

Слетышевъ (пожимая руку.) Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна. Что, оправдались мои слова? Я вамъ говорилъ, что Коля будетъ въ восторгѣ.

Чагановъ. И опять твоя услуга. (Пожимаетъ ему руки.) Твой на смерть. А вотъ, Вѣра, позволь тебѣ представить другого моего друга и товарища, Федора Алексѣевича Муравина, доктора.

Муравинъ. То-есть не доктора, а просто лекаря изъ самыхъ дюжинныхъ, съ трудомъ отличающаго простой гриппъ отъ смертельной чахотки. Прошу любить и жаловать, если по душѣ придуся.

Вѣра. А вотъ посмотримъ, поговоримъ, познакоимся, тогда и отвѣчу, будемъ-ли васъ любить и жаловать. (Садится въ кресло, Василій входитъ съ подносомъ и чашкой чая.)

Чагановъ. Сюда, Вѣра, садитесь на диванъ, удобнѣе.

Вѣра. Мнѣ и здѣсь отлично. (Василію.) Благодарю васъ, я чаю пить не буду, уже пила.

Муравинъ (любуясь ею.) Чашечку съ воздухомъ осенняго выпить

не мѣшаетъ... А если не будете, такъ я выпью за васъ. (Береть чашку, Василій уходитъ.) Забудьте, Вѣра Дмитриевна, я сказалъ: за васъ, а не за ваше здоровье.

Вѣра. Что-жь, вы предполагаете, что его у меня слишкомъ много?

Муравинъ. Напротивъ, именно столько, сколько нужно; оттого-то я, какъ современный врачъ, и не хочу пить за ваше здоровье, а вообще только за васъ!

Вѣра (улыбаясь.) Понимаю. Вамъ не придется на мнѣ доказать своихъ знаній, не удастся меня лечить, и поэтому вы не хотите пить за мое здоровье,—это очень эгонистично.

Муравинъ. За то современно. (Въ сторону.) Хотѣлъ сказать любезно и остроумно, а вышло пошло и тупо!

Вѣра (замѣти, что изъ средней арки на нее смотреть съ любопытствомъ гости.) Однако, сколько ты гостей пригласилъ сегодня къ себѣ.

Чагановъ. Вѣдь я тебѣ говорилъ, что сегодня дѣлаю торжественное сожженіе кораблей. Такое событіе уже не повторится въ жизни. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Вѣра. Я вполне въ этомъ увѣрена. (Протягиваетъ руку.)

Чагановъ. При друзьяхъ можно. (Цѣлуетъ руку.)

Слетышевъ. Даже должно.

Вѣра. Послушай, Коля, я замѣчаю, что оттуда на меня смотрятъ какъ на чудо какое-то. Я не хочу ни себя, ни другихъ ставить въ фальшивое положеніе; они рѣшительно отвлекаются отъ своихъ серьезныхъ занятій. Смотри,—бросили карты и не рискуютъ даже войти сюда.

Чагановъ. Войдутъ и тогда я ихъ представлю тебѣ.

Вѣра. Ахъ, это будетъ скучная и нескончаемая комедія. Мы вотъ что лучше сдѣлаемъ: пойдемъ по комнатамъ и ты всѣхъ ихъ разомъ представишь мнѣ. Это будетъ и скорѣе, и цѣлесообразнѣе.

Чагановъ. Именно цѣлесообразнѣе, отлично придумала. Вѣдь тебѣ болѣе не придется съ ними встрѣчаться, да и я съ сегодняшняго вечера всѣ эти знакомства по-боку. Превосходно, идемъ!

Вѣра (обратясь къ Муравину и Слетышеву.) Извините, господа, что мы васъ оставимъ не надолго... Послѣ *представленія* мы возвратимся и составимъ въ этомъ уголкѣ отдѣльный кружокъ друзей. Я рассчитываю просидѣть здѣсь часокъ-другой.

Слетышевъ. Повинуюсь.

Муравинъ. Все это такъ для меня, провинціала, ново и необычно, что я хочу видѣть *представленія*.

Вѣра (шутливо.) Ну, такъ идемте, врачъ-эгонистъ. (Всѣ трое уходятъ въ арку. Видно, какъ играющіе встаютъ съ своихъ мѣстъ, раскланиваются съ Вѣрой Дмитриевной.)

Слетышевъ (одинъ.) Дѣвочка—предестъ, звѣзда. Бабенка изъ нея выйдетъ ого-го-го! Ни пестомъ, ни крестомъ, ни ладономъ, ни табакомъ отъ нея не отбоаришься, характерецъ—дамасская сталь. Будь за ней сотняжка тысянокъ, можно-бы, пожалуй, посягнуть, Ну, а безъ этого взять ее можетъ развѣ червесь какой или очумѣлый, въ родѣ моего друга. (Вынимаетъ часы.) Черезъ пять, а много черезъ десять минутъ... даже страшно становится!.. Что, какъ, чѣмъ все это разыграется?.. Духъ захватываетъ. (Изъ лѣвыхъ дверей выходятъ Кининъ и Громчевскій.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Слетышевъ, Кининъ и Громчевскій.

Слетышевъ (подходя къ нимъ на-встрѣчу.) Что это, неужто кончили?

Кининъ. Съ нимъ невозможно сегодня играть. Бьетъ съ ониду каждую карту. *Imaginez vous*—изъ тридцати шести картъ всего далъ девять, и то семпеля, а какъ уголь, транспортъ—бито. (Садится на диванъ.) Нѣтъ никакой возможности играть при такомъ безобразномъ счастьи; ну, бросилъ... сапристи.

Громчевскій (сидясь рядомъ.) Надо было продолжать, счастье перемѣнчиво.

Кининъ. Поберегите ваши совѣты для юныхъ пижоновъ, а я уже ученъ. (Напѣваетъ.) *Il nous faut de l'amour.*

Слетышевъ. Вы не знаете, что тутъ безъ васъ случилось?

Кининъ. *En bien*, что такое?

Слетышевъ. Къ Чаганову сейчасъ сюда пріѣхала его невѣста.

Громчевскій. Гдѣ, гдѣ... какая невѣста?

Кининъ. Что ты, выпилъ, что-ли, лишнее... А Крамолина-то?

Слетышевъ. Крамолина ему еще на позапрошлой недѣлѣ чистую дала... именно въ день своихъ именинъ.

Кининъ. Ахъ, *zasté pom!* И я этого не зналъ... Надо принять къ свѣденію, надо! (Охорашивается, крутитъ усы и напѣваетъ): *Il nous faut de l'amour.*

Слетышевъ. *Trop tard, mon cher*, опоздалъ. Ваканція занята, тамъ уже дѣйствуетъ баронъ Жозефъ де-Ганцбергъ.

Кининъ. Ахъ, сакреблѣ... Есъва пархатый! Вотъ что-называется проглядѣть. Да это вздоръ, не можетъ быть, ты просто дурачишь насъ... Кто-же невѣста Чаганова?

Слетышевъ. Вѣра Дмитріевна Запольева.

Громчевскій. Не слыхалъ, хоть фамилія-то извѣстна.

Кининъ. Еще-бы не извѣстная: одинъ Запольевъ былъ генераль-губернаторомъ... Ну, и что-же, *de la fortune, elle est jolie?*

Слетышевъ *Oui, elle est joli, mais la fortune...* (щелкаетъ ногтями объ зубъ) *pas de fortune!*.. Онеровъ никакихъ, безприданница.

Кининъ. Ну, значить, врешь!.. Чагановъ далеко не дуракъ, чтобъ вздумалъ лѣзть въ петлю, у него губа не дура.

Громчевскій. Конечно, врешь!.. И какія странныя шутки...

Слетышевъ. Да вонъ они идутъ... Смотрите.

Громчевскій. Хорошенькая, чортъ побери! (Смотритъ въ среднюю дверь, въ которую входятъ Чагановъ, Вѣра и Муравинъ.)

Кининъ. Прехорошенькая! *Elle est ravissante!*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, Чагановъ, Вѣра и Муравинъ.

Вѣра (Чаганову.) Какъ они поражены, жужжать, какъ мухи. (Увидя Громчевскаго и Кинина.) Еще двое.

Чагановъ (тихо.) Большая дрань! (Громко.) Господа, позвольте васъ представить моей невѣстѣ и будущей женѣ: г. Кининъ, г. Громчевскій, Вѣра Дмитріевна Запольева.

Кининъ (изящно раскланиваясь.) Кининъ, *lieutenant de la garde.*

Вѣра (не протягивая руки.) Очень рада познакомиться.

Громчевскій (раскланиваясь.) Актеръ Громчевскій.

Вѣра. Очень пріятно... Если не ошибаюсь, это вы читали въ благородномъ собраніи на литературно-музыкальномъ вечерѣ съ благотворительной цѣлію? (Всѣ садятся.)

Громчевскій. Я-съ.

Кининъ (въ сторону.) *Ah, comme elle est jolie!*

Слетышевъ. А какъ вамъ понравилось его чтеніе, Вѣра Дмитріевна?

Кининъ. Не правда-ли, онъ мастерски читаетъ? (Въ сторону.) *Elle est delicieuse!*

Вѣра. Да... но нѣсколько страненъ выборъ... Мсье Громчевскій,

отчего вы выбираете такія стихотворенія, какъ напимѣръ: „Плачь отзупщика“, „Акція“? Вѣдь это все такъ старо, такъ банально!

Громчевскій. Читаешь поневолѣ — цензура! Вотъ теперь думаю перейти на Пушкина, его надо популяризировать... Мы забыли нашего великаго поэта.

Вѣра. Это очень хорошая мысль, но не думаю, чтобъ стихотворенія Пушкина имѣли успѣхъ въ чтеніи на клубныхъ подмосткахъ.

Кининъ. Pourquoi, non, mademoiselle?.. Pouschkin c'est un célèbre poète. Онъ, онъ такъ благозвученъ! (Въ сторону.)—Elle est admirable!

Вѣра. Наша публика жаждетъ новинокъ, чего-нибудь современнаго...

Кининъ. Oui, oui!.. Vous avez raison... Главное—de cascades, de cascades. (Въ сторону.) Quelle beauté!

Вѣра. Зачѣмъ-же непременно каскаду?.. Я хочу сказать, что Пушкинъ для клубныхъ чтеній слишкомъ знакомъ и классиченъ. Его хорошо читать въ интимномъ кружкѣ людей одинаково развитыхъ, одинаково образованныхъ и любящихъ литературу, а тамъ, гдѣ люди разнаго уровня образованія собираются и сходятся для того, чтобъ убить время, тамъ читать Пушкина—значитъ профанировать искусство. Извините, мсье Громчевскій, что я такъ откровенно высказываю свое мнѣніе.

Громчевскій. О, помяните, я очень вамъ благодаренъ.

Вѣра. Вотъ если-бъ вы его здѣсь стали читать, въ такомъ маленькомъ кружкѣ, это другое дѣло. Это-бы имѣло смыслъ.

Слетышевъ. А угодно вамъ, Вѣра Дмитріевна, онъ что-нибудь намъ прочтетъ изъ Пушкина?

Кининъ. Voilà une excellente idée... Читайте.

Чагановъ. Прочтите что-нибудь.

Муравинъ. И я бы, провинціалъ, съ удовольствіемъ послушалъ чтеніе.

Громчевскій (въ Вѣрѣ.) Вамъ угодно, Вѣра Дмитріевна?

Вѣра. Если другіе желаютъ, я буду слушать съ удовольствіемъ.

Кининъ. Ну, commencez, mon cher, вы знаете: femme veut, Dieu le veut... Не ломайтесь!

Громчевскій. Я не ломаюсь, но попрошу позволенія встать... привычка! Какъ-то лучше читается. (Встаетъ.)

Слетышевъ. Стоять можешь сколько хочешь, только не ложиться, это здѣсь не допускается, ха, ха, ха!

Кининъ. C'est bien dit. Ха, ха, ха!

Слетышевъ. Ну, не урони-же себя, поддержи свое имя, которое гмать отъ финскихъ хладныхъ странъ до пламенной Колхиды.

Громчевскій (откашлявшись, становится въ позу и декламируетъ..
„Скупой рыцарь“:

Какъ молодой повѣса ждётъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ...

(Около дверей направо слышенъ шумъ и голосъ Василья.)

Василій (за дверями.) Такъ нельзя-съ, позвольте доложить... Безъ доклада невозможно... Позвольте-съ. (Общее изумленіе.)

Слетышевъ (въ сторону.) Вотъ она, минута-то... дождались!..
(Вскакиваетъ.) Что тамъ такое? Я узнаю, продолжайте. (Бѣжитъ къ правой двери, открываетъ ее. Входитъ Крамолина.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе и Крамолина.

Слетышевъ (притворно вскрикивая, прижимается къ стѣнѣ и даетъ пройти Крамолиной.) Ахъ!

Чагановъ (вскакивая.) Что это—она!

Кининъ. Madame Крамoline.

Вѣра (смотря на Чаганова.) Что съ тобой?

Крамолина (блѣдная, взволнованная, но съ дѣланной веселой миной и натянутой непринужденностью подходитъ къ столу.) Что это, мой другъ, наша прислуга не хочетъ уже меня пускать сюда... Ахъ, какое большое общество! И знакомые даже. Ба, Кининъ, bon soir, Громчевскій, здравствуйте! (Подаетъ имъ быстро руки.) Bon soir! (Дѣлаетъ общій поклонъ). Теперь съ тобой—мы вѣдь скоро двѣ недѣли какъ не видались. Ну... *tauchez!* (Протягиваетъ руку, Чагановъ отвертывается отъ нея.) Что съ тобой?.. Ты меня не ждалъ... не ожидалъ?.. Да приди-же въ себя... Вѣдь это я... я... твоя Люба... О, Боже мой, какой ты нервный!.. (Къ окружающимъ, садясь на свободный стулъ.) Садитесь, господа; *pardou*, что я васъ заставила подождать у себя... Хозяйка должна была васъ встрѣтить здѣсь, но меня задержало одно дѣло... Не стѣсняйтесь, продолжайте прерванную бесѣду... будьте какъ дома... Я у себя церемоній не терплю.

Чагановъ (блѣднѣя и дрожащимъ голосомъ.) Довольно, сударыня. Я... больше не... могу стерпѣть... (Задыхается, не можетъ больше говорить и только молча указываетъ на правую дверь. Гости выходятъ въ гостиной и толпятся у арки, недоумѣвая.)

Вѣра (холодно-сдержанно.) Успокойся, Коля, я поняла все... Госпожа Крамолина... (Чагановъ опускается на стулъ.)

Крамолина. Кто это? Она ему говоритъ ты... называетъ его Колей... по какому праву?.. Какая женщина смѣетъ въ нашемъ домѣ, въ нашей квартирѣ говорить ему ты?.. Да объясните-же мнѣ кто-нибудь, господа!.. Николай Петровичъ, объясни.

Вѣра (спокойно.) Я вамъ объясню это...

Крамолина. Прежде объясненій скажите мнѣ, кто вы? Зачѣмъ... какъ вы здѣсь, по какому праву?

Вѣра. Я невѣста Николая Петровича... Онъ женится на мнѣ. Не притворяйтесь, вы все знаете. Я его невѣста.

Крамолина. Не вѣрю... не можетъ быть! Николай честный человекъ, онъ-бы мнѣ сказалъ. Онъ ни слова объ этомъ не заикнулся... Такъ съ женщиной, которую хоть немножко любить, не поступаютъ, а онъ... онъ говорилъ, что меня любить, говорилъ это не далѣе, какъ въ именины мои...

Чагановъ. Я вамъ прислалъ векселя, прислалъ письмо...

Крамолина (прерывая.) Въ которомъ писали, что уѣзжаете недѣли на двѣ...

Чагановъ. Вы должны были понять... Я зналъ вашу безумный характеръ, я шадилъ себя и васъ отъ скандала... Теперь вы достигли-таки своего... Извольте, я вамъ скажу—я васъ разлюбилъ давно... Я люблю ее и женюсь... Да, женюсь на ней... Я вамъ все сказалъ, оставьте меня... Уйдите, уйдите, прошу васъ... Наши счеты кончены!..

Крамолина. Какъ уйти, какъ счеты кончены? Для васъ разбить сердце женщины ничего не значитъ, играть, развлекаться ею цѣлые три года и потомъ выбросить, какъ сломанную игрушку, ничего?.. Вы мнѣ прислали три векселя, бросили, какъ собачонкѣ бость, эти несчастныя пятнадцать тысячъ, и думаете, что сквитались? Нѣтъ, вы ошиблись, такъ надругаться надъ чувствомъ женщины, такъ опозорить, осрамить ее самою только во имя того, что понравилось новое смазливенькое личико...

Чагановъ (прерывая ее, бѣшено.) Ни слова объ ней, ни звука!.. Вонъ сейчасъ, сію минуту!.. Эй, люди, кто-нибудь... (Его схватываютъ съ одной стороны Муравинъ, съ другой Вѣра.) Пустите меня... пустите!

Вѣра (смотрящая до сихъ поръ съ презрѣніемъ на Крамолину, Чаганову.) Если вы меня любите, вы ни слова болѣе не скажете... Идемте! (Уходятъ трое налѣво.)

Крамолина (стоитъ, опустя голову.) Все кончено... онъ меня болѣе не любитъ, не уважаетъ... Ну, стоитъ-ли любить... быть честной женщиной?.. (Оглядываясь.) Что-жъ вы-то, господа, молчите! Радуй-

тесъ, ливуйте: женщина опозорена, обезславлена, ее гонить вонъ тотъ, кто три года назадъ ловилъ намекъ на чувство, благоговѣлъ передъ ласковымъ взглядомъ, дорожилъ какъ счастьемъ моею улыбкой... о, позоръ, позоры!

Кининъ (подходя въ ней.) Успокойтесь. *Donnez moi votre pain.*

Крамолина. Прочь отъ меня! Все ложь, обманъ, нѣтъ добродѣтели на свѣтѣ, нѣтъ правды, чести, нѣтъ ничего святого!.. Всякая молодая встрѣчная дѣвушка будетъ награждена большимъ вниманіемъ, чѣмъ женщина, отдавшаяся беззавѣтно, безразсчетно. Да, да... надо быть... надо сдѣлаться другой... Я теперь другая... всѣ вы мнѣ ужасны, страшны, отвратительны... Я стану порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ бабочка... буду срывать цвѣты наслажденій, буду хохотать, когда надо только улыбнуться, буду вальсировать, канванировать вмѣсто того, чтобъ сдѣлать реверансъ, стану говорить безъ умолку, когда честная женщина стала-бы молчать, сдѣлаюсь современной Аспазіей п... тогда вы всѣ будете у моихъ ногъ, и я васъ буду отталкивать съ пренебреженіемъ, какъ гадинь... (Грозить въ лѣвыя двери.) А тебѣ, а вамъ обонимъ... я отравлю счастье, отравлю всю жизнь, уничтожу васъ самихъ... Я умѣла любить!.. О, я съумѣю и ненавидѣть... Когда-ты будешь въ такой-же мертвой петлѣ, въ какой я теперь, тогда я тебѣ скажу: мы квитъ. (Осматриваясь.) Что-жь, рукоплещите, на колѣни предо мной, кричите ура!.. Ваша цѣль достигнута, прежней честной Крамолиной нѣтъ, передъ вами опозоренная женщина, искусная обольстительница, куртизанка, львица. Ха, ха, ха! (Съ хохотомъ убѣгаетъ.)

Слетышевъ. Корабли сожжены, возврата нѣтъ... *Le roi est mort—vive le roi!* Я царствую. (Общее изумленіе. Картина.)

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дмитрій Васильевичъ Запольевъ.

Николай Петровичъ Чагановъ.

Вѣра Дмитриевна, его жена.

Сергій Ильичъ Слетышевъ.

Андрей Матвѣевичъ Книжнѣ.

Катя, горничная Чагановыхъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Чаганова.)

(Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ около года.)

Простенная комната, оклеенная недорогими обоями. Прямо два окна съ бѣлыми драпировками, безъ всякихъ подзоровъ; подъ ними большой письменный столъ, на немъ письменныя принадлежности, груды книгъ, тетрадей, корректурныхъ листовъ. Налѣво—диванъ, столъ, нѣсколько креселъ, дверь въ спальню. Направо—простѣлочное зеркало, небольшой столикъ, два-три стула и входная дверь; на подзеркальничѣхъ простыне часы и двѣ вазочки, въ одной изъ нихъ роскошный букетъ цвѣтовъ. Все просто, чисто, уютно. На дверяхъ портъери таковой же матеріи, каковой обита мебель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Катя, потомъ Вѣра.

Катя (сидящая при поднятіи занавѣса у большого стола за шитьемъ дѣтской шелковой рубашечки, поетъ):

Ты поѣдешь, моя радость,
Другъ, жениться,
Прѣзжай со мною проститься.

(Обрывается.) Ничего заплакалъ? (Прислушивается.) Словно-бы хнычетъ потихоньку. (Бросаетъ шитье.) И я-то, дура, расплълась, словно опалѣлая! Ребенокъ спитъ, а я пою. Посмотрѣть! (Подходить къ двери налѣво.) Ничуть, не слышать. (Осторожно отворяетъ и смотритъ.) Спокойнешенько собѣ спитъ. Этакій ребенокъ тихій да смиренный зародился, голоса его не слышать... Покушаетъ и започиваетъ... даже мало гулить, словно большой, точно горе матернино понимаетъ. Ну, почивай, Христось надъ тобой, ангельчикъ Божій! (Притворяетъ осторожно дверь и садится за столъ работать.) Хоть въ этомъ-то счастлива Вѣра Дмитриевна, что спокойный... съ другимъ-бы отъ одного крику голову потеряла при такой въ дому напасти. Что она это сегодня

такъ долго? Пора-бы, кажется, вернуться,—съ восьми часовъ изъ дому ушла; замаялась, поди, съ ученьемъ-то своимъ. Надивиться я на нее не могу, что у ней за характеръ такой: мужъ второй мѣсяцъ въ этакомъ несчастіи, а отъ нея аху не услышишь, не то слезъ; бѣгаетъ по урокамъ, ночи до бѣла свѣта сидитъ, пишеть, день-деньской за книгой,—чудеса! Ужь вижу, что изстрадалась она вся, измаялась, съ тѣла спала, жизнь ей не въ моготу, а видъ на себѣ носить такой, словно ей и горюшка мало—все тринь-трава! И вѣдь не то, чтобы мужа не любила, нѣ-ѣ-тъ! Жили до этой бѣды, что твои голубки, душа въ душу, и посейчасъ только и думки, что по немъ, а не печалится, не горюеть. Вотъ поди-жь ты, какая на свѣтѣ есть любовь... все въ молчанку! (Откусываетъ питуку, вдѣваетъ новую и продолжаетъ шить.) Доведись до меня этовае горе, такъ я, кажись, волкомъ-бы взвыла, всѣ глаза-то себѣ по-выплакала, пра-а-во! Чего, о запрошлой недѣлѣ моего Алешу за буйство въ трактирѣ въ участокъ свели, такъ коровой ревѣла всю ночь... Такъ мой что, мой незаконный, а вѣдь тутъ мужъ, законъ!.. Опять, можно-ли участокъ къ этому приравнять... страсти подумать-то. (Разсматриваетъ сорочку.) Вотъ и сорочка нашему ангельчику готова. (Складываетъ работу.) Ну, теперъ и за урокъ можно... Гдѣ книжка-то запропастилась? (Ищеть.) А, вотъ она! (Береть басни Крылова.) Забавникъ, надо полагать, былъ этотъ Крыловъ, а страсти какой вумный! (Перелистываетъ книгу.) Эта самая! Ну-ка, Господи благослови! (Садится къ столу, спиной ко входной двери, закрываетъ уши ладонями рукъ и читаетъ не спѣша, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ):

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
 На ель ворона взгромоздясъ,
 Позавтракать совсѣмъ ужъ собралась,
 Да призадумалась, а сырѣ...

Вѣра (выходя изъ правыхъ дверей въ шляпкѣ и съ портфелью при началѣ чтенія, стоитъ минуту, потомъ тихо подходитъ къ Катѣ и кладетъ ей руку на плечо.) Какъ углубилась!

Катя (вскакивая.) Ой, батюшки! (Оборотаясь.) Ахъ, барыня, извините-съ, я не дослышала, какъ вы вошли. (Закрываетъ книгу.)

Вѣра. Ничего, Катя, ничего... Ну что, безъ меня все благополучно, не просилъ кушать, не плакалъ? (Кладетъ портфель на столъ.)

Катя. Нѣтъ, Вѣра Дмитріевна, даже не куксился нисколько. (Вѣра направляется къ лѣвымъ дверямъ.) Уснулъ, не разбудите, дверь-то скрипитъ.

Вѣра. Я осторожно, только взгляну. (Проходитъ къ дверямъ.)

Катя. Какъ вы ушли, погулилъ съ полчаса, да и въ постельку; ужъ этакій спокойный ребенокъ, этакій спокойный, не надивуюсь.

Вѣра (осторожно отворивъ дверь, любуется.) Какъ сладко спать! Не душно-ли у насъ тамъ, Катя?.. Вы отворяли форточку, освѣжили комнату? (Притворяетъ дверь.)

Катя. Какъ-же-съ, Вѣра Дмитриевна; какъ вы ушли, цѣлые полчаса форточка открытой стояла, пока я здѣсь съ Митенькой гуляла, а Мавра тамъ прибиралась.

Вѣра. Спасибо вамъ, голубчикъ. (Снимаетъ шляпку.) Никто у насъ не былъ?

Катя. Папенъка послѣ васъ въ скорости заѣзжали; общались опять быть.

Вѣра (подходя къ зеркалу и поправляя волосы, видитъ букетъ.) Опять букетъ?

Катя. Опять посыльный принесъ. Пришелъ прямо въ кухню къ Маврѣ—отдай, говоритъ, барынѣ, да и былъ таковъ.

Вѣра. Возьмите, Катя, выкиньте его вонъ... Вѣдь я просила, чтобъ не принимали букетовъ... Это скучно, наконецъ. (Подаетъ ей.)

Катя. Я наказывала Маврѣ не брать,—такъ говоритъ: посыльный и разговаривать не сталъ, бросилъ букетъ на столъ да и ушелъ. (Беретъ букетъ.)

Вѣра. Ну, все равно, выкиньте. (Про себя.) Чьи это штуки, неужели продѣлки Слетышева? Мало онъ гадостей надѣлалъ... еще дразнить, какъ собаченку. (Отходить къ столу.)

Катя (вертя букетъ.) Вѣра Дмитриевна... Зачѣмъ такую прелесть выкидывать, позвольте лучше мнѣ къ кровати поставить. (Нюхаетъ.) Духъ такой нѣжный и цвѣточки прекрасные. Можно-съ?.. Я-бы въ кружку поставила у самой у своей постели... очень ужъ духъ отъ нихъ легкій.

Вѣра. Пожалуйста возьмите, только чтобъ здѣсь-то онъ не торчалъ. (Садится подъ окномъ.)

Катя. А я сорочку-то кончила, Вѣра Дмитриевна. Прелесть какая вышла, махонькая, словно кукольная. Извольте посмотреть. (Беретъ со стола и показываетъ.)

Вѣра. Спасибо, милая; какая вы мастерица, золотыя ручки. (Разсмотрѣвъ, подаетъ.) Вотъ у насъ Митя къ праздникамъ съ обновой; приберите, въ спальнѣ въ комодъ спрячьте... Самоучкой, а какъ хорошо шьете... Позавидуешь вамъ, а я вотъ не могу ни шить, ни вышивать, ни вязать... Нѣтъ способностей на это.

Катя. Вамъ этого и не надо; у васъ и безъ того ишь сколько дѣла-то. (Указываетъ на книги.) Кабы я-то знала съ ваше, обь иголкѣ и не подумала, право! Тогда-бы...

Вѣра. Что-же-бы тогда?

Катя. Мало-ли-бы что... Скажите, Вѣра Дмитриевна-съ, скоро можно всю рифметку понять?

Вѣра. Какую рифметику?

Катя. Ну, чтобы цифру въ расходную книжку записать, это сложить тамъ что слѣдуетъ въ расходѣ или въ приходѣ... вычтетъ какой придется или барышъ, чтобъ все это знать и умѣть на бумагѣ счетъ вести.

Вѣра. Это четыре правила арифметики: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Катя. Они самыя-съ... Они, они!

Вѣра. Скоро можно выучиться.

Катя. Ахъ, Господи, научите вы меня этому... Всю жизнь за васъ Бога буду молить... Писать-то я кое-какъ теперь научилась отъ васъ... только-бы вотъ теперь эти четыре правила узнать—и счастливица-бы я была первая во всей вселенной, право!

Вѣра (улыбаясь.) Это почему?

Катя (конфузливо.) Да ужъ я вамъ признаюсь. Мнѣ, дѣвкѣ, тридцать второй пошелъ; сирота я—безъ отца, безъ матери. Съ Алешей мы душа въ душу живемъ восемь лѣтъ безъ закону; онъ на табачной фабрикѣ мастеромъ, а я по людямъ—гдѣ горничной, гдѣ нянькой, либо кухаркой, а гдѣ за всѣхъ отвѣчаешь. Надоѣла намъ эта волчья жизнь, опять безъ закону—срамъ! Алешѣ наслѣдство послѣ отца досталось тысячу пятьсотъ рублей серебромъ, да-а-съ! Вотъ и порѣшили мы законъ принять, жить вмѣстѣ, хозяйствовать; лавочку-бы табачную открыли, онъ по этой части дока... Да то бѣда: онъ человекъ темный, неграмотный, я, конечно, читаю рѣдко и писать вы меня выучили, а какъ-бы правила эти мнѣ научиться, сейчасъ-бы я счеты всякіе вела, доходы записывала, товаръ принимала по бумагамъ, а онъ-бы за стойкой сидѣлъ, торговалъ, и зажили-бы мы пригвѣваючи... Вотъ теперь все дѣло за рифметивой стало... Такъ мы и положили: какъ правила я научу, такъ сейчасъ и подѣ вѣнецъ...

Вѣра. Такъ за чѣмъ-же дѣло стало?.. Хорошенько поналяжемъ, въ три мѣсяца я васъ выучу...

Катя. Господи, да хоть-бы въ годъ, и то счастье; Алеша даже на годъ согласенъ... Барыня, сдѣлайте вы меня счастливой на вѣки, выучите вы меня этимъ правиламъ... Право я... (Хочетъ поцѣловать руку.)

Вѣра. Полноте, полноте, Катя. Знаете, я этого не люблю... (Не даетъ руки.) Сказала, что выучу—выучу, не бойтесь.

Катя. Ну ужъ, Вѣра Дмитріевна... святая вы, ей-ей.

Вѣра. Довольно, Катя, довольно. (Потягивается, расправляя руки.) А-а-ахъ!

Катя. Чай, устали, Вѣра Дмитріевна?.. Что это вы сегодня долго? Не бережете вы себя... Заболѣете еще.

Вѣра. Дѣйствительно, я сегодня утомилась. Новый урокъ нашла. Только далеко ходить, за Египетскимъ мостомъ.

Катя. Господи-владыко! Это вы все пѣшкомъ-то?.. Близкій-ли свѣтъ—Египетскій мостъ! Право, барыня, изведетесь, заболѣете. Ни одной-то ночи, какъ другіе, въ свое время не ляжете, все съ перомъ да книгой до самаго разсвѣта... Долго-ли захворать!

Вѣра. Ничего, Катя, ничего... Вотъ что лучше: не угоститься-ли намъ съ вами кофе?.. Я какъ на уроки ушла, ничего не ѣла. (Беретъ ее за плечи.) А, можно?

Катя. Ахъ, я дура, полоумная... Точу балясы, а объ кофеѣ и забыла совсѣмъ... А только и думала, какъ придете—подать... На плитѣ кофейникъ стоитъ и булочекъ изъ булочной взяла. (Идетъ.) Вамъ тамъ налить или сюда подать кофейникъ?

Вѣра. Все равно, Катя, все равно!

Катя. Такъ я тамъ налью, скорѣй да и возни меньше. (Вѣзять и, остановясь у дверей.) Не видали, барыня, сегодня Николая-то Петровича, не ходили туда?

Вѣра. Нѣтъ, ходила, но сегодня почему-то не пустили.

Катя. Не пусти-или?.. Жену къ мужу не пуцать... Эки каторжные! (Уходитъ въ двери направо.)

Вѣра (облокотясь локтями на столъ.) Онъ сидитъ тамъ бѣдный, вмѣстѣ съ мошенниками, негодяями, головорѣзами. И я не въ состояніи ему ничѣмъ помочь... Несчастіе! (Встаетъ и ходитъ.) Три тысячи есть на-лицо, продала все до послѣдняго шелкового платя... Гдѣ-же добыть еще двѣ, у кого? Согласиться на условія отца—ни за что!.. Занять у Кинина,—онъ не откажетъ, но надо ему открыть все, унижаться, просить... Нѣтъ, невозможно! (Осматривается.) Продать всю эту мебель, сдать квартиру, переѣхать въ одну комнату? А ребенокъ-то, а Мита?.. Ну, получу пятьсотъ рублей, а гдѣ-жѣ еще полторы тысячи взять?.. Измучилась... Въ груди скверно, ломить, давить... На долго-ли хватить меня? Чувствую, что силы оставляютъ меня, замѣтно исчезаютъ, рѣшимость подается, характеръ подламывается... А-ахъ!... Она, эта женщина, говоритъ, что любить... любила его. Посадить любимаго человѣка въ долговую тюрьму!? Неужели любовь и месть совмѣстимы?.. Любить и мстить!.. Въ одно и то-же время месть и любовь!.. Ужасно! Но какъ его выручить, какъ вырвать оттуда? Какія средства?.. О, Боже мой!

Катя (внося на простомъ подносѣ чашку кофе, булки, сливки и сахаръ.) Вотъ и кофе готовъ. Пожалуйте. (Ставитъ налѣво, на столъ.) Или головка болитъ?.. Говорила вѣдь: берегите себя... Зима на дворѣ, а ходите въ ватной шубкѣ... говорила, не продавайте мѣховую. Очень болитъ?

Вѣра. Нѣтъ, милая Катя, ничего... Это отъ утомленія. (Садится къ кофе и пьетъ.)

Катя. То-то такъ, знаю я васъ, вѣдь покаместъ совсѣмъ не свалитесь, не скажете. Не принести-ли уксусу, темя да виски помочить, помогаетъ... Лодеколону-то нѣтъ, все одно уксусу. А то не потерѣтъ-ли хрѣну, хорошо его понюхать и къ вискамъ привязать... Я сейчасъ скажу Маврѣ. (Хочетъ идти.)

Вѣра. Не надо, Катя, все прошло, не нужно! Какой славный кофе и сливки густыя, съ пѣнками. Откуда это взялись?

Катя. У меня пріятельница тутъ есть одна, охтянка, такъ сегодня въ подарокъ принесла. Чухонка-чухонкой, а добро помнить. Третьяго года она портъ-моне съ семнадцатю цѣлковыми, на томъ дворѣ, гдѣ я у господъ жила, обронила. Ну, я нашла, черезъ недѣлю отдала ей, съ того и дружба пошла.

Вѣра (пьетъ кофе, раскрываетъ книгу и, напѣреваясь читать.) Что-же вы, Катя, не пьете?

Катя. Да ужъ я, грѣшнымъ дѣломъ, безъ васъ двѣ чашки выпила, не хочу больше... А вы опять, барыня, за книжку?.. Не успѣли придти, отдохнуть, опять за работу.

Вѣра. Что дѣлать, Катя; надо работать. (Весело.) Говорятъ, Богъ труды любить.

Катя. Это такъ, барыня! Да вѣдь черезъ силу-то и работать тоже не годится... Ни праздника у васъ, ни воскресенья, никакого различья нѣтъ, все одно—будній день... Хоть-бы вы прогуляться когда пошли, али-бы въ театръ, либо въ клубъ для разсѣйки себя съѣздили, а этакъ-то жить—безъ болѣзни захвораетъ!.. Съ тоски помрешь, ей-богу, пра-а-во!

Вѣра. Вы видите, я не тоскую...

Катя. Ну, да ладно, мы хоша и необразованы, а тоже понимаемъ. Говорите только, что не тоскуете, а кабы кто въ душеньку къ вамъ заглянулъ, такъ...

Вѣра (перебивая.) Полноте, Катя, пустяки толковать... берите-ка кофе... А то, въ самоѣ дѣлѣ, вы тоску на меня нагоните, еще расплачусь.

Катя (принимая кофе.) А что-жъ, Вѣра Дмитриевна, доброе дѣло и поплакать. Слезой всякое горе, всякая тягота обмывается, послѣ слезъ легче бываетъ... Вотъ какъ я проревусь...

Вѣра. Ну, будетъ, Катя, мнѣ надо заняться... (Читаетъ.)

Катя. А еще чашечку? (За правой дверью звонокъ.) Никакъ звонять? Маврѣ-то отъ плиты отойти нельзя, бѣжать отпереть... Сказать, что вы дома?..

Вѣра. Да, просите. (Катя уходитъ.) Видно, опять папа... Неужели согласиться? А онъ, Коля?.. Ни за что!

Катя (возвратясь.) Кининъ пріѣхалъ. Я въ спальню пройду къ ангельчику... Еще неравно проснется. (Проходитъ въ дверь налѣво.)

Вѣра (закрывая книгу, переходитъ къ столу налѣво.) Добрый онъ человекъ и съ сердцемъ, но испорченъ до мозга костей. (Садится.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Кининъ и Вѣра.

Кининъ (входя, раскланивается и пожимаетъ протянутую руку.) Здравствуйте... Какъ ваше здоровье? Il y a un siècle, que je ne vous ai pas vu, Вѣра Дмитриевна.

Вѣра. Здравствуйте. Садитесь... Здоровье, какъ всегда, хорошо. Мы съ вами не видались всего четыре дня, а ужъ вы сейчасъ... столѣтіе... Безъ французской банальной фразы нельзя... Ахъ вы, а еще говорите, что исправились!

Кининъ. Виноватъ, виноватъ!.. Все позабываю; скверная привычка, сразу трудно отстать... воспитанъ и выросъ на французской фразѣ! За каждое подобное преступленіе съ меня надо положить штрафъ въ пользу бѣдныхъ, да штрафъ покрупнѣй, чтобъ билъ по карману, тогда, можетъ быть, скоро исправлюсь... Ну, какъ вы довольны новымъ урокомъ, который я вамъ рекомендовалъ?

Вѣра. Ничего, дѣвочка способная, только ужъ семья-то, Богъ знаетъ, что такое... Отецъ помѣшанъ на чинахъ да крестахъ, а мать только и кричитъ дочери: „tenez vous droite; горбатую ни одинъ порядочный женихъ замужъ не возьметъ“.

Кининъ. Что вы хотите! Чиновники до конца ногтей... Я рѣшился замучить васъ уроками... Простите меня! И сегодня пріѣхалъ еще съ предложеніемъ... Банкиръ Плоцкій просилъ меня сдѣлать вамъ une proposition. (Смѣется.) Ахъ, ей-богу не могу, pardon! (Еще сильнѣе хохочетъ.) Опять съ французскимъ языкомъ! Однимъ словомъ, ему нужна учительница русскаго языка, географіи, ну, и прочаго. Je ne sais quoi encore... Опять!.. Условія: каждый день урокъ по часу... cinquante, т. е. пятьдесятъ рублей въ мѣсяць... Если вамъ угодно принять урокъ, вотъ карточка Плоцкаго съ его адресомъ. (Подаетъ, вынувъ карточку изъ порт-сигара.)

Вѣра. Не только угодно, но я съ радостью и благодарностью принимаю предлагаемый урокъ. (Беретъ карточку и смотритъ адресъ.) И какъ близко отъ меня... какъ удобно! Очень вамъ благодарна. Завтра-же я отправлюсь представиться этимъ Плоцкимъ. Ахъ, да! Въ которомъ часу къ нимъ удобнѣе сходить? Да что вы не курите?

Кининъ. Si vous me... Опять!.. Pardon! Ха, ха, ха! Извините.

Если позволите. (Закуриваетъ папиросу.) Самое лучшее—отъ двухъ до трехъ... Если его не будетъ дома, то madame Плоцкая васъ приметъ... она собственно и просила меня... Она немножко, какъ-бы вамъ сказать?—prude... Виновать, какъ это по-русски называется?.. Щекотлива. Ахъ, поп, поп!.. Ха, ха, ха! Позвольте! да, да, вспомнилъ: щепетилена, да?

Вѣра. Какъ, какъ? Щепетилена... (Улыбается.) Нѣтъ, вы совсѣмъ разучились говорить по-русски... вамъ, какъ иностранцу, надо брать уроки въ русскихъ разговорахъ.

Кининъ. Съ наслажденіемъ, если только вы мнѣ будете ихъ давать. (Вѣра хмурится.) Но вообще говоря, madame Плоцкая... (терпится) она, она... Au fond, elle est charmante! Не могу... Ха, ха, ха! Ну, что вы хотите, не могу... Прощайте!

Вѣра. Куда это вы? (Кининъ смотритъ на нее изумленно. Пауза.) Ха, ха, ха! Я васъ не поняла—вы сказали „прощайте“, вмѣсто „простите“, а я думала, что вы со мной прощаетесь. (Любезно.) Прощаю, прощаю. Что съ вами дѣлать, васъ не передѣлаешь, привычка—вторая натура.

Кининъ. О, я въ годъ нашего знакомства много исправился... ша раголе, т. е. даю вамъ слово. Начинаю остепеняться, сдѣлался, что-называется, un homme rangé... Какъ это по-русски... право, не знаю... сталъ совсѣмъ степнымъ.

Вѣра. Ну, на степного вы нисколько не похожи... Ничего, я понимаю, что вы хотѣли сказать... Не стѣсняйтесь: если вамъ трудно говорить безъ французскихъ фразъ, изъяснитесь, какъ привыкли... Я вѣдь по-французски немножко понимаю.

Кининъ. О, madame! Кто сомнѣвается! (Въ сторону.) Она сегодня нѣ духъ... Vergons! (Къ ней.) Что, скоро-ли кончится командировка вашего супруга? Вѣдь, кажется, уже второй мѣсяцъ пошелъ, какъ онъ въ отъѣздѣ?

Вѣра (смутясь.) Да, второй... А когда вернется—опредѣленно не писать.

Кининъ. А вы часто получаете отъ него извѣстія?.. Впрочемъ, какой странный я вамъ вопросъ предложилъ... Pardon! Вѣроятно, корреспондируете чуть не каждый день. C'est très naturelle... Гдѣ теперь Николай Петровичъ?

Вѣра (еще болѣе смущаясь.) Теперь гдѣ онъ?.. Я вамъ, право, не могу отвѣтить, гдѣ онъ въ настоящую минуту... Въ послѣдній разъ онъ мнѣ писалъ изъ Полтавы... да, изъ Полтавы... что долженъ сегодня оттуда выѣхать на югъ... а гдѣ остановится—не писалъ.

Кининъ. А, вотъ онъ гдѣ!.. Полтава... это въ Малороссіи... Жаль, что ему приходится разѣзжать зимой... Лѣтомъ La Petite

Russie... это... это наша Италия, да! (Въ сторону.) Elle n'a pas de l'audace dans le mensonge... Рискнуть? (Отряхая пепель.) Чего-же ждать? Allons! (Откашлявшись.) Вѣра Дмитриевна... pardon! это, можетъ быть, съ моей стороны indiscret?... но то глубокое уваженіе, которое я питаю къ вамъ... Я узналъ... мнѣ говорили... on gacconte... Pardon за мою смѣлость!

Вѣра. Что, что? говорите, не стѣсняясь... Прошу васъ.

Кининъ. Я знаю, вы не любите, когда on se gène... Я слышалъ про ваше горе, про... про ваше несчастіе... Это ужасная женщина... О, Крамолина, c'est une tigresse!

Вѣра. Извините, что я васъ мистифировала... Вы поймете, что объ этомъ говорить мнѣ и неприятно, и неловко!.. Я не думала, что вамъ все извѣстно... Перестанемъ объ этомъ говорить; надѣюсь, вы на меня не посѣтуете за ту необходимую ложь, какую я допускала въ разговорахъ съ вами относительно мужа.

Кининъ. О, madame! Я такъ это понимаю, такъ глубоко... c'est très simple... votre vertu et les principes... Я все, все понимаю... Я осмѣлился говорить объ этомъ потому только... votre position tout à fait extraordinaire... У васъ такъ мало знакомыхъ... Я пріѣхалъ къ вамъ съ намѣреніемъ уничтожить это... это злодѣйство женщины... Я дѣйствую à coeur ouvert, изъ одного глубокаго уваженія... (Вынимаетъ изъ бокового кармана запечатанный конвертъ.) Voilà... Вотъ сумма, которая... которая возвратитъ вамъ прежнее спокойствіе и... и вашего супруга. (Кладетъ на столъ.) Вы не захотите обидѣть меня... вы не откажетесь... Mille pardons, madame, но я поступаю à coeur ouvert.

Вѣра. Вашъ поступокъ рекомендуетъ ваше доброе сердце, Андрей Матвѣевичъ, но...

Кининъ. А, nom du ciel, je vous prie, sans votre „но“... Не обижайте меня! ce n'est grande chose! (Зажимаетъ уши.)

Вѣра. Не волнуйтесь, выслушайте меня... Я вамъ очень благодарна. (Протягиваетъ ему руку.) Я беру.

Кининъ (цѣлуя руку.) Merci, merci... Я счастливѣйшій человекъ... Тутъ ровно пять тысячъ.

Вѣра. Мнѣ пяти не надо, у меня есть свои три; недостааетъ только двухъ, двѣ изъ нихъ я и возьму, но...

Кининъ. Ah, sans vos „но“!... Не будемъ больше объ этомъ говорить. Prenez, combien vous voulez, mais sans „но“... Такъ, c'est fini?.. Это, это... cela me revolte!

Вѣра. Возмущаться тутъ нечѣмъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ, о займѣ. (Распечатываетъ конвертъ. Три пачки изъ пяти кладетъ на столъ. двѣ держитъ въ рукахъ.) Я двѣ тысячи эти возьму, но я должна знать ваши условія.

Кининъ. Ah, quelles conditions!.. Все, что вы хотите... Comme vous voudrez, madame!

Вѣра. Не какъ я хочу. Говорите прямо, на долго-ли вы можете ссудить меня, то-есть насъ, этой суммой, за какіе проценты?

Кининъ. Ахъ, mon Dieu! (Дѣлаетъ видъ, что возмущенъ.)

Вѣра. Не ужасайтесь. Безъ процентовъ я не возьму... Моему правилу—ничѣмъ, никогда и ни у кого не одолжаться, я не измѣню. Говорите-же, какіе проценты?.. иначе, берите ваши деньги.

Кининъ. Какіе хотите... Я... я не могу назначить... Ради Бога! (Въ сторону.) Ah, quell beauté, quelle beauté!

Вѣра. Хорошо. Вексель мы напишемъ на годъ, васъ это не стѣснить?

Кининъ. Ахъ, mon Dieu!.. (Въ сторону.) Mais comme elle est charmante!

Вѣра. Десять процентовъ годовыхъ не будетъ мало?.. Ну, отвѣчайте-же, Андрей Матвѣичъ. Вы согласны? Значить по-рукамъ. (Протягиваетъ ему руку.) Если мало, скажите.

Кининъ. И вамъ не грѣхъ! Ничего мнѣ отъ васъ не пужно. (Цѣлуетъ руку со страстью.) Кромѣ вашего расположенія, кромѣ вашего сочувствія... теперь я ни на что не смѣю рассчитывать... Аргѣс, послѣ... можетъ быть, вы удѣлите частичку чувства, когда вы... узнаете, какъ я... я васъ безумно...

Вѣра (отнимая руку, спокойно-строго.) Довольно, господинъ Кининъ... Я въ васъ ошиблась... берите ваши деньги и не переступайте болѣе порога моей квартиры... Извольте выйти вонъ! (Идетъ къ лѣвыиъ дверямъ.)

Кининъ. Attendez, madame!.. Вы меня не такъ повали. Я не то хотѣлъ сказать... Au nom de Dieu, останьтесь, выслушайте меня... мои слова... (Идетъ за ней.)

Вѣра (полуоборачиваясь и приостановясь.) Я не ребенокъ, не думайте меня обмануть. Дѣло не въ однихъ словахъ; въ извѣстныхъ случаяхъ говорятъ безъ словъ... Ваши глаза лучше, чѣмъ вашъ французскій языкъ, объяснили мнѣ ваши замыслы, ваши гнусныя намѣренія. Взгляните на себя въ зеркало—и уходите отсюда навсегда. (Идетъ.)

Кининъ (бросаясь ей вслѣдъ.) Vous vous trompez, madame, клянусь вамъ... Вы ошибаетесь... я...

Вѣра. Не бойтесь,—я скандала не сдѣлаю; я—не Крамолина... Успокойтесь... Даже мужъ объ этомъ не узнаетъ... Оставьте-же меня. (Уходитъ налѣво.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Кининъ, Катя и Запольевъ.

Кининъ (одинъ.) Пересолилъ, *diable m'emporte!*.. По что за женщина, какой характеръ! Другая-бы—сцены, слезы, крики, обмороки, а эта—сталь! Что меня и поражаетъ въ ней, что меня приковало, обворожило—такой характеръ... Въ ней все это сдержанно, скрыто, спрятано... а страсти-то, должно быть, сколько! *Voilà une femme!*.. Въ ней все это... *et la pluie et le beau temps!*.. Что-жь дѣлать, бросить, отказаться, потерять и эту, и Крамолину? *Jamais de ma vie!*.. Ахъ, развѣ такъ?.. (Раздумываетъ.) Отличная идея! *Parfaitement!*.. Куда не шли пять тысячъ... За то какое великодушiе, а? Рыцарь *sans peur et sans reproche!* Такимъ натурамъ это нравится... *C'est fini!* Рѣшено,—такъ и сдѣлаю... Нѣтъ, Вѣра Дмитриевна, отъ моихъ лапокъ вамъ не убѣжать... Черезъ полгода, черезъ годъ, а ужъ вы будете моей, въ этомъ я даю вамъ *ma parole d'honneur!*.. Отступленiе невозможно... *poblesse oblige!*.. Они обѣ—мои! Да!

Катя (входя.) А вы еще все здѣсь... не ушли?.. Барыня приказала васъ просить уйти... Что деньги-то раскидали, прибирайте, да и съ Богомъ!

Кининъ. Сейчасъ, сейчасъ, милая Катя. (Собираетъ деньги.)

Катя. То-то, милая... Бога въ васъ нѣтъ... Этакъ барыню обидѣли: вошла въ дѣтскую—полотна бѣлѣе, а еще офицеръ, мундиръ золотомъ шитый носите. Только другихъ офицеровъ срамите.

Кининъ. Что такое съ Вѣрой Дмитриевной... Я, ей-богу, ничего.

Кати. Полноте, сударь, Бога побойтесь! Ниче-его! Дверь-то была отворена, я вѣдь все слышала...

Кининъ. Да что, что такое?

Катя. А то и такое! На что вотъ я простая дѣвка, да доведись это до меня, чтобъ при этакомъ несчастii, когда законный мужъ въ заключенii, да кто безъ него ко мнѣ ластиться сталь... Ну, плохо-бы тому было, некрасивымъ-бы отъ меня ушелъ.

Кининъ (положивъ деньги въ карманъ, ириво.) Ну, а что-бы ты сдѣлала, сердитал, а?

Катя. А такую-бы затрещину закатали, что всю-бы жизнь помнилъ... Рука-то вонъ (показываетъ) какаля, хамская, не барская, здоровая... Что разговаривать-то тутъ много—уходите, танцуйте польку-то. (Указываетъ на дверь.)

Кининъ. Ха, ха, ха! О, *capaille!* (Серьезно.) Ты скажи своей барынь, что она меня жестоко оскорбила, что я сегодня-же ей на дѣлѣ докажу, что я честный человекъ; такъ и скажи. Слышишь?

Катя. Скажемъ, скажемъ, будьте покойны, не забудемъ. (Указывая на дверь.) Проходите!

Кининъ. О, злючка, злючка! (Уходить, напѣвая.)

Souvent la femme varie...

Катя. Экой народъ-то лодарь, а! Какимъ прикидывался! Обо всемъ, то-есть обо всемъ хлопоталъ... И баринъ, и барыня его оба полюбили—тому практику доставлялъ, этой уроки... Я, говорить, честный человекъ, а что на умъ у себя держалъ. Шаматонъ окаанный!.. Взять крыловскія басни, „Ворону“ почитать. (Подходить къ столу, ищетъ и взглянувъ въ окно.) Ишь покатишь, а лошадь-то, лошадь-то!.. изъ ноздрей огонь пышетъ, изъ ушей дымъ валить... Какъ-бы, кажется, этакихъ окаанныхъ землѣ носить, а вотъ поди-жы ты, имъ во всемъ удача и денегъ куры не клюютъ, а хорошимъ господамъ, хотъ-бы взять нашихъ, одно горе да несчастье. Эхъ, жизнь, правду сказано: одному—мать, а другому—мачиха! (Звонокъ за правой дверью.) Кого еще Богъ даетъ? (Подходить къ лѣвой двери.) Звонягъ, прикажете принять, Вѣра Дмитриевна?

Вѣра (за дверями.) Папу примите, а другихъ никого...

Катя. Слушаю-съ. (Оборачивается и видя вошедшаго Запольева.) Папенька-съ вошли... (Кланяется.) Здравствуйте, Дмитрій Васильевичъ.

Запольевъ. Здравстуй. А Вѣра дома?

Катя. Дома-съ; онѣ Митеньку кормятъ, сейчасъ доложу-съ. (Уходить налѣво.)

Запольевъ. Сама ребенка кормить... Ни за что кормилицы не хотѣла взять... Вотъ и воспитаніе серьезное, развитіе преимущественно ума, а не сердца, въ чемъ выражается—въ однѣхъ крайностяхяхъ, мозговыхъ увлеченіяхъ, упорствѣ до вреда себѣ, до сумасшествія... Моя дочь въ этой обстановкѣ... ужасно!.. Надо вырвать ее отсюда, во что-бы то ни стало надо вырвать, и именно теперь, благо есть случай,—послѣ будетъ поздно... (Подходить къ столу.) Бокль, Молешотъ, Дарвинъ. (Смотритъ книги и бросаетъ.) И рядомъ ученическія упражненія, арифметическія задачи... (Отбрасываетъ отъ себя.) Учительница на всю жизнь, на весь вѣкъ.. (Отходить и садится направо. Послѣ минуты раздумья.) Ну какъ-же еще вести намъ своихъ дочерей, какъ воспитывать, какъ образовывать? Кажется, все было сдѣлано, потрачены тысячи, и результаты... (указываетъ кругомъ) это трудъ и безъ минуты отдыха.. Ко всему этому еще бѣда съ мужемъ. И какъ ее хватать!.. Вотъ она, судьба образованной бѣдной русской барышни!.. А трескотня-то какая плетъ во всей нашей прессѣ о женскомъ трудѣ, о самостоятельной дѣятельности... Женскій вопросъ! Ге! Подняли вопросъ, нечего сказать. Дѣвушка образована не хуже любого учителя гим-

нази, и обречена возиться съ малолѣтками и учить ихъ азамъ. Дай сначала равноправность мужчинѣ и женщинѣ, тогда и трещи. А то крикъ на цѣлый свѣтъ, а дѣла нѣтъ кромѣ телеграфа, указки да дѣтскаго сивальника... Правъ поэтъ: все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно... Ну, время!.. Никто, видно, не уходитъ отъ современной жизненной мертвой петли! (Ходить.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Запольевъ и Вѣра.

Вѣра (блѣднѣе обыкновеннаго, выходитъ слѣва.) Здравствуй, папа, извини, что заставила ждать—кормила своего маленькаго. (Цѣлуетъ руку.)

Запольевъ. Здравствуй, Вѣрочка! (Цѣлуетъ въ голову.) Я заѣзжалъ къ тебѣ, но не засталъ дома, вѣрно на урокъ была.

Вѣра. Да, урокъ давала. Сядемъ. (Садятся справа.)

Запольевъ. Ну, что, внучекъ какъ... здоровъ?

Вѣра. Ничего, здоровъ. Не хочешь-ли взглянуть?.. Онъ не спитъ, у Кати на рукахъ. Принести? (Встаетъ.)

Запольевъ. Господь съ нимъ, не тронь... Постѣ. (Вѣра садится.) Скажи-ка лучше, твое-то здоровье какъ... Ты ужасно блѣдна.

Вѣра. Нѣтъ, ничего. Я отлично себя чувствую... даже бодрѣе, чѣмъ когда-нибудь бывала; если-бъ не несчастіе съ Колей, то... (Кашляетъ.)

Запольевъ. Отлично, говорить, себя чувствую, а кашель-то?

Вѣра. Ничего, маленькій катарръ, вѣрно какъ-нибудь простудилась слегка. Напьюсь на ночь теплаго, укутаюсь хорошенько, къ утру опять молодцомъ буду.

Запольевъ (качая головой.) Ахъ, Вѣра, Вѣра... несчастная моя Вѣра!

Вѣра. Полноте, папа, чѣмъ я несчастна? Я такъ довольна была своимъ положеніемъ, своимъ замужествомъ, жизнью съ Колей, что не случись послѣдней бѣды, я-бы считала себя награжденной судьбой даже выше моихъ ожиданій.. Ну, что-жъ дѣлать, перетерплю какъ-нибудь; розъ безъ шиповъ не бываетъ. (Насильно-весело.) Не все на небѣ ночь, авось солнышко проглянетъ.

Запольевъ. Утѣшай, утѣшай себя пустой надеждой. Нѣтъ, мой другъ, для тебя солнце закатилося!.. Впереди одинъ горькій, тяжелый трудъ да борьба за существованіе.

Вѣра. Трудъ для меня наслажденіе, да и безъ борьбы что за жизнь,—одно прозябаніе, спячка... Мнѣ-бы только Колю выручить, опять все пойдетъ по-прежнему.

Запольевъ. То-есть кухня, указка, кормленье ребенка, пискъ, плачь и визгъ... И это она называетъ счастьемъ!

Вѣра. Счастье—очень эластическое слово и относительное понятие. Другая, можетъ быть, на моемъ мѣстѣ проклинала-бы свою судьбу, а я, напротивъ, довольна,—чего-же вы еще хотите? Я вамъ повторяю, что если теперь худѣю, тревожусь, то за одного Колю; будь онъ сегодня на свободѣ вы завтра-бы меня не узнали.

Запольевъ. Все это отъ тебя, мой другъ, зависитъ.

Вѣра. Это какимъ образомъ?.. Согласиться на ваше предложение—разойтись съ Колей?.. Да я скорѣй петлю накину себѣ на шею.

Запольевъ. Безъ тебя ужъ объ этомъ похлопотали. Сама жизнь накинула на тебя мертвую петлю.

Вѣра. Фраза, папа. Никакой петли нѣтъ; вотъ собрала уже я три тысячи рублей; вчера послала письмо къ другу Коли, доктору Муравину въ Полтаву, онъ не откажетъ, не такой человекъ. Коли своихъ нѣтъ, то займетъ и выручитъ мужа.

Запольевъ (перебивая.) Ну, и дальше что-жь?

Вѣра. Какъ что-жь?.. Коли будетъ выпущенъ, начнемъ опять вмѣстѣ работать.

Запольевъ. Да! а долго-ли-же опять-то вы останетесь вмѣстѣ?

Вѣра. Конечно, всегда.

Запольевъ. Въ томъ-то и бѣда, что это не конечно... Неужели ты думаешь, что я отказалъ-бы тебѣ въ двухъ, ну, наконецъ, въ пяти тысячахъ рублей и допустилъ дочь до маленькихъ огорчений, а не только до такихъ страданій? Ты плохо меня знаешь. . На иѣтеръ, безцѣльно я денегъ бросать не могу. Въ положеніи твоего мужа необходимъ капиталъ сразу въ пятнадцать тысячъ, а такой суммы я дать вамъ не могу, потому что придется самому остаться на старости лѣтъ на улицѣ.

Вѣра. Положимъ, если-бъ ты даже и давалъ, такъ ни я, ни Коля никогда-бы у тебя не взяли. Не въ томъ дѣло. Я не понимаю одного: почему эти двѣ тысячи, которыхъ у меня не достаетъ, ни къ чему не поведутъ?

Запольевъ. Онѣ, пожалуй, поведутъ къ двухъ-трехдневному житію съ тобой твоего мужа.

Вѣра. Это какимъ образомъ?.. Я не понимаю, объясни.

Запольевъ. Дѣло очень просто. Твой мужъ выдалъ той... этой, какъ ее?

Вѣра. Крамолиной.

Запольевъ. Ну, да... Выдалъ три векселя: первый на восемь мѣсяцевъ отъ даннаго числа, второй—на двѣнадцать отъ того-же числа, а третій—на шестнадцать. Ну, ты заплатишь сегодня, положимъ, пять тысячъ, твоего мужа выпустятъ; срокъ второму век-

село вышелъ, завтра она внесетъ кормовыя, предъявить второй вексель ко взысканію — и черезъ три-четыре дня твой дорогой Коля опять на подножномъ корму въ домѣ Тарасова. Черезъ полтора мѣсяца срокъ выйдетъ третьему векселю — и опять та-же исторія.

Вѣра. Что-же это такое? (Смотритъ изумленно.)

Запольевъ. То-то вотъ, муженьку-то твоему порыцарствовать захотѣлось, а практической простой сметки не хватило, что не откуда ему будетъ заплатить пятнадцать тысячъ втеченіи шестнадцати мѣсяцевъ... Вотъ они, увлеченія сердца, сердечныя порывы... Да, сердце—всегдашній нашъ врагъ, врагъ ужасный и неумолимый!

Вѣра (ходитъ.) Какая, однако, адская махинація!.. Какъ онъ могъ не сообразить, не понять? Это все Слетышевъ, все это онъ... Какое гнусное, безсердечное созданье! Что-же дѣлать, что предпринять?

Запольевъ. Послушайся меня...

Вѣра (перебивая.) Оставьте... Я сказала вамъ, что только одна смерть меня можетъ разлучить навсегда съ Николаемъ... Нечего объ этомъ и говорить. (Садится и задумывается.)

Запольевъ. Зачѣмъ-же навсегда? Есть еще новая комбинація... Ты не слушаешь?

Вѣра. А что? (Какъ-бы опоясая.) Виновата, что вы сказали?

Запольевъ. Есть средство получить разомъ пятнадцать тысячъ, не разставаясь съ мужемъ навсегда.

Вѣра (радно.) Да? Вы говорите, что есть?.. Какая-же, скажите? Сказывайте скорѣй!

Запольевъ. Дѣло въ томъ, что сестра Настасья Васильевна, зная твое настоящее критическое положеніе, забываетъ все прошедшее, она готова дать тебѣ пятнадцать тысячъ, даже помочь Николаю Петровичу первое время въ устройствѣ его жизни, пока онъ опять не войдетъ въ обычную колею, не приобрететъ практику, что очень трудно въ Петербургѣ послѣ всего случившагося... и вотъ ея условія. Черезъ недѣлю она уѣзжаетъ въ Москву и ты должна сопутствовать ей, — конечно, съ ребенкомъ. Если ей понравится жизнь тамъ, то она проживетъ года два, три; если не понравится, переѣдетъ въ другой городъ, и ты съ ней; можетъ быть, даже поѣдете вмѣстѣ за границу. Однимъ словомъ, три года ты должна съ ней жить безотлучно. Мужъ можетъ пріѣзжать въ годъ разъ и оставаться съ тобой не долѣе недѣли, но жить въ одномъ городѣ и въ одномъ домѣ съ тобой не имѣетъ права... Вотъ ея послѣднія и рѣшительныя кондиціи.

Вѣра. Это ужасно... трехлѣтнее рабство, отчужденіе отъ мужа,

жизнь подъ ея властью, лишеніе свободы... Это смерть заживо... Это хуже кабалы... Да и что-же за оригинальныя требованія?

Запольевъ. Что дѣлать—такова женщина! Это ея капризь, сумасшествіе, назови какъ хочешь, но это ея *conditio sine qua* поп-

Вѣра. Вы думаете, что я соглашусь? Предполагаете?

Запольевъ. Ничего не думаю, пересталъ предполагать, потому что всѣ мои предположенія относительно твоей судьбы оказались мыльными пузырями. Я прихожу теперь къ одному убѣжденію,—что счастье наше—въ невѣденіи жалкомъ. Въ данномъ случаѣ я являюсь не больше, какъ посыльнымъ сестры; можешь поступать какъ хочешь, ни совѣтовать, ни уговаривать, не отговаривать я не хочу и не буду. Перепишись письмомъ съ мужемъ, обдумайте вмѣстѣ и порѣшите... Я долженъ сейчасъ ѣхать... Ты пришли мнѣ отвѣтъ съ горничной—сестра будетъ ждать вечеромъ твоего либо да, либо нѣтъ. (Встаетъ.) *Au revoir, ma chère.* (Цѣлуетъ ее.) Да что съ тобой?.. ты точно каменная... молчишь, а?

Вѣра. Ничего со мной... До свиданія! (Стоитъ на одномъ мѣстѣ.)

Запольевъ (уходя.) Такъ ты пришлешь отвѣтъ, а?

Вѣра. Отвѣтъ будетъ... (Взглянувъ вслѣдъ уходящему отцу.) Папа!

Запольевъ (остановясь.) Ну?

Вѣра. Идти въ кабалу, продать свою свободу, свою личность свое я на три года? (Запольевъ пожимаетъ молча плечами, дѣлая знакъ рукой, что говорить не будетъ. Вѣра машетъ ему рукой, чтобъ уходить.) Отвѣтъ будетъ... будетъ отвѣтъ... Я приплю.

Запольевъ (въ сторону.) Она колеблется... Авось! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Вѣра, Катя и Чагановъ.

Вѣра (молча опускается въ кресло, закрывъ лицо руками. Пауза.) Два предложенія разомъ... Тамъ продажа чести, продажа самой себя, своего тѣла, здѣсь—измѣна убѣжденіямъ, трехлѣтнее пресмыганье, собачья служба за подачку, самовольное рабство... Иного выбора.. другого выхода нѣтъ!.. Петля, мертвая петля! (Разражается истерическими рыданіями.)

Катя (выбѣгая изъ лѣвыхъ дверей.) Что это? Господи-Иисусе! Навзрыдъ плачетъ... Вотъ чудо-то... Слезинки отъ нея никогда не увидишь, а теперь—на-ка, а! Видно, ужъ доняли ее, океанские, коли такая крѣпкая душенька тронулась, буйное сердечушко слезой колыхнулося. Поплачь, родная, поплачь.. Выплачешь горе—легче будетъ...

Вѣра (вставая.) Глупость, малодушіе... слезы!.. Ну, что-жь, ну.

три года—не вѣчность!.. Надо дѣйствовать, а не рюмить... Кончено, такъ... другого исхода нѣтъ! (Зажѣтя Катю.) А это вы, Катя! Мнѣ-то васъ и надо. (Отходить къ большому столу и садится писать, лицомъ къ правымъ дверямъ.) Я сейчасъ письмо напишу къ Колѣ, а вы возьмите извончика и поѣзжайте туда... къ нему... Знаете?.. (Пишетъ записку.)

Катя. Знаю, знаю-съ, Вѣра Дмитриевна: у Измайловскаго моста, въ домѣ Тарасова... Кто вертены этой не знаетъ!

Вѣра (не поворачиваясь назадъ и продолжая писать.) Да, да... тамъ. (Говоритъ про себя.) Мое рѣшеніе непоколебимо, черезъ недѣлю я... ѣду съ теткой. Не протився этому, другого исхода нѣтъ... Завтра надѣюсь обнять тебя здѣсь... дома... (Дописывая, къ Катѣ.) Если васъ къ нему не пустятъ, отдайте письмо черезъ служителя, тамъ въ конторѣ и получите отвѣтъ, во что-бы то ни стало. (Кончивъ письмо, прочитываетъ про себя.) Такъ, хорошо! (Заклеиваетъ въ конвертъ и надписываетъ адресъ.) А чтобъ не было какихъ тамъ разговоровъ или затрудненій, я вамъ дамъ рубль: кто пойдетъ съ письмомъ, тому вы и подарите, чтобъ скорѣй отвѣтъ отъ Коли вамъ принесъ. (Открываетъ порт-моне.) Кажется, рублевки ни одной! (Разбираетъ деньги. Звонко за правой дверью.) Катя, бѣгите, отворите; никого, кромѣ папы, не принимайте.. Я больна... меня дома нѣтъ, всѣмъ отказывайте.

Катя (скрываясь въ дверяхъ налѣво.) Да ужъ откажу, не безпокойтесь, не пущу.

Вѣра (стоитъ, облокотясь ладонями на столъ и опушта глаза на письмо.) Саморучный приговоръ... Трехлѣтняя каторга, неволя! (Въ правыя двери вбѣгаетъ Чагановъ; онъ поблѣднѣлъ, пожелтѣлъ и нѣсколько постарѣлъ. Бросаетъ шляпу на письменный столъ.)

Чагановъ. Вѣра... Вѣрочка! (Входитъ сіяющая Катя.)

Вѣра (поднявъ изумленно голову.) Кто это?.. Коля! (Объятія.)

Чагановъ (цѣлуетъ и обнимая ее.) Вѣра... милая моя, дорогая... Страдалица! (Рыдаетъ.)

Вѣра. А слезы-то, слезы-то къ чему? Ну, будетъ... не надо! (Поправляетъ ему волосы и цѣлуетъ въ лобъ.)

Чагановъ. Это отъ радости. (Вытираетъ глаза.) А онъ, гдѣ онъ, мой сынъ?.. Здоровъ, весель? (Бѣжитъ къ лѣвымъ дверямъ.)

Вѣра. Осторожнѣй. Онъ заснулъ, не разбуди.

Чагановъ. Спать? (Останавливается.)

Катя. Только-что започивалъ, ангельчикъ.

Чагановъ. Я тихо, осторожно взглянул! не разбужу... не взойду! (Отворяетъ дверь налѣво и смотритъ, обнявши одной рукой жену.) Вотъ онъ, потъ! (Цѣлуетъ Вѣру.) Мы опять вмѣстѣ, опять... (Рыдаетъ.) Неужели насъ опять разлучатъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!..

Вѣра. Не волнуйся-же, слѣдь, Расскажи. (Затворяетъ дверь и отходить съ мужемъ налѣво. Садятся.) Ну, полно... будь женщиной. Какъ это тебя отпустили сегодня? уже поздно, — пятый часъ.

Чагановъ. Какъ отпустили? Я выпущенъ совсѣмъ, я свободенъ.

Вѣра. Свободенъ?! (Изумась.) Кто-же тебя выкупилъ, кто?

Чагановъ (цѣлуя ея руки.) Кому-же это сдѣлать, кромѣ тебя, моя радость... О, Вѣра, какъ ты мнѣ дорога, моя безцѣнная, какъ я люблю тебя!

Вѣра. Да объясни-же толкомъ, какъ все это случилось?

Чагановъ. Не могу я теперь рассказывать. Позвали въ контору, объявили, что я выкупленъ... деньги внесены въ комитетъ и переданы той... этой... Знаю одно, что обработывалъ все дѣло и наставлялъ на моемъ мѣдленномъ выпускѣ Слетышевъ. Э, да оставимъ это, я свободенъ, счастливъ. Расскажи лучше, какъ ты проживали эти два дня... что твое здоровье, твои уроки, занятія?.. Да что съ тобой, ты такая встревоженная, какъ-будто не рада, что, наконецъ, я на свободѣ! (Направо звонокъ.) Катя, не принимайте никого.

Катя. Слушаю-сь. (Убѣгаетъ направо.)

Чагановъ. Вѣра, дорогая моя, что тебя беспокоитъ?.. Ты задумчива, ты взволнована. (Цѣлуетъ руку.)

Вѣра. Я не могу понять, какъ это случилось... Кто?..

Катя (выходя изъ правыхъ дверей съ письмомъ.) Къ вамъ, барыня, письмо съ посыльнымъ. (Подаетъ и проходитъ въ дверь налѣво.)

Вѣра (распечатывая быстро, вынимаетъ оттуда квитанцію.) Что это такое?.. Я ничего не понимаю. Посмотри. (Подаетъ мужу, держа въ рукахъ конвертъ.)

Чагановъ (разсмотрѣвъ.) Это квитанція комитета въ томъ, что пять тысячъ съ процентами по моему векселю Крамолиной получены отъ тебя въ комитетѣ.

Вѣра. Что-о?.. Мной внесены деньги?.. Что это за мистификація? (Сжимаетъ конвертъ и чувствуетъ, что въ немъ нѣчто лежитъ.) Постой, въ конвертѣ что-то есть. (Вынимаетъ оттуда визитную карточку.) Визитная карточка... (Читаетъ.) *Andrée de Kinine, lieutenant de la garde...* (Оборачиваетъ карточку съ другой стороны.) Здѣсь тоже надписано. (Читаетъ.) „*Nonpu soit qui mal y pense!* Андрей Кининъ“. А-а-а, понимаю! (Подаетъ карточку.)

Чагановъ. Теперь я ничего не понимаю... Что это значитъ? „Да будетъ тому стыдно, кто объ этомъ дурно подумаетъ!“

Вѣра. Деньги за тебя внесъ Кининъ, дѣло ясное!.. Онъ сегодня былъ у меня... Предлагалъ деньги займа... но я не хотѣла взять, такъ-какъ онъ не соглашался дать подъ вексель и съ процентами, а... хотѣлъ на честное слово.

Чагановъ. Вотъ вѣдь фать, хлыщъ, а человекъ съ сердцемъ и честныхъ правилъ!.. Кто-бы ожидалъ отъ него такого рыцарства?

Вѣра (въ сторону.) Негодай, онъ не оставляетъ своихъ замысловъ. (Громко.) Да, да... удивительно!.. Но, Коля, я не хочу ему быть обязанной, одолжаться... надо заплатить.

Чагановъ. О, непременно!

Вѣра. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Если возможно — завтра, послѣ завтра... У меня собрано уже три тысячи... Ихъ надо сегодня-же отдать, а остальные двѣ, если не удастся занять завтра... выдать ему вексель, что-ли... Но только какъ можно поскорѣй... Пока не разочтемся, я не могу, не хочу его видѣть...

Чагановъ. Ну, полно, это ужъ лишнее!.. отчего-же?

Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ!.. Если онъ явится сюда, я его не приму, пока не будутъ уплачены всѣ деньги... Ради... ради моего успокоенія сдѣлаемъ такъ, я прошу тебя... Да, ты согласишься?

Чагановъ. Изволь, но только это странно... Человекъ такъ деликатно-обязателенъ, такъ...

Вѣра (снова перебивая.) Это мое непремѣнное желаніе... Это мое убѣжденіе, а я не хочу измѣнить ему.

Чагановъ (цѣлуя руку.) Хорошо, хорошо, милый другъ... Ты во всемъ и всегда вѣрна своимъ убѣжденіямъ, какъ древніе стойки.

Вѣра (смотря на часы.) Однако современному стойку не надо забывать пословицы—дѣвушка гуляй, да дѣло помни. У меня въ пять часовъ урокъ у Завалиной, пора бѣжать... Ну, прощай-же, дружокъ; къ семи явлюсь, будемъ обѣдать.

Чагановъ. Вѣра, голубчикъ, не уходи, не оставляй меня... Ну, для сегодняшняго радостнаго дня проманкируй урскомъ... Я тебя прошу... ну, для меня!.. сдѣлай это! (Обнимаетъ.)

Вѣра. Коля, вѣдь мы расстаемся на одинъ только часъ... Это...

Чагановъ. Ребячество... Такъ, знаю, знаю... Что-же дѣлать, такой ужъ зародился... Умоляю, подари мнѣ этотъ часъ... Я такъ радъ, такъ невыразимо счастливъ. (Цѣлуетъ руки.)

Вѣра. Ну, что ужъ съ тобой дѣлать... Только я сбѣгаю къ Завалиной сказать, что урока сегодня давать не могу, и дамъ дѣвочкѣ какое-нибудь занятіе.

Чагановъ. Можно Катю послать.

Вѣра. Нѣтъ, и не говори, нельзя. (Беретъ со стола шляпку.) Тутъ всего пять минутъ ходьбы туда и назадъ. Ну, до свиданія, милый. (Цѣлуетъ его.) Черезъ десять минутъ буду дома... Я здѣсь, черезъ спальню пройду, на черный ходъ, чтобъ Катю не тревожить. Еще разъ до свиданья, дорогой мой! (Уходитъ въ дверь налѣво.)

Чагановъ (одинъ.) Чудное созданіе, божественная женщина... Столько волненій, ударовъ, страданій—и ни слезы, ни упрёка, ни

тѣни неудовольствія... Такая высокая, честная, безкорыстная любовь ко мнѣ... И что я дамъ ей взамѣнъ всего этого—одно горе. безисходное горе. А впереди—бѣдность, лишенія, трудъ... страшно подумать!.. Теперь я на свободѣ, доволенъ, счастливъ; по сроку второму векселю вышелъ... Эта ехидна не успокоится и, можетъ быть, завтра-же снова... Позоръ, несчастіе! За увлеченіе молодости, за одну ошибку неопытности такая расплата... (Ходить.) Нужно достать десять тысячъ... Муравинъ не отвѣчаетъ... Запольевъ—этотъ эгоистъ меня ненавидитъ... Какая глупость была выдать векселя на такіе сроки... все это Слетышева мерзости! (Смеркается.) Занять у Кинина?.. но онъ послѣ сегодняшняго своего великодушнаго поступка можетъ Богъ знаетъ что подумать объ насъ съ женой... Не дастъ, уклонится, откажетъ... Гдѣ взять, гдѣ?.. (Садится направо къ столу, задумчиво.) Недавно еще было время, когда десять тысячъ для меня ничего не значили... Десять тысячъ... десять тысячъ! (Ударяетъ кулакомъ по столу и вскакиваетъ.) Будь, проклято это время! (Въ правыя двери входитъ Слетышевъ и откашливается.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чагановъ и Слетышевъ.

Чагановъ. Кто это? (Узнавъ.) А, господинъ Слетышевъ, что это вы такъ таинственно... Что вамъ надо здѣсь? (Зажигаетъ на письменномъ столѣ свѣчи.)

Слетышевъ. Дверь входная незаперта, въ передней никого нѣтъ, потому я и вошелъ безъ доклада.

Чагановъ. Безъ доклада, съ докладомъ-ли,—дѣло не въ томъ... Кажется, вы достаточно обрисовались для того, чтобъ не переступать порога моей квартиры...

Слетышевъ. Коля, выслушай...

Чагановъ. Какой я вамъ Коля?.. Послѣ всѣхъ гадостей вы еще осмѣливаетесь называть меня такъ!.. Что, или опять меня сажать въ тюрьму пришли?

Слетышевъ. Николай Петровичъ, вы не вправѣ оскорблять меня, не выслушавъ. Можетъ быть, вамъ, въ вашемъ положеніи, я кажусь негодяемъ, подлецомъ, но...

Чагановъ. Объясненій вашихъ я не желаю слышать, изліяній—еще менѣе... Если у васъ есть какое-нибудь дѣло по вашей специальности, можете сказать.

Слетышевъ. Дѣла нѣтъ, но я...

Чагановъ (снова перебивая.) Въ такомъ случаѣ... (указываетъ на дверь) прошу васъ. (Отходитъ налѣво и садится, отвернувшись отъ него.)

Слетышевъ. Вотъ оно, наше адвокатское положеніе... Изъ пріятеля, изъ друга нажать себѣ врага, переносить оскорбленія, а за что? За честное исполненіе своихъ обязанностей. Да развѣ я васъ посадилъ въ долговое?.. Она, она... эта Мегера...

Чагановъ. Ваша довѣрительница и пріятельница.

Слетышевъ. Довѣрительница—такъ, но пріятельница—никогда. Не будь меня, нашлись-бы на мое мѣсто сотни другихъ... Я дѣлалъ всевозможныя льготы, я хлопоталъ и рыскалъ, чтобъ достать денегъ, я умолялъ на колѣняхъ эту тигрицу переписать векселя, отсрочить... Наконецъ, сегодня обдѣлалъ все освобожденіе менѣе, чѣмъ въ часъ.

Чагановъ. А сроки векселей... Кто ихъ мнѣ написалъ?.. Развѣ я смыслилъ въ этомъ что-нибудь тогда?.. Я довѣрился вамъ, какъ другу; я подписалъ ихъ, почти не понимая, что подписывалъ; вотъ въ какой нравственной ажитации я находился тогда... Э, да я измѣняю себѣ, говоря съ вами... Не угодно-ли? (Снова указываетъ на дверь.)

Слетышевъ. Я былъ убѣжденъ, что у этой женщины есть сердце, что у нея не хватитъ духу...

Чагановъ. Безъ объясненій!.. вы мнѣ гадки! Оставьте меня.

Слетышевъ (какъ-бы не слыша.) Не станеть наглости лишить васъ свободы... Сегодня я увидѣлъ свою ошибку, сегодня я увѣрился, что это за адски-мстительная натура. Я пришелъ предупредить васъ.

Чагановъ (раздраженно.) Уйдете-ли же вы, наконецъ?

Слетышевъ. Выгоните меня, но я скажу, что считаю своей нравственной обязанностью сказать, хотя-бы мнѣ это стоило личнаго оскорбленія... Я испорченный, погрязшій въ матеріальныхъ стремленіяхъ человѣкъ, я легко вхожу въ сдѣлку съ своей адвокатской совѣстью, но разбойникомъ не былъ—невинныхъ людей не рѣжу, не убиваю, да!.. Я не упалъ еще до такой степени безнравственности, чтобъ не шадить честныхъ женщинъ. Я никогда не только не ставлю имъ тайныхъ ловушекъ, но и обнаруживаю подобные капканы, гдѣ ихъ нахожу.

Чагановъ. Довольно чепуху пороть... Въ послѣдній разъ я васъ честью прошу—уходите.

Слетышевъ. Я вамъ говорю, я началъ и кончу.

Чагановъ (вскакивая.) Послѣ этого—вонь!

Слетышевъ. Я пришелъ избавить васъ отъ тюрьмы и спасти честь вашей жены.

Чагановъ (бросаясь на него.) Я задушу тебя своими руками!

Слетышевъ (удерживая его.) Опомнитесь... Кулачная расправа ни къ чему не поведеть—я васъ сильнѣе. (Чагановъ стоитъ съ сжа

тymi кулаками.) Слушайте... Я сейчас былъ позванъ Крамолиной, она требовала, чтобъ я взялъ второй вексель и посадилъ васъ въ тюрьму... Я отказался наотрѣзъ... Это не все: Крамолина хочетъ вамъ мстить до конца; въ нее влюбленъ Кининъ и въ то-же время увлеченъ вашей женой...

Чагановъ. Ужасъ, ужасъ! (Схватываетъ себя за голову.)

Слетышевъ. Эта Мегера, эта фурія, узнавъ про послѣднее увлеченіе Кинина, поставила ему въ непремѣнное условіе, чтобъ честь вашей жены была запятнана... Вотъ почему Кининъ такъ великодушно заплатилъ сегодня за васъ эти пять тысячъ...

Чагановъ (дрожа всѣмъ тѣломъ беретъ за руку Слетышева.) Поглянитесь прахомъ вашего отца, вашей матери, своей гадкой душою, своей скверной, никому ненужной жизнью... всѣмъ, что вы считаете для себя дорогимъ,—что это не новая выдумка, что это правда?

Слетышевъ. Клянусь, сто разъ клянусь. (Чагановъ стоитъ какъ окаменѣлый.) Мой совѣтъ вамъ: возьмите съ собой жену и уѣзжайте куда-нибудь въ провинцію, въ деревню, дайте потухнуть огню... Скройте къ куда-нибудь, бѣгите.

Чагановъ. Бѣжать?! Нѣтъ... Я вырву у нихъ мое счастье или, или... (Какъ безумный бѣжитъ къ столу и беретъ шляпу.) Такъ жить нельзя, нѣтъ... Или они, или я... а онъ, сынъ, Митя? (Распахивая лѣвья двери.) Спать... спать!.. Молись, молись за твоего несчастнаго отца... если...

Слетышевъ (струся, держать его за руку.) Что съ вами? Что вы хотите дѣлать? Куда вы?

Чагановъ. Что? Куда я? Я—туда. Вѣрѣ ни слова объ этомъ, иначе... Не уходить, я скоро ворочусь... жди меня, а если... (Вырывается.) О, пустите меня... Я спасу тебя, Вѣра, спасу! (Убѣгаетъ направо.)

Слетышевъ (одинъ, посмотрѣвъ въ дверь налѣво.) Улетѣлъ, какъ сумасшедшій... Не надѣлалъ-бы онъ бѣдъ, какой-то сдѣлался вдругъ Orlando furioso... Если онъ вломится туда? Вздоръ! Что можетъ сдѣлать этотъ кислякъ? Протрясется на извоицкѣ, вѣтромъ его обдуетъ—и все пройдетъ!.. Нѣтъ, каковъ Кининъ-то! конкурировать со мной вздумалъ, интригу тоже ведетъ... ужъ сегодня вдовушка и не смотреть, начинаетъ третировать меня en saпaille. Сначала было-думала отдать мнѣ второй вексель, потомъ взяла назадъ... Неужели промахнусь, уступлю этому двуногому плотоядному? Ни за что!.. Здѣсь завернуто, кажется, хорошо: Чагановы Кинина на порогъ не пустятъ, а безъ Вѣры у Крамолиной онъ, ничего не подѣлаетъ... Dieu sait, изъ чего онъ бьется! Деньжищъ у разбойника бездна, неужели влюбился? Нѣтъ, это одна плотоядность!..

А что-бы тамъ ни было, *diable m'emporte*, если я тебѣ не сдѣлаю этого. (Дѣлаетъ движеніе боксера.) *Allez vous'en! souchez vous bien!*..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Слетышевъ и Вѣра.

Вѣра (выходя изъ лѣвыхъ дверей.) Коля! (Отступая.) Ахъ, это вы! Или новое несчастіе грозитъ намъ? Что вамъ угодно?

Слетышевъ. Я говорилъ съ вашимъ мужемъ... (Въ сторону.) Удрать-бы поскорѣе! (Смотритъ на шляпу, которую положилъ на столъ слѣва и около которой стоитъ Вѣра.)

Вѣра (озабоченно осматривается кругомъ.) А гдѣ Коля?

Слетышевъ. Онъ... онъ ушелъ сейчасъ.. Онъ придетъ.

Вѣра. Куда ушелъ, зачѣмъ? Скажите, куда?

Слетышевъ. Право, я не знаю... хорошенько... Онъ, кажется, поѣхалъ къ Кинину, благодарить за его любезность.

Вѣра. Лжете, неправда... Тутъ что-то не такъ... Что случилось здѣсь, гдѣ мужъ?

Слетышевъ (стараясь незамѣтно взять шляпу.) Могу васъ завѣрить, что ничего не произошло... Честъ имѣю кланяться. (Хочетъ взять шляпу, Вѣра предупреждаетъ его.)

Вѣра. Ложь и ложь! Вы являетесь всегда какъ мой злой геній, вы не посмѣли-бы явиться безъ дѣла. Зачѣмъ вы здѣсь, говорите?

Слетышевъ. Я приходилъ только объяснить наши недоразумѣнія, могу васъ увѣрить.

Вѣра. Неправда! Почему-же мужъ ушелъ, а вы остались здѣсь одни? Говорите, я хочу знать, я требую, гдѣ мужъ?

Слетышевъ. При всемъ желаніи сдѣлать вамъ удобное, я не могу вамъ сказать! Позвольте попросить шляпу, у меня есть дѣло.

Вѣра. Пока вы не расскажете всего, что здѣсь произошло, вы отсюда не выйдете.

Слетышевъ. *Mais, madame...*

Вѣра. Садитесь и говорите все... но только правду. (Садится.)

Слетышевъ (сажаясь, въ сторону.) *Влетѣлъ! Flambe!*

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь Михайловна Крамолина.
Матрена Ивановна Кокуркина.
Графъ Владимиръ Андреевичъ Лопыревъ.
Николай Петровичъ Чагановъ.
Сергій Ильичъ Слетьшевъ.
Марья Антоновна Вермутская.
Андрей Матвѣевичъ Книгинъ.
Вѣра Дмитриевна.
Околодочный.
Слуга Крамолиной.

(Дѣйствіе происходитъ въ домъ Крамолиной.)

Декорация перваго дѣйствія. Вечеръ. На каминѣхъ горятъ канделябры. Направо, на столѣ у козетки, горящій карсель. Портъера алькова поднята, тамъ видна образная, съ двумя лампадами и цвѣтнымъ важженнымъ фонаремъ, который привѣшенъ къ потолку алькова; слѣва горитъ каминъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Крамолина и Книгинъ.

При поднятїи занавѣсы направо, на козеткѣ, полу-лежатъ Крамолина; вблизи въ креслѣ сидитъ Книгинъ съ сигарой. На столѣкѣ, передъ ними крушонъ съ шампанскимъ и двумя недопитыми стаканами.

Книгинъ. Мнѣ жаль Чаганову, parole d'honneur— жаль... Elle est chaste, comme un ange... Если-бъ не желали этого вы, я никогда-бы не рискнулъ явиться къ ней Донъ-Жуаномъ, нарушить ея спокойствіе... Мнѣ ее жаль, ma parole.

Крамолина. Давно-ли явилась такая сострадательность къ женщинѣ?.. Какая идиллія, ха, ха, ха! (Смѣется.)

Книгинъ. Вы не допускаете во мнѣ даже состраданія... c'est triste.

Крамолина. Подите вы съ вашимъ состраданіемъ... Пейте-ка лучше вино. (Пьетъ.)

Книгинъ (тоже пьетъ.) Ма parole!... Я могу влюбиться въ дѣвочку платонически, идеально... Клянусь!

Крамолина. Ха, ха, ха! Вы способны влюбиться идеально?.. Вашъ идеализмъ— голодъ матеріализма, не болѣе... У васъ, какъ и у большей части мужчинъ нашего полета, первое условіе въ люб-

ви—разнообразіе и новизна. Не сердцемъ, не умомъ привлекаетъ васъ женщина, а только одной наружностью.

Кининъ. Madame!

Крамоліна. Конечно... Посмотрите кругомъ: мужъ брюнетки влюбляется въ блондинку, мужъ женщины полной ищетъ худощавой... Вы до того пресытились любовью, до того развратили свое воображеніе, что жаждете одной чувственной грязи; даже самая красота потеряла для васъ цѣну и обаяніе,—иначе чѣмъ-же объяснить такое очень нерѣдкое явленіе, что мужъ женщины-красавицы ухаживаетъ за уродиной?... Не вы бы мнѣ это рассказывали!.. Пейте! (Пьетъ, вытираетъ губы и роняетъ платокъ.)

Кининъ (поднимая). Ah, c'est une admirable chose! (Разсмотрѣвъ платокъ и подавая.) Вашъ платокъ—островокъ батиста среди океана кружевъ. (Подаетъ.)

Крамоліна (беретъ). Ah, tiens!.. Въ какомъ романѣ вы вычитали эту фразу?.. Вѣдь не сами-же выдумали такое сравненіе.

Кининъ (обиженно.) Могу васъ завѣрить, что я... я ничего не читаю.

Крамоліна (хохочетъ.) Это ужъ лучше всего, ха, ха, ха! (Пауза. Кининъ хмурится и крутитъ усы.) Что-же вы замолчали?.. (Взглянувъ на него.) Э, да вы хмуритесь... Я терпѣть не могу надутыхъ фizioномій... Или извольте быть со мной веселымъ, пейте, разговаривайте, или убирайтесь.

Кининъ. Но согласитесь, я цѣлый годъ, какъ мальчишка... сомне un gamin... стараюсь доказать свое чувство къ вамъ...

Крамоліна (съ пренебреженіемъ.) Не старайтесь!.. Никто васъ не проситъ.

Кининъ. Mais, mon Dieu!.. Я не въ силахъ этого сдѣлать... Я...

Крамоліна (прерывая его.) Безъ спряженія глагола „люблю“.

Кининъ. Я не знаю, à quoi m'en tenir... Вы мнѣ не хотите вѣрнуть... Мало развѣ я вамъ далъ доказательствъ моей преданности... моего искренняго... чувства... Вамъ угодно было, чтобъ я увлекъ Вѣру Чаганову... Я дѣлаю это... Я бросилъ съ этой цѣлю сегодня пять тысячъ.

Крамоліна (вставая.) Это что такое?.. Ужъ не упрекъ-ли, не сожалѣніе-ли объ этихъ пяти тысячахъ?.. (Встаетъ и беретъ конвертъ съ деньгами съ бюро. Кладя передъ Кининимъ на столъ..) Вотъ онъ—возьмите! (Полуложится на кушеткѣ.)

Кининъ. Вы меня обижаете, Любовь Михайловна... Я разъ сказалъ, что жертвую ихъ au profit des pauvres... и... не возьму... Я напомнилъ объ нихъ не съ цѣлю рисоваться... Если-бъ не проболтался обо всемъ Слетышевъ, вы-бы никогда не узнали, что я внесъ эти деньги за Чаганова... O, mon Dieu, je suis un homme

d'honneur!.. И вы предполагаете... Я жизнь свою готовъ отдать, и вдругъ... и вы... О, ciel!

Крамоллина. Чего-же вы хотите?.. Я вамъ сказала, что въ чувство ваше вѣрю.

Кининъ. Cela n'est pas encourageant!.. Я вижу одну холодность, одно...

Крамоллина (перебивая.) И до тѣхъ поръ, пока не исполните вашего условія до конца, ничего другого не дождетесь... Дайте мнѣ доказательство, что Чаганова увлечена вами, тогда другое дѣло; а то одни слова и слова... Въ слова я не вѣрю.

Кининъ. Да какія-же еще доказательства?

Крамоллина. Ну, пусть я увижу ее въ оперѣ, въ бельэтажѣ, не въ нигилистическомъ костюмѣ... Пусть она выѣзжаетъ въ своемъ экипажѣ кататься по Невскому и по Морской... Мало-ли чѣмъ можно доказать... Не мнѣ васъ учить этому!.. Однако, знаете, что?.. Убирайтесь-ка отсюда: я утомлена, хочу отдохнуть, можетъ быть, усну. (Кининъ стоитъ молча, покручивая усы.) *Voilà, cher ami, donnez-moi vos verres.* (Подаетъ ему стаканъ, другой беретъ себѣ.) Чокнемся. (Чокаются и пьютъ.) А теперь *faisons la paix* и... *au revoir!* (Протягиваетъ руку.)

Кининъ (цѣлуя руку.) И не болѣе, какъ поцѣлуй руки... не болѣе?

Крамоллина. Что-же мнѣ вамъ дать? Не локонъ-же своихъ волосъ, какъ дарятъ горничныя писарямъ. (Отнимаетъ руку.) До свиданія!

Кининъ. Такъ рѣшено? (Беретъ кепи.) Вечеръ проводимъ en compagnie intime? Сначала Буфѣ, потомъ маскарадъ у „кущцовъ“, потомъ тройки, Дороты, а?

Крамоллина (закрывъ глаза.) Въ Буфѣ буду, а тамъ увидимъ... Сплю... убирайтесь!

Кининъ (страстно на нее поглядывая.) Ah, quelle femme!.. Quelle beauté!.. Да, женщина будетъ моей могилой, *parole!* (Уходитъ.)

Крамоллина (открывъ глаза.) Ушелъ... наконецъ ушелъ. (Встаетъ.) Какъ онъ мнѣ противенъ... Какъ все это гадко, мерзко, безнравственно!.. Что мнѣ сдѣлать съ своимъ сердцемъ, чѣмъ заставить позабыться?... Чѣмъ я стала?.. Бесѣда съ Кининимъ tête-à-tête, шампанское послѣ обѣда въ будуарѣ... Поѣздка въ маскарады... тройки... Дороты... Это общество?! Паденіе, полное паденіе... смерть заживо!.. А *онъ*?.. Онъ теперь счастливъ, свободенъ... *Они* вмѣстѣ проклинаютъ меня... Онъ шепчетъ ей слова любви, она слушаетъ его съ упоеніемъ, съ восторгомъ... А я?.. Одна, отверженная, оскандаленная, падшая женщина. (Задумывается, облокотась на столъ.) Оставить ихъ въ покоѣ? Никогда! (Увидя конвертъ съ деньгами.) Ахъ, эти деньги! (Беретъ пакетъ, звонитъ, отходитъ къ бюро и

надписываетъ адресъ на конвертъ.) Поскорѣй отослать ихъ, онѣ жгутъ мнѣ руки.

ЯВЛЕНИЕ II.

Крамоллина, Кокуркина и слуга.

Крамоллина (вошедшему слугѣ.) Попросите ко мнѣ Матрену Ивановну. Она дома?

Слуга. Дома-съ.

Крамоллина. Позовите. (Слуга уходитъ.) Какая тоска, какая безысходная, вѣчная тоска... Хоть-бы поскорѣй!.. (Вошедшей Кокуркиной.) Матреша! Вотъ въ этомъ пакетѣ пять тысячъ рублей съ чѣмъ-то... ну, тамъ перечесть. Отвези эти деньги... только поѣзжай не на своихъ лошадяхъ, а на извозикѣ... отвези въ канцелярію градоначальника... Это я жертвую въ пользу бѣдныхъ, только ты не говори, что отъ меня, а отъ неизвѣстнаго...

Кокуркина. Что вы, Любовь Михайловна, это даже странно вообразить себѣ... Время сами видите, къ ночи, теперь ужь восьмой часъ, и я явлюсь въ канцелярію... Это очень будетъ изумительно.

Крамоллина. Ахъ, да! (Улыбаясь, про себя.) Я совсѣмъ голову потеряла, забыла даже, что теперь вечеръ... (Громко.) Да, да, дѣйствительно, неудобно... Ну, до завтра оставимъ. (Бросаетъ пакетъ въ бюро и садится около него.)

Кокуркина. Даже и невозможно, теперь въ канцеляріи никого нѣтъ... Всѣ лица служащія при своихъ семействахъ.

Крамоллина. Да, да... Извини, что я побезпокоила тебя понапрасну, иди-себѣ съ Богомъ! (Склоняетъ голову на руки.)

Кокуркина. Что вы, Любовь Михайловна, какое безпокойство! мнѣ даже всякая ваша порученность въ одно пріятное удовольствіе.

Крамоллина. Хорошо, хорошо... Иди, я хочу письма кой-какія написать. (Кокуркина переминается на мѣстѣ.) Что съ тобой?

Кокуркина. Нужно-бы мнѣ кое-что... секретное вамъ передать, да боюсь, какъ-бы васъ не потревожить, не испугать.

Крамоллина. Опять какая-нибудь сплетня?.. Опять хочется ссоры и непріятностей?..

Кокуркина. И даже совсѣмъ напротивъ, а я только для предупрежденія, какъ сама, своими собственными глазами видѣла... да, сама!

Крамоллина. Что такое видѣла?.. Говори.

Кокуркина. Охъ, страшно... Не испугать-бы.

Крамоллина. Не фокусничай, не серди меня... Ну?..

Кокуркина. Ходить... (Таинственно.) Ходить...

Крамелина. Этакое наказанье... Кто ходитъ, гдѣ?

Кокуркина. А по тротуару... Разъ-разъ, разъ-разъ, взадъ и впередъ... Ходилъ, ходилъ. Собственными видѣла.

Крамелина. Матрена Ивановна, лучше уходи... Не выводи ты меня изъ терпѣнія... Я опять тебя прогоню и ужь не прощу тебя, не приму опять. Не играй комедій со мной.

Кокуркина. Ахъ, ей-богу, Любовь Михайловна, я изъ опасенія, можетъ быть, на счетъ вашей драгоценной жизни, а вы сейчасъ комедіи... Это даже обидно!

Крамелина. Насчетъ моей драгоценной жизни?.. Ха, ха, ха, это что-то новенькое изобрѣла?

Кокуркина. И даже не думала... А, конечно, для чего ему ходить противъ самаго дома и все разъ-разъ, взадъ и впередъ.. и руку правую въ пальто держать, прятать... Это что такое можетъ обозначать, для чего?.. Надобно сообразить.

Крамелина. Нѣтъ, это просто мученье! Страсть душой прикидываться. Отвѣчай пожалуйста однимъ словомъ на мои вопросы. Кто ходитъ?

Кокуркина. Да неужели вы не сообразили изъ моихъ словъ?..

Крамелина (рѣзко.) Отвѣчай, кто?

Кокуркина. Ахъ, Господи, кто... Онъ, Чагановъ, Николай Петровичъ.

Крамелина. Что-о?.. Чагановъ... Гдѣ ходитъ?

Кокуркина. Да ужь я говорила: передъ домомъ нашимъ, по тому тротуару, все взадъ и впередъ, разъ-разъ, и на окно взглянетъ... а потомъ опять пошелъ разъ-разъ.

Крамелина (просительно.) Ну, Матреша, полно, брось хоть разъ свою странную привычку, расскажи какъ слѣдуетъ... Сядь сюда.

Кокуркина (въ сторону.) То-то Матреша, заплѣла! (Вслухъ.) Да я съ полной сердечной готовностью, Любовь Михайловна, только боюсь, не напугать-бы какъ. (Садится.) Еще до обѣда было, такъ около пяти часовъ, подѣхалъ на извозчикѣ господинъ въ шляпѣ и спросилъ дворника—дома-ли вы, дворникъ у тамбура, у подъѣзда снѣгъ чистилъ.

Крамелина (нетерпѣливо.) Ну, безъ подробностей... поскорѣй!

Кокуркина. Дворникъ отвѣтилъ, что дома нѣтъ. Вотъ этотъ господинъ и сталъ ходить: разъ-разъ, взадъ и н...

Крамелина. Ахъ, да не мучь ты меня... дальше, дальше!

Кокуркина. А дальше—дворникъ швейцару указалъ, по подозрительности этой, что все разъ-разъ... А швейцаръ мнѣ указалъ, когда я внизъ въ швейцарскую сошла, чтобъ къ себѣ въ

комнату пройти... Я взглянула въ окно—сейчасъ и узнала, какъ подъ фонарь-то онъ прошелъ, свѣтомъ его всего озарило... осанка, ростъ—все его, Чаганова, да-а-съ!

Крамоліна. Ну, и только?

Кокуркина. Мало вамъ этого?.. Цѣлые два часа ходилъ, минутъ за пять, какъ вамъ пріѣхать, ушелъ... Ужъ тутъ что-нибудь недоброе у него на умѣ есть... Съ оглядѣньемъ вы, Любовь Михайловна, въ карету-то садитесь.

Крамоліна. Вотъ у тебя тамъ все глупости на умѣ... Чего тутъ съ оглядѣньемъ?

Кокуркина. А руку-то подъ пальтомъ прячетъ... Что это можетъ означать, какое намѣреніе?

Крамоліна (улыбаясь.) А какое?

Кокуркина. А такое, что вынетъ левольверъ, бацъ!—и кончено.

Крамоліна. Ну, что-жь, и убьютъ меня; ненужнымъ человекомъ на свѣтѣ меньше будетъ.

Кокуркина. Господи помилуй, какія вы объ себѣ отчаянности произносите... Это даже грѣхъ... и слышать крайняя неприличности!

Крамоліна. Не бойся, Матреша, не убьютъ... Онъ думать-то обо мнѣ забылъ... Такихъ ничтожностей, какъ мы, не убиваютъ... за насъ даже на дуэль не выходятъ... Будь покойна, не убьютъ.. да еще на улицѣ...

Кокуркина.. А ну, какъ вздумаетъ въ домъ придти?

Крамоліна. Что-же, очень буду рада видѣть.

Кокуркина. Что вы, Любовь Михайловна, полноте, страхъ какой... вы это въ насмѣшку надо мной.

Крамоліна (звонитъ.) А вотъ, чтобъ доказать тебѣ, что я не смѣюсь. (Вошедшему слугѣ.) Если придетъ когда-нибудь Николай Петровичъ Чагановъ, всегда просить, скажите объ этомъ швейцару и всей прислугѣ. Больше ничего, можете идти. (Слуга уходитъ.)

Кокуркина. Ангель-хранитель... А вдругъ придетъ, да разъ—бацъ... Я не выйду, воля ваша не выйду!

Крамоліна. Можешь не выходить, никто тебя не проситъ. Не тревожься—ни стрѣлять не станетъ, ни явится сюда. Я его знаю... Ну, иди-же къ себѣ, мнѣ надо заняться.

Кокуркина. Да, говорите, чужая душа—потемки... Вдругъ—бацъ!

Крамоліна. Ахъ, оставь-же меня!

Кокуркина. Иду, иду. (Проходя, въ сторону.) Безстрашная кака!.. Нѣтъ, тутъ, по тротуару, разъ-разъ п руку (показываетъ) такъ..

Это много значить! Вынулъ левольверъ, баць!.. (Закрываетъ лицо.)
Ужась какая! (Уходитъ направо.)

Крамолина. Неужели онъ задумалъ что-нибудь такое?.. Нѣтъ, онъ не таковъ. Ей просто показалось, или выдумала... А если-бъ онъ пришелъ?.. (Стукъ въ лѣвую дверь.) Войдите!

Слуга (войдя.) Графъ Владиміръ Андреевичъ Лопыревъ.

Крамолина. Просите. (Слуга уходитъ.) Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ явится?.. Я не выдержу характера, я расплачусь, я...

ЯВЛЕНИЕ III.

Крамолина и графъ Лопыревъ.

Крамолина (идя на-встрѣчу Лопыреву.) Ахъ, крестный, здравствуйте. (Цѣлуетъ руку.)

Лопыревъ (не отвѣчая на поцѣлуй, холодно.) *Bon soir; ma filleule.* (Садится и замѣтивъ крюшонъ.) Это что такое?

Крамолина. Шампанское.

Лопыревъ. У тебя въ будуарѣ... крюшонъ шампанскаго... два стакана... Накурено сигарой...

Крамолина (сидясь.) Что-же это васъ такъ удивляетъ?

Лопыревъ. Меня не удивило-бы подобное явленіе въ кабинетѣ какого-нибудь фата, гуляки, великосвѣтскаго хлыща въ родѣ Кинина, но въ будуарѣ моей крестницы, въ будуарѣ *madame* Крамолиной... Признаюсь... *Parbleu, cela m'etonne!*.. Кто это у тебя здѣсь пьянствовалъ?.. даже недопитый стаканъ.

Крамолина. Это мой недопитый стаканъ... Это я пьянствовала съ Кининимъ.

Лопыревъ. Ты-ы?.. Съ Кининимъ?.. Ужь не въ бесѣдѣ-ли *tête-à-tête*.

Крамолина. Вы угадали, да... *tête-à-tête* съ Кининимъ... Вы его не долюбиваете, а?

Лопыревъ. Ни любви, ни ненависти я къ животнымъ плотояднымъ вообще не питаю, а отъ животнаго дикаго, къ тому-же еще двуногаго, я просто убѣгаю.

Крамолина. Ужь будто Кининъ похожъ на дикаго человѣка... Это ужъ слишкомъ!

Лопыревъ. Нисколько! Чѣмъ онъ отличается отъ дикаго человѣка? Желудокъ его всегда полонъ, тѣло покрыто полотномъ и сукномъ вмѣсто окры и жира, похоть неудержимая, вмѣсто мозгу—одни мускулы, грудь высокая, ноги крѣпкія—словомъ, великолѣпное животное, доведенное до высочайшей степени физическаго развитія, отъ головы до пятокъ.

Крамолина. Приговоръ и опредѣленіе личности Кинина черезчуръ несправедливы и рѣзки. Онъ ужъ тѣмъ отличается отъ дикаго, что его понятіе о женской красотѣ самое утонченное.

Лопыревъ. У Кинина-то, ха, ха, ха!.. Понятіе подобныхъ господъ о женской красотѣ можетъ быть выражено тремя словами: молодость, здоровье и статность; духовная прелесть ума и живости, нюансы и привлекательность красивыхъ чертъ лица, изящество подробностей ими вовсе не цѣнятся.

Крамолина. Да кѣмъ и гдѣ это цѣнятся?.. Не въ вашемъ-ли высшемъ свѣтѣ?.. Вѣдь Кининъ, если не представитель, то, во всякомъ случаѣ, не послѣдній изъ петербургской золоченой молодежи, ему открыты всѣ аристократическіе салоны, онъ самъ аристократъ.

Лопыревъ. Кининъ—аристократъ? ха, ха, ха! Не потому-ли, что его отецъ откупничествомъ, разными мошенническими поставками и постройкой пресловутой провальной желѣзной дороги оставилъ сынку въ наслѣдство миліонъ?.. Хорошъ аристократъ, у котораго традиціи—нажива мошенничествомъ, грабежемъ народа и государства, а идеалы—куль червонцевъ, гаремъ статныхъ и разнообразныхъ по внѣшности женщинъ!.. Да, это аристократъ Демидова сада, Дюсо, Бореля, Дорота, Сюзетъ и разныхъ увеселительныхъ заведеній, куда истый аристократъ и дороги не знаетъ.

Крамолина. Однако, и вы, крестный, хоть истый аристократъ, не брезгали когда-то Демидовымъ садомъ.

Лопыревъ. Да!.. Но я являлся туда не какъ *habitué*... Я покровительствовалъ искусству, содѣйствовалъ успѣху таланта... Я тутъ дѣйствовалъ въ силу традиціи, я исполнялъ только свою нравственную обязанность—Лопыревы всегда были вѣрные слуги искусства и патронировали дарованія... Да, мы не чета современному молодому поколѣнію, этимъ неучамъ, самодовольнымъ въ своей глупости, обидчивымъ эгоистамъ, живущимъ только въ свое чрево... Мы умѣли жить и давали жить другимъ, а они?.. Э, да будетъ объ этомъ; только себя раздражать, а я и безъ того сегодня не особенно хорошо настроенъ. Надняхъ я уѣзжаю за-границу.

Крамолина. Какъ такъ?.. Развѣ вы не получили мѣста предсѣдателя этой новой комисіи, какъ ожидали?

Лопыревъ. Нѣтъ, не получилъ.

Крамолина. Это удивительно!

Лопыревъ. Нисколько. Но не въ томъ дѣло. Я къ тебѣ пріѣхалъ съ предложеніемъ, не желаешь-ли ты со мной сдѣлать вояжъ по Европѣ?

Крамолина. Нѣтъ, крестный, не имѣю ни малѣйшаго желанія. Никакихъ перемѣнъ въ жизни, ничего не желаю, видно становлюсь стара.

Лопыревъ. Напрасно... Тебѣ отъѣздъ изъ Петербурга на годикъ, на два, необходимъ. *C'est un conseil d'ami, que je te donne.*

Крамолина. Это почему необходимъ?

Лопыревъ. Ты сама это очень хорошо понимаешь... Мнѣ тебѣ нечего объяснять.. Все это такъ не можетъ продолжаться, надо когда-нибудь положить всему этому конецъ.

Крамолина (раздраженно.) Чему-же всему этому, я бы желала знать

Лопыревъ (указывая на крющонъ.) Да вотъ хоть-бы этому... бесѣдамъ tête-à-tête съ разными Книниными, Ганцбергами, Слетышевыми и... и многому другому, что мнѣ очень не нравится.

Крамолина. Что-же это многое, что вамъ не нравится?.. Пожалуйста, говорите, не стѣсняйтесь!

Лопыревъ. Твоя манера держать себя ужъ черезчуръ *zans dène*... Твое веселье, чтобъ не сказать—кутежи съ молодежью среди бѣла дня...

Крамолина. Это вамъ не нравится? Вамъ-бы хотѣлось, чтобъ я подражала вашимъ великосвѣтскимъ барынямъ, всегда носила маску? Ну, нѣтъ я ея не надѣну—свое лицо, какъ-бы некрасиво ни было, всегда лучше гнусной маски. Вы противъ того, что я веселюсь среди бѣла дня, а не ночью, при опущенныхъ столахъ и портьерахъ, какъ это дѣлается въ свѣтѣ? Полноте!.. Явный грѣхъ во сто тысячъ разъ лучше тайнаго...

Лопыревъ. Положимъ, что и такъ, но ты не будешь-же утверждать, что всѣ эти Книнины, однимъ словомъ, среда, въ которой ты вращаешься, была-бы тебѣ по вкусу.

Крамолина. Что-жъ дѣлать!.. Я становлюсь лакомкой, и если пѣтъ роскошнаго персика, то довольствуюсь упавшимъ яблокомъ.

Лопыревъ. Можно быть лакомкой, но зачѣмъ-же объявлять всѣмъ и каждому объ этой слабости?

Крамолина. Особенной надобности нѣтъ и скрывать.

Лопыревъ. Нѣтъ, есть надобность! Ты дѣлаешься притчей во языцѣхъ, далеко не доблестной героиней дня, на тебя уже начали показывать пальцами, послѣ скандала у Чаганова на вечерѣ. Чего тебѣ еще хочется? Или ты бьешь на то, чтобъ передъ тобой закрылись двери всякаго мало-мальски порядочнаго дома, чтобъ твои прежніе знакомые при встрѣчѣ съ тобой на улицѣ отворачивались или вмѣсто учтиваго поклона награждали тебя двусмысленной улыбкой? Тебѣ хочется этой извѣстности, къ такой славѣ ты идешь?

Крамолина. Чего мнѣ хочется, чего я добиваюсь, къ чему я иду—это мое личное дѣло и никому я отчета не обязана давать въ своихъ поступкахъ. Да и что за дѣло кому до меня.. Что это за опека?

Лопыревъ (возмущаясь.) Мнѣ есть дѣло, а твой крестный отецъ, душеприкащикъ и другъ твоего покойнаго мужа, имя котораго ты безчестишь своимъ поведеніемъ.

Крамоліна. Что-о?

Лопыревъ. Да, ты не видала меня еще такимъ, погляди, полюбуйся... Терпѣніе мое истощилось, я цѣлый годъ смотрѣлъ сквозь пальцы на твои неистовства, теперь не могу... свѣтъ въ меня бросаетъ грязью за тебя, ты оскорбляешь своимъ поведеніемъ память моего друга, позоришь, наконецъ, самого меня... Я не потерплю разврата.

Крамоліна. Какъ вы смѣете мнѣ говорить это?

Лопыревъ. Смѣю,—я твой второй отецъ, я тебя воспиталъ, образовалъ, вывелъ на дорогу, далъ мѣсто въ свѣтѣ, наконецъ я твой другъ...

Крамоліна (прерывая.) Стойте, довольно! Не другъ вы мнѣ, а врагъ... да, врагъ... Слушайте. Моимъ назначеніемъ была, можетъ быть, спокойная, безвѣстная жизнь въ простомъ семействѣ съ любящими дѣтьми и мужемъ,—жизнь, которая погибла для меня и которую вы отняли, выдавъ меня за Крамолина. Вы мнѣ дали мѣсто въ свѣтѣ? Кого и что я тамъ нашла? Много богатства, часто фальшиваго, много блестящихъ фразъ и повсемѣстный скандалъ, скандалъ повсюду. Въ гостинныхъ—громъ фразъ и трескъ скандаловъ, въ театрѣ нашемъ французскомъ—драмы безчестныхъ страстей, каскадъ, раздѣтыя танцовщицы, которыхъ свѣтъ за ихъ безстыдныя движенія награждаетъ рукоплесканіями и нерѣдко тысячными подарками... Въ сторублевыхъ ложахъ оперы—выставка голыхъ плечъ и спиць, на балахъ—то-же, въ салонахъ—то-же. А ваши свѣтскіе разговоры, свѣтскіе взгляды? Они блестящи, отполированы снаружи, но содержаніе ихъ вѣчно грязное, сальное. Для васъ нѣтъ ничего святаго, нѣтъ вѣрованій, убѣжденій, религій, нѣтъ ничего, надъ чѣмъ-бы вы не издѣвались. Добродѣтель, нравственность, родина, любовь къ народу—все пустые звуки, слова. Вы ничего не уважаете, кромѣ богатства; свѣтъ зѣваетъ, когда его вызываютъ на мысль и чувство, и кричатъ до хрипоты, когда передъ нимъ развратно канканируетъ женщина. Онъ не хочетъ восхищаться ничѣмъ, кромѣ скабрзныхъ шутокъ и скандаловъ... И вы считаете своей заслугой, кичитесь, чванитесь, что бросили меня въ эту адскую пропасть.

Лопыревъ. Я-же оказываюсь виноватымъ!

Крамоліна. Да, вы и никто больше!.. Что вамъ было за дѣло до бѣдной дѣвочки, дочери какого-то курьера, изъ какихъ побужденій вы очень обыкновенную танцовщицу обратили въ великолѣпную *madame* Крамолину, какъ меня нѣкогда величали въ

свѣтъ?.. Изъ одного эгоизма, изъ желанія порисоваться въ свѣтъ, сказать фатамъ—смотрите, что значить быть крестницей графа Лопырева... Любуйтесь-же теперь на свое созданіе: я пала, я сдѣлалась гадкой, скверной женщиной, это дѣло вашихъ рукъ и вашего свѣта.

Лопыревъ. Не все потеряно, та сѣде; ты пала, но не погибла, еще есть возвратъ.

Крамолина. Нѣтъ... возврата вѣтъ! Бываютъ обиды и потери, которыхъ, при всемъ христіанскомъ чувствѣ, нельзя ни простить, ни забыть. Вы и свѣтъ у меня отняли, все, что было дорого въ жизни, отняли рай, въ любви я ищу теперь ада... Ничего у меня не осталось въ жизни, кромѣ необходимости жить... Скажите, зачѣмъ вы пришли? Спасли меня? Не поздно-ли? Вы посѣяли зло и хотите собирать добродѣтель. Вы бросили мнѣ въ лицо названіе развратной, павшей женщины,—что, легче вамъ отъ этого? Помогли вы этимъ кому-нибудь? Ахъ, крестный, не вамъ вылечить рану, она смертельна, вы только ее растравляете. Для чего глумиться надъ вскрытымъ трупомъ, а вѣдь вы топчете ногами мое мертвое, разбитое сердце. Уходите, уходите отъ меня. (Отворачивается и садится у бюро, закрывъ лицо руками.)

Лопыревъ (подходя къ ней, мягко.) Ты плачешь... Я тебя обидѣлъ?

Крамолина. И не думаю плавать... Я потеряла эту способность. Что вы смотрите на меня?

Лопыревъ. Мнѣ жаль тебя... Я вѣдь тебя люблю.

Крамолина. Полноте, какая на этомъ свѣтъ любовь... Не жалѣйте меня, я сама не забочусь о себѣ... Я не имѣю права на сожалѣніе, да и не желаю его... Оставьте меня.

Лопыревъ. Ты мнѣ болѣе не вѣришь?

Крамолина. Не вѣрю болѣе никому, ничему и ни во что... (Пауза.) Чего вы ждете?.. Вѣрно, деньги нужны для поѣздки за границу?.. Отчего не сказать все это прямо, а идти окольными дорогами... проповѣдывать нравственность, облекаться въ мантию аскета и бичевать увлеченія людскія?.. Вѣдь нужны деньги, да?

Лопыревъ. То-есть да, но я...

Крамолина. Съ этого и нужно было начать... Много-ли вамъ надо? Говорите, не стѣсняйтесь. (Отпираетъ бюро и вынимаетъ книжку чековъ.) Вѣдь все равно—днемъ раньше, днемъ позже, все мое богатство достанется вамъ.

Лопыревъ. То-есть какъ это?

Крамолина. Очень просто: въ силу духовнаго завѣщанія моего мужа. Тамъ сказано, что если я умру бездѣтной при жизни вашей, то вы единственный наслѣдникъ послѣ меня. Дѣтей у меня нѣтъ, а смерть не за горами.

Лопыревъ. Полно, та *charmante filleule*, что за мрачныя мысли.

Крамолина (береть перо.) Напротивъ, свѣтлыя. Послѣ тѣхъ истязаній, которымъ судьбѣ угодно было подвергнуть меня, смерть—это вѣчное ничтожество, отрада, блаженство для меня. Ахъ! Ну, говорите, много-ли? (Лопыревъ смѣется.) Пять тысячъ? (Взглядываетъ на него. Лопыревъ опускаетъ глаза и мнется.) Мало? Ну, семь... десять?

Лопыревъ. Довольно... (Быстро.) Довольно, та *très chère!* Какъ ты добра, право...

Крамолина (написавши чекъ.) Вотъ вамъ чекъ во „Взаимный Кредитъ“ на десять тысячъ. (Подаетъ.)

Лопыревъ. *Merci, merci, ma belle petite fille!* (Цѣлуетъ ее въ лобъ.) Ты не сердись на старика-ворчуна... Вѣдь я изъ одной любви... (Прячетъ чекъ въ бумажникъ.)

Крамолина (раздраженно.) Не сержусь, не сержусь! Довольно.

Лопыревъ. Ну, ну... Я вижу, ты сегодня сильно нервна... А жаль, жаль, что не хочешь поѣхать со мной... Въ Италию - бы, а? Лаго - ди - Комо, Венеція, Римъ, Неаполь... Везувій, море А? (Крамолина взглядываетъ на него.) Ну, ну... прощай. (Цѣлуетъ ее.) А о моемъ предложеніи подумай... *C'est un conseil d'ami!* Я говорю: *au revoir!*... Еще до отъѣзда увидимся?.. Заѣхать, а? (Крамолина молча киваетъ головой.) Непремѣнно буду... *Au revoir!* (Уходя, въ сторону.) Что съ ней сегодня?.. Толкуетъ о смерти. Странныя право, фантазія бывають у дочерей Евы! Впрочемъ, что-жь? Фантазія и женщина—это одно и то-же. Одно! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Крамолина и слуга.

Крамолина. И этотъ такой-же, какъ всѣ,—увѣрилась, убѣдилась на дѣлѣ... Вездѣ притворство, обманъ, деньги, жажда наслажденій... Любовь, вѣра, честь, добродѣтель—слова, слова... одни пустыя слова!.. Какъ тутъ жить, для кого, для чего?.. За что схватиться, за что удержаться, чтобъ окончательно не пасть, не погибнуть?! (Пауза. Проходитъ молча взадъ и впередъ по сценѣ и звонить.) Нѣтъ, пора, пора кончить. (Вошедшему слугѣ.) Никого не принимать.

Слуга. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Крамолина. Одна, одна... въ цѣломъ мірѣ одна... Будь сынъ, дочь, дѣти... Имъ отдать все свое сердце, всю свою дѣятельность, самую себя, а тутъ—одна... Тоска! Молиться—легче будетъ. (Идетъ къ алькову и останавливается.) Не могу я молиться теперь... Это значитъ обманывать Бога. За что судьба распорядилась такъ моею жизнью?

Я—виновата...—отецъ, —мать? За грѣхи родителей? (Горько улыбается.) Ахъ, какъ тяжко! Въ груди горитъ, жжетъ... (Беретъ себя за лобъ.) А лобъ холодный. Выпить еще вина—пройдетъ. (Подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ и выпиваетъ.) Пью вино, какъ воду. Срамъ, стыдъ, до чего дойти!.. Не надо ни о чемъ думать, прилечь отдохнуть, уснуть... Какъ много свѣту! (Звонитъ. Полуожась на диванъ, вошедшему слугѣ.) Уберите канделябры. Поставьте мнѣ сюда графинъ воды. Скажите Матренѣ Ивановнѣ, что если я засну, пусть не будить меня.

Слуга. Слушаю-сь. (Ставитъ около нея графинъ, стаканъ и, взявъ канделябры, уходитъ.)

Крамоллина (послѣ паузы, лежа съ закрытыми глазами, закинувъ руки за голову.) Не уснуть, не забыться... Нѣтъ! Онъ, онъ, каждую минуту передъ глазами. (Садится на диванъ. Пауза.) Вотъ онъ подошелъ къ ней, сидятъ обнявшись, читаютъ. Онъ ей что-то объясняетъ, она улыбается... Какъ хороша она, съ какой любовью она смотритъ ей въ глаза... она его слушаетъ съ восторгомъ, съ упоеніемъ, ласкаетъ, поправляетъ ему волосы... Цѣлуются, га! (Вскрывается.) Несчастіе... проклятіе! (Ходитъ.) Мстить, мстить до конца!.. видѣть ея, его погибель... приятно, сладко... А дальше что, что дальше?.. Не мой, все-таки не мой!.. Буду огомщена и только... сгублю двѣ жизни... а сама зачѣмъ останусь жить—страдать, мучиться, терзаться!.. Ахъ, какъ тошно, какъ горитъ внутри. (Подходитъ къ крѣсному.) Залить, потушить, забыться! Авось! (Выпиваетъ стаканъ вина.) Забыться, успокоиться? (Опускается на диванъ.) Какъ, гдѣ?... Въ жизни нельзя... Умереть?.. Минуты страданія—и вѣчный покой... Не видѣть, не чувствовать, не страдать... а если муки ада, геенна, вѣчный скрежетъ зубовъ, стоны, плачь?.. (Закрываетъ лицо руками.) Нѣтъ, не можетъ быть этого! Божественный Спаситель, заступившійся въ этомъ мірѣ за подобную мнѣ грѣшницу, заступится и за меня въ томъ мірѣ... О, малодушіе!.. Жить мнѣ нельзя, жизнь—мачиха, смерть—мать! (Подбѣгаетъ къ бюро.) Гдѣ они? Да, здѣсь! (Открываетъ ящикъ бюро.) Его векселя?! Изорвать? А пусть дѣлаютъ послѣ меня какъ хотятъ! (Кладетъ два векселя подъ первую доску бюро, сверхъ бумагъ, на самомъ видномъ мѣстѣ.) А, вотъ онъ... наконецъ. (Вынимаетъ порошокъ въ бумажкѣ и смотритъ на него.) Страшно, ужасно! Я у него отняла когда-то этотъ ядъ и теперь онъ для меня... Судьба! (Сжимаетъ порошокъ въ рукѣ.) А спокойствіе, забыть?.. Ничего не звать... не чувствовать. Нельзя, нельзя. Надо! (Подбѣгаетъ къ графину, наливаетъ стаканъ и всыпаетъ порошокъ.) Все на днѣ... Размѣщать? Ложечка? Тамъ! (Указываетъ на альковъ и лишь дѣлаетъ къ нему движеніе, какъ за лѣвой дверью раздается шумъ.)

Слуга (за дверью.) Да не изволили себя приказывать будить, промигуйте-съ.

Крамолина (приостановясь.) Идутъ. (Смотритъ на стаканъ.) Нельзя, не распустился. Спрятать... послѣ! (Убѣгаетъ на минуту въ альковъ, возвращается, опускаетъ занавѣску и становится спиной къ ней.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Крамолина, Вермутская, Кокуркина и слуга.

Вермутская. Ну, ужъ я отвѣчаю, не разсердился! (Оборачивается и замѣта Крамолину.) Ну, и оказывается всё вздоръ—она и не думала спать. (Подбѣгая къ ней и цѣлуя.) А я за тобой, Люба, надѣвай шляпку и ѣдемъ... Да ну-же, скорѣй... Что съ тобой, ватѣбъ лица вѣтъ?

Крамолина. Не здоровится... голова.

Вермутская (перебивая.) Вздоръ, вздоръ! Дала слово ѣхать, такъ нечего нездоровьемъ отговариваться. Да что ты здѣсь стоишь? А, вѣдь ты биготка. Вѣрно молилась, а?

Крамолина (проводя по лицу рукой.) Да, молилась.

Вермутская. Я помѣшала? Pardon. Ничего, послѣ домолишися. Ну, ѣдемъ-же, душка. (Беретъ ее подъ руку и отходить къ столу.)

Крамолина. Куда ѣхать?

Вермутская. Какъ куда, ты и забыла? Въ Буфѣ. Всѣ наши тамъ: князь Григорій, Канинъ, Ганцбергъ, ну всѣ, всѣ... Какъ весело, просто чудо!.. Жюдикиъ—восторгъ, я просто влюблена въ нее. Да что съ тобой? (Увидя вино.) А, понимаю... (Поетъ.)

Какой обѣдъ намъ подавали,
Какимъ виномъ насъ угощали,
Ужъ я его пила, пила
И до того теперь дошла...

Ну, это все вздоръ, ничего!.. Проѣдемъ въ саняхъ, тебя обдуетъ. (Звонитъ.) А оттуда, ma chère, къ „купцамъ“ въ маскарадъ, а тамъ къ Дороту... Кстати ты въ черномъ платьѣ, не забудь только захватить домино и маску, а переодѣваться и не надо. Въ Буфѣ никто не увидитъ, мы въ крайней литерной. (Вошедшему слугѣ.) Пошлите сюда Матрену Ивановну, поскорѣй.

Слуга. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Крамолина (опомнясь.) Что ты хочешь дѣлать?.. я не поѣду.

Вермутская. Ну, ужъ это дудочки, pardon!.. Миѣ и глазъ не велѣно показывать безъ тебя... Все равно, ты вечеръ намъ сегодня обѣщала; если черезъ полчаса мы не приѣдемъ въ Буфѣ,

то вся наша компанія явится сюда умалчивать и требовать исполненія слова... Нечего, нечего гримасничать. Собирайся, ѣдемъ!.. Какой тутъ у тебя безпорядокъ въ бюро—деньги раскиданы!.. (Закрываетъ доску бюро, подаетъ ключъ, заперши нѣтъ предварительно бюро.) Вотъ и ключъ... на! (Подаетъ.) Да что ты, право, такая?.. Вѣрно, съ Кинянимъ бесѣдовала, да?

Крамоліна. Да, съ нимъ. (Садится на кресло, спрываетъ ключъ.)

Вермутская. Ну, такъ... Онъ не можетъ безъ того, чтобы не напоить всѣхъ, кто съ нимъ... Противный! (Вошедшей Кокуркиной.) Здравствуйте, душечка!.. Прикажите поскорѣй подать Любочкѣ домино и маску... Мы поѣдемъ въ Буфъ, а оттуда въ маскарадъ... Поскорѣй, мой ангелъ!

Кокуркина. Ахъ, здравствуйте-съ. Самымъ поспѣшнымъ образомъ... сама даже сбѣгаю. (Уходитъ направо.)

Крамоліна. Право, я не поѣду... Я не въ силахъ ходить въ маскарадъ.

Вермутская. Вздоръ!.. Все равно, я отъ тебя не отстану... Спать не дамъ... Фи, стыдъ какой, еще девяти часовъ нѣтъ, а она спать собирается!.. Пойми, я безъ тебя явиться не могу: мой Григорій и вся компанія засмѣютъ меня. (Кокуркина вноситъ домино, маску и шляпку.) Какъ скоро! Мерси, душечка. (Беретъ шляпку и надѣваетъ на Крамоліну.) Какая прелесть шляпка, какъ ты въ ней хороша при этомъ блѣдномъ тонѣ лица—восторгъ!

Крамоліна. Право, я не могу ѣхать.

Вермутская (становясь на колѣни.) Душка, красота, божество, ангельчикъ!.. Ну, если въ маскарадъ не можешь, то въ театръ... тамъ что-жъ, вѣдь только сидѣть и слушать, ходить не надо... Ну, рѣшись, поѣдемъ, умоляю!

Крамоліна (въ сторону.) Она не отстанетъ... все равно—часомъ раньше, часомъ позже... Взгляну на все въ послѣдній разъ. (Грохко.) Хорошо; только въ одинъ Буфъ.

Вермутская. Отлично, отлично! Мерси, голубчикъ... (Въ сторону.) Только залучить, а тамъ... (Кокуркиной.) Давайте мнѣ, на всякій случай, домино и маску... Можетъ, и захочетъ еще поѣхать въ маскарадъ. (Беретъ.)

Крамоліна. Ну, ужъ нѣтъ! (Кокуркиной.) Велите каретѣ приѣзжать въ Буфъ, съ выѣзднымъ.

Кокуркина. Слѣдомъ-же за вами пошлю-съ... А перчатки-то, Любовь Михайловна? (Подаетъ перчатки.)

Крамоліна. А... вотъ! (Машинально беретъ.)

Вермутская. Ну, времени терять нечего. (Кокуркиной.) Прощайте, милая Матрена Ивановна.

К о к у р к и н а. Прощайте. Всякихъ вамъ удовольствій и наслажденьевъ.

В е р м у т с к а я. Ну, allons, depechons! (Беретъ подъ руку Крамолину.) Ахъ, да развеселись-же ты, право, какая сонная! (Ташитъ почти силой, напѣвая):

Ужь я его пила, пила
И до того теперъ дошла,
Что просто готова, готова... (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

К о к у р к и н а и слуга.

К о к у р к и н а (проводивъ до дверей.) Ну, ужь звѣзда эта Вермутская,—и скачетъ, и пляшетъ, и пѣсенки поетъ, мертваго изъ гроба подниметь, именно что ужь актеры... Такъ вотъ и юлить, и брызжать, словно масло на каленой сковородѣ. Ахъ, батюшки, чтобъ не забыть! (Звонить.) Ругательство-то послѣ отъ сестрицы не обещься. (Вошедшему слугѣ.) Александръ Петровичъ, милый человекъ, вели-ка кучеру карету заложить да выѣздному одѣться поскорѣй, за нашей еронней въ Буфъ ѣхать, велѣла. Ко время не поспѣеть, знаете, что будетъ отъ сестрицы-то пренцесы..

С л у г а. Какъ не знать... Аспидомъ стала, совсѣмъ аспидъ. Я вотъ что хочу вамъ, Матрена Ивановна, доложить, совѣта вашего испросить, потому какъ вы по всѣмъ дѣламъ все одно—адвокатъ.

К о к у р к и н а. Что, что такое?

С л у г а. А какъ намъ насчетъ Даши быть?.. Терпѣть этого больше невозможно... Я не желаю... Конечно, хотя Даша мнѣ незаконная, скрываться мнѣ передъ вами нечего, однако дочь, и моя любовь этакого тиранства не допустить... Помилуйте, на что пожоже... и щипкомъ, и пинкомъ.

К о к у р к и н а (со вздохомъ.) Да, поди-жь-ты... Что съ ней сдѣлалось въ этотъ годъ?.. Пьетъ, по маскарадамъ, по театрамъ, къ Дюсу ужинать,—страсть Господня... А въ характерѣ и не узнать: сейчасъ цѣловать готова, а тутъ вдругъ рветъ и мечетъ, не подходи... Что рука-то у Даши?

С л у г а. Пухнетъ... вотъ какъ разнесло... Помилуйте... Въ это мѣсто (показываетъ выше локтя) всю булавку закатаила, по самую головку... Вѣдь это не то человекъ, алибо горничной, псу дворному... да и того пожалѣешь, не сдѣлаешь... Мы терпѣть болѣе не желаемъ!.. Я седьмой годъ въ домѣ живу, все было пречудесно, даже слова неласковаго отъ Любви Михайловны никто не слыхалъ, а теперъ на-ко: волю рукамъ дала... Этакъ аспидствуетъ.

Кокуркина (со вздохомъ.) Да, да, не говори... Ну, что-же ты теперь думаешь съ дочкой-то дѣлать, а?

Слуга. А вотъ и хочу васъ спросить... Думаю объявить мировому, пусть ее сократят!

Кокуркина. Да вѣдь вы деньги взяли отъ сестрицы, черезъ меня?

Слуга. Какъ-же. Это точно, триста рублей получили... Даша простила, потому какъ Любовь Михайловна на колѣняхъ у ней извиненія просила, руки цѣловала.

Кокуркина. Ну, такъ, значить, все и кончено... Пойдешь къ мировому—одинъ конфузъ себѣ и Дашѣ, а прибыли никакой...

Слуга. Ужъ очень руку-то ломить... И за что?.. Бантикъ, слышь, какой-то не тамъ приколола... За это... (Въ раздумьи.) Озорной характеръ сталъ... Такъ, по-вашему, не ходить?

Кокуркина. И ни подъ какимъ видомъ... Вотъ кабы денегъ не взявши, безъ мира, а прямо къ мировому... Тутъ-бы ужъ мое почтеніе... дали-бы ей идрвоученье; а деньги получили—молчокъ, одно!

Слуга. Такъ, такъ!.. Сумма-то большая, годовое жалованье, гдѣ его найдешь... а я было-хотѣлъ къ мировому... Ну, да опять и Даша просила, чтобъ этимъ пренебречь, такъ-какъ ей очень жаль и конфузно было, что сама генеральша у ней руки цѣловала... Э. Богъ съ ней! (Махнувъ рукой.) Только коли это въ другой разъ случится еще, вотъ Богъ... съ мѣста долой и прямо къ мировому... Такъ я вамъ и объявляю, ищите вы вмѣсто насъ другихъ слугъ... Я не хочу вамъ затрудненьевъ дѣлать.

Кокуркина. Да гдѣ ей вдругъ горничную найти съ теперешнимъ ея характеромъ... И то въ годъ-то четверыхъ перемѣнили, никто не живетъ... Что дѣлать! Жизнь наша въ тяжелое одно страданье обратилась... Не забудь, голубчикъ, Александръ Петровичъ, о каретѣ-то; опоздаешь—бѣда.

Слуга. Поспѣеть. Вѣдь она, чай, со свѣтомъ развѣ воротится.

Кокуркина. Нѣтъ, нѣтъ, сказала только въ Буфѣ посидитъ.

Слуга. Исто-о-рія... Взять, что-ли, шампанское-то, а?

Кокуркина. Пусть стоитъ... пріѣдетъ да еще спросить, ну ее!.. А слышалъ, старый-то дружокъ объявился, видно выкупили... Сегодня передъ обѣдомъ, сумерками, два часа передъ окнами ходилъ.

Слуга. Слышалъ.

Кокуркина. Ужась невыразимая!.. Ну, какъ въ домъ придетъ?

Слуга. А и расчудесное дѣло: опять-бы пошелъ миръ да любовь, всѣ-бы эти безобразія по-боку.

Кокуркина. Что ты, что ты, да я съ одного страху умру.

Онъ зачѣмъ сюда женатый-то придетъ... Извѣстно... (показываетъ, какъ прицѣлываются) бацъ!—вотъ зачѣмъ!

Слуга. Николай-то Петровичъ?.. Ни въ жисть онъ на это не согласится... Человѣкъ душевный... Гордый, точно, а не разбойникъ, нѣтъ!

Кокуркина. Да съ досады чего человѣкъ не сдѣлаетъ... Теперь она его такъ опозорила, отомстить захочеть.

Слуга. Убивствомъ-то? полноте!.. Вотъ наша такъ не задумается, потому въ ей теперь одна злость да досада, что отъ нея, при всемъ богатствѣ, человѣкъ безъ вниманія ушелъ... Со злости это она можетъ, а онъ—ни-ни!

Кокуркина. Ну, ужъ вы злость да злость... Кабы одна злость была, не молилась-бы она по ночамъ; сама видѣла, какъ на колѣняхъ стояла, со слезами молилась, вонъ и теперь въ образной двѣ лампадки горять... Тутъ больше любовь дѣйствуетъ.

Слуга. Хороша любовь... Посадить человѣка въ тюрьму за пять тысячъ... Что ей пять-то тысячъ, все одно—мнѣ копейка... Такъ стану я свою хоть-бы къ примѣру полюбовницу за копейку такъ тиранить... Чай, я съ крестомъ на шеѣ-то... Одна досада да фанатерная злость въ ней, да!

Кокуркина. Ахъ, ужъ я и не могу понять ея характера.

Слуга. Пойти, велѣтъ запрягать карету. Дѣла! (Идетъ и оставаясь у дверей.) А взять-бы хорошую орясину отъ дяди Герасима, вотъ-бы и понятіе ей было пра-а-во! (Уходитъ налѣво.)

Кокуркина (одна.) Да, самыя у насъ теперь грустныя и непонятныя обстоятельства въ домѣ. Кининъ и Слетышевъ, оба въ перебой, какъ-бы ее въ расположенность свою поставить и кому-нибудь одному приближеніе къ ней имѣть. Конечно, Кининъ безо всякаго интереса старается тутъ, изъ однихъ своихъ любовныхъ чувствъ и желаній, потому самъ миллионеръ, куда ему чужія деньги,—своихъ куръ не клюютъ... Только врядъ что ему безъ моей помощи удастся! Я ему всячески насчетъ этого намеки дѣлала, но онъ не хочетъ себѣ даже въ сообразительность взять, что я могу тутъ помочь... полагаетъ, что я въ дому самое незначущее лицо, и притомъ держать себя со мной негежа... Слетышевъ возьметъ непременно верхъ, потому хоть и не богатъ, за то молоде, красивѣе, юрчѣе и въ разговорѣ авантюристе — за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, на всякій вопросъ имѣетъ при себѣ отвѣтъ. Ахъ, если-бъ всѣ наши планы довести къ благополучному окончанію, чтобъ прендеса наша Слетышева къ себѣ въ приближеніе взяла! Теперь у меня до пяти тысячъ сохраняется, отъ Слетышева еще-бы пять получила... На этотъ капиталъ купила-бы подъ Нарвой себѣ имѣніе и зажила-бы себѣ барыней въ полное и

приятное удовольствіе жизни. Только ахъ какая трудность все это оправдать при ея ехидномъ характерѣ... Цѣлый годъ свою злопаметность души успокоить не можетъ, чтобъ его измѣну забыть. Рветъ и мечетъ; вино, все равно какъ мужчина военный, стаканами пьетъ, а залить чтобъ злобу эту въ своемъ сердцѣ—нѣтъ... никакъ не зальетъ! Бѣлымъ ключомъ кипятъ въ ней злоба-то.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кокуркина, Чагановъ и слуга.

Чагановъ. Хорошо, я здѣсь и подожду. (Говорить это въ двери и оборачивается.)

Кокуркина (сидѣвшая справа, вскрикиваетъ съ ужасомъ.) Ахъ... Ахъ!..

Чагановъ (сухо.) Здравствуйте.

Кокуркина. Ахъ, смерть моя пришла. Господи! Я ни въ чемъ не виновата... мое дѣло сиротское... ни въ чемъ даже... Всегда вашу руку держала и засту... (Чагановъ дѣлаетъ шагъ впередъ.) Ахъ, ахъ, не подходите! (Пятится спиной къ правой двери.) Я виновна... даже помышленіе мое...

Чагановъ. Что вы это? что съ вами?

Кокуркина. Сестрица въ Буфахъ... если угодно, я сейчасъ за ними съѣзжу, какъ онѣ хотѣли васъ видѣть... Я все для васъ готова... (Чагановъ опускаетъ руку въ карманъ.) Ахъ, пощадите... не вынимайте его, не вынимайте... Я не имѣю противъ васъ злоумышленьевъ... Ей-богу я... я...

Чагановъ (вынувъ платокъ, хочетъ подойти.) Вы странно...

Кокуркина. Не подходите! (Въ сторону.) Подъ платкомъ-то левольверъ... У него смертельный планъ! (Чагановъ поднимаетъ руку съ платкомъ, чтобъ отереть лицо.) Ай, убьеть, убьеть! (Съ крикомъ убѣгаетъ за правую дверь и запираетъ за собой.)

Чагановъ. Она съума сошла! (Бросаетъ шляпу на стулъ и кидается въ кресло направо, отирая лицо платкомъ.) Боже, я опять здѣсь... у нея... въ этой комнатѣ, гдѣ все мнѣ говоритъ о моемъ прошломъ позорномъ увлеченіи! Здѣсь все запятнано оскорбленіемъ, безчестьемъ, чувственностью. Зачѣмъ я пришелъ, у кого я хочу себѣ вымолить состраданіе, сожалѣніе, забвеніе? У женщины, которая живетъ одной мстью, у которой вмѣсто сердца, чувства — одна чувственность, животная похоть... Ужасно! (Закрываетъ лицо руками.) Уйти? А жена, а Митя? тюрьма? Невозможно. Вытерплю все до конца, унижусь, перенесу всѣ упреки, оскорбленія; на колѣняхъ

вымолю себѣ и семьѣ прощеніе! А если она потребуеть... (Содрагается.) Страшно подумать! Что-жѣ? (Рѣшительно.) Брошусь въ ея объятія, притворюсь влюбленнымъ, своимъ позоромъ куплю спокойствіе женѣ, сыну. (Пауза.) И это я, человѣкъ, поставившій себѣ задачей жизни идти смѣло по пути саморазвитія, вырабатывать духъ неустрашимой любви къ правдѣ, стремиться къ ней всѣми силами ума и ставить ее выше всякихъ мелкихъ внушеній эгоизма, себялюбія!.. А что я дѣлаю, гдѣ я? Отрадно, утѣшительно сознание своей силы, энергіи... ужасно сознание слабости. Да, я слабый, безхарактерный, ничтожный человѣкъ! (Падаетъ на козетку и рыдаетъ.)

Слуга (войдя, въ сторону.) Плачетъ! Развѣ такіе убивцы бываютъ? Ишь, что ей со страху въ голову взбрело. (Къ нему.) Николай Петровичъ!

Чагановъ (вскакивая, какъ со сна.) А, что-о... Что вамъ?

Слуга. Напугали вы, сударь, Матрену-то Ивановну; сказывается, что вы на нее ливолверомъ грозились, убить хотѣли... Если у васъ, сударь, что недоброе на умѣ, лучше уходите... Я васъ впустилъ сюда, потому знаю за человѣка разсудительнаго; ну, и барыня, увидѣвши васъ, успокоится, а если что... замыселъ какой...

Чагановъ. Какой замыселъ? какое убійство? Никакого револьвера! Я васъ не понимаю.

Слуга. То-то, да я вѣдь только по словамъ ея... Не такой вы человѣкъ, чтобъ на убійство рѣшились... Матрена Ивановна уѣхала въ Буфу... за Любовь Михайловной; барыня сейчасъ приѣдутъ... (Пауза.) Чаю не прикажете-ли?

Чагановъ. Нѣтъ, благодарю... Ничего не хочу... Дайте мнѣ успокоиться, собраться съ мыслями... Оставьте меня одного.

Слуга. Слушаю-сь, сударь, слушаю-сь... Сберитесь съ мыслями, помиритесь съ барыней, это хорошо!.. А я уйду. (Уходитъ, говоря въ сторону.) Помирится—и пречудесно будетъ... Худой миръ, сказано, лучше доброй ссоры!

Чагановъ (одинъ.) Они думаютъ, я пришелъ ее убить!.. Я—убійца!.. О, если-бъ я могъ это сдѣлать... (Раздумывая.) Убить, отнять жизнь? А потомъ... Каторга, несчастье жены, сына! (Ходить.) Что-же, убить ее, потомъ себя? Еще гнуснѣе! Отнять чужую жизнь и скрыть свой позоръ, избавиться отъ каторги въ дыму выстрѣла. Это трусость, это омерзительное преступленіе... Нѣтъ, прочь отъ меня эти мысли! (Садится налѣво противъ бюро, задумывается, потомъ быстро вскакиваетъ.) Да, да!.. (Указываетъ рукой на бюро.) Они тутъ? да, тутъ! (Подбѣгаетъ быстро къ бюро и трогаетъ крышку его.) Заперто... заперто!.. (Отходитъ отъ бюро.) Что мнѣ приходитъ въ голову... Украсть векселя... Нѣтъ, никогда, ни за что! (Ходить назадъ и впередъ,

разсуждая инически, потомъ останавливается.) Это преступленіе?... да... преступленіе... Но я ей все-таки уплачу... въ другіе сроки... Позже... Я не ворую, я отнимаю у ней только средство продолжать мстить... вредить безвинной женщинѣ, ребенку... губить цѣлую семью!.. Но... законъ скажетъ: воровство... Законъ, судъ, общество, люди осудятъ... А свое убѣжденіе, а своя совѣсть? Развѣ я не дѣлаю преступленія, приходя сюда, чтобъ, можетъ быть, въ ея объятіяхъ вымолить себѣ свободу, измѣнной чести, убѣжденіямъ, совѣсти выручить свои векселя... Но за это не судятъ, хоть-бы и узнали... Ха, ха, ха! (Хохочетъ.) Я вѣдь отдамъ... я не ворую... не беру совѣми. (Осматривается кругомъ.) Никого нѣтъ, какъ узнать?... Одно подозрѣніе... А доказательства... гдѣ, гдѣ они?... Взять и уйти... Узнаютъ... ну... осудятъ... Вздоръ, не узнаютъ, какъ? (Минутное колебаніе.) Тамъ преступленіе передъ своей совѣстью и честью, безнаказанное, но мучительное, на всю жизнь, навсегда, а здѣсь?.. Я отдамъ, отдамъ... такъ!.. (Кидается къ бюро, старается руками оторвать крышку и не можетъ.) Какъ, чѣмъ?.. скорѣй, скорѣй!.. придутъ!.. (Озирается кругомъ и, замѣтя толстый металлическій ножъ для разрѣзыванія книгъ, схватываетъ его.) А, вотъ! (Подкладываетъ лезвее ножа подъ крышку, налегаетъ на него съ силой, крышка отскакиваетъ съ шумомъ. Онъ озирается.) Никого... Гдѣ они, гдѣ? (Роется въ одной сторонѣ и замѣтя векселя.) Га, вонъ они... Оба! (Беретъ въ руку.) Скорѣй идти, бѣжать! (Шумъ за лѣвой дверью.) Что это? (Оборачивается спиной къ бюро, а векселя старается спрятать въ боковой карманъ сюртука, но не успѣваетъ и остается съ заложеной за бортъ сюртука правой рукой, когда входитъ въ лѣвыя двери Крамолина.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Чагаповъ, Крамолина, Вѣра, Слѣтшевъ и слуга.

К р а м о л и н а (вбѣгая.) Гдѣ онъ, гдѣ... Коля, а! (Останавливается.) Какъ онъ страшень... Что вамъ угодно? (Молчаніе.) Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? (Молчаніе.) Я васъ спрашиваю, что-жь вы молчите?.. Вы пришли убить меня, да? Чего-же медлить? (Сбрасываетъ съ себя *sortie de bal*.) Что-жь, стрѣляйте! (Показываетъ на грудь.) Цѣльтесь лучше, вѣрнѣе... Я не двинусь... Я готова, я рада умереть!.. Жизнь мнѣ опостылѣла... лучше смерть отъ васъ, чѣмъ самой!.. Что-же вы? (Чагаповъ не дѣлаетъ движенія и смотритъ на нее безсмысленными глазами.) Ну, стрѣляйте-же! (Подбѣгаетъ къ нему и беретъ его за руку.) Да ну-же, ну... Я васъ прошу!.. (Замѣтя сломанную крышку у бюро.) Это что? (Схватываетъ себя за голову.) Вотъ что!.. такъ вотъ

какъ!.. для этого вы пришли сюда?.. Ну, нѣтъ, этого я не ожидала!.. Пусть-же насъ судить не Богъ, а люди. (Звонитъ.) Мой Коля, онъ, котораго я боготворила, считала идеаломъ людской честности, правды, нравственности, онъ—воръ! (Закрываетъ лицо.) Теперь все кончено... Нѣтъ пощады!.. (Вошедшему слугѣ.) Полицію сюда. (Слуга изумленно смотритъ.) Ну, что-же сталь? Я говорю позвать сюда сейчасъ полицейскаго... Слышишь? Сказать, что я требую. Ступай и скорѣй! (Слуга уходитъ.) Такъ вотъ чѣмъ кончаютъ герои чести и безкорыстія!.. И я за него мучилась, страдала, сколько слезъ, безсонныхъ ночей, тяжелыхъ думъ мнѣ стоила любовь къ нему, я душу, жизнь хотѣла положить за его счастье... и онъ!.. Меня грызла тоска раскаянія за мою месть, я сама себя возненавидѣла за нее... Нѣтъ, теперь я вижу, что я была права, отомщу до конца... вы достойны презрѣнія... Я презираю васъ. (Отворачивается отъ него.)

Чагановъ. Презирайте... Ваше презрѣніе — мнѣ должная награда. До сихъ поръ я допускалъ въ васъ хоть частичку сердца, женственности. Я пришелъ съ намѣреніемъ обратиться къ чувству вашей жалости, чему женщина всего менѣе и труднѣе противится; но теперь, послѣ отданнаго приказанія, ни оправдываться, ни просить васъ не хочу... Вы правы, я достоинъ презрѣнія, что явился сюда... Я самъ себя презираю... Пусть меня судятъ; позоромъ публичнымъ я смюю свое преступленіе... Зовите, зовите полицію, судъ!

Вѣра (вбѣгая изъ лѣвыхъ дверей.) Такъ это правда—онъ здѣсь?

Чагановъ. Ты зачѣмъ пришла?.. Уйди, уйди, Вѣра!

Брамолина (оборачиваясь.) Жена... его жена...

Вѣра. Я уйду, но вмѣстѣ съ тобой, я за этимъ и пришла. Не унижайся, не вымалывай себѣ пощады у этой безсердечной женщины... Пойдемъ!.. Я все знаю. (Указываетъ на входящаго Слетишева.) Я вынудила его сказать и съ нимъ пришла сюда. Идемъ!

Брамолина. Онъ пойдетъ, но не съ вами, женщиной сердца... Онъ пойдетъ, какъ преступникъ, подъ конвоемъ.

Вѣра (смотря изумленно.) Какъ, что? подъ конвоемъ?

Слетишевъ. Что все это значитъ?

Брамолина. Вашъ мужъ, вашъ ненаглядный мужъ — воръ. (Вѣра вздрагиваетъ.) Да, онъ выкралъ изъ бюро векселя. (Указываетъ на бюро.) Полюбуйтесь!

Слетишевъ (подходя.) Tiens! (Потираетъ руки.) Это со зломомъ... Запахъ неприятный... Владимирка.

Вѣра. Коля, что это?.. Обманъ, галлюцинація, сонъ? (Подходить къ нему.) Да что-жь ты молчишь?.. Скажи ей... этой женщинѣ, что она нагло клевететь... Это неправда, да, неправда?

Чагановъ (отчаянно.) Правда, Вѣра, правда! (Вѣра опускаетъ руки.)

Крамолина. Убѣдились, ха, ха, ха! (Въ хохотѣ слышится слеза.)

Вѣра. Ужасно... Позоръ, позоръ! (Сильно.) Наслаждайтесь, радуйтесь... Вы стубили человѣка, отняли у него сначала имя въ обществѣ, прославили его какъ гнуснаго паразита... какъ личность, существующую на средства женщины, бросили его въ тюрьму, посягали даже на честь его жены, теперь сдѣлали воровъ!.. Она смѣется... О, презрѣнная женщина!.. И у васъ доставало духу, смѣлости, дерзости говорить, что вы его любили, а?

Крамолина. Любила такъ, какъ вамъ, законной женѣ, его не любить... Ахъ, да что говорить!.. и теперь я его все-таки люблю... люблю безумно!

Вѣра. И у васъ языкъ поворачивается сказать это?.. Женщина честная не полюбитъ женатаго, а если она прежде любила, то вырветъ изъ сердца эту любовь съ корнемъ... Нѣтъ, вы женщина не честная!.. Коля, ты преступникъ, да!.. Но я все-таки тебя люблю... Будетъ отчаяваться... Я твоя, всегда, вездѣ, повсюду—въ тюрьмѣ, въ Сибирь... Перенесемъ и это несчастіе съ мужествомъ!.. (Грозитъ Крамолиной.) Но если есть Богъ на небѣ и правда на землѣ, вы не увидите отъ страшнаго возмездія.

Крамолина (въ сторону.) О, какъ она его любитъ!.. А я... я развѣ меньше его люблю?.. Нѣтъ, конечно... Силой милой не быть... (Бросается передъ Чагановымъ на колѣни.) О, прости меня за все зло, какое я сдѣлала... Я не виновата, сердце мое... моя любовь... (Рыдаетъ.) Я дамъ вамъ свободу, любовь... да! (Обнимаетъ колѣни.) Я скверная, гадкая, погибшая женщина. Но я тебя люблю. Простите и вы меня, Вѣра Дмитриевна. Я много виновата, я отравила самыя лучшія минуты вашей жизни, простите!

Вѣра (поднимая.) Что вы, что вы!.. Богъ съ вами.

Крамолина (бросаясь къ ней на грудь.) Любите, любите его.

Вѣра. Полноте, успокойтесь.

Крамолина (порывисто вырываясь изъ объятій.) Да, я успокоюсь... Безмятежное забвеніе, вѣчный покой... покой! Гдѣ они... векселя? (Беретъ лежащія на бюро векселя и бросаетъ въ каминь.)

Слуга (входя.) Полиція.

Крамолина. Зовите! (Слуга уходитъ.) Простите меня всѣ, всѣ. (Убѣгаетъ за портьеру алькова.)

Вѣра. Куда она?.. Что-такое съ ней?

Слетышевъ. Ничего!.. Вѣдь она всегда эксцентрична.

Чагановъ. Что это? (Смотритъ за портьеру.) Она пьетъ... неужели?..

Крамолина (выходя, блѣдная.) Готово!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Прежніе и околочный.

Околочный (входя.) Изволили требовать?

Крамолина. Я позвала васъ сюда, чтобъ заявить, что я отравилась. (Общій крикъ ужаса.) Въ моей смерти никого не винить. Вѣра. Коля, противоядіе скорѣе... Да что-же ты?

Чагановъ. Тутъ нѣтъ противоядія... Я знаю. Смерть, неизбѣжная смерть.

Слетышевъ. Несчастіе! Опять волчья жизнь... опять борьба за существованіе.

Крамолина (слабѣющимъ голосомъ.) Прощайте! Вамъ—свобода, любовь, мнѣ—могила, забвеніе... Простите меня... (Склоняется правой рукой и головой на косякъ алькова.) Помолитесь за грѣшницу... (Картина. Занавѣсъ падаетъ.)

Николай Потѣхинъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПРИВАЛЪ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Въ казармахъ у огня рассказы про тревоги,
Любовь и кабачки—все кончено. Долой
Сними съ гвоздя мѣшокъ да подтянись къ дорогѣ:
Полеъ тронулся въ походъ, рекрутикъ бѣдный мой.

Путь труденъ и далекъ: ты въ кровь изрѣзалъ ноги,—
Иди поляною, поросшею травой,
Да не гляди, что есть вблизи шинокъ убогій,—
Ты знаешь, на землѣ ночуетъ отсталой.

Я рекрутъ нищеты. Далекая могила—
Послѣдній мой привалъ. Тащусь я къ ней безъ силы,
А голодъ, зной и пылъ въ пути меня томятъ.
Иду я безъ надеждъ на отдыхъ вождедѣнный
И только скорбью скорбь смѣняю неизмѣнно,
Какъ на плечо съ плеча ружье кладеть солдатъ...

А. И.

РЕНЕГАТЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

ГЛАВА I.

— Мишель Бертье! Мишель Бертье! Мишель Бертье!

Это имя повторялось каждую секунду и со всѣхъ сторонъ, съ правильностью часового маятника.

Въ школьной залѣ одного изъ парижскихъ кварталовъ считали голоса, результатъ баллотировки въ члены законодательнаго корпуса. Никогда со времени возстановленія имперіи два кандидата не выражали такъ опредѣленно и совершенно одинъ — систему, другой — принципъ. Бро-Лешень, богатый торговецъ обувью, олицетворялъ слѣпую, беспредѣльную преданность власти. Мишель Бертье, краснорѣчивый ораторъ, извѣстный адвокатъ, сынъ декабрьскаго изгнанника, выражалъ энергичное, мужественное требованіе свободы. Политическія страсти пробуждались въ народныхъ собраніяхъ при пламенныхъ рѣчахъ этого человѣка, который клялся войти въ палату, какъ страшный призракъ прошедшаго. Въ Тюльери опасались его быстро возрастающей популярности.

Избирательная агитація была окончена, Парижъ высказался и теперь открывали четырехугольные ящики, запечатанные красными печатами, которые неправильно называются избирательными урнами. Записки, вынутыя изъ ящиковъ, раздавали добровольно вызвавшимся лицамъ для повѣрки голосовъ; одни отрывали записки и громко произносили имена, а другіе записывали счетъ голосовъ.

Быль лѣтній вечеръ послѣ знойнаго дня. Въ школьной залѣ было душно; толпа тѣснилась вокругъ повѣрщиковъ; любопытные засматривали чрезъ ихъ плечи, влѣзали, чтобъ лучше видѣть, на скамьи и столы. Полъ былъ усыянъ измятыми, изорванными записками.

Лихорадочное безпокойство, терзающее сердце людей передъ неизвѣстностью: дуэлью, азартной игрой, судебнымъ приговоромъ, виднѣлось во всѣхъ взглядахъ, выражалось нетерпѣливыми восклицаніями, полусдержанными вздохами и отрывочными словами.

Медленно, акуратно, торжественно импровизированные повѣрщики продолжали свою работу, и по мѣрѣ загроможденія столовъ гудами записокъ, становился яснымъ результатъ балотировки.

— Мишель Бертъе! Мишель Бертъе! Мишель Бертъе!

Это имя появлялось почти непрерываемыми серіями, какъ иногда цвѣта въ рулеткѣ, при радостныхъ крикахъ толпы, которые прерывались только изрѣдка смѣхомъ и шутками при произнесеніи имени Бро-Лешена.

— Бертъе избранъ, это не подлежитъ сомнѣнію, слышалось со всѣхъ сторонъ;—выбранъ громаднымъ большинствомъ.

— Какая побѣда!

— Какое поражение Бро-Лешену!

— Какой урокъ министерству!

— Подумайте только: Бертъе, сынъ Винцента Бертъе, личнаго врага императора Наполеона III! Никогда оппозиція не одерживала подобнаго успѣха!

Побѣда оцѣняла народную толпу. Выборъ Бертъе былъ торжественнымъ признаніемъ свободы, блестящимъ возстановленіемъ права. Какую роль могъ играть человекъ, выбранный столь блестящимъ образомъ! Съ какою властью, силой, ореоломъ долженъ былъ онъ войти въ законодательный корпусъ!

— По крайней мѣрѣ, у насъ будетъ тамъ одинъ *хорошій*, говорилъ старшій работникъ сосѣду, потирая руки; — нечего бояться, чтобъ онъ выказалъ слабость.

— Ты его знаешь?

— Нѣтъ, но я зналъ его отца; и потомъ, говорятъ...

— О, тогда...

Эти слова произносились, съ одной стороны, съ глубокой, дѣтской, безпредѣльной довѣрчивостью народа, а съ другой — съ народнымъ-же ироническимъ скептицизмомъ.

На улицѣ, передъ дверью школы, полицейскіе не старались даже разгонять толпы, которая безмолвно ожидала результата выборовъ. Безпокойныя лица, сторожившія извнѣ, встрѣчали появленіе въ дверяхъ важдаго торжествующаго лица вопросомъ:

— Ну?

— Бертье.

— Бертье! Bravo! наконецъ-то!

Толпа ликовала. Люди совершенно незнакомые передавали другъ другу эту радостную вѣсть.

— Сколько у него голосовъ?

— Не знаю, но большинство громадное.

— А въ другихъ отдѣленіяхъ?

— То-же самое.

— А что-бы намъ пойти къ Бертье?

— Подождемъ итога голосовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, идемъ сейчасъ.

— Къ Бертье! къ Бертье!

— Мы первые сообщимъ ему добрую вѣсть.

— Онъ намъ скажетъ рѣчь.

— Къ Бертье! Къ Бертье!

Быстро образовалась и двинулась въ путь группа пламенныхъ патріотовъ, увеличиваясь на каждомъ шагу зѣваками, вѣчными зрителями всѣхъ парижскихъ комедій и драмъ.

По дорогѣ одинъ изъ толпы встрѣтилъ своего товарища по мастерской, который пробирался вдоль стѣнъ, понуривъ голову и держа за руки двухъ дѣтей, изнуренныхъ, въ лохмотьяхъ.

— Ты не знаешь! воскликнулъ патріотъ, сверкая глазами. — Мишель Бертье...

— Что?

— Выбранъ.

— А мнѣ какое до этого дѣло? произнесъ работникъ мрачно, задумчиво. — Дастъ онъ мнѣ работы? Ну, ребята, не унывайте, впередъ!

И онъ удалился съ своими дѣтьми, пожимая плечами и произнося сквозь зубы:

— Бертъе! такъ что-же? А потомъ? Дайте хлѣба!

„Служите такому народу, подумалъ его товарищъ, догоняя толпу;—онъ, быть можетъ, завтра будетъ рисковать своею жизнью ради насъ, а неблагодарные этого не понимаютъ“.

Этотъ работникъ, вѣроятно, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые готовы сами жертвовать собою и наивно вѣрятъ, что такое-же пламенное сердце, какъ у нихъ, бьется въ груди каждаго.

ГЛАВА II.

Мишель Бертъе жилъ въ верхнемъ этажѣ одного изъ домовъ Трюденской улицы и съ его балкона открывался обширный видъ на весь Парижъ. Весною онъ видѣлъ передъ собою длинный рядъ зеленыхъ деревьевъ, окаймлявшихъ улицу, а зимою тѣ-же деревья, покрытыя инеемъ, представляли фантастическое зрѣлище. Съ этого балкона онъ часто смотрѣлъ на громадную массу домовъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались церковныя колокольни, разрѣзая туманную атмосферу, которая составляетъ какъ-бы дыханіе чудовищнаго города. Многочисленныя крыши распространялись безконечно одна за другой, а снизу долеталъ отдаленный гулъ человѣческихъ голосовъ.

Какая сладкая мечта—господствовать въ этомъ великомъ городѣ или наполнять его славой своего имени! Какое торжество—заставлять этотъ городъ слушать свою вдохновенную рѣчь, уважать ему на цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться, вести его къ болѣе прекрасному, къ болѣе свободному будущему! Сколько разъ Мишель Бертъе, сидя на своемъ балконѣ, ясно слышалъ шелестъ таинственныхъ крыльевъ честолюбивыхъ химеръ, витавшихъ вокругъ него.

— Смотри отсюда на Парижъ, невольно чувствуешь головокруженіе, говорилъ онъ иногда съ улыбкой, но все-же часто просиживалъ на балконѣ долгіе часы, погруженный въ глубокія думы.

И въ этотъ лѣтній вечеръ, когда его имя было у всѣхъ на устахъ, онъ стоялъ на балконѣ, стараясь казаться спокойнымъ, но его рука лихорадочно сжимала желѣзную балюстраду. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою въ сумерки, мало-по-малу охваты-

вашия весь городъ; онъ молчалъ, какъ-бы ожидая смертнаго приговора. Подлѣ него стоялъ человѣкъ значительно его старше и смотрѣлъ на него съ сочувственнымъ любопытствомъ.

— Быть или не быть? произнесъ онъ, наконецъ, смѣясь.

— Да, отвѣчалъ кандидатъ, — но, по правдѣ, я не думаю, чтобъ выборы могли напомнить Шекспира. Жажда узнать свою судьбу воскрешаетъ передо мною всѣ воспоминаія прошедшаго; и если-бы меня не выбрали, я былъ-бы очень огорченъ, но не за себя...

— А за того, чье имя вы носите?

Мишель Бертъе ничего не отвѣчалъ.

— Да, продолжалъ его собесѣдникъ:—сегодняшній день отстоитъ за него. Бѣдный человѣкъ, какъ-бы я желалъ теперь видѣть его между нами. Онъ былъ-бы такъ счастливъ.

— Такъ вы полагаете...

— Я увѣренъ, что вы будете выбраны. Что я говорю! вы уже выбраны, и первый, кто постучится въ вашу дверь, принесетъ радостную вѣсть. Ну, мой милый юноша, если вы позволите мнѣ васъ такъ называть по-прежнему, въ память моей дружбы съ Винцентомъ Бертъе...

— Вы мнѣ дѣлаете честь, г. Менаръ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Теперь, мой добрый и храбрый Мишель, наступила минута доказать, что вы достойны той обязанности, которую на васъ возлагаютъ ваши сограждане. Я знаю, что вы исполните свой долгъ. Имѣя такое имя, какъ ваше, столько таланта и такое сердце, человѣкъ стремится увеличить то наслѣдіе чести, которое онъ получилъ. Извините, что я беру на себя тонъ проповѣдника, вовсе ко мнѣ неидущій; но, какъ вы справедливо говорите, прошедшее возстаетъ теперь передъ нами. Я помню роковую декабрьскую ночь, когда мы съ вашимъ отцомъ и нѣсколькими другими мужественными честными людьми организовали на площади Сен-Мартена законную защиту права и справедливости. Винцентъ, твердо рѣшившись умереть, отвелъ меня въ сторону на барикадѣ и сказалъ: „ты холостой, Пьеръ, и изгнаніе, которое намъ грозитъ въ случаѣ пораженія, а это несомнѣнно, не располагаетъ къ женитьбѣ. По всей вѣроятности, ты никогда не женишься. Общай мнѣ, что если я паду мертвымъ сегодня или завтра, то ты будешь отцомъ

моему сыну, у котораго нѣтъ и матери. Ему четырнадцать лѣтъ и въ крайности онъ могъ-бы раздѣлять съ нами опасности. Вскорѣ наступитъ время жи и клеветы, а потому необходимо ежедневно учить истинѣ Мишеля и постоянно повторять ему о томъ, во что мы вѣрили, достичь чего пытались. Говоря это, бѣднякъ смотрѣлъ при мерцаніи костра на два миниатюрные портрета, вапъ и вашей матери, составлявшіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими мѣдными монетами, все его достояніе. Спусти часъ, когда мы хотѣли вступить въ бой, я видѣлъ, какъ онъ поцѣловалъ эти портреты. Последняя его мысль, идя на смерть, была о женщинѣ, составлявшей нѣкогда все его счастье, и о васъ, единственной его надеждѣ. Но мы не дрались; сопротивленіе было вездѣ задушено и народъ, надо сознаться, оставался равнодушнымъ. „Будемъ мучениками, сказалъ одинъ изъ насъ,—но не обманутыми дураками“. И мы отправились въ изгнаніе, которое такая-же смерть, какъ кровавый бой, но только смерть медленная, ежедневная, путемъ отчаянія, горечи, сомнѣнія и вѣчной тоски. Ну, Мишель, говоря съ вами и зная навѣрное, что вы одержали побѣду на выборахъ, я теперь, какъ-бы вижу передъ собою эту мрачную сцену декабрьской ночи. Я вижу вашего отца съ портретами въ рукѣ на безмолвной барикадѣ, ожидавшей натиска солдатъ, слышу, какъ онъ говоритъ мнѣ съ радостной улыбкой: „Ну, Пьеръ Менаръ, двадцать тысячъ голосовъ лучше нѣсколькихъ бесполезныхъ выстрѣловъ по бѣднымъ солдатамъ“.

— Двадцать тысячъ голосовъ! произнесъ Мишель съ притворнымъ смѣхомъ;—двадцать тысячъ!

— Да, около того, отвѣчалъ Менаръ, удивляясь, что изъ всѣхъ его словъ молодой человекъ обратилъ вниманіе только на эту цифру.

Воспоминаніе объ отцѣ не произвело такого впечатлѣнія на Бертье, какъ намекъ на его выборы. Сынъ ступевывался передъ кандидатомъ. Впрочемъ, Пьеру Менару, бывшему представителю народа, было знакомо лихорадочное волненіе передъ неизвѣстностью въ ту минуту, когда рѣшалась судьба, а потому онъ недолго удивлялся исключительному направленію мыслей Мишеля. Онъ самъ ощущалъ нѣкогда тѣ-же чувства, хотя и былъ спокойнѣе, хладнокровнѣе, ожидая, что на него возложатъ исполненіе долга, котораго онъ добивался. Когда ему объявили, что его вы-

брали представителемъ родины, департамента Дубса, ему казалось, что онъ какъ-бы воспріялъ новое крещеніе; сознание принимаемой на себя отвѣтственности было такъ сильно, что онъ забывалъ свою собственную личность, а видѣлъ въ себѣ только глашатая тѣхъ, которые сказали ему: иди и говори.

Мишель Бертъе чувствовалъ въ эту минуту нѣчто иное. Мысль о довѣрїи, которое выражали ему избиратели, ступшевыалась передъ радостнымъ сознаниемъ, что весь міръ широко открывался передъ нимъ, что будущее могло теперь осуществить его великія надежды. Конечно, онъ мечталъ только о добрѣ, о свободѣ и счастья народа, но всѣ эти блага были, такъ-сказать, замаскированы его именемъ. Онъ, а никто иной вырветъ эти блага изъ рукъ произвола и даруетъ ихъ народу. Онъ вносилъ въ эту великую борьбу всю свою энергію, весь свой юношескій пылъ, потому что чело-вѣкъ, нравственную мощь котораго противопоставили комерческому вліянію Бро-Лешена, былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

ГЛАВА III.

Мишелю Бертъе было уже около тридцати лѣтъ, но жизнь, полная труда и лихорадочнаго волненія, не оставила на его лицѣ глубокихъ морщинъ. Онъ походилъ-бы еще на совершеннаго юношу, если-бъ задумчивый и часто строгій взглядъ не придавалъ его лицу серьезнаго, вполне зрѣлаго выраженія.

Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ; всѣ его движенія были мягки, но мужественны. Длинные свѣтло-русые волосы, откинутые назадъ, какъ львиная грива; густые бакенбарды, доходившіе до нижней челюстной кости, иронически сжатые губы, свѣтло-голубые глаза, не блѣдные и мутные, какъ у Наполеона III но блестящіе, подвижные, пламенные, дальнозоркіе, взглядъ въ одно и то-же время безпокойный и рѣшительный, полный сомнѣнія и твердости,—все придавало его блѣдному лицу съ чисто выбритымъ подбородкомъ выраженіе нервной смѣлости и странной подвижности.

Съ перваго взгляда всякій признавалъ въ немъ натуру возвышенную, энергичную, развитую. Мишель Бертъе интересовался всѣмъ: политикой, литературой, искусствомъ, театромъ. Онъ жаждалъ все разомъ обнять, пойти по всѣмъ жизненнымъ путямъ, смѣло бро-

ситься на всё подвиги. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ недовольныхъ сыновъ нашего вѣка, быть можетъ менѣе уравновѣшеннаго, чѣмъ всё вѣка, которые вперяютъ жадные взоры вдаль и мучатся мыслию, что могутъ стремиться только къ одному горизонту.

Трудолюбивый литераторъ, хотя и не очень глубокой, а довольствовавшійся верхушками каждаго предмета, онъ напечаталъ подъ своимъ именемъ и подъ псевдонимами много статей по политикѣ и художественной критикѣ, а также стихотворные опыты юности, которые впослѣдствіи, достигнувъ извѣстности, онъ всё скупилъ и сжегъ. Однимъ словомъ, въ этомъ краснорѣчивомъ трибунѣ скрывался писатель, и при зоркомъ наблюденіи можно было легко убѣдиться, что онъ былъ созданъ, по выраженію Бэкона, не изъ твердаго дерева, идущаго на постройку кораблей, выдерживающихъ борьбу съ бурей, но изъ того мягкаго, эластичнаго дерева, изъ котораго искусныя руки производятъ художественныя произведенія.

Правда, Мишель Бертъ умѣлъ скрывать эти качества или слабости подъ видомъ непреодолимаго мужества. Онъ былъ слишкомъ дальнозорокъ, чтобъ не понять съ юности, что легкомысленный, легкоподвижный французскій народъ всего болѣе преклоняется передъ той добродѣтелью, которая всего рѣже встрѣчается въ массѣ, — серьезностью. Поэтому, частью по расчету, частью по преждевременному отвращенію къ бессмысленнымъ нелѣпостямъ веселой жизни, онъ принялъ на себя тонъ гордой пуританской строгости, хотя часто его нервная природа возставала противъ этой рѣшимости, разливая огонь по его жиламъ.

Оставшись одинъ въ Парижѣ, безъ всякаго состоянія въ послѣдніе годы университетской жизни (отецъ его жилъ въ изгнаніи), онъ въ восемнадцать лѣтъ не зналъ, что такое счастье, и, окончивъ курсъ, собирался ѣхать къ отцу, когда получилъ извѣстіе объ его смерти. Онъ одинъ продолжалъ свое образованіе, выдержалъ всё экзамены, защитилъ диссертацию и поступилъ въ адвокаты. Потомъ, отложивъ большую часть полученныхъ имъ денегъ за первыя дѣла въ судѣ, онъ путешествовалъ по Европѣ, изучая современную жизнь народовъ и наслѣдіе прошлаго, искусство, осѣняющее безсмертіемъ *вчера*, и политику, подготовляющую *завтра*.

Наконецъ, возвратясь въ Парижъ, онъ смѣло принялъ участіе во всѣхъ движеніяхъ, доказывавшихъ, что молодежь, угнетаемая второю

имперіей, жаждала пробужденія свободы; онъ готовился къ политической жизни на адвокатскихъ конференціяхъ и въ избирательныхъ собраніяхъ, до той минуты, какъ блестящая защита писателя, преслѣдуемаго за смѣлое разрѣшеніе великой задачи справедливости въ религіи и политикѣ, обратила на него всеобщее вниманіе. Впрочемъ, Бертъ и безъ этого случайнаго успѣха не долго бы дожидался популярности. Его дѣятельность уже давно привлекла на него вниманіе толпы. Демократія имѣетъ также своихъ аристократовъ, но ихъ основа — самопожертвованіе, а не привилегія. Публичныя чтенія, сначала чисто-литературныя, такъ-какъ въ то время не дозволялось касаться политики и общественной экономіи, дали Бертъ возможность овладѣть расположеніемъ массы. Онъ говорилъ о самопожертвованіи по поводу Корнеля и пробуждалъ всѣ лучшіе инстинкты народа, выставляя въ блестящемъ ореолѣ героевъ старинныхъ трагедій; своды залы Бартелеми часто дрожали отъ пламенныхъ восклицаній, которыми тысячная толпа мужчинъ и женщинъ привѣтствовала юнаго трибуна.

Такимъ образомъ, Мишель Бертъ былъ естественнымъ кандидатомъ парижскаго населенія на первую открывшуюся вакансію депутата, и Пьеръ Менаръ, старый другъ его отца, открыто принялъ подъ свое покровительство кандидатуру, значеніе которой ясно и опредѣленно выразилось въ словесномъ *profession de foi* юнаго трибуна.

— Я никогда не буду смотрѣть на законодательный корпусъ, сказалъ онъ, — иначе, какъ на арену поединка подготовительнаго къ открытому бою или, если угодно судьбѣ, какъ на первую ступень изгнанія.

Избиратели, въ одно и то-же время легко увлекающіеся и недовѣрчивые, всегда любятъ опредѣленныя, ясныя программы; они прямо поняли истинный смыслъ кандидатуры Мишеля Бертъ. Это было орудіе борьбы. Они съ пламенной радостью схватились за это орудіе, и результатъ выборовъ торжественно оправдалъ надежды Пьера Менара, который придумалъ эту кандидатуру и провелъ ее перомъ и словомъ.

ГЛАВА IV.

Мишель Бертъе, слушая Менара, продолжалъ смотрѣть на Парижъ и отъ времени до времени судорожно проводилъ по волосамъ своими длинными, узловатыми пальцами.

— Я только-что напомнилъ вамъ о прошедшемъ, продолжалъ Менаръ, — а теперь позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ насчетъ будущаго.

— Какой? спросилъ Бертъе, вздрогнувъ и бросивъ быстрый взглядъ на стараго друга своего отца.

— Жизнь людей, которые, подобно намъ, принадлежать обществу и какъ-бы обитаютъ въ стеклянныхъ домахъ, должна быть чиста, невозмутима, какъ поверхность озера подъ полуденными лучами солнца. Если мы желаемъ, чтобы наша партія была самой уважаемой, какъ ей и слѣдуетъ быть, потому что она живѣе и энергичнѣе всѣхъ партій, необходимо, чтобы люди, руководящіе ею, могли открыто исповѣдываться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, безъ малѣйшей боязни обнаружить что-нибудь сомнительное или недостойное.

— Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Мишель Бертъе, стараясь привѣтствовать улыбкой слова Менара, которыя вполне соответствовали проповѣдываемой имъ строгости нравовъ, — но вы какъ-бы намекаете, что я могу чѣмъ-то компрометировать нашу партію.

— Нѣтъ, дитя мое, я никогда не имѣлъ подобной мысли. Но позвольте мнѣ говорить съ вами совершенно откровенно.

— Конечно, прошу васъ.

— Вотъ видите...

Пьеръ Менаръ остановился. Это былъ человѣкъ широкоплечій, съ мощной шеей, сѣдой бородой, большимъ лбомъ, головой, обнаженной временемъ, и глазами утомленными, но улыбающимися, добрыми. Въ немъ не было никакого напускного пуританства, никакой ложной суровости, скрывающей искусственно заглушаемую чувственность; честное, доброе выраженіе его лица и прямая рѣчь, нѣсколько грубая, но безъ всякихъ ложныхъ прикрасъ, дышали энергичной силой, также какъ его большая, твердая рука. И, однако, Менаръ колебался высказать то, что хотѣлъ. Но Мишель заставилъ его продолжать.

— Ну, что-жь?

— У васъ есть любовница, сказалъ Монаръ рѣзкимъ, но сочувственнымъ тономъ.

Мишель, обыкновенно блѣдный, еще болѣе поблѣднѣлъ; онъ закурилъ губу и съ минуту молчалъ. Потомъ онъ сказалъ тономъ удивленія и негодованія:

— Я думалъ, что имѣю право жить, какъ хочу, и принялъ достаточныя мѣры, чтобы никто не догадался, кого я люблю и люблю-ли я кого-нибудь.

— Да, по словамъ мудреца, „скрывавай твою жизнь“, но въ Парижѣ, какъ вы видите, ничего нельзя скрыть.

— Такъ что-жь?

— Ничего, только слѣдуетъ, по грубому народному выраженію, войти въ законныя рамки.

— Неужели? Вы полагаете?

— Я ждалъ вашего избранія, чтобы дать вамъ этотъ совѣтъ; и вѣрьте, Мишель, что отецъ вашъ приказалъ-бы вамъ такъ поступить.

— А кто вамъ сказалъ, что я избранъ? произнесъ Бертъ съ сердцемъ, смотря на улицу, гдѣ никто не торопился къ его дому съ желанной вѣстью, а только видѣлись обыкновенные прохожіе.

— Черезъ нѣсколько минутъ вы узнаете результатъ выборовъ. Или я ничего не смыслю въ политикѣ, или Бро-Лешенъ потерпѣлъ пораженіе. Подумайте серьезно: вчера вы были свободны, но сегодня вы принадлежите тѣмъ, которые васъ избрали. Они передали вамъ свое самое священное право—право думать и говорить. Но взаменъ этого они требуютъ отъ васъ, чтобы вы были достойны этого дара, и вѣрьте мнѣ, дитя мое, что народъ, несмотря на все свое невѣжество, въ которомъ онъ не виноватъ, цѣнитъ болѣе всего добродѣтель, этотъ идеалъ, столь легко достижимый для богатыхъ и столь трудно осуществимый для бѣдныхъ. Онъ идетъ за нами потому, что мы говоримъ: свобода, значитъ честная жизнь семейная, общественная и государственная. Не дадимъ ему права сказать, что мы походимъ на того проповѣдника въ комедіи, который говорилъ: „дѣлайте то, что я говорю, а не то, что я дѣлаю“.

Во всякое другое время Мишель разсердился-бы, узнавъ, что, несмотря на всѣ его предосторожности, его романъ былъ такъ-же извѣстенъ, какъ его исторія.

— Я впервые слышу отъ кого-нибудь намевъ на женщину, о которой вы говорите, сказалъ онъ;—откуда вы узнали...

— Откуда узнается все, что дѣлають люди, обращающіе на себя общественное вниманіе? Толпа неумолнима въ своемъ любопытствѣ. Она обращается съ своими любимцами, какъ дѣти съ игрушками; ребенокъ никогда не успокоится прежде, чѣмъ не узнаеть, что внутри игрушки.

— Итакъ, по вашему мнѣнію...

— Вчера Мишель Бертъе, частный человекъ, могъ имѣть любовницу, но сегодня Мишель Бертъе, представитель народа, долженъ быть такъ-же неуязвимъ въ частной жизни, какъ и въ общественной. Вотъ мое мнѣніе.

— Вы знаете женщину, которую я избралъ подругой жизни?

— Нѣтъ.

— Она олицетвореніе чести и прямоты.

— Неужели?

— Бѣдная дѣвушка! Я былъ-бы счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ, если-бы никогда въ жизни не разочаровался болѣе, чѣмъ въ ея любви.

— Если такъ, то очень легко все примирить.

— Что вы хотите сказать?

— Женитесь.

Мишель Бертъе взглянулъ снова на Менара съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, искажившимъ его лицо.

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. Развѣ вы никогда не думали о подобномъ исходѣ?

— Никогда.

— Такъ вы ее не любите?

— Я ее люблю.

— Искренно?

— Искренно.

— Я васъ не понимаю, продолжалъ Менаръ:—любить можно только уважая ту, которую любишь, и заставляя весь свѣтъ ее уважать. Вы, повидимому, любите не такъ, потому что вы согласны держать эту женщину любовницей, но не хотите на ней жениться.

— Но вѣдь бываютъ различія въ воспитаніи, которыя дѣлають бракъ между лицами, пламенно любящими другъ друга...

— А, вы хотите сказать, что это былъ-бы неравный бракъ съ вашей стороны? Но, дитя мое, неравенство существовало-бы только, если-бы эта женщина была нравственно недостойна васъ. Что значитъ различіе, о которомъ вы говорите? Если эта дѣвушка никогда никого не любила кромѣ васъ, то вы хотите сдѣлать ее публичной, падшей женщиной только потому, что не можете снизойти до нея?

Мишель ничего не отвѣчалъ; онъ ушелъ съ балкона и ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, уставленному книжными шкафами. Онъ почти не слушалъ Менара и думалъ только о выборахъ, результатъ которыхъ былъ еще неизвѣстенъ. Мысленно онъ видѣлъ передъ собою шумныя, многолюдныя залы, гдѣ считали голоса, разсыльныхъ, бѣжавшихъ по улицамъ къ мрамъ съ отчетами о балотировкѣ, газетныя конторы, осаждаемыя публикой, жаждущей узнать, кто избранъ. Онъ ясно читалъ на сырыхъ листахъ, только-что вышедшихъ изъ типографіи, страшныя слова: *Бро-Лешенъ избранъ.*

— Но, я вижу, вы меня не слушаете, сказалъ, наконецъ, Менаръ;—хорошо, отложимъ этотъ разговоръ до другого раза. Во всякомъ случаѣ, онъ помогъ намъ убить послѣднія, самыя тяжелыя минуты ожиданія. Но все-же я считаю своимъ долгомъ вамъ прямо сказать, что если эта бѣдная дѣвушка достойна васъ, то вы обязаны дать ей свое имя; если-же она недостойна, то вы обязаны ее бросить.

— Послушайте, что это? воскликнулъ Мишель, указывая на улицу, откуда доносился глухой, быстро усиливавшійся шумъ.

Въ одно мгновеніе они очутились на балконѣ. Внизу у дома, въ которомъ жилъ Мишель, двигалась громадная толпа, покрывавшая тротуаръ и мостовую; громкіе крики оглашали воздухъ; но Менаръ и Бертъе не могли ничего разобрать.

Мишель быстро провелъ рукою по лбу, на которомъ выступили капли холоднаго пота.

— Вотъ и ласточки побѣды! воскликнулъ Пьеръ Менаръ, узывая на массу народа.

Мишель Бертъе ничего не отвѣчалъ. Онъ, конечно, надѣялся на успѣхъ, но если Менаръ ошибался? Если эта толпа явилась утѣшать его въ пораженіи? При одной этой мысли онъ чувствовалъ приливъ неудержимой злобы. И какъ тихо шли по лѣстницѣ!

Конечно, онъ жилъ очень высоко и въ случаѣ избранія долженъ перемѣнить квартиру. Не пойти-ли ему на-встрѣчу къ этимъ людямъ? Нѣтъ, это былъ-бы признакъ слабости. Къ тому-же онъ не хотѣлъ услышать, быть можетъ, роковую вѣсть на лѣстницѣ, передъ всѣми сосѣдями! Поэтому онъ стоялъ неподвижно, безмолвно, придерживая правой рукой сердце, готовое выскочить.

Вдругъ раздался звонокъ, громкій, смѣлый, поспѣшный, радостный.

— Пойдите! воскликнулъ Менаръ, бросаясь къ дверямъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бертъе;— Жюстенъ отворить, подождемъ.

Онъ желалъ-бы летѣть на-встрѣчу вѣстнику, но сдержалъ себя и не сдѣлалъ ни шагу, чтобы, въ случаѣ пораженія, сохранить надежду еще хотя-бы на одну минуту.

Наконецъ, дверь отворилась и толпа народа запрудила его кабинетъ, оглашая воздухъ отрывочными восклицаніями:

— Двадцать тысячъ голосовъ! Выбранъ! Побѣда! Бро-Лешень побить! Да здравствуетъ нашъ депутатъ! Двадцать одна тысяча семьсотъ голосовъ! Какой день! Какое торжество!

Мишелю Бертъе хотѣлось броситься на шею всѣмъ этимъ людямъ; онъ чувствовалъ, что глаза его наполняются слезами, кровь приливаетъ къ головѣ и онъ сейчасъ упадетъ въ обморокъ, но у него хватило силъ устоять на ногахъ и, опираясь лѣвой рукою на письменный столъ чернаго дерева, обитый краснымъ сукномъ и заваленный бумагами, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Граждане! благодарю васъ, но меня нечего поздравлять. Не я заслуживаю поздравленій, а вы.

ГЛАВА V.

Слова Бертъе составляли одну изъ тѣхъ готовыхъ фразъ, которыми любятъ начинать или оканчивать рѣчь записные ораторы. Но, быть можетъ, онъ говорилъ искренно. Быть можетъ, онъ полагалъ, что избиратели исполнили свой долгъ и совершили смѣлый подвигъ, избравъ въ юномъ поколѣніи человѣка, который могъ лучше всѣхъ защитить дѣло народа и свободы. Неожиданное чувство гордости овладѣло имъ. Онъ до того радовался своему первому торжеству, что желалъ одинъ предаться на свободѣ

этой радости, какъ ребенокъ. А передъ толпою онъ заставлялъ себя казаться хладнокровнымъ, невозмутимымъ. Онъ принялъ позу, похожую на позу Гизо въ портретѣ Делароша, и смотрѣлъ на толпу спокойно, даже не улыбаясь.

Въ этой толпѣ были буржуа, студенты, работники, радовавшіеся побѣдѣ своего кандидата; но были тутъ и простые зѣваки, послѣдовавшіе за другими изъ любопытства; всѣ они, съ обнаженными головами, стояли передъ Мишелемъ Бертье и смотрѣли на него съ уваженіемъ. Избиратели преклонялись передъ человекомъ, котораго они сами только-что возвысили своимъ выборомъ. Бертье казался уже имъ существомъ высшимъ. Они ощущали чувство Пигмалиона, дрожавшаго отъ волненія передъ своимъ произведеніемъ.

Однако, изъ толпы выдвинулся старый работникъ въ блузѣ; руки и фуражка его были забрызганы известкой, что показывало въ немъ каменьщика. Немного сторбленный, съ круглой посѣдѣвшей бородою, онъ, несмотря на свою одежду, принадлежалъ, очевидно, къ тѣмъ развитымъ рабочимъ, которые любятъ видѣть въ своемъ домѣ примѣрную чистоту, старательную хозяйку и хорошо учащихся дѣтей.

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ безъ малѣйшей застѣнчивости, но и безъ самоувѣренности присяжныхъ ораторовъ, — согласиться съ вами, что дѣйствительно мы сегодня заслуживаемъ похвалы. Мы увѣрены, что нашли въ васъ человека, что-называется настоящего человека, который будетъ защищать наши интересы твердо, мужественно. Вотъ видите, намъ ужъ надоѣли революціи, потому что мы всегда за все платимъ. Мой отецъ былъ убитъ въ 1830 году, а мнѣ едва не снесли головы въ 1848 г. Всего-бы этого не было, если-бы наши депутаты имѣли достаточно смѣлости, чтобы убѣдить нашихъ правителей, что дурное управленіе значить самоубійство. Скажите имъ это, Мишель Бертье, смѣло говорите и смѣло подавайте голосъ, и помните, что за вами стоятъ не только тысячи избирателей, выбравшихъ васъ сегодня, но миллионы честныхъ людей, столь часто обманываемыхъ и искавшихъ такъ давно достойнаго защитника.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Бертье съ искреннимъ чувствомъ, которое онъ не могъ вполнѣ заглушить, — такъ ясно грубая, но сочувственная прямота каменьщика открывала передъ нимъ

все величіе той обязанности, которую онъ принялъ на себя;—не бойтесь, я оправдаю ваше довѣріе, я буду достоинъ великой цѣли, я пойду прямо въ бой, не спрашивая, кто слѣдуетъ за мной, и въ минуту опасности, какъ говоритъ поэтъ...

Онъ устремилъ на безмолвную толпу свои голубые, теперь истинно вдохновенные глаза, и съ прекраснымъ ораторскимъ жестомъ прибавилъ звонкимъ, мужественнымъ голосомъ среди грома рукоплесканій:

Если останусь одинъ, то и умру одинъ.

Послѣ этого блестящаго эффекта оставалось только проститься съ избирателями, которые, дѣйствительно, находились подъ впечатлѣніемъ его пламеннаго краснорѣчія. Онъ сослался на сильную головную боль или, скорѣе, на спѣшную работу, на приготовленіе большой рѣчи для защиты провинціальной демократической газеты и просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

— Да, да, это требованіе вполне справедливо, сказалъ кто-то въ толпѣ.

Мишель пожималъ протянутыя руки, кланялся, бросалъ по временамъ краснорѣчивыя фразы и, наконецъ, проводилъ своихъ посѣтителей на лѣстницу, гдѣ, стоя на площадкѣ, долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, махая рукой; а они съ наивной гордостью все обращивались, чтобы еще разъ взглянуть на своего депутата.

— Уфъ! Наконецъ-то ушли, произнесъ Мишель, возвращаясь съ удовольствіемъ въ свой кабинетъ, гдѣ его ожидалъ Пьеръ Менаръ, облокотясь на каминъ и освѣщенный лампами, которыя зажегъ Жюстенъ еще при входѣ избирателей.

Воскличаніе Бертье показалось Менару страннымъ. Неужели этотъ молодой человѣкъ чувствовалъ только утомленіе въ ту минуту, когда онъ становился могучей силой въ государствѣ!

Между тѣмъ толпа стояла на улицѣ и ея отдаленный гулъ долеталъ до ушей Бертье.

— Не хотять-ли они, чтобы я вышелъ на балконъ! произнесъ онъ съ улыбкой и поспѣшно затворилъ дверь балкона.

Потомъ онъ возвратился къ Менару и, взявъ его за обѣ руки, произнесъ съ неожиданнымъ одушевленіемъ:

— О! другъ мой, какъ я счастливъ!

На этотъ разъ во всей его фигурѣ проглядывала искренняя радость. Его юное лицо сіяло; въ его глазахъ свѣтилась удив-

ленная, наивная радость ребенка, которому приносят давно желанную игрушку; артиста, осуществляющего свою мечту; влюбленного при первой улыбкѣ любимой женщины; ученаго, предвидящаго разрѣшеніе великой задачи. Передъ нимъ широко отърывается блестящая жизнь.

— Ну, сказалъ Пьеръ Менаръ, — что я вамъ говорилъ? Вы видите, я пророкъ.

— Да, вы были правы, Менаръ. Теперь у меня въ рукахъ рычагъ, которымъ можно поднять весь міръ. Когда только подумаешь, сколько каждый день говорится и пишется фразъ, которыя, сказанныя съ трибуны, стали-бы общественнымъ событіемъ! Трибуна — какой пьедесталь, какой транспиди! Дуракъ, съумѣющій простоять на ней десять минутъ, кажется великимъ человѣкомъ, потому что она ужь очень высока. Наконецъ-то я взойду на трибуну! Но право, Менаръ, пора была кончиться этой избирательной лихорадкѣ. Я усталъ показываться и говорить рѣчи на народныхъ собраніяхъ, писать письма, давать объясненія, принимать избирателей, вообще вести жизнь кандидата, самую утомительную на свѣтѣ, и благодаря которой я въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль походилъ на каторжника, который влечить повсюду вмѣсто оковъ избирательную урну.

Съ этими словами Мишель опустился въ кресло и вытянулся во всю длину съ глубокимъ чувствомъ удовольствия.

Менаръ всталъ и, отыскивая шляпу, не спускалъ глазъ съ Бертье. Ему снова казалось страннымъ поведеніе молодого человѣка. Не этого онъ ожидалъ отъ него въ минуту торжества. Но онъ не сказалъ ни слова.

— Вы чего-то ищете? спросилъ Бертье.

— Да, шляпу.

— Вы уходите?

— Да, вамъ надо отдохнуть.

— Это правда. Я только-что говорилъ, что у меня болитъ голова, но въ сущности она не болитъ, а трещитъ отъ водоворота мыслей. Я пойду подышать чистымъ воздухомъ.

— До завтра.

— До завтра.

— Любезный Бертье, сказалъ Менаръ, отыскавъ свою высокую поярковую шляпу и машинально обтирая ее рукавомъ, — вамъ

надо подышать чистымъ воздухомъ, но помните, что съ этой минуты вы не имѣете права утомляться, сколько-бы ни пришлось вамъ работать. Вы смѣетесь, но я нисколько не шучу. Ну, прощайте. Пожалуйста не забудьте нашего разговора, хотя я не хочу вамъ надоѣдать и настаивать на своемъ. Еще разъ — до завтра.

Онъ протянулъ руку и Мишель крѣпко пожалъ ее.

Сходя съ лѣстницы, Менаръ думалъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, что Мишель въ минуту радости не вспомнилъ объ отцѣ. Конечно, онъ былъ въ лихорадкѣ, руки его горѣли, и человекъ въ его положеніи имѣлъ право быть утомленнымъ, нервнымъ.

— Все-же, говорилъ въ глубинѣ своей души бывшій изгнанникъ, — выборъ прекрасный. Славный день! Все имѣетъ свой чередъ, даже справедливость, и свой конецъ, даже сила. Парижъ хорошо поступилъ сегодня. Да здравствуетъ народъ!

Мишель, дѣйствительно, желалъ остаться наединѣ съ своими мыслями, надеждами, стремленіями и воспоминаніями. Даже въ отношеніи Менара онъ считалъ необходимымъ играть комедію, принимать на себя роль человека несамолюбиваго. Но, опасаясь, чтобъ друзья не пришли его поздравить, онъ тотчасъ послѣ Менара вышелъ изъ дома; а на вопросъ Жюстена, будетъ-ли онъ обѣдать, хотя часъ давно прошелъ, отвѣчалъ поспѣшно:

— Нѣтъ, не ждите меня, я буду ужинать въ клубѣ.

На улицѣ Мишель почувствовалъ непреодолимое желаніе пройти по бульварамъ среди толпы, въ которой гремѣло его имя, и насладиться отголоскомъ своей побѣды, тогда-какъ никто не подозревалъ-бы, что этотъ неизвѣстный прохожій былъ онъ, Мишель Бертъе. Онъ желалъ видѣть Парижъ со всѣмъ его блескомъ, кофейными, магазинами. Все это теперь принадлежало ему. Но какъ было сохранить инкогнито? его, конечно, узнали-бы. Фотографическіе портреты уже давно познакомили всѣхъ съ его чертами, а въ одной барикатурной газетѣ, выходящей въ 100,000 экземпляровъ, онъ былъ представленъ на велосипедѣ перегоняющимъ фабриканта Бро-Лешена, который растерялъ по дорогѣ свои сапоги. Мишель Бертъе уже чувствовалъ не безъ пріятнаго самодовольствія невыгоды славы.

Поэтому, съ улыбкой счастья, онъ пошелъ по пустыннымъ ули-

памъ, безотчетно говоря вслухъ, угрожая правительству, объявляя войну на смерть всѣмъ злоупотребленіямъ, взбираясь мысленно на всѣ вершины при восторженныхъ рукоплесканіяхъ и трубномъ гласѣ. Когда-же онъ встрѣчалъ прохожаго съ газетой въ рукѣ или видѣлъ въ окнахъ людей, разговаривавшихъ между собою, онъ говорилъ себѣ съ гордой улыбкой:

— Всѣ эти люди тебя знаютъ, говорятъ о тебѣ, произносятъ твое имя, быть можетъ, рукоплещутъ твоему избранію и ждутъ отъ тебя великихъ подвиговъ!

Онъ думалъ, что можно охотно отдать десять лѣтъ жизни, рисковать изгнаніемъ, какъ его отецъ, и отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій для пламеннаго, сладострастнаго сознанія, что составляешь могучую силу, что твой голосъ можетъ господствовать надъ величественнымъ гуломъ такого города, какъ Парижъ.

Онъ шелъ прямо передъ собою, но инстинктивно направилъ шаги къ бульвару Клиши и остановился передъ большимъ домомъ, за которымъ видѣлся тѣнистый садъ. Въ концѣ его находился маленькій одноэтажный домикъ, полускрытый деревьями. Въ одномъ изъ оконъ этого домика блестѣлъ свѣтъ, точно звѣзда среди окружающаго мрака.

„Бѣдная дѣвушка, подумалъ Мишель, — она меня ждетъ и у нея, должно быть, сердце тревожно бьется“.

Но онъ не пошелъ по алеѣ, которая вела къ домику, а съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ по сторонамъ на свѣжую листву и съ жадностью вдыхалъ въ себя здоровый, чистый воздухъ, изгонявшій изъ его груди міазмы удушливой атмосферы народныхъ собраній въ небольшихъ публичныхъ танцевальныхъ залахъ, гдѣ среди чада лампъ и духоты онъ въ послѣднія двѣ недѣли проводилъ большую часть своего времени.

— Но довольно, сказалъ себѣ, наконецъ, Мишель;—видъ этого сада меня воскрешаетъ. Я никогда не думалъ, чтобъ у меня были такіе буколическіе вкусы.

ГЛАВА VI.

Въ этомъ саду обитала та, о которой Пьеръ Менаръ говорилъ Мишелю Бертю. Молодой человѣкъ обратилъ этотъ уединенный уголокъ въ свой оазисъ и убѣжище.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поспѣшно направился по алѣѣ къ маленькому домику, открылъ калитку въ деревянномъ, выкрашенномъ зеленой краской заборѣ и поднялся по каменной лѣстницѣ. Не успѣлъ онъ достигнуть верхней площадки, какъ дверь отворилась и послышался женскій голосъ:

— Ну, что?

— Выбранъ, отвѣчалъ Бертье.

— Выбранъ!

Двѣ маленькія ручки нѣжно обвилися вокругъ шеи Мишеля и среди пламенныхъ ласкъ почти дѣтскій голосъ лепеталъ:

— Я такъ молилась за тебя, что ты долженъ былъ одержать побѣду. Какъ я счастлива! Какъ я горжусь тобой!

Мишель вошелъ въ домъ. Въ гостиной на столѣ подъ большой лампой съ абажуромъ лежала только-что оставленная кружевная работа.

— Ты работала? спросилъ Мишель.

— Да, это лучшее средство убить время. Я такъ беспокоилась. Я дѣлаю кружевные оборки къ занавѣскамъ въ твой кабинетъ.

— Милая Лія...

Онъ, однако, не сѣлъ, а поспѣшно прибавилъ:

— Знаешь, что? Я умираю съ голода. Вѣроятно, побѣда даетъ аппетитъ.

Лія улыбнулась и, отворивъ дверь, кокетливо указала на круглый столъ съ двумя приборами, графиномъ краснаго вина и корзинкой спѣлыхъ вишенъ.

— Ты меня ждала?

— Развѣ я не знаю, что какъ только ты кончишь свои серьезныя дѣла, разлучающія насъ, то немедленно придеши ко мнѣ? Ты все еще любишь меня, да, любишь?

— Да, люблю.

— Очень?

— Всѣмъ сердцемъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, обнявъ, пошелъ съ нею въ столовую. Тамъ онъ сѣлъ противъ нея, совершенно счастливый, что тутъ его никто не найдетъ, что тутъ онъ принадлежитъ самъ себѣ и можетъ на свободѣ быть веселымъ или грустнымъ, задумчивымъ или вспыльчивымъ, и что-бы онъ ни говорилъ, что-бы онъ

ни думалъ, это юное существо, почти ребенокъ, всегда его ободряло, всегда находило добрымъ, прекраснымъ, совершеннымъ.

Мишель пристально смотрѣлъ на молодую дѣвушку, освѣщенную матовымъ свѣтомъ лампы.

Цвѣтъ ея лица былъ загорѣлый, золотистый, какъ у всѣхъ восточныхъ расъ; носъ длинный, съ горбинкой, губы алыя, честныя; очертаніе рта подвижное, иногда серьезное, но чаще дѣтски-улыбающееся; зубы бѣлыя, блестящія, въ розовыхъ деснахъ. На подбородкѣ была маленькая ямочка, лобъ былъ гладкій, безъ малѣйшей морщинки; мягкіе, черные глаза окаймлялись длинными рѣсницами, какъ-бы умѣрившими ихъ блескъ. Черные волосы были просто зачесаны въ двѣ пряди назадъ и на затылкѣ свертывались въ роскошную косу, что придавало ея дѣтскому лицу гордый оттѣнокъ древней медали. Это былъ типъ еврейскій, но смягченный: строгая красота превратилась въ очаровательную прелесть, суровость — въ грацію; но главное обаяніе этого нѣжнаго существа заключалось въ невинной нѣгѣ, въ дѣтской цѣломудренности взгляда и ласки, въ какой-то чудной гармоніи, привлекавшей блескомъ юности и удерживавшей нѣжной граціей, преданной улыбкой и соблазнительнымъ благоуханіемъ только-что созрѣвшаго, роскошнаго, пушистаго плода.

— Зачѣмъ ты на меня такъ смотришь? спросила Лія, удивленная его пристальнымъ взглядомъ. — Что съ тобою?

— Ничего, я люблюсь твоей красотой.

Онъ вспоминалъ слова Менара и думалъ, что старый другъ его отца, несмотря на всю его любовь и честность, не имѣлъ права вмѣшиваться въ его жизнь. Съ какой радостью онъ чувствовалъ, что здѣсь, въ этомъ счастливомъ убѣжищѣ, онъ былъ далеко отъ всего, что занимало и мучило его въ послѣдніе дни!

— Если ты хочешь, Лія, сказалъ онъ, — мы завтра отправимся за городъ, куда глаза глядятъ, подышать чистымъ воздухомъ. Мнѣ хочется увидать зелень настоящую, незапыленную, и закалить щеки полуденнымъ солнцемъ.

— Да, да! отвѣчала Лія съ дѣтскимъ смѣхомъ: — мы ужъ такъ давно не были за городомъ. Я не жалею. Ты такъ занятъ; и потомъ намъ надо скрываться. Ты правъ, свѣтъ сталъ-бы тебя укоруать за наше счастье. Свѣтъ злой и занимается тѣми, которые

не думать о немъ. Какая радость насъ ожидаетъ завтра! И потому я въ первый разъ пойду подъ руку съ депутатомъ. Ты—депутатъ! Дай-ка я посмотрю, не измѣнило-ли тебя твое величіе! Нѣтъ, ты все тотъ-же, мой милый, дорогой, вѣчно любимый.

Потомъ, взявъ изъ корзинки двойную вишню, она подала одну изъ нихъ Мишелю, а другую держала въ рукѣ.

— Посмотримъ, кто изъ насъ любитъ больше, сказала она съ улыбкой.

— Я, отвѣчалъ Мишель, дернувъ за ягоду и вырвавъ двойной стебелекъ.

— Да, вы, господинъ депутатъ, произнесла Лія, почтительно присѣдая.

Мишель Бертъ невольно вспомнилъ (такъ онъ привыкъ анализировать, даже въ минуту увлеченія) знаменитую сцену въ драмѣ Гете, когда Эгмонтъ въ костюмѣ графа испанскаго является въ домъ Клары. Молодая дѣвушка, ослѣпленная его блестящимъ нарядомъ, восклицаетъ: „Я не смѣю до васъ дотронуться! Какой бархатъ! Какое шитье! И цѣпь Золотого Руна!“ Потомъ, осная его поцѣлуями, она продолжаетъ съ изумленіемъ: „Ты въ правду ли Эгмонтъ, графъ Эгмонтъ, великій Эгмонтъ, о которомъ столько говорятъ?“ „Нѣтъ, Клара, отвѣчаетъ Эгмонтъ,—я не тотъ Эгмонтъ, о которомъ ты говоришь; онъ мрачный, холодный, торжественный, принужденный надѣвать ту или другую маску, а Эгмонтъ, стоящій передъ тобою,—искренній, счастливый, спокойный, любимый“.

И онъ также, торжествующій побѣдитель, имя котораго въ эту минуту повторялось всѣми въ Парижѣ, народный трибунъ, страшившій министровъ и даже императора,—онъ теперь не былъ Эгмонтомъ, принужденнымъ удерживать себя, быть мрачнымъ, озабоченнымъ, тогда-какъ весь міръ считалъ его свободнымъ и счастливымъ; здѣсь онъ могъ улыбаться и не играть никакой роли, Лія смотрѣла на него своими большими, нѣжными глазами, въ которыхъ онъ читалъ отвѣтъ Клары: „Я хочу умереть! На свѣтѣ не можетъ быть счастья болѣе моего“.

ГЛАВА VII.

Въ то счастливое для него время, когда Мишель Бертъ, мечтая о славѣ, писалъ стихи и критическіе этюды и произносилъ

свои первыя адвокатскія рѣчи въ судѣ, онъ занималъ комнату во второмъ этажѣ гостинницы на площади Сорбонны. Большая часть номеровъ этой гостинницы была занята студентами и молодыми людьми, пробующими свои силы на адвокатскомъ поприщѣ.

Гостинница имѣла только одну входную дверь на улицу; за дверью начинался узкій, темный коридоръ, ведущій на иррачную, крутую лѣстницу; какъ коридоръ, такъ и лѣстница, днемъ освѣщались газомъ.

При гостинницѣ не было логи привратника; въ ея помѣщеніи находилась домовая контора. Здѣсь хозяйка гостинницы, Германъ и его жена, вели переговоры съ своими жильцами; здѣсь-же хранились ключи отъ квартиръ, которые каждый квартирантъ, уходя изъ гостинницы, вѣшалъ самъ на крючекъ, специально назначенный для номера его квартиры. Контора служила передней квартирѣ самихъ хозяевъ, помѣщавшейся рядомъ съ нею.

Возвращаясь, квартирантъ получалъ свой ключъ изъ рукъ самой г-жи Германъ, которая всегда исполняла эту обязанность съ пріятной улыбкой, кривившей ея ротъ. Сморщенный еврейскій носъ и вѣчная черная головная повязка придавали г-жѣ Германъ видъ совершенной старухи, хотя ей было всего сорокъ лѣтъ.

Ея мужъ былъ много старше ея и много красивѣе. Съ длинной сѣрой бородой и сѣдыми волосами на головѣ, онъ казался древнимъ еврейскимъ пророкомъ, одѣтымъ въ костюмъ нашего времени. Владѣльцы гостинницы были евреи; проходя мимо ихъ квартиры, Мишель Бертье не разъ замѣчалъ некрасивыя еврейскія фигуры съ курчавыми волосами, мясистыми губами и согнутыми спинами, просившіяся въ карикатуру. Все это были родные и друзья Германа, собиравшіеся у него въ дни большихъ праздниковъ для общихъ моленій. Присутствуя разъ на этомъ общемъ моленіи, Мишель счелъ себя перенесеннымъ на дальній Востокъ:—такъ все въ этихъ обрядахъ напоминало глубокую древность.

Однажды, возвращаясь къ себѣ въ квартиру, Мишель замѣтилъ подлѣ г-жи Германъ прелестную дѣвушку, брюнетку, которая, по знаку хозяйки дома, подошла къ нему и, подавая ему ключъ, спросила:

— Вашъ-ли это?

Вопросъ былъ сдѣланъ нѣсколько робко, но ласково и привѣтливо; дѣвушка сопровождала его искреннимъ взглядомъ, который

прожогъ Мишеля, хотя въ этомъ взглядѣ не было ничего вызывающаго.

Нѣсколько секундъ Мишель не могъ ничего отвѣтить; онъ разсматривалъ дѣвушку съ восхищеніемъ, какъ смотреть на прекрасную картину.

— Благодарю васъ, проговорилъ онъ наконецъ, и, касаясь руки молодой дѣвушки, взялъ ключъ, подошелъ къ г-жѣ Германъ и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Кто это дитя? спросилъ онъ.

Онъ, видимо, былъ очарованъ молодой дѣвушкой. Г-жа Германъ никогда не говорила ему, что у нея есть дочь. Однакожь, эта дѣвушка была ея дочерью. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Лія—такъ звали дѣвушку—заболѣла и врачи посоветовали ей переѣхну воздуха. Родители отправили ее въ деревню въ окрестностяхъ Мэца къ ея теткѣ, сестрѣ Германа. Вотъ почему Мишель не видалъ ее до сихъ поръ. Чистый воздухъ и солнце произвели благодѣтельное вліяніе на Лію и она возвратилась въ Парижъ совершенно здоровой и похорошѣвшей.

Мишеля болѣе всего поразила въ этой девятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ смѣсь граціи и величія, что дѣлало ее похожей въ одно время и на трансверинку, и на англійскую миссъ.

До того дня, когда Мишель увидѣлъ эту дѣвушку, онъ не любилъ еще ни одной женщины. Легкія, случайныя связи оставляли въ немъ только самое непріятное чувство. Онъ сравнивалъ ихъ съ подмѣшанными винами, которыя всегда производятъ во рту противное ощущеніе. При первомъ взглядѣ на Лію онъ рѣшилъ, что эта дѣвушка будетъ его первой истинной любовью.

И Лія, съ своей стороны, почувствовала симпатію къ Мишелю. Такъ-же быстро, какъ и онъ, она рѣшила, что любить его. Они еще ни слова не сказали другъ другу о взаимныхъ чувствахъ, но трепеть при встрѣчѣ, дрожаніе въ голосѣ, когда они обмѣнивались рѣдкими словами, замѣшательство, когда они взглядывали одинъ на другого, — все убѣждало ихъ во взаимной склонности. Истинная любовь бываетъ обыкновенно нерѣшительной, и потому каждый изъ нихъ долго сомнѣвался, боясь ошибиться.

Мишель былъ очарованъ красотой молодой дѣвушки; ей нравились въ немъ изящество, мужественный взглядъ, высшее развитіе, — однимъ словомъ, все, что очаровываетъ женщину въ мужчинѣ.

Однакожь, она считала безуміемъ съ своей стороны думать о немъ. Мишель Бертъе, безъ сомнѣнія, достигнетъ богатства. Во всякомъ случаѣ, ему сужденъ другой жребій, чѣмъ ей. Имѣеть-ли она право думать о выходѣ за него замужъ? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, она должна разлюбить его. Но возможно-ли это?

Она страдала съ той поры, какъ они встрѣтились. Когда она гостила у тетки, явилось предположеніе выдать ее замужъ за одного изъ ея кузеновъ, имѣвшаго свою лавку въ Мэцѣ. Лія уже готова была согласиться на этотъ бракъ; теперь-же онъ ей казался невозможнымъ, ненавистнымъ.

Въ Парижѣ какъ воздухъ, такъ и вся окружающая обстановка давили ее. Хотя ея отецъ былъ развитъ болѣе, чѣмъ его родные и друзья, но по своимъ дѣламъ и общественному положенію онъ вращался исключительно въ ихъ кругу. Единственнымъ развлеченіемъ для Ліи былъ завтракъ¹ въ кафе въ улицѣ Розьеръ, куда она ходила съ отцомъ каждую субботу, но и тамъ она встрѣчала болшую частію своихъ единовѣрцевъ, говорящихъ на противномъ ей нѣмецко-французскомъ жаргонѣ, встрѣчала то-же общество, которое ей достаточно надоѣдало дома.

Время, проводимое Ліей въ этой средѣ, тянулось для нея безконечно долго и въ ней стали уже обнаруживаться признаки глубокой меланхоли. Какъ сожалѣла она о зеленыхъ лугахъ лотарингскихъ, о виноградникахъ, о небольшой деревушкѣ на берегу Мозеля, гдѣ ей дышалось легко и жилось безъ заботъ и печали!

Мать ея съ грустію замѣчала, что ея милая дочь съ каждымъ днемъ блѣднѣетъ все болѣе и все чаще предается грусти.

— Парижъ виноватъ, говорилъ Германъ. — Погоди, придетъ весна и мы снова отправимъ ее въ деревню.

Весна пришла, Ліи не было въ домѣ ея родителей; но жила она не въ деревнѣ, а въ Парижѣ, съ samozабвеніемъ отдавшись своей любви. Она ушла съ Мишелемъ Бертъе. Безумно влюбленный въ нее, онъ похитилъ ее изъ родительскаго дома, сдѣлавъ ее своей любовницей и, въ порывѣ страсти, вѣроятно, нерѣдко говорилъ себѣ: „почему-же она не можетъ быть моей женой!“

Получивъ письмо отъ Ліи, умолявшей его о прощеніи, Германъ сказалъ, обращаясь къ своей женѣ:

— Сара, мы можемъ продать нашу гостинницу. Для какой

цѣли мы будемъ хлопотать теперь объ увеличеніи доходовъ? У насъ припасено довольно, чтобы мы могли безъ нужды прожить остатокъ нашихъ дней. У насъ нѣтъ болѣе дочери.

— Но если Лія вернется? почти шопотомъ сказала Сара.

— Я знаю, отвѣчалъ онъ нѣжно, — что есть родители, прощающіе нанесенный имъ позоръ. Я-же не желаю видѣть дочь, насъ покинувшую, потому что если она рѣшится возвратиться, я убью ее.

— Подумалъ-ли ты, что ты сказалъ! задрожавъ, проговорила Сара.

Старики продали гостинницу и удалились — кто говорилъ, въ Монружъ, а кто—въ другое мѣсто;—никто не зналъ положительно, куда. Германъ сперва хотѣлъ отправиться въ Лотарингію, но, подумавъ о сплетняхъ, которыми его будутъ преслѣдовать, о разспросахъ, которыми его будутъ донимать, онъ отказался отъ своего намѣренія. Сара хотѣла-было повидаться съ дочерью передъ своимъ отъѣздомъ, но онъ рѣшительно запретилъ ей и думать объ этомъ.

Лія горевала, что не получаетъ отвѣта ни на одно изъ своихъ писемъ къ отцу, но каждый разъ, какъ ее одолѣвала грусть, она вспоминала о своей любви къ Мишелю и успокоивалась.

Она сознавала, что, благодаря его вліянію, она становится развитѣе. Припоминая тѣхъ женщинъ-евреекъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться въ домѣ отца и въ кофейнѣ, куда они ходили завтракать, она радовалась, что избавилась отъ участи сдѣлаться совершеннымъ подобіемъ ихъ.

Она желала, чтобы Мишель возвысилъ ее до себя; желала учиться, какъ можно болѣе приобрѣсти знаній.

— Я знаю, что это сдѣлается не скоро, говорила она,—но у насъ впереди такъ много времени.

Года проходили, положеніе Мишеля улучшалось, а она все оставалась въ тѣни. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя всѣмъ жертвуютъ для любимаго человѣка. Она не требовала отъ Мишеля его имени, она не добивалась участія въ его славѣ.

Было время, когда она мечтала о бракѣ. Еще очень молоденькой дѣвушкой она любила ходить вмѣстѣ съ своими подружками въ синагогу, когда тамъ происходили брачныя церемоніи. Широко

раскрывала она свои прекрасные черные глаза, съ любопытствомъ разсматривая приглашенныхъ гостей, толпившихся около жениха и невѣсты. По еврейскому обычаю, мужчины становились на правой сторонѣ, а женщины на лѣвой. Съ любовью осматривала она невѣсту, одѣтую въ бѣлое платье, съ дѣвичьимъ покрываломъ, скрывавшимъ лицо. Свѣчи горѣли въ канделябрахъ о восьми под-свѣчникахъ; музыка играла торжественныя арии. Кругомъ нея разливался свѣтъ, всё казались веселыми, счастливыми отъ праздничнаго настроенія. Лія не могла довольно налюбоваться красивыми еврейками, дѣвушками, подругами невѣсты. Ей казалось, что всё невѣсты заслуживаютъ счастья, что ихъ нельзя не любить.

— О, эта проживетъ спокойно и счастливо, говорила она про ту или другую. — Она родилась за тѣмъ, чтобы любить, чтобы быть любимой. Она прекрасна и горе не должно касаться ея.

Весьма естественно, что она думала и о томъ счастливомъ времени, когда другія дѣвушки будутъ разсматривать ее, какъ невѣсту, съ такимъ-же любопытствомъ, какъ смотреть теперь она на другихъ невѣстъ. Но все это было давно. Теперь она не думаетъ объ этомъ. Съ той поры, какъ она сошлась съ Мишелемъ,—а прошло уже шесть лѣтъ, какъ они любятъ другъ друга,—она ни разу не подумала о замужествѣ съ нимъ. И что-же измѣнить въ ихъ отношеніяхъ заключеніе брака? Развѣ не соединены они самой прочной, самой дорогой связью—любовью?

Она не заботилась о завтрашнемъ днѣ. Она вполне довѣряла Мишелю и часто говорила ему:

— Мы будемъ любить другъ друга всю нашу жизнь, вѣчно.

— Вѣчно! отвѣчалъ съ улыбкой Мишель.—Но развѣ тебѣ не приходится на мысль, что это черезчуръ долго.

— Злой, говорила Лія съ отѣнкомъ грусти, но довѣріе ея къ Мишелю нисколько не уменьшалось.

По привычкѣ она обратилась къ нему съ этимъ прозвищемъ на другой день послѣ его избранія, въ деревнѣ, куда они скрылись, чтобы Мишель могъ отдохнуть отъ волненія и манифестацій.

Передъ отъѣздомъ онъ наскоро запечаталъ нѣсколько писемъ и наскоро пересмотрѣлъ карточки, оставленныя для него у привратника. На всѣхъ этихъ карточкахъ были приписки, большею частію официальныя поздравленія съ успѣхомъ. Иныя поздравленія были очень лаконичны, напримѣръ: „браво!“ и болѣе ни слова;

такъ привѣтствовали его школьные товарищи; нѣкоторые изъ друзей относились къ его успѣху съ искренней симпатіей. Лица вліятельныя, пользующіяся завиднымъ положеніемъ въ обществѣ, оставили карточки съ загнутымъ угломъ, не пестря ихъ никакими приписками. Были, наконецъ, и просители, хлопотавшіе о мѣстечкѣ въ табачномъ вѣдомствѣ.

— Боже мой! сколько карточекъ! говорила Лія, складывая ихъ всѣ въ японскую вазу, стоявшую на столѣ чернаго дерева съ боку камина. — Это доказываетъ, что тебя очень любятъ.

— Много, если десятая часть этихъ поздравленій искренна, отвѣчала Мишель. — Однакожь, надо поскорѣе уѣхать, а то намъ не дадутъ покоя. Мы будемъ очень счастливы, если избѣжимъ встрѣчи съ вѣми-нибудь изъ раннихъ посѣтителей.

Онъ сознавалъ необходимость уѣхать какъ можно скорѣе, чтобы отдохнуть и физически, и нравственно. Онъ только тогда можетъ считать себя вполне безопаснымъ отъ дружескихъ изліяній, когда сядетъ въ вагонъ, а еще болѣе, когда оставитъ за собой линію парижскихъ укрѣпленій.

Послѣ безмѣрной радости торжества его посѣтило страстное желаніе, охватившее его уже наканунѣ, хотя на-время забыть объ этомъ торжествѣ.

Они остановились въ Ранси. Здѣсь было тихо и пустынно. Лія, рѣдко выходившая въ Парижъ, гдѣ она жила почти плѣнницей, повинувась Мишелю, который желалъ, чтобы какъ можно меньше занимались его любовью и его связью, — Лія чувствовала радость молодой лошади, выпущенной свободно побѣгать по лугу.

Веселая и счастливая, она шла впереди Мишеля, безпрестанно оборачиваясь и радостно улыбаясь. Ея глаза блестѣли, точно у ребенка, получившаго новую игрушку. Она полной грудью вдыхала чистый воздухъ, она упивалась ароматами свѣжей зелени и цвѣтовъ. Она рѣзвилась, съ любовью смотрѣла на деревенскіе домики. А то бѣгала за цыплятами, стараясь поймать ихъ. Она рвала цвѣты, ей хотѣлось попробовать еще зеленыхъ фруктовъ. Когда они проходили по густой алеѣ изъ акацій и онъ ударилъ своей тростью по вѣтвямъ дерева, она подставила свое лицо, желая, чтобы ее оросило дождемъ изъ желтыхъ лепестковъ цвѣтовъ.

Погулявъ нѣсколько времени, они зашли въ ресторанъ и усѣлись въ бесѣдкѣ, увитой дикимъ виноградомъ. Здѣсь было про-

хладно; отсюда была видна пыльная дорога; сюда глухо долетали разговоры и слышался шумъ кievъ, ударявшихъ о бильярдные шары.

— Какъ я счастлива! Какъ я рада! твердила Лія, обнимая Мишеля. — Я люблю тебя, мнѣ весело, мнѣ хочется смѣяться, прыгать, веселиться!

Вечеромъ, садясь въ вагонъ, они опечалились, что имъ придется возвращаться въ Парижъ. Въ отдѣленіи, гдѣ они помѣстились, сначала, кромѣ нихъ, никого не было. Но только-что Лія, смѣясь, улеглась, скорчившись, на скамейкѣ, точно она желала заснуть, вошли двое мужчинъ и расположились на сосѣдней скамейкѣ.

Одинъ изъ нихъ курилъ; замѣти женщину, онъ тотчасъ потушилъ свою сигару. Лія, за минуту веселая и рѣзвящаяся, приняла серьезный видъ. Черезъ нѣсколько времени Мишель услыхаль, что одинъ изъ сосѣдей произнесъ его имя. Онъ слегка толкнулъ ногой Лію, чтобы предупредить ее.

— Такъ вы подали голосъ за него? спросилъ сосѣдъ.

— Да.

— А я вотировалъ за Бро-Лешеня. Этотъ изъ нашихъ, человѣкъ солидный, степенный, богатый, женатъ, отецъ семейства... Адвокаты-же, какъ и журналисты, народъ ненадежный. Иной, конечно, живетъ хорошо, но большинство—чистые цыгане, о завтрашнемъ днѣ не заботятся.

Мишель боялся, не узнали-ли его какъ-нибудь случайно, однакожь, нѣтъ: ни одинъ изъ собесѣдниковъ не посмотрѣлъ въ его сторону; они продолжали начатый разговоръ, не обращая на него никакого вниманія.

Лія пристально посмотрѣла на него; на этотъ разъ въ ея взглядѣ отражалось нѣкоторое безпокойство.

Чѣмъ далѣе продолжался разговоръ сосѣдей, тѣмъ болѣе убѣждался Мишель, что они его не знаютъ. Но слѣдующій вопросъ, касающійся его, заставилъ его невольно вздрогнуть:

— Онъ женатъ?

— Нѣтъ.

— А какъ онъ живетъ?

— Вполнѣ честно. Разумѣется, толкуютъ о какой-то страстишкѣ, да у кого ихъ нѣтъ?.

— Человѣкъ, выходящій на общественную арену, долженъ быть свободенъ и отъ этого упрека. Мы — другое дѣло, намъ прости- тельны подобныя увлеченія, вѣдь мы не заявляемъ желанія попасть въ депутаты.

Поучительный тонъ, которымъ были сказаны эти слова, наполнилъ Мишелю Пьера Менара. Инстинктивно онъ посмотрѣлъ на Лию; если-бы въ вагонѣ было свѣтлѣе, онъ навѣрное замѣтилъ- бы, что бѣдняжка сильно поблѣднѣла.

Выйдя изъ вагона въ Парижѣ, Лия нервно оперлась на руку Мишеля и сказала ему дрожащимъ голосомъ:

— Ты слышалъ, что они говорили?

— Да, слышалъ.

— И тебя это не тревожитъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, однакожь, нервнѣе.

— Боже мой! Какъ часто глупцы, не подозрѣвая сами, дѣлаютъ намъ зло.

— Что станешь дѣлать, отвѣчалъ Мишель, — на сторонѣ глупцовъ численность и сила. Нельзя слишкомъ пренебрегать дураками.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего.

— „Ничего“ — это ужасное слово. Въ немъ всегда заключается нѣчто трагическое. Развѣ ты меня уже не любишь болѣе?

— Безумная! Развѣ ты забыла наши условія: любовь до самой смерти?

— До самой смерти?

— Да, и потомъ вѣчно.

Она испустила радостный крикъ и доверчиво прижалась къ нему. Они пошли шѣшкомъ, избирая менѣе людныя улицы. Во всю дорогу Мишеля не покидала мысль, что въ словахъ Менара и случайнаго сосѣда въ вагонѣ есть своя доля правды и что Лия, которую онъ все еще сильно любилъ, можетъ стать препятствіемъ къ осуществленію его плановъ.

Подъ напоромъ этихъ мыслей, онъ взглянулъ на нее. Можетъ-ли это слабое и прелестное существо послужить къ чему-нибудь препятствіемъ? Онъ легко распутаетъ эту цѣпь изъ цвѣтовъ, когда ему вздумается.

„Одно для меня ясно, рѣшилъ онъ мысленно, — что романъ мой

юности умеръ и ничто не въ состояніи помѣшать мнѣ въ достиженіи моихъ цѣлей! Ничто!“

И онъ машинально, какъ это дѣлалъ часто, прижалъ къ своей груди полуобнаженную руку своей любовницы. Но по-прежнему ему слышались слова Менара и случайнаго зосѣда въ вагонѣ и онъ выводилъ изъ нихъ слѣдующее нравоученіе: „Берегись суда толпы, не забывай, что ты добиваешься ея милостей!“

Подобно тому, какъ вчера онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ борьбы, сегодня онъ ощущалъ усталость отъ отдыха, отъ идиліи, которой онъ предался, и, точно солдатъ, услышавшій тревогу, онъ, начавъ дышать парижскимъ воздухомъ, въ душѣ своей воскликнулъ: „къ оружію!“

— Прощай, сказалъ онъ Ліѣ, подведя ее къ двери ея квартиры.

— Ты меня оставляешь одну?

— Да. Съ завтрашняго дня я снова пускаюсь въ борьбу. Ты знаешь, теперь я уже не принадлежу самому себѣ.

— Правда, сказала она.—И мнѣ ты не можешь принадлежать. Итакъ, принимайся за свое дѣло, я-же постараюсь еще болѣе оставаться въ тѣни! Но когда тебѣ понадобится утѣшеніе, ты знаешь, Мишель, гдѣ его найти; знаешь, что есть сердце, бьющееся только для тебя и принадлежащее тебѣ безраздѣльно; есть женщина, которая умретъ въ тотъ самый день, какъ ты ее разлюбишь.

— Умретъ! говорилъ самъ себѣ Бертъе, входя въ свою квартиру.—Пустяки! Отъ любви не умираютъ! Любовь даетъ жизнь, а не смерть.

(Продолженіе будетъ.)

МОЛОДОЙ МАТЕРИ.

Надъ могилой твоею далекою
Я хотѣлъ-бы безумно рыдать.
Непонятною всѣмъ, одинокою,
Ты кончалась, страдальца-мать...

Ты жила безпощадно гонимую,
До конца тебя была гроза,
И закрыты рукой нелюбимом
Были полные скорби глаза...

Скоротечной добита чахоткою,
Молчаливо домучилась ты...
Только грустью покорной и кроткою
Молодые дышали черты!..

Помню я эти муки тяжелыя.
Такъ сіялъ упоительный день!
Сквозь окно на равнины веселыя
Ты съ кровати смотрѣла, какъ тѣнь...

Колыхалась сирень ароматная,
Пѣли птицы въ росистыхъ кустахъ...
Жажда жизни въ тебѣ необъятная,
Одиночества муза и страхъ...

На подушкахъ-же пятна кровавыя.
Душить камель усталую грудь..
А въ окно—небеса величавыя
И на милую родину вѣтъ...

Ну, скорѣй догорай-же, постылая,
Одинокая жизнь, догорай!..
О, услышь ее, родина милая,
И прости, въ этотъ мигъ не карай!

В. И. Славяноскій

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ.

РОМАНЪ.

I.

Въ двери параднаго подъезда одного изъ богатыхъ барскихъ домовъ Петербурга входили двѣ женщины. Одной изъ нихъ было лѣтъ сорокъ пять, хотя она выглядѣла совершенной старухой. Другой едва-ли минуло восемнадцать лѣтъ. У обѣихъ на головахъ были выпцвѣтшіе шерстяные платки; на обѣихъ были поношенные ситцевыя платья. На старшей былъ надѣтъ узенькій и коротенькій салопъ изъ поружѣвшаго полумериноса, очевидно, принадлежавшій не ей, а какому-нибудь ребенку, можетъ быть, даже не дѣвочкѣ, а мальчику, такъ-какъ онъ очень походилъ на старинныя фризовыя шинели. На младшей былъ надѣтъ совершенно вытертый и оборванный бурнусъ изъ чернаго драпа, съ жалкими остатками басонныхъ украшеній; бурнусъ висѣлъ на дѣвущкѣ мѣшкомъ и тоже намекалъ на то, что онъ только временно исполняетъ должность ея теплой одежды. Впрочемъ, названіе теплой одежды не совсѣмъ шло къ салопу и бурнусу этихъ женщинъ, такъ-какъ эти вещи были и во времена своего возникновенія очень скупо подбиты ватой, теперь-же онѣ на-столько выносились, что походили на легкія тряпки и едва-ли хотя немного защищали отъ холода. Онѣ надѣвались, можетъ быть, скорѣе для вида, чѣмъ вслѣдствіе сознанія приносимой ими пользы, какъ надѣваются мелкими хозяевами-мастеровыми рваные тиковыя халаты на отданныхъ въ ученіе мальчиковъ, только для

того, чтобы никто не имѣлъ права сказать, что эти мальчики ходятъ голыми.

Женщины вошли въ двери несмѣлыми шагами. Старшая шла впереди и боязливо осматривалась по сторонамъ. Опытный сищикъ могъ-бы задуматься при видѣ ея: это была личность подозрительная. Правда, можетъ быть, она и не была еще воровкою, но она уже дошла до той степени нищеты, на которой человѣкъ можетъ быть подозрѣваемъ во всеиъ, начиная съ кражи носового платка и кончая продажей самого себя и своихъ дѣтей.

Младшая шла сзади, опустивъ голову, опустивъ руки, двигалась какъ-то машинально и безучастно. Такъ ходятъ люди, страдающіе лунатизмомъ или тихимъ помѣшательствомъ на какой-нибудь одной идеѣ.

— Извините-сь, извините-сь!.. Намъ въ комитетъ, въ комитетъ, батюшка... Куда пройти, не знаемъ... Въ первый разъ прибѣгаемъ... къ стопамъ, вдругъ скороговоркою заговорила старуха, какъ-бы захлебываясь и глотая слова.

Молодая дѣвушка подняла голову и увидѣла, что ея спутница торопливо кланяется швейцару, — высокому и плотному старику, съ огромными усами и бакенбардами, сохранившему подъ своею шутовскою одеждою швейцара слѣды солдатской выправки, угловатосги и тупого равнодушія. Видно было, что онъ можетъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и подсадить въ карету какую-нибудь молодую красавицу, и вытолкать въ шею какую-нибудь голодную мать семейства, если это только будетъ ему приказано. Онъ только-что вышелъ изъ своей конуры и, должно быть, еще не совсѣмъ очнулся отъ послѣобѣденнаго сна. Лѣнливо потягиваясь и зѣвая, онъ отвѣтилъ нѣскольکو сишскимъ голосомъ:

— Во второй этажъ. Тамъ покажутъ.

— Покорнѣйше благодарю васъ, покорнѣйше благодарю, отецъ родной... Намъ это, батюшка, впервые, такъ мы точно въ лѣсу, точно въ лѣсу... Ни входу, ни выходу не знаемъ... По этой лѣсенкѣ вотъ, говорите?.. Покорнѣйше благодарю, покорнѣйше благодарю!..

Старуха говорила и кланялась, стягивая при каждой умильной улыбочкѣ въ сотни складокъ свою и безъ того морщинистую кожу около губъ и глазъ; она, кажется, хотѣла задобрить въ

свою пользу швейцара и заглушить разговоромъ свою собственную трусость.

— Ноги-то оботрите, по-прежнему равнодушно и силно произнесъ швейцаръ.

— Какъ-же, батюшка, какъ-же!.. Знаю сама... Шутка-ли, у васъ все ковры... А-ахъ!.. Даша, оботри ножки-то... оботри!.. Такъ по этой лѣсенкѣ, батюшка?..

Старуха обшаркала грязь съ ногъ и въ сопровожденіи молодой дѣвушки стала осторожно подниматься по широкой лѣстницѣ. На лѣстницѣ не было ни души, но старуха все-таки придерживалась къ сторонкѣ, чтобы не идти по ковру, украшавшему середину свѣтло-сѣрыхъ каменныхъ ступеней. Можетъ быть, она боялась, что кто-нибудь явится передъ нею изъ-подъ земли и прикрикнетъ на нее, какъ только она ступитъ на этотъ коверъ; можетъ быть, она просто чувствовала уваженіе къ этому ковру и считала себя недостойной ходить по его яркому фону. Въ этихъ случаяхъ трудно угадать мысли бѣдняка, и въ особенности петербургскаго бѣдняка, то-есть окончательно искалѣчнаго, припиченнаго бѣдняка, похожаго на тѣхъ заморенныхъ извощичьихъ клячъ, которыя сами останавливаются, когда имъ представляется удобный случай кого-нибудь задавить. Добравшись до первой площадки, выложенной въ видѣ шахматной доски черными и сѣрыми камнями, старуха остановилась въ полнѣйшемъ недоумѣніи: лѣстница дѣлилась здѣсь на двѣ части.

— Куда-же теперь-то идти, Даша? прошептала старуха, растерянно смотря по сторонамъ.

Молодая дѣвушка подняла голову и чуть не вскрикнула: передъ нею во всю стѣну возвышалось украшенное цвѣтами зеркало, въ которомъ отражались и сѣрыя ступени лѣстницы, и тяжелыя перила изъ бѣлаго мрамора, и блестящія бѣлыя стѣны, и двѣ большія мраморныя вазы съ цвѣтами, и рядъ бѣлыхъ шаровъ, скрывавшихъ газовые рожки, и, наконецъ, ея мать и она сама. Дѣвушка неожиданно увидѣла себя во всей поразительной непривлекательности своего нищенскаго одѣянія. Ея платье отъ многократнаго подшиванія стало слишкомъ коротко и поблѣднѣло отъ частыхъ стирокъ, какъ близкій къ могилѣ больной; ея бурнусъ висѣлъ на ней неуклюже, а его басонныя украшенія походили скорѣе на веревочную сбрую извощичьихъ клячъ, чѣмъ на агра-

манты и аграфы; ея платокъ, нѣсколько сбившійся назадъ, казался сѣрой тряпкой съ порыжѣвшими пятнами крови вмѣсто узоровъ; наконецъ, ея лицо, съ блѣдными отъ малокровія губами, растерянными отъ смущенія взглядомъ, съ нѣсколько припухшею отъ флюса щекою, — все это было такъ смѣшно и жалко. Она невольно осмотрѣлась кругомъ: всѣ предметы здѣсь были такихъ громаднхъ размѣровъ, что изъ этой лѣстницы можно-бы было устроить тридцать такихъ конуръ, какую занимала ихъ семья; все дышало здѣсь тою холодною и строгою правильностью, которая такъ поражаетъ въ музеяхъ, все было такъ чисто, такъ прибрано, такъ пустынно, какъ - будто сюда никогда не заходили люди. Странное дѣло: молодой дѣвушка даже показалося, что она стала ниже ростомъ и что эти блестящія, бѣлыя, бездушныя стѣны строго и холодно смотрятъ на нее не то съ насмѣшкой, не то съ презрѣнiемъ. Нервные, надломленные бѣдняки, если имъ случилось очутиться однимъ въ какомъ-нибудь великолѣпномъ храмѣ или роскошномъ музеѣ, знаютъ это чувство, похожее на минутную галлюцинацію: они боятся и стыдятся стѣнъ, — стѣны, кажется имъ, глядятъ на нихъ. Дѣвушка еще болѣе поблѣднѣла и обратилась къ старухѣ:

— Маменька, туда-ли мы идемъ?

Она сдѣлала свой вопросъ и, кажется, сама испугалась своего голоса: онъ прозвучалъ слишкомъ громко въ этомъ пустынномъ, обширномъ и гулкою пространствѣ.

— Туда, туда, Даша... Сама слышала, швицаръ сказалъ... Только вотъ теперь-то куда повернуть?.. Тутъ лѣстница-то въ обѣ стороны идетъ...

Дѣвушка подняла голову.

— Обѣ лѣстницы опять сходятся вмѣстѣ, совсѣмъ тихо пояснила она.

— И то правда, и то... Съ чего-же это?.. А-ахъ!.. По какой-же теперь идти? недоумѣвала старуха.

— Да все равно, отвѣтила дѣвушка.—Идите!

Онѣ опять стали подниматься наверхъ, придерживаясь къ сторонкѣ. Наконецъ, онѣ добрались до верхней площадки, выложенной также въ видѣ шахматной доски сѣрыми и черными камнями. Передъ ними были три двери: двѣ меньшія по бокамъ и одна большая посрединѣ. Маленькія двери были заперты; обѣ

половѣки большой двери были растворены пастежъ. Большая дверь вела въ высокій бѣлый залъ съ голубыми шелковыми драпировками на дверяхъ и окнахъ и съ бѣлыми стульями, обтянутыми голубой шелковой матеріей.

— Сюда, вѣрно, нерѣшительно проговорила старуха, показывая на залъ.

Молодая дѣвушка не отвѣтила ни слова. Она какъ-то случайно бросила взглядъ черезъ перила внизъ и вздрогнула. Передъ нею была глубокая пропасть; въ эту пропасть по бокамъ спускались двѣ лѣстницы, покрытыя ярко-краснымъ ковромъ и соединившіяся потомъ въ одну широкую лѣстницу. Въ глазахъ у дѣвушки рябило и ей показалось, что переливы бархатнаго ковра движутся и сбѣгаютъ внизъ двумя алыми струями крови, сливаясь внизу въ одинъ широкій кровавый потокъ. Въ ея головѣ почему-то промелькнула мысль:

„Здѣсь упасть—убиться можно“.

Старуха на цыпочкахъ отправилась къ отворенной двери и, вытянувъ впередъ свою голову, стала изъ дверей осматривать залъ. Въ эту минуту въ залъ раздался сиплый лай, похожій на старческое сморканье, и передъ старухой остановилась облѣзлая болонка въ красной, сбившейся на бокъ, суконной кофточкѣ. Маленькое животное походило на всклокоченнаго и полуплѣшиваго, выжившаго изъ ума, старикашку, вскочившаго съ постели и кое-какъ накинувшаго на себя халатъ. Старуха растерялась при видѣ озлобленнаго животнаго и, вытянувъ свои сухія губы, начала причмокивать ими, чтобы успокоить врага.

— Ню, ню, польно, польно, дюсинька! заговорила она, картавя, какъ говорятъ съ дѣтьми, и наклоняя свою голову.—Ню, пелестань, пелестань... Какъ тебя... Мальчикъ, Мальчикъ!..

— Куда лѣзете? непривѣтливо окликнула ее мужской голосъ.— Куда лѣзете-то?

Старуха совсѣмъ растерялась.

— Вижу, батюшка, вижу, что не туда, дура безтолковая, попала... Ворона въ хоромы... Экая храмина-то какая, Господи ты Боже мой... пресвятая Богородица!.. заговорила она, уже совершенно не понимая своихъ собственныхъ словъ.

— Такъ развѣ вамъ здѣсь мѣсто? съ грубой проніей спросилъ ее тотъ-же голосъ.

Голось этотъ принадлежалъ человѣку, одѣтому въ черныя брюки, въ черный фракъ, въ черный жилетъ съ золотою цѣпью и въ бѣлый галстухъ; но, несмотря на этотъ господскій костюмъ, вы могли сразу угадать по тону, по голосу, по манерѣ этого человѣка, что онъ былъ не болѣе, какъ лакей, и притомъ лакей изъ бывшихъ дворовыхъ; всматриваясь въ этого принарядившагося, гладко выбритаго, припомаженнаго холопа, вы тотчасъ-же могли понять, что подъ господскимъ фракомъ и бѣлоснѣжной манишкой у него надѣта его собственная грязная ситцевая рубашка, что подъ барскими лакированными сапогами у него повернуты свои доморощенные онучи и что запахомъ резеды и жасмина онъ заглушаетъ только передъ другими тотъ своеобразный запахъ, который присущъ однѣмъ „лакейскимъ“ старымъ барскимъ домовъ.

— Швицаръ, батюшка, швицаръ вашъ наверхъ послали... Идите, говорятъ, наверхъ, тамъ, говорятъ... поясняла старуха.

— Такъ развѣ онъ сюда послалъ? Приемная-то мала, что-ли?.. Здѣсь члены собираются, господа!.. Если-бы да васъ всѣхъ сюда пущать—много было-бы!.. Комнаты-то продушили-бы... Въ недѣлю-бы не выкурить... За тремя рублями половина Петербурга сбѣжаться готова...

Лакей говорилъ внушительно и ядовито, какъ настоящій крепостной лакей, полагающій, что каждая его грубость еще недостаточно груба, если она не подчеркнута. Ему уже давно надѣли „пищѣ“, еженедѣльно „шляющіеся“ по субботамъ въ „ихъ домъ“ съ тѣхъ поръ, какъ „сама“ была выбрана „предсѣдательшей“ „Общества первой помощи“.

— Это что говорить, батюшка, что говорить! вздохнула старуха.—Три рубля—деньги... большія деньги... на полу не подынешь... А позвольте васъ спросить, почтеннѣйшій—имени, отчества вашего не знаю—не извѣстны-ли вы насчетъ того, какая намъ такая помощь можетъ выдти?.. Мы вѣдь, батюшка, впервые...

— Конечно, извѣстны, насмѣшливо произнесъ лакей:—достойны окажетесь—выдадутъ три рубля, а недостойны—ну, и ничего не дадутъ.

— А нельзя-ли васъ спросить, почтеннѣйшій, не устроить-ли вотъ дѣточекъ моихъ къ мѣстамъ какинъ?

— Мѣстовъ-то этихъ у насъ нѣтъ, а то-бы весь Петербургъ устроили... А вы ступайте да ждите своей судьбы...

— Вы, батюшка, не обижайтесь. Я вѣдь спроста...

— Оно и видно.

— Мнѣ вотъ впервые это приходится просить-то и желала-бы я звать, какъ это мнѣ и къ кому прибѣгнуть, припасть...

— Въ комитетъ скажутъ... Ступайте, а то тутъ еще застанутъ съ вами... Протекцію, скажутъ, за взятки оказываешь... У нашей генеральши насчетъ этого строго.

— Да вы при какой должности, осмѣлюсь...

— Да что-же, въ самомъ дѣлѣ, силой васъ, что-ли, отсюда гнать! вдругъ почему-то совсѣмъ разсердился лакей.

Молодая дѣвушка, все время стоявшая съ опущенной головой, вдругъ очнулась и дернула старуху за салошъ.

— Маменька! молящимъ голосомъ прошептала она.

Старуха, однако, не унималась; она дѣлалась все смѣлѣе и смѣлѣе.

— Что это ты: маменька да маменька! сердито обернулась она къ дочери.—Прежде тебя я знала, что я тебѣ мать! Знать-то только мнѣ это несладко... Вотъ, батюшка, обратилась она къ лакею,—наградилъ меня Богъ дѣтками. Ума не приложу, что мнѣ съ ними дѣлать...

Въ это время въ швейцарской раздавался звонокъ.

— Тѣфу ты, окаянныя! плюнулъ лакей. — Уйдите, уйдите, вамъ говорятъ!

— Да вѣдь я... начала оправдываться старуха.

— Да провалитесь вы съ своими рассказами! грубо перебилъ онъ ее. — Вотъ сами члены идутъ. Ступайте вонъ туда въ двери...

Лакей указаль на одну изъ боковыхъ дверей.

— Иду, иду, батюшка, иду, почтенный! забормотала старуха.

II.

Она какъ-то бочкомъ, мелкими шажками направилась къ указанной лакеешъ двери, снова струсивъ при словахъ „сами члены идутъ“. Среди множества страшныхъ для нея словъ, въ родѣ

„домового“, „лѣшаго“, „квартирнаго“, самымъ страшнымъ словомъ было слово „самъ“. Когда ей говорили: „самъ идетъ“, „самъ вамъ покажетъ“, — это значило идетъ самъ мужъ, самъ старшій дворникъ, самъ хозяинъ, самъ полицейскій, — однимъ словомъ, кто-нибудь такой, кто могъ согнуть ее въ бараній рогъ, кто могъ на нее прикрикнуть, кто могъ ее довести до того, что у нея „душа уходила въ пятки и всѣ поджилочки тряслись“. Теперь она такъ растерялась, вспоминая о „самыхъ членахъ“ „Общества первой помощи“, что даже не могла сообразить, куда она попала, кто стоялъ въ той комнатѣ, въ которую она вошла. Эта комната была не велика и меблирована очень просто легкими стульями орѣхового дерева; въ простѣнкахъ между двумя окнами помѣщалось большое зеркало; противъ зеркала, между двумя дверями, стоялъ ломберный столъ съ какою-то шнуровою книгою, съ чернильницей и нѣсколькими перьями. Въ обыкновенное время эта комната служила мѣстомъ ожиданія для разныхъ докладчиковъ, служившихъ подъ начальствомъ „мужа Марьи Петровны“. Сама Марья Петровна Прозорова-Солонецкая была предсѣдательницею „Общества первой помощи“. Въ субботніе вечера эта комната превращалась въ пріемную для бѣдняковъ. Сюда сходились самыя разнохарактерныя личности со всѣхъ концовъ Петербурга. Трудно сказать, о чемъ не просили являвшіеся въ эту комнату люди. Сюда заходилъ съ просьбою о первой помощи чиновникъ, обремененный семействомъ, оставшійся за штатомъ, ищущій частныхъ занятій и желающій опредѣлить на казенный счетъ всѣхъ шестерыхъ дѣтей, родившихся у него во время его пребыванія на государственной службѣ. Сюда являлась съ прошеніемъ женщина, жаждавшая развода съ своимъ „тираномъ“ и уже ~~сходящая~~ сходящая съ просьбами всѣ административныя и судебныя учрежденія, всѣ канцеляріи духовнаго, морского и военнаго вѣдомствъ. Люди, просящіе о чемъ-нибудь, люди, старающіеся выхлопотать что-нибудь, вообще не пренебрегаютъ ни однимъ мѣстомъ, гдѣ принимаются какія-нибудь „прошенія“, какъ не пренебрегаютъ страдающіе зубною болью ни солдатомъ, заговаривающимъ зубы, ни евреемъ, держащимъ зубы своими собственными грязными пальцами. Надежда, даже неоснованная ни на чемъ, всегда облегчаетъ страданіе.

Когда старуха съ своею дочерью переступили порогъ пріемной, въ этой пріемной было уже много просителей.

Бѣдняки сидѣли у стѣвъ и боязливо шептались между собой. Только одинъ какой-то рослый и плотный мужчина расхаживалъ по комнатѣ, покручивая длинные усы.

Старуха еще не успѣла окинуть взглядомъ присутствующихъ, какъ въ комнатѣ произошло нѣкоторое волненіе: бѣдняки поднялись съ мѣсть, увидѣвъ, что противоположная дверь открылась и въ приемную вошла сама предсѣдательница, въ сопровожденіи трехъ членовъ-благотворителей. Старуха растерялась, попятилась, прижалась въ уголь около тѣхъ дверей, въ которыя она вошла, и, творя молитву, устремила осовѣвшіе глаза на благотворителей, точно ожидая, что они вотъ-вотъ крикнуть ей: „поди сюда!“

Предсѣдательница и члены комитета не успѣли дойти и до половины комнаты, какъ къ нимъ подошелъ очень развязно господинъ съ длинными усами, расхаживавшій по комнатѣ. На немъ были надѣты голубовато-синіе широкіе панталоны и черная потертая венгерка, застегнутая до самаго подбородка. Изъ-подъ стоячаго воротника венгерки видѣлась красная шея подозрительной чистоты. Лицо этого господина, красное и угреватое, поражало совершенно синимъ и точно опухшимъ носомъ и непомятно длинными черными усами. Его полусѣдые волосы были коротко подстрижены и стояли щетиной. Ловко шаркнувъ ногой и подбросивъ подмышку измятую фуражку съ кокардой, проситель развязно обратился къ Марьѣ Петровнѣ.

— Милъ пардонъ, вотрѣ экселянсъ! произнесъ онъ и пристукнулъ каблукомъ о каблукъ.

— Вы иностранецъ? спросила Марья Петровна.

— Отставной прапорщикъ русской службы, бойко отвѣтилъ проситель, — Павелъ Ивановъ Пантелѣевъ, экскюзе...

— Такъ можете говорить по-русски, нетерпѣливо перебила его предсѣдательница комитета и отступила на шагъ отъ него.

Отъ отставного прапорщика русской службы несло сивухой.

— Превратности судьбы... заговорилъ онъ скороговоркой, какъ говорятъ дѣти вызубренные ими слово въ слово уроки. — Обремененъ семействомъ. Жена больная, пять человѣкъ дѣтей, отецъ разбитъ параличемъ, старуха мать — слѣпая женщина. Живемъ въ углу, на чердакѣ, семья, лишенная одѣванія, не можетъ снискивать пропитанія... Ни пенсіи, ни работы...

Во время этой рѣчи одинъ изъ членовъ комитета, графъ За-

бловъ, зорко всматривался своими прищуренными глазами въ эту личность и, наконецъ, подошелъ къ отставному прапорщику русской службѣ.

— А вы опять къ намъ пожаловали? совершенно неожиданно спросилъ онъ.

Отставной прапорщикъ русской службѣ быстро обернулся и съ удивленіемъ взглянулъ на старика-графа.

— Вы-съ?.. Не ожидалъ! пробормоталъ онъ въ смущеніи.

— Мы посѣщали уже этого господина два года тому назадъ, пояснилъ по-французски графъ, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ. — Я самъ ѣздилъ.

— Имѣлъ счастье видѣть высокую особу... началъ Пантелѣевъ, уже оправляясь отъ смущенія.

— Да, и тогда у васъ не оказалось никакой семьи, произнесъ графъ, снова прищуривая зоркіе глаза.

— Умерли, умерли-съ съ голоду и холоду, началъ снова Пантелѣевъ довольно развязнымъ тономъ.

— Но вы сейчасъ говорили... перебила его нетерпѣливо Марья Петровна.

— Не имѣлъ чести досказать исторію нашихъ бѣдствій, уже совсѣмъ бойко заговорилъ храбрый прапорщикъ, — Взволнованъ!.. Мои близкіе не вынесли тягостей жизни. Зараженный воздухъ, миазмы, тѣсный уголь, недостатокъ питанія, лишенія свели въ могилу. Остался одинъ, по волѣ судьбы...

— Все еще въ домѣ Вяземскаго изволите жить? презрительнымъ тономъ прервалъ его графъ.

— Въ вертепѣ, въ вертепѣ! Среди невѣжества и разврата, среди паденія и нищеты! Не имѣю средствъ вырваться изъ ому-та. Лишенъ всякой поддержки. Это больно, больно сердцу офицера, сердцу русскаго дворянина!

Отставной прапорщикъ трагически ударилъ кулакомъ въ свою грудь.

— Я не могу съ нимъ говорить, тихо сказала Марья Петровна, обращаясь къ графу, — отъ него водкой пахнетъ.

Дѣйствительно, сивушный запахъ распространился все сильнѣе и сильнѣе вокругъ Пантелѣева.

— Послушайте, вы сдѣлали-бы лучше, если-бы не беспокоили больше нашего общества, замѣтилъ графъ.

— Къ кому-же обратиться? воскликнулъ Пантелѣевъ.— Здѣсь дворянинъ обращается къ дворянамъ, благородный человѣкъ рассчитываетъ на помощь благородныхъ людей. Мнѣ нужна рука помощи...

Онъ немного пошатнулся въ сторону.

— И поддержки, добавилъ графъ и сухо произнесъ: — Мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ.

— Вы обрекаете на гибель благороднаго человѣка, воина, проливавшаго кровь за отечество на Кавказѣ, на поляхъ битвы! Вы хотите, чтобы онъ шелъ съ протянутой рукой по улицамъ и площадямъ, какъ ходячій упрекъ въ черствости и сухости его собратій, чтобы онъ, какъ Велизарій...

— Можете дѣлать, что вамъ угодно, но мы не можемъ быть вамъ полезными, прервалъ его графъ.

— Но понимаете-ли вы...

Графъ неторопливо подошелъ очень близко къ нему и съ неподражаемымъ хладнокровіемъ поднесъ почти къ самому его лицу деньги.

— Вотъ вамъ двадцать копеекъ и ступайте!

— Благодарю, благодарю! произнесъ Пантелѣевъ.— Вы дворянинъ...

— Немножко, усмѣхнулся графъ.

— Да, я вижу, что вы дворянинъ! Вы понимаете...

— Отлично понимаю. Прощайте!

— До пріятнаго свиданія.

Пантелѣевъ, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и обратился къ присутствующимъ:

— Оревуаръ! произнесъ онъ, махнувъ разорванной шапкой.— Не ожидалъ, никакъ не ожидалъ! На одинъ флаконъ!

Марья Петровна между тѣмъ мучилась уже переговорами съ личностью совсѣмъ другого рода. Передъ нею стояла низенькая, непомерно толстая и видимо страдающая водяною женщиною въ невообразимой одеждѣ. Ея оборванный, грязный чепецъ, ея грязное, полинялое платье съ безчисленными прорѣхами, ея замазанный капоръ неизвѣстнаго цвѣта и неизвѣстной матеріи, съ торчащими влочьями грязной ваты, ея кудавейка, состоявшая изъ сплошныхъ, самыхъ разнообразныхъ заплатъ, изъ которыхъ одна была даже шелковая, — все это отъ времени и грязи пришло въ

то состояніе, которое опредѣляется словомъ „ветошь“. Эта женщина съ ключьями сухихъ сѣдыхъ волосъ, спускавшихся на глаза, какъ холка старыхъ влячъ, съ сѣдою щетиною надъ углами губъ, съ мутными, едва замѣтными глазами и съ кожей, похожею на сморщенный и покоробленный пергаментъ, походила скорѣе на узелъ стараго тряпья, чѣмъ на живое существо. Марья Петровна должна была почти кричать, разговаривая съ нею: она была совершенно глуха.

— О чемъ вы просите? кричала Марья Петровна.

— Прошеніе, матушка, прошеніе у меня! тупо отвѣчала старуха.

— У васъ семейство? надрывалась Марья Петровна.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! Одна, одна, какъ персть, старушка божья, ровнымъ голосомъ произносила старуха.

— Вы не работаете?

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ, какая работа въ эти-то годы... И который мнѣ годъ—доподлинно никому неизвѣстно, матушка. Умерли, всѣ умерли, кто зналъ-то... Когда царицу Катерину, царство ей небесное, голубушку, хоронили, такъ я маленькая еще, матушка, была, а когда царь Александръ I...

— Ну, могли-бы хоть за дѣтьми смотрѣть, вы еще ходите, сообразила Марья Петровна, всегда придумывавшая для всѣхъ занятіе, такъ-какъ, по ея мнѣнію, всѣ общественныя бѣдствія были слѣдствіемъ тунеядства.

— Гдѣ мнѣ, матушка, гдѣ мнѣ! Рученьки и ноженьки у меня болятъ, ревматизъ меня одолѣла, матушка. Только и свѣтъ вижу, когда на печурочку заберусь.

— Такъ вы ничего не можете дѣлать? задумалась Марья Петровна.

Ее всегда сбивала съ толку встрѣча съ людьми, которые не могутъ работать.

— Ужъ какое дѣло, матушка, спрашивать съ насъ, старушекъ божіихъ! Живемъ такъ-себѣ, небо коптимъ, потому что смерти на насъ нѣтъ.

— Хорошо, мы пошлемъ къ вамъ кого-нибудь и дадимъ вамъ отвѣтъ.

— Слушаю, матушка, слушаю.

Старуха зашаркала неогибавшимися ногами и, вздыхая и охая, поцѣлалась изъ комнаты.

— И зачѣмъ живутъ подобныя люди! вырвалось невольное восклицаніе у Марьи Петровны.

— Распоряженіе не отдано еще, чтобы по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ отправлять людей на живодерню, процѣдилъ сквозь зубы графъ.

Марья Петровна не безъ гнѣва закусилла губы.

— Ну-съ, а вамъ что угодно? ироническимъ тономъ обратился графъ къ ожидавшей очереди просительницѣ.

Возрастъ этой женщины было невозможно опредѣлить, такъ-какъ ея волосы были выкрашены, брови наведены, румянецъ вызванъ при помощи свеклы, бѣлизна напоминала о существованіи мѣла, — только зубы, должно быть, по недостатку средствъ, были у нея не искусственные, а просто состояли изъ толстыхъ кусковъ бѣлаго воску, втиснутыхъ между черными остатками былого украшенія ея рта. На ней была очень древняя крашеная шляпка, украшенная яркимъ, хотя и смятымъ, макомъ и двумя колосьями, торчавшими вверхъ, подобно рогамъ. На ней были даже надѣты черныя перчатки, совершенно потрескавшіяся отъ времени и съ развороченными во всѣ стороны концами пальцевъ, которые напоминали группу свѣжихъ орѣховъ, еще не выпутныхъ изъ своихъ гнѣздъ. Когда къ ней приблизился графъ Зябловъ, она сдѣлала граціозный книксенъ.

— Изфинить, экселенцъ! заговорила она ломанымъ русскимъ языкомъ. — У менѣ есть прозубъ. Я долженъ ѣхать на отечество... nach Vaterland... и зовѣмъ не имѣю должныхъ средствъ... Менѣ очень хочется просить сіятельный особъ пособлять менѣ на отѣздъ.

— Вы, кажется, уже ѣздили въ свой Vaterland въ прошломъ году? спросилъ графъ.

Просительница потупила глазки.

— О, я очень, очень билъ больная... Я зовѣмъ лежалъ на кровати...

— Вы обратились-бы въ свое посольство, посовѣтовала Марья Петровна.

— О, я русски подданство принималъ при свадьбѣ и посольствъ менѣ отказывалъ.

— Вы опять, пожалуй, захвораете и не уѣдете, насмѣшливо замѣтилъ графъ.

— О, сохрани Богъ! Я теперь зовѣмъ, зовѣмъ здоровъ...

— Но мы вамъ не можемъ дать на проѣздъ, рѣшилъ графъ.

— Можно попросить билетъ у оберъ-полицеймейстера, зашѣтила Марья Петровна.

— Да вѣдь это вѣчная путешественница, пожалъ плечами графъ.

— Можетъ быть, теперь она и уѣдетъ.

— Блаженъ, кто вѣруеть.

— Мы посмотримъ, обратилась Марья Петровна къ просительницѣ.—Мы достанемъ вамъ билетъ, съ тѣмъ, чтобы вы назначили день отъѣзда, и мы отправимъ васъ сами.

— О, зашѣмъ столь безпокойствъ! Менѣ такъ зовѣстно! конфузилась нѣмка.

— Ничего, ничего, до свиданья, перебилъ ее графъ.

— Но я никакъ не моги назначить день... Я попросить, чтобы экселенцъ лучше выдавалъ менѣ билетъ.

— Этого нельзя. Назначьте день и мы васъ отправимъ.

— Но я удивляйтся, какъ можетъ таковой особъ...

— Извините, у насъ мало времени, оборвалъ ее графъ.

Просительница нахмурила полоски, исправлявшія должность бровей, сдѣлала торопливый книксенъ и, поднявъ къ верху голову, съ видомъ оскорбленной невинности вышла изъ пріемной, шумно хлопнувъ дверью.

— Ну, теперь больше не придетъ: отношенія выяснились, зашѣлся графъ.

— Я устала, вздохнула Марья Петровна. — И что за людъ идетъ къ вамъ! Какіе-то негодяи и тунеядцы.

— А вы думали, что у васъ стануть терять время въ пріемной работники? усмѣхнулся графъ.—Имъ время дорого да и не вѣрять они въ пользу милостыни.

— Тутъ дѣло не въ милостынѣ, а въ разумной помощи. Если они не вѣрять въ нее—имъ-же хуже, разсердилась Марья Петровна.—Всѣ отобраны просьбы? обратилась она къ двумъ другимъ членамъ комитета.

— Нѣтъ, еще остались двѣ просительницы, отозвался секретарь комитета, успѣвшій вмѣстѣ съ казначеемъ общества взять пять или шесть прошеній.

III.

Марья Петровна присѣла и подозвала къ себѣ этихъ просительницъ.

Это были знакомыя намъ мать и дочь.

Старуха, на цыпочкахъ, торопливо кланаясь, подошла къ Марьѣ Петровнѣ. Дочь шла за матерью съ потупленными глазами. Ей было совѣстно, что на нее были теперь обращены всѣ глаза присутствующихъ господъ.

— Съ просьбой, ваше сіятельство, съ просьбой, заговорила старуха жалобнымъ тономъ, приближаясь къ Марьѣ Петровнѣ. — Къ стопамъ вашимъ, ваше превосходительство!.. Ручку позвольте, ваше превосходительство!..

Вся фигура старухи, ея голосъ, ея слова выражали полное униженіе. Она впервые говорила съ такою высокопоставленной особой, она ждала отъ этой особы спасенія и готова была ползать у ея ногъ на колѣняхъ. Марью Петровну неприятно поразили этотъ тонъ. Она была на-столько либеральна, она такъ „современно“ смотрѣла на людскія отношенія, что признавала въ принципѣ всѣхъ людей равными и не допускала униженія однихъ передъ другими.

— Ручку, ваше превосходительство... продолжала старуха.

— Меня зовутъ Марьей Петровной, мелькомъ замѣтила ей предсѣдательница общества, нелюбившая, чтобы ее титуловали.

— Знаю, знаю, ваше превосходительство, ангель сиротъ, вдовъ заступница, жалобно отвѣтила старуха.

— О чемъ вы просите?

— Это вотъ дочь моя, дочь, ваше превосходительство, начала старуха, не умѣя даже дать прямого отвѣта на вопросъ.

— Вы о ней просите? спросила Марья Петровна и окинула глазами молодую дѣвушку.

Молодая дѣвушка почувствовала этотъ взглядъ и покраснѣла еще болѣе.

— Боже мой, съ этихъ лѣтъ привыкаютъ просить! произнесла по-французски Марья Петровна, обращаясь къ графу.

Молодая дѣвушка вздрогнула и закусила губы. Это мимолетное движеніе не было замѣчено никѣмъ.

— И о ней, и о себѣ, ваше превосходительство, продолжала ноющимъ тономъ старуха и дернула за подолъ бурнуса дочь, про-
бормотавъ ей: кланяйся, кланяйся!..—У меня, ваше превосходительство, обратилась она снова къ хозяйкѣ, — мужъ; пьяница, ваше превосходительство, горькая пьяница...

— Я вамъ сказала, что меня зовутъ Марьей Петровной, уже раздражительно замѣтила Марья Петровна, начиная чувствовать отвращеніе къ этой матери, приучающей къ попрошайству свою дочь.

Дѣйствительно, отвратительно видѣть, когда „эти люди“ приучаютъ своихъ дѣтей не къ труду, а къ нищенству.

— Знаю, матушка, ваше превосходительство, знаю!..

— Ну, такъ и зовите меня по имени...

— Да смѣю-ли я, ваше превосходительство! У ногъ вашихъ...

— Отчего-же нѣтъ? Вѣдь не зову-же я васъ вашимъ благородіемъ, съ ироніей замѣтила раздраженная отвратительными тунеядцами Марья Петровна.

Старуха даже засмѣялась какимъ-то беззвучнымъ, подобострастнымъ смѣхомъ.

— Ужъ какое я благородіе, ваше превосходительство, заговорила она. — Благородство-то наше въ кабакѣ пропято... Мужъ меня сокрушилъ. Безъ хлѣба сидимъ, все въ кабакѣ, все въ кабакѣ несеть... У него тамъ пріатели, просьбы имъ строчить... Это онъ по-новому-то какъ называется... альбакась, что-ли... вотъ что по судамъ хлопочуть...

— Тоже благотворитель, иронически замѣтилъ графъ, обращаясь къ казначею.

Это едва слышно сдѣланное замѣчаніе не ускользнуло отъ слуха старухи. Она съ поклонами обратилась къ графу.

— Какой ужъ благотворитель, батюшка ваше высокопревосходительство—не знаю, какъ величать васъ, заговорила она.— Грабитель онъ, грабитель, вотъ онъ что!.. Онъ, ваше...

— О чемъ-же вы просите? прервала ее Марья Петровна.

— Да развѣ я знаю, ваше превосходительство, о чемъ мнѣ просить? растерялась старуха.— Дура я, совсѣмъ дура безтолковая!.. Нужда меня давить, нужда меня гонить! И всегда-то я была не очень шустра, а теперь ужъ совсѣмъ голову потеряла... ровно въ туманѣ какомъ хожу... Вотъ тоже и на дѣточекъ сердце

надрывается смотрѣть... Вотъ дочь моя, Дашей зовутъ, ваше превосходительство, Дашей...

Старуха быстро дернула дочь за бурнусъ и пробормотала ей:
— Да кланяйся-же, кланяйся!

Дочь стояла, какъ статуя.

— Рукодѣльница она, опять обратилась старуха къ благотворителямъ, — а при отцѣ хоть не работай... Что она добудетъ — онъ все прощеть, все. Потому мальчоночекъ есть у меня десяти лѣтъ... Шустрый такой, все это понимаетъ, все смекаетъ... Вотъ намедни самъ салазочки мнѣ смастерилъ подъ корзины для бѣлья... Стираю я, матушка ваше превосходительство, на - сторону стираю... Ишь руки-то всѣ вспухли да потрескались, вонъ онѣ красныя какія... Тоже и не лѣта... спина болитъ отъ лоханки-то...

— Значить вы хотите дѣтей пристроить? спросила Марья Петровна.

— У меня и хотѣній-то нѣтъ, матушка ваше превосходительство, покачала головой старуха. — Такъ брожу, какъ въ лѣсу какомъ... ровно угорѣла я и не вижу это ничего... какія у меня хотѣнія!.. Вотъ вся я тутъ, дѣлайте, что вамъ Богъ на душу положить...

— Мы не можемъ... началъ казначей, знавшій, что въ кассѣ общества имѣется какихъ-нибудь три рубля.

— Пожалуйста не предрѣшайте ничего, перебила его Марья Петровна. — Рѣшать — это дѣло комитета... Я постараюсь помочь вамъ, обратилась она къ просительницѣ. — Оставьте свой адресъ.

— Въ прошеніи, матушка ваше превосходительство, Дашенька все прописала, отвѣтила старуха.

Секретарь комитета уже разсматривалъ это прошеніе и обратился съ вопросомъ къ молодой дѣвушкѣ:

— Это вы писали?

Молодая дѣвушка едва слышно проговорила:

— Я.

— У васъ хорошій почеркъ, замѣтилъ секретарь и показалъ бумагу Марьѣ Петровнѣ.

— Вы гдѣ-нибудь учились? спросила предсѣдательница комитета.

— Урывками, тихо отвѣчала дѣвушка. — Когда батюшка служилъ, мы жили безъ особенной нужды...

— Приношенія были, матушка ваше превосходительство. приношенія добрыхъ людей, вмѣшалась въ разговоръ старуха.

— Вотъ, графъ, прогресь: взяточники идутъ по-міру, вскользь и тихо замѣтилъ казначей, поднося къ носу открытую, маленькую золотую табакерку.

— Поправятся на адвокатскомъ поприщѣ, также вскользь отвѣтилъ графъ Зябловъ.

— Это точно, батюшка ваше высокопревосходительство. поправился-бы, поправился-бы, заговорила старуха, считавшая своимъ долгомъ отвѣчать впопадъ и не впопадъ на всѣ чужія рѣчи, — только-бы не пилъ; а то какъ не поправиться! Ужь вѣдь я чего-чего не дѣлала: и землю съ могилоекъ, гдѣ Андрей похороненъ — мужа-то моего Андреемъ зовутъ — брала да водку ею настаивала, и девять клоповъ въ штофъ опускала...

— Ну ужь это, должно быть, послѣднее средство, усмѣхнулся казначей.

— Послѣднее, послѣднее, батюшка ваше сіятельство. вздохнула старуха, — а не помогло, не помогло...

— Вы въ пансіонѣ были? спрашивала между тѣмъ Марья Петровна у молодой дѣвушки.

— Да... впрочемъ, такъ, недолго... училась потомъ одна... сначала было стыдно быть незнающей...

Дѣвушка говорила не смѣло, конфузясь, испытывая. повидному, самую тяжелую муку.

— Сначала? А теперь? спросила ее Марья Петровна.

— Теперь и стыдиться некого, опустивъ голову, отвѣтила дѣвушка. — Сначала еще были знакомые, подруги... Теперь мы одни живемъ... къ батюшкѣ только мужики ходятъ по дѣламъ...

— Ужь извѣстно, кто-же станетъ къ намъ порядочный-то ходить, ваше превосходительство, пояснила старуха.

— Вамъ, должно быть, очень тяжело? вздохнула Марья Петровна, поднимаясь со стула.

— Что я!.. Мой вѣкъ конченъ, произнесла дѣвушка. — Брата жаль. Мальчикъ умный... его судьба впереди...

— Вы такъ говорите, какъ-будто ваша судьба не впереди, улыбнулась Марья Петровна, взглянувъ на молодое лицо дѣвушки.

— О себѣ я не думаю, свѣклась... Да что и думать?.. Ничѣмъ не пособить! послышался тихій отвѣтъ.

— Полноте, полноте! Зачѣмъ отчаяваться? Вотъ мы похлопочемъ, ободрила ее Марья Петровна, готовясь уйти.

Молодая дѣвушка замѣтила это движеніе, какъ-будто что-то вспомнила и шагнула къ Марьѣ Петровнѣ.

— Матушкѣ говорили, начала она несмѣло, — что общество даетъ деньги...

Она на минуту перевела духъ, точно ей трудно было говорить.

— Деньги не помогутъ, продолжала она. — Сдѣлайте что-нибудь для брата... его спасите!..

— Хорошо, хорошо, я все сдѣлаю, что могу, отвѣтила Марья Петровна, направляясь къ дверямъ. — Надо будетъ поручить Аделаидѣ Александровнѣ эту семью, замѣтила она, казначею.

— Все на нее, все на нее, усмѣхнулся онъ.

— Ахъ, Боже мой, всплила Марья Петровна. — Взясась за дѣло, такъ и должна дѣлать!

— Люби кататься, люби и саночки возить, съ какою-то двусмысленною усмѣшкою замѣтилъ графъ Зябловъ.

Члены комитета и предсѣдательница общества удалились, провождаемые поклонами старухи.

— Ну что-же стоишь-то? Пойдемъ! обратилась мать къ дочери, когда двери закрылись за благотворителями.

Дочь стояла молча, опустивъ руки, склонивъ голову. Она вздрогнула и очнулась, услышавъ голосъ матери.

— Да, да, пойдите, торопливо проговорила она и поспѣшно вышла изъ пріемной на лѣстницу, точно боясь, что ихъ прогонятъ, если онѣ еще простоятъ здѣсь хоть немного.

IV.

Почти въ это-же время по той-же лѣстницѣ поднималась еще одна личность. Это была женщина лѣтъ двадцати восьми, съ черными, просто, но красиво причесанными волосами, съ большими черными глазами, съ нѣсколько крупными, страстными губами. Несмотря на нѣкоторую полноту, она была еще довольно стройна и шла легкой поступью. Ея черное шелковое платье, черныя серьги и черныя браслеты очень выгодно выставляли на видъ матовую бѣлизну ея лица, шеи и рукъ. Только около глазъ лежала у нея какая-то легкая тѣнь, дѣлавшая ея глаза и больше,

и глубже. На ея щекахъ игралъ довольно ровный, но слабый румянецъ, придававшій лицу свѣжій и молодежавый видъ. Въ это красивое лицо, напоминавшее слегка южные типы, нужно было всматриваться очень пристально, чтобы разглядѣть и мелкія, преждевременныя морщинки около угловъ глазъ, и нѣкоторую дряблость кожи, потерявшей упругость молодого тѣла. Проходя мимо зеркала на первой площадкѣ лѣстницы, молодая женщина бросила едва уловимый взглядъ на него, но, должно быть, этого взгляда было достаточно, чтобы она сразу осмотрѣла всю свою фигуру, — но крайней мѣрѣ, свернувъ съ площадки, она уже проводила рукой по лбу, и тотчасъ-же на этотъ лобъ упалъ небольшой завитокъ волосъ, который до того лежалъ на гладко-причесанныхъ волосахъ, должно быть откинутый туда вѣтромъ, когда она выходила изъ кареты. Взглянувъ на это лицо именно въ эту минуту, опытный художникъ сразу понялъ-бы, что этому лбу недоставало именно такого капризно-отдѣляющагося отъ гладко-зачесанныхъ волосъ завитка. Безъ этого завитка лобъ молодой женщины казался-бы слишкомъ широкимъ, слишкомъ гладкимъ, слишкомъ пустымъ и вульгарнымъ, если можно такъ выразиться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ плоскихъ, гладкихъ, широкихъ русскихъ лбовъ, которые такъ часто встрѣчаются у полныхъ купчихъ и на которыхъ, по большей части, не отражается ничего. Этимъ лбамъ нужны долгіе годы или горькія страданія, чтобы на нихъ появилась замѣтная морщинка, свидѣтельница горя, тяжелыхъ невзгодъ и долгихъ одинокихъ размышленій. Эта морщинка уже появилась на лбу молодой женщины, появилась, вѣроятно, недавно, такъ-какъ она была едва замѣтна, какъ слѣдъ, который остался-бы на кожѣ, если-бы по ней провести тупой стороной ножа.

— Марья Петровна у себя? мелькомъ спросила молодая женщина у лакея, входя въ бѣлый залъ.

— Въ кабинетъ, отвѣтилъ лакей.

— Одна?

— Однѣ-съ. Графъ Зябловъ, казначей и Николай Ивановичъ здѣсь, но курить пошли на половину къ генералу. Прикажете доложить?

— Не надо.

Посѣтительница безъ доклада, легко и скоро направилась че-

резъ залъ къ кабинету хозяйки; видно было, что она „свой человекъ“ въ домѣ.

— Наконецъ-то я дождалась васъ, Аделаида Александровна, вселикунула Марья Петровна, завидѣвъ ее, и чуть-чуть приподнялась съ кушетки, отбросивъ книгу.

— А что, развѣ члены комитета уже всѣ на-лицо? спросила поспѣвательница, пожимая протянутую ей руку.

— Нѣтъ; вы знаете, какъ собираются наши члены, нетерпѣливо пожала плечами хозяйка. — Но я ждала васъ, чтобы скорѣе узнать, что вы сдѣлали относительно маскарада.

— Совершенно измучилась, ѣздила цѣлый день, проговорила молодая женщина, снимая перчатки.

— Да, но результаты, результаты? Это главное! торопила ее Марья Петровна.

— Балетчицы будутъ стоять у колесъ alegri, отвѣтила гостья. — Ахъ, Боже мой, что это за женщины! Зависть, интриги! Зорина не хочетъ продавать билеты, потому что Башина будетъ продавать; Горлина отказывается отъ продажи, потому что Львовъ находится въ Москвѣ и не будетъ въ маскарадѣ; Агренева не идетъ къ колесу безъ Мухиной. Мнѣ пришлось даже за кулисами дежурить...

— Да, но въ концѣ-концовъ вы все-таки уговорили кого-нибудь перебила ее Марья Петровна.

— Да.

— Хорошо. Но вы помните, я васъ еще просила обдѣлать дѣло съ этой падшей женщиной, которая обратилась къ намъ съ просьбой объ освобожденіи ея отъ настоящаго ея положенія.

Марья Петровна произнесла эту фразу отчетливо и ясно, не моргнувъ глазомъ, и не замѣтила, какъ по лицу молодой женщины разлилась краска.

— Кажется, это дѣло улажено, проговорила Аделаида Александровна въ смущеніи.

— Отлично, отлично! заговорила Марья Петровна. — Вы сдѣлали все такъ, какъ я полагала. Удача должна была послѣдовать непременно. Я это знала.

Марья Петровна бессознательно отнимала у Аделаиды Александровны честь изобрѣтенія средствъ для спасенія несчастной

женщины. Она въ волненіи встала съ мѣста и протянула руку своей гостьѣ. Последняя тоже поднялась съ кресла.

— Благодарю васъ! мимоходомъ произнесла Марья Петровна. — Теперь мы увидимъ, какъ станутъ увѣрять насъ господа члены, что мы далѣе трехрублевой помощи не умѣемъ и не можемъ идти. Они называютъ насъ платоническими поклонницами женскаго вопроса. Пускай! Но пусть отвѣтятъ они, кому изъ нихъ удалось въ жизни спасти отъ паденія хоть одну женщину? Нѣтъ, они могутъ насчитать только погубленныхъ ими жертвъ, а не спасенныхъ несчастныхъ. Наше общество должно поставить себѣ главною цѣлью спасти падшихъ женщинъ. Намъ нечего заботиться о какихъ-нибудь пустякахъ въ родѣ доставленія дешевыхъ квартиръ. Это паліативы.

— Да, я забыла еще вамъ сказать, замѣтила гостья: — не говорите членамъ, какимъ образомъ удалось намъ спасти эту несчастную. Для нашего дѣла лучше, если они будутъ только знать, что вы захотѣли спасти ее и спасли. Чѣмъ тверже будете стоять вы, тѣмъ лучше пойдетъ общее дѣло.

Хозяйка крѣпко пожала ей руку.

Аделаида Александровна перевела духъ; она понимала, что Марья Петровна будетъ довольна, если вся честь заслуги будетъ приписана ей самой, Прозоровой-Солонецкой, а не какой-нибудь Муратовой.

— Тамъ уже, кажется, собрались члены, проговорила Марья Петровна, уже чувствовавшая потребность рассказать о своемъ подвигѣ. — Выйдите къ нимъ, а я явлюсь черезъ минуту.

Объ женщины еще разъ обмѣнялись рукопожатіями и направились въ разныя стороны. Аделаида Александровна легкимъ движеніемъ руки отстранила тяжелую шелковую портьеру, опущенную у дверей кабинета, и вышла неторопливо въ гостиную. Ея лицо, горѣвшее за минуту выраженіемъ смущенія и стыда, теперь послушно приняло оттѣнокъ не то утомленія, не то грусти. Она привѣтливо и дружески раскланялась съ каждымъ изъ присутствовавшихъ въ гостиной, задушевно пожала своей пухленькой и мягкой ручкой протянутыя руки гостей и прошла въ стору, гдѣ за рѣшоткою, обвитою цвѣтами, недалеко отъ камина, стояла небольшая кушетка и столъ съ альбомами для визитныхъ карточекъ. Она устало опустилась на кушетку, взяла одинъ изъ

альбомовъ, положила его на колѣни, раскрыла его и какъ-будто задремала въ этомъ положеніи. Ея лицо едва озарялось огнемъ, догоравшимъ въ каминѣ, и казалось еще прекраснѣе при этомъ полусвѣтѣ, при этомъ полумракѣ.

— Такъ задумались, что даже не замѣчаете своихъ друзей, послышался около нея негромкій и нѣсколько непріятный по своей сухости голосъ.

— Здравствуйте, баронъ, коротко, но дружески произнесла Аделаида Александровна, пожимая протянутую ей руку.

— Вы сегодня какъ-то грустны, замѣтилъ баронъ, помѣщаясь на креслѣ.

Баронъ Гельфрейхъ былъ однимъ изъ крупныхъ петербургскихъ или, вѣрнѣе сказать, берлинскихъ евреевъ-банкировъ.

— Нѣтъ... Жду мужа. Марья Петровна непремѣнно требуетъ, чтобы я познакомила его съ ней, сухо отвѣтила Аделаида Александровна.

— И потому вы уединились отъ всего общества? улыбнулся баронъ.

— Я устала.

— Дѣйствительно, у васъ утомленное лицо. И все это отъ хлопотъ съ этими филантропическими затѣями. Вѣдь такъ долго и до полной потери силъ.

— А, Боже мой, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! точно въ сторону, точно про себя прошептала или, скорѣе, вздохнула молодая женщина и стала перелистывать альбомъ.

— Что это? Отчаяніе? спросилъ баронъ.

Отвѣта не было.

— Странные вы господа, мужчины, вдругъ заговорила Аделаида Александровна, поднявъ глубокіе глаза на своего собесѣдника, который какъ-то жадно впился въ нихъ своими тусклыми глазами. — Вы заняты крупными дѣлами, въ карточной игрѣ и въ финансовыхъ оборотахъ вы рискуете миліонами, въ служебномъ мѣстѣ вы гоняетесь за высшими мѣстами, — все это волнуетъ васъ, все это заставляетъ васъ забывать мелочи жизни и жить всѣми нервами своего существа. А когда мы, женщины, стремимся создать себѣ хоть какое-нибудь дѣло, чтобы забыться, чтобы увлечься имъ, чтобы заглушить всѣ гнетущія мысли, — вы удивляетесь, вы не понимаете, для чего мы тратимъ на это дѣло свои

силы. Поймите вы, что эти силы погибли-бы еще скорѣе, если-бы мы сидѣли однѣ съ своими думами...

Баронъ ничего не отвѣчалъ: широкое лицо откормившагося еврея приняло какое-то плотоядное выраженіе. Онъ не спускалъ своего свинцоваго взгляда съ блестящихъ въ полутьмѣ глазъ молодой женщины.

— Вы вѣдь не знаете моего мужа? вдругъ рѣзко спросила она.

— А что? очнулся баронъ при словѣ: „мужъ“.

— Хотите, я васъ познакомлю? съ едва замѣтной ироніей въ голосѣ спросила она.—Онъ пріѣхалъ.

Она неторопливо повернула голову въ сторону и слегка кивнула господину, въ нерѣшительности стоявшему посрединѣ гостиной. Это былъ высокій, толстый, неуклюжій господинъ во фракѣ. Его нѣсколько сплюснутая съ боковъ, облысѣвшая голова съ большими отвислыми ушами, съ непомято-большой верхней губой, закрывавшей нижнюю губу, очень походила на свиную голову. Это лицо выражало не то холодную тупость, не то напускное глубокомысліе. Кто зналъ Аркадія Павловича Муратова лѣтъ пять-шесть тому назадъ, тотъ съ трудомъ узналъ-бы его теперь,—такъ онъ облысѣлъ, обрѣзгъ, опустился и постарѣлъ. Онъ неуклюже и лѣниво подошелъ къ Аделаидѣ Александровнѣ.

— А я тебя искалъ, проговорилъ онъ хриплымъ басомъ.

— Мой мужъ, Аркадій Павловичъ Муратовъ; баронъ Исаакъ Осиповичъ Гельфрейхъ, сухо произнесла молодая женщина.

Баронъ Гельфрейхъ и Муратовъ раскланялись и пожали другъ другу руки. Въ эту минуту къ ихъ группѣ подошла хозяйка.

— Марья Петровна, рекомендую новаго члена нашего общества,—мой мужъ, проговорила Аделаида Александровна.

— А, очень рада, протянула хозяйка руку гостю.—Надѣюсь, вы будете болѣе дѣятельнымъ членомъ, чѣмъ прочіе наши члены. Я еще должна поблагодарить васъ за ваши хлопоты о нашемъ маскарадѣ...

— Это не я... началъ Муратовъ, но Аделаида Александровна не дала ему кончить.

— Ахъ, вы напрасно его благодарите: вы никогда не заставите его сознаться въ его доблестяхъ, засмѣялась она и въ этомъ

смѣхъ было что-то невеселое. — Онъ сдѣлаетъ все, что угодно, и будетъ все-таки отрицать свои заслуги... Бстати о маскарадѣ: вы спрашивали у казначея насчетъ денегъ на расходы?

— Нѣтъ еще, отозвалась хозяйка. — Хорошо, что напомнили. А вѣдь извѣстіе о нашемъ подвигѣ произвело впечатлѣніе, проговорила она съ сіяющимъ видомъ и, пожавъ съ благодарностью руку Аделаиды Александровны, пошла отыскивать казначея.

— Ого, въ нашемъ „обществѣ“ начинаютъ совершаться уже какіе-то подвиги! засмѣялся баронъ Гельфрейхъ.

— Не подвиги, баронъ, а сдѣлано дѣйствительно доброе дѣло, замѣтила Аделаида Александровна. — Мнѣ удалось спасти отъ гибели одну несчастную женщину.

— И предоставить торжество на долю Марьи Петровны? добавилъ баронъ.

— Всякому свое, вздохнула Аделаида Александровна. — Марья Петровна на-столько счастлива, что ей нужны только похвалы и поклоненіе, я-же довольствуюсь и сознаніемъ, что мнѣ удалось спасти хотя одну погибающую женщину.

Она вздохнула и взглянула на мужа, неуклюже стоявшаго около нихъ и незнавшаго, что дѣлать съ собою, и мелькомъ замѣтила ему:

— Ты вѣдь здѣсь не знаешь расположенія комнатъ. Вонъ тамъ, за бѣлой залой и красной комнатою, комната для куренья.

Муратовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указала его жена, и неторопливо, тяжелой поступью пошелъ курить. Аделаида Александровна посмотрѣла ему вслѣдъ полными грусти глазами. Потомъ, вдругъ оживившись и какъ-бы искусственно ободравшись, поднялась съ мѣста.

— Однако, что-же мы сидимъ безъ дѣла, проговорила она торопливо. — Пора начать засѣданіе: бѣдняки ждутъ рѣшенія ихъ участи.

— Подождутъ еще, посидите хоть немного, остановилъ ее баронъ.

— Ахъ, нѣтъ, баронъ, отвѣтила она. — Хорошо вамъ говорить: подождутъ! Нужно быть несчастнымъ, чтобы понять, какъ тяжела каждая лишняя минута несчастія и безпомощности.

— А вы это понимаете? спросилъ баронъ и опять его лицо приняло плотоядное выраженіе.

— О, баронъ, я и не думала, что вы страдаете тѣмъ-же порокомъ, за который обвиняютъ насъ, дочерей Евы, засмѣялась Муратова.

— Какимъ это?

— Любопытствомъ.

Она вдругъ приняла веселый и бойкій видъ и вмѣшалась въ группу членовъ „Общества первой помощи“. Черезъ минуту въ гостиной уже громко раздавался ея звучный и довольно свѣжій голосъ.

— Господа, господа, да вы ничего не дѣлаете! слышались ея слова.— Вы занимаетесь личными дѣлами и дѣла нашего общества васъ нисколько не интересуютъ... Ахъ, mesdames, что за вопросы о томъ, въ чемъ быть въ маскарадѣ! Точно мы поѣдемъ показывать себя. Мнѣ, право, совершенно все равно, если мнѣ придется быть въ моемъ черномъ бархатномъ „мундирѣ“...

Баронъ Гельфрейхъ вслушивался въ звуки этого голоса съ такою жадностью, съ какою едва-ли вслушивался онъ въ звуки падающаго на столъ червонца въ тѣ давно минувшіе дни, когда онъ, баронъ Гельфрейхъ, носилъ еще названіе Ицки и цѣловалъ сапоги толстаго русскаго откупщика, произведшаго его за одно необычайно ловкое мошенничество изъ должности „подносчика“ въ званіе цѣловальника. Эта круглая голова съ большимъ носомъ, съ толстыми, отвислыми губами непомятно широкаго рта, съ вьющимися черными волосами, слегка серебрившимися сѣдиной, это блѣдное и обрзвгшее лицо, эти свинцовые глаза, мутные, какъ у пьяницы, и въ то-же время выражавшіе алчность и какую-то, если можно такъ выразиться, холодную страстность, эта плотоядная улыбка, открывавшая два ряда здоровыхъ, волчьихъ зубовъ,— все это дѣлало барона Гельфрейха въ эту минуту похожимъ на опянѣвшаго сатира, готоваго съ чисто-животною страстью схватить въ свои мускулистыя объятія обольстившую его вакханку. Онъ еще мало былъ знакомъ съ Муратовой—онъ видѣлъ ее не болѣе двадцати разъ, но онъ уже успѣлъ увлечься этимъ „лакомымъ кускомъ“, какъ онъ мысленно называлъ ее. Ему нравились въ ней и ея сочныя формы, и ея измѣнчивые, то живые и бойкіе, то томные и меланхолическіе бархатные глаза, и этотъ бѣлый лобъ, живописно оттѣненный нечаянно упавшимъ на него завиткомъ волосъ, и эти губы, страстныя, грѣшныя губы, иногда

оставшіяся полу-открытыми съ такимъ сладострастнымъ выраженіемъ, что баронъ впивался въ нихъ глазами, и, наконецъ, ея граціозныя и мягкія движенія, имѣвшія что-то общее съ кошачьею граціею.

— Господа, мы можемъ, кажется, перейти въ залу засѣданія, пригласила хозяйка членовъ комитета.

— Я, къ сожалѣнію, не буду присутствовать сегодня въ засѣданіи, замѣтила Муратова. — У меня есть еще дѣла по „Обществу раздачи работъ бѣднымъ женщинамъ“ и въ „Обществѣ дешевыхъ квартиръ“.

— Кстати о бѣдныхъ женщинахъ, вспомнила хозяйка. — Вотъ адресъ, обратилась она къ Аделаидѣ Александровнѣ. — Тутъ была одна бѣдная съ дочерью... Посѣтите ихъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Имъ нужна радикальная помощь. Дѣвушка умѣетъ шить, ее нужно вырвать изъ семьи. Мать уже приучаетъ ее въ попрошайству. Семья какая-то дикая: отецъ взяточникъ и пьяница, мать глупа и унижается... Вы могли-бы взять дѣвушку къ себѣ въ качествѣ швеи... Вообще, mesdames, намъ надо-бы сдѣлать починъ и перестать отдавать шитье платьевъ французенкамъ. Онѣ наживаются, а наши русскія работницы голодаютъ. Общество раздачи работъ бѣднымъ женщинамъ вовсе не понимаетъ сущности женскаго вопроса и поддерживать этотъ вопросъ — наша обязанность.

Марья Петровнѣ всегда казалось, что всѣ другія филантропическія общества совершенно ничтожны въ сравненіи съ обществомъ, основаннымъ ею.

— Хорошо, я побываю у нея, отвѣтила Аделаида Александровна, взявъ адресъ.

— А что, какъ идутъ дѣла въ „Обществѣ раздачи работъ“? спросила Прозорова-Солонецкая.

— Тридцать пять копеекъ въ касѣ! пожалала плечами Муратова.

— Ну, это въ десять разъ хуже, чѣмъ у насъ! засмѣялся казначей.

— Да и у насъ немного, замѣтила Муратова.

— Намъ маскарадъ и alegри помогутъ, рѣшила хозяйка. — Деньги въ дѣлахъ благотворительности — послѣдній вопросъ!

Муратова простилась и направилась къ выходу. Баронъ стоялъ на ея пути.

— Вы увѣжаете? спросилъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

— Да, отвѣтила она. — Кстати, не возьметесь-ли вы раздать нѣсколько билетовъ на маскарадъ?

— Для васъ готовъ, отвѣтилъ онъ.

— Такъ я вамъ ихъ пришлю, сказала она, протягивая ему руку. Онъ удержалъ эту руку въ своей широкой и нѣсколько влажной рукѣ долѣе, чѣмъ позволяло приличіе.

— Если вы позволите, я заѣду самъ за билетами завтра, проговорилъ онъ.

— Утромъ я занята... Часовъ въ восемь вечеромъ, въ раздумьи отвѣтила она, какъ-бы соображая, когда она будетъ дома.

— Если вы позволите мнѣ сдѣлать первый визитъ въ эту пору, вѣжливо замѣтилъ онъ.

— Вы-же будете по дѣлу общества, пожала она плечами.

— Мнѣ очень жаль, что я буду только какъ членъ „общества“, а не какъ знакомый, съ удареніемъ произнесъ баронъ.

— Вы придаете значеніе словамъ, засмѣялась она лукаво и, кивнувъ головой, направилась въ залъ, гдѣ уже бродилъ одиноко Аркадій Павловичъ.

Она какъ-то холодно и презрительно взглянула на его сонную фигуру и, взявъ его подъ руку, стала спускаться съ нимъ по лестницѣ.

— Барету Муратовыхъ! уже кричалъ на подъѣздѣ швейцаръ.

— Фу, точно гора свалилась съ плечъ! вздохнулъ глубокимъ вздохомъ Муратовъ, откинувшись къ спинкѣ кресла и разстегивая подъ шубой жилетъ, постоянно давившій его все болѣе и болѣе тучнѣвшее тѣло.

Аделаида Александровна бросила на него взглядъ, полный самаго безпощаднаго презрѣнія.

— Надѣюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, старался молчать, холодно замѣтила она, какъ-то нетерпѣливо разстегивая перчатку.

— Съ кѣмъ-же мнѣ было говорить, если я никого не знаю, отвѣтилъ мужъ.

— И слава-богу. Это избавило тебя отъ возможности сказать какую-нибудь глупость, пробормотала она, сдергивая перчатку.

— Я не понимаю даже, зачѣмъ мнѣ было ѣздить, размышлялъ Муратовъ. — Битыхъ два часа ходилъ изъ угла въ уголь и самъ не знаю, для чего.

Муратова пожала плечами и съ силою рванула пуговицы другой перчатки, такъ что одна изъ этихъ пуговицъ отлетѣла прочь.

— Завтра нужно достать три тысячи, сквозь зубы проговорила она. — Онѣ нужны часамъ въ пяти.

— Гдѣ-же мнѣ ихъ достать? Достать негдѣ, проговорилъ мужъ.

— Гдѣ достать—это твое дѣло, но онѣ необходимы. Завтра нужно заказать платье, а послѣ завтра нужно выкупить брилліанты. У насъ будетъ въ обществѣ маскарадъ и мнѣ непременно нужно быть хорошо одѣтой.

Аделаида Александровна говорила рѣзко и рѣшительно.

— Ужь какіе тутъ маскарады, когда надняхъ приходится платить проценты по залогу имѣнія, возразилъ мужъ.

— Я тебѣ говорю, что мнѣ нужно быть хорошо одѣтой, и этого довольно, произнесла Муратова.

— Да, но откуда-же мнѣ взять денегъ? Не лучше-ли занять тебѣ самой?.. Попросить хоть у этого барона...

— Что? произнесла Аделаида Александровна и окинула мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія. — Показать Гельфрейху, что мы нищіе, обратиться къ нему съ просьбою о какихъ-нибудь трехъ тысячахъ, когда онъ думаетъ, что мы богаты, когда онъ не смѣетъ еще предложить даже мѣста тебѣ съ пятью-шестью тысячами жалованья...

— Что-жь, я-бы взялъ такое мѣсто, пусть предложитъ, простовато произнесъ Аркадій Павловичъ.

— Пусть предложитъ!.. передразнила его съ горечью жена. — Ты взялъ-бы!.. Я думаю!.. Но пойми ты, что этотъ жидъ охотно отдѣляется отъ насъ тремя тысячами, если можно, и не дастъ тебѣ этого мѣста, если собразить, что ты нищій. Или ты думаешь, что мнѣ нужны новые наряды и брилліанты потому, что я еще дорожу этою мишурой? Или ты полагаешь, что я ѣду въ маскарадъ для того, чтобы имѣть удовольствіе видѣть около себя этого жида, этихъ чопорныхъ барынь, этихъ глухихъ франтовъ? Мнѣ все это уже слишкомъ надоѣло. Я уже шесть лѣтъ смотрю на всю эту пошлую комедію. Боже мой, какъ все это гадко, омерзительно!.. Но мы стоимъ наканунѣ разоренія и потому намъ нужно употребить всѣ средства, чтобы спастись. Кто нищается, тому бросаютъ грошъ, очень хорошо зная, что нищій станетъ из-

ливаться въ благодарностяхъ за этотъ грошъ; кто парадируетъ своимъ богатствомъ, тому осторожно предлагаютъ тысячи, десятки тысячъ, и еще боятся, что онъ можетъ обидѣться...

— Но положимъ, я найду, гдѣ достать,—проценты заломать большіе, нерѣшительно началъ мужъ.

— Что-жь, тебѣ въ первый разъ приходится ихъ платить? Впрочемъ, нѣтъ! Ты вѣдь только дѣлалъ долги, а платила я. платила, когда ты дѣлалъ долги даже не спросяся меня... А теперь вдругъ стѣсняешься!..

Въ ея словахъ, въ выраженіи ея лица была горькая иронія.

— Не то... Ну, а если мѣста баронъ не дастъ?..

— Тогда тебя посадятъ въ долговое отдѣленіе, потому что все, что у насъ еще есть,— мое.

Муратовъ посмотрѣлъ на жену съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ: онъ не зналъ, шутить-ли она или говоритъ серьезно. Аделаида Александровна молчала и смотрѣла задумчиво въ открытое окно кареты на мелькавшіе фонари. На дворѣ таяло, воздухъ былъ тяжелый, мгlistый. Карета ѣхала въ это время по Невскому. По тротуару въ довольно жиденькихъ бурнуссахъ и кофточкахъ изъ плиса и манчестра торопливо мелькали женскія фигуры, проходя вертлявой поступью и курия папиросы. Нѣсколько человѣкъ молодежи и стариковъ, то группами, то по одиночкѣ. слѣдили за этими женщинами, иногда останавливались и заговаривали съ ними. На углу Большой Конюшенной стояла цѣлая толпа людей и, повидимому, о чемъ-то спорила съ полицейскимъ. Посрединѣ этой группы стояла какая-то женщина, отбивавшаяся отъ людей и громко кричавшая:

— Не пойду!

До слуха Муратовой смутно долетѣли звуки этого голоса, хриплые, надорванные звуки. Она вздрогнула.

— Что онъ заснулъ, что-ли? нетерпѣливо обратилась она къ мужу. — Скажи, чтобы ѣхалъ скорѣе.

Аркадій Павловичъ, уже успѣвшій задремать, очнулся и не сразу сообразилъ, что случилось. Потомъ онъ открылъ съ своей стороны окно кареты, высунулъ голову и крикнулъ извозчику:

— Пошелъ, чего ты спишь!

Въ карету прошла струя холоднаго сквознаго вѣтра.

— Фу! вздрогнула Муратова.

Мужъ обернулся къ женѣ и безцѣльно пробормоталъ, закрывая окно:

— Холодно, не простудись!

Жена ничего не отвѣтила, но въ ея душѣ шевельнулось что-то въ родѣ ненависти къ мужу. До сихъ поръ она только презирала его, теперъ онъ возбуждалъ въ ней ненависть. Въ ея головѣ вдругъ промелькнуло все ея прошлое, все ея настоящее. и ей почему-то показалось, что ея мужъ, говоря ей: „не простудись“, мысленно добавлялъ: „не то я мѣста не достану“. Впрочемъ, она ошибалась: ея мужъ теперъ уже былъ неспособенъ додуматься даже и до этого. А между тѣмъ онъ, и только онъ, былъ источникомъ всѣхъ ея страданій, ея паденія, ея униженія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думала она.

V.

Карета, въ которой сидѣли Муратовы, доѣхала по Невскому проспекту до Малой Морской, свернула въ эту улицу и скоро остановилась у одного изъ большихъ домовъ недалеко отъ Кирпичнаго переулка. Прежде, чѣмъ швейцаръ успѣлъ выбѣжать изъ подъѣзда, Аделаида Александровна уже отворила дверцу кареты и вошла въ подъездъ. Она поспѣшно поднялась до бель-этажа, нетерпѣливо позвонила у дверей своей квартиры и сбросила свою черную, бархатную ротонду на руки лакея, отворившаго дверь. Она видимо спѣшила пробраться поскорѣй на свою половину, избѣгая дальнѣйшихъ разговоровъ съ своимъ мужемъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ ей противенъ и ненавистенъ, какъ никогда. Она вошла въ свой будуаръ, предшествуемая горничной, несшей лампу.

— Прикажете подать чай? спросила горничная, поставивъ лампу на столъ и принимая изъ рукъ барыни кружевную косынку, которую Аделаида Александровна небрежно сбросила съ головы.

— Не надо, отрывисто произнесла Аделаида Александровна. — Я сейчасъ лягу.

— Прикажете раздѣть?

— Нѣтъ. Я раздѣнусь сама. Ступайте!

Въ эту минуту въ комнату долетѣло нѣсколько смутныхъ звуковъ рояля.

— Викторъ Валерьяновичъ дома? спросила Муратова.

— У нихъ гости, отвѣтила горничная.

— А!

До слуха Муратовой такъ-же смутно долетѣлъ хохотъ нѣсколькихъ голосовъ и крики: „браво, браво!“

— Если кто-нибудь спросить, легла-ли я,—скажите, что легла, снова обратилась она къ горничной.

— И барину? спросила горничная.

— Разумѣется!

Горничная удалилась.

Аделаида Александровна опустила на маленькое канале и опустила на колѣни плотно сжатая руки. Впервые въ жизни она вполне ясно, болѣзненно сознавала, что она безконечно, безысходно несчастна. Ея денежные дѣла и денежные дѣла ея мужа запутались до послѣдней крайности. Въ сущности, Муратовы стояли наканунѣ нищеты. Правда, они еще занимали бельэтажъ въ богатомъ домѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ; они еще держали много прислуги; они еще ѣздили въ экипажахъ—уже въ наемныхъ экипажахъ, но все-таки не на простыхъ дрожкахъ, не ходили пѣшкомъ; они еще появлялись въ большомъ свѣтѣ и принимали у себя значительныхъ особъ, но все-таки они были нищими или даже хуже нищихъ, потому что у нихъ не только не было денегъ, но еще были и долги. Нищета вообще страшна; сырое и холодное жилище, грязь какого-нибудь подвала, жалкія лохмотья вмѣсто одежды, постоянныя лишенія и голодь,—все это можетъ испугать хоть кого. Но нищета въ десять, въ сто, въ тысячу разъ страшнѣе тому, кто ея никогда не испыталъ, кто привыкъ къ роскоши, къ удобствамъ, къ изобилію. Въ такомъ положеніи была Муратова.

Она родилась и прожила всю жизнь, не зная, что значить отказываться себѣ въ чемъ-нибудь. Когда ей пришлось впервые отказаться отъ собственнаго экипажа и собственныхъ лошадей—ей показалось, что она не переживетъ этого. Но лишеніе собственнаго экипажа и лошадей было ничто въ сравненіи съ предстоящими лишеніями. Муратова не могла себѣ представить, какъ она останется безъ прислуги, безъ порядочной квартиры, безъ хорошей одежды, безъ изобильнаго стола. Но мало того, что ей предстояло терпѣть нужду во всемъ,—ей предстояло жить въ нище-

тѣ и видѣть, что всѣ ея знакомые будутъ жить въ довольствѣ, что они станутъ относиться къ ней съ обиднымъ состраданіемъ, что они, быть можетъ, отвернутся отъ нея. А между тѣмъ спастись отъ нищеты обыкновенными средствами — работой, не было никакой возможности: ее никто и никогда не приготовлялъ ни къ какому труду. Нужно было предпринять для избѣжанія нищеты какія-нибудь радикальныя средства. Муратова рѣшилась, во-первыхъ, достать частное мѣсто въ какой-нибудь акціонерной компаніи своему мужу; во-вторыхъ, она надѣялась достать денегъ и на свою долю. Но откуда? Чтобы получить мѣсто — нужно было имѣть протекцію сильныхъ и вліятельныхъ ходатаевъ. А между тѣмъ людей именно этого сорта и не было въ числѣ знакомыхъ Муратовыхъ, такъ-какъ ихъ родственники, старики графы Баскаковы, уже давно жили за границею, остальные-же знакомые, окружавшіе ихъ, состояли изъ пустой свѣтской молодежи, умѣвшей повеселиться, но неумѣвшей обдѣлать какое-бы то ни было серьезное дѣло. Муратова рѣшилась пережѣвить кругъ знакомства. Прежде всего она записалась въ нѣсколько благотворительныхъ обществъ: здѣсь она надѣялась войти въ сношенія съ представителями высшаго свѣта и финансоваго міра. Ей пришлось достигать своей цѣли не вдругъ, а исподволь, постепенно. Сначала нужно было показать всѣмъ этимъ людямъ, что она трудится безкорыстно, нужно было сдѣлаться необходимой въ ихъ кружкѣ. Это стоило не малыхъ усилій. Главныя надежды возлагала Аделаида Александровна на кружокъ Марьи Петровны Прозоровой-Солонецкой, пользовавшейся сильнымъ вліяніемъ въ петербургскомъ обществѣ.

Марья Петровна Прозорова-Солонецкая, урожденная княжна Рубецкая, считалась во дни своей молодости первой красавицей въ Петербургѣ, а послѣ своего замужества слыла одною изъ самыхъ богатыхъ женщинъ высшаго круга. Этого было довольно для того, чтобы за нею увивались десятки поклонниковъ. Поклонники эти могли тѣмъ болѣе разсчитывать на успѣхъ, что ихъ ухаживанья льстили крайне самолюбивой женщинѣ и что ея мужъ былъ недобрымъ ей. Прозоровъ-Солонецкій былъ маленькимъ, пухленькимъ генераломъ съ гладко-выбритымъ розовымъ личикомъ и отличался на-столько-же своею глупостью, какъ и богатствомъ. Въ высшемъ кругу онъ игралъ роль шута и ему приписывались

всѣ бѣмъ-нибудь сдѣланныя или сказанныя глупости. Онъ плохо зналъ французскій языкъ, но постоянно говорилъ по-французски, и въ свѣтѣ рассказывали, что онъ, будучи еще полковникомъ, смѣшилъ одну изъ высокихъ особъ, говоря во время отправления этой особы по желѣзной дорогѣ: „Tous est prêt“. Эта фраза постоянно соединялась съ его именемъ. Показывались въ свѣтѣ его визитныя карточки, на которыхъ значилось: Proseroff-Solonetzky, directeur du chemin de fer de St.-Petersbourg à Zarskoe Selo et de retour. Нѣкоторые путники такъ и оставили за нимъ названіе „général de retour“. Такой мужъ, конечно, долженъ былъ играть очень жалкую роль при Марьѣ Петровнѣ, и скоро послѣ ея замужества его не иначе стали звать, какъ „мужемъ Марьи Петровны“, точно у него не было своего имени. Марья Петровна была ходячее самолюбіе и долго играла роль первой свѣтской львицы. Въ скандальную хронику петербургскаго высшаго свѣта занеслось не мало скабрзныхъ анекдотовъ, соединенныхъ съ именемъ Марьи Петровны. Особенно сильно смѣшили эти анекдоты простодушнаго мужа Марьи Петровны, когда путники рассказывали ему эти анекдоты, не называя именъ. Въ эти минуты маленькій генералъ хохоталъ до колотья, пыхтя и задыхаясь и представляя себѣ положенія рогоносца-мужа кутащей героини разсказа. Многіе-уже полагали, что Марья Петровна кончитъ такъ, какъ кончила некрасовская княгиня, романъ которой начался въ Россіи и кончился въ парижской больницѣ. Но годы брали свое. Эта женщина, слышная нѣкогда первой красавицей столицы, мало-по-малу должна была уступить свое мѣсто другимъ. Тогда она бросилась на путь благотворительности, заставивъ маленькаго генерала пыхтѣть и выбиваться изъ силъ для того, чтобы завербовать новыхъ помощниковъ „для своей Марьи Петровны“. Это случилось именно въ то время, когда ей грозила опасность потерять значеніе первой героини великосвѣтскихъ салоновъ. Во времена славы своей красоты Марья Петровна не терпѣла соперницъ, теперь она не хотѣла быть обыденною, заурядною благотворительницею. Она въ сущности была первымъ врагомъ всѣхъ благотворителей и всѣхъ филантропическихъ обществъ, такъ-какъ она завидовала каждому изъ ихъ усилъ. Разныя „общества дешевыхъ квартиръ“, „общества доставленія труда нуждающимся женщинамъ“, „общества пособія престарѣлымъ и убогимъ“ и тому

подобныя учрежденія, возникавшія въ то время, подвергались самой рѣзкой, самой безпощадной критикѣ Марьи Петровны. Она хотѣла убить всѣ эти общества, затмить славу всѣхъ этихъ благотворительницъ, чтобы только снова играть видную роль въ свѣтѣ. Она прочла нѣсколько популярныхъ книжонокъ о филантропіи, повела свое дѣло съ шумомъ и блескомъ и сыпала проектами: то проектировала общій съѣздъ благотворителей, то требовала, чтобы благотворители были не болѣе, какъ повѣренными нуждающихся классовъ, которые, по ея мнѣнію, должны были сами распоряжаться назначенными на бѣдныхъ суммами, то мечтала при помощи филантропіи уничтожить проституцію. Чтобы сдѣлаться врагомъ Марьи Петровны, достаточно было скептически отнестись хотя къ одному изъ ея проектовъ. Чтобы прибрать въ руки Марью Петровну и дѣлать изъ нея что угодно, достаточно было говорить ей на каждомъ шагу, что ея замыслы велики, помогать ей въ самыхъ сумасбродныхъ затѣяхъ и благоговѣнно выслушивать ея планы. Сначала она шумѣла и хлопотала только ради тщеславія, только для наполненія той пустоты, которая чувствовалась въ ней и около нея послѣ потери значенія первой львицы, но мало-по-малу она сама убѣдилась, что разные возникавшіе въ ея головѣ планы дѣйствительно гениальны и велики, и сдѣлалась фанатикомъ своего дѣла. Ничто не превращаетъ человека такъ скоро въ фанатика, какъ отсутствіе возраженій и поклоненіе толпы. Марья-же Петровнѣ, съ одной стороны, сначала никто не считалъ нужнымъ возражать, помня пословицу: чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало, а съ другой стороны, она, какъ всѣ благотворительницы, ежедневно слышала благословенія десятка черносалопницъ и попрошайекъ и все болѣе и болѣе убѣждалась въ святости своего дѣла.

Когда Аделаида Александровна попала въ кружокъ этой личности, она, Аделаида Александровна, поняла, что увлечь Марью Петровну и легко, и трудно. Легко потому, что Марья Петровна увлекалась всѣми хвалящими ее, трудно потому, что Марью Петровну хвалили сотни людей, надѣясь получить черезъ нее мѣста и тому подобныя выгоды. Мужъ Марьи Петровны только въ томъ и проводилъ время, что, волнуясь, обливаясь потомъ и дѣлаясь совсѣмъ краснымъ, хлопоталъ объ опредѣленіи разныхъ *protégés* „своей Марьи Петровны“. А этимъ *protégés* не было счета. Значить, Аде-

ландѣ Александровнѣ, какъ лицу новому, пришлось-бы довольно долго ждать своей очереди на получение милостей отъ Марьи Петровны. Нужно было выдаться чѣмъ-нибудь особеннымъ, чтобы Марья Петровна особенно дорожила Аделаидой Александровной и сдѣлала для нея все, что возможно. Выдаться можно было только тѣмъ, что сдѣлаться вторымъ я Марьи Петровны, быть въ сущности ея рабой, подсказывать ей еще болѣе широкіе планы, говоря, что эти планы принадлежатъ самой Марьѣ Петровнѣ, исполнять всю черную работу благотворительности, — однимъ словомъ, служить новой ступенью пьедестала, при помощи котораго Марья Петровна могла бы казаться выше своего нравственнаго роста хотя на одинъ вершокъ. Аделаида Александровна рѣшилась и на это. Какъ всѣ фанатики, Марья Петровна была крайне деспотична и не признавала никакихъ правъ, никакихъ требованій въ той человѣческой личности, которую она избирала орудіемъ для осуществленія своихъ плановъ. Примкнуть къ дѣлу Марьи Петровны — значило отдать въ ея распоряженіе все свое время и всю свою личность. Не было того часа дня и ночи, когда Марья Петровна не рѣшилась-бы потревожить своего адепта вызовомъ для „важныхъ переговоровъ“ или порученіемъ, которое нужно исполнить „немедленно“. Рѣдко кто выдерживалъ ея гнетъ втеченіи продолжительнаго времени: ея секретари, ея помощники смѣнялись часто, уходили отъ нея тотчасъ-же, какъ только добивались того, за чѣмъ они шли къ ней. Эта-же тяжелая роль выпала и на долю Муратовой. Праздная и бездѣтная Марья Петровна, томясь скукой, приглашала ее къ себѣ въ часъ ночи и будила въ 9 часовъ утра; она поручала ей посѣтить домъ Вяземскаго; она заставляла ее ѣздить къ какимъ-нибудь кокеткамъ-танцовщицамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ продажѣ билетовъ на алегри; она по цѣлымъ часамъ мучила ее изліяніями своего негодованія или своего огорченія. Аделаида Александровна оскорблялась до глубины души этимъ деспотизмомъ, но съ настойчивостью и терпѣливостью женщины плела ту тонкую, но крѣпкую сѣть, въ которую нужно было завлечь Марью Петровну, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Уже черезъ пять-шесть мѣсяцевъ знакомства Марья Петровна говорила всѣмъ, что только одна Аделаида Александровна способна понимать все величіе ея плановъ, что только Аделаида Александровна угѣветъ своею энергіею побѣждать всѣ трудности.

— Вотъ мой лучшій другъ, рекомендовала она Аделаиду Александровну, обнимая и цѣлуя ее передъ лицомъ тѣхъ тузовъ петербургскаго общества, которые были такъ нужны Аделаидѣ Александровнѣ.

И тузы смотрѣли на нее не безъ участія: они знали, что быть лучшимъ другомъ Марьи Петровны не легко, и удивлялись, для чего несутъ этотъ гнетъ на себѣ такая прекрасная, такая еще молодая, такая богатая женщина. „У нея, вѣрно, былъ въ жизни печальный романъ или она несчастна въ своей семейной жизни“, думали тузы, понимая, что женщина молодая, хорошенькая, богатая и счастливая можетъ, пожалуй, играть въ благотворительность, но нести на себѣ все бремя этихъ заботъ и хлопотъ не станетъ. Отдаться этому дѣлу всецѣло можетъ подобная женщина только тогда, когда ей нужно позабыться, подавить тяжелыя думы. Мысли о расчетѣ у тузовъ не могло явиться, потому что Аделаида Александровна тонко, но ясно давала понять, что она не бѣдна. Ей тяжело было играть эту роль. Иногда во всемъ существѣ ея было что-то лихорадочное, болѣзненное. Это дѣлало ее еще болѣе интересною, еще болѣе намекало на „печальный романъ“ въ ея жизни. Но этотъ романъ былъ очень прозаиченъ: Аделаида Александровна трепетала и боялась каждую минуту, что ея денежныя дѣла запутаются и увлекутъ ее въ пропасть нищеты гораздо раньше, чѣмъ она успѣетъ что-нибудь сдѣлать для спасенія себя отъ гибели. Она еще не знала, чего просить для своего мужа, какое мѣсто намѣтить для него, когда въ салонѣ Марьи Петровны ей впервые встрѣтился баронъ Гельфрейхъ.

— Жидовскій царь идетъ! шепнула ей Марья Петровна, когда онъ появился въ залѣ, и любезно обратилась къ нему съ упрекомъ:— Вы, баронъ, забываете своихъ старыхъ друзей!

Гельфрейхъ равнодушно пожалъ протянутую ему руку, какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну, привыкшій давно ко всѣмъ заискиваніямъ и невѣрящій никакимъ любезностямъ. Это была, въ сущности, отталкивающая фигура: его некрасивое лицо отличалось той мертвенностью, которая встрѣчается только на лицахъ евреевъ; отъ него вѣяло сухостью и холодомъ; сразу можно было понять, что этотъ человѣкъ, проходя своей дорогой, не обратитъ вниманія, по чему идутъ его ноги, по грязи, по падали, или по живымъ существамъ; если-бы подъ его плоской и широкой, тя-

желой ногой раздався пронзительный визгъ, онъ даже и не посмотрѣлъ-бы, кого онъ раздавилъ: щенка или ребенка. Марья Петровна презирала этого человѣка и любезно жала ему руки, потому что онъ дѣлалъ ей значительныя ссуды денегъ на ея предпріятія. Онъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на глупыя затѣи отцвѣтшей львицы и обязательно ссужалъ ей деньги на эти глупыя затѣи, потому что черезъ нее можно было добывать концесіи и осуществлять разныя финансовыя сдѣлки: въ домѣ Марьи Петровны легко было узнать многое, что нужно было знать въ время на берлинской биржѣ. Простодушный, румянолицый и пухленькій генералъ выбалтывалъ „по секрету“ всѣмъ и все, что онъ могъ выболтать.

— Вы, кажется, незнакома? обратилась къ барону Марья Петровна, указывая глазами на Аделаиду Александровну.

Баронъ отрицательно покачалъ головой.

— Аделаида Александровна Муратова, мой лучший другъ; баронъ Исаакъ Осиповичъ Гельфрейхъ, царекъ финансоваго міра, съ улыбкой проговорила Марья Петровна.

Баронъ протянулъ руку Аделаидѣ Александровнѣ, даже не дожидаясь, протянетъ-ли она ему свою. Онъ зналъ, что ни одинъ человѣкъ не отказался-бы отъ счастья пожать его руку. Это была пухлая, влажная, холодная рука. Прикосновеніе къ ней напоминало прикосновеніе къ лягушкѣ. Аделаиду Александровну невольно покорило. Ей припомнилось, какъ однажды въ дѣтствѣ, когда она жила въ домѣ своего дяди, Платона Николаевича Баскакова, гдѣ евреевъ называли не иначе, какъ „собаками-жидами“, одинъ тощій еврей съ ободранными пейсиками, въ засаленномъ, лоснящемся длиннополомъ сюртукѣ, съ грязными и костлявыми руками, похожими на когти хищной птицы, прикоснулся губами къ ея рукѣ; отъ него пахло чеснокомъ и грязью, онъ былъ ей противенъ, и она, плача, начала кричать: „дайте духовъ, духовъ“, и потомъ цѣлый день брезгливо отирала свою руку, точно на ней выжглись слѣды отъ прикосновенія еврейскихъ губъ. Человѣческая память долго сохраняетъ извѣстныя ощущенія: достаточно взглянуть на какое-нибудь кушанье, вызвавшее въ насъ когда-нибудь отвращеніе, чтобы ясно почувствовать во рту отвратительный вкусъ этого кушанья. Именно это испытывала теперь Аделаида Александровна и, въ невольномъ смущеніи, вся вспыхнула,

какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. А на нее, между тѣмъ, были безцеремонно устремлены свинцовые, холодные и пронизательные глаза барона Гельфрейха. Ему понравилось это пикантное лицо. Аделаида Александровна поспѣшила уѣхать.

— Что эта дама вдова? мелькомъ спросилъ баронъ у Марьи Петровны.

— Нѣтъ, у нея живъ мужъ. Но она, кажется, несчастна въ супружеской жизни, вздохнула Марья Петровна. — Мужъ ее не понимаетъ.

— Дуракъ, процѣдилъ сквозь зубы баронъ Гельфрейхъ. — Она такъ хороша.

— Ну, баронъ, вы смотрите на женщинъ, какъ матеріалистъ, только со стороны ихъ красоты.

— Если я вижу красоту, то я и смотрю со стороны красоты, замѣтилъ баронъ. — Если-бы она говорила, то, можетъ быть, я посмотрѣлъ-бы на нее и со стороны ума.

Затѣмъ онъ перешелъ къ дѣловому разговору.

При слѣдующей встрѣчѣ съ Муратовой онъ подошелъ къ пей, какъ къ знакомой, и, взявъ ее руку, продержалъ ее въ своей рукѣ дольше, чѣмъ дозволяло приличіе. Но эта мягкая, бѣлая рука правилась ему и потому онъ не безъ удовольствія продержалъ ее въ своей рукѣ, не считая даже нужнымъ подумать о томъ, пріятно это или непріятно Аделаидѣ Александровнѣ. Разговоръ зашелъ на самую банальную тему — говорили объ оперѣ. Аделаида Александровна выразила сожалѣніе, что ее мужъ опоздалъ абонироваться въ оперу на предстоящій сезонъ.

— Я вамъ могу предложить свою ложу, замѣтилъ баронъ.

— Благодарю, баронъ, холодно отвѣтила Аделаида Александровна. — Мы съ вами не на-столько знакомы, чтобы я могла воспользоваться вашими услугами.

Баронъ, повидимому, удивился: отъ него люди брали все, что онъ давалъ, какъ принимаютъ отъ правительства кресты и чины, не обижаясь, если эти чины и кресты даются даже не по заслугамъ.

— Все равно, у меня ложа стоитъ большею частью пустая, съ свойственною ему, можетъ быть, умышленною беззаботностью пояснилъ баронъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: „все равно я бросаю деньги въ помойную яму“.

Аделаида Александровна взглянула на него съ иронической улыбкой, но въ ея глазахъ сверкнулъ огонекъ негодованія.

— Такъ вы-бы, баронъ, продавали ее съ преміей, произнесла она, и, любуясь выраженіемъ внезапно поблѣднѣвшаго еще болѣе лица барона, прибавила со смѣхомъ:—въ пользу благотворительныхъ учрежденій Марьи Петровны.

Баронъ не понималъ, хотѣла-ли она посмѣяться надъ нимъ или надъ благотворительными учрежденіями Марьи Петровны, но онъ сознавалъ одно: что эта женщина умѣла хотя на мигъ шевельнуть его сонную душу. Онъ впился въ нее глазами, когда она живо и бойко заговорила съ другими присутствующими, заговорила, правда, о пустякахъ, но за то заговорила такъ остроумно, такъ ловко, что сразу высказала свой не совсѣмъ дюжинный умъ. Барону захотѣлось, во что-бы то ни стало, сойтись съ этой женщиной, и такъ-какъ до сихъ поръ онъ сходилъ съ женщинами просто, какъ сходилъ съ подрядчиками, съ служащими въ его конторахъ, съ нанимаемою имъ прислугою, то онъ не сталъ прибѣгать къ излишнимъ уловкамъ и хитростямъ и рѣшился приступить къ дѣлу прямо: узнать отъ самой Муратовой, что она несчастна съ мужемъ, и сказать ей, что онъ хочетъ осчастливить ее своею любовью. Улучивъ удобную минуту, онъ спросилъ ее:

— Отчего я еще не видалъ вашего мужа?

— Вѣроятно, баронъ, оттого-же, отчего онъ еще не видалъ васъ, отвѣтила она сухо.— Не встрѣчались!

— Да, но гдѣ-же намъ и встрѣтиться: вы постоянно бываете здѣсь одни.

Аделаида Александровна промолчала, перелистывая какую-то книгу.

— Отчего онъ не бываетъ у Марьи Петровны?

— Онъ не членъ ея общества.

— О, значить онъ не ревнивъ. Я на его мѣстѣ записался-бы членомъ во всѣ тѣ общества, гдѣ была-бы членомъ моя жена, если-бы она походила на васъ.

Глаза барона приняли сластолюбивое выраженіе, но Аделаида Александровна такъ пристально и рѣзко взглянула на него, что это выраженіе тотчасъ-же исчезло.

— Ревнуютъ, баронъ, тѣхъ женщинъ, которыхъ не уважаютъ, съ особеннымъ удареніемъ произнесла она.

— Да, но иногда люди ревнуютъ просто потому, что они ревнивы, поспѣшилъ онъ вывернуться.

— Да, но для такихъ людей все равно, будутъ-ли ихъ жены похожи на меня или нѣтъ, и вы совершенно напрасно предположили, что мой мужъ долженъ быть ревнивымъ именно потому, что его жена—я.

Аделаида Александровна поднялась съ мѣста и пошла, даже не взглянувъ на барона. Ей былъ противенъ этотъ царь жидовъ вообще, но теперь онъ сталъ ей еще противнѣе, потому что онъ, казалось ей, смотритъ на нее съ пренебреженіемъ, съ нахальствомъ.

Эта неудача еще болѣе раздражила барона. Онъ видѣлъ первую женщину, которая не отдавалась ему сразу, покорно, безъ возраженій. Онъ видѣлъ въ ней первый предметъ, который онъ, баронъ Гельфрейхъ, не можетъ купить. Эта мысль начинала его бѣсить. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что Муратова, еще ни разу не выдавшая никого, подобнаго барону Гельфрейху, просто не сообразила вдругъ, что онъ не хочетъ нанести ей оскорбленіе, а просто предлагаетъ ей выгодную денежную сдѣлку. Она слишкомъ нервно и лихорадочно старалась скрыть свою нищету, она слишкомъ боялась, что люди подозрѣваютъ ея положеніе, она слишкомъ сильно хотѣла замаскироваться до поры, до времени, и потому обращеніе съ нею барона показалось ей подозрительнымъ: ей казалось, что этотъ жидъ чутьемъ угадалъ ея настоящее положеніе и хочетъ ее унижить, относясь къ ней нахально и небрежно. Такимъ образомъ, нѣкоторое время они оба ошибались относительно другъ друга: баронъ рассчитывалъ, что ему придется заплатить за эту новую игрушку дороже, чѣмъ онъ платилъ за всѣ другія подобныя игрушки, и даже готовъ былъ на очень крупныя жертвы, а Аделаида Александровна думала, что баронъ ни въ грошъ не ставитъ ее и потому обращается съ нею, какъ обращаются самодуры съ приживалками, — догадаться, что баронъ всегда изъясняетъ свою любовь именно такимъ оригинальнымъ способомъ, она никакъ не могла. Недоразумѣнія, можетъ быть, продолжались-бы еще нѣсколько недѣль, если-бы нѣсколько случайныхъ фразъ не открыли Муратовой истины.

Въ одинъ изъ безчисленныхъ финансовыхъ кризисовъ „Общества первой помощи“ въ интимномъ кружкѣ членовъ этого общества зашли толки о средствахъ пережить этотъ кризисъ.

— Развѣ опять прибѣгнуть къ барону Гельфрейху? говорила въ раздумьи Марья Петровна.— Но я увѣрена, что онъ теперь не дастъ денегъ. Мы и безъ того уже должны ему. Вотъ развѣ, если Аделаида Александровна попросить его...

— Я? изумилась Муратова.

— Ну-да. Для васъ онъ все сдѣлаетъ, засмѣялась Марья Петровна.

— Для меня? переспросила Муратова.

— Да. Чему вы удивляетесь? Вѣдь онъ ходитъ за вами, какъ тѣнь, и не спускаетъ съ васъ глазъ.

Муратова вся вспыхнула.

— Я не знаю, если это шутка, то признаюсь, что она слишкомъ неумѣстна, сухо возразила она.

— Другъ мой, чего вы обидѣлись? ласково обратилась къ ней Марья Петровна.— Развѣ вы виноваты, что въ васъ влюбился этотъ старый ловеласъ? Неужели вы еще не вполне знаете нашихъ мужчинъ?

— Но, кажется, я не дала никакого повода...

— Боже мой, какіе поводы тутъ нужны! Вы хороши — вотъ и все.

— Негодяй, какую онъ роль заставилъ меня играть, почти севозь слезы проговорила Муратова.

— Полноте, что вы! Никакой роли не заставлялъ онъ васъ играть. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что у такихъ хорошенькихъ женщинъ, какъ вы, всегда найдутся поклонники...

— Которые въ ковчѣ-концовъ заставляютъ указывать пальцами на женщину, какъ на ихъ любовницу!

— Что вы...

— Однако, вы сказали-же, что я могу заставить его сдѣлать все...

— Другъ мой, развѣ это значить, что я считаю васъ близкой къ нему?.. Ну, полноте, вы слишкомъ серьезно смотрите на эти вещи.

Марья Петровна притянула къ себѣ Муратову и поцѣловала ее. Она относилась къ Муратовой, какъ ко всѣмъ своимъ помощницамъ, нѣсколько покровительственно и давала имъ чувствовать своими ласками, что она стоитъ выше ихъ.

— Вы совсѣмъ дитя! прошептала она.

Но Аделаида Александровна не успокоилась. Въ ея душѣ поднялась цѣлая буря. Этотъ жидъ смѣлъ влюбиться въ нее! Эти люди смѣли подозрѣвать, что она знаетъ о его любви! Какъ онъ отвратителенъ, какъ отвратителенъ этотъ свѣтъ! Они говорятъ, что она все можетъ сдѣлать изъ этого жида. Они, быть можетъ, уже завидуютъ ей. Да можно-ли и не завидовать той, которая можетъ повелѣвать царемъ жидовъ? Какъ онъ богатъ, какъ онъ силенъ! Что ему значить дать мѣсто ея мужу, дать ей десятокъ тысячъ? Онъ когда-то ей предлагалъ ложу такимъ тономъ, какъ-будто говорилъ: „это для меня все ничего не значитъ“. Онъ такъ-же можетъ предложить ей деньги, экипажи, лошадей. Да, въ свѣтѣ можно блеснуть, можно не быть рабою разныхъ барынь, въ родѣ Марьи Петровны, можно заставить этихъ барынь кланяться себѣ, если только согласиться, чтобы эта холодная, влажная рука жида жала ея руку, руку Аделаиды Александровны, если согласиться припасть головкой къ этому мертвенному лицу и позволить этимъ свинцовымъ глазамъ впиваться въ полутьмѣ будуара въ ея плечи, въ ея грудь. Аделаидѣ Александровнѣ стало гадко, ей опять вспомнился тотъ тощій, грязный жидъ, который поцѣловалъ въ дѣтствѣ ея руку... А дѣла ея все болѣе и болѣе запутывались. Иногда ей становилось жутко, когда она вспоминала, что, можетъ быть, завтра отнять все ея имущество, что она останется нищею. Что тогда? Не будутъ-ли смѣяться надъ нею всѣ эти люди? Не обрызгаетъ-ли ее грязью этотъ самый жидъ, когда онъ поѣдетъ въ собственной каретѣ мимо нея, идущей пѣшкомъ? Но у нея будетъ чистая совѣсть! Чистая совѣсть при нищетѣ, при голодѣ, при зависти къ богачамъ, при всеобщемъ презрѣніи! Вѣдь за чистую совѣсть не уважаютъ людей: развѣ мы даемъ дорогу нищему за то, что у него чиста совѣсть, развѣ мы преклоняемся передъ голоднымъ за то, что у него чиста совѣсть? А грѣхъ? а Божье наказаніе? Но можно-ли ручаться, что страданія, голодъ, нужда не надломаютъ силъ и не заставятъ въ концѣ-концовъ такъ-же согрѣшить, но согрѣшить, не купивъ себѣ даже довольства, а ради гроша, ради дневного обѣда?

— Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ срокъ векселямъ на пять тысячъ, вытянувъ верхнюю губу, вялымъ тономъ поясняя Аделаидѣ Александровнѣ ея супругъ. — И предстоятъ платежи процентовъ по имѣнію въ общество поземельнаго кредита...

— Что это ты, дразнишь меня, что-ли, этимъ *momento mori*? раздражительно спрашивала Аделаида Александровна.

— Нѣтъ, я такъ вспомнилъ, съ тупымъ равнодушіемъ произносилъ Муратовъ,—потому что нечѣмъ будетъ уплатить...

— Нечѣмъ, нечѣмъ! Такъ что-же ты мнѣ объ этомъ говоришь? Развѣ у меня-то есть деньги? Или ты думаешь, что я ихъ должна пріобрѣтать, а не ты?

— Откуда-же мнѣ? спокойно рѣшилъ супругъ. — Мнѣ теперь неоткуда пріобрѣсти.

Муратова отворачивалась отъ него и въ ея головѣ мелькала мысль: „Да, стоитъ сказать одно слово—и деньги будутъ. Но нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Довольно испытать одну пытку союза съ отвратительнымъ человѣкомъ“. И она бросала полный презрѣнія взглядъ на тупую фигуру мужа. Пять лѣтъ тому назадъ Муратовъ еще отличался вѣшнимъ лоскомъ, вѣшнею приличностью. Теперь не было и этого. Кутежи, развратъ, дружба съ неразвитыми кутилами, пребываніе среди наглыхъ и ограниченныхъ кокетокъ опошлили его окончательно. Неумѣлыя и глупыя спекуляціи, разореніе, долги притупили еще болѣе его и безъ того ограниченный умъ, растерявшійся въ виду безвыходнаго положенія. Пять лѣтъ тому назадъ онъ еще былъ способенъ волноваться, дѣлать бурныя „сцены“ женѣ и пробуждать въ ней злобу и негодованіе. Теперь онъ апатично и тупо ждалъ отъ нея спасенія и покорно сносилъ ея вспышки, пробуждая въ ней только презрѣніе. А дѣла шли все хуже и хуже.

— Сударыня, васъ желаетъ видѣть госпожа Сипко, докладывала Муратовой горничная.

— Я говорила вамъ, чтобы не принимать эту особу, строго замѣчала Муратова.

— Но она говоритъ, что она не уйдетъ, не выдавъ васъ, отвѣчала горничная.—Она опять будетъ дежурить на лѣстницѣ, какъ въ прошлый разъ.

Муратова съ негодованіемъ вспоминала, какъ госпожа Сипко дѣйствительно продежурила недавно полдня на лѣстницѣ и все-таки поймала ее и объяснилась съ нею, но уже не съ глазу на глазъ, а при швейцарѣ.

— Просите, отрывисто произносила Аделаида Александровна. Въ комнату являлось низенькое, безобразное лицо, съ мор-

гающими глазками существо въ шерстяномъ платьѣ съ крупными красными, синими и желтыми клѣтками. Эта женщина походила не то на кухарку, не то на торговку изъ доскутнаго ряда. Выраженіе тупости не сходило съ ея лица.

— Скажите пожалуйста, долго-ли вы будете мучить меня? встрѣчала ее Муратова.

— Я за деньгами, отвѣчала Сипко.

— Я знаю, что вы только и можете придти ко мнѣ, что за деньгами. Но я вамъ говорила, что у меня нѣтъ денегъ.

— Вы знаете, что мы бѣдные люди: мужъ чиновникъ, семеро дѣтей, я сама стряпаю, сама стираю. Я повѣрила вашему мужу послѣднія деньги. Это было мое приданое... Теперь сына отдала въ гимназію, нужно сдѣлать ему пальто. Мнѣ теплые башмаки нужны.

Госпожа Сипко говорила ровно, безъ перерывовъ, однообразнымъ тономъ, съ тупымъ видомъ.

— Но я вамъ говорю, что у меня нѣтъ денегъ.

— Мы совсѣмъ обносилась. Мужъ попрекаетъ, что я дала эти деньги вашему мужу, польстившись на большіе проценты. Это все мое приданое. Что-жь, конечно, мнѣ хотѣлось побольше получить процентовъ...

— Но для чего вы мнѣ все это рассказываете? Все это я слышала десятковъ разъ. Но если у меня нѣтъ денегъ, то я не могу вамъ отдать.

— Мнѣ нѣтъ никакой возможности обойтись безъ этихъ денегъ. Мы совсѣмъ принуждались и мужъ все бранится. Вотъ, говорить, погналась за двумя...

— Послушайте, прерывала ее Аделаида Александровна, теряя всякое терпѣніе. — Вамъ непременно хочется получить эти деньги теперь? Ну, у васъ есть вексель, подавайте его ко взъсканію, сажайте въ тюрьму моего мужа, дѣлайте, что хотите. Но предупреждаю васъ, что у него нѣтъ ни гроша своего.

— Я знаю, что все илѣнье ваше, потому я и хожу къ вамъ. Намъ теперь необходимо...

— Я вамъ сказала...

— Мальчикъ не можетъ безъ теплаго пальто ходить. Теперь такіе холода стоять. Я тоже все простужаюсь безъ теплой одежды.

Убийственно-однообразный тонъ этой тупоумной женщины дѣйствовалъ на нервы.

— Ну, берите, берите, вотъ вамъ десять рублей, почти бросала ей Муратова деньги, выходя изъ себя.

— Что-же я сдѣлаю изъ десяти рублей? тѣмъ-же тономъ продолжала Сипко, неторопливо и осторожно свертывая бумажку вчетверо и заботливо пряча ее въ портмоне. — Портной не беретъ за теплое пальто меньше двадцати рублей. Тоже башмаки...

— У меня нѣтъ больше денегъ...

— Меньше четырехъ рублей нельзя заплатить...

— Господи! восклицала Муратова. — Ну, вотъ вамъ еще пять рублей. Видите, у меня нѣтъ болѣе ни гроша.

Она нервно переворачивала передъ глазами Сипко свой портмоне.

— Такъ я на-дняхъ еще приду, спокойно замѣчала Сипко, опять складывая вчетверо бумажку и пряча ее въ портмоне. — Пальто черезъ недѣлю будетъ готово. Раньше портной не могъ. Теперь у нихъ работы много...

— Мнѣ некогда...

— Вы-бы ужъ лучше всѣ деньги отдали, и вамъ, и мнѣ лучше-бы. А то мой мужъ...

— Я вамъ говорю, что мнѣ некогда, времени у меня нѣтъ...

— Я давно-бы подала вексель ко взыскаію, если-бы у вашего мужа были деньги, или посадила-бы его въ долговое отдѣленіе, но туда платить нечѣмъ. Я и то говорила мужу: пристрашаемъ, посадимъ на послѣднія...

— Ахъ, сажайте его, всыскивайте съ него, но оставьте меня въ покоѣ! восклицала Аделаида Александровна.

Сипко удалялась.

„Боже мой, развѣ смѣла-бы эта женщина переступить порогъ моей комнаты, если-бы...“ думала Муратова и не кончала. — „А каково будетъ оставаться съ нимъ наединѣ?“ мелькало въ ея головѣ и она вздрагивала.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

В О Т Ъ М Ъ.

Охвачень я житейской тьмой
И нѣтъ пути изъ тьмы...
Такая жизнь, о, Боже мой,
Ужаснѣе тюрьмы.

Въ тюрьму хоть солнца лучъ порой
Въ оконце проскользнетъ
И вольный вѣтеръ съ мостовой
Шумъ жизни донесетъ.

Тамъ хоть цѣпей услышишь звукъ
И стонъ въ глухихъ стѣнахъ,
И этотъ стонъ напомнитъ вдругъ
О лучшихъ въ жизни дняхъ;

Тамъ хоть надежды велики,
Чего-то сердце ждетъ,
И заключенный въ часъ тоски
Хоть пѣсню запоетъ.

И эта пѣсня не замретъ
Съ тюремной тишиной.—
Другой страдалецъ пропоетъ
Ту пѣсню за стѣной.

А здѣсь?.. Не та здѣсь тишина!..
Здѣсь все, какъ гробъ, молчить,
Здѣсь въ холодъ прячется весна
И пѣсня не звучить;

Здѣсь нѣтъ цѣпей, но здѣсь за то
Есть море тяжкихъ бѣдъ:
Не вѣритъ сердце ни во что.
Въ душѣ надежды нѣтъ.

Здѣсь все темно, темно до дна,
Прозрѣнья умъ не ждетъ;

Запой здѣсь пѣсню—и она
Безъ отрыва замретъ.

Здѣсь надъ понурой головой,
Надъ волосомъ сѣдымъ—
И чары ласкъ, и звукъ живой
Прносятся, какъ дымъ,

И все, и все несется прочь,
Какъ-будто отъ чумы...
И что-же въ силахъ превозмочь
Давленье этой тьмы?

Исхода нѣтъ передо мной...
Но, сердце! лучше вѣрь:
Быть можетъ, смерть изъ тьмы глухой
Отворить къ свѣту дверь.

И. Суриковъ.

НАШИ ОКРАИНЫ.

БЕЗЛЮДЬЕ СЪВЕРА.

Се азъ на тя, Гогъ, и на князя Росъ,
Мосоха и Фовея, и обрашу тя окрестъ,
и вложу узду въ челюсти твоя.

Иезек., гл. 38.

I.

Читатель, конечно, помнитъ глубоко-поэтическую былинну о богатырѣ Святогорѣ. Святогоръ, одинъ изъ самыхъ „старшихъ“ богатырей русской земли, ложится въ „великій гробъ“ и накрывается дубовою гробовою крышкою. Крышка „изволомъ божиимъ“ сростается съ гробомъ и богатырь чувствуетъ себя за-живо похороненнымъ. Онъ проситъ своего „меньшого брата“, богатыря Илью Муромца, приподнять гробовую доску. Илья Муромцу оказывается это не по силамъ. Святогоръ велитъ рубить крышку своимъ богатырскимъ мечомъ. Илья не можетъ поднять меча Святогорова. Святогоръ велитъ ему наклониться къ гробовой крышкѣ, припасть къ „малой щелочкѣ“, дуетъ на Илью духомъ богатырскимъ и передаетъ ему свою силу. Тогда Илья поднимаетъ мечъ, начинаетъ рубить крышку: „отъ ударовъ богатырскихъ искры сыплются; но куда ударить богатырскій мечъ — тамъ желѣзный обручъ ставится“. Гробъ дѣлается еще крѣпче. Задыхается Святогоръ въ гробу и проситъ Илью Муромца снова припасть къ малой щелочкѣ на гробовой крышкѣ, чтобъ дунуть на него еще разъ и передать ему всю силу богатырскую. Илья не слушается — боится, что

„Дѣло“, № 1, 1876.

съ этой силой земля его не сдержитъ. Оказывается, что Илья хорошо поступилъ, не послушавшись Святогора:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшей братъ,
 Что послѣдняго наказа не послушался:
 Мертвымъ духомъ-бы я на тебя дохнулъ—
 Мертвымъ самъ-бы ты у гроба легъ“.

Сила богатырская—это тотъ идеалъ, тотъ резервный капиталъ, который человечество передаетъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію и который, выростая вмѣстѣ съ развитіемъ человечества, мѣняется сообразно съ требованіями времени. Но въ этомъ идеалѣ есть и живая богатырская сила, и „мертвый духъ“, который исходитъ изъ-подъ гробовой доски отжившаго свой вѣкъ богатыря—идеи. Счастье для человечества, если, подобно Ильѣ Муромцу, припадая къ гробовой щелочкѣ исторіи, оно получаетъ изъ этого историческаго гроба въ наслѣдство себѣ богатырскую силу—живой идеалъ отжившихъ поколѣній; но горе ему, если оно, послушавшись наказа умирающаго богатыря, въ ревности не по разуму припадетъ къ гробовой щелочкѣ исторіи за тѣмъ, чтобы изъ гроба дохнуло на него мертвымъ духомъ.

Недобитая Александромъ Македонскимъ Греція, умирая подъ давленіемъ иныхъ зарождавшихся условій гражданственности, подобно саранчѣ, передъ смертью зарывающей въ землю сѣмена будущихъ поколѣній, зарыла въ памятникахъ своего творчества и живые, и жертвующіе идеалы жизни, и послѣдующее человечество, откопавъ ихъ, долго потомъ питалось этими идеалами, постоянно обращаясь къ нимъ въ самыя трудныя эпохи человѣческой жизни, пока не выработало новыхъ, подъ иными условіями жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ классическаго міра, какъ изъ гроба Святогора, человечество вдохнуло въ себя и часть мертвяхихъ идеаловъ отжившаго эллинскаго мировоззрѣнія, и если мертвый духъ этихъ идеаловъ не убилъ его, то благодаря лишь молодой живучести дальнѣйшихъ поколѣній человечества.

Классическій Римъ, издыхая подъ ударами варваровъ, успѣлъ дунуть имъ въ лицо живымъ и мертвымъ духомъ выработанныхъ имъ идеаловъ, изъ которыхъ одни до сихъ поръ живутъ. Человѣчество плодотворностью своихъ идей, другіе—жертвуютъ своимъ дыханіемъ многое, что втеченіи десятковъ столѣтій выработывало человечество подъ многоразличными историческими условіями жизни.

Унаслѣдованные до извѣстной степени идеалы древняго классическаго міра и оплодотворенные новыми гуманными идеями, доведены, наконецъ, человѣчествомъ до той стадіи развитія, на которой застаеъ ихъ современная жизнь, въ послѣднее время, повидимому, совсѣмъ отрицающая идеалъ во имя *реальнаго* начала, но это только вслѣдствіе этимологическаго недоразумѣнія, потому что понятіе идеальнаго есть только средняя, т. е. истинная статистическая величина, статистическимъ-же путемъ полученная изъ суммы всѣхъ реальныхъ величинъ.

Въ необъятной сферѣ идеаловъ, которыми живетъ человѣчество, есть и мертвыя, и живыя, какъ живой и мертвый духъ Святогора. Каждая стадія человѣческой жизни даетъ извѣстную, большую или меньшую силу, и извѣстную, болѣе или менѣе яркую окраску человѣческимъ идеаламъ, служеніе которымъ и составляетъ историческую миссію человѣчества. Служенію однимъ идеаламъ человѣчество посвящаетъ относительно большую сумму своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, другимъ — сумму относительно меньшую.

Къ первымъ изъ этихъ идеаловъ, которыми до извѣстной степени питается и которымъ до извѣстной степени служить жизнь современнаго человѣчества, принадлежитъ идеалъ *возможно* правильнаго распредѣленія между людьми *возможно* достижимаго для людей благосостоянія. Достиженію этого идеала, между прочими препятствіями, мѣшаетъ и то явленіе, на которое я указалъ по поводу совершенно другаго обстоятельства, говоря о современной роли русской „печати въ провинціи“ („Дѣло“, 1875, кн. 9 и 10) и о томъ, что можетъ ожидать ее въ будущемъ. Указанное мною явленіе—это совершающееся втеченіи всего историческаго существованія человѣчества преобладаніе во всѣхъ сферахъ жизни силы центростремительной надъ силою центробѣжной, преобладаніе центровъ надъ окраинами, столицъ надъ провинціями, преобладаніе крупныхъ единицъ надъ мелкими ихъ видами, преобладаніе сильныхъ надъ слабыми. Указаніе мое, которому я придавалъ единственно лишь значеніе предостерегательной вѣвки съ нарисованнымъ на ней указательнымъ пальцемъ, на поражающій своею яркостью фактъ обратило на себя, какъ и слѣдовало ожидать, почти общее вниманіе нашей печати и даже нѣмецкой, которая и „большими“, и „малыми“ органами своими заявила, что смотреть по

направленію указательнаго пальца, дѣйствительно видитъ нѣчто роковое въ указанномъ мною явленіи и понимаетъ его великую важность. Но, въ удивленію, нашлись и такіе факторы печатнаго слова, которые обнаружили въ данномъ случаѣ недостаточную сообразительность и, не понявъ самаго явленія, не поняли и дружески-предостерегательнаго значенія указательнаго пальца, смѣшавъ его съ перстомъ, который грозитъ. Мало того, одинъ изъ дѣятелей провинціи, которому я кивалъ совсѣмъ пріятельски, глядя на мой указательный палецъ изъ своего прекраснаго макарьевскаго далека, принялъ палецъ за грубый кулакъ и поднялъ на него бурлацкую дубинушку... Почти такъ-же поступила со мною и столичная „газета, политическая и литературная“, вѣчно дѣятельная и вѣчно кивающая съ Петра на Ивана, „Недѣля“, у которой всегда найдется семь пятницъ на недѣлѣ,—и она, бѣдная, испугалась моего указательнаго пальца, предостерегавшаго провинціальную печать отъ опасности, угрожающей ей всепожирающимъ интеллигентными и печатными центрами, и въ порывѣ испуга назвала пишущаго эти скромныя строки „однимъ изъ нашихъ централистовъ“ *). Вѣдь это похоже на то, какъ если-бы меня, отбивающагося отъ напавшихъ на меня ночью разбойниковъ и закричавшаго „караулъ, грабятъ!“ — назвать „однимъ изъ нашихъ грабителей“, или Дарвина, указавшаго на явленіе „пожиранія въ борьбѣ за существованіе болѣе слабыхъ особей болѣе сильными“, назвать „однимъ изъ нашихъ пожирателей“. Вѣдь это ужъ болѣе, чѣмъ гайдебуристо и скучно...

Какъ-бы то ни было, люди, принявшіе указательный палецъ не за то, за что слѣдовало, и по своему недомыслию и нравственной робости испугавшіеся его, утверждаютъ, будто центры не причѣмъ въ исторіи развитія окраинъ и будто въ окраинахъ можетъ быть примѣненъ законъ какого-то самозарожденія или фактъ безпричиннаго зачатія. Не отрицая, впрочемъ, указаннаго мною явленія, соглашаясь съ тѣмъ, что до настоящаго времени въ исторіи развитія человѣчества постоянно повторялся процессъ преобладанія центровъ надъ окраинами, сконцентрированныхъ силъ надъ единичными, будь это силы интеллигентныя, физическія или экономическія и т. д.,—противники мои ссылаются указать и на явленіе противо-

*) „Недѣля“, 1875 г., № 45, стр. 1464—1470.

положное, на то, что современное человечество дѣлаетъ попытку децентрализованія этихъ силъ, что въ борьбѣ за индивидуальность видятся уже будто-бы задатки будущихъ побѣдъ силы центробѣжной надъ силою центростремительной и что развитіе окраинъ совершается едва-ли не въ геометрической прогрессіи.

Все это прекрасно, и мы до извѣстной степени не думаемъ отрицать даннаго явленія, какъ не отрицаемъ и того, что явленіе это не новое, не продуктъ нашего только времени, а что оно повторялось и въ древнемъ мірѣ, когда умственные и литературныя силы континентальной Эллады раздѣляли господство надъ умами всего тогдашняго цивилизованнаго міра съ островами и греческими колоніями, гдѣ также кипѣла умственная жизнь и совершалось не менѣе творческое развитіе эллинскаго духа; что повторялось это явленіе и въ желѣзной клѣткѣ семихолмнаго классическаго Рима, интеллигентныя силы котораго не только рвались въ эту желѣзную клѣтку, но и изъ нея вырывались, перенося вѣсть съ Плиніями и другими провинціальными свѣтилами древняго міра свою оживотворяющую дѣятельность въ окраины, въ провинціи, къ необразованной и темной деревенщинѣ; что, наконецъ, явленіе это повторяется и нынѣ; но оно—не исключительно дитя нашего вѣка и не вышло изъ его дѣятельности во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера — XIX вѣка; мы видимъ его въ самыя отдаленныя эпохи и у самыхъ отсталыхъ народовъ, но все это нисколько не измѣняетъ того социальнаго закона, что давленіе центровъ на окраины обезличиваетъ ихъ.

II.

Передъ нами сѣверныя окраины русской земли. Какъ тысячу лѣтъ назадъ онѣ были окраинами, безъ самостоятельныхъ центровъ и безъ самостоятельнаго жизненнаго развитія, такъ остались и теперь такими-же жалкими и больными окраинами здороваго русскаго тѣла.

Тысячу лѣтъ назадъ русская земля имѣла два главныхъ центра, какъ и теперь она имѣетъ ихъ два, хотя втеченіи тысячи лѣтъ послѣдовало значительное ихъ топографическое перемѣщеніе.

Тысячу лѣтъ назадъ центрами русской земли были: праматерь

русскихъ городовъ Кіевъ и праотець русскихъ городовъ „господинъ Великій Новгородъ“. Образовавшійся впослѣдствіи новый центръ, болѣе срединный, Москва, поглотилъ центръ новгородскій, и „господина Новагорода Великаго“ не стало какъ самостоятельнаго политическаго тѣла. Не стало потомъ и праматери русскихъ городовъ какъ самостоятельнаго центра, который, въ силу неизбѣжныхъ законовъ центральнаго тяготѣнія, былъ тоже поглощенъ болѣе срединнымъ центромъ.

Когда эти починные центры русской земли—Кіевъ и Новгородъ—еще не были поглощены новою центральной силою, то они такъ-же смотрѣли на русскія окраины, какъ мы теперь смотримъ изъ своихъ центровъ на современные окраины, вплоть до Ташкента и Бокана, ожидая отъ нихъ того, что онѣ въ состояніи дать, и давая имъ то, что онѣ должны взять. Въ 1096 году *центральный* писатель того времени, Несторъ-лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ о тогдашнихъ сѣверныхъ окраинахъ со словъ другого *центрального* человѣка, новгородца: „Се-же хочу сказать, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гурята Роговичъ новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору, люди яже суть дань дающе Новгороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ югру. Югра-же людье есть языкъ нѣмъ, и сидятъ съ самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра-же рекоша отроку моему: дивно по мы находихомъ чюдо, его-же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ; се-же третье лѣто ноща быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ-же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяща желѣза, и аще кто дастъ имъ ножъ-ли, ли сѣкиру, даютъ скорою (т. е. шкурами) противу. Есть-же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ-же не доходящъ ихъ всегда; есть-же и подалъ на полунощи. Мнѣ-же рекшю къ Гурятъ: „сія суть людье заклепеніи Александромъ Македонскимъ царемъ. Яко-же сказаетъ о нихъ Мефодій Патарійскій: и взиде ни восточныя страны до моря, наричаемое солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племени Афетова, ихъ-же нечистоту видѣлъ: ядаху северну всяку, комары и мухи, кошки, змѣи, и

мертвецъ не погребаху, но ядяху, и женскія изворогы и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны, въ горы высокія, и Богу повелѣвшѣ, оступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не оступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата иѣдыа, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огонь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметъ. Въ послѣдняя-же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыни етревскыя, изидуть и си сѣверніи языци, яже суть въ горахъ полунощныхъ по повелѣнію божію“.

Глубокій смыслъ имѣеть это сказаніе центрального литератора русской земли въ XI вѣкѣ. Изъ этого сказанія мы видимъ, что и тогдашніе центральные литераторы интересовались провинціальною жизнью, что и тогда уже центры высылали на далекія окраины, платившія дань центрамъ, своихъ „отроковъ“—по дѣламъ-ли торговымъ и промышленнымъ, или по инымъ центральнымъ соображеніямъ. „Отроки“ эти вступали въ непосредственныя сношенія съ провинціями, съ тогдашними Гаццскими и Вагинными, и отъ нихъ получали статистическія и иныя свѣденія о провинціальной жизни, о задачахъ провинцій, объ ихъ экономическихъ нуждахъ и чаяніяхъ. Оказывается, что тогдашніе Гаццскіе сообщали тогдашнимъ центральнымъ людямъ и центральнымъ писателямъ, какъ они сообщаютъ теперь центральному статистическому комитету и географическому обществу, о своихъ далекихъ захолустьяхъ и, между прочимъ, о тѣхъ чудесахъ, которыхъ они сами были свидѣтелями: что за лукоморьемъ есть горы высокія, касающіяся самыхъ небесъ, а въ этихъ горахъ слышится „вличъ велнкъ и говоръ“—слышно, что какіе-то люди гору пробиваютъ и не могутъ пробить; пробито лишь одно „оконце мало“, въ которое и разговариваютъ тогдашніе провинціалы съ невѣдомыми людьми: эти люди манятъ ихъ рукою, указываютъ на желѣзо—вотъ чего имъ надо! Видно, что они, эти невѣдомые люди, еще живутъ въ каменномъ періодѣ, въ пещерномъ, не доросли еще до періода умѣнья ковать желѣзо. Эти дикари, просящіе желѣза и дающіе въ обмѣнъ на желѣзо звѣриныя шкуры провинціаламъ тогдашней русской земли—это знакъ, что сходятся люди уже до нѣкоторой степени цивилизованные, цивилизованные

при помощи своихъ центровъ, сходятся съ людьми дикими, и даютъ имъ первое знаменіе тогдашней цивилизаціи—жельзо, жельзные издѣлія, жельзное орудіе, которое должно вытѣснить орудіе пещернаго періода—каменное. Центральный литераторъ Несторъ, справившись, за неизвѣнїемъ тогда императорской публичной библіотеки, въ своей рабочей монашеской кельѣ, думаетъ истолковать экономическое явленіе, подмѣненное практически новгородцемъ, сказанїями Мефодія Патарскаго: по его ученой догадѣ или гипотезѣ выходитъ, что это тѣ „гоги и магоги“, которыхъ Александръ Македонскій заклепалъ въ рифейскихъ горахъ, въ нашемъ окраинномъ хребтѣ Уралѣ. Гоги и магоги—это дикіе люди того времени, превратившіеся въ нынѣшнихъ провинціаловъ и до сихъ поръ „сѣкущіе гору“ и немогущіе „высѣчиса“,—въ провинціаловъ, изъ коихъ нѣкоторые пролазятъ нынѣ въ „оконце мало“, ставшее уже большимъ окномъ, и идутъ сами къ центрамъ, вмѣсто того, чтобъ только „помавать“ рукою и просить жельза. Какъ и теперь, образованные центры и тогда недовѣрчиво относились и даже свысока третировали необразованныхъ мужиковъ—гоговъ и магоговъ, которые, при своей экономической бѣдности и неразвитости, и теперь продолжаютъ ѣсть всякую нечисть, потому что бѣдны и неразвиты, и хотя не ѣдятъ кошаровъ и мухъ, но продолжаютъ кушать въ неурожайные годы мякину и древесную кору. Замѣчательно, что тогдашній писатель центра спѣшитъ обобщить явленіе и сдѣлать свой выводъ, какъ онъ ни наивенъ: онъ говоритъ, что такъ дѣла, однако, оставаться не могутъ; что хотя Александръ Македонскій и заклепалъ гоговъ и магоговъ въ горы, но „въ послѣдніе дни“ они выйдутъ изъ горъ, въ которыхъ заточены,—„изидутъ и си сѣверніи языци, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию“...

Это говорилось давно, очень давно, за тысячелѣтіе назадъ, говорилось и Мефодіемъ Патарскимъ, и Несторомъ, русскимъ писателемъ сѣдой древности, нашимъ литературнымъ родоначальникомъ. Прошло болѣе тысячи лѣтъ, а гоги и магоги не выходятъ изъ горъ—провинціи остаются тѣми-же провинціями, ожидающими отъ центровъ плодовъ цивилизаціи взаимѣнъ своихъ мѣховъ, хлѣбовъ и прочихъ естественныхъ богатствъ. А мы продолжаемъ вѣрить, продолжаемъ говорить, что эти окраинные „языци“, эти провинціалы „изидутъ по повелѣнью Божию“...

Другой центральный писатель, новгородец XII вѣка, ипатьевскій лѣтописецъ, тоже продолжаетъ интересоваться экономическими и другими сторонами жизни окраинъ, какъ и мы интересуемся ими въ настоящее время, и подъ 1114 годомъ говоритъ: „мужи старіи ходили за югру и за самоядъ, яко видѣвше сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча, и въ той туче спаде вѣверица млада, аки топереча рожена, и взростши и расходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней, и возрастаютъ и расходятся по земли“ („Полн. собр. лѣт., II, 5.)

„Старые мужи“, новгородскіе центральные люди, ходили за югру и самоядъ, и, видя естественныя богатства края, истолковываютъ все это сообразно своему дѣтскому міровоззрѣнію: пушного звѣря на окраинахъ Руси такъ много, что кажется, будто „молодые вѣверицы“ съ неба падаютъ и расходятся по землѣ, что съ облаковъ-же падаютъ и „оленци мали“, и тоже, выростая, расходятся по землѣ!

Такъ были младенчески-наивны воззрѣнія тогдашнихъ центровъ на экономическія явленія, замѣчаемыя въ окраинахъ, и таковы были естественныя богатства этихъ окраинъ.

И что-же вышло изъ всего этого? До послѣдняго времени, до нашихъ дней, изъ русскихъ центровъ, и преимущественно изъ Петербурга, ходили въ полуночныя страны и „отроки“, и „мужи старіи“ — кн. Гагаринъ, Чубинскій, Ефименко, Данилевскій, Качаловъ, Максимовъ, фон-Пошманъ, Альбертини, Стронинъ, Немировичъ-Данченко. Журавскій и множество другихъ, — и всѣ они находили то-же самое, что и „отроки“, которыхъ послалъ изъ Новгорода Гурята Роговичъ, и „мужи старіи“, ходившіе за югру и за самоядъ. „Русскій сѣверъ, говоритъ г. Журавскій въ своемъ превосходномъ очеркѣ „Богатства сѣвера“ *), — несчастной судьбой своей невольно вызываетъ на раздумье всякаго мыслящаго челоуѣка. Да и какъ не призадуматься, когда видишь, что на землѣ, богатой всѣмъ, что только нужно для благосостоянія челоуѣка, люди свѣклись съ постоянной нуждой и постоянно бѣдуютъ отъ голододовъ“. Такимъ образомъ, съ одной стороны, богатства

*) Сборникъ въ память перваго русскаго статист. съезда 1870 г., вып. II-й, 1875 г.

сѣвера громадны и неистощимы на многіе вѣка и для многихъ поколѣній, а съ другой нищета сѣвера бросается въ глаза наблюдателя на каждомъ шагу.

III.

Что сѣверныя наши окраины представляютъ картину экономическаго застоя — это несомнѣнно. Въ чемъ-же причины этого явленія? А прежде всего въ томъ, что на окраинахъ никто жить не хочетъ, что *изъ окраинъ все тянутся къ центрамъ*, или, наоборотъ, никто не можетъ оторваться отъ центра, чтобы идти и заселить окраину, какъ-бы ни была она богата, а тѣмъ болѣе окраину сѣверную, холодную, голодную, непривлекательную. Сѣверная окраина, захватывающая собою архангельскую и вологодскую губерніи, имѣетъ болѣе *ста миліоновъ десятинъ земли*, и между тѣмъ воздѣланной земли не имѣетъ и одного миліона или менѣе одной ста-пятнадцатой части всей площади окраины, что даетъ менѣе $\frac{3}{4}$ десят. воздѣланной земли на человѣка. „Вотъ почему тамъ вѣчная нужда!“ восклицаетъ доброжелатель сѣверной окраины. Но почему-же именно тамъ, въ этой благословенной землѣ, гдѣ и „оленци“, и „вѣверици“ падаютъ съ неба, — почему именно тамъ вѣчная нужда? На это намъ могутъ отвѣтить, что край этотъ слишкомъ суровъ, что на сѣверѣ слишкомъ холодно. Все это такъ, все это повторяется со временъ Геродота; но это не отвѣтъ. Такой или почти такой отвѣтъ дадутъ намъ и другія русскія окраины. Южныя окраины, не менѣе жалкія во многихъ отношеніяхъ, какъ и сѣверныя, скажутъ намъ, что онѣ потому жалки и мертвы, что тамъ ужъ слишкомъ жарко, что тамъ вѣчныя засухи истребляютъ всѣ плоды тяжелыхъ работъ человѣческихъ. И это правда — мы и противъ этого не споримъ. Восточныя окраины скажутъ намъ, что у нихъ хотя и не слишкомъ холодно и не слишкомъ жарко, но за то слишкомъ пыльно и вѣтряно, что солончаковатыя земли и бездѣсье губительно дѣйствуютъ на ихъ культуру, и т. д. Правда и это — и противъ этой правды мы опять не споримъ. Западныя окраины вслѣдъ за прочими скажутъ: у насъ и не холодно, и не жарко, и не пыльно; но за то у насъ слишкомъ сыро; наши болота парализуютъ всѣ усилія нашихъ рабочихъ мускуловъ и нашихъ не менѣе

рабочихъ мозговъ; мы такъ-же бѣдны, какъ бѣдны сѣверныя окраины, какъ бѣдны южныя, какъ бѣдны восточныя...

И опять остаются одни центры, которые ни на что подобное не жалуются—ни на холодъ, ни на жаръ, ни на пыль, ни на сырость. Но потому-то они и центры; въ этомъ-то и сила центровъ: центрами они стали оттого, что не могли не стать ими.

Послушаемъ далѣе, на что жалуются наши сѣверныя окраины. „Наши земли, говорятъ онѣ,—обширны и богаты, но онѣ не воздѣланы. Наши луга славятся обиліемъ, сочностью, питательностью и ароматомъ своихъ травъ; но они не даютъ намъ ничего“. Луговъ этихъ сѣверныя окраины считаютъ *болѣе полуmilliона десятинъ*; но на лугахъ этихъ пасется всего только *полтора миллиона головъ скота*; на одного жителя приходится по одной головѣ скота и каждая голова скота имѣетъ для своего корма по 17^{1/2} десятинъ луговой и выгонной земли! Вѣдь это страшное богатство! Неудивительно, что сѣверныя окраины сами говорятъ о себѣ, что имѣющихся нинѣ на сѣверѣ луговъ и выгонной земли хватило-бы на содержаніе, по крайней мѣрѣ, *въ четыре тысячи разъ* большаго количества домашнихъ животныхъ. А между тѣмъ ихъ нѣтъ и нѣтъ. Отчего-же? А оттого, что окраины—окраины, а центры—центры; оттого, что человѣкъ тяготеетъ къ человѣку, къ центру, а къ человѣку тяготеютъ домашнія животныя; въ пустыню-же идутъ только дикіе звѣри да „оленци мали“, пока опять-таки не приручатся человѣкомъ.

Сѣверныя окраины имѣютъ лѣсу гораздо больше, чѣмъ имѣетъ его *вся западная Европа* (исключая Турцію и Германію.) Лѣсная площадь занимаетъ собою около 60 миллионъ десятинъ и въ томъ числѣ лиственницею и кедромъ заросло нѣсколько миллионъ десятинъ. „Но, говорятъ сѣверныя окраины,—это изобиліе лѣсовъ приноситъ самый ничтожный, *равняющийся почти нулю доходъ* и казнѣ, и сѣверному краю“. Опять бѣдность и мертвенность окраинъ...

— Въ лѣсахъ сѣвера, говорятъ далѣе тѣ-же окраины,—множество дичи и пушнаго звѣря (это „вѣверици млади“, „оленци мали“ и прочая, и прочая, и прочая); но охота за тѣмъ и другимъ даетъ самый незавидный заработокъ, едва вознаграждающій потерю пороха и свинца, равно и то, что промышленниками и ихъ семействами проживается въ періодъ охоты.

— У насъ нѣтъ недостатка въ водахъ, продолжаютъ плакаться сѣверныя окраины: — наши внутреннія воды занимаютъ почтенное пространство въ 2,500 квадр. миль или 12,152 квадр. версты... Въ одной архангельской губерніи находится рѣкъ и рѣчекъ 1,094, озеръ — 2,944! Всѣ эти воды приносятъ самыми дорогими родами рыбъ, и все-таки наше сѣверное рыболовство стоитъ на очень низкой степени развитія, принося намъ, сѣверянамъ, лишь небольшую прибыль. Омывающее нашу окраину Бѣлое море съ Ледовитымъ океаномъ богаче всѣхъ прочихъ прилегающихъ къ русской территоріи морей; въ немъ множество рыбы, звѣрей и иныхъ богатствъ, могущихъ доставить прибыль не одному сѣверному краю. Недаромъ поморы говорятъ: „море — наше поле“. Но, къ несчастію, изъ этого поля они берутъ очень мало, да и эта еще малость идетъ куда-какъ неприбыльно и непроизводительно...

Жалкія, бѣдныя сѣверныя окраины!

— Внутренность нашей сѣверной земли не менѣе богата, чѣмъ ея поверхность: руды желѣзныя и мѣдныя, сѣра, серебро, золото, жемчугъ, точильный камень, сѣрный колчеданъ — все это есть у насъ, но оно напрасно ждетъ человѣка, который вынулъ бы все это изъ земли.

А человѣкъ не идетъ вынимать изъ земли влады, потому что влады этотъ — на окраинѣ, а человѣкъ жметъ къ центру...

— У насъ все можетъ быть, и теперь ничего почти нѣтъ! въ отчаяніи восклицаютъ сѣверныя окраины устами жаркаго адвоката ихъ, г. Журавскаго.

„Какія-же причины, спроситъ читатель, — создали этотъ пагубный фатализмъ, отъ котораго на землѣ, щедро одаренной всѣми дарами природы, вмѣсто изобилія царствуетъ скудость, вмѣсто довольства нищета?

— Причинъ этого, отвѣчаетъ намъ г. Журавскій, — много; но самая главная изъ нихъ та, что *сѣверъ не имѣетъ рынка*.

Это значитъ, что сѣверъ не имѣетъ центра — центра жизни и свѣта, центра духовнаго и экономическаго тяготѣнія, потому что центръ этотъ отъ него слишкомъ далеко, а если и не далье, чѣмъ отъ другихъ окраинъ, то путь до него, какъ говорилъ Гурята Роговичъ Нестору-лѣтописцу, „непроходимъ пропастью, снѣгомъ и лѣсомъ“...

IV.

Люди, которые не домыслили, упрекают меня въ мнимомъ централизмѣ, не потрудились вдуматься въ міровое явленіе и принимаютъ его за какое-то механическое созданіе централистовъ: этимъ недомыслившимъ людямъ кажется, что если центръ *захотѣлъ*, то и вытянулъ изъ окраинъ всѣ соки, всѣ силы экономическія и интеллигентныя, не забывъ захватить притомъ и лучшую, самую дѣятельную часть населенія окраинъ. Они не понимаютъ, что это явленіе совершается по мановенію той-же силы, которая заставляетъ листья дерева тянуться туда, гдѣ солнце свѣтитъ и грѣетъ, а комнатные цвѣты и вѣтви комнатныхъ растений неудержимо притягиваться къ окнамъ, къ тому-же свѣту. Когда вы заблудитесь въ сѣверномъ, непроходимомъ лѣсу, то и безъ компаса, и безъ солнца можете ориентироваться и узнать, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ: вамъ слѣдуетъ только взглянуть на вѣтви и листья деревьевъ, и вы увидите, что на одной сторонѣ каждаго дерева вѣтви чаще и листья гуще и обильнѣе, чѣмъ на другой. Обильная листьями и вѣтвями сторона дерева—это югъ, скудная сторона—это сѣверъ.

Этимъ неотвратимымъ законамъ жизни повинуются человѣкъ и все живущее на землѣ. Всякое существо тянется туда, гдѣ для него больше свѣта и тепла въ обширномъ значеніи этихъ словъ,—однимъ словомъ, туда, гдѣ лучше. Ужь если поэтому образовались извѣстные центры жизни человѣческой, то значитъ, что тамъ, гдѣ они образовались, человѣку почему-либо жилось лучше—и онъ туда невольно тянулся изъ худшихъ мѣстъ, а изъ лучшихъ, изъ центровъ, неохотно шелъ въ худшія, въ окраины, какъ до сихъ поръ человѣкъ, по какому-то странному предразсудку, съ точки зрѣнія моихъ недомыслившихъ противниковъ, неохотно идетъ въ „Сибирь“, въ „отдаленныя губерніи“ и даже „въ мѣста не столь отдаленныя“.

Что-жь это такое? Историческій предразсудокъ? Нѣтъ, — это одна буква изъ тысячи другихъ буквъ, изъ которыхъ слагается теорія центровъ.

Но прослушаемъ прежде всю эпопею плача сѣверныхъ окраинъ

о своемъ горькомъ положеніи, а потомъ, если можно, сдѣлаемъ общіе выводы.

Говоря о сѣверныхъ окраинахъ, всѣ, не только окраинцы, но и центральные люди, эпически выражаются о нихъ, какъ о „несчастномъ сѣверѣ“, злополучные обитатели котораго „вѣчно жалуются“. Экономическая виѣшность сѣверныхъ окраинъ тоже получила эпическій эпиграфъ: это — „голодные и холодныя мѣста“ („Дѣло“, 1868 г., кн. 9.) Внутренняя сторона экономической жизни окраинъ представляетъ непремѣнно „грустную картину“. Въ эпическомъ причитаньи о бѣдномъ сѣверѣ рѣзко слышатся практическія замѣчанія: онъ бѣденъ оттого, что „не всегда земля родить“, оттого, что „воздѣланной почвы слишкомъ мало для прокормленія населенія“, оттого, наконецъ, что привозный хлѣбъ слишкомъ дорогъ и часто привозится тогда, когда пора для посѣва уже прошла, а *недостатокъ въ хлѣбъ внесъ уже бѣдствие во всю страну*. И между тѣмъ жалкія окраины эти „очень хлѣбородны“; земля тамъ — „хорошій черноземъ“, не то что въ нашихъ историческихъ центрахъ, гдѣ черноземъ если и былъ, то развѣ при Андрѣ Боголюбскомъ, и центральные люди давно ужъ съѣли его вмѣстѣ съ навозомъ, которымъ удобряли эту землю, по малой мѣрѣ, съ Бориса Годунова. На окраинахъ земля родить, особенно „на новинахъ“ и „на подсѣвахъ“, до самъ - 40: кореляки берутъ иногда на своихъ „подсѣвахъ“ по 80 зеренъ съ одного брошеннаго въ землю зерна. И все-таки и кореляки, и не кореляки бѣдуютъ на окраинахъ. Пашни этихъ окраинцевъ большею частью находятся около рѣкъ, гдѣ земля расчищена отъ вѣковыхъ лѣсовъ. Рѣки эти разливаются поздно, а еще позже входятъ въ берега. — и окраинцы должны ждать, пока ихъ земли обсохнутъ... А тамъ и лѣто на-исходѣ; посѣянный хлѣбъ не весь созрѣваетъ — и окраинцы голодуютъ и голодуютъ.

Несчастные окраинцы, не имѣя хлѣба и пожирая иногда сырую, живую рыбу, могли-бы питаться корнеплодными растеніями, картофелемъ, рѣпой, рѣдкой и т. п., потому что тамъ, гдѣ лѣтомъ солнце прячется за горизонтъ только часа на полтора или на два въ сутки, корнеплодные растенія „зрѣютъ съ быстротой, непонятной тому, кто незнакомъ съ этимъ краемъ“, говоритъ его доброжелатель; но окраинцы не питаются и этимъ

подспорьемъ, потому что они не привыкли къ такому питанью, потому что ихъ не научила ничему исторія, какъ научила она всему централитовъ, и только недавно, и то случайно, отъ заѣзжихъ людей, ссыльныхъ поляковъ, окраинцы съ удивленіемъ узнали, что можно ѣсть и рѣдись, и хрѣнь, и даже зайца, „косого чорта“.

И вотъ благородный адвокатъ несчастныхъ окраинъ, чтобы спасти ихъ отъ крайней нужды, требуетъ расчистки лѣсовъ для посѣвовъ. „Но, прибавляетъ онъ не безъ ѣдкой горечи, — такой трудъ, какъ ни спасителенъ-бы онъ былъ, не по плечу сѣверянину, немѣющему для этого достаточно времени и капитала, потому что, спасаясь отъ голода, онъ долженъ употреблять теперь первое прежде всего на такія работы, какія сейчасъ ему даютъ доходъ — рыболовство, охота, извозъ, поденщина, а о второмъ ему, *изнуренному всевозможными бѣдствіями*, и мечтать даже непозволительно...“ Еще-бы! вѣдь капиталъ тоже избираетъ центры: у него къ нимъ такое-же естественное тяготѣніе, какъ у геліотропа къ солнцу.

Защитникъ окраинъ взываетъ къ людямъ центровъ, чтобы они переселялись въ окраины, но изъ центровъ никто не идетъ туда, кромѣ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ нужда выдавила когда-то изъ государственныхъ территорій „господина Великаго Новагорода“ и они крѣпко осѣлись на окраинахъ. Двинуть централитовъ къ окраинамъ — это все равно, что заставить подсолнечникъ поворачивать свою желтую шапку въ противоположную сторону отъ солнца. Защитникъ окраинъ взываетъ, наконецъ, о переселеніи туда... *ирландцевъ!* Но и ирландцы едва-ли пойдутъ въ наши жалкія окраины. Да и кто пойдетъ туда, особенно изъ центровъ, когда „царащая тамъ сырость, столь вредно дѣйствующая на здоровье людей и производящая ранніе морозы, губящія, въ свою очередь, хлѣба, есть послѣдствіе того, что, благодаря множеству лѣсовъ, солнце, какъ-бы оно ни грѣло, не всюду проникаетъ надлежащимъ образомъ землю, которая въ лѣсныхъ мѣстахъ, въ самую жаркую пору, всегда бываетъ и холодна, и влажна“.

Побродимъ еще по сѣвернымъ окраинамъ и посмотримъ на ихъ несмѣтные богатства и на печальное безсиліе человѣка среди этихъ богатствъ, зарытыхъ въ землю, чтобы придти къ послѣднему заключенію, что это — несчастный край, забытый людьми, хотя и незабытый Богомъ.

Короткое, но жаркое лѣто, съ его почти незаходящимъ солнцемъ, дѣлаетъ то, что луга сѣверныхъ окраинъ являются роскошнѣе украинскихъ степей, по которымъ ѣхалъ когда-то Тарасъ Бульба съ сыновьями въ Запорожье и при воспоминаніи о которыхъ у Гоголя вырвалась его безсмертная фраза: „Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!“ Луга сѣверныхъ окраинъ сравниваются съ знаменитыми во всемъ мѣрѣ лугами южной Америки. Одни печорскіе луга, захватившіе около 400 тысячъ десятинъ земли, такъ роскошны, что даютъ ростъ травъ выше роста человѣка и могли-бы питать „несмѣтныя стада“. И между тѣмъ этихъ несмѣтныхъ стадъ тамъ нѣтъ, хотя-бы на окраинныхъ лугахъ могли-бы до-сыта кормиться и стада древняго греческаго бога Геліоса, и несчетныя стада баснословнаго царя Авгія, у котораго Геракулесъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дворника или конюха. Строгая статистика обнаруживаетъ, что на сѣверныхъ окраинахъ такъ мало скота, что *одна лошадь приходится на 6 человекъ* наличнаго населенія, одна голова крупнаго рогатаго скота — *на 3 человекъ*, одна овца — тоже на 3 человекъ и одна свинья — на 31 окраинца, собственно-же въ архангельской губерніи одна свинья—на 285 окраинцевъ!

Мало того, окраинцы теряютъ даже и то, что имѣли: знаменитыя холмогорскія коровы, этотъ предметъ страсти всѣхъ скотоводовъ и коровницъ всей Россіи, годъ отъ году мельчаютъ и выводятся. Молоко отъ этихъ коровъ не даетъ почти никакихъ скоповъ для окраинцевъ, потому что они ничего въ этомъ не смыслятъ: молоко у нихъ „употребляется на сметану и на масло, только не все; часть молока отдають телятамъ или *выливають, какъ помой*“. О производствѣ „тощихъ сировъ“ изъ молока — „нѣтъ и помину“. Жирные сыры дѣлають только въ Холмогорахъ и Вологдѣ; а творогъ подвергается той-же участи, что и часть молока, т. е. „его выкидываютъ вонъ“! И только опять-таки тамъ, гдѣ поселились дѣти центровъ — „ссылные, особенно поляки, привыкшіе на родняѣ къ молочной пищѣ“, лишнее молоко и творогъ не выливаются и не выбрасываются. Цѣлый теленокъ тамъ стоитъ гривенникъ и даже дешевле! Бульонное производство — „незавидно“. Выварка костяного клея — „почти невѣстна“. Свиней — „почти нѣтъ“, потому что ихъ кормить нечѣмъ.

Молоко — нипочемъ, телята — нипочемъ, молока не ѣдятъ, словно одно племя дикарей „антигалактионовъ“ — и голодаютъ!

Что-же тамъ есть, на этомъ безлюдномъ и бѣдномъ сѣверѣ? Ничего нѣтъ и — все есть!

Скоть не приноситъ окраинамъ почти никакого дохода. Благодарѣтельный олень — и тотъ даетъ доходу всего только 97 в. въ годъ!

Луга съ пасущимися на нихъ стадами, пресованное сѣно, молочные скопы, кости, костяное масло, мясо, шерсть, олени рога — все это могло-бы обогатить окраинцевъ — и не обогащаетъ. Англія закупаетъ пресованное сѣно въ Германіи, а наше сѣверное сѣно гниетъ. Лѣса, которыми сѣверныя окраины могли-бы заполнить всю Европу, хотя и имѣютъ сбытъ, „но сбытъ этотъ; въ сравненіи съ тѣмъ, каковъ-бы онъ могъ быть при иныхъ, лучшихъ условіяхъ, до того незначителенъ, что вмѣстѣ съ безошадной эксплуатаціей лѣсопромышленниками лѣсоробочихъ даетъ кое-какіе барыши казѣ и нѣсколькимъ торгующимъ лѣсомъ на Бѣломъ морѣ иностраннымъ капиталистамъ и — *ничего несчастному мѣстному населенію*“... Только и приносятъ нѣкоторую пользу этому „несчастному населенію“ лѣсныя богатства тѣмъ, что даютъ ему маленькій заработокъ на добываніи смолы, дегтя, скипидара и терпентина, да и то неразумные окраинцы „*выливаютъ вонъ*“ дегтярную воду, какъ и молоко, ибо не знаютъ, что изъ дегтярной воды можно было-бы выдѣлывать вкусно-кислую известь, столь цѣнную въ центрахъ и въ цивилизованной Европѣ. Затѣмъ, въ то время, когда нижегородскіе семеновцы, эти относительно архангельцевъ центральные люди, производятъ изъ мѣстнаго лѣсу цѣлые миліоны березовыхъ ложекъ и почти половину ихъ сбываютъ въ Кяхту, Персію и даже въ Англію и Францію, — безпомощные окраинцы и до этого еще не дошли, потому что у нихъ рукъ мало, силы мало, времени мало, а желудокъ немедленно требуетъ пищи и пищи. Да и куда-бы они сбыли свои ложки, когда у нихъ нѣтъ такого центра, какой семеновцы имѣютъ на нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ?

Перейдемъ теперь къ сѣвернымъ водамъ и ихъ богатствамъ, и здѣсь увидимъ, что окраины, вмѣсто того, чтобъ быть Крезами, остаются бѣдными, ноющими Лазарями, питающимися крупница-

ми, падающими со стола центровъ въ то время, когда заморскіе псы, вотъ уже три столѣтія наѣзжающіе къ нимъ на своихъ корабляхъ, по-возможности залиываютъ несчастнымъ Лазарямъ ихъ экономическія раны, а иногда пролизываютъ и до бѣлой кости, выхватывая клочки живого мяса у бѣдныхъ Лазарей. Въ архангельской губерніи одна квадратная верста внутреннихъ водъ приходится на 24 человѣка — это громадное количество водъ съ скрытыми въ нихъ сокровищами, стерлядьми, сигами, семгой, бѣлорыбницей, осетриной, омулями и несчислимымъ множествомъ другихъ рыбъ, крупныхъ и мелкихъ, морскихъ, рѣчныхъ и озерныхъ. И изъ всѣхъ этихъ сокровищъ сѣверные окраинцы извлекаютъ рыбной добычи не болѣе 1 р. 88 к. на душу: это значитъ, что на карту рыбнаго промысла ставится вся жизнь Лазаря, и на этомъ жизненномъ ва-банкѣ Лазарь не выигрываетъ и двухъ рублей, несмотря на то, что эта экономическая стуколка „занимаетъ тяжелымъ, сопряженнымъ съ огромной тратой времени, расходовъ, а иногда и жизни, трудомъ цѣлые десятки тысячъ народа, которому остается за труды самая ничтожная, самая крошечная прибыль, тогда-какъ, доставивъ эту рыбу во внутренность Россіи, особенно-же въ столицы (въ центры!), капиталисты (денежные централисты) получаютъ громадную наживу, никогда не менѣе рубля на рубль“.

Промывка и засоль рыбы, а равно приготовленіе икры производятся Брезами-Лазарями „неудовлетворительно“. А отчего? Оттого, что окраинцы изолированы отъ центровъ, а вслѣдствіе того „умѣнье и капиталъ“, эти столичные гелиотропы, „не приложены еще къ сѣверному рыболовству“. Тамъ даже соли мало, и потому рыбу солить нечѣмъ, несмотря на то, что, кромѣ озерной соли, море съ 3,000 футовъ глубины можетъ дать морской соли окраинцамъ до 13,000,000 кубическихъ миль! Это значитъ, что у Лазаря подъ руками столько соли, что объемъ ея въ 15 разъ больше объема всѣхъ Альповъ! Этотъ кусокъ соли въ рукѣ Лазаря равняется Гималайскому хребту съ горой Эверестомъ... Это такъ страшно много, что г. Журавскій въ священномъ ужасѣ восклицаетъ: *„Артезианскій колодезь при новой соловарнѣ въ Мюнденѣ доставляетъ въ сутки 65,000 кубич. футовъ воды, но ему пришлось-бы литься впродолженіи 13,000 мѣтъ, чтобы доставить лишь одну кубическую*

миллю соли!..“ А чтобы выработать тотъ соляной кусокъ, который держать въ своихъ рукахъ нашъ окраинный обитатель, т. е. 13,000,000 куб. миль соли — колодцу пришлось-бы литься 169,000,000,000 лѣтъ!.. Но просуществуетъ-ли столько лѣтъ наша бѣдная планета?..

И вотъ, держа въ рукахъ кусокъ соли величиною съ Гималаи, сѣверный окраинецъ жалуется, что у него нечѣмъ солить рыбу, а солить онъ ее— „рутинно“; рыболовные снаряды у него— „никуда не годятся, и не всякій ихъ имѣетъ, что даетъ возможность однимъ эксплуатировать трудъ другихъ“.

„Копченіе рыбы не заведено еще на сѣверѣ“, а между тѣмъ лѣса, какъ факторы копченія, „баснословно дешевы“. Рижскій нѣмецъ, нуждающійся въ лѣсѣ, коптитъ у себя семгу и продаетъ ее въ Гамбургѣ по 30 и 40 р. за пудъ, и благоденствуетъ; а сѣверный Лазарь не коптитъ—и голодаетъ.

Варенье рыбаго клея у сѣверныхъ Лазарей находится все еще „въ области попытокъ и предположеній“, несмотря на усилія одного централита, г. Клечковскаго, научить этому бѣдныхъ Крезовъ.

Да, бѣдные, бѣдные Крезы!.. А все оттого, что они далеко отъ центровъ: геліотропъ не видитъ солнца и—пропадаетъ въ темномъ углу.

V.

„Се азъ на тя, Гогъ, и на князя Росъ, Мосоха и Фовеля, и обращу тя окрестъ, и вложу узду въ челюсти твоя“, говорю я своимъ противникамъ, сердитымъ, да не сильнымъ, которые вѣрятъ, что окраины безъ Прометеева огня центровъ, безъ ихъ знанія, капиталовъ, науки, безъ ихъ таланта и гениальности выбьются, наконецъ, изъ своего ничтожества. Я васъ поведу на эти далекія окраины, и, подобно тому, какъ нѣкогда мрачный духъ съ высокой горы показывалъ свѣтлому духу человечества всѣ царства земныя и ихъ сокровища и дарилъ ихъ во власть ему, чтобы только тотъ свѣтлый поклонился мрачному или свергся со скалы, такъ и я покажу вамъ царства окраинъ и ихъ богатства и разобью ваши свѣтлыя надежды на самозарожденіе окраинъ безъ помощи центровъ,—разобью ихъ цѣлымъ рядомъ мрачныхъ картинъ экономической безнадёжности безлюднаго сѣвера.

Берега земли, на которой живет окраинный голодающій Крезъ, омываются моремъ на протяженіи гораздо большемъ тысячи верстъ. Море это „въ экономическомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою всё прочія принадлежація нынѣ Россіи моря“. У моря этого—громадные лѣса подъ рукою, чего не представляетъ ни одно море на всемъ земномъ шарѣ. Верфи Нью-Йорка и Бостона, снабжающія своими судами всю Америку, *нуждаются въ лѣсъ*. Въ Европѣ корабельный лѣсъ *„вскорѣ превзойдетъ цѣнностью желѣзо“*. А у нашего Лазаря тысячи десятинъ строевого и корабельнаго лѣсу жмутся къ самому морю, и Лазарь могъ-бы строить корабли на весь міръ, покрыть своими флотиліями всё океаны, а Лазарь едва-едва имѣетъ нѣсколько корабликовъ и плохихъ судовъ для мѣстнаго обихода. Все море и весь Ледовитый океанъ до его крайняго предѣла доступности могли-бы быть покрыты промысловыми станціями для ловли сельдей, трески, пикши, камбалы, палтусины, а затѣмъ тюленей, моржей, бѣлугъ, гольцовъ, бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ, нерпъ, акулъ, дикихъ оленей, гусей, гагъ. И ничего этого почти нѣтъ у окраинца.

„Всѣ обстоятельства, говоритъ г. Журавскій,—самымъ благопріятнымъ образомъ сложились для того, чтобы морское судостроеніе и плаваніе, морскіе промыслы и вообще всю эксплуатацію морскихъ богатствъ развить самымъ блистательнымъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности мы видимъ, наоборотъ, что контрастъ между богатствами русскаго сѣвернаго моря и ихъ эксплуатацией до того поразителенъ, развитіе морскихъ промысловъ, судостроенія, плаванія, сравнительно съ данными для ихъ процвѣтанія, несоотвѣтственны въ такой степени, что не только весь печорскій край, но даже пустозерская волость, чего нѣтъ ни въ одной приморской полосѣ не только всей Россіи, но даже всего міра, не имѣютъ ни одного морского судна, не занимаются мореплаваніемъ, которое имъ, родившимся у берега громаднаго моря, незнакомо до того, что они изумляются, смотря на самое обыкновенное лавированіе судна“ (Сбор., стр. 294.) И этотъ изумляющійся лавированію судна Лазарь совершаетъ, конечно, въ исключительныхъ случаяхъ, по всему морю и по океану далекія экскурсіи „на самомъ незначительномъ числѣ небольшихъ парусныхъ, допотопной конструкціи, судовъ“. У него нѣтъ су-

довыхъ командъ. Нѣсколько кормчихъ, они-же и судохозяева, „самымъ ужаснымъ образомъ эксплуатируютъ своихъ судорабочихъ“. Это несчастные „покрученники“, которые нанимаются на судно на хозяйскихъ харчахъ „съ одной ложкой“ и которые отъ всей промысловой добычи, сопряженной съ страшными трудами и опасностями, получаютъ только 1—1½ пая, а 70—72 пая достаются на долю хозяина... Промысловое судно нашихъ сѣверныхъ Лазарей — это допотопный ковчегъ и ни одинъ изъ этихъ ковчеговъ не имѣетъ „необходимой въ полярныхъ плаваніяхъ обшивки отъ льдовъ“. Ковчегъ эти носятъ по морю зря, по волѣ вѣтровъ, и часто не пристають къ тому пункту, гдѣ надо, чего при пароходахъ, какъ это дѣлается вездѣ въ Европѣ, никогда не могло-бы быть. Всѣ промысловыя орудія нашихъ Лазарей—это орудія примитивныя, орудія дикарей-островитянъ. Въ то время, когда въ Норвегій, на этомъ жалкомъ скалистомъ влочкѣ земли, о всякомъ скопленіи рыбы въ извѣстныхъ пунктахъ тотчасъ даютъ знать телеграммами и ловцы, какъ коршуны, налетаютъ туда на своихъ пароходахъ,—наши бѣдные Лазари, неимѣющіе ни телеграфовъ, ни пароходовъ, „вертятся на мурманскомъ берегу и въ русской Лапландіи“, и поневолѣ ждутъ, когда рыба сама къ нимъ придетъ. А она можетъ и не придти, заблагоразсудивъ поиграть около другихъ пунктовъ. Промышленныхъ стоянокъ у бѣдныхъ Лазарей почти нѣтъ нигдѣ, хотя прежде на Новой Землѣ и были какія-то пещеро-трущобныя постройки, напоминающія жилища бушменовъ: въ этихъ сырыхъ, холодныхъ, мрачныхъ и смрадныхъ норахъ бѣдные промышленники - Лазари томились всего ровно 192 дня, отъ 14 сентября, отъ „Вздвигенья“, по 25 марта—до „Благовѣщенья“—„безъ солнечнаго свѣта“, и потому поневолѣ „много спали, бездѣйствовали, не имѣли сколько требуется въ полярномъ климатѣ растительной пищи и порождали страшную цыngu, которая въ ужасающей степени истребляла оставшихся на зимовку людей“. А между тѣмъ Новая Земля—это цѣлый міръ богатствъ почти нетронутыхъ, и сколько-бы люди ни истребляли эти богатства, оне ни въ силахъ истребить ихъ: „на островѣ этомъ и вблизи его берега огромными стадами появляются тюлени, моржи, бѣлуги, гольцы, бѣлые медвѣди, нерпы, песцы, гаги; ди-

вихъ-же гусей, а также и оленей, столько, что считают излишнимъ тратить на нихъ заряды, а *бьютъ просто палками...*“

И все это пропадаетъ даромъ. У бѣдныхъ Лазарей силъ нѣтъ, рукъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, и самихъ Лазарей слишкомъ мало, потому что масса населенія слишкомъ ничтожна сравнительно съ той громадной площадью, на которой оно кое-какъ ютится; и если мы называемъ нашъ сѣверъ безлюднымъ, то въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. А между тѣмъ вѣдь окраины считаютъ свою жизнь тысячелѣтіями, какъ и центры. Когда-же начнется эта жизнь на окраинахъ, о которой мечтаютъ наивные оптимисты, мои противники?

Но это еще не все. Чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ нашихъ хожденіяхъ по сѣвернымъ окраинамъ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе экономическія картины будутъ представляться намъ: хожденіе по окраинамъ—это сказочное „хожденіе по мукамъ“.

У насъ въ центральныхъ, метропольныхъ губерніяхъ, гдѣ ничего нѣтъ кромѣ хлѣба, да и того не особенно много,—чувствуется вопіющая потребность въ другой пищѣ, хотя - бы въ рыбной, потому что отъ одного растительнаго питанья человѣкъ ослабѣваетъ и вырождается или регрессируетъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. А между тѣмъ сѣверныя окраины, гдѣ 500 штукъ соленыхъ сельдей стоятъ 60—75 копеекъ, не могутъ дать центральному мужику этихъ сельдей, которыя были-бы для него спасительными, потому не могутъ, что имъ, людямъ окраинъ, до центрального мужика „какъ до звѣзды небесной далеко“, говоря витіеватымъ языкомъ поэтовъ. Мясо дикихъ оленей и гусей, которыхъ сѣверныя окраинцы бьютъ палками, бросается, потому что окраинцы берутъ только кожи и пухъ; а въ этомъ мясѣ такъ нуждается мужикъ-централистъ, живущій дѣльный годъ впроголодь. Наши бѣдные сѣверные Лазари „не умѣютъ ловить треску“ — и опять-таки потому, что за неимѣніемъ телеграмъ и пароходовъ „вертятся на одномъ мѣстѣ“, не зная, гдѣ треска собирается массами. А между тѣмъ посмотрите на норвежцевъ, этихъ обитателей жалкой полосы земли у холоднаго моря: ихъ треска идетъ въ Пруссію, Францію, Испанію, въ Средиземное море, даже въ Бразилію и Австралію! Норвежскій тресковый жиръ лечитъ весь міръ отъ золотухи. А мы, что-же мы дѣлали въ это время? Мы узнали объ этомъ сокро-

вищё только тогда, когда г. Шашковъ основалъ для добыванья трескового жира заводъ на мурманскомъ берегу. А пойдетъ-ли это дѣло безъ поддержки центровъ?

Стыдно для насъ, гордящихся какими-то необоримыми силами, — стыдно сказать, чѣмъ иногда питаются люди, чѣмъ на извѣстной высотѣ поддерживаютъ свой экономическій уровень народы, которымъ природа отпустила, вмѣсто нашихъ неистощимыхъ богатствами окраинъ, вмѣсто хлѣбородныхъ земель — одни скалы да ледяное море, — и питаются лучше насъ, богатыхъ всѣми земными богатствами. *Льдомъ* питаются эти культурные люди: Данія и Норвегія грузятъ *льдомъ* корабли и везутъ его въ другія страны. Одна Англія въ 1865 году заплатила Норвегіи за ледъ около 700,000 рублей! За ледъ!.. А развѣ наши сѣверные окраинцы, владѣющіе Ледовитымъ океаномъ, не могли-бы своими льдами заморозить тропическія страны, если-бы только у нихъ былъ свой флотъ и умѣнье взяться за дѣло?

Не останавливаясь, однако, на этихъ фактахъ, мы идемъ далѣе по богатой и въ то-же время бѣдной окраинѣ. Неизмѣримыя пространства водъ, морскихъ, рѣчныхъ и озерныхъ, необъятныя площади дѣвственныхъ лѣсовъ, болотъ и тундръ, неисходимыя равнины луговъ, которымъ позавидовала-бы Америка съ своими льяносами и пампасами — вѣдь это царство дикой птицы и пушного звѣря. Всякій разъ, когда, съ окончаніемъ суровой зимы, въ воздухѣ чувствуется переломъ къ теплу, къ возрожденію мертвой природы подъ теплыми лучами солнца, всякій разъ, когда въ небѣ слышится неумолкаемое перекликанье перелетныхъ птицъ, съ весной перебирающихся съ теплаго юга на теплѣющей сѣверъ, и когда подъ эти птичьи голоса самъ собою повторяется стихъ поэта —

Снова птицы летятъ издалека

Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ, —

всякій разъ намъ вспоминается, что эти „берега, расторгающіе ледъ“, — наши сѣверныя окраины, куда дѣйствительно птицы перебираются на лѣто изъ жаркаго, баснословнаго „Ирія“, и гдѣ онѣ могутъ на свободѣ плодиться и множиться, не боясь сдѣлаться жертвою сѣверныхъ Лазарей, плохихъ охотниковъ.

Дѣйствительно, сѣверныя окраины лѣтомъ — это птичье царство. Одна охота на рябчиковъ, куропатовъ, тетеревовъ, гусей, утокъ и лебедей могла-бы обогатить бѣдныхъ Лазарей — и между

тѣмъ она ихъ не только не обогащаетъ, но даже не кормитъ. Правда, рябчики, столь любимое кушанье богатыхъ централистовъ, еще попадаютъ въ столицы и тѣмъ связываютъ экономически сѣверныя окраины съ сластолюбивыми центрами; но эта связь такая ничтожная! Уже Екатерина II, давая гербъ городу Пинегѣ, помѣстила на гербѣ рябчика; но онъ все-таки до сихъ поръ по-является въ столицахъ, за столами централистовъ, только тогда, когда столичные скупщики пожелаютъ эксплуатировать окраиннаго охотника и, наживая рубль на рубль, доставлять скупленные продукты на центральный рынокъ. Куропатокъ сѣверныя окраины могли-бы и теперь давать центрамъ до 3 миліоновъ штукъ и получать за нихъ до миліона рублей; а если-бы наши окраины обладали известнымъ экономическимъ и интеллектуальнымъ стимуломъ, то сѣверная куропатка могла-бы кормить собою всю Россію и обогащать сѣверъ; но опять-таки ни то, ни другое не дѣлается. Мало того, такая птица какъ дикіе гуси и утки, убивается на сѣверѣ только для пера и пуха. а мясо бросается. „Лишь небольшая часть мяса гусей и утокъ употребляется на мѣстѣ, преимущественно *бывальными, больше образованными людьми*“, — такъ обидно для сѣверянъ выражается ихъ адвокат и другъ. Неужели-же добрые сѣверяне не дошли еще до того развитія, конечно, хоть-бы экономического, чтобы ѣсть мясо гусей и утокъ, когда они круглый годъ голодаютъ?.. Даже поэтическихъ лебедей обижаютъ экономически неразвитые окраинцы. „Съ убитаго лебедя на сѣверѣ сдираютъ лишь шкуру, а мясо бросаютъ... Должно быть (говоритъ тотъ-же адвокатъ сѣвера), потомки древнихъ новгородцевъ забыли про то, что въ старинной Руси на столахъ князей и именитыхъ людей лебязье мясо составляло необходимую принадлежность всякаго пиршества“. Дикіе голуби, которыхъ на сѣверѣ также не извести никакими силами, возбуждаютъ въ сѣверянахъ „суетврный страхъ“ — ужъ не потому-ли, что воркуютъ страшно, словно стопутъ?.

Чѣмъ дальше мы идемъ по этой злополучной окраинѣ, тѣмъ невѣроятнѣе представляется намъ ея экономическая запущенность, отсталость, мало того — прогрессивный упадокъ. А еще намъ говорятъ, что провинція и окраины *сами* развиваются, безъ помощи центровъ! Вотъ что говоритъ адвокатъ сѣвера о звѣринонъ промислѣ сѣверныхъ окраинъ: „Пушной звѣрь искони былъ самымъ заманчивымъ и цѣннымъ сокровищемъ сѣвера. Для него-то въ древнюю Пермю или Біар-

нію, населенную исключительно однимъ финскимъ народомъ, явились первые представители славянства—извѣстные новгородскіе ушкуйники. Послѣ, когда вольные граждане св. Софіи силою торговли, меча и христіанства до-историческую почти, финскую языческую Біармію превратили въ ленъ великой новгородской республики—въ Заволочье и Двинскую Землю, пушной звѣрь сѣвера былъ связующимъ звеномъ между вассаломъ и ленникомъ... И еще послѣ, когда, заставивъ замолкнуть святой вѣчевой колоколъ, Москва вступила во всѣ владѣнія вольнаго, славнаго Новгорода, мѣха были единственнымъ предметомъ, который бѣлокаменная требовала отъ новыхъ своихъ подданныхъ. Все-же остальное—вѣру, языкъ, обычаи, самоуправленіе—она оставляла до поры, до времени нетронутымъ. Въ настоящее время, сравнительно съ описываемымъ, звѣроловство *значительно упало* на сѣверѣ, хотя и теперь оно тамъ составляетъ одинъ изъ болѣе видныхъ промысловъ“. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ тутъ должны быть неизсякаемые экономическіе родники для обогащенія окраинъ; а между тѣмъ и въ звѣриномъ промыслѣ мы видимъ что-то жалкое, безпомощное, безнадежное. И оказывается, что даже здѣсь опять-таки нужны люди центровъ, люди сравнительно болѣе культуры, чтобъ научить окраинныхъ людей не только добывать себѣ выгоды изъ окружающихъ ихъ естественныхъ богатствъ, но даже хоть-бы ѣсть зайцевъ... „До поляковъ (т. е. до начала ссылокъ поляковъ на сѣверъ) ѣсть зайцевъ рѣшались лишь *самые развитые изъ сѣверянъ*; теперь въ этомъ отношеніи начинается по-немногу пережѣняться къ лучшему“.

А самые приемы и способы охоты тутъ еще болѣе примитивны и жалкіе. Вѣдныя наши сѣверные окраинцы въ этомъ отношеніи не далеко ушли отъ перваго звѣролова и царя Нимврода. Отправляясь въ чащу лѣсовъ за сотни верстъ отъ жилья, нерѣдко недѣль на пять, на шесть, они должны тащить на плечахъ и теплую одежду, и сѣстные припасы на все время охоты, чтобы не умереть съ голоду. Много дней и ночей приходится имъ проводить подъ открытымъ небомъ, подъ пронизывающими насквозь туманами и дождями, „спать на сырой землѣ подъ навѣсомъ угрюмаго сѣвернаго неба, при кострѣ, который съ одной стороны грѣетъ тѣло, въ то самое время, какъ ночные холода, столь обыкновенные на сѣверѣ даже въ лѣтнія ночи, ле-

денять человекѣ съ противоположной стороны“. А если гдѣ и есть ночлеги, то это сказочныя „избушки на курьихъ ножкахъ“ — „безъ оконъ, безъ печки, гдѣ удушье, сырость и холодъ равно пагубно дѣйствуютъ на охотниковъ“. На медвѣдя наши сѣверные охотники ходятъ чуть не съ голыми руками, или съ такими ружьями, у которыхъ „курокъ и стволъ привязаны къ прикладу веревкой“. За порохомъ, за нѣсколькими фунтами, охотникъ идетъ въ городъ нерѣдко верстъ за 200, за 300, да и то пороху купить не на что, а надо брать его въ долгъ у кулака, закладывая ему весь результатъ своей *будущей* охоты.

Вотъ тутъ и жди самостоятельнаго развитія окраинъ въ чемъ-бы то ни было, когда со времени Гюряти Роговича онѣ и до сихъ поръ сидятъ „заклеплены“ въ своей сѣверной труппѣ и „бьютъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру — даютъ скорою противу“... Да бываетъ такъ, что и „скоры“ нѣтъ, и дать нечего...

VI.

Г. Журавскій, рисуя, съ помощью „подавляющей массы фактовъ“, мрачную картину „холодной и голодной“ окраины, является для насъ тѣнью Виргилія, которая водила Данта по лабиринтамъ ада и чистилища: новая тѣнь Виргилія водить насъ по этому безнадежному краю, и вы, шагъ-за-шагомъ, наткнетесь на экономическія неурядицы сѣвернаго населенія, которое судьба оторвала отъ живительныхъ центровъ и предоставила своей жалкой участи.

Тѣнь Виргилія приводитъ насъ къ мѣстамъ, гдѣ были когда-то стали-чугунно-желѣзные заводы сѣвера: это заводы — кажемскій, пючпанскій и нювчимскій, основанные еще въ прошломъ вѣкѣ. Не далѣе, какъ въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, заводы выплавляли болѣе 100 тысячъ пудовъ чугуна, приготовляли издѣльнаго желѣза до 100 тысячъ и проплавливали желѣзныхъ рудъ отъ 200 до 300 тысячъ пудовъ. За всѣ эти заводы г. Бенардаки заплатилъ 5 миліоновъ рублей. Заводамъ принадлежитъ болѣе 22 тысячъ десятинъ земли и около 19 тысячъ десятинъ лѣсу. Заводы могли-бы обогатить сѣверъ — и что-

же вышло? Заводы лопнули, какъ лопаются все, что не имѣетъ внутренней силы. Одни говорятъ, что заводскіе продукты не имѣли сбыта, другіе — что „заводская администрація, получавшая неизвѣстно за что неслыханные по величинѣ оклады (кромя роскошнаго содержанія и пр.), не умѣла или не желала вести дѣла какъ слѣдуетъ“.

И вотъ вся сѣверная окраина не производитъ ни одного пуда ни чугуна, ни стали.

Сѣверная окраина и соли добываетъ такъ мало, что на каждого сѣверянина не приходится въ годъ и по 18 фунтовъ этого необходимаго жизненнаго подспорья или по 4 золотника на день... А откуда-же беретъ несчастный сѣверянинъ соль на кормленіе скота, на соленье рыбы и т. д.? Неудивительно, что у сѣверянина развивается цынга. Неудивительно также, что соль, привезенная изъ Ливерпуля, продается въ Архангельскѣ *въ полтора и въ пять разъ дешевле, чѣмъ мѣстная соль!*.. И вотъ поневолѣ самъ собою задается вопросъ: чѣмъ-же, въ самомъ дѣлѣ, современные окраинцы лучше тѣхъ заклепанныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ „гоговъ и магоговъ“, о которыхъ говоритъ Мефодій Патарскій и подъ которыми Несторъ разумѣетъ именно нашихъ архангельцевъ и печорянъ?

Тѣмъ *Виргилія* ведетъ насъ все дальше и дальше по этому сѣверному экономическому чистилищу. Лѣса, воды, горы, камни — все оживаетъ передъ нами, со всѣхъ сторонъ слышатся голоса укора; природа принимаетъ образы тѣхъ несчастныхъ, которыхъ видѣлъ Дантъ во время хожденій по аду, и эти образы говорятъ намъ горькія *петинны*.

Мы идемъ по рѣкамъ Ухтѣ, Ижмѣ, Мылвѣ и Цыльмѣ. Изъ-подъ воды доносятся до насъ стоны и неясный говоръ. „Это голосъ нефти, которой источники заключены подъ землю въ этой мрачной мѣстности“, говоритъ мой проводникъ.

— Посмотрите на Америку, тамъ цѣлые штаты заняты нефтянымъ промысломъ и заливаютъ весь міръ своимъ петролеумомъ. Пенсильванія, Нью-Йоркъ, Огайо, Виргинія, Мичиганъ изъ нефти добываютъ свои сокровища, на нефтяномъ промыслѣ создаютъ громадныя города, всемірные рынки. А посмотрите, что дѣлаютъ изъ своихъ богатствъ жалкіе окраинцы. Еще Петръ Великій, посѣтивъ сѣверныя окраины, обратилъ вниманіе на сѣверную

нефть, а что изъ этого вышло почти въ два столѣтiя? Ничего не вышло, ничего не сдѣлали жалкія окраины! Москвичъ Набатовъ основалъ въ прошломъ столѣтiи нефтяной заводъ на Ухтѣ. Ему принадлежало 40 нефтяныхъ источниковъ и изъ нихъ добывалось не мало нефти. А теперь что случилось съ нефтянымъ заводомъ и химической фабрикой Набатова? Онъ умеръ, его прикащикъ Сараевъ замерзъ въ этомъ холодномъ краю — и все нефтяное дѣло на сѣверѣ рушилось. Дикіе окраинцы сожгли заводъ съ постройками и покинули самую мѣстность. Въ 1867 году члены печорской комисіи Чубинскій, Бѣлинскій, Васильевъ и Соининъ нашли только мѣсто прежняго завода, поросшее оленьимъ мхомъ... Вотъ что дѣлаютъ жалкіе, бѣдные и неумѣлые люди изъ того, что имъ даетъ природа!

А вотъ передъ нами встаетъ знаменитая „брусаяя гора“, изъ которой добываются точила и брусья (бруски) почти на всю Россію, такъ-какъ Россія имѣетъ только двѣ такихъ брусаяныхъ горы — одну въ кievской губерніи, другую — на устьесольскомъ сѣверѣ. Уже царь Михаилъ Федоровичъ отдалъ эту гору печорскому и устьнемскому обществамъ, чтобы они, за неизвнѣемъ плодородной земли въ ихъ дачахъ, кормились отъ брусаяной горы. И что-же? — бѣдные сѣверяне получаютъ отъ нея арендной платы всего только 2,520 рублей, а снабжаютъ точилами пол-Россіи! А посмотрите, какъ живутъ рабочіе, нанимаемые арендаторомъ Латвинимъ для эксплуатаціи этой горы: они живутъ въ шалашахъ, въ которыхъ нѣтъ даже печей; пища варится на открытомъ воздухѣ. Захвораетъ рабочій — и нѣтъ для него помощи, потому что ближайшій докторъ проживаетъ въ Устьесольскѣ, за 900 верстъ!

Тѣнь Вергилія ведетъ меня дальше. Изъ-подъ земли снова слышится стонъ. „Кто это стонетъ?“ спрашиваю я, въ тяжеломъ раздумьи о жалкой участи нашихъ окраинъ. — „Это стонетъ доманитъ, тотъ знаменитый въ наукѣ горючій сланецъ, который называется шиферомъ. Доманитный слой на рѣкѣ Ухтѣ занимаетъ въ ширину 13½ верстъ, въ длину — около 250 верстъ. Напластыванья его достигаютъ толщины 800 футовъ, а наружныя обнаженія образуютъ горы въ 300 футовъ вышины, — это страшныя богатства!“

— О, жалкіе сыны окраинъ! стонетъ злополучный доманитъ, —

зачѣмъ вы оставляете меня задыхаться подѣ землею и вывѣтриваться подѣ дождемъ и зноить? Я не хочу лежать въ гробу! И я хочу участвовать въ общей работѣ цивилизаціи: изъ меня образованная Европа понадѣлала-бы на весь мѣръ красивыхъ и цѣнныхъ столовъ, приготовила-бы изъ меня прекрасные полы, лѣстницы, подоконники, разныя архитектурныя, комнатныя и столовыя украшенія... И я хочу посмотрѣть на Божій мѣръ, на чудеса цивилизаціи, я тоже хочу быть полезнымъ человѣку.

А тутъ изъ-подѣ земли раздаются новые стоны. Это стонутъ металлы—серебро и мѣдь.

— И мы хотимъ выйти на Божій свѣтъ изъ нашей вѣчной тюрьмы, въ которую мы ввергнуты еще при образованіи нашей планеты. Бѣдные, дикіе люди! Вы нуждаетесь въ нашей помощи—и оставляете насъ въ вѣчномъ заточеніи. Еще царь Иванъ Васильевичъ прислалъ грека Мануйлу Ларіева, чтобы освободить насъ; но бѣдный грекъ, переселившись съ жаркаго юга на холодный сѣверъ, скоро умеръ, и устроенный имъ заводъ для добыванія серебра и мѣди уничтожился. И вотъ мы снова ждемъ васъ, бѣдные, жалкіе люди, ждемъ вашихъ рукъ и вашего ума, и вы не умѣете насъ взять—вы ничего не умѣете!

Тѣнь Виргилія ведетъ меня дальше. Мы хотимъ убѣжать отъ этихъ подземныхъ стоновъ, а кругомъ насъ стонетъ вся природа, вся забытая людьми окраина русской земли.

— Это стонутъ подземныя богатства, говоритъ тѣнь Виргилія.—Вотъ слышутся стоны лигнита, каменнаго угля, прекрасной яшмы, полосатой, алаго съ бѣлымъ и краснаго съ зеленымъ цвѣтомъ. Вотъ стонутъ аспидный камень, массы каолина, алебастровыя горы, сѣрный колчеданъ, цѣлые пласты торфа. А вотъ слышится изъ-подѣ земли необычайный голосъ—голосъ Патти: это звенитъ сѣверное золото, которое вздумалъ-было добывать извѣстный въ литературѣ Юрій Волковъ, саратовецъ, когда-то писавшій въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и, по русскому обычаю, слишкомъ рано погибшій.

Я силюсь убѣжать отъ этихъ стоновъ, но бѣжать некуда. Кругомъ насъ вся природа неумолкаемо коритъ насъ за экономическое безсиліе. Слышится въ лѣсахъ, въ лугахъ, въ горахъ какой-то дѣтскій плачь.

— Это плачутся на людей травы, дающія умѣлымъ народамъ

краски и богатство, — зеленица, марюна, тура, вересь, подмареникъ, изъ котораго можно добывать дорогой крапъ. Плачутся сѣверные грибы — вологодскіе рыжики, сольвычегодскіе и устюжскіе грузди. Плачутся ягоды, массаи растущія въ дикомъ состояніи, какъ дики и сѣверные люди, — малина, земляника, смородина, брусника, голубель, черника, клюква, рябина, сиха, поленига, морошка... Все это плачется на челоуѣка потому, что безплодно погибаетъ, какъ погибаетъ и весь сѣверъ...

Я закрываю глаза, чтобы не глядѣть на этотъ жалкій, забытый людьми край. Но въ ушахъ моихъ звучитъ голосъ неразлучно слѣдующей за мною по этому несчастному краю тѣни:

— Громадность и обособленность сѣвера поразительны, глубокимъ убѣжденіемъ звучитъ въ ушахъ моихъ этотъ голосъ: — въ вологодской губерніи, сравнительно болѣе многолюдной, одно населенное мѣсто приходится на 2,798 десятинъ, а въ архангельской — на 27,114! Въ вологодской губерніи на квадратную версту приходится $2\frac{8}{10}$ жителей, въ архангельской — 0,4! Есть мѣста, неимѣющія около себя жилья на цѣлыя сотни верстъ: на Печорѣ 15 квадратныхъ верстъ приходится на одного челоуѣка! Путей и средствъ сообщенія, особенно въ лѣтній періодъ, крайне мало, и въ то время, когда въ остальныхъ частяхъ міра средства сообщенія поразительно скоры и дешевы, въ то время, говорю, когда телеграфъ буквально опоясалъ собой весь шаръ земной, а въ Америкѣ, по своей общедоступности, замѣняетъ уже частью почту, когда проволокой соединенъ экваторъ съ полюсомъ, такъ-что депеша, отправленная изъ Сиднея (Капъ-Бретонъ), когда тамъ идетъ снѣгъ, приходитъ въ Новый Орлеанъ въ страшнѣйшій жаръ съ москитами, когда изъ Нью-Йорка въ Европу телеграмма летитъ полчаса, когда во Франціи одно почтовое мѣсто приходится на 122 квадратныхъ версты и когда въ Магеллановомъ проливѣ на Патагонскомъ мысѣ, на дикой скалѣ, виситъ почтовый ящикъ, — на сѣверѣ у насъ одно почтовое мѣсто приходится на 20,443 квадратныхъ версты и услугами телеграфа пользуются лишь три города — Вологда, Архангельскъ и Холмогоры, а почта приходитъ въ иныя мѣста разъ въ недѣлю, а въ иныя — разъ въ мѣсяць, а иногда и въ два („Сборникъ“, стр. 348 — 349.)

— Громадность пространства, а главное обособленность на-

шихъ окраинъ — вотъ въ чемъ ихъ экономическая и нравственная немощь. Безлюдье нашего сѣвера парализуетъ ту социальную силу, ту нравственную энергію, на которыхъ зиждется всякая общественная дѣятельность и безъ которыхъ невозможенъ ея прогрессъ. Обособленность-же нашихъ окраинъ, отрѣзывающая ихъ отъ умственного и экономическаго движенія, сосредоточеннаго въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, держитъ населеніе въ безысходномъ невѣжествѣ и глубокой апатіи. Это тѣ крайніе члены организма, къ которымъ едва приливаетъ теплая кровь изъ центральныхъ сосудовъ и въ которыхъ едва замѣтны признаки жизни. А кто-же не знаетъ, что правильное распределеніе социальныхъ силъ есть первое условіе здороваго и нормальнаго существованія всякаго общественнаго организма?

— Гдѣ-же искать спасенія нашимъ бѣднымъ окраинамъ? Вѣдь оказывается, что онѣ прозябаютъ даже и тогда, когда ихъ не пожираютъ центры, эти ужасные центры, за которые мнѣ такъ достаётся отъ окраинцевъ и всѣхъ провинціаловъ! невольно воскликнулъ я, вспомянувъ походы противъ меня какого-то „недѣльнаго“ писателя (извиняюсь за невольный каламбуръ: это не значитъ, что пишушій противъ меня невѣдомый, скрытый забраломъ царь — „не дѣльный“ писатель, а значитъ просто, что онъ пишетъ въ „Недѣлкѣ“.)

Тѣнь Виргилія заговорила о рынкахъ, о путяхъ сообщенія, о желѣзныхъ дорогахъ, о телеграфахъ... Но когда это настанетъ для окраинъ?

VII.

Исторія человѣчества рисуетъ передъ нами картину того измѣненія, которому подвергался земной шаръ съ обитающими на немъ населеніями. Гдѣ были обширные и цвѣтущіе города и сильныя державы, гдѣ жизнь была ключемъ, тамъ остались только жалкія развалины городовъ, а кругомъ — безлюдныя пустыни. Намѣстѣ Вавилона и его богатыхъ висячихъ садовъ бродятъ дикіе звѣри, да и тѣхъ осталось немного. Лицо Азіи съ теченіемъ вѣковъ мѣнялось до неузнаваемости. Мѣнялось и лицо Европы. Жизнь обыкновенно закипала тамъ, куда появлялись люди, какъ она закипала, бывало, вездѣ, даже въ необозримыхъ степяхъ Азіи,

когда ханы, владѣвшіе когда-то полміромъ, переносили туда свои кочующія столицы. Уходятъ люди — приходитъ смерть и запустѣніе.

Но люди живутъ охотнѣе тамъ, гдѣ имъ легче живется, гдѣ ихъ ждетъ и довольство, и счастье. Наши окраины пустынно — нѣтъ ни рабочихъ рукъ достаточно, ни достаточно предпріимчивости, ни достаточно энергии и капиталовъ. Все это до сихъ поръ тянулось къ извѣстнымъ центрамъ.

— Какъ-же оттянуть населеніе отъ центровъ, а тѣмъ самымъ притянуть къ окраинамъ, вмѣстѣ съ населеніемъ, жизнь, богатство, счастье? спросила меня тѣнь *Виргилія* въ образѣ г. *Журавскаго*. — Главное, какъ притянуть къ окраинамъ людей, которые *все создаютъ и все разрушаютъ?*

— Безсмертная старуха *Ананке* все это сдѣлаетъ, отвѣчала я; — она разверстаетъ землю по своему усмотрѣнію — окраины сдѣлаетъ центрами, а центры — окраинами. Она такъ измѣнитъ лицо земли, такъ искусно загримируетъ его, что если вы тогда вновь встанете изъ вашей классической могилы и взглянете на шаръ земной съ высоты птичьяго полета, то увидите, что гдѣ была тундра да бродилъ одинокій олень, тамъ стоятъ новыя *Вавилоны*, *Лондоны*, *Нью-Йорки*, *Чикаго*, *Парижи*, а гдѣ былъ вашъ вѣчный *Римъ*, или воинственный *Берлинъ*, или издыхающій, но прекрасный *Константинополь*, или, наконецъ, нашъ юный, но уже состарѣвшійся *Петербургъ*, тамъ, можетъ быть, будутъ бродить уцѣлѣвшіе на земномъ шарѣ и несъѣденные людьми рѣдкіе экземпляры звѣрей, ползать гады, неподдающіяся требованіямъ цивилизаціи.

— *Вae victis!* сказала тѣнь *Виргилія*, — безсмертная старуха дѣйствительно все это способна сдѣлать. Взгляните — передъ вашими глазами совершаются два крупныя явленія, должнствующія произвести громадный переворотъ въ экономической жизни *Россіи*, *Европы* и всѣхъ частей свѣта. Это — послѣдовательно и повсемѣстно увеличивающійся спросъ на топливо и замѣчаемая въ послѣднее время перемѣна климата на земномъ шарѣ. Это — грозный признакъ готовящагося разверстанія земли на новыхъ началахъ, признакъ новаго великаго переселенія народовъ. Помните, что при увеличивающемся на земномъ шарѣ народонаселеніи, при повсемѣстномъ развитіи экономической жизни, которая,

дѣлаясь все болѣе и болѣе сложной и требовательной, вызываетъ человѣка на немовѣрную предприимчивость, — *топливо*, какъ матерiалъ, согрѣвающийъ ваши жилища и, въ сочетанiи съ паромъ и машинами, производящiй все нужное для васъ, съ каждымъ днемъ начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль въ жизни экономической и съ каждымъ днемъ дорожать. Не трудно предсказать, что, можетъ быть, въ не очень даже отдаленномъ будущемъ, тамъ, гдѣ много будетъ топлива, будетъ лучше жить человѣку, и, наоборотъ, недостатокъ этого матерiала многолюдную и богатую страну можетъ скоро превратить въ безлюдную пустыню. Теперь уже на Западѣ топливо, которое тамъ, вслѣдствiе скудости въ лѣсахъ, состоитъ изъ небольшого количества торфа и каменнаго угля, потребляется въ такой поразительно увеличивающейся со дня на день пропорцiи, что внушаетъ самыя серьезныя опасенiя за будущность Европы, — за будущность, можетъ быть, даже не очень далекую. Въ Англiи, гдѣ каменнаго угля всего болѣе, полная масса его тамъ, на 4,000 футовъ глубины, составляетъ 800 милiоновъ тоннъ. Если принять эту цифру вѣрной, то собственнаго угля хватило-бы Великобританiи на цѣлыхъ тысячу лѣтъ. Но въ томъ-то и бѣда, что жизнь не слѣдуетъ нормамъ, а геометрическимъ прогрессiямъ — вотъ откуда грозитъ человѣчеству ужасъ холодной смерти. Вычисленiя говорятъ, что ежегодное потребленiе каменнаго угля увеличивается на 3%, а слѣдовательно въ 20 лѣтъ удвоится и, такимъ образомъ, угля хватитъ уже не на тысячу, а только на сто лѣтъ. Но и это — иллюзiя: послѣднiй выводъ ниже дѣйствительности. На глубинѣ 4,000 футовъ невозможно работать, если уже и теперь, на 2,500 футовъ глубины, жаръ дѣлается почти невыносимымъ. Да и кромѣ того, чѣмъ ниже будутъ опускаться, тѣмъ расходы будутъ значительнѣе на устройство новыхъ галерей, доставленiе воздуха, поднятiе угля на поверхность земли; работать будетъ тяжелѣе, опаснѣе и нездоровѣе, и задѣльная плата возрастетъ страшно. Прибавьте къ этому столь частыя, особенно въ послѣднее время, стачки рабочихъ, и станетъ ясно, что не далѣе, какъ черезъ какiя-нибудь 30 — 40 лѣтъ, уголь въ Англiи достигнетъ громадной цѣны, а еще дальше, можетъ быть, и совсѣмъ тамъ перестанутъ его добывать и обратятся къ чужому топливу. Положенiе Францiи, Бельгiи, Германiи въ отношенiи

топлива еще хуже Англии. Россія, одна Россія, не говоря уже о Сибири и сѣверѣ, топливомъ нѣсколько богаче Европы, но это богатство условное, такъ-сказать спорадическое, и конецъ его, довольно близкій, не трудно предвидѣть. На громадномъ югѣ и юго-востокѣ лѣсу положительно нѣтъ. Смѣшно сказать, но это правда, что лѣсъ въ Одессу привозятъ изъ Турціи, Буковины и Румыніи; этимъ лѣсомъ строили балтско-одесскую желѣзную дорогу. Для Ялты, въ Крыму, лѣсъ для построекъ доставляется по Днѣпру и Черному морю изъ Бѣлоруссіи. Въ Феодосію привозили, для строившейся тамъ желѣзной дороги, сосновыя бревна по Дунаю и Днѣстру, изъ Галиціи и Буковины, и по Днѣпру изъ Литвы. Въ Евпаторіи дрова, привезенныя изъ Анатолиі, несравненно дешевле крымскихъ. Почти весь югъ съ юго-востокомъ лѣсъ употребляетъ лишь для подѣлокъ и построекъ; на отопленіе идутъ: солома, кизякъ, подсолнечная шелуха и тому подобныя сурогаты. Въ Литвѣ, остзейскомъ краѣ и кievскомъ генералъ-губернаторствѣ, со всею Малороссіей, лѣса быстро идутъ въ исчезновенію. На Дону, въ низовьяхъ, лѣсу нѣтъ вовсе. На нижней Волгѣ—тоже. Востокъ безлѣсенъ. Остается средняя полоса, которой извѣстность, какъ лѣсной страны, скоро будетъ свѣжимою преданіемъ, въ которое дѣти наши съ трудомъ увѣрять. Вездѣ, особенно-же по Волгѣ, истребленіе лѣсовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вздорожаніе топлива идутъ въ ужасающей прогрессіи. Съ 1852 по 1870 годъ, значить въ 18 лѣтъ, цѣны на дрова въ приволжскихъ городахъ увеличились втрое. Въ Нижнемъ, въ 1852 году кубическая сажень сосновыхъ дровъ стоила 3 р., а въ 70 году—9; въ Астрахани она дошла до 18 р., вмѣсто прежнихъ 6. Это очень естественно, если вспомнить, что въ эти послѣдніе годы Вострома, Шуя, Иваново, Нерехта, Вычуга и другіе пункты преобразились въ сильныя мануфактурныя центры по отношенію къ огромнымъ районамъ, что съ каждымъ годомъ увеличивающаяся сѣтъ желѣзныхъ дорогъ требуетъ страшно много топлива и что, по отчетамъ 1868 года, одни волжскіе пароходы жгутъ ежегодно по 800,000 однопольныхъ дровъ, что равняется 13,000 десятинамъ лѣсу! Это поражающее истребленіе! Уже и теперь рѣки мелѣютъ отъ истребленія лѣсовъ, а по линиямъ желѣзныхъ дорогъ ближе 12 верстъ ни одна дорога не

имѣть лѣса, а еще недавно многія изъ нихъ проходили черезъ чащу лѣсовъ.

Да, тѣнь *Виргилія* права. Старушка *Ананке* уже дѣлаетъ свое дѣло, а она старушка очень энергическая, и, въ союзѣ съ природой, скоро переигриваетъ лицо земного шара. Но какъ? Лукавая старушка всегда скрываетъ отъ людей програму своихъ дѣйствій: указать путь, по которому она поведетъ человѣчество, нелегко.

— Я предвижу этотъ путь, говоритъ снова тѣнь *Виргилія*.— Вдумайтесь въ смыслъ того, что вокругъ васъ совершается, и вы увидите этотъ путь. Въ послѣднее время всѣми замѣчено перемѣщеніе или, такъ-сказать, разверстка теплоты на земномъ шарѣ. Въ странахъ теплыхъ съ каждымъ годомъ дѣлается холоднѣе и, наоборотъ, тамъ, гдѣ прежде было холодно, тамъ нынче дѣлается все теплѣе. Старожилы сѣвера рассказываютъ, что въ настоящее время ни въ Сибири, ни по сѣвернымъ окраинамъ нѣтъ уже болѣе тѣхъ сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ, какіе были тамъ еще лѣтъ 30—40 назадъ. Въ зиму 1865—66 годовъ, въ *Пинегѣ*, которая, какъ извѣстно, стоитъ уже у *Бѣлаго моря*, цѣлыя недѣли стояли оттепели, иногда падалъ дождь, а 26 декабря 1865 года тамъ было 2° тепла. То-же самое замѣчали, въ той-же самой *Пинегѣ*, въ январѣ 1869 года. 25 апрѣля 1869 года въ *Астрахани* была сильная буря со снѣгомъ, котораго выпало тамъ болѣе четверти. Въ мартѣ и началѣ апрѣля 1869 года въ *Крыму* были ужасные холода. То-же самое было и на *Кавказѣ*, гдѣ, въ *Тифлисѣ*, съ апрѣля, въ то время, когда деревья были въ полномъ цвѣту, выпалъ большой снѣгъ и сдѣлалось такъ холодно, что жители должны были облечься въ шубы. По словамъ „*Правительственнаго Вѣстника*“, въ нѣсколькихъ мѣстахъ *александровскаго уѣзда*, *екатеринославской губерніи*, весь день 26 сентября и ночь съ 26 на 27 сентября 1869 года стоялъ такой холодъ, что одиннадцать чело-вѣкъ, преимущественно пастуховъ общественныхъ стадъ, замерзли! Въ зиму 1869—70 годовъ въ *Варшавѣ* были такіе морозы, какихъ тамъ не запомнятъ. По этому случаю мѣстная полиція пустилась даже въ несвойственную и несподручную для нея роль благодѣтельницы гражданъ, отпуская бѣднѣйшимъ изъ нихъ по три полѣна дровъ... Въ *лукновскомъ уѣздѣ*, по завѣ-

ренію офіціального „Варшавскаго Дневника“, одинъ еврей и трое крестьянъ замерзли на дорогѣ. Такая-же рѣзкая зима выпала и на долю Оренбурга, гдѣ безъ снѣга морозы доходили до 15°, чего прежде никогда не было. 2 апрѣля 1870 года въ Тифлисѣ падалъ снѣгъ. Такія-же самыя явленія видимъ и во всей Европѣ. Въ Швеціи, гдѣ листья распускаются обыкновенно въ концѣ мая новаго стили, въ 1869 г. зазеленѣли они почти мѣсяцемъ раньше. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля доходило тамъ до 20—21° тепла! Въ Нью-Йоркѣ, гдѣ обыкновенно лѣто бываетъ умѣренное, въ 1869 году оно было такое жаркое, что отъ зноя многіе сходили съ ума, а нѣкоторые, просто, умирали. За то въ Испаніи, въ странѣ классическаго тепла, въ 1866 году, въ провинціяхъ Овiedo и Сантандра выпало столько снѣгу, что движеніе желѣзныхъ дорогъ на нѣкоторое время прекратилось. Въ томъ-же самомъ году въ Персіи была неслыханно-суровая зима: снѣжныя мители были такія, что вся телеграфная линія между Тегераномъ и Буширомъ была ими испорчена, столбы оказались вывороченными, проволоки порванными. Въ декабрѣ 1869 г. въ Парижѣ случилось 10—12° мороза, что, какъ невидаль, поражаело, конечно, французовъ. Въ зиму 1869—70 годовъ необычайные холода господствовали во всей Европѣ, такіе холода, что нѣсколько дней даже почта не дѣйствовала и Англія на нѣкоторое время совершенно была отдѣлена отъ материка (Сбор., 348—354.)

Всѣ эти метеорологическія явленія подтверждаются и послѣдними извѣстіями нынѣшняго года: огромные сентябрьскіе и даже августовскіе снѣга въ среднемъ Поволжьѣ, а затѣмъ — поразительно суровая и снѣжная зима. Всѣ южныя дороги съ своимъ всемогущимъ паромъ безсилны противъ снѣжныхъ заносовъ: снѣга и мители въ Одессѣ, въ Брнму, на Кавказѣ... обозъ чумаковъ, заспанннй снѣгомъ... замерзшія въ Черномъ морѣ суда... завалы дорогъ по всему Кавказу... люди, замерзающіе на улицахъ, и гдѣ-же — на югѣ!

Такимъ образомъ, несоразмѣрный съ наличностью расходъ на топливо и перемѣна климата, грозя положительной опасностью экономическому состоянію Европы, средней и южной Россіи, сулятъ самую свѣтлую будущность заброшенному нынѣ сѣверу. Такъ, въ сожалѣнію, часто бываетъ: *что убить однихъ, то другихъ*

ставитъ на ном. Усиливающійся въ теплыхъ до сихъ поръ странахъ холодъ потребуетъ невиданныхъ во многихъ мѣстахъ мѣховъ для одежды, лучшихъ строеній, гораздо больше, чѣмъ въ настоящій моментъ, топлива, постоянно увеличивающійся расходъ на которое поднять, конечно, его цѣну, и безъ того высокую. Поневоля обратятъ тогда вниманіе на сѣверъ, гдѣ мѣховъ вдоволь, лѣсу столько, что его на цѣлые вѣка хватило-бы для всей Европы. Какъ-бы то ни было, рано или поздно, люди должны будутъ потянуться къ безлюдному сѣверу... Центры слишкомъ страшно растутъ, особенно когда около нихъ группируется фабричность и къ центрамъ приливаетъ голодный рабочій элементъ.

Передо мною въ воображеніи, дѣйствительно, оживала будущая картина неприглядныхъ нынче, мрачныхъ, безлюдныхъ, холодныхъ и холодныхъ сѣверныхъ окраинъ. Центры, ради собственного своего спасенія, рано или поздно будутъ поставлены въ необходимость возратить свой долгъ окраинамъ, отдать имъ все то, что они у нихъ взяли втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, — отдать имъ извѣстную долю власти, богатства, знанія, ума и экономической равноправности... И вотъ, когда этотъ долгъ уплатится, окраины оживутъ: тамъ создадутся новыя центры, начнется разверстка центральныхъ силъ, разверстка центральныхъ капиталовъ, центральныхъ знаній, ума, талантовъ, геніальности, наконецъ, разверстка центральной печати между печатью провинцій.

Но историческіе процессы совершаются медленно; что въ индивидуальной жизни требуетъ двухъ или трехъ лѣтъ, на то въ народной жизни требуются цѣлые вѣка. Столѣтія нужны для того, чтобы страна пришла къ сознанію своего естественно-соціального назначенія. Что-бы тамъ ни говорили ученые экономическія и соціальныя теоріи Запада относительно того, что процессъ развитія человѣческихъ обществъ одинаковъ, какъ для Запада, такъ и для Востока, и что рано или поздно Востокъ долженъ неизбежно пройти всѣ тѣ шероховатя стадіи развитія, какія прошелъ Западъ, — едва-ли это безусловно такъ. У насъ, на Востокѣ, гдѣ земли слишкомъ много и богатства земныя пока неистощимы, у насъ всеильная тяга центровъ не должна быть

такъ абсолютно прогрессивна, какою она является на Западѣ, гдѣ народъ, не находя ни достаточно свободной земли, ни, слѣдовательно, достаточнаго питанія на окраинахъ, поневолѣ поглощается центрами. У насъ только-бы дать свободу передвиженію массамъ и облегчить эти передвиженія — народъ не пойдетъ въ центры. У насъ можетъ образоваться иная циркуляція крови въ великомъ государственномъ организмѣ, когда для народа будутъ открыты и всѣ богатя, безлюдныя окраины, и вся средняя, до сихъ поръ неизмѣримая Азія, и вся „Сибирь неисходимая“. Въ такомъ случаѣ, и только въ такомъ, намъ нечего бояться апоплексическаго удара въ центрахъ.

Въ заключеніе, снова обращаясь къ моимъ противникамъ и напоминая имъ стихъ Іезекіиля: „се азъ на тя, Гогъ, и на князя Росъ, Мосоха и Фовея, и обрещу тя окрестъ, и вложу узду въ челюсти твоя“, — я повторительно заявляю, что все, сказанное мною въ статьѣ „Печать въ провинціи“, тысячекратно подтверждается явленіями, которыхъ никакая человѣческая сила и никакая человѣческая логика побить не въ состояніи, если не побьетъ ихъ самая жизнь. Я не даромъ указалъ моимъ противникамъ на „старшаго“, стихійнаго богатыря Святогора и на „младшаго“ — Илью Муромца. Стихійный богатырь Святогоръ — это восемнадцатый вѣкъ, завѣщавшій Ильѣ Муромцу — девятнадцатому вѣку, богатырю „крестьянскому сыну“, свой богатырскій мечъ и дунувшій на него своимъ богатырскимъ духомъ изъ своего „великаго гроба“: матерой казакъ Илья Муромецъ слишкомъ усердно припалъ къ гробовой „малой щелочкѣ“, откуда на него выстѣлъ съ богатырскою живою силою повѣяло и „мертвымъ духомъ“. Живая богатырская сила и богатырскій мечъ — это лучшіе идеалы современнаго человѣчества, которые девятнадцатый вѣкъ получилъ у гроба умиравшаго восемнадцатаго вѣка. Вышедшій изъ этихъ идеаловъ — это, если можно такъ выразиться, по возможности, правильное *разверстаніе* *человѣческаго благосостоянія* между всѣмъ живущимъ на землѣ, *разверстаніе* между сильными и слабыми, между бѣдными и богатыми, между *центрами* и *окраинами*. Пусть только въ погонѣ за этимъ идеаломъ XIX вѣкъ помнитъ послѣднія слова Святогора:

Хорошо ты сдѣлалъ, меньшей братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался:

Мертвымъ духомъ-бы я на тебядохнулъ—
Мертвымъ самъ-бы ты у гроба легъ...

Пусть-же младшій богатырь не все вдыхаетъ въ себя, что исходитъ изъ великаго гроба отжившаго старшаго богатыря; только тогда возможно будетъ разверстаніе человѣческаго счастья между центрами и окраинами, между столицами и провинціями, наконецъ, разверстаніе печатнаго слова между столичными и провинціальными силами, равно между писателями и читателями.

Д. Мордовцевъ.

ГРОЗА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Ночь безмолвная мрачна...
Жутко! Лѣсъ стучить вѣтвями,
Каплетъ крупными слезами
Рѣдкій дождь въ стекло окна.

Душно! Молнія кругомъ
Въ облакахъ скользитъ змѣю...
Вдругъ освѣтитъ лѣсъ и домъ,
Скирды, церковь за селомъ
Съ ярко-бѣлою стѣною,
И опять настанетъ тьма,
Только гуще и темнѣе,
Злую тайну, какъ тюрьма,
Ночь въ себѣ таитъ, нѣмѣя.

Сердце все чего-то ждетъ,
То замретъ, то бьется тише...
Что-то будетъ? Что сверкнетъ
Надъ соломенной крышей?
И во тьмѣ пожара свѣтъ
Яркимъ заревомъ полетѣтъ;
Вопль безумный пронесетъ,
И народъ, разуть, раздѣтъ,
Въ страхъ дикомъ соберетъ;
Причитанья, плачь дѣтей,
Вопли женщинъ, крики, стоны
И къ пожару изъ сѣней
Обращенныя иконы...

Или тихо ночь пройдетъ
И гроза пройдетъ съ разсвѣтомъ,
Солнце яркое взоидетъ,
Искрѣсь въ капляхъ яркимъ свѣтомъ,
И душистою волной
Чистый воздухъ въ грудь полетѣтъ?..
Потъ крестьянскій, трудовой,
Урожаемъ отзовется?..

И. Оболенскій.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Сторона мол, сторонущка!..»
(Русс. пѣсня.)

I.

АЛЕХИС И ДЕМБА.

На вочетовскихъ постоянныхъ дворахъ, въ 18 верстахъ отъ губернскаго города Крутогорска, по почтовой дорогѣ въ уѣздный городъ Шиши, у крайняго двора Степана Алдошина стоитъ шестимѣстная карета отличной работы, блистающая петербургскимъ лакомъ вездѣ, гдѣ ее не улѣпило догодѣльною грязью шишовскаго уѣзда. Двѣ босоногія дѣвченки съ хворостинами въ рукахъ въ изумленіи оглядываютъ многочисленныя уклады, которыя съ истинно-нѣмецкою отчетливостью каретникъ-нѣмецъ акуратно придѣлалъ сзади, спереди, вверху экипажа и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ никакъ нельзя ожидать. Тутъ и футляръ для мужской шляпы, и широкіе вализы для дамскихъ платьевъ, и высокій баулъ для чепцовъ и шляпокъ, и все, что только требуется въ дѣйствительно барскомъ дорожномъ экипажѣ съ патентованными ресорами и раскладными постелями внутри. А овцы, которыхъ гнали зазѣвавшіяся дѣвочки, тоже заинтересовались дормезомъ и торопливо толклись около осей, стараясь вылизать съ нихъ остатки мази.

У Степана въ большой горницѣ ночевала генеральша Обухова съ своими дѣтками и гувернантками, проѣзжавшая съ наступле-

нѣмъ весны изъ Петербурга въ свое старинное имѣніе—село Спасы, въ 25 верстахъ по проселку отъ кочетовскихъ двориковъ.

Почти все сѣно, которое оставалось у Степана отъ долгой и студеной зимы, было натаскано въ горницу и изъ него устроено, съ помощью барскихъ ковровъ, пледовъ и простынь, руками генеральской горничной Дуняши нѣсколько очень покойныхъ постелей разнаго калибра. Однако, сама генеральша и ея англичанка миссъ Гукъ не спали всю ночь, потому что прусаки и тараканы, влѣзшіе старою изразцовою печкою Степановой „бѣлой горницы“, не смутились повѣшенными на нихъ голандскими простынями и преспокойно обсыпали спящихъ сейчасъ-же, какъ генеральша потушила привезенныя съ собою стеариновыя свѣчи.

Еще болѣе обидѣли бѣдную петербургскую барыню Степановы мыши. Хотя „бѣлая горница“ и была съ досчатымъ поломъ, однако между стѣнъ и досокъ безъ всякаго затрудненія могли пролѣзть не только мыши въ горницу за крошками со стола, но и сѣрая кошка Степана за мышами подъ полъ.

Вообще все населеніе Степановой избы издревле жило другъ съ другомъ въ полномъ мирѣ и согласіи, уступивъ каждому подлежащую ему часть и затѣмъ не примѣчая другъ друга. Старуха-бабка жила всегда на печи черной избы, теленокъ-сосунъ на веревкѣхъ подъ палатами, паукъ разставлялъ свои тенета въ темномъ углу позади балыкинской Божьей матери,—никто никому не мѣшало. Если хозяйка отодвигала ящикъ стола, чтобы взять солонку, и попадала тамъ на мышенка съ розовымъ носикомъ, который вытачивалъ въ ковригѣ хлѣба опрятную круглую ямочку, то мышенокъ безъ всякаго спора опрометью бросался вонъ, пользуясь, какъ мостомъ, рукою хозяйки и ловко шмякаясь съ нея на полъ, а хозяйка равнодушно обзывала его „нечистью“, „каторжнымъ“, и тѣмъ дѣло кончалось. Точно также приладились жители Степановой избы къ прусакамъ и прусаки къ нимъ. Всѣ знали, что вынуть горшокъ щей изъ печи безъ прусака невозможно, что невозможно также проспять ночь, не расчесывая бока всею пятернею; но за то и прусаки, погибавшіе въ горячихъ щахъ и подъ дюжею мужицкою пятернею, повидимому, не обижались на такую неминуемую судьбу, потому что продолжали лѣзть, какъ ни въ чемъ ни бывало, и подъ пятерню, и въ горшки. Поэтому Степанъ совершенно искренно увѣрялъ вечеромъ генеральшу, что у него въ

„бѣлой горницѣ“ „мышей будто-бы не видать, а, впрочемъ, кто ихъ знаетъ“...

Генеральша Обухова, понятно, имѣла на этотъ предметъ совершенно иной взглядъ и, отвыкнувъ во время своей постоянной петербургской жизни отъ обстановки черноземныхъ ржаныхъ полей шишовскаго уѣзда, всю ночь не могла помириться съ мыслію, что въ XIX вѣкѣ, когда желѣзныя дороги и телеграфы прорѣзали во всѣхъ направленіяхъ наше неизмѣримое отечество, люди могутъ еще находиться въ первобытныхъ условіяхъ жизни, гдѣ мышь и тараканъ еще являются мучителями человѣка. Миссъ Гукъ отъ души раздѣляла мнѣніе генеральши; обѣ онѣ не разъ пресерьезно плакали ночью и не давали покоя горничной Дуняшѣ, заставляя ее стучать въ полъ для устрашенія мышей, перетряхивать солому, обметать прусаковъ и т. п. Къ свѣту онѣ были въ полномъ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что дѣлалось все труднѣе и труднѣе будить полногрудую Дуняшу, которая спала даже стоя передъ барынею, а разъ повалившись на сѣно, храпѣла „какъ извошникъ“, по гнѣвному выраженію генеральши. Однако, и мыши поуспокоились къ зарѣ, но въ то самое время, когда генеральша и англичанка собирались, наконецъ, начать свою ночь, какъ нарочно поднялось на ноги хозяйство Степана. Сухощавая и суровая Степанова хозяйка еще до зари носила съ невѣсткою воду и готовила завтракъ мужикамъ. Съ долгимъ и пронзительнымъ визгомъ отворялись никогда незаманнныя, плохо сколоченныя ворота, черезъ которыя Степанъ выпускалъ скотъ на пойло, словно и имъ, этимъ воротамъ, не хотѣлось просыпаться въ такую холодную, неприятную зорю. Кузька, сыншеа Степана, гналъ овецъ прямо черезъ сѣни, чтобы ихъ не затоптала въ воротахъ крупная скотина. Онѣ топали будто подкованныя и пугливо толклись въ тѣснотѣ и темнотѣ сѣней между кадушками и разнымъ хламомъ, какъ-разъ надъ ухомъ генеральши. Генеральшѣ казалось, что ихъ копыта стучали не только въ ея комнатѣ, но просто въ ея головѣ. Степанъ кричалъ на ребятъ, ребята на скотину, скотина мычала по пойлѣ, овцы блеяли, куры кудахтали на насѣдкахъ подъ печью, подъ лавками, подъ палатами, гдѣ бабы наставили имъ плетушекъ съ яйцами. Почувявъ зорю, все кричало, стучало, двигалось въ мужицкой избѣ, на мужицкомъ дворѣ, на улицѣ мужицкой деревушки. Генеральша напрасно предполагала въ этой хозяйственной суетѣ преднамѣренность,

направленную противъ спокойствія ея нервовъ. Все это дѣлалось потому, что не дѣлать этого было нельзя, также какъ нельзя не растаять льду, если онъ поставленъ въ горячую печку. Послѣ десяти часовъ темноты и тѣсноты въ хлѣвѣ, на ржаной соломякѣ, какъ не лѣзть скоту къ зарождавшемуся дню, къ водѣ, къ простору, къ свѣжему корму? Если Степановы дочада хлопали дверями и не сдерживали своихъ голосовъ, то и это надобно было имъ простить. Полевая жизнь не пріучаетъ къ шопоту гостинныхъ и бальныхъ залъ; кому не въ диковину изъ пара жарко-натопленной избы выходить на трескучій морозъ, въ чемъ сидѣль, и орать пѣсни подъ святочными качелями по 5 часовъ сряду, того чугунное легкое не можетъ брать нѣжной сурдинки барышень, воспитавшихся въ чинной атмосферѣ петербургскихъ институтовъ. Мужикъ всего добивается своими горбомъ. Онъ твердо знаетъ, что если дастъ покой своему горбу, никто не подставитъ за него своего горба. Оттого мужикъ не умѣетъ просыпать ранняго утра, какъ не умѣетъ этого ни птица, ни скотина. Встать съ зарею, — всѣмъ имъ роковая необходимость, и эта необходимость сама собою поднимаетъ ихъ. Минута хозяйственнаго пробужденія такъ важна во дворѣ мужика, что предъ ея требованіями отступаютъ назадъ всѣ другія соображенія, и ужь, конечно, ни одному изъ парней Степана нельзя-бы было втолковать, что въ эту серьезную минуту имъ слѣдуетъ помнить о томъ, что въ горницѣ спитъ проѣзжая барыня „Обухчиха“, столичные нервы которой не переносятъ шумнаго деревенскаго утра. Правду сказать, ни Степанъ, ни его парни, ни его овцы ни малѣйшимъ образомъ не подозрѣвали даже, что они шумятъ; еще менѣе могли они понять, что отъ такого шума можетъ проснуться человѣкъ, которому хочется спать. Только стихнетъ шумъ въ сѣняхъ, поднимается подъ окнами, гдѣ сбивается стадо у колодца, гдѣ, на подмогу Степановымъ животнымъ, тянется по всей улицѣ скотина другихъ дворовъ. Перестали скрипѣть ворота — заскрипѣли журавли и очепы на колодцахъ, зазвенѣли на нихъ цѣпи и ободья. Голосъ Кузьки, сгонявшаго барановъ, теперь разгоняетъ ихъ, но все такъ-же грубо и пронзительно. Притаились мыши — зашевелились подъ крышею галки и воробьи. Стучать клювами въ наличники, шуршать соломою, лѣзутъ назойливо въ трубу, прикрытую кирпичами, а карканью, дракъ, переполоху конца нѣтъ. Вотъ будто-бы и скоть

поунился; намычались боровы, наржались матки, обрадованныя дневнымъ свѣтомъ, умолкъ топотъ ихъ копытъ и на дворѣ, и у колодезь; опять поднимается новая возня. Утренникъ сдалъ, „отпустилъ маненько“, по выраженію Степана, и Степанъ собираетъ своихъ „овсы сѣять“, пока не жарко; ладятъ бороны, посылаютъ въ кузницу оперить сошники, затягиваютъ подвои, насыпаютъ мѣрою сѣмя въ возы. „Одна, двѣ, три, осьмина“, отдается въ раздраженныхъ вискахъ бѣдной генеральши и, вслѣдъ за возгласомъ, каждый разъ слышатся побрякиванье старика, принимающаго полную мѣрку, и стукъ пустой мѣрки о крыльцо амбарчика, да такъ явственно, словно происходитъ не на дворѣ за стѣною избы, а здѣсь, на лавкѣ „бѣлой горницы“.

Уѣхали, наконецъ, слава-богу, всѣ—большіе при сохахъ, ребятишки при боронахъ. Не слышно больше ни о сошникахъ, ни о подвояхъ, ни объ осьминѣ. Кажется, будетъ тихо. Не тутъ-то было. Свиньи въ своемъ темномъ и низкомъ хлѣву, по обычаю, вовсе не свинскому, всю ночь небравшія въ ротъ маковой росинки, кричатъ, какъ зарѣзанныя, съ отчаянными всхлипываньями и взвизгиваньями, сознавая, что теперь наступилъ ихъ часъ, ихъ право на мѣсиво. Старая Апраксея, сознавая, въ свою очередь, свою вину передъ свиньями, кричитъ на невѣстку и дочерей, торопясь обварить кипяткомъ приготовленное ею свиное кушанье изъ всевозможной хозяйственной дряни. Когда остались во дворѣ бабы, свиньи и куры, то еще рано надѣяться на покой...

Въ „бѣлой горницѣ“ накрытъ бѣлою господскою скатертью мужицкій столъ Степана; на немъ стоитъ отлично вычищенный Степановъ самоварчикъ и дорожный чайный сервизъ генеральши. Все такъ мило, пристойно и чисто. Сѣно подобрано и замаскировано коврами, полъ подметенъ, дѣтки сидятъ, умытыя, розовенькія, въ чистыхъ платицахъ, сундучки и шкатулки опрятно разставлены на лавкѣ, все, что можетъ висѣть, развѣшано на гвоздики, что должно лежать—акуратно сложено,—словомъ, самъ Степанъ, войдя въ горницу по зову генеральши, едва признаетъ, что онъ въ своей собственной избѣ, а не въ хоромахъ у „Обухчихи“. Генеральша, въ дорожномъ пенюарѣ, въ бѣломъ утреннемъ чепцѣ, кушаетъ за

столомъ кофе, который дѣлаетъ миссъ Гукъ въ какомъ-то хитро-сплетенномъ, многоязномъ кофейникѣ на спирту.

— Ну, Степанушка, ласково жалуется генеральша, — я совѣтъ измучилась у васъ; какъ это вамъ не стыдно хоть одной порядочной комнаты не имѣть для проѣзжихъ? Тараканы, мыши, клопы — уже не знаю чего, чего только нѣтъ! Просто насъ съ миссъ Гукъ живыхъ съѣли; мы цѣлую ночь не спали...

— Цѣлую, цѣлую ночь, подтвердила съ огорченіемъ миссъ Гукъ.

Степанъ стоялъ у двери и изъ приличія сострадательно показывалъ головою, въ то-же время слегка поглядывая въ углы и подъ лавки, будто-бы желалъ убѣдиться, точно-ли водятся у него въ горницѣ мыши и тараканы.

— Ишь ты, говорилъ онъ нерѣшительно, — вѣдь вотъ каторжные! А намъ будто-бы сдается, въ горницѣ-то они не того... будто-что и нѣтъ ихъ.... Ахъ, вклятые!.. Съ чего ужъ это они? Сказать-бы, къ своему привыкли, на чужого набрасываются... Такъ, что-ли!

— А ужъ передъ свѣтомъ, Степанъ, продолжала генеральша болѣе серьезно и гнѣвно, — я не знаю, что это на васъ напало! Стукотня, крики, Богъ знаетъ что такое! Право, я думала, что пожаръ. Признаюсь, Степанъ, этого я отъ васъ никогда не ожидала: вы-таки человекъ не глупый, у васъ господа останавливаются, и вдругъ вы позволяете такой содомъ поднимать подъ самымъ ухомъ, какъ-будто въ кабакѣ. Можно-бы, кажется, изъ уваженія ко мнѣ...

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы всегда довольны вашею милостью, изворачивался Степанъ, — слава-богу, не первый день знакомство имѣемъ, и енараль покойный никогда не миновалъ нашего двора, и батюшка вашъ Сергѣй Трофимовичъ, царство ему небесное, у насъ ставивалъ. Мы противъ вашей чести никогда не могли, а не то чтобы... А извѣстно, по нашему мужицкому невѣжеству, потому дѣло наше хозяйское... ну, можетъ, и потревожили вашу милость... Народъ глухой... ему-бы тихонечко прогнать скотину, а онъ того не понимаетъ, распустилъ горло... Не годится такъ-то. Онъ помни, кто такой въ горницѣ находится, человеку благородному, извѣстно, обидно...

Степанъ бывалъ съ господами и считалъ необходимымъ поддѣ-

ливаться подъ ихъ тонь, не придавая, впрочемъ, своимъ словамъ ни малѣйшаго практическаго значенія.

— Что-же сливки, Дуняша? безпокоилась генеральша. — Неужели не успѣли вскипятить до сихъ поръ?

Хозяйка Апраксея внесла сливки, бережно держа обѣими руками эмальрованную кострюлечку, всю испачканную снизу въ золѣ. Дуняша проворно вырвала кострюлечку, мгновенно отерла ее ручникомъ и поставила, гдѣ слѣдуетъ.

— Ну, ужъ сливки! говорила генеральша, съ сожалѣньемъ побалтывая въ кострюльгѣ чайною ложкою. — Въ деревнѣ да такія жиденькія сливки, это вамъ не стыдно, хозяйшкя?..

Хозяйка, худая и длинная, какъ кочерга, стояла у притоки, учтиво пригорюнясь на руку.

— Что дѣлать-то, сударыня-енаральша, вступилась она съ искреннимъ сокрушеніемъ; — сами изволите знать, какіе нонче кормы! Почитай, съ Сороковъ, а то бишь съ Евдокея, на оржаной соломѣ стоять, а съ оржаной соломы что, матушка, возьмешь? А-бы душенька въ тѣлѣ осталась, и за то Господа благодарить.

— Вотъ то-то вашъ русскій авось! поучительно укоряла генеральша. — Вы-бы должны были съ осени заготовить кормъ скоту, сдѣлать расчетъ заблаговременно.

— Какъ-же, матушка, безъ расчета? безъ расчета нельзя; съ осени-то поди какіе ометы понакидали ребята, и просяной-то, и овсяной, и гречишной, и хоботье всякое, и жмыха съ маслянки пудовъ пятьдесятъ припасли, да вѣдь, матушка-енаральша, у зимы ротъ великъ... охъ, великъ... прижевали все... Вотъ теперь-бы и рада корова молочка дать, да не съ чего. Оржанина-то ей оскомину давно набила; а теперь, какъ траву почувала, она ей совсѣмъ въ противность; только рыломъ, знай, воротить да хоботь-ишко выбираетъ, а ѣды путной нѣтъ... А вѣдь, сама знаешь, по нонѣшней веснѣ не то что къ Егорью, поди не къ самому-ли Миколѣ паства отероется, что къ Миколѣ!..

Апраксея совсѣмъ приуныла и горько вздыхала въ руку, показывая своей длинношеей головой.

— Ну, ступай, баба, къ своему мѣсту, что тутъ стоять! дѣловыиъ голосомъ высласть Степанъ разболтавшуюся хозяйку.

— Вы ужъ позавтракали, Степанъ? спросила барыня.

— И что-таки, сударыня, говорить изволите, позавтракали!

У нашего брата, мужика, обѣдъ на дворѣ; а вотъ утречкомъ-то съ парнями три десятинки, Богъ далъ, посѣялъ; сѣмя-то имъ разбросалъ, а самъ ко двору по домашнему дѣлу; они тамъ незамай скородятъ. А завтракъ мужицкій нешто какой? Хлѣбушка краюшечку взялъ въ поле, да водицы боченокъ, да хорошо, какъ хозяйка картошекъ почистить—и вся недолга.

— Чѣмъ вы пашете теперь? Все еще этими сохами? съ улыбкою освѣдомилась генеральша и, повернувшись въ миссъ Гукъ, добавила по-англійски:—Вы не имѣете понятія, миссъ Гукъ, объ этихъ орудіяхъ; это что-то до такой степени первобытное, еще отъ временъ Цереры.

— Какъ вы назвали ихъ, м-ше Обуховъ?

— Соха. Пишется: о, сѣ-ха. О, вы тутъ увидите у насъ много первобытнаго, о чемъ ваши англичане не имѣютъ и понятія.

Степанъ ухмылялся себѣ въ бороду, не понимая словъ, но чуя вообще, что хулять его соху.

— Да чѣмъ-же пахать, сударыня, окромѣ сохи?

— Вы слышите, миссъ Гукъ? съ снисходительною улыбкою подмигивала генеральша.—*La sainte simplicité!*.. Пахать нужно не сохою, а плугами, Степанушка, плугами, внушала она съ увѣренностью опытнаго, но вроткаго учителя.

— Такъ-съ, говорилъ Степанъ, ослабляясь какою-то хитрью, внутреннею усмѣшкою;—это значить по хохлацкому положенью; это точно, что плугами пахуть... Это вотъ какъ новъ драть—первый сортъ: парь пять воловъ запрягутъ и деруть-себѣ, гора мало.

— Чего-же и вы не пашете? Малороссіяне, видно, умнѣ васъ, что взялись за умъ...

— У хохла, сударыня, земля не та, у хохла земля тяжелая да глубокая, а по нашей сторонѣ мелкія земли, слабыя; плугами ковырни—въ годъ выпашешь всю до вытруса, какъ зола ставеть. Опять-же и скотовъ у насъ такихъ нѣтъ ядреныхъ.

— Какихъ скотовъ?

— Да бугаевъ, не то волуховъ; онъ больше все волухами ихъ судержить.

— Отчего-же и вы не заведете? нерѣшительно спросила генеральша, почувствовавъ, что дальнѣйшія подробности агрономическаго спора были не безопасны для ея самолюбія.

— Бугаевъ-то? Разорила, право! тихо смѣялся Степанъ. — Да гдѣ-же мы ихъ теперь, по нашей тѣснотѣ, судержать будемъ? Вѣдь хохоль, тотъ на степи сидитъ, у него раздолье, а у насъ что? Мы и жневье-то каждагодно у господъ откупаемъ, не то что какіе луга! Бугаевъ разводитъ!..

— Что онъ толкуетъ, этотъ крестьянинъ? вмѣшалась по-англійски миссъ Гукъ.

Госпожа Обухова снисходительно покачала головою, давая знать, что не стоитъ труда и говорить объ этомъ.

— Мама, что такое значить бугай? освѣдомился вдругъ старшій мальчигъ.

— Это слово не употребляется въ разговорѣ, мой другъ, по-французски, съ неудовольствіемъ, остановила его мать. — Это — мужицкое слово; не слѣдуетъ подхватывать все, что услышишь. Ты и такъ ужъ порядочная деревенщина...

— Быкъ-бы, сказать по-нашему, а по-хохлацкому бугай! У хохла вѣдь на все своя рѣчь, объяснилъ между тѣмъ Степанъ. — Мы вотъ „утка“ скажемъ, а онъ тѣ не скажетъ утка, скажетъ „вачча“; ты скажешь „куренокъ“, а онъ по-своему скажетъ „квочка“... Вотъ ты его и понимай... Тоже мудреный...

— Ну, теперь ступай, Степанъ, къ своему дѣлу, сказала генеральша, — мы тебѣ не хотимъ мѣшать; ты опять, вѣрно, поѣдешь съять...

— Какой хлѣбъ сѣютъ русскіе крестьяне? полюбопытствовала англичанка.

— Почти всегда рожь, миссъ Гукъ; наши мужички имѣютъ даже пословицу: „рожь — мать наша“, или что-то въ этомъ родѣ... Я вѣдь хорошо знакома съ ихъ бытомъ, не смотрите, что мы живемъ все въ Петербургѣ. Вотъ они посѣютъ теперь рожь, а послѣ дѣлаютъ изъ нея ржаной хлѣбъ... Помните, что мы ѣли тогда со сливками? Совсѣмъ черный...

— Таперича овсы сѣмъ, ваше превосходительство, а рожь станемъ сѣять къ осени, убравшись; рожь подъ зиму завсегда сѣтса, поправилъ генеральшу Степанъ, уже было взявшійся за дверь. — Теперь самый овсяный сѣвъ: „на Руфа, сказано, земля рухнетъ“, вотъ тутъ и поспѣвай сѣять... „Сѣй по грязи, попадешь въ князи“...

— Мама, что онъ говорить? съ недоумѣніемъ спрашивалъ по „Дѣло“, № 1, 1876 г.

уходѣ Степана Алеша, давно прислушивавшійся къ незнакомымъ ему оборотамъ рѣчи.

— Видишь, mon enfant, простолюдныя имѣютъ свои формы выраженій, которыя не приняты въ обществѣ; нужно избѣгать повторять ихъ. Мужикъ простителенъ эти грубыя, банальныя слова, потому что онъ не получилъ образованія, но мы должны употреблять очищенный, литературный языкъ, а не этотъ жаргонъ...

Апрѣльское солнце свѣтитъ высоко, а въ воздухѣ холодно, хоть-бы и зимой. Не балуетъ жителя шишовскихъ полей его скудная и суровая природа; пусть не сразу забываетъ сѣдую зиму, что наваливается на него на пять мѣсяцевъ сразу и придавливаетъ всякою нуждою; по опушкамъ лѣсковъ ужъ и трава, и голубой пролѣсокъ, а въ самомъ лѣсу, въ оврагахъ, въ глинищахъ, еще дотавиваютъ сугробы снѣгу и на прудахъ, уцѣлѣвшихъ отъ половодья, сплошной ледъ только еще проступилъ темною синевою, будто отъ натуги. Передъ постоялымъ дворомъ запрягаютъ генеральшѣ лошадей, и гувернантка-англичанка, съ разрѣшенія барыни, вывела Алешу съ Борею на крыльцо посмотрѣть, какъ выражалась англичанка, „жилица русскихъ поселянъ“. Длинная, нестибающаяся миссъ Гукъ съ двумя безсмысленными локонами и торчащими впередъ бѣлыми зубами имѣла нѣкоторыя ученныя замашки и, между прочимъ, вела для чего-то дневникъ своего пребыванія въ Россіи, который она озаглавила не совсѣмъ скромно: „путешествіемъ по Россіи“ — „My Travels through the Russia“. Поэтому, въ цѣляхъ своего дневника, неразговорчивая миссъ и во время переѣзда изъ Петербурга старалась пользоваться случаями показать своимъ питомцамъ особенности быта и природы русскихъ жителей, убѣжденная, что ея петербургскіе питомцы такъ-же мало знакомы съ ними, какъ и сама авторша дневника. Генеральша Обухова замѣтила эту привычку миссъ Гукъ и была въ восторгѣ отъ своей воспитательницы.

— Ну, chère amie, говорила она своимъ столичнымъ приятельницамъ, старымъ институтскимъ подругамъ, любившимъ разуждать о воспитаніи дѣтей, — моя англичанка — сущій кладъ; это такой эрудитъ, такой профессоръ; я теперь совершенно покойна за своего Alexis'a. Онъ-таки у меня немножко „вътерокъ гуляетъ“, весь въ покойнаго Пьера, но эта безцѣнная миссъ Гукъ заставля-

еть его углубляться рѣшительно во все... О, она сдѣлаетъ изъ него голову, mesdames. Право, вы увидите что-нибудь... Я ужъ и не виѣшиваюсь, скажу вамъ откровенно.

Въ данную минуту миссъ Гукъ заставляла Alexis'a углубляться въ способы устройства колодцевъ у русскихъ поселянъ; она даже старалась набросать въ свою записную книжку эскизъ Степанова журавля, къ совершенному недоумѣнiю Апраксеи, сзывавшей въ это время къ крыльцу утокъ. Алешу нѣсколько не занимали замѣчанiя миссъ Гукъ, а заняли Апраксеины утки: съ мѣрнымъ криканьемъ переваливали онѣ изъ лужи къ Апраксеиному рѣшету, въ которомъ былъ натолченъ имъ творогъ съ просомъ.

— Утя, утя, утя! вопилъ на всю деревню пронзительный бабiй дискантъ Апраксеи.

Всѣ, какъ на подборъ, въ одно перо, десятеа три молодыхъ утокъ съ необыкновеннымъ проворствомъ вынимали зерна, шевеля, какъ лопатками, своими широкими носами, вскакивая другъ на друга, обрываясь другъ съ друга и вытѣсняя одна другую. Ребята Степана возвращались съ сѣва. Демка, десятилѣтнiй внукъ старика, въ одной бѣлой рубашкѣ скакалъ безъ потника впереди всѣхъ на шеѣ у карей кобылы, высоко взбалтывая при каждомъ ея скачкѣ локтями, босыми ноженками и нечесаными патлами. Онъ свалилъ борону на телѣгу къ отцу, обмоталъ постромки кругомъ шеи кобылы и лупилъ ее ольховою хворостиною и босыми пятками до тѣхъ поръ, пока она понеслась всѣмъ своимъ неуклюжимъ, тяжелымъ галопомъ. Вся рожа Демки ликовала отъ удовольствiя. когда онъ, на зависть дѣвчонкамъ и ребятишкамъ, вомчался въ улицу дворниковъ и не могъ остановить расходившуюся кобылу у самой колодезной коляги. Демка почти опрокинулся на крупъ лошади, силясь оттянуть назадъ за гриву ея непоборную голову, и когда она вдругъ встала, спотынувшись въ лужѣ, онъ упустилъ гриву и чуть не свалился.

— Чего, лѣшiй, разогнался! кричала на него Апраксея, становля между тѣмъ справедливость между утками отгономъ обидчицъ, припускомъ робкихъ и слабыхъ; — вотъ постой, дѣду скажу, онъ тѣ нащипеть чубъ!.. Лѣзеть прямо на володу, словно помраки на тебя нашли... Мотри, не напои лошади-то, сорванецъ!..

— Не знаю я безъ тебя! важнымъ басомъ отвѣтилъ Демка,

уже прыгнувшій съ лошадиного хребта въ лужу и бесплодно слившійся оттянуть морду кобылы отъ коляги съ водой. — Нешто потную скотину можно поить?.. Незамай остынетъ, тогда и напоимъ... Ну, идолъ! Чего прешь? Воды вахотѣлось!..

Алеша съ удивленіемъ и стыдливымъ замираніемъ сердца слѣдилъ за этимъ босоногимъ мальчишкою, который такъ безцеремонно обращался съ лошадыю, съ грязью, съ весеннимъ холодомъ. Алешѣ было четырнадцать лѣтъ, а онъ еще ни разу не осмѣливался даже подойти къ запряженной лошади и стоялъ теперь на сухомъ крылечкѣ въ своемъ тепленькомъ кафтанчикѣ на бѣличьемъ мѣху, опушенномъ бырочкою, въ теплой шапкѣ съ ушками, въ теплыхъ высокихъ сапогахъ, въ теплыхъ перчаткахъ, съ окутаннымъ горломъ, затынутый шарфами. Ему казалось буквально невозможнымъ двинуться съ этого досчатого крылечка, хотя-бы на одинъ шагъ, въ бурюю навозную грязь, которая, какъ море островъ, окружала со всѣхъ сторонъ крыльцо избы и которую безъ всякихъ затрудненій и сомнѣній мѣсили на его глазахъ мужицкія ноги, и босня, и обутия въ лыко. „Вотъ-бы и мнѣ быть такимъ молодцомъ!“ завистливо думалось Алешѣ, въ то время, какъ миссъ Гукъ заносила по-англійски въ свой дневникъ мѣткое и живописное описаніе Степанова журавля: „на деревянной колонѣ утверждается на особомъ шалнерѣ весьма длинный рычагъ, той системы, гдѣ сила дѣйствуетъ на одно плечо, тяжесть на другое, противоположное, а точка опоры находится посрединѣ, что вызываетъ постоянно неустойчивое равновѣсіе, коимъ и пользуются обитатели для своихъ цѣлей, то опуская, то поднимая болѣе короткое плечо, между тѣмъ какъ на болѣе длинномъ прикрѣпленъ на вертикальномъ стержнѣ деревянный сосудъ оригинальнаго вида, посредствомъ котораго и производится процессъ добыванія воды изъ глубины фонтана“. При этомъ дѣлалась ссылка на рисунокъ и упоминалось, что описаніе сдѣлано въ „русской деревнѣ Katchedow, въ степяхъ, населенныхъ малыми росіянами (названными такъ по причинѣ ихъ малаго роста)“. А Демка уже отвелъ лошадь подъ навѣсъ и выгоняетъ скоть; онъ толкается среди стада рогатыхъ, круторебрыхъ коровъ, какъ среди своего брата, кричитъ на нихъ грознымъ, повелительнымъ голосомъ, разгоняетъ бодающихся, подгоняетъ отстающихъ, и всѣ эти огромные, тяжелые скоты смиренно покоряются его дѣтскому голосенку и со страхомъ бѣгутъ передъ

его замахнувшейся ручонкою. Только черный быкъ съ огромнымъ подбрюдьемъ, висящимъ ниже колѣнъ, суровый и гнѣвный властитель рогатаго серала, пригнувъ къ землѣ свою коротколобую, свирѣпую морду, косится на Демку налитыми кровью глазами, сопить, копаеть копытомъ землю и зловѣще бьетъ хвостомъ, не желая повиноваться Демкиной волѣ и возмущаясь вмѣшательствомъ чловѣка въ свой семейный бытъ. Но Демка не стѣсняется его враждебными замыслами. Онъ схватилъ подъ сараемъ аршинную хворостину и грозно взмахиваетъ передъ носомъ сопящаго звѣря, удваивая крики и ругань:

— Ну, ты, касатурья у меня! Я тѣ поверну, облома!.. Я тѣ живо бока намну... Ишь, дьяволъ рогатый, засопѣлъ... Рогача захотѣлъ отвѣдать?

— Отойти, каторжный, до грѣха! Слышь, Демка, отойди! понапрасну кричить Апраксея. — Онъ тебя какъ-разъ уходитъ, погубели на тебя нѣтъ... Намедни Кузька и съ рогачомъ отъ него насили ушелъ... На сарай ужъ вскочилъ, такъ и сарай, облупивъ его, весь расковырялъ, думала и дворикшко на рогахъ разнесетъ. Шутка-ли, какая скотина страшная!..

Но Демка не слушалъ причитаній старой бабки; свирѣпый звѣрь уже испуганными прыжками бѣжалъ отъ него въ ворота, и Демка сажилъ ему въ бока хворостиною, сколько рука могла поднять.

— Ахъ, миссъ Гукъ, посмотрите; какой онъ храбрый, этотъ мальчишк! невольно вскрикнулъ Алеша, поблѣднѣвъ отъ страха за Демку и прикусивъ палецъ въ трепетномъ ожиданіи, что будетъ.

А Демка уже шлепалъ по лужамъ, широко и увѣренно шагая босыми ногами, съ хворостиной на плечѣ, и покрикивалъ съ серьезною важностію на своихъ коровъ, не подозрѣвая ни собственнаго геройства, ни удивленія петербургскаго барчука.

— У степныхъ народовъ нерѣдко встрѣчаются образцы замѣчательной смѣлости, объяснила ученая англичанка, мелькомъ взглянувъ на Демку и его стадо. — Когда мы прїедемъ въ деревню, я вамъ прочту, дѣти, описаніе одного очень любопытнаго путешествія въ степи средней Азіи. Вы тамъ узнаете много новаго и интереснаго. Притомъ написано прекраснымъ стилемъ.

— Миссъ Гукъ, можно намъ пойти во дворъ? Я никогда не видалъ крестьянскаго двора! просился Алеша. — Тамъ теперь сухо на соломя и нѣтъ коровъ. Мы хотимъ посмотрѣть овечекъ...

— И козу! вставилъ Боря. — Я тамъ видѣлъ козу съ волокольчикомъ.

— Нѣтъ, дѣти, вамъ неидетъ ходить по крестьянскимъ дворахъ, серьезно замѣтила миссъ. — Тамъ очень грязно и ничего нѣтъ интереснаго. Русскіе крестьяне держатъ скотъ въ такой ужасной нечистотѣ, что отвратительно смотрѣть! Это очень вредно для здоровья животныхъ, и оттого мы не видимъ у здѣшнихъ простолудиновъ усовершенствованныхъ расъ, какія можно найти у каждаго поселянина Англии, напр., дургамскихъ коровъ или лейстерскихъ овецъ. Я вамъ, кажется, показывала въ лондонской иллюстраціи изображеніе лейстерскаго барана, получившаго первую премію на агрономической выставкѣ. Ты помнишь, Алексисъ, какое количество шерсти давалъ этотъ замѣчательный баранъ?

Алеша молчалъ, потому что весь былъ поглощенъ живыми и малознакомыми ему сценами деревенскаго хозяйства, происходившими на его глазахъ передъ воротами каждой избы.

— Я спрашиваю тебя, Алексисъ, помнишь-ли ты, сколько шерсти давалъ лейстерскій баранъ? приставала миссъ Гукъ.

— Баранъ, миссъ Гукъ? Нѣтъ, миссъ Гукъ, не помню, сколько онъ давалъ шерсти... А вы говорили, миссъ Гукъ, что шерсть на сукно даютъ намъ овцы.

— Да, мой другъ, шерсть получается отъ овецъ и барановъ. Баранъ отличается отъ овцы тѣмъ, что имѣетъ рога, а овца роговъ не имѣетъ... Только мнѣ непріятно, что ты невнимателенъ и легко забываешь то, что я тебѣ объясняю и что такъ полезно помнить, если ты не хочешь остаться невѣждою въ окружающей насъ природѣ...

Наконецъ, господа отпили чай и собрались въ путь; погребокъ Апраксеи опустѣлъ наполовину послѣ господскаго ночлега; зарѣзали Апраксеину пеструю курицу; побрали у Апраксеи сметану съ творожкомъ, побрали свѣжее маслицо, побрали кубаны съ молокомъ, какой для сливокъ, какой для молока, то для господъ, то для людей; оказалось, что одинъ кубанъ „кубаномъ пахнетъ“, — отдали кошеѣ, „доброй моей сѣренькой кошечкѣ“, какъ назвала хозяйскую кошку ласковая до животныхъ генеральша. Апраксея только руками всплескивала да пошатывала своимъ полинявшимъ шлькомъ, вынося по требованіямъ Дуняши и лакея Виктора свои долгосбиравшіеся запасы.

Хотя такой огульный бытъ припасовъ за выгодную цѣну, казалось, былъ и съ руки Апраксеѣ, однако, ея хозяйское сердце, привыкшее скудно отвѣшивать и отмѣривать каждую малость и знающее тяжелымъ опытомъ, какъ нелегко дается она, — невольно сжималось при такомъ быстромъ опустошеніи завѣтнаго погребка. Укладкамъ конца не было; лакей Викторъ и горничная Дуняша носили, носили, ходили, ходили изъ комнаты къ каретѣ, отъ кареты къ комнатѣ; даже ничему не изумляющійся Степанъ, и тотъ диву дался и, молча, покачалъ головой. Онъ не могъ понять, какъ это можно помѣстить въ одну карету столько сундучковъ, коробковъ, узелковъ, и зачѣмъ это господа затрудняютъ себя такимъ скарбомъ?

— Ну, матушка, добра-то у васъ, добра! И все небойсь изъ Петербурга везете? замѣтилъ онъ генеральшѣ, когда та, въ шляпкѣ и въ шубкѣ, съ большимъ сак-воажемъ и съ записною книжкою въ рукахъ, вышла на крыльцо.

— А что, Степанушка, весело спросила генеральша, — тебѣ развѣ въ диковину, какъ господа ѣздятъ?

— Зачѣмъ въ диковину! обидѣлся Степанъ. — У насъ зачастую хорошіе господа проѣздъ имѣютъ, а только дивлюсь я, — экую снасть господа съ собой возить выдумали. Думается, будто налегѣтъ оно поспособнѣе-бы было, попространнѣе... Шутка-ли, тамъ чего понапхато! На добрый возъ не увяжешь.

— Что-жъ тебѣ слѣдуетъ съ меня, Степанушка? перебила генеральша. — Я вѣдь тоже скопидомокъ, сама люблю со всѣми расплачиваться и весь расходъ сама записываю; у меня лишней копеечки, старичекъ, не пропадаетъ.

— Это обыкновенно, какъ слѣдуетъ, матушка, серьезно поддержаль ее Степанъ. — Вы своему дому судержательница, безъ этого нельзя... Деньги счетъ любятъ.

— Такъ сколько тебѣ, Степанъ? говори, пора ѣхать.

Степанъ давно водилъ дѣло съ господами и зналъ заранѣе, что съ кого ему придется. Онъ ставилъ въ цѣну не столько забранную провизію, сколько безпокойство, приносимое его двору безвременнымъ пріѣздомъ и отъѣздомъ, безвременными и нерасчетливыми разсылками хозяйки и хозяина то за тѣмъ, то за другимъ, неизбежными претензіями на то и другое, и вообще полнымъ завоеваніемъ всего его двора на время барской стоянки. „Они — господа, стало быть, должны платить много“, полагаль Степанъ. Въ то-же

время онъ влалъ съ мужика по гривнѣ съ рыла за обѣдъ, ни во что не считая ночлегъ, потому что и эту гривну, какъ онъ хорошо зналъ, могъ заплатить ему далеко не всякій. Какъ ни щедро оцѣнили Степанъ съ точки зрѣнія своего хозяйскаго расчета каждую бездѣлицу, забранную господами, однако, генеральша Обухова, услышавъ его скромный деревенскій итогъ, была поражена въ глубинѣ своего сердца честностью и умѣренностью русскаго мужика; она еще со времени института любила иногда уступать порывамъ великодушія, которые рисовали ее, въ ея собственныхъ глазахъ, благодѣтельною феєю французскихъ сказокъ. Къ тому-же петербургская барыня, привыкшая къ масштабу столичныхъ отелей, гдѣ даютъ по 50 коп. на водку лакею, подавшему дорого оплаченное блюдо, никакъ не могла усвоить точку зрѣнія черноземной деревни, въ которой десять часовъ тяжелой работы цѣпомъ оплачиваются копейками. Генеральша порывисто сунула въ руку Степану асигнацію порядочной цѣнности и направилась къ каретѣ, взволнованная до краски собственнымъ безкорыстіемъ.

— Вѣдь вотъ горе, матушка, сдачи-то я тебѣ, должно, не наберу! говорилъ Степанъ, сомнительно разсматривая бумажку.

— Не нужно, не нужно сдачи, это все тебѣ! кричала чувствительная генеральша почти со слезами на глазахъ.

— Ну, благодаримъ покорно! Часъ вамъ добрый, матушка ваше превосходительство!..

Лакей Викторъ, въ модной бекешѣ съ мѣховымъ воротникомъ, съ почтовою сумкою черезъ плечо и въ высокихъ мѣховыхъ калошахъ, переносилъ барчуковъ въ карету черезъ лужу, въ которой его столичныя калоши не разъ хлебнули деревенскою грязью. Степанъ принесъ доску, соломки постлалъ, усадили всѣхъ, и англичанку, и барыню. „Попесть!“ Четверикъ тронулъ и, не взявши сразу, замаялся на мѣстѣ.

— Бери лѣвѣе, на соломку! кричалъ съ крыльца Степанъ.

Изъ сосѣднихъ дворовъ вышли смотрѣть, какъ это выльзетъ карета изъ грязи.

— Ну, трогай! Дружѣе!

Бучеръ взялъ слѣгка въ сторону; грузный экипажъ качнулся и покатилъ, прорѣзая глубокіе слѣды въ засыхавшей грязи.

Апраксея стоитъ у крыльца, обмывая доенку. Около нея оставилась поболтать сосѣдка-баба съ рубелемъ въ рукахъ, съ ко-

ромысловъ на плечѣ. Она несетъ пополоскать въ ручьѣ цѣлый ворохъ грубаго и грязнаго бѣлья.

— Съѣхала барыня-то?

— Съѣхала, слава тѣ Христе! Затрепала совсѣмъ...

— Извѣстно, господа... Имъ нешто угодить чѣмъ!

Апраксея молча оскребла доенку. Куры толпились у вылитыхъ помой.

— Пеструю-то, видно, зарѣзала?

— Зарѣзала; курицу, баба, смерть жалко; чудесная курица была. Пристала: зарѣжь, зарѣжь... Ну, тѣхъ будто-бы жалко, съ яичками; взяла и зарѣзала.

— Это у тебя, должно, отъ Аксиньинова пѣтуха?

— Вотъ выдумала! отъ Аксиньинова! Это что вотъ у солдата черный голанскій пѣтухъ бы-ы-ль, цыбулястый такой, такъ отъ самаго отъ него, да курица у меня была мохноногенькая, съ се-режкой, можетъ, Митревна, помнишь, такъ вотъ та-то.

— О-о! Та-то вотъ?

Опять наступило молчаніе, но Митревна не уходила.

— Такъ-то мнѣ згадывается; Матвѣиха, начала она плакси-во:—вотъ мы съ тобой, можетъ, отродясь росинки скоромной во рту не видали по пятницамъ да по средамъ, а господа, вотъ нонче среда, курятину ѣдятъ... Одначе, не выходитъ наше съ тобой счастье!..

— Ну, вотъ выдумала! съ суровымъ стоицизмомъ перебила ее Апраксея, вся поглощенная своею доенкою. — Стало, имъ можно, коли ѣдятъ... Не меньше нашего знаютъ!..

— Стало, что такъ! грустно вздохнула Дмитріевна, трогаясь въ путь.

II.

Иванъ Мелентьевъ, по-уличному „Гуванъ“.

Тихое весеннее утро сіяетъ на ровной глади шишовскихъ полей. Трезвое русское утро, неволнующее, нечарующее, безъ яркаго освѣщенія, безъ эффектныхъ тѣней, безъ горъ, безъ озеръ, безъ замковъ на утесахъ, безъ изящныхъ виллъ на зеленыхъ островкахъ. Не русскому человѣку запасла мачиха-природа такія диковинки. Свѣжо, свѣтло, зелено,—и тому радуется, не нарадуется

небалованное русское сердце; радуется, что свалила, наконецъ, страшная вѣдьма, что пять мѣсяцевъ придавливала своей сѣдой шубою землю и воду, лѣса и жилища; радуется, что морозъ-красный-носъ, злой колдунъ, намостившій мосты безъ досоко, безъ гвоздей, обернувшій въ желѣзо рѣчныя воды и рыхлый черноземъ полей, убрался за тридцать земель. Отпустила немножко свои ежовыя рукавицы суровая мачиха, „ослонила маненько“ терпкій горбъ русскаго рабочаго человѣка. Ужь больше не ломаетъ „народушка“ тридцати-градусная „стыдъ“. Выйдетъ мужикъ по утру изъ дымной избы—не приходится больше отбашиваться отъ сугробовъ, рубить дорожки къ воротамъ, къ колодцу, на улицу. Пожогъ онъ всю свою ржаную соломку на печи да на овины, оттаивая зерно, отогрѣвая себя съ дѣтишками и животинками. Потравилъ онъ давно всю яровую солому, потрясилъ, что припасъ, овсишка, чтобъ не дать околѣть съ голоду отоцавшей скотинкѣ, забнувшей семнадцати-часовую ночь въ сквозномъ хворостяномъ сарайшкѣ. Да и хлѣбушка подѣлся, почитай, немного что не съ Аксиньина дня. Стариковъ вольнѣе житье было: старики, бывало, къ этой порѣ только пол-хлѣба поѣдали, оттого и прозвался Аксиньинъ день „*Аксиньей полухлѣбкой*“. Все попрѣлось, постравилося въ скудномъ мужицкомъ хозяйствѣ и скудная мужицкая кошна отоцала за зиму не хуже его мужицкой клячи. Недѣльку-другую не стань весна,—хоть крышу снимай!

Стала весна... Загудѣли ручьи, зазвенѣли какъ-разъ на „Алексѣ съ горъ потоки“... Паводокъ за паводкомъ тронулись верхи, а въ Благовѣщенье пошла настоящая вода... Посорвала мельницы, помяла луга, перебила дороги логами, на цѣлый мѣсяцъ устали бездорожицу по всей широкой Руси. И вотъ ужъ дикіе гуси скрипятъ высоко надъ грязными полями, съ каждымъ днемъ на прудахъ, на поляхъ, въ перелѣскахъ видишь новую птицу; попадалъ вальдшнепъ въ дубовыя кусты, утка закрикала въ камышистыхъ заводяхъ, на полевыхъ озерахъ кружатся чибисы... Оглянуться не успѣлъ, ужъ „сошки заиграли“ на полѣ; взметы покрыты, какъ муравьями, сѣющимъ и папущимъ народушкомъ. А по дворахъ, въ избахъ, только поспѣвая хозяйка, вездѣ сказывается та-же чудодѣйственная сила пробужденія могучей и вѣчно-плодащей земной жизни. Вечеромъ не было ничего, а ужъ утромъ реветъ въ теплой избѣ новый голосокъ, и еще мокрая, вся трясующаяся те-

лочка шатается на своих необрѣпшихъ ноженкахъ у доенки съ молокомъ. Только-что внесли одну, несутъ другую; то бурая отеллась, теперь красная, та телушкою, эта бычкомъ, а рябая ужъ тоже починаетъ; глядь, и мужикъ загоняетъ въ клѣтъ кобылу съ раздутымъ брюхомъ и за ней, тоже шатаясь и тоже весь мокрый, ковыляетъ хорошенькій и маленькій, какъ игрушка, жеребенокъ на безобразно-длинныхъ ногахъ. Выгнали овецъ на парену, не траву щипать, травы еще и овцѣ негдѣ ухватить, а такъ только, для прогулки. Стали овцы котиться, да такъ дружно, словно по сговору, знай подбирай ягнятъ! Все разсыпается, плодится, разсѣмняется, почуя тепло, свѣтъ, неготовленный кормъ. Куры несутся и влохчуть, индюшки несутся, гуси несутся, „вклюнула утка грязи“ — занеслась и утка. Смотришь, ужъ по зеленой травкѣ словно катаются желтые пуховые шарики: это гусыня вывела своихъ новыхъ гусенятъ, желтки желтками, какъ они недавно еще лежали въ скорлупѣ своего яйца; ожившіе и двигающіеся желтки. Откуда берется что у широкоутробной природы! Вездѣ закипѣла новая, молодая жизнь. Грачи затрубили свои немолчныя перебранки, овладѣвъ осиновой рощей, и уже бьются на вершинахъ, хлопотливо устраивая свои хворостяныя гнѣзда. Все птичье разноголосое племя на той-же работѣ; все спаривается, хозяйничаетъ, готовится къ быстро-подвигающемуся, неизбежному будущему, соловей и воробей, дроздъ и копчикъ. А черная грязь ужъ проступила зелеными, молодыми травами, голубенькими и желтыми цвѣтами, чудновырѣзанными, чудно-пахнущими, чудно-окрашенными; и сухіе, ломкіе прутья древесныхъ скелетовъ одѣваются, какъ пухомъ, мягкимъ и нѣжнымъ листомъ, покрытымъ дѣвственнымъ лакомъ. Только житель деревни, хозяинъ скотнаго двора и охотникъ, бродящій въ лѣсу и въ болотѣ, знаютъ дѣйствительно, не по картинкамъ иллюстрированной дѣтской книжки, что такое весна, какъ нужна она всему, что живетъ и растетъ, и какая непобѣдимая, созидаящая и плодящая сила прибываетъ съ нею на землю въ этомъ плескѣ водъ и движеніи соковъ, въ шумѣ теплаго вѣтра и въ лучѣ горячаго солнца...

Ясно и тихо было и на душѣ у Ивана Мелентьева, когда онъ въ это тихое и ясное утро озиралъ своими старыми, изслезившимися глазами родныя поля съ высоты воза, набитаго мѣшками съ мукой. Неспѣшно танула возъ по непривычно-сухой дорогѣ

рыжая кобыла Мелентьева. Неспѣшно глядѣлъ и думалъ старикъ на своемъ возу. Куда спѣшить? Слава тѣ Христе, овсами отсѣялись, гречишку еще рано сѣять; и на дворѣ есть кому поработать помимо старика! Теперь для работы прохладно. Ребята справляютъ кое-что по-дому: телѣги, сохи, а старикъ взялъ-себѣ и добѣжалъ по зорькѣ до прилѣпской мельницы обрушить и помолоть мучицы на пироги. Ближняя мельница въ Спасахъ, на которой постоянно мололи, пересухинскіе мужики, давно порвана — господа не живутъ, „арендатель“ сбѣжалъ, а прикащику какое дѣло, чужая болячка никому не больна. И приходится теперь мужичкамъ отъ своего завода, отъ своихъ большихъ водъ побираться по дальнимъ мельницамъ. Хорошо еще, что въ Прилѣпахъ мельникъ человекъ хорошій, тихій, никакихъ пакостей не бываетъ и мелеть не хруско; присаживай, мужичекъ, самъ какъ знаешь; ключъ тебѣ въ руки, хозяйничай! Ну, а все двѣнадцатую беретъ. Возикъ смололъ, а ему двѣ мѣры отнеси, да не въ гребло, а верхомъ. Шутка!.. а нонче за мѣрку-то полтинникъ отдашь... Особенно наша рожь, самая погожая, вся „съ постати“ молочена, росинки на себѣ не видала и спорà къ тому-жъ. Хлѣбъ-то напекла баба съ новины — укулевавъ-кукулевавъ!

— Слетишь, Матюшка, не балуйся! перебилъ вдругъ старикъ свои размышленія, замѣтивъ, что его пятилѣтній внучъ, мальчишка съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами и розовою мордочкою, сталъ безпокойно болтать ногами на хребтѣ кобылы, куда усадилъ его еще на мельницѣ баловникъ дѣдъ. — Сказываю — слетишь!.. Вотъ стащу съ лошади, пойдешь пѣшкомъ; дѣдъ-то домой уѣдетъ, а ты оставайся въ полѣ.

— Не смѣешь, шепелявилъ Матюшка, знавшій свою власть надъ старикомъ-дѣдомъ. — Тебѣ батька бока намнетъ!..

— Ишь ты, чертенокъ!.. шутилъ дѣдъ. — Отъ земли не видать, а тоже брехать норовить! Я тѣ достану, щенка!.. Вотъ ужь, погоди!

— Дѣда! А завтра лепешки будетъ мамка печь?

— Нельзя-жъ, малый, безъ лепешекъ; завтра Перполвенье, за-всегда лепешки пекутъ... На то дѣдъ и муки намололъ мякенькой.

Поля ржи, молочно-зеленныя отъ утренней росы, стелились кругомъ дороги. Теплый вѣтерокъ слегка путалъ ихъ, будто мягкіе, шелковые волосы ребенка подъ ласковою рукою матери; черные

грачи съ бѣлыми клювами весело прыгали въ этихъ росистыхъ зеленыхъ, подалбливая землю. Надъ зелеными, въ голубожь, прохладномъ воздухѣ, звенѣли жаворонки. Свѣчею поднимались они отъ земли въ подоблачную высь, безостановочно трепеща крылушками, безостановочно разливаясь въ своихъ весеннихъ пѣсняхъ. Жаворонокъ—это поющій воздухъ. Его не видишь, но серебряные бубенчики его горлышка звенятъ повсюду, внизу, въ вышинѣ; только-что забрезжетъ день, ужъ жаворонокъ поетъ; въ дождь, когда прячутся всѣ птицы, жаворонокъ поетъ; онъ умолкаетъ послѣ всѣхъ и запѣваетъ всѣхъ раньше; онъ одинъ встрѣчаетъ свою пѣснею и солнце, и вечеръ.

А ужъ на голубое небо выплываютъ круглыя бѣлыя облака, настоящія лѣтнія. Значить, солнце грѣетъ не-на-шутку. Въ эти первые весенніе дни горизонтъ видѣнъ на далеко кругомъ, дальше, чѣмъ въ самое лѣто, когда поднимутся хлѣба и травы. Церкви бѣлѣютъ вдаль на темносинемъ фонѣ кое-гдѣ еще уцѣлѣвшихъ лѣсковъ. На высокомъ сплошномъ гребнѣ, что тянется по горизонту справа, провожая излучины Рати, видны сосѣдніе поселки, будто гнѣзда грибовъ засѣвшіе въ лощинки и складки горы; только одни вѣтранки выскочили изъ общей тѣсной кучи и хорохорятся своими крыльями на макушкѣ бугра, обсыпавъ кругомъ деревню, какъ цѣпь застрѣльщиковъ. Въ общей картинѣ новорожденнаго весенняго дня и этотъ безхитростный пейзажъ казался сердцу Ивана невѣсть какимъ веселымъ. Давно не дышалось этою тихою прохладю и этимъ тихимъ голубымъ свѣтомъ.

— Эхъ, да и ржи будутъ важныя! сказалъ онъ вслухъ, не то самъ себѣ, не то своему мальчицкѣ.—Вотъ ужъ и грачъ прячется... А давно-ли повыскакала? Такъ и претъ изъ земли на твоихъ глазахъ. Сила сильная!

— Хороша рожь, дѣда? встрепенулса Матюшка.

— Хлѣбъ буйный будетъ, малый! Глянъ-кась стоитъ, шуба шубой!

— А косить, дѣда, пойдешь?

— Живы будемъ, всѣ, малый, поидемъ! Теперь нечего загадывать... Мнѣ даромъ восьмой десятокъ пошелъ, а я на работѣ молодого задавлю... Я на работу жосткій! Первую косу хожу, такъ сынки не угонятся за старымъ, обижаются...

Старикъ замолчалъ и задергалъ возжами, ворча себѣ что-то

подъ носъ. Они молча проѣхали съ версту, до поворота, откуда вдругъ открылось родное село.

— То старикъ былъ нуженъ, вдругъ укоризненно заговорилъ Мелентьевъ, какъ-бы продолжая съ вѣжь-то споръ. — А теперь старикъ износился, не нужно старика!.. Ну-къ что-жь, коли Богъ смерти не посылаетъ? Спуталъ старику ноги, да на зелена!.. Авось околѣетъ. Али полѣножь пришиби. Водку, вишь, пью, хозяйство разоряю... Да чье оно, хозяйство, кто то хозяйство собиралъ? Ты объ этомъ-то у умныхъ спроси!

Старикъ съ какими-то спокойнымъ негодованіемъ глядѣлъ все время на одинъ изъ дворовъ своего села, куда, повидимому, и обращены были его упреки.

— Дѣлиться давай! передразнивалъ онъ кого-то, коверкая языкъ. — Мать, говорить, родную кормилъ, а мачиху не стану кормить! Вотъ оно что! Вотъ нонче какіе законы пошли, что отцову жену въ зашеи со двора. Это ладно вы придумали, сынки любезные! веревочку, молъ, на шею да и ступай съ Богомъ! Нонче вы больно умны стали, а какъ дворъ-то однимъ своимъ горбомъ собиралъ, вась что-то неприѣтно было, умниковъ... И безъ портковъ-то еще не ползали... Дѣлить норовятъ!

— Это ты на кого ругаешься, дѣда? спросилъ Матюшка, прислушавшійся къ воркотнѣ старика,

— Нѣтъ, дѣточка, сиди-себѣ, посиживай! спохватился старикъ. — Ты ребенокъ махонькій, ты свое знай!.. Это не твоего ума дѣло... Вотъ и пріѣхали! сказалъ онъ весело, пережвня въ другъ тонъ. — Ъхали-ѣхали мы съ Матюшкой — и пріѣхали. Вотъ и Спасъ село, а тутъ и наша Пересуха за-разъ...

Село Спасы раскинулось по обѣ стороны рѣчки Рати. На одномъ берегу крестьянскія избы, вытянутыя въ два ряда, бокъ-о-бокъ съ кочковатымъ лугомъ и олешиникомъ; на другомъ, сухомъ и холмистомъ, барская усадьба съ каменными флигелями, съ большимъ садомъ, съ каменною церковью черезъ выгонъ и съ старымъ темнымъ лѣсомъ за церковью. Барская усадьба издали — чистый городокъ. Въ безлѣсной и ровной мѣстности пишовскаго уѣзда и этотъ крутой зеленый пригорокъ, съ глинистымъ обрывомъ и лѣсомъ наверху, кажется чуть не Швейцаріею.

— Дѣда! вонъ тѣ-то хоромы, гдѣ барыня живетъ? спрашивалъ

Матюшка, залюбовавшийся яркимъ видомъ желѣзныхъ крашенныхъ крышъ и штукатуренныхъ стѣнъ усадьбы.

— Тѣ-то самые, робя!.. Таперича сама прѣѣхала; сказываютъ, ишь, жить будетъ.

— Тамъ-то и яблочки, дѣда?

— Тамъ-же, тамъ, родимый, тамъ и яблочки; вотъ время, дастъ Богъ, придетъ, и яблочка съ тобой отвѣдаемъ... Яблоко тутъ ядреное, чистое, супротивъ всѣхъ.

— Барыня, небойсь, только и вѣсть, что яблочки? продолжалъ допрашивать искренно заинтересованный Матюшка, слегка вздохнувъ.

— Разорилъ, право... тихо смѣялся старикъ, поворачивая въ улицу села.— Кому что, а ребенокъ все свое!

— Аль на пироги молодъ, Иванъ Ивановичъ? опросила проходившая баба.

— На пироги.

— Завозно у прилѣбскихъ?

— Тамъ, мать, и не дотолчешься, арманка-арманкой!

Подѣѣхали ко двору.

— Тпру-у-у! преважно заоралъ Матюшка, натагивая гриву кобылы.

Это было совсѣмъ лишнее, потому что рыжая сама завернула возъ оглоблими къ воротамъ и радостно зафыркала. Со двора отвѣчали ей такимъ-же веселымъ ржаніемъ лошадиные голоса.

Подъ плетневымъ половнемъ противъ избы два здоровые мужика, сыновья Ивана, дружно стучали топорами, прилаживая грядки къ телѣжному ящику. Мужики глядѣли на подѣѣхавшій возъ, не прекращая работы.

— Ишь, пострѣль, куда взмогился! Что скворецъ на жерди, смѣялся Василій, дядя Матюшки.— Упадешь, ротастый!

Дѣдъ снялъ ребенка съ лошади.

— Завозно, небойсь? спросилъ Василій старика.

— Какъ теперь не завозно! народушку слободно стало, всякій молотить. Какіе возы съ той недѣли ждуть... Дождаться „черги“— до Егорья прождешь! спасибо упросилъ безъ черги мѣшочки помолоть. То-то и обернулся рано... Бабы дома?

— Картошку бросаютъ.

— Варили что?

— Капусту съ квасомъ нонче хлебали.

— Похлебать и мнѣ... Въ брюхѣ съ утра-то отошало, говорить старикъ, ведя лошадь во дворъ и принимаясь развязывать сунюнь. — Эй, Матюшка, хозяйинъ молодой, отнеси дугу! Куда-жь ты?

Но молодой хозяйинъ уже улеталъ въ избу къ печкѣ, себя за разживою.

III.

Агрономія въ женскомъ учебномъ заведеніи.

Генеральша Татьяна Сергѣевна была въ большомъ огорченіи въ первый мѣсяцъ своего пребыванія въ Спасяхъ. По ея мнѣнію, все было безсовѣстно запущено и разорено въ ея хозяйствѣ. Обои въ дожѣ полиняли и кое-гдѣ отстали, оконныя задвижки и ручки на дверяхъ заржавѣли, такъ что едва можно было ихъ отчистить, а паркетъ въ залѣ и гостиной сильно потрескался. Но особенно возмутило Татьяну Сергѣевну печальное состояніе сада, „моего стараго, добраго сада“, какъ она всегда говорила о немъ. Съ балкона уже едва можно было сходить, потому что въ немъ погнили перила, доски и балки. Круглая стеклянная бесѣдка, называвшаяся у генеральши „La rotonde“, а у дворовыхъ людей „шиномъ“, была, повидимому, давно обращена въ голубятню, такъ что пола нельзя было видѣть подъ слоями гуано, а о стеклахъ, разумѣется, и помину не было. На цвѣтникахъ передъ домою не только росли лѣса бурьяну, но и цѣлые кусты одичавшаго вишняка. Изъ всѣхъ выдумокъ культуры отстояли себя, среди этой глуши крапивы, польтя и репейника, только высокіе султаны амарантуса да яркіе букеты ноготковъ. Въ оранжереѣ стѣна была подмыта водою и вывалилась, вьюшки повывломаны изъ печныхъ гнѣздъ и все, что можно было красть, раскрадено самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Отъ купальни среди пруда оставались грустныя воспоминанія въ видѣ дубовыхъ столбовъ съ зарубленными шипами, а хорошенькій паромчикъ съ рѣшеткою, который ходилъ по канату между купальнею и пристанью, теперъ тоже сгнившій и обсыпавшійся, сопрѣлъ просто въ труть вмѣстѣ съ тесовымъ навѣсомъ, подъ который онъ обыкновенно ставился въ саду на зиму. Словомъ, старый обуховскій садъ, который покойный Сергѣй Трофимовичъ разводилъ

съ такимъ трудомъ и настойчивостью, выписывая изъ далекихъ мѣстъ рѣдкіе сорта яблонь, грушъ и сливъ, обратился теперь въ какой-то лѣсъ больныхъ и искривленныхъ деревьевъ, заросшихъ, какъ шерстью, желтымъ и сѣрымъ лишайникомъ и почти непроникавшихъ сквозь себя свѣтъ. Правда, мѣщанинъ Бабкинъ изъ подгородной слободы уѣзднаго города Шишей, занимавшійся прасольствомъ, акуратно каждый годъ снималъ генеральскій садъ, платя за 12 десятинъ съ сѣномъ и плодами по 400 рублей, и не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, что рука садовода 10 лѣтъ не прикасалась ни къ одному его дереву; однако, въ послѣдніе годы и самъ безпечальный мѣщанинъ Бабкинъ сталъ что-то раздумывать, отчего это въ обуховскомъ саду яблоки стали слабы и червивы. То, бывало, изъ бунта вынешь, какъ кремьнь крѣпокъ, а теперь еще и въ бунты не вяжутъ, весь разслабнетъ и станеть прѣтъ. Московскій купецъ пересталъ и брать обуховскій яблокъ, говорить, даромъ не нужно. Да и обсыпаться сталъ отъ вѣтровъ ужь безъ всякой мѣры.

— Вотъ нонче какое издѣліе пошло! объяснять по этому поводу мѣщанинъ Бабкинъ,—земли совсѣмъ отоцали, что хлѣбъ теперь, что яблоко, куды противъ старинн!

Только куча темныхъ, островерхихъ елей на скатѣ холма да посаженный въ центрѣ круглой поляны могучій сибирскій кедръ одни продолжали расти, крѣпнуть и красоваться среди этой хилой природы, вдвойнѣ изуродованной, сначала культурою, потомъ запустѣніемъ.

Миссъ Гукъ, сопутствовавшая съ дѣтьми Татьянѣ Сергѣевнѣ при обзорѣ сада, на всѣ возгласы, жалобы и причитанья впечатлительной барыни утѣшала ее увѣреніемъ, что ни въ одной фермѣ англійскаго крестьянина, тѣмъ менѣе въ замкѣ англійскаго лорда. ш-ше Обухова не могла-бы найти такого nepозволительнаго запущенія. Ученая миссъ даже сравнила невинный обуховскій садъ съ дѣвственными лѣсами Ориноко, о которыхъ она читала недавно въ Гумбольдтовыхъ „Картинахъ природы“, переведенныхъ на англійскій языкъ.

— Въ немъ недостаетъ только лѣанъ и ягуаровъ, добавила обстоятельная миссъ.

А Алеша съ Борею, какъ глушыя дѣти, радовались тому имену, что составляло предметъ огорченія ихъ матери и предметъ

презрительнаго изумленія для ихъ воспитательницы. Они ужъ въ Петербургѣ привыкли къ дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, къ обрѣзанному по ниткѣ дерну, къ опрятнымъ клумбамъ цвѣтовъ и скамеечкамъ, только-что обращеннымъ въ зеленую краску. Ихъ восхищала теперь эта глушь и дичь, гдѣ на всякомъ шагу можно спрятаться, гдѣ мѣстами нельзя пролѣзть черезъ чащу и гдѣ нѣтъ вообще ничего петербургскаго, городского. Алешѣ старшій садъ рисовался не въ шутку дѣвственнымъ американскимъ лѣсомъ, до такой степени не въ шутку, что онъ готовъ былъ видѣть въ немъ даже лианы и ягуаровъ, неотысканныхъ прозаическою англичанкою.

— О, миссъ Гукъ, вы еще не знаете меня! горячилась добродушная генеральша, стараясь сурово морщить лобъ и запыхиваясь отъ волненія.—Я это все переверну по-своему; вы увидите теперь мое хозяйство... Когда я захочу, моя душа, я съумѣю быть маленькимъ Петромъ Великимъ... Тутъ нужны серьезныя реформы и большая настойчивость... О, что касается настойчивости, то я не стану ея занимать, миссъ Гукъ... Вы, кажется, немного понимаете меня?

Миссъ Гукъ посоветовала Татьянѣ Сергѣевнѣ прежде всего обратить вниманіе на золотой ренетъ, самый вкусный изъ яблоковъ, и на прекрасныя груши, которыя французы называютъ „beugte Napoléon“. Особенно они удаются въ формѣ шпалеръ; она это видѣла въ Англии въ образцовомъ хозяйствѣ лорда Стейна.

— И золотой ренетъ, и всякіе „beugtes“ будутъ у насъ, моя дорогая миссъ, говорила уже развеселившаяся генеральша; ея сердце сохранило до старости наивность и легкомысліе институтки и съ птичьей быстротою переходило отъ отчаянья къ увлеченію самыми несбыточными надеждами.—Мы будемъ работать съ вами вдвоемъ, моя милая миссъ; я немножко горячка, такъ вы мнѣ будете помогать вашею солидностью и вашимъ знакомствомъ съ европейскимъ хозяйствомъ; мы поважемъ нашимъ господамъ-сосѣдямъ, что и петербургскія барыни на что-нибудь годны... Не смѣйтесь, господа деревенщины!.. Знаете поговорку: *giga bien*...

Въ тотъ-же вечеръ обѣщанныя реформы Петра Великаго начались въ Спасской экономіи госпожи Обуховой. Къ сожалѣнію, не нашлось добраго человѣка рассказать предпримчивой барынѣ, въ какомъ состояніи обрѣтались всѣ другія отрасли ея обширнаго

хозяйства; хотя Татьяна Сергѣевна и любила похвастать передъ петербургскими пріятельницами своею хозяйственною опытностью и глубокимъ знаніемъ деревенскаго быта, хотѣ она не разъ говорила съ нескрываемою гордостью: „вотъ я и женщина, господа мужчины, бѣдная, глупенькая женщина, а благодаря Бога, всё свои дѣла и все хозяйство держу и веду сама“. Но нужно сказать правду, такъ могла думать о себѣ только невинная воспитанница петербургскаго женскаго учебнаго заведенія, изучившая деревенскій міръ гдѣ-нибудь на Васильевскомъ островѣ или на Литейной. Въ сущности-же, бѣдная барыня принимала за хозяйственную опытность и за изученіе деревенской жизни тѣ скудные обрывочки науки и поэзій, которые случайно попали въ ея учебныя тетрадки стараніемъ словоизвергателей-педагоговъ. Когда она думала о деревнѣ, ей вспоминался не живой Иванъ Мелентьевъ съ разсѣченною губою, бѣгавшій на Бугъ и воровавшій лошадей, а „сельскій староста“ Жуковскаго: „Полночь било, въ добрый часъ, спите, Богъ не спитъ за васъ!“ И сама деревенская скука рисовалась ей не въ видѣ безустанной возни со скотомъ, людьми и работами всякаго рода, но опять-таки въ видѣ поэтическаго „ноктюрно“: „какъ пусть мой деревенскій дождь, угрюмый и высокій, какую ночь провелъ я въ немъ, бессонно-одинокій!“, или въ видѣ тихой пушкинской элегіи „Опять на родинѣ“: „я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“. Точно также полнымъ отсутствіемъ всякой реальности отличались свѣденія Татьяны Сергѣевны по части агрономіи. На бѣду въ учебномъ заведеніи учили зоологіи и ботаникѣ, причемъ неблагоразумный жрецъ этихъ наукъ счелъ долгомъ ознакомить барышень съ „элементами сельскаго хозяйства“. „Барышни“ съ восторгомъ переписали на хорошей бумагѣ „записки“, продиктованныя учителемъ, сшили ихъ розовыми ленточками и выучили такъ твердо, что самая лѣнивая воспитанница, получавшая 1 изъ математики, русскаго языка и нѣмецкой литературы, получала постоянно 4 изъ этой веселой и интересной „естественной исторіи съ основаніями сельскаго хозяйства“; весь-же остальной классъ безсмысленно катался на круглыхъ пятеркахъ. Изъ этихъ записокъ Татьяна Сергѣевна крѣпче всего запомнила, что есть на свѣтѣ „отрядъ рукокрылыхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку по устройству своего организма“; Иванъ Мелентьевъ, конечно, никогда-бы не раздѣлялъ съ нею этого ле-

стнаго мнѣнія о нетопырѣ, котораго онъ почиталъ гадиною и проклятою тварью, полагая, что ни одна вѣдьма безъ него не обходится. Впрочемъ, среди разныхъ „пальцеходящихъ, рыбообразныхъ и неовершеннозубыхъ“ въ школьной зоологii упоминалось и о быкахъ, и объ овцахъ. Только тамъ они обзывались „двукопытными“ и сразу ихъ не всякій могъ отерпеть. Такъ, корова почему-то вовсе не называлась своимъ именемъ, словно это уличное прозвище ея не годилось для торжественныхъ сврижалей науки. О коровѣ не говорилось, но подразумевалось въ „семействѣ быкообразныхъ“, гдѣ она была, въ свою очередь, отнесена въ отдѣльный ящичекъ, къ „роду быка“, а въ этомъ ящичкѣ опять отодвинута въ общую перегородочку съ ярлычкомъ „домашній быкъ“, но все-таки ни тамъ, ни здѣсь за корову не признана, а оставлена съ титуломъ быка; этотъ титулъ раздѣлялъ съ нею въ пансіонской зоологii не только буйволъ, но даже зубръ и американскій бизонъ, вѣроятно, для болѣе удобнаго отличія этихъ звѣрей другъ отъ друга. Обо всѣхъ этихъ „быкообразныхъ изъ рода быка“ сообщалось барышнямъ, что эти животныя „имѣютъ массивное цилиндрическое туловище на короткихъ ногахъ, голову большую, съ полными рогами, хвостъ длинный, съ пучкомъ волосъ на концѣ, живутъ въ лѣсахъ, обыкновенно стадами или семействами“. Овца была посчастливѣе коровы; ее, правда, тоже оттащили почему-то въ семейство козловыхъ и этимъ козловымъ выдали такой общій аттестатъ: „водятся на горахъ, бѣгаютъ по нимъ очень быстро и низвергаются съ нихъ въ пропасти на свои тяжелые рога, загнутые назадъ“: по этимъ эффектнымъ признакамъ, дѣйствительно, трудно-бы было барышнямъ признать нашу невинную безрогую овцу съ ворухекъ шишовскаго уѣзда, откуда, хоть три года скачи, ни до какихъ горъ и пропастей не доскачешь. Но, по счастью, въ „родѣ барана“ оказывался особый видъ— „домашній баранъ или овца“, вѣроятно, слѣдуя русской пословицѣ: „безъ имени овца—баранъ“.

Научную высоту созерцанія животнаго царства, не совсѣмъ пригодную для практическихъ цѣлей, пансіонскій педагогъ рѣшился отчасти вознаградить своими „элементами сельскаго хозяйства“, гдѣ на десяти писанныхъ страничкахъ онъ объяснилъ будущимъ хозяйкамъ сжато, но обстоятельно, рѣшительно все, что имъ требовалось, начиная съ вліянія климатическихъ условій на жизнь человѣческихъ обществъ и кончая ученіемъ о почвахъ и „плодс-

смѣнномъ сѣвооборотѣ“, причежъ сообщилъ имъ, что площадь чернозема въ Россіи занимаетъ пространство около 82,000,000 десятинъ, отъ 51° сѣвер. широты на западѣ и 57° на востокѣ до 47° южной широты на западѣ и 54° на востокѣ, и привелъ вычисленіе „знаменитаго европейскаго ученаго Александра Гумбольдта“, что „злаки составляютъ $\frac{1}{14}$ всей растительности жаркаго пояса, $\frac{1}{12}$ умѣреннаго, $\frac{1}{10}$ холоднаго“, доказавъ въ то-же время какъ дважды-два—четыре, что восьмипольное хозяйство съ турнепсомъ, райграсомъ и эспарцетомъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ рутинное трехпольное хозяйство съ паренью,—старинное наслѣдство римлянъ. Конечно, и съ такими обстоятельными свѣденіями все еще не легко было браться прямо за практическое хозяйство, хотя-бы и съ „рутинными“ тремя клинами, но все-же это, если не по результату, то по благому намѣренію, было нѣсколько ближе къ требованіямъ дѣйствительной жизни, чѣмъ безкорыстная эрудиція того-же педагога въ области натуральной исторіи, съ бесплоднымъ перечисленіемъ „уваровитовъ, гроссуляровъ, аллахроитовъ, колафонитовъ“, съ описаніями никому ненужной и нигѣмъ невидимой „порфору разрѣзной изъ рода нитчатки“ и „плауна селоговиднаго“, или съ мѣткимъ опредѣленіемъ формы листьевъ „перисто-разщепныхъ, длановидно-нервныхъ, обратно-пилообразныхъ и удвоенно-круглозубчатыхъ“.

Татьяна Сергѣевна, твердо вѣровавшая въ силу науки и въ невѣжество мужиковъ, считала свое міросозерцаніе совершенно гарантированнымъ послѣ того, какъ она съ наградой окончила свое образованіе въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, гдѣ воспитываются дѣти „особь“, и получила на пергаментномъ листѣ съ красивою гравюрою, изображавшею глобусъ, циркуль, сову и всѣ эмблемы трудолюбивой мудрости, атестатъ за подписью едва-ли не 25 членовъ совѣта и печатью училища, съ отличною отиѣткою въ „зоологіи, ботаникѣ и минералогіи съ основными началами сельскаго хозяйства“. Она знала существованіе поговорки: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“, и даже любила повторять ее, но въ душѣ своей предполагала, что поговорка эта относится исключительно къ мужикамъ, которые не учатся нигдѣ. Благородныя-же дѣвицы, по понятію Татьяны Сергѣевны, должны „заканчивать свое образованіе къ 18 и 19 годамъ, когда имъ нужно выходить замужъ“ и когда уже наступаетъ пора „прилагать свои знанія къ жизни“. Къ замуже-

ству онѣ должны уже быть вполне оснащены: мило играть на фортепиано, говорить на иностранныхъ языкахъ, умиѣть поддерживать даже и серьезный разговоръ, и прочее, и прочее. Для чего-же ихъ и пичкають въ молодости разными литературами, всеобщими исторіями и географіями!

Татьяна Сергѣевна, быть можетъ, должна-бы была сообразить, что даже вышиванье гладью и свѣтскія приличія не дались ей сразу, что ее подготовляли къ этимъ искусствамъ издавна и постоянно. А между тѣмъ познаніе природы и умѣніе обращать ея разнообразныя силы къ разнообразнымъ цѣлямъ людской выгоды. въ чемъ состоитъ сущность хозяйственного искусства, — ей представлялись какими-то отъ вѣка присущими человѣку качествами, для обладанія которыми достаточно быть барыней или бариниою. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть что-нибудь затруднительное или серьезное въ этомъ искусствѣ, когда всякій безграмотный крестьянинъ хозяйничаетъ-себѣ преспокойно, выводя телятъ, собирая рожь и гречиху? Она положительно была убѣждена, что всѣ эти семидесятилѣтніе Иваны Мелентьевы, рождающіеся и издыхающіе на полѣ, воспитывающіеся на воружкахъ, въ одной тѣсной семьѣ съ лошадыю и коровою, остаются въ своемъ жалкомъ экономическомъ состояніи и при своихъ первобытныхъ хозяйственныхъ предразсудкахъ только потому, что образованныя пансіонерки или ученые студенты изъ благороднаго класса не раскрыли еще имъ глаза насчетъ истинныхъ приѣмовъ хозяйства. Управляющій, отставной капитанъ Толстиковъ, изъ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, былъ прогнанъ въ 24 часа, къ большому горю кабатчика, который уже нѣсколько лѣтъ привыкъ тащить изъ спасской экономіи варенымъ и жаренымъ черезъ своего пріятеля капитана, „завсегдатая кабакаго“. Люди до того привыкли видѣть съ утра и до обѣда у дверей кабака пѣгаго мерина въ бѣговыхъ дрожжахъ, что, когда не случалось встрѣтить его тамъ, говаривали съ нѣкоторымъ соблѣзнованіемъ:

— Что-жь это капитана нашего у обѣдни нѣтъ, али еще со вчерашняго не опомнился?

Самъ-же капитанъ Толстиковъ былъ радъ-радешенекъ, что энергическая генеральша судила его полевымъ судомъ и выпроводила во свояси безъ перемѣрки амбаровъ, безъ всякой сдачи и провѣрки. Онъ хотя и не зналъ точныхъ размѣровъ недочета въ

деньгахъ, зернѣ, муку, скотѣ и всевозможныхъ вещахъ, искренно увѣренный, что въ его счетахъ самъ „чортъ ногу сломитъ“, однако не могъ не чутъ въ общихъ чертахъ, что недочетъ этотъ былъ очень великъ и могъ быть безъ труда обнаруженъ даже невиннымъ младенцемъ. Капитанъ Толстиковъ, при всѣхъ человеческихъ слабостяхъ своихъ, слишкомъ долго былъ знакомъ съ отвѣтственностью солдатской спины, чтобы не ждать какой-нибудь очень скверной штуки за свои тоже очень скверныя штуки; онъ самъ добросовѣстно сознавалъ себя виноватымъ и давно уже удивлялся внутри своей души, за что это его Богъ милуетъ и почему до сихъ поръ генеральша не засадитъ его въ кутузку. Когда пришла вѣсть о прїѣздѣ Обуховой въ деревню, капитана Толстикова стало просто ломать, да не-на-шутку, а такъ, словно кто хотѣлъ повывернуть ему ребра.

Когда кабатчикъ Савичъ пришелъ къ нему разъ попросить овса на сѣмя, онъ его вгорячахъ съ крыльца спустилъ и клялъ на всѣхъ чертяхъ. За то въ то утро, когда онъ былъ лишень своего званія и власти, капитанъ Толстиковъ чувствовалъ себя въ состояніи такого душевнаго покоя и чистоты, что самъ уподоблялъ себя „невному младенцу“, бесѣдуя о своемъ паденіи съ постояннымъ собутыльникомъ своимъ, отцомъ Варфоломеемъ.

— Нынѣ отпускаеши раба твоего по глаголу твоему съ миромъ! говорилъ онъ въ искреннемъ сердечномъ умиленіи, прихлебывая поповскій травникъ.

— Счастливъ твой богъ, Гаврилычъ, покачивалъ головою попъ.—Дешево ты отыгрался отъ барыни; а сказывали—характерная.

— Богъ невидимо покрываетъ, отецъ Варфоломей, торжественно говорилъ капитанъ, простирая руку къ небу. — Богъ, иже и малыя, знаешь?.. Хоть я, положимъ, и много виноватъ, отецъ Варфоломей, передъ Богомъ и передъ хозяевами своими, положимъ, я нечестивый наемникъ... не таюсь... но я сердцемъ простъ и незлобивъ и къ тому-жъ сирота, слезливо прибавлялъ капитанъ, котораго бронзовое лицо, засиженное веснушками, какъ воробьиное личко, едва выглядывало изъ растрепанныхъ вустовъ рыжихъ бакенбардъ и усовъ.—Къ тому-жъ сирота!.. А Богъ любитъ сирыхъ и простыхъ сердцемъ!

За управляющимъ была послана телеграма въ агрономическую

контору въ Москву. Требовалось прислать „благонадежнаго агронома, стоящаго въ уровень съ современнымъ развитіемъ сельскохозяйственной науки на Западѣ и практически знакомаго съ условіями хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи; жалованья отъ 500—600 руб. въ годъ, на полномъ содержаніи“.

Но пока шла телеграмма, генеральшѣ доложили, что ее жаляетъ видѣть какой-то мужикъ. Въ передней стоялъ высокій и блѣдный, отъ худобы сгорбленный старикъ съ важнымъ и степеннымъ видомъ, въ плотно-застегнутомъ крытомъ тулупѣ. Онъ смотрѣлъ не столько мужикомъ, сколько монахомъ.

— Здравствуй, барыня, съ счастливымъ пріѣздомъ, встрѣтилъ онъ генеральшу, отвѣщая неспѣшнымъ и глубокой поклонъ.

— Здравствуйте, старичекъ, что вы? спросила ласково генеральша.

— А зовутъ меня Ивлій Денисовъ, Одинокихъ прозвищемъ, серьезно и увѣренно говорилъ старикъ, — я твой сусѣдъ, изъ Прилѣпъ, однодворецъ. Провѣдалъ я, что ты сокрушаешься сердцемъ по своему добрѣ, что имѣніе твое расхитили наемники лукавыя, а я къ этому дѣлу привыченъ, имѣніями управлять; у князя Баратова 15 лѣтъ всѣмъ имѣніемъ правилъ. Дѣловъ у меня по своему дому теперь нѣтъ, сынамъ сдать, такъ будто скучно безъ дѣла маяться.

Ивлій остановился и съ суровой важностью наставника, а не съ миною просителя, глядѣлъ прямо въ глаза Татьянѣ Сергѣевнѣ.

— Такъ ты... вы хотите наняться? нѣсколько смущенно спросила Татьяна Сергѣевна.

— Что-жь? коли желанье твое есть и Богъ тебѣ кладетъ на умъ, бери меня къ себѣ, такъ-же серьезно продолжалъ старикъ. — Возьмешь—счастлива будешь, Бога поблагодаришь!

— Вы на какую-же должность нанимаетесь, старичекъ?

— На это твоя воля. Ты въ своемъ домѣ хозяйка. Только я человекъ золотой; узнаешь меня—отъ меня не отстанешь. Потому я ругательствомъ безсовѣстнымъ отродясь не ругаюсь, травы поганой не курю, объ водкѣ заклятіе далъ, на красу дѣвичью не смотрю, убоины въ мясоѣдъ не ѣмъ. Даже въ Свѣтло Христо-во Воскресенье рыбою разговляюсь... Вотъ я какой!

Татьяна Сергѣевна чувствовала себя не совѣмъ ловко передъ этимъ суровымъ старикомъ, въ которомъ было такъ мало подобо-

страстія и такъ много самоувѣренности. Она никогда ещё не встрѣчала въ средѣ крестьянъ такого типа, не понимала его и инстинктивно боялась.

— Нонче народъ слабъ сталъ, поучалъ старикъ строгимъ тономъ,—ругательники и трубочкуры, и винопійцы, и сердцемъ лукавы... Нонче ужъ нѣту настоящихъ хозяйственныхъ работниковъ, какъ по-старинѣ, чтобы о хозяйственномъ добрѣ poradълъ, на дѣлѣ попотѣлъ... Хоть-бы и мои теперь сыны... таить и ихъ не хочу... блудные нонче люди, неистинные!

— Вы, должно быть, хорошо знаете сельско-хозяйственную часть, старичекъ? спрашивала Татьяна Сергѣевна, чтобы сказать что-нибудь.—Вамъ который годъ?

— А старъ я, давно Богу молюсь. Поди, не семьдесятъ пятый-ли годъ идетъ, али этакъ. Только ты, барыня, нанимаешь не стараго, а молодого. У меня сонъ коротокъ: съ зари на ногахъ и до зари не войду. У меня порядки строгіе, самъ я, начальникъ, не сплю и подвластный мнѣ не смѣй спать... по закону... А что по хозяйству ты говоришь, такъ ты сложи свои барскія руки да поклонись Ивлію Денисову,—только твое и дѣла, и горя. Я настоящій о хозяинѣ своемъ печальникъ! Мнѣ Богъ помогаетъ за мои молитвы и пощенье, благодарю моего Создателя; у другого гдѣ недомѣръ, усышка, у меня все будетъ лишнее... да примѣръ... Потому мышь не смѣетъ трогать. Опять-таки червь на скотинѣ, что на свинѣ, что на овцѣ, ни въ кои вѣки не можетъ; молитву такую знаю!

— Вы, я вижу, богомольный старичекъ, я люблю такихъ почтенныхъ старичковъ, перебила Татьяна Сергѣевна, успокоенная религіознымъ настроеніемъ Ивлія Денисова и вдругъ всплывшая намѣреніемъ непремѣнно удержать его у себя.

— Я вотъ какой молитвенникъ, отвѣчалъ Ивлій, не мѣняя своего важнаго тона, будто говорилъ не о себѣ: — всѣ уставы и псалмы знаю, что попъ иной не знаетъ. И слово разное знаю отъ всякой напасти, отъ отцовъ содержу подъ клятвою. Бываетъ, дурной человѣкъ балуется, розъ заламываетъ, спорыню вынимаетъ; у меня этому никогда не бывать, и отъ граду Богъ помилуетъ, и отъ наводнения, и урожай всякому зѣлью будетъ! Ты спроси у людей объ Ивліѣ Денисовѣ... Меня хорошо знаютъ, хоть-бы и твои подданные. Я вѣдь не такой, какъ другіе. Не изъ денегъ

нанимаюсь, а труда ради и усердія. Потому безъ работы Господь не повелѣваетъ намъ жить. А на сыновъ своихъ я разгнѣвался. Жить съ ними не хочу. Я вѣдь и самъ богатъ, я въ твоихъ деньгахъ не нуждаюсь. Хочешь, своихъ дамъ, когда понадобятся. Не изъ лукавства, а чтобъ тебѣ порадытъ и отъ людей похвалу пріять. Ты мнѣ денегъ не давай и жалованья не полагай. Я къ тебѣ волею иду. Увидишь мое дѣло, сама мнѣ послѣ жалованье положишь, больше, чѣмъ я у тебя выпрошу. Видишь, какой я простой!

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, Ивлій Денисычъ? сконфузилась генеральша. — Я вамъ готова-бы была назначить жалованье заранѣе. Только я должна васъ предупредить, что у меня будетъ управляющій ученый, агрономъ; онъ ужъ ѣдетъ изъ Москвы; я хочу заводить усовершенствованное хозяйство, не по-здѣшнему, а какъ въ чужихъ краяхъ...

Ивлій Денисовъ стоялъ надъ генеральшею, задумчивый и сгорбленный, сложивъ вмѣстѣ опущенныя руки, и смотрѣлъ на нее молча, не то съ сожалѣніемъ, не то съ недоувѣріемъ.

— У насъ здѣсь Богъ знаетъ какія понятія о хозяйствѣ, самыя первобытныя и отсталыя, неувѣренно бормотала Татьяна Сергѣевна, чувствуя, что старикъ Ивлій глубоко не раздѣлялъ ея мнѣнія. — Вы, конечно, народъ темный, неученый... вамъ простиительно не знать тѣхъ усовершенствованій, какія выработаны современною наукою... Но я обязана показать и своимъ бывшимъ мужичкамъ, и и всѣмъ сосѣдямъ, что можно извлечь изъ тѣхъ сокровищъ, которыми мы окружены и которыми еще не умѣемъ пользоваться. Это обязанность моей совѣсти; ты помнишь, старичекъ, что сказано въ святомъ Евангеліи: кому много дано, отъ того много и потребуется... Значить, мы, господа, обязаны научить необразованныхъ людей всему, что сами узнали... чему насъ учили... Вѣдь ты знаешь, Ивлій Денисычъ, ученье — свѣтъ, а неученье — тьма, добавила развязно генеральша, убѣжденная, что мужики любятъ пословицы и что поэтому необходимо вставить въ разговоръ какую-нибудь пословицу, когда хочешь подѣйствовать на мужиковъ.

— Это ты правду, помѣщица, говоришь! ученье — свѣтъ, неученье — тьма, медленно разсуждалъ Ивлій. — Только заморскіе порядки намъ нейдуть, потому у нихъ совсѣмъ другое положеніе. Статочное-ли дѣло нѣмцу знать наше расейское хозяйство, когда онъ ни земли нашей, здѣшной, отродясь не зналъ, что она поды-

меть и чего не подыметъ, и какого одобренья требуетъ, и опять-таки народъ у насъ другой, къ иному привычный, и скотина другая, и всякая снасть другая; нѣмецкая снасть дорогая, тяжелая, а у насъ во всякомъ дѣлѣ больше самодѣльная, свойская снасть: я вѣдь хорошо и по нѣмецкой снасти знаю, самъ мельницы ставилъ на нѣмецкій манеръ и пахоту нѣмецкую знаю, и разсѣвку нѣмецкую, всего видалъ! Только къ нашему расейскому мѣсту негодна. А, впрочемъ, ты своему добру хозяйка.

— Такъ вотъ что, Ивлій, продолжала Татьяна Сергѣевна:— управляющій у меня будетъ ученый, а тебя-бы я могла пригласить ему въ помощники; у тебя-бы былъ на рукахъ весь дворъ, работники тамъ, амбары, хлѣбъ... потому что управляющему нельзя-же самому вездѣ поспѣть, а въ полѣ староста у него будетъ...

— Это что говорить! И въ полѣ, когда нужно, могу присмотрѣть... Одному, извѣстно, не разорваться. Тоже это и у меня подручники были, безъ того нельзя!.. сказалъ Ивлій.—Понравилось тебѣ чужестранцу добро свое довѣрять—твое дѣло. Я тебѣ готовъ и приващикомъ, и ключникомъ служить. А только я полный управляющій, какъ есть настоящій; съ чужестранцемъ смѣнить меня нельзя, потому онъ въ нашихъ порядкахъ дуракъ будетъ.

Генеральша наняла Ивлія ключникомъ и дворовымъ старостомъ и была въ восторгѣ отъ старика.

— Ну, моя дорогая Нелли, говорила она въ припадкѣ удовольствія строгой англичанкѣ. — Какъ я жалѣю, что вы не видали этого старика! Это что-то такое оригинальное, чисто-русское, чего вы никогда не увидите въ другой странѣ. Вообразите себѣ, говорилъ мнѣ все время „ты“ и училъ меня, какъ какой-нибудь пророкъ или патріархъ. Честность воплощенная и фанатическая религіозность! Между нами, я-таки его немножко побаиваюсь. Онъ мнѣ напоминаетъ вашихъ пуританъ временъ Кромвеля: помните, въ романахъ Вальтеръ-Скота, въ Вудстоуѣ, кажется... За то ужъ онъ приберетъ къ рукамъ нашихъ распущенныхъ господъ работниковъ!.. Признаюсь, намъ, русскимъ, еще долго будутъ необходимы эти дубинки своего рода...

Наймою Ивлія и выпискою управляющаго не ограничилась хозяйственная дѣятельность Татьяны Сергѣевны. Конторщикъ былъ смѣненъ, какъ несомнѣнный участникъ всѣхъ плутней, и также по сокращенному судопроизводству, безъ разбора книгъ и отчетовъ,

которыхъ Татьяна Сергѣевна боялась болѣе, чѣмъ даже полевого хозяйства. Остался изъ стараго начальства одинъ полевой староста изъ своихъ мужиковъ, трезвый и хозяйственный, который обдѣлывалъ дѣла гораздо лучше пьянчужки-капитана, собачья-контрощика и дурака-ключника, но съумѣлъ поговорить съ барыней степеннымъ и разумнымъ манеромъ и во-время догадался поскорбѣть о разореніи господскаго добра прибудными людьми.

— Конечно, матушка Татьяна Сергѣевна, ваше превосходительство, лебезилъ Тимофей, твердо вѣрившій, что господь надо заговаривать и что у господь тотъ молодець, кто на языкѣ гораздъ,—какъ знавши мы таперича съ малства вашу милость и батюшку вашего покойнаго енарала, царство ему небесное, супротивъ вашего добра, значить, никакого лукавства сотворить не согласны, и какъ мы есть коренные здѣсь жители и старинные, значить, ваши рабы, такъ мы и должны передъ Богомъ помирать. Люди мы малые—не смѣемъ вашей чести безъ вопросу барскаго свое глупое слово сказать; а только, матушка ваше превосходительство, изволите бранить меня, изволите нѣтъ, — горько намъ смотрѣть, какъ нашихъ коренныхъ господь наслѣдіе да нашлѣй всяческій народъ въ раззоръ разоряетъ!..

Этого было достаточно, чтобы довѣрчивая душа Татьяны Сергѣевны увидѣла въ старостѣ Тимофѣѣ единственный оплотъ своего благосостоянія. Старостѣ сейчасъ-же были сдѣланы разные секретные вопросы, и Тимофей отвѣчалъ на нихъ сдержаннымъ, но рѣшительнымъ голосомъ, осторожно оглядываясь по сторонамъ и покашливая въ руку. Вечеромъ, въ бесѣдѣ съ подругою англичанкою, Татьяна Сергѣевна съ нѣкоторымъ волненіемъ сказала ей:

— Да, милая миссъ, еще не исчезъ этотъ высоконравственный типъ нашихъ старыхъ слугъ, какъ собака вѣрныхъ интересовъ своего господина, прекрасный типъ, который обезсмертилъ вашъ поэтъ въ своемъ „Калебъ-Бальдерстонъ“... Онъ попадается, правда, рѣдко... но, къ счастью нашему, и, я смѣло добавлю, къ счастью всего человѣчества,—еще попадается...

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

Н. И. НОВИКОВЪ

И ЕГО ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ *).

1767-й годъ былъ лучшимъ временемъ екатерининскаго вѣка. Громы побѣдъ не были еще такъ оглушительны, какъ въ послѣдствіи, блескъ и роскошь не дошли еще до своего апогея, государство еще не бчень увеличилось завоеваніями, дворянство не получало еще грамоты о своей вольности и внутреннія реформы только-что начинались, но за то все, повидимому, обѣщало, что для Россіи настали лучшія времена. Государствомъ правила талантливая, образованная женщина, другъ Вольтера и Дидро, поклонница науки и разума, ревностно заботившаяся о распространеніи просвѣщенія, о развитіи литературы, замышлявшая освобожденіе крестьянъ, изумившая всю Европу своимъ либеральнымъ Наказомъ и собраніемъ выборныхъ депутатовъ для составленія новыхъ законовъ. Все горѣло надеждою...

Въ это время выступаетъ на поприще дѣятельности Николай Ивановичъ Новиковъ. Онъ, гвардейскій унтеръ-офицеръ изъ дворянъ, служитъ въ комисіи составленія законовъ протоколистомъ. Сынъ зажиточнаго московскаго помѣщика, Новиковъ родился въ 1744 г. Отецъ его былъ человѣкъ необразованный, жилъ почти безвѣздно въ деревнѣ, и потому домашнее воспитаніе Новикова было

*) Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г. Изслѣдованіе А. Незеленова. Спб. 1875.—Новиковъ и московскіе мартинисты, Лонгинова. М. 1867.—Русское масонство XVIII в., Пыпина, „Вѣстникъ Европы“ 1867, 2—4, 1872 г. 1, 2, 7.—Новиковъ, [Афанасьева, „Библиографическія Записки“ 1858 г. — Дѣло Новикова, Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. II. — Бумаги о Новиковѣ, „Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древ.“ 1867, IV.—„Живописецъ“, изд. 1864.—„Трутенъ“, 1865. Письмо Новикова въ Ручину, „Русск. Архивъ“ 1871, и др.

самое жалкое. Онъ, впрочемъ, учился нѣкоторое время въ московской университетской гимназiи, но былъ исключенъ за лѣность и нехождение въ классы, и вскорѣ послѣ этого, уѣхавъ въ Петербургъ, поступилъ въ гвардію. Такимъ образомъ, онъ не получилъ никакого систематическаго образованія, во всю жизнь свою не зналъ ни одного иностраннаго языка, но природная любознательность и ясный умъ вознаградили его за недостатокъ школьнаго ученія. Бесѣды съ образованными людьми и чтеніе скоро развили его до того, что онъ самъ уже началъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Начинаяшееся вокругъ него общественное движеніе, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, идея „Наказа“, пренія въ законодательной комисіи—все возбуждало молодого самоучку и понемногу затягивало его въ это движеніе.

Подобно Петру, Екатерина II и ея сподвижники старались дѣйствовать на развитіе общества манифестами, указами, инструкціями, которые были въ одно и то-же время и правительственными актами, и литературными произведеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ царица была писательницей въ полномъ значеніи этого слова и ея роскошный кабинетъ былъ на-столько-же, если еще не болѣе, редакціей, какъ и скромная рабочая комната Петра В. Екатерина, Дашкова и ихъ сотрудники подняли русскую журналистику на степень литературно-общественнаго значенія, давъ ей преимущественно-сатирическое направленіе. Новыя идеи, обычаи, учрежденія встрѣчали неизбежное противодѣйствіе со стороны поборниковъ старины, и сатира была превосходнымъ орудіемъ для борьбы съ послѣдними. Къ сатирѣ прибѣгалъ еще Петръ въ своихъ памфлетныхъ указахъ и Прокоповичъ въ своихъ проповѣдяхъ и духовномъ регламентѣ. При Елисаветѣ появляются уже сатирическіе журналы: „Трудолюбивая Пчела“, „Праздное время, въ пользу употребленное“, „Полезное Увеселеніе“, „Свободные Часы“, „Невинное Упражненіе“ и „Доброе Намѣреніе“. Одни уже названія этихъ журналовъ показываютъ, что въ нихъ не было и тѣни серьезной сатиры, да при Елисаветѣ ея и не могло быть, какъ по скудости общественныхъ идеаловъ, такъ и по стѣснительности внѣшнихъ условій. Но вотъ настала вѣкъ Екатерины, европейское просвѣщеніе дало русскимъ свои идеалы, а „мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались“, и сатира оживи-

лась. „Всякая Всячина“, „И то, и се“, „Ни то, ни се“, „Понедѣльщина“, „Смѣсь“, „Полезное съ Пріятнымъ“, „Трудолюбивый Муравей“, „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“—всѣ они болѣе или менѣе ставили своей задачей сатирическое отрицаніе. Но когда мы посмотримъ поближе, что отрицали и, главное, во имя чего отрицали, то увидимъ, что этой сатирѣ не доставало ни энергіи, ни прямоты, ни ясности идеала сатирическихъ выходовъ Петра. Екатерина и сатирики ея времени, напр., хотя и были людьми образованными и въ глубинѣ своей души ревностными послѣдователями идей XVIII в., но никогда не вооружались противъ суевѣрій, ханжества, фанатизма такимъ страстнымъ, вполне искреннимъ словомъ, какое вырывалось у Петра, хотя его идеалы и не были такъ ясны, какъ у поклонниковъ философіи XVIII в. Екатерининская сатира задѣвала злоупотребленія помещиковъ, но никогда не касалась самой основы крѣпостного права. Она постоянно вооружалась противъ судебныхъ злоупотребленій, но сама-же, въ лицѣ своихъ представителей, противодействовала малѣйшему стремленію къ судебной гласности. Она воевала свои вольности, а сама дѣйствовала по строго опредѣленной программѣ, и, восхваляя терпимость, въ извѣстныхъ отвѣтахъ Фон-Визину карала зло „свободолюбчія“. Издѣваясь надъ пустоголовыми подражателями иностранцамъ, надъ свѣтскою полупросвѣщенностью, надъ безтолковыми и легкомысленными послѣдователями европейской мысли, она говорила воее не о томъ, что усвоить цивилизацію нужно съ толкомъ и основательно, что полупросвѣщеніе должно замѣнять полнымъ просвѣщеніемъ, что не подражать слѣдуетъ европейскимъ мыслителямъ, а изучать ихъ и подъ ихъ руководствомъ достигать полной умственной зрѣлости и самостоятельности. Нѣтъ, она не говорила этого, хотя лично нѣкоторые ея представители и сознавали это. Ратуа, по видимому, во имя европейскаго просвѣщенія, сатира въ то-же время проповѣдывала сліяніе науки съ домостроевской премудростью, учила, что просвѣщеніе вредно безъ „изящнаго сердца“, и, пользуясь ультранаціональною оппозиціей началамъ петровской реформы, указывала умственные, нравственные и общественные идеалы въ древнерусской жизни, представляемой въ свѣтѣ славянофильской идеализаціи. И это славянофильничанье у нѣкоторыхъ было рѣшительно неискреннимъ, что еще болѣе роняло достоинство и

значеніе сатиры. Напр., помѣщавшіяся въ „Собесѣдникѣ“ „Записки о российской исторіи“, которыя можно считать однимъ изъ положительныхъ выраженій идеала екатерининской сатиры, были сознательной, систематической фальсификаціей нашей исторіи. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ сатира путалась въ собственныхъ противорѣчіяхъ, то говорила о своемъ серьезномъ направленіи, то утверждала, что цѣль ея—забава, и свои порицанія непременно соединяла съ восхваленіями. Прежде все было плохо, нынѣ все исправляется и наступаетъ золотой вѣкъ,—вотъ постоянный припѣвъ этой сатиры, и Добролюбовъ совершенно справедливо считаетъ первообразомъ ея слѣдующій отрывокъ рѣчи представителя всѣхъ депутатовъ комисіи 1767 г.

„Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго восшествія Богомъ избраннаго и вѣнчанаго всеавгустѣйшаго нашего самодержицы на всероссийскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россиянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззрѣмъ на минувшее. духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы вѣру поруганную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Государственные доходы истощались, потеряна была довольность и угнетена торговля; грабительство, лавомство, корыстолюбіе и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ лицъ ободренные, возрастали съ гибелью народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и, наконецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку“...

„Перемѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей... Со дня восшествія ея императорскаго величества на престолъ, всѣ дни ея можно исчислить благодѣяніями; вредъ и неустройства исправлены и превращены; православная вѣра наша торжествуетъ и зрѣть монархиню, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; правосудіе царствуетъ купно съ ея величествомъ на престолѣ. Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣкается; но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священною сѣнью престола, процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства—земледѣліе и

домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; вездѣ введены полезныя учрежденія, и, словомъ, во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ. Но печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и изливаетъ благодѣянія на времена и будущія“, и пр...

Но несмотря на всѣ свои недостатки, екатерининская сатира приносила извѣстную пользу тѣмъ, что толковала о новыхъ порядкахъ, пронагандировала гуманныя идеи, расширяла кругъ читателей и будила общественную мысль. Подъ ея вліяніемъ складывались и воззрѣнія самоучки Новикова, который въ это время еще далеко не установился въ своихъ убѣжденіяхъ. Традиціи, привитыя воспитаніемъ, принципы „Наказа“, идеи Вольтера, насколько онѣ были знакомы ему по русскимъ переводамъ, отрицаніе поверхностнаго увлеченія всѣмъ иностраннымъ и наклонность къ славянофильской идеализации, — все перемѣшивалось въ молодой головѣ, предоставленной самой себѣ, какъ перемѣшивалось и въ самомъ сознаніи того общества, продуктомъ котораго былъ Новиковъ. Но при неопредѣленномъ эклектизмѣ своихъ мнѣній, при отсутствіи ясныхъ идеаловъ, Новиковъ энергически стремился къ истинѣ и желалъ быть полезнымъ обществу. Выйдя въ отставку, Новиковъ въ 1769 г. началъ издавать „Трутенъ“ и сдѣлался первымъ русскимъ литераторомъ по профессіи. Сказавъ въ предисловіи, что онъ не служить, Новиковъ продолжаетъ: „всякая служба несходна съ моею склонностью. Военная кажется мнѣ безпокойною и угнетающею человѣчество; она нужна и безъ нея никакъ не можно обойтись, она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная — хлопотлива... надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя. И хотя она по сіе время еще гораздо наживна, но, однакожь, она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе и была-бы легче всѣхъ, если-бы не надлежало знать наизусть притворства гораздо въ высшей степени, нежели сколько должно знать его актеру. Къ чему-жь потребенъ я въ обществѣ? Безъ пользы въ свѣтѣ жить — тягчить лишь только землю, сказалъ славный російскій стихотворецъ... Итакъ, вознамѣрился я издавать въ семь году еженедѣльное изданіе подъ заглавіемъ „Трутня“.“ Сотрудниками Новикова были „Дѣло“, № 1, 1876 г.

Эмиль, Тургеневъ, вѣроятно, Радищевъ, но душою изданія былъ онъ самъ, хотя и неизвѣстно въ точности, какія именно статьи писаны имъ.

Сатира Новикова съ особенною энергіей вооружается противъ поборниковъ невѣжества, прикрывающихся маскою ложнаго благочестія. Вотъ, напр., пишетъ изъ деревни своему племяннику помѣщику: „Ты, подѣ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ и учился не пустымъ нѣшнимъ и неприносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху божію: книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библию“. Теперь же ты совсѣмъ развратился: не хочешь вступать въ приказную службу, читаешь свѣтскія книги. „Отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ, грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; и короче связать, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасялъ любви къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцемъ всея вселенныя... посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю...“ Вы говорите, что „за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости“. Знаете ли вы, что такія слова ничто иное, какъ первородный грѣхъ, гордость? А гордыми дѣлаютъ васъ книги. „Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствование, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь-ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнова? Помни только то, что земля еси и въ землю отыдеши. На что тебѣ учиться рѣченіямъ иностраннымъ; языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти: но вы учитесь онимъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона; онѣ васъ прельщаютъ, вы ихъ читаете съ жадностью... вы еще тѣмъ недовольны, что на тѣхъ языкахъ ихъ читаете; но чтобы совратить съ пути истиннаго и незнающихъ чужеземныхъ изрѣченій, вы такія книги переводите и печатаете“.

Еще сильнѣе, чѣмъ это невѣжественное пустошество, „Трутенъ“ преслѣдуетъ поверхностное французское образованіе. Хорошо понимая пользу науки и заграничнаго путешествія, онъ былъ безжалостенъ къ русскимъ, шатавшимся за границую безъ всякаго толку, подобно тому шелопаю, о которомъ онъ объявлялъ: „молодого російскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньей, желающіе смотрѣть могутъ видѣть его безденежно по многимъ улицамъ сего города“. „Трутенъ“ совершенно вѣрно замѣчалъ, что „всѣ наши молодые дворяне, путешествующіе за-границей, привозятъ только извѣстія, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа, но рѣдкій изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, на узаконенія, на полезныя учрежденія и прочее, дѣлающее путешествіе только нужнымъ. Лучше совсѣмъ не ѣздить, чѣмъ ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества“. Этотъ вредъ отечеству сатира видитъ въ развращающемъ вліяніи Франціи, которая не только испортила русскіе нравы, но даже заразила насъ легкомысліемъ. „Явилась новая наука, называемая „украсить голову по-французски“. О приведеніи въ совершенство сея науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченія. И хотя въ Парижѣ заведена академія „волосо-подвивательной науки“, изданы въ народъ печатныя о томъ книги, но, однакожь, по сіе время, также, какъ и философія, она въ совершенство не пришла, изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ такъ-же трудно, какъ и философомъ; да и науки сіи одинакія,—одна украшаетъ голову снаружи, а другая внутри, а что въ первой нынѣ больше прилѣпляются, тому причина мода. Да сіе и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтениѣе украшенной внутри, потому что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другого лучшимъ намъ покажется. А въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитые волосы скорѣе ума примѣтитъ можно: волосы снаружи, а умъ внутри“. Виѣстѣ съ другими сатириками, Новиковъ нападаетъ на французскихъ „побродягъ“ и мошенниковъ, которымъ ввѣряется воспитаніе юношества, „будущей опоры

государства". Отъ нихъ русскіе научаются только модному разврату, мотовству, безсердечному волокитству. Модное житье супруговъ на разныхъ половинахъ, частая перемѣна любовниковъ и любовницъ, отсутствіе истинной любви, пустота щеголихъ и щеголей постоянно подвергались насмѣшкамъ „Трутня“ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Всѣ эти нападки были горячи, искренни и вообще справедливы; но Новиковъ, какъ и всѣ другіе сатирики, ошибался, осуждая всѣхъ русскихъ, воспитавшихся подъ французскимъ вліяніемъ. Что большая часть иностранныхъ учителей состояла изъ невѣжественныхъ и праздношатавшихся авантюристовъ, это совершенно вѣрно; но между ними встрѣчались, хотя рѣдко, люди образованные и вполне достойные. Совершенно вѣрно также, что большинство русскихъ баръ усваивало только мишуру цивилизаціи и увлекалось наукой только по модѣ; но между поклонниками просвѣщенной Франціи было не мало и такихъ людей, увлеченія которыхъ были вполне серьезны и сознательны. Никто, наконецъ, не будетъ отрицать, что литература и образъ жизни французской аристократіи сильно отозвались на легкости русскихъ нравовъ, что французскіе гувернеры развращали юношество, въ то время, какъ родители окружали себя французскими метрессами, а родительницы баловались съ французскими парикмахерами и дрессированными по-французски „болванчиками“, какъ назывались тогда на модномъ жаргонѣ любовники; но всѣ эти явленія были неизбѣжнымъ результатомъ паденія терема и домостроевскихъ началъ. Легкость нравовъ была-бы и безъ европейскаго вліянія, и мы даже убѣждены, что безъ него она была-бы еще грубѣе, необузданнѣе, какъ это видимъ въ какой-нибудь Вухарѣ. Новиковская сатира не понимала этого, дѣ и не могла понимать, потому что сама была не далека отъ домостроевскихъ воззрѣній. Нападая на русское невѣжество и на поверхностность французской образованности нашихъ баръ, „Трутень“, повидимому, стоялъ за солидное, основательное знакомство съ наукой и политическою жизнью Европы. Новиковъ, конечно, не могъ не сознавать превосходства цивилизаціи надъ патриархальнымъ бытомъ, но его, съ одной стороны, пугали тѣ мрачныя явленія, которыя были результатомъ разложенія стараго порядка, а не предвѣстникомъ новаго; съ другой стороны, онъ, не успѣвъ освободиться отъ привитаго къ нему воспитаніемъ традиціоннаго міровоззрѣнія, не только не сочувствовалъ

вполнѣ просвѣтительной философіи вѣка, но даже плохо зналъ ее. Стремясь къ просвѣщенію, онъ не обладалъ тою отвагою ума, при которой только можно быть вполнѣ послѣдовательнымъ, и, боясь сдѣлать лишній шагъ къ отысканію идеала впереди, начиналъ искать его позади себя, въ древнерусской жизни. Тогданней образованности онъ предпочиталъ деревенское невѣжество чуждое мишуры и пороковъ цивилизаціи (Трутенъ, т. I, стр. 44, 54), и, оплакивая паденіе древнерусскихъ добродѣтелей, утверждалъ даже, что прежде люди отличались солидною любовью къ просвѣщенію, которая была такъ дорога Новикову, что онъ не преминулъ приписать ее идеализированной имъ старинѣ! „Въ старину думали, что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый вѣкъ жить, т. е. посвятить себя наукамъ, изъ чего сдѣлали пословицу: вѣкъ живи и вѣкъ учишь“. Въ то-же время Новиковъ обличаетъ многія явленія чисто-древняго русскаго происхожденія, напр. пустосвятство, крючкотворство, безсовѣстность приказныхъ, продажность суда. Онъ и самъ понималъ, что все это остатки прежняго варварства, и нерѣдко бичевалъ этихъ представителей старины, въ родѣ, напр., того судьи, который „подчиненнымъ своимъ ничего не приказываетъ, не сказавъ „во святой часъ“ и не прочитавъ молитву пресвятой Троицѣ; дѣла подписываетъ перекрестясь, говоря „честной-де крестъ на враги побѣда“, несмотря, что тѣ его враги бываютъ иногда законы, истина, правосудіе, честь и добродѣтель“. Такимъ образомъ, и увлеченіе стариной было столь-же неполнымъ, какъ и увлеченіе цивилизаціей, но отбрасывая отъ той и другой все, что казалось ему ложнымъ и вреднымъ, Новиковъ все-таки колебался между этими двумя крайностями и какъ-бы ошупью отыскивалъ идеальную средину.

Обличая недостатки и злоупотребленія судовъ, новиковская сатира и не думала касаться самаго принципа, изъ котораго неизбежно вытекало зло; она мечтала не о реформѣ законовъ, а объ исправленіи судейскихъ нравовъ; читала мораль объ исполненіи законовъ и рисовала образы идеальныхъ прокуроровъ. Но въ этомъ случаѣ смыслъ ея, по крайней мѣрѣ, ясенъ; мы видимъ, чего хотѣлъ, на что надѣялся Новиковъ; его-же отношенія къ крестьянскому вопросу гораздо темнѣе и запутаннѣе. Новѣйшій біографъ Новикова, г. Незеленовъ, силится доказать, что уже въ „Трутяѣ“

есть ясная политическая идея освобожденія крестьянъ. Дѣйствительно, Новиковъ относится къ крестьянству съ любовью, съ глубокимъ сожалѣніемъ, и живо рисуешь бѣдственную судьбу его подъ игомъ крѣпостного права, какъ, напр., въ превосходныхъ „отпискахъ крестьянъ“ и „копіи съ помѣщичьяго указа“ (Трут., стр. 158—162, 181—186.) Онъ идетъ даже дальше простыхъ изобличеній злоупотребленія помѣщичьей власти и проводитъ идею объ естественномъ равенствѣ людей, о томъ, что крестьянинъ такой-же человѣкъ, какъ и баринъ. Описавъ злодѣя, мучителя крестьянъ, Злорада, „Трутенъ“ прописываетъ ему такой рецептъ: „чувствованій истиннаго человѣчества 3 лота, любви къ ближнему 2 золотника и соболѣзнованія къ несчастію рабовъ 3 зол.“. Ужь гораздо основательнѣе было-бы прописать лекарство Фон-Визина, которое онъ заставилъ своего Правдина поднести г-жѣ Простаковой въ видѣ опеки надъ ижѣніемъ. Вотъ другой рецептъ—Безразсуду.

„Безразсудъ болѣе ижѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, а крестьяне; но что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкомъ. Никогда съ ними не только что не говорить ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они, по восточному обыновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды и день, и ночь, работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ, но почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но совсѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но Божіе и господское. Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а Безразсудъ ихъ обираетъ. Безразсудный! развѣ забылъ ты, что ты сотворенъ человѣкомъ, неужели ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты,

что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когда-же ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою яко извергомъ человѣчества, превратившимъ нужное подчиненіе въ иго рабства. Но Безразсудъ всегда твердить: я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне.

„Отъ сей вредной болѣзни рецептъ: Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.“

Логическій выводъ изъ сказаннаго—освобожденіе крестьянъ, но сатира Новикова и на этотъ разъ отступила передъ логическимъ выводомъ и начала читать Безразсуду мораль, что есть, дескать, помѣщики-отцы, у которыхъ крестьяне благоденствуютъ, и т. д. Г. Незеленовъ видитъ въ этомъ извѣстный приемъ, сдѣланный съ цѣлью провести статью, но если-бы Новиковъ дѣлалъ подобныя оговорки именно въ такомъ смыслѣ, то для него было-бы совершенно достаточно указать на хорошихъ помѣщиковъ и тѣмъ смягчить рѣзкость статьи; но онъ этижъ не ограничивается и, обращаясь къ Безразсуду, говоритъ, что истинные человѣки должны гнушаться имъ, „яко извергомъ, преобращающимъ *нужное подчиненіе* въ несносное иго рабства“. Что Новиковъ, будто-бы, „считалъ крѣпостное право вообще явленіемъ ненормальнымъ, объ этомъ, по мнѣнію г. Незеленова, положительно свидѣтельствуютъ два мѣста „Трутня“: въ одномъ мѣстѣ, рассказывая о смерти помѣщика, сатирикъ выражается: онъ „переселился въ то мѣсто, въ которомъ чужихъ душъ никто не желаетъ“; въ другомъ мѣстѣ Правдинъ пишетъ издателю „Трутня“: „изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще, — похвально; но коекаго-жъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ!“ Гдѣ-же тутъ отрицаніе крѣпостного права? Второе мѣсто еще яснѣе: Новиковъ не только сожалѣлъ крестьянъ, находившихся во власти дурныхъ господъ, но и вообще сочувствовалъ положенію мужика,

его бѣдности и т. д. Вообще, въ „Трутенѣ“ нѣтъ ни одной фразы, ни одного слова, въ которыхъ-бы можно было видѣть ясный намекъ на освобожденіе. По всей вѣроятности, Новиковъ въ это время еще не уяснилъ себѣ отвѣта, котораго настойчиво требовалъ крестьянскій вопросъ, и вслѣдъ за Подѣновымъ и нѣкоторыми либеральными депутатами комисіи, думалъ только объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей. Столь-же умѣренны были, не смотря на ихъ наружную рѣзкость, и его выходки противъ словесныхъ предразсудковъ. Онъ нападалъ на глупое презрѣніе къ *подлому* народу, на дворянскую спѣсь, на господъ, подобныхъ Недоуму, который „неоднократно подавалъ проекты, чтобы простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ“, такъ-какъ онъ считалъ унижительнымъ для себя даже дышать однимъ воздухомъ съ мужиками, хотя „и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство“. Но всѣ эти нападки имѣли лишь тотъ смыслъ, что мужики — „человѣки“, что хорошій крестьянинъ лучше дурного дворянина, что образованный мѣщанинъ полезнѣе невѣжественнаго барина. На одну вакансію, рассказываетъ „Трутенъ“, просятъ два дворянина — одинъ глупъ и невѣжественъ, но родовитъ, другой незнатенъ, но человѣкъ хороший. „Третій проситель мѣста, по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлый: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ. Природный его разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи, и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ-бы онъ не зналъ или о которыхъ-бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истины, помощель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества“. „Читатель! угадай (заключаетъ авторъ статьи): глупость-ли, поддѣрвливаемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью награждаются?“

Какъ ни умѣренны были обличенія и требованія новиковской сатиры, но она все-таки стояла неизмѣримо выше общаго умственного и нравственного уровня тогдашняго образованнаго общества и честно шла къ своей цѣли, хотя и не выработала еще себѣ никакихъ ясныхъ общественныхъ идеаловъ. „Трутенъ“ вооружилъ противъ себя многихъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ было мало восхваленій и онъ не очень усердно слѣдовалъ обычаю тогдашнихъ

сатириковъ приподносить лесть во всѣхъ видахъ, даже въ видѣ грубости. Органомъ этого недовольства сдѣлалась „Всякая всячина“, въ которой участвовала сама Екатерина. По поводу новиковскихъ нападокъ на взяточничество и неправосудіе „Всякая всячина“ писала:

„Случалось мнѣ слышать отъ одной части моихъ согражданъ изрѣченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отчего-бы такой вредъ къ намъ вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудіи, наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признаться долженъ, что, можетъ быть, никогда и нигдѣ, какое-бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархія имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комисіи и уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ-же теперь болячка, на которую жалуются, то-есть, что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ-ли? 2) Въ судьяхъ-ли? 3) Въ насъ-ли самихъ?

„Законы у насъ запутаны, о томъ сомнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вообще съ Европою; но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что ея величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній: слѣдовательно, питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузій. А между тѣмъ, когда новые поспѣютъ, будемъ жпть, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышемъ противу нихъ, что мы ощущаемъ болѣе отъ вышней власти челоѡколюбія, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противорѣчащіе законы. Итакъ, правосудіе не въ самихъ законахъ.

„Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнотружущихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во

Франціи, покупають за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. Итакъ, у кого есть деньги, тотъ судья, хотя-бы онъ никакого знанія не имѣлъ. Почему въ семь случаѣ наши обычаи немного разнятся отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена-ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній? — то никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно, жалоба на неправосудіе отчасти падеть на судей и на нравы“.

Въ заключеніе, „Всячина“ прямо обвиняетъ въ неблагонамѣренности тѣхъ, которые оскорбляютъ власть „такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобы съ умысломъ случались“, и ругаетъ „дурныхъ шишелей (т. е. „Трутенъ“), которые прожужжали уши о *мнимомъ* неправосудіи судебныхъ мѣстъ“. „Трутенъ“ оправдывался, но „Всячина“ продолжала сгесендо нападать на него, совѣтуя лечиться отъ „черныхъ паровъ и желчи“, говоря, что цѣлью сатиры долженъ быть смѣхъ, веселье, что кто „изо всего составляетъ поношеніе, бранить всѣхъ“, тотъ — „злонравный человекъ“. „Человекъ, который для показанія остроты (говоритъ „Всячина“ о Новиковѣ) не жалѣетъ матери, жены, сестеръ, братьевъ, друзей, каковъ-бы умень ни былъ, достоинъ уничтоженія честныхъ людей, ибо онъ нарушаетъ добронравіе и всѣ должности“. Сочиненія его „мѣстами будутъ слабы, а мѣстами съ огнемъ. Отгадать-же легко можно, что слабыя мѣста будутъ всѣ тѣ, гдѣ добросердечіе и добродѣтели должны блистать, а наполненные жаромъ будутъ тѣ, гдѣ острота со злостію мѣсто имѣть могутъ. Сверхъ того, такое несчастное сложеніе, наполненное злостію и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ“. Раздраженіе было такъ велико, что нѣкоторые желали-бы даже отправить Новикова въ Сибирь, на что намекается въ „Трутенѣ“ рассказомъ про одного господина, говорившаго: „не въ свои-де этотъ авторъ сани садится... Такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе. Въ старыя времена послали-бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія“. „Трутенъ“ примирѣлъ и въ 1770 г. не говорилъ уже о крестьянахъ, а въ 1 № за этотъ годъ помѣстилъ даже поздравленіе съ новымъ годомъ... Но пониженіе тона оказалось недостаточнымъ. Въ бумагахъ Екатерины со-

хранилось черновое письмо ея, очевидно, къ Новикову: „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сегодня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видѣлъ. Я чаю, вы безъ бороды еще; по молодости и вздумали, чаю, что весь свѣтъ переимѣнится, койчасъ вы еженедѣльно начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои отъ насъ, стариковъ, однако не скрылись,—мы, небойсь, съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать...“ Окончанія письма не сохранилось, но результатъ его извѣстенъ: Новиковъ долженъ былъ прекратить изданіе „Трутня“ на 17 №. Другіе сатирическіе журналы, поддерживавшіе „Трутень“ въ его полемикѣ во „Всеячиной“, „Смѣсь“ и „Адская почта“, тоже прекратились, а вслѣдъ за ними и „Всеячина“. Сатира на-время замолкла.

Такой исходъ полемики былъ, конечно, тѣмъ тяжелѣе для Новикова, что онъ относился къ своему дѣлу горячо и серьезно, между тѣмъ какъ сатирики „Всеячины“ только шутили. Но при всемъ томъ Новиковъ вполнѣ сознавалъ и ограниченность своихъ средствъ, и необходимость дальнѣйшаго самообразованія. На неумѣренныя похвалы почитателей „Трутня“ онъ скромно отвѣчалъ: „вы предпочитаете моего „Трутня“ такимъ славнымъ сочинителямъ, у которыхъ недостойнъ я отрѣшить ремень сапогъ ихъ; итакъ, отъ принятія сей похвалы прошу меня уволить“. „Мое самолюбіе не такъ велико, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы сими бездѣлками льстился заслужить безсмертную славу. Нѣтъ, я увѣренъ, что сіе оставлено къ чести нашего вѣка прославившимся писателямъ, г. Сумарокову и по немъ г. Ломоносову. А „Трутень“ и прочія подобныя ему бездѣлки нынѣ есть и впредь останутся бездѣлками-жь“. Новиковъ въ это время прилежно изучалъ русскую литературу, собиралъ свѣденія о нашихъ писателяхъ, и такъ-какъ онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, добившись какихъ-нибудь знаній или выводовъ, не могутъ удержаться, чтобы не сообщить ихъ другимъ, то результатомъ упомянутаго изученія явился въ 1772 г. новиковскій „Опытъ историческаго словаря о русскіихъ писателяхъ“. Говоря о писателяхъ, Новиковъ перечисляетъ ихъ сочиненія, осыпаетъ ихъ похвалами, вообще нисколько не возвышается надъ общимъ уровнемъ тогдашней дѣтской критики. Но словарь замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ Новиковъ не увлекается

сатирой, чрезвычайно мягокъ и остороженъ въ своихъ приговорахъ. Урокъ пошелъ впрокъ... Далѣе, словарь съ похвалою отзывается, по поводу переводовъ и подражаній русскихъ писателей, и о Руссо, и о Дидро, и о Вольтерѣ, чего не было въ „Трутиѣ“. Самоучка еще видимо колебался между разными вліяніями и то склонялся поближе въ Домострою, то уступалъ увлеченію французскими мыслителями.

Въ 1770 г. сатирическіе журналы возобновились; въ этомъ году начали выходить „Парнаскій Щепетильникъ“ Чулкова, „Пустомеля“ и „Трудолюбивый муравей“ Рубана; въ 1772 — 1773 г. „Вечера“ и „Мѣшенина“. Вслѣдъ за ними выступилъ снова и Новиковъ съ журналомъ „Живописецъ“, принявъ за правило „не разлучаться съ тою прекрасною женщиною, которая называется Осторожностью“. Посвящая свой журналъ будто-бы неизвѣстному автору комедіи „О, время!“, Новиковъ превозносилъ Екатерину до небесъ и въ послѣдующихъ выпускахъ помѣщалъ сплошь и рядомъ громкія оды въ честь императрицы, панегирики Орлову и Панину и т. д. Онъ также не упускалъ случая поговорить о томъ, что сочинительница „О, время!“ указала ему его настоящую дорогу, что онъ въ своей сатирѣ только подражаетъ ея произведеніямъ. На комплименты Екатерина отвѣчала тоже комплиментами, и миръ былъ заключенъ...

„Живописецъ“, безспорно, лучшій сатирическій журналъ XVIII вѣка. Невѣжество и грубость русскихъ нравовъ изображаются въ немъ великолѣпно. Вотъ что, напримѣръ, рассказываетъ въ немъ одинъ баринъ о своемъ воспитаніи. „Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложения тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія только вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или людей на конюшинѣ плетью не сѣкли. Я будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя въ глазахъ моихъ такіе поступки, чрезмѣрную возымѣлъ къ онимъ склонность. Я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу, а что до тиранства принадлежало,

то въ томъ уже и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семь искусствъ гораздо не плохи были. — Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой, по обыкновенію, ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола ясно пересказываетъ“. Понятно, что вышло изъ такого чада. Еще лучше описывается помѣщичій бытъ и воспитаніе въ превосходныхъ письмахъ къ Фалалю, отецъ котораго вспоминаетъ, какъ онъ маленькій вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и поролъ людей такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ отъ смѣха. Воспитанные такимъ образомъ барчата выходили и дрянными людьми, и жестокими врагами просвѣщенія. „Науки сдѣлають-ли меня смѣлѣе, рассуждаетъ воспитанный такимъ образомъ офицеръ, — прибавятъ-ли мнѣ храбрости, сдѣлають-ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ, — такъ онѣ для меня и не годятся! Вся моя наука должна состоять въ томъ, чтобы кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ“. Потерпѣвъ вслѣдствіе своего невѣжества неудачу на службѣ, этотъ бурбонъ вѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно въ свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь съ крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ онъ не имѣлъ никакой жалости, нѣтъ у него и здѣсь никому никакой пощады, и если-бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу военного устава, то не отказался-бы онъ ихъ аркебузировать“. Приказный тоже не видитъ въ наукѣ никакого толку. „По наукамъ-ли чины раздаются? Я ничему не учился, однакожь, я судья. Моя наука въ томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употребить въ свою пользу. Науками-ли получаютъ деньги? Науками-ли наживаютъ деревни? Науками-ли приобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками-ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками-ли дѣлають дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему-же онѣ годятся?“ Точно такъ-же враждебно просвѣщенію и купечество съ его плутнями, грубостью нравовъ, семейнымъ деспотизмомъ, ханжествомъ и т. д. (Живоп., стр. 257 и др.). А „отецъ Тарасій, который, похваляя „Живописца“ за обличеніе по-

роковъ, грозилъ ему карою, если онъ осмѣлится обличать духовенство, и просилъ „нѣчто провозвѣстити и въ нашу пользу, сирѣчь, еже умножится подаянію во обитель нашу“ (стр. 129—131)?.. Но не одни люди стараго закала были враждебны просвѣщенію. Модный волокита Наркизь находить тоже, что наука—пустяки. „Астрономія умножить-ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что мнѣ она? Мафиматика прибавить-ли моихъ доходовъ? Нѣтъ; чортъ-ли въ ней? Физика изобрѣтаетъ-ли новыя таинства къ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ; куда она годится?“ и т. д. „Щеголиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужась! какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученныя—о! онѣ-то совершенно дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны!.. Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши щеголи, украшающіе собою мужескій полъ,—пусть она туда покажется: чортъ меня возьми, ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ... Ученая женщина, ученая женщина! фу! какъ это неловко“. „Волокита рассуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками-ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками-ли имъ нравятся?.. Науками-ли украшаютъ любовь?.. Нѣтъ; такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ... воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть со всѣмъ развязану... Вотъ моя наука! она, безъ сомнѣнія, важнѣе всѣхъ наукъ, и я знаю ее въ совершенствѣ!“

Эти бурбоны, эти Кривосуды, эти Тараси, эти кокетки были совершенно правы съ своей точки зрѣнія и ихъ невѣжество поддерживалось тѣми-же условіями общественной жизни, въ родѣ крѣпостнаго права, которыя порождали и роскошь, и неправосудіе, и развращенность,—словомъ, все, что обличала новиковская сатира. Такъ, напр., „Живописецъ“ еще сильнѣе „Трутня“ преслѣдовалъ легкость нравовъ, этихъ щеголихъ съ ихъ „болванчиками“, щеголей, проводившихъ жизнь въ циническомъ волокитствѣ, знатныхъ дамъ, торговавшихъ своею любовью, мужей, хваставшихъ своими рогами, модницъ, выражавшихся такимъ языкомъ: „мужчина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница“. Вся эта отвратительная разнузданность стояла въ тѣс-

нѣйшей связи со всѣми другими подобными явленіями, но Новиковъ, дойдя до начала такого обобщенія, остановился и по-прежнему началъ вопіять противъ развращающаго вліянія Франціи. Правда, въ „Живописцѣ“ онъ говоритъ объ этомъ гораздо меньше и мягче, чѣмъ въ „Трутнѣ“; онъ восторгается даже Вольтеромъ (I, стр. 15), онъ совѣтуетъ перенимать у иностранцевъ все хорошее и т. д.; но смѣлаго, рѣшительнаго поворота въ пользу европейской цивилизаціи онъ все-таки не сдѣлалъ и на-ряду съ нею восторгался стариной, которую въ то-же время такъ по-зорилъ въ лицѣ Кривосудовъ, Тарасіевъ и другихъ питомцевъ стараго вѣка... Но не выработавъ себѣ прочнаго убѣжденія о характерѣ европейской цивилизаціи, Новиковъ уже въ это время составилъ себѣ совершенно ясный идеаль о цѣли своей дѣятельности. „Желалъ-бы я, говоритъ „Живописецъ“,—чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихкихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ. Если какое-нибудь находитъ она препятство къ тому, чтобы нарециса ей за превосходныя свои совершенства несравненною подь солнцемъ страню, то другого нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ!“ И Новиковъ рѣшился по-возможности устранить его.

Относительно положенія крестьянъ мнѣнія Новикова значительно измѣнились и выяснились въ промежутокъ времени между прекращеніемъ „Трутня“ и изданіемъ „Живописца“. „Живописецъ“ уже говоритъ не о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а о невыносимости самаго крѣпостнаго права, и показываетъ, „сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“, какъ говоритъ превосходный „Отрывокъ изъ путешествія“. Но несмотря на миръ съ Екатериной, Новиковъ не имѣлъ возможности говорить часто и ясно объ освобожденіи крестьянъ. Изъ упомянутаго отрывка, правда, чрезвычайно рѣзкаго, онъ долженъ былъ выпустить „разговоръ путешественника съ крестьяниномъ по нѣкоторымъ причинамъ: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ“. Отрывокъ возбудилъ негодованіе помѣщиковъ, и Новиковъ принужденъ былъ напечатать нѣсколько оговорокъ, ослаблявшихъ его силу. Однакожь, это не помогло и Новиковъ получилъ, кажется, отъ самой Екатерины, такое предостереженіе: „пиши поосторожнѣе: любя тебя, я сожалѣть буду, если пре-

рвется твой журналъ“ („Жив.“, стр. 43.) И вотъ Новиковъ окончательно извращаетъ смыслъ своего отрывка, помѣщая въ журналѣ „Англинскую прогулку“, въ которой пріятель издателя говорить ему:

„Я совсѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, — почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. Тутъ описанъ помѣщикъ, неимѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и, слѣдовательно, описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій!.. Кто не согласится, что есть дворяне, подобныя описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе недостойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнуть въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отъ чего останавливаются и приходятъ въ недоимку государственныя поборы; отъ чего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны; отъ чего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ бываютъ частыя неурожаи хлѣба... Не все-ли проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когда-жъ неуроженію сему причину худыя дворяне, то не достойны-ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, — я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству — дворяне-ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира? Итакъ, вѣрьте, примолвилъ онъ, — что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелью и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ. Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они и всѣ честныя и добросердечныя дворяне никогда не пользуются!..... Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они, не вѣдая вашей цѣли, нивакого не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія, и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели оуждали, что вы не съ той стороны принялись за сію сатиру (??). Напротивъ

того, бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагогоднаго; что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что, наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и чловѣчество, однакожь, будто они, яко благородные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны! Сии гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: наведу ихъ жезломъ беззаконія; а подлинно, но и часто наказываются беззаконіемъ!“

Подобныя вынужденныя объясненія отнимали у сатиры всякое общественное значеніе и затемняли политическую идею моралью, читаемою дурнымъ помѣщикамъ. Новиковъ и самъ въ это время началъ понимать бесплодность сатиры, поставленной въ такія условия. Вотъ что говоритъ у него „Живописцу“ взяточникъ:

„Ты, забывъ законы духовныя, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко-бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки ничто иное, какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я бралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому-же я никого до смерти и не убилъ; правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: много пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? Какъ царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это дѣло особое: у кого-же и украсть, какъ не у царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудеть. Глупый чловѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое—ничто иное, какъ только утайка; а другое—преступленіе противъ законовъ, и достойно внута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали внustomъ; это случалось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку внustomъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ; да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь-ли ты, глупый чловѣкъ, что ты уничаешь попустому? Кто тебя послушается? Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ-

де дѣлаешь безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что-де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты

. Понимаешь-ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. Что ты изъ пустого въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По-нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казни за преступленіе?“

Новиковъ, такимъ образомъ, самъ дошелъ до сомнѣнія въ дѣйствительности моральной сатиры, и это сомнѣніе было тѣмъ мучительнѣе, что идеалы Новикова въ это время были болѣе шатки, чѣмъ когда-нибудь. Онъ менѣе восторгался стариной, чѣмъ въ періодъ „Трутня“, но все-таки оставался пламеннымъ патриотомъ; онъ увлекался нѣсколько французскими мыслителями, но не имѣлъ духа вполне отдаться ихъ направленію; старыя традиціи не удовлетворяли его, а изъ новыхъ вліяній ни одно не было въ силахъ овладѣть имъ окончательно. При такихъ обстоятельствахъ и при стѣснительныхъ внѣшнихъ условіяхъ „Живописецъ“ во второй годъ своего существованія (1773) сильно измѣнился. Въ немъ почти вовсе не помѣщалось сатиръ на русскую жизнь, а вмѣсто того печатались псевдоклассическія статейки о порокахъ вообще, напр., сатиры Буало, Странствіе музъ по землѣ и т. д. Но все это не могло удовлетворить Новикова съ его жаждою практической общественной дѣятельности, съ его желаніемъ будить общество отъ апатіи и заставить его заботиться о своемъ самоусовершенствованіи. Имѣя, какъ мы уже видѣли, самое скромное мнѣніе о своихъ литературныхъ дарованіяхъ, чувствуя свою неподготовленность къ роли вліятельнаго писателя, не выработавъ даже прочныхъ убѣжденій, Новиковъ видѣлъ, что принесетъ гораздо больше пользы, если, не оставляя писательства, посвятить въ то-же время

свои силы другой, болѣе подходящей къ нему дѣятельности, — развитію въ Россіи книгопечатанія и книжной торговли. Во второй части „Живописца“ нѣкто Любомудровъ извѣщаетъ издателя и проситъ „дать знать всеѣмъ мыслящимъ россиянамъ объ учрежденіи общества, старающагося о напечатаніи книгъ“. Новиковъ выражаетъ въ отвѣтъ полное сочувствіе этому обществу, замѣчая, что печать будитъ человѣческую мысль и „соблюдаетъ наилучшимъ образомъ все истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣденія, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ, всегда вредныхъ. Но, по моему мнѣнію, недостаточно сего, чтобы только печатать книги, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ“; нужно расширить книжную торговлю въ столицахъ и создать ее въ провинціяхъ. При этомъ Новиковъ высказываетъ убѣжденіе, что „о распространеніи сей торговли не государю, но частнымъ людямъ помышлять должно“, и что „науки любятъ свободу и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ“.

Но пока Новиковъ не имѣлъ средствъ привести въ исполненіе свою грандіозную мысль и ограничилъ свою дѣятельность собраніемъ, изученіемъ и изданіемъ матеріаловъ для русской исторіи и географіи. Въ 1773 г. начала выходить, при денежномъ пособіи самой Екатерины, „Древняя російская вивліюфика“, которая впослѣдствіи была доведена до 20 томовъ; затѣмъ „Древняя рос. гидрографія“, и въ 1776 г. — „Повѣствователь древностей російскихъ“. Собирая старинные акты и изучая по нимъ народную жизнь, Новиковъ старался издавать ихъ такъ, чтобы они служили не для однѣхъ специально-ученыхъ цѣлей, но и могли-бы заинтересовать публику. Но изданія эти имѣли, къ крайнему огорченію Новикова, мало успѣха. Вивліюфики расходилось въ 1773 г. 246 экземпляровъ, въ 1774 г. — 167, въ 1775 г. только 77. Изучая по издаваемымъ памятникамъ нравы и обычаи старины, Новиковъ снова былъ увлеченъ ею и цѣлью своихъ изданій поставилъ „начертаніе нравовъ и обычаевъ“ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. Вивліюфика и другія подобныя изданія должны были противо-дѣйствовать французскому вліянію, но, видя незначительность ихъ успѣха и подъ напоромъ снова пробудившагося въ его душѣ ультра-патріотическаго увлеченія, Новиковъ поспѣшилъ взяться

за прежніе оружіе и въ 1774 г. началъ новый сатирическій журналъ „Кошелекъ“. Несмотря на то, что „Кошелекъ“ хуже другихъ его изданій, онъ кажется намъ лучшимъ матеріаломъ, характеризующимъ личность Новикова. Даровитый самоучка, стремясь къ истинѣ, блуждая въ хаосѣ различныхъ идей и ученій, не могъ остановиться ни на какомъ пунктѣ, неутомимый умъ его стремился дальше и дальше, но общественное чувство не позволяло ему всецѣло отдаться своему самообразованію и, заключившись въ эгоистическомъ уединеніи, остаться кабинетнымъ мыслителемъ. И Новиковъ повелъ свое самообразованіе гласно, публично. Не дожидаясь того времени, когда сложатся и окрѣпнутъ его идеи, онъ нетерпѣливо дѣлился съ читателями каждою своею новою думою, каждымъ увлеченіемъ, каждымъ сомнѣніемъ. Все, что происходило въ его душѣ, все это немедленно отражалось въ печати, и въ-концѣ-концовъ выходило, что онъ не училъ читателя, а заставлялъ его доходить до всего самоучкой, какъ и самъ онъ. Его журналы были настоящими органами того самообразованія, той пробудившейся умственной самодѣятельности, которая въ екатерининское время началась въ интеллигентной части нашего общества. Это, какъ мы уже замѣтили, лучше всего видно на „Кошелекѣ“. Превознося до небесъ Россію, Новиковъ считаетъ древнерусскіе нравы вполне совершенными и говорить, что еслибы возможно было возвратить ихъ, „тогда-бы можно поставить ихъ образцомъ чловѣку“. Эти добродѣтели, по Новикову, составляютъ сущность народнаго русскаго характера, но онѣ пали подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи. „Кажется мнѣ, говорить онъ, — что древніе російскіе государи якобы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію наукъ и художествъ найдрагоцѣннѣйшее російское сокровище — нравы, погубятся безвозвратно“. Но утверждая это, Новиковъ, какъ ревностный поклонникъ науки, становился въ противорѣчіе съ самимъ собой и начиналъ сомнѣваться въ чистотѣ своего древне-русскаго идеала. Это сомнѣніе выражено въ письмахъ щеголя, защищающаго цивилизацію и указывающаго на темныя стороны древне-русской жизни. „Вамъ было должно родиться (говоритъ издателю врагъ нашей старины) давно-давно, то-есть, когда древнія російскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ

вѣстѣ съ царицами, и тамъ-же обѣдали; когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женились, не выдавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкались въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе сожигали въ срубяхъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуется нынѣ варварствомъ“. Что было въ Россіи въ древнія времена при множествѣ мелкихъ князей? Времена эти не блистали „добродѣтелями человѣколюбивыми“, а славились междоусобными войнами, жестокостью, братоубійствомъ, вѣроломствомъ въ договорахъ и коварствомъ. Царь Иванъ Васильичъ свергъ иго татарское и распространилъ свои владѣнія; но нравы въ Россіи остались тѣ-же и невѣжество тоже: „ибо бичомъ, ярмомъ и мечомъ нравы никогда не исправляются“. При послѣдующихъ царяхъ Россія стала просвѣщаться; но въ чемъ состояло это просвѣщеніе? „Только въ томъ, что россияне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ, — какое просвѣщеніе! Какая рѣдкая добродѣтель! Скажите мнѣ, были-ли въ Россіи науки и искусства, чѣмъ всѣ просвѣщенные народы славятся? Были-ли великіе полководцы, министры, политики? словомъ сказать, во всѣхъ частяхъ наукъ, художествъ и просвѣщенія были-ли великіе люди? — Никакъ“. Вы восторгаетесь древнею Русью (обращается авторъ письма къ издателю), основываясь только „на словесныхъ объявленіяхъ старожилонъ, которые говорятъ: въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны“, и проч., но „не всѣ словесныя извѣстія заслуживаютъ вѣроятія“. Кто-бы ни написалъ это письмо, самъ-ли Новиковъ или кто другой, во всякомъ случаѣ Новиковъ считалъ выписанныя нами возраженія „сильными“ и хотя обѣщалъ отвѣчать на нихъ, но не отвѣчалъ. Вѣра въ древне-русскіе идеалы была потрясена въ немъ и его душевное состояніе въ это время было самое тяжелое. „Находясь на распутіи между волтеріанствомъ и религіей, писалъ онъ впоследствии, — я не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ-бы основать душевное спокойствіе“. Въ этомъ-то состояніи онъ применилъ къ масонству.

Первоначальнымъ масонствомъ считается англійское, имѣвшее цѣлью нравственное усовершенствованіе своихъ членовъ и представлявшее возможность дальнѣйшаго развитія, какъ думаетъ Геттнеръ. Но уже въ самомъ зародышѣ масонства лежала его гибель, — мистицизмъ, который при дальнѣйшемъ своемъ развитіи принималъ болѣе и болѣе нелѣпыя формы, подвергался эксплуатаціи со стороны ханжей и разныхъ шарлатановъ и, наконецъ, дѣла дошли до того, что масонство превратилось въ такую-же праздную забаву, какъ фокусы Бредифа. Вызываніе духовъ также практиковалось въ масонскихъ ложахъ, мистицизмъ которыхъ доходилъ вообще до той крайности, на которой онъ удовлетворяется даже фокусами наглаго шарлатана. Другою чертою масонства былъ аскетизмъ. Главною цѣлью масона была упорная борьба съ плотью, міромъ и дьяволомъ. Крайніе масоны доводили „умерщвленіе плоти“ даже до самоубійства, какъ, напр., чиновникъ Вольфъ, уморившій себя голодомъ. Самая организація ордена походила на іезуитскую. Каждый масонъ былъ обязанъ безусловно повиноваться мастеру своей ложи и вообще пачальникамъ. Онъ принадлежалъ ордену духомъ и тѣломъ, и обряды посвященія всѣ были направлены въ полному закрѣпленію новичка. Въ англійскомъ масонствѣ эти обряды были довольно просты, но въ послѣдствіи они дошли до ужасной чертовщины, до фокусовъ, имѣвшихъ цѣлью озадачить и запугать посвящаемого. Когда, напр., посвящаемого вводили въ ложу и внезапно снимали повязку съ его глазъ, — всѣ братья устремляли на него шпаги, а одинъ изъ нихъ стоялъ въ окровавленной рубашкѣ. Затѣмъ его ставили на колѣни для произнесенія клятвы и „братъ ужасный“, поднеся къ нему чашу съ кровью, пускалъ у него кровь изъ груди въ эту чашу, соединяя ее такимъ образомъ съ кровью другихъ братьевъ. У розенкрейцеровъ обряды были еще болѣе эффектны. Какія-же это были тайны, для сохраненія которыхъ нужны были всѣ эти клятвы и обряды? Во всѣхъ подраздѣленіяхъ масонства тайна собственно была одна, — древняя божественная мудрость, дошедшая до масоновъ путемъ преданія отъ Адама. Она состоитъ въ познаніи Бога, человѣка и природы, — познаніи, недоступномъ ни наукѣ, ни сектамъ. Она постигается постепенно, и масонъ, по мѣрѣ постиженія ея, возводился въ званіе высшей степени или „градуса“, какъ выражались у насъ. Въ высшемъ „градусѣ“ розенкрейцества, напр., масонъ научался дѣлать изъ всякаго ме-

тала золото и добывать жизненный эликсиръ. Маги, или братья самага высшаго градуса, могли вызывать духовъ, повелѣвать силами природы, „излечивать всѣ болѣзни, жить нѣсколько сотъ лѣтъ по примѣру праотцевъ, обладать способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра, бесѣдовать съ ангелами, останавливать солнце, отверзать и затворять небо“. Такимъ образомъ, мистицизмъ масонства дошелъ до уровня первобытнаго шаманства, а аскетизмъ превратился въ стремленіе къ наживѣ и сохраненію тѣла посредствомъ жизненнаго эликсира; дѣло кончалось силою и рядомъ чистымъ шарлатанствомъ и пьяными оргіями въ ложахъ.

Масонство появилось у насъ въ первой половинѣ XVIII в. и сильно распространилось при Екатеринѣ. Хорошая сторона нашего масонства заключалась въ его нравственной основѣ. Среди всеобщей распушенности нравовъ, въ обществѣ, опутанномъ пороками и злоупотребленіями, оно побуждало людей къ нравственному усовершенствованію, заставляло ихъ стремиться къ идеалу, развивало чувства терпимости, любви къ людямъ, благотворительности, воспитывало твердые нравственные характеры. Но масонству вредилъ его аристократическій характеръ. Обладая высшею мудростью, оно ревниво оберегало ее отъ остальнаго человѣчества и превращалось въ замкнутую касту, смотрѣвшую свысока на каждаго профана. Проповѣдуя въ теоріи равенство, оно на практикѣ было враждебно ему. Въ русскомъ масонствѣ участвовали только дворяне, когда-же два повара-француза, служившіе у Елагина, представили грамоты, доказывавшія, что они рыцари довольно высокихъ степеней, то Елагинъ былъ очень недоволенъ и началъ обвинять французскихъ масоновъ за допущеніе въ орденъ „всякаго званія людей“. „Братская любовь“ масоновъ тоже была очень отвлеченна и ограниченна. Она должна быть умѣренной, не выходить изъ границъ; масонъ обязанъ помогать только своимъ братьямъ и не обязанъ дѣлать ничего, что можетъ повредить его собственному „благополучію“; что-же касается облагодѣтельствованнаго, то онъ не долженъ забывать, что „обязанъ тому, кто превосходитъ его положеніемъ, происхожденіемъ и средствами“. Для большинства, такимъ образомъ, масонство представлялось отличнымъ средствомъ быть нравственнымъ человѣкомъ безъ ущерба для своего кармана; безъ самопожертвованія. И въ практической жизни масоны часто были самими заурадными личностями, взяточниками, жестокими помѣ-

щиками, какъ, напр., образцовый масонъ Поздѣевъ. Что-же касается теоретической стороны масонства, то съ своимъ мистицизмомъ, съ отрицаніемъ науки, съ своею враждою къ просвѣтительной философіи XVIII в., оно было явленіемъ рѣшительно ретрограднымъ, низводившимъ человѣческую мысль на средневѣковую ступень развитія. „Физическая наука масоновъ, говоритъ Уэвелль, — сдѣлалась магіей, а ихъ астрономія—астрологіей, изученіе состава тѣла стало алхиміей, математика стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, а философія сдѣлалась теософіей“. Русскіе масоны вообще не доходили до „вышнихъ градусовъ“, не отыскивали философскаго камня и т. д., но за то они были менѣе логичны, чѣмъ западные, и многіе изъ нихъ, вступая въ орденъ, мирили его идеи съ ученіями, подъ авторитетомъ которыхъ они были воспитаны. Къ счастью для общества, масонство было чуждо фанатизма и послѣдователи его у насъ вели свои дѣла сплошь и рядомъ съ истинно дворянскою небрежностью, а потому вліяніе ордена не было прочнымъ. Многіе даже посѣщали ложи просто отъ скуки и даже превращали ихъ въ аристократическіе кабаки. Елагинъ рассказываетъ, что онъ въ молодости напрасно искалъ истиннаго масонства. „Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ токмо та истина, что ни я, ни начальники ложъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, при торжественной вечерѣ за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣтѣ пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе оканчивать празднествомъ Бакху“.

С. Шашковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЭТЪ-КОСМОПОЛИТЪ.

(«Стихотворенія графа А. К. Толстаго». Слб. 1867.—«Смерть Іоанна Грознаго» Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Слб. 1866.—«Царь Федоръ Іоанновичъ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Слб. 1869.—«Царь Борисъ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Слб. 1870.—«Князь Серебряный». Повѣсть времянь Іоанна Грознаго. Слб. 1869.)

I.

Въ концѣ прошедшаго сентября умеръ графъ А. К. Толстой, Памяти его было посвящено нѣсколько некрологовъ въ газетахъ, посвящено особое публичное засѣданіе общества любителей русской словесности; въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ графъ Толстой принималъ наиболѣе дѣятельное участіе, напечатано письмо г. Тургенева и исповѣдь графа Толстаго, написанная имъ къ итальянскому профессору де - Губернатису. Наконецъ, въ общемъ собраніи литературнаго фонда г. О. Миллеръ прочелъ критическій разборъ лирическихъ произведеній гр. Толстаго. Вотъ и все. Рябь русской жизни, по которой скользнуло это движеніе, давно уже успокоилась; до глубины движеніе не дошло и смерть гр. Толстаго прошла безслѣдно, вызвавъ почти исключительно только задумчивыя воспоминанія людей, знавшихъ его лично. Отчего это такъ? Отчего и г. О. Миллеръ говорилъ о гр. Толстомъ только какъ о лирическомъ поэтѣ, когда онъ писалъ и драмы, и романы изъ русскаго быта?

Мы не беремся дать полную критическую оцѣнку сочиненій гр. Толстаго уже потому, что еще не опубликованы всѣ его біографическія подробности, да и не напечатаны всѣ его сочиненія. Главный,

основной вопросъ, котораго мы хотимъ коснуться, — отчего смерть поэта, несомнѣнно даровитаго, прошла какою-то легкой рябью и поверхность русской жизни давно уже сравнялась и успокоилась? Вопросъ этотъ, конечно, чисто-психологическій, и чтобы порѣшить его, нужно опредѣлить составъ души гр. Толстаго, вліяніе родины на развитіе его поэтическаго настроенія, и, какъ слѣдствіе этого, вывести уже отношеніе его поэтическихъ силъ къ Россіи.

Смерть гр. Толстаго до того сильно поразила г. Тургенева, что онъ сейчасъ-же прислалъ „Письмо“ къ редактору „Вѣстника Европы“. Г. Тургеневъ говоритъ, что гр. Толстой былъ поэтомъ вполне, всѣмъ существомъ своимъ, что онъ былъ рожденъ поэтомъ, „а это, замѣчаетъ авторъ, — въ наше время вездѣ и пуще всего въ Россіи большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ (извѣстно, что у насъ въ нынѣшнее время *молодыхъ* поэтовъ не ищется), опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія. Положеніе гр. Толстаго въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей. Но онъ остался вѣренъ своему призванію — поэзіи, литературѣ; онъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа; онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора въ лучшемъ значеніи слова“. О драмахъ, романахъ и лирическихъ сочиненіяхъ гр. Толстаго г. Тургеневъ говоритъ, что втѣченіи долгихъ лѣтъ будетъ стыдно не знать ихъ всякому образованному русскому, что гр. Толстой, какъ поэтъ, едва-ли будетъ скоро замѣненъ. Тѣмъ-же, кто могъ-бы заподозрить слова г. Тургенева въ преувеличеніи, онъ замѣчаетъ: „Пусть тѣ, которымъ эти строки попадутся на глаза, не пожимаютъ плечами и не думаютъ, что эта утрата преувеличена мною; смѣю увѣрить ихъ, что проложить и оставить за собою слѣдъ будетъ со временемъ въ состояніи только тотъ, кто пойметъ и признаетъ эту утрату“. Наконецъ, о личныхъ свойствахъ гр. Толстаго г. Тургеневъ говоритъ: „Всѣмъ знавшимъ его хорошо извѣстно, какаю была душа честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно-вѣрная и прямая“. Въ этомъ сердечномъ отзывѣ г. Тургенева частію уже заключается отвѣтъ на поставленный нами во-

прось и мы нарочно привели отзвѣтъ г. Тургенева съ нѣкоторою подробностію, чтобы воспользоваться потомъ имъ, какъ матеріаломъ для вывода. Это отзвѣтъ современника, человѣка одного съ гр. Толстымъ поколѣнія, человѣка одного общественнаго положенія, одного слоя и, такъ-сказать, одной нравственной формаціи. Въ этой характеристикѣ уже видна частію и причина, почему смерть гр. Толстаго произвела лишь легкую рябь на поверхности русскаго общества и не ушла никуда глубже. Еще полнѣе подтверждаетъ мнѣніе г. Тургенева собственно литературная исповѣдь гр. Толстаго.

Поэтъ родился въ Петербургѣ, въ 1817 году. Шестинедѣльными увезли его въ Малороссію, въ которой прошли его первые годы и которую поэтому онъ считаетъ своимъ истиннымъ отечествомъ. Дѣтство гр. Толстаго было чрезвычайно счастливо и оставило въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Не имѣя товарищей въ играхъ и одаренный пылкимъ воображеніемъ, гр. Толстой рано привыкъ къ мечтательности, которая скоро сложилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Воспитанію поэтическаго чувства его много содѣйствовала свѣтлая малороссійская природа. Восьми или девяти лѣтъ гр. Толстой былъ привезенъ въ Петербургъ и съ этого времени и до семнадцатилѣтнаго возраста, когда гр. Толстой выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, онъ безпрестанно путешествовалъ съ своими родителями то по Россіи, то за-границей и часто возвращался въ деревню, природа которой всегда приводила его въ волненіе.

Уже съ шестилѣтнаго возраста гр. Толстой началъ писать стихи, и первый толчекъ къ поэтическому творчеству далъ ему какой-то толстый сборникъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ. Гр. Толстой таскалъ эту книгу повсюду съ собою, выучилъ ее наизусть, уивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усваивалъ себѣ ихъ технику. Независимо отъ поэзіи, гр. Толстой всегда испытывалъ непреодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Особенно сильное впечатлѣніе въ это мѣ отношеніи произвела на него Италія. Онъ посѣтилъ ее въ первый разъ тринадцати лѣтъ и она возбудила въ немъ такой восторгъ, что по возвращеніи въ Россію онъ впалъ въ настоящую тоску по Италіи, доходившую до какого-то отчаянія, которая заставляла его днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда сны заносили его въ его потерянный рай. Рядомъ съ

страстью къ Италиі въ гр. Толстомъ развивалась страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года она приобрѣла надъ нимъ такую силу и онъ предавался ей съ такимъ жаромъ, что посвящалъ охотѣ все свободное время. Говоря о своей любви къ охотѣ, гр. Толстой замѣчаетъ: „Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что моя поэзія писана почти всегда въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ мои соотечественники воспѣваютъ по большей части въ минорномъ“. Нравственное направленіе своихъ произведеній гр. Толстой характеризуетъ, съ одной стороны, отвращеніемъ къ произволу, съ другой — отвращеніемъ къ тому псевдо-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое низвести до низкаго. Въ этомъ двойномъ отвращеніи гр. Толстой видитъ одно и то-же чувство ненависти къ произволу, въ какой-бы формѣ онъ ему ни представлялся. Гр. Толстой говоритъ еще о своемъ отвращеніи къ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзіи. По убѣжденію гр. Толстого, миссія поэта состоитъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ или непосредственную выгоду, — поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, и уже сама любовь съумѣетъ найти себѣ примѣненіе, не нуждаясь въ другой поддержкѣ.

Дѣлая одѣнку своихъ произведеній, гр. Толстой говоритъ, что его историческій романъ „Князь Серебряный“ очень любимъ въ Россіи, „особенно низшими классами“; о „Царѣ Федорѣ“ гр. Толстой замѣчаетъ, что это лучшее, что онъ только написалъ въ стихахъ и прозѣ, и на это лучшее всего больше обрушилось нападеніе въ печати. Свое литературное положеніе въ Россіи гр. Толстой опредѣляетъ такъ: „Я могу сказать, не безъ нѣкотораго удовольствія, что преслѣдуемъ одними и любимъ другими. Еще курьезный фактъ: между тѣмъ, какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера“.

Поэтическая натура — прихотливая натура. Она всегда очень впечатлительна, всегда воспримчива, всегда болѣе или менѣе однообразна. Чуткость и впечатлительность — первая основа поэтической воспримчивости; но способность этой отзывчивости не составляетъ нѣчто безпредѣльно-безграничное, расплывающееся во всѣхъ звукахъ природы, во всѣхъ впечатлѣніяхъ жизни, но имѣ-

еть свой опредѣленный кругъ, въ которомъ впечатлѣнія, возбуждающія подъемъ духа и свѣтлое поэтическое настроеніе, точно также, какъ возбуждающія поэтическое негодованіе, имѣютъ опредѣленную точность. Поэтъ не можетъ быть безразличенъ, иначе онъ потеряетъ всякую опредѣленную фізіономію. Есть поэты, какъ г. Фетъ, на которыхъ дѣйствуютъ лишь одни картины и звуки природы, очень немногобразные и односторонніе, и потому такой-же односторонней и однообразной является его поэзія. Есть другіе, какъ г. Майковъ, лира которыхъ многоструннѣе, душа полнѣе, но резонансъ ея, настроенный хотя и въ мажорный тонъ, отличается классической и официальной торжественностью въ духѣ Державина. — Есть поэты, какъ г. Полонскій, въ душѣ которыхъ необыкновенно много какой-то младенческой чистоты, но ихъ чувство жизни больше общечеловѣческое и лиризмъ ихъ не имѣетъ того марціального характера, способнаго къ пѣснопѣнію, какъ у г. Майкова, а отдается чувству личнаго страданія отдѣльнаго человѣка. Есть поэты, какъ Хомяковъ, Тютчевъ, поэты преимущественно московской почвы, отъ которыхъ отдаетъ русской жизнью и какой-то русской ширью. Есть поэты, какъ г. Некрасовъ, минорная поэзія котораго знаетъ только щемящее русское горе, безконечное, неизлечимое и такое-же однообразно-унылое, какъ хватающая за душу однообразная мелодія русской пѣсни. У всѣхъ этихъ поэтовъ фізіономія весьма опредѣленна и ясна, всѣ они отличаются большимъ или меньшимъ однообразіемъ. Поэтическая лира гр. Толстаго гораздо богаче и разнообразнѣе, резонансъ его души гораздо полнѣе и его поэтической впечатлительности доступна бѣльшая масса звуковъ и впечатлѣній, но за то всѣ они недоконченнѣе, неопредѣленнѣе, такъ что въ талантѣ гр. Толстаго чувствуется недостающее ему какое-то продолженіе, точно гр. Толстому, по его задаткамъ и по многообразію его душевныхъ средствъ, нужно еще развиваться и расти, и послѣднее слово его силъ далеко еще впереди.

Мать-природа для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для поэтическихъ, впечатлительныхъ натуръ всегда была и будетъ вдохновляющей и укрѣпляющей силой. Но что такое природа? Въ чемъ ея вліяніе? Въ чемъ ея вдохновляющая сила? — какой поэтъ это знаетъ? И на гр. Толстаго, какъ это онъ самъ подтверждаетъ, малороссійская и итальянская природа имѣла первое вліяніе, имѣла

на него вліяніе и природа русскаго лѣса, въ которомъ онъ проводилъ съ ружьемъ цѣлыя недѣли одинъ на охотѣ на медвѣдей. Но природа, охватывающая душу гр. Толстаго, если и вліяла на него въ мажорномъ тонѣ, то едва-ли только потому, что, какъ это онъ самъ объясняетъ, онъ ходилъ съ ружьемъ въ рукѣ, поджидая медвѣдей. Безотносительность вліянія природы или, вѣрнѣе, ея объективная красота дѣйствовали на него потому, что онъ, такъ-сказать, видѣлъ ее только въ прекрасномъ видѣ, взятую безъ чловѣка; природа для гр. Толстаго являлась скорѣе красивой панорамой и красивыми видами, на которые онъ любовался издали. И вотъ въ „Крымскихъ очеркахъ“ онъ даетъ рядъ набросковъ, какіе дѣлаютъ иногда живописцы карандашемъ въ своихъ дорожныхъ портфеляхъ, пользуясь вмѣсто карандаша словомъ. Вамъ рассказываютъ, на примѣръ, о неприступной крутизнѣ, надъ которой повисъ туманный небосклонъ; вамъ рисуютъ зубчатую стѣну горъ, раздѣляющихъ югъ отъ сѣвера; тамъ, на сѣверѣ, ночь и снѣгъ; сердитый врагъ веселья — богъ зимы, играетъ мятежно и вьюгой, а на югѣ благоухаютъ розы и угрозы безсильнаго бога зимы не пугаютъ цвѣтущаго берега Крыма:

Надъ нимъ весна младая вѣтъ
И лавръ, Діаной хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣтъ.
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

Это больше ничего, какъ картинка, но картинка, такъ-сказать, неоставляющая въ васъ никакого слѣда.

Иногда наброски гр. Толстаго бывають и еще короче и имѣють характеръ чисто-виньетный. Во второмъ „Крымскомъ очеркѣ“ гр. Толстой говоритъ о тишинѣ полдневнаго жара, когда каждый звукъ въ природѣ замираетъ и только,

Одновучень и гремучъ,
Говорить, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній заключаютъ въ себѣ, дѣйствительно, поэтическое „нѣчто“, кажущуюся поэтическую объективность, не на-столько обяательную, чтобы подѣйствовать на васъ какъ сама природа, и потому оставляющую совершенно безразличное впечатлѣніе. Но не всегда дѣйствовала природа на гр. Толстаго такимъ образомъ; иногда она для него являлась необычно-

венно обязательной и захватывающей силой, сосредоточивала его въ себѣ, шевелила мысли, вызывала свободное чувство въ груди, согрѣвала широкой любовью, и тогда онъ понималъ своимъ вѣщимъ сердцемъ,

Что все, рожденное отъ слова,
 Лучи любви кругомъ ля,
 Къ нему вернуться жаждетъ снова,
 И жизни каждая струя,
 Любви покорная закону,
 Стремится силой бытія
 Неудержимо къ Божью лону,
 И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
 И всѣмъ мірамъ одно начало,
 И ничего въ природѣ нѣтъ,
 Что-бы любовью не дышало...

Еще поэтичѣе отразилось на гр. Толстомъ влияніе природы въ стихотвореніи:

Слеза дрожитъ въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ...

Когда творческая сила создала толпы міровъ, любовь озарила ихъ всѣхъ, какъ солнце, и только на землю нисходятъ порознь ея рѣдкіе лучи. И вотъ мы ловимъ эти отдѣльные лучи любви, о которой шумитъ и лѣсъ своею листвою, и гремитъ потокъ холодной струей, и говорятъ, качаясь, цвѣты. И мы любимъ раздробленной любовью и тихій шопотъ вербы, и взоръ милой дѣвы, и звѣздный блескъ, и всё края вселенной —

И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ...

Но земное горе минетъ, неволя недолга, въ одну любовь мы сольемся всё въскорѣ —

Въ одну любовь, широкую, какъ море,
 Что не вмѣстятъ земные берега.

Это стихотвореніе было-бы много поэтичѣе, если-бы гр. Толстой кончилъ упрекомъ, что ничего мы не можемъ слить вмѣстѣ; послѣдняя-же строфа, во-первыхъ, не ясна, во-вторыхъ, пророчествуетъ о какомъ-то будущемъ сліяніи, точно о загробной жизни, и этой мистичностью отнимаетъ отъ поэтического порыва его возбуждающую ширь.

Но и для самого гр. Толстаго природа не всегда являлась чѣмъ-то возбуждающимъ одинъ внутренней восторгъ. Въ менѣе торжественномъ и въ болѣе ироническомъ настроеніи ему случа-

лось замѣчать, что нельзя-же любоваться безразлично на скалы, на картины природы, —

Ужели вишни не природа,
И тотъ, кто ѣсть ихъ, не поэтъ?

И, конечно, природа не только не мѣшала, а, пожалуй, возбуждала аппетитъ, и силу поэту, какъ древнему Антею, природа давала только тогда, когда онъ дотрогивался до земли. И когда гр. Толстой дотрогивался до земли, онъ пѣлъ свои лучшія поэтическія пѣсни. Въ стихотвореніи „Благословляю васъ, лѣса“. гр. Толстой, подъ настроеніемъ всепрощающей христіанской любви, говорить:

О, если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если-бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Чувство любви необыкновенно сильно въ гр. Толстомъ; оно, такъ-сказать, проникаетъ всего его; оно тянетъ его и къ землѣ, но его любовь всегда хочетъ обнять, соединить все въ одну безконечную цѣпь, въ одно общее звено, и въ то-же время уносить его не на-столько въ небеса, чтобы совершенно отдѣлать его отъ земли. Но земля для него всегда покрыта больше или меньше туманомъ. и то, что на ней происходитъ, отражаясь въ его душѣ, принимаетъ форму субъективнаго, нѣсколько чуждающагося земли лиризма, или-же вызываетъ въ душѣ рефлексію, сомнѣніе, колебаніе, бесплодное исканіе правды и истины. Въ такія минуты гр. Толстой впадаетъ въ мистицизмъ и въ вѣщей силѣ поэта ищетъ отвѣтовъ на вопросы. Какимъ образомъ гр. Толстой смотритъ на поэтическое творчество, онъ высказалъ въ стихотвореніи „Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!“ Вотъ теорія гр. Толстаго, которая, облеченная въ поэтическое слово, принимаетъ совсѣмъ иной характеръ, но высказанная обыкновеннымъ языкомъ, она дѣлается гораздо проще и виднѣе во всѣхъ ея ошибкахъ. Гр. Толстой говоритъ, что творенія художниковъ носятся вѣчно *надъ* землею незримыя. Не Фидій воздвигъ храмъ Зевсу, не Гете создалъ великаго Фауста, не Бетховенъ написалъ свой похоронный маршъ; эти звуки и слова всегда носились въ пространствѣ, и Бетховенъ, глухой для земли, только подслушалъ

неземныя рыданья. Вся природа состоитъ изъ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ, изъ удивительныхъ сочетаній и слова, и свѣта, но передаетъ ихъ только тотъ, кто умѣетъ и видѣть, и слышать, и, уловивъ хотя одну черту рисунка, хоть одно слово, хоть одно созвучіе, можетъ создать изъ нихъ цѣлое. Пусть поэтъ будетъ одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, или глухъ, какъ Бетховенъ, это нисколько не помѣшаетъ его поэтическому творчеству. Нужно только одно,—чтобъ у него былъ слухъ душевный и душевное зрѣніе; когда у него это есть, то въ душѣ поэта непременно выступаютъ картины; ему-же остается лишь внимать и глядѣть, притаивши дыханье, и запоминать мимолетныя видѣнья. На эту, хотя и поэтическую теорію можно сдѣлать только одно возраженіе, что ни Гомеръ не былъ слѣпымъ отъ рожденія, ни Бетховенъ глухимъ отъ рожденія. Ни слѣпой не создастъ въ себѣ картины, если никогда не видалъ природы, ни глухой не вызоветъ въ себѣ никакихъ звуковъ, если онъ никогда ничего не слышалъ. Но гр. Толстой, какъ это видно изъ переложенія его стихотворенія о поэтическомъ творествѣ, держался того поэтического мистицизма, который уже давно утратилъ свой кредитъ, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ, что человѣкъ не родится съ готовой душой, получая на счастье себѣ готовую предвѣчную истину. И когда самому гр. Толстому приходится искать эту истину, то онъ лучше всего доказываетъ на своемъ творествѣ, насколько невѣрна его теорія.

Въ стихотвореніи „Лишь только одинъ я останусь съ собою“ гр. Толстой говоритъ о томъ сомнѣніи, которое разрываетъ его душу. Гдѣ прямая, святая дорога? спрашиваетъ онъ; куда идти, направо или налево, гдѣ искать отвѣтовъ совѣсти? Но и тутъ сердце не даетъ отвѣта;

Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно.

И вотъ онъ пытливо ловитъ каждый звукъ, каждую пѣсню, даже вой вѣтра, а душа все-таки вѣчно недовольна, не находитъ она ни приговора, ни примиренья, ничего не можетъ согласить, разомъ бьется и влопочетъ напрасно, и горестная чаша не проходить мимо. А думы? эти вѣчныя, нескончаемыя думы? И задумывается поэтъ надъ собою, или съ ироніей, или не съ ироніей—это все равно, говоритъ, какъ живется легко на свѣтѣ

тѣмъ, у кого въ головѣ немного добра, и какъ опять трудно
тѣмъ, кому Богъ далъ очи зоркія,

Кому видѣть даль во всѣ стороны.

И гр. Толстой былъ именно въ положеніи человѣка, у кото-
раго разбѣгаются глаза и который стоитъ на распутьѣ и ви-
дитъ въ полѣ не одну, а множество дорогъ; и вотъ онъ пытается
идти то по той, то по другой — .

И пойдетъ впередъ, вернется,
Начинаетъ идти съизнова.

И даже тогда, когда онъ идетъ, онъ засматривается по сторо-
намъ на луга, на лѣса зеленые, но вѣщая внутренняя сила не
говорить ему ничего о правдѣ. Но въ то-же время въ поэтѣ
сильно чувство жизни, порыва и стремленія, въ немъ много любви
и много чувства независимости и свободы, которыя придаютъ
главный оттѣнокъ всей его поэтической дѣятельности. И пока
гр. Толстой отдается своему смутному порыву независимости, пока
онъ хочетъ обнять весь міръ одной общей, всепримирающей л-
бовью, его поэзія и сильна, и обаятельна, и говоритъ въ немъ
гордое чувство свободы, и онъ смѣло хочетъ видать и земной, и
другой власти свое правдивое слово; онъ не лстятъ ни правому
пристрастью, не кадитъ неправой враждѣ:

Не предъ вѣнчанными царями,
Не предъ судилищемъ молвы
Онъ не торгуется словами,
Не клонить рабски головы.

Но и тутъ даже, чувствуя, что для его поэтической природы,
требовательной и ищущей, нѣтъ одной опредѣленной дороги, гр.
Толстой опять возвращается къ своей любимой мысли о прису-
щей поэту истинѣ и говоритъ о несправедливости толпы, поста-
новляющей надъ поэтомъ свой приговоръ, предъ которымъ онъ не
обязанъ склоняться. И вотъ, выдѣляя себя изъ всякихъ неспра-
ведливыхъ приговоровъ и особенно отъ приговора толпы, —

Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
• Склонить свободное чело.

Да, но что-же такое истина, и кто ошибается, толпа или
поэтъ, и какъ узнать, на чьей сторонѣ правда? На этотъ вопросъ

у гр. Толстаго есть отвѣтъ, есть притча о семерныхъ братьяхъ, выѣхавшихъ въ поле, чтобы посмотрѣть, какая такая правда на свѣтѣ:

А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

И вотъ поѣхали братья съ семи концовъ и увидѣли правду съ семи сторонъ. И каждый молодецъ рассказывалъ правду по-своему; поспорили, вынули мечи булатные и изрубили другъ друга до смерти. Полегли за правду, за истину. Каждый молодецъ рассказывалъ свою правду своему сыну, а сынъ рассказывалъ своему сыну —

И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду, за истину,
На великое себѣ разореніе.

Въ „Пантелеѣ-Цѣлителѣ“ и нашъ поэтъ является однимъ изъ такихъ-же добрыхъ молодцовъ; онъ проситъ цѣлителя вылечить добрыми травами бѣдную, хворую братію болящихъ разумомъ, глухихъ, нѣмыхъ, незрящихъ, опоенныхъ злыми отравами. Но какъ между этими больными есть такіе, которые гнушаются всякаго леченія, для которыхъ не существуетъ ни чистой гармоніи звуковъ, ни высокой отвлеченной истины, ни поэтического слова и поэтической формы, а хотятъ они все взвѣшивать и мѣрить, все-же остальное хотѣли-бы уничтожить, —

Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;
И приемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое;
И на этихъ людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалѣй
Суковатя!

Но почему-же поэтъ, проповѣдующій свободу и независимость и допускающій ее даже такъ широко, что онъ все общественное мнѣніе не считаетъ компетентнымъ въ истинѣ, думаетъ, что она живетъ въ палкѣ Пантелея, а иногда увѣряетъ, что ея вовсе нѣтъ, или, говоря словами Гейне о флюгерахъ, которые

Ужъ какъ ни гадаютъ, нивакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться.

Наконецъ, желая сохранить свою поэтическую независимость и дорогу для него свободу, гр. Толстой говорить, что онъ все не боецъ двухъ становъ, а только случайный гость; онъ готовъ поднять свой мечъ за правду, но въ то-же время его жребій въ томъ, чтобы не сходитья ни съ тѣмъ, ни съ другимъ лагеремъ. Полнаго союза у него не будетъ ни съ кѣмъ; его нельзя ничѣмъ подкупить, нельзя заставить его отдаться беззавѣтно одному какому-нибудь знамени, и онъ останется навсегда одинъ, свободный и независимый. Но что-же такое свобода и независимость? Для чего она нужна? Какое слово правды и истины несетъ въ себѣ гр. Толстой, чтобы ему не обращать вниманія ни на мнѣніе толпы, ни на мнѣніе друзей, ни держаться никакого знамени и только ревниво оберегать свою вѣщую силу и поэтическую впечатлительность? Своими произведеніями гр. Толстой не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ; онъ даетъ только чувствовать ширь его міровой любви, стремящейся какъ-бы примирить и слить все въ одно, но у этой любви нѣтъ ничего осязательнаго, опредѣленнаго; у ней нѣтъ конкретнаго образа, къ которому-бы она хотѣла пристроиться и служить ему. Гр. Толстой, говоря самъ о себѣ, замѣчаетъ, что, по его воззрѣнію на миссію поэта, совершенно достаточно, если онъ внушаетъ читателю любовь къ прекрасному, а затѣмъ пусть всякій идетъ своею дорогою. Но вѣдь и у всего прекраснаго есть свой опредѣленный образъ, есть, такъ-сказать, идея, реальное содержаніе; ни поэту, никакому другому человѣку нельзя выдѣлить себя изъ жизни, и эта сторона дѣятельности гр. Толстаго была очень хорошо охарактеризована г. Алмазовымъ въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Г. Алмазовъ сказалъ, что цѣлью нравственнаго существованія гр. Толстаго было почти исключительно поэтическое творчество. „Нашъ поэтъ, сказалъ г. Алмазовъ, — былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые стоятъ выше всякихъ житейскихъ суетъ и дразгъ, которые могутъ повторить за великимъ поэтомъ, нисколько не преувеличивая своего значенія:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,—
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

„Къ нему, сказалъ г. Алмазовъ,—вполнѣ шло то, что говорилъ Гезіодъ про музъ, у которыхъ пѣснь на умѣ, а въ груди сердце беззаботное“. Гр. Толстой, какъ подтверждаетъ это и г. Алмазовъ, не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи и въ своихъ произведеніяхъ не служилъ никакой доктринѣ, никакимъ тенденціямъ. Онъ служилъ одной творческой истинѣ и заботился только о томъ, чтобы выразить ее яснѣе, образнѣе, достойнѣе...

Въ этомъ мнѣніи высказывается то-же идеальное воззрѣніе на поэтическое творчество, какимъ отличался и гр. Толстой, и которыми отличаются всѣ поэты, считающіе свое вдохновеніе единственнымъ источникомъ истины. Но вдохновеніе есть только возбужденное чувство, оно не больше, какъ сила, а цвѣтъ и содержаніе ему даютъ всегда тѣ или другія идеи. Въ своемъ основаніи поэтической идеализмъ не ошибается; онъ ошибается только въ приложеніяхъ, ошибается въ томъ, что каждый поэтъ считаетъ себя непогрѣшимымъ источникомъ міровой правды, непогрѣшимымъ зеркаломъ, отражающимъ безошибочные законы бытія. Но вѣдь тотъ психическій міръ и тѣ вѣчныя чувства, которыя такъ глубоко носилъ и анализировалъ въ себѣ Шекспиръ, развѣ доступны всякому рифмоплету и всякому поэту второй и третьей руки? И у Шекспира содержаніе поэзіи не было безразлично, и онъ былъ по-преимуществу писателемъ своего времени, писателемъ тенденціознымъ. Поэтому едва-ли г. Алмазовъ высказалъ особенную похвалу гр. Толстому, отрѣшивъ его отъ міра.

Гр. Толстаго беспокоили и мучили разныя думы, его разрывали и противорѣчія, и для него не было одной дорожки, по которой-бы онъ шелъ, не было ни одной думушки, которая-бы поглощала всѣ его силы:

Ужь вы, думы мои, думушки,
Не страхнуть васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!

И свои думы поэтъ сравниваетъ съ нивой, которую не скосятъ съ одного маху, не связать въ одинъ снопокъ,—съ нивой, по которой разгуливаетъ вѣтеръ, гнетъ колосья до земли и разметываетъ зрѣлыя зерна:

Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,

Тамъ всходила люта печаль-трава,
Выростало горе горячее.

А горе — это не туманъ, который клубится надъ озеромъ;
туманъ разсѣется и развѣется,

А горе никогда.

Это вѣчное горе наваливается на человѣка не сразу, а собирается малыми тучками, сѣть мелкимъ осеннимъ дождекомъ, сѣть оно давно, безъ умолку, безъ устали, безъ отдыха, и безжалостное горе такъ неутомимо, что вызываетъ вопль отчаянія, вызываетъ просьбу о пощадѣ. Несчастный просить, чтобы горе перестало ломать его, какъ дубъ, по прутикамъ, шипать по листочкамъ; онъ завидуетъ тѣмъ, на кого горе налетало вихремъ и ломало сразу. И это безконечное горе только на минуту даетъ отдыхъ человѣку, и если хотя на минуту взойдетъ изъ-за тучъ солнышко, то только для того, чтобы

Прикачнулась, привалилася
Къ сердцу съизнова грусть обычная
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.

И въ душѣ гр. Толстаго мажорный тонъ, о которомъ онъ говоритъ, не всегда придавалъ торжественный тонъ его поэзии, а давила и его общая тоска, подавляла какая-то безвыходность, безвыходность на-столько непримиримая, что и оставалось только искать спасенія въ ироніи. И въ такія минуты природа являлась для гр. Толстаго именно тѣмъ источникомъ вдохновенія, въ которомъ все говорило ему о живой жизни и о человѣкѣ. Смотритъ поэтъ на морскія волны, какъ онѣ одна за другою гонятся въ перегонку, и дума его, наболѣвшая горемъ, ищетъ въ картинахъ природы исхода и успокоенія.

Сижу я и думаю: что мнѣ тужить за охота,
Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
Вѣдь надобно-жь мѣсто все новымъ да новымъ дружинамъ—
Такъ что-же тужить, коли клинъ выбивается клиномъ?

Въ самомъ дѣлѣ, казалось-бы, чего тужить, если всякое горе сибняется горемъ? Но всякое горе есть въ то-же время дума, и есть думы, которыя можетъ и разумъ обинуть, сможетъ и слово высказать, а есть и такія думы, которыя мелькаютъ безъ образа,

смутно, непонятно, и ихъ такъ-же не поймашь, какъ не приѣдешь гвоздемъ тѣни.

Когда добрый молодець хотѣлъ узнать, какъ горе выходить на добычу, и думалось ему, что вскочивъ на коня и захвативъ тугой лукъ, онъ доѣдетъ свое горе и подстрѣлитъ тоску лютую, горе отвѣтило ему: полно, добрый молодець, брань кидать на вѣтеръ; я не волкомъ бѣгаю и не змѣю ползу, я не коршуномъ бью изподнебесья; я выступаю красной дѣвицей, молодицею, и самъ ты напрашиваешься на горе, самъ ты идешь на-встрѣчу ему. Кромѣ горя личного, есть еще и чужое горе, горе общее, коллективное, горе наслѣдственное и чужое, прошедшее горе, которое мы всѣ осуждены тащить на себѣ. Можно пожалѣть, что „чужое горе“ нарисовано у гр. Толстаго слишкомъ маленькой жанровой картинкой. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній гр. Толстаго, стихотвореніе, производящее щемящее впечатлѣніе и тѣ неисходныя, непримиримыя думы, о которыхъ гр. Толстой говорить такъ часто. Поэтъ говоритъ о горѣ Ярослава, о татарскомъ горѣ, объ Иванѣ Васильевичѣ-горѣ, вскочившихъ въ лѣсной чащѣ къ богатырю, ѣхавшему на конѣ. Богатырь гонитъ ихъ, потому что они отдавили ему плечи и нѣтъ за сѣдломъ мѣста, а они ему отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, витязь, ужь сѣли, долой не сойдемъ!—
И ѣдутъ они на конѣ четверомъ,
И ломится конская сила.

„Эхъ, думаетъ витязь, мнѣ-бъ изъ лѣсу вонъ,
Да въ полѣ скакать на просторѣ.
И какъ я безъ битвы попался въ полонъ!
Чужое, вишь, горе тащить осужденъ,
Чужое, прошедшее горе“.

А г. Алмазовъ думаетъ, что гр. Толстой пѣлъ потому, что поется съ беззаботнымъ сердцемъ. Г. Алмазовъ былъ-бы ближе къ истинѣ, если-бъ сказалъ, что гр. Толстой не слишкомъ близко подходилъ къ настоящему и держалъ себя отъ него поодаль. Прошибла-же его ушибца князей и Ярославлево горе, прошибло-же его и татарское горе, и горе, оставленное намъ Иваномъ Васильевичемъ; но развѣ витязь несетъ только это горе, а другихъ больше у него не было? Почему-же гр. Толстой почувствовалъ и увидѣлъ только то, что было очень давно, и не почув-

ствоваѣ и не увидѣлъ того, что надавило витязя гораздо сильнѣе, чѣмъ усобицы князей и Иванъ Васильевичъ? „Чужое горе“ — стихотвореніе въ народномъ духѣ, больше напоминающее старинную русскую пѣсню, поэтическая поддѣлка подъ народную форму, но не живое, выношенное самимъ поэтомъ, поэтическое ощущеніе. А между тѣмъ мысль была вполне поэтическая, и если-бы гр. Толстой былъ самобитнѣе, былъ крѣпче душою, былъ способенъ на болѣе широкія картины, „чужое горе“ могло-бы послужить матеріаломъ для цѣлой исторической эпопеи. Вѣдь написалъ-же гр. Толстой на чужія, европейскія чувства и мысли цѣлую поэму, — почему-же русское горе не надуумило и не вдохновило его на такую-же поэму?

Мы думаемъ, что то, что г. Алмазовъ возводитъ въ гр. Толстомъ въ достоинство — деликатность и благовоспитанность его мумы, — именно и лишало поэта силы и энергіи. Гр. Толстой, какъ это видно изъ воспоминаній его друзей, отличался особенной мягкостью и былъ на-столько проникнутъ чувствами, которыя-бы мы назвали христіанскими, что онъ даже и въ повѣи не могъ никого обидѣть. Только разъ поэтъ измѣнилъ себѣ, когда просилъ Пантелея-Цѣлителя научить кой-кого палкой уму-разуму. Но вѣдь если у гр. Толстаго нашлась палка для этихъ кого-нибудь, почему онъ не нашелъ палки и для другихъ кого-нибудь? Поэтическое служеніе тоже дѣло грубое. Безъ негодованія у него не можетъ быть силы и безъ злого чувства не можетъ въ немъ явиться и любовь. Благовоспитанность вовсе еще не значитъ безразличность или отчужденіе, и гр. Толстой, конечно, больше всего ошибался, думая, что онъ своею музою возбуждалъ только любовь къ прекрасному. Напротивъ, онъ возбуждалъ и нелюбовь къ дурному, но эта нелюбовь въ немъ самомъ никогда не доходила до негодующей ненависти и сказывалась чаще всего не въ почувствованномъ личномъ ощущеніи, а только въ возбужденіи въ немъ одной поэтической формы. Такими поэтическими фальшивыми монетами, въ которыхъ прекрасная форма вводитъ читателя въ недоразумѣніе, слѣдуетъ признать его стихотворенія въ русскомъ народномъ духѣ, напримѣръ: „Боль любишь такъ, безъ разсудку“, „Ходить спѣсь, надуваучись“. Стихотворенія эти отличаются именно дѣланностью, они не вылились свободно изъ души поэта, а скорѣе надувались имъ подъ вліяніемъ чтенія чисто-народныхъ

произведеній. Въ нихъ вы чувствуете больше русскую, да и то старую форму, и русское старое пониманіе. Истинной народной жизни нѣтъ ни въ одномъ произведеніи гр. Толстаго, да и явиться ей было не откуда. Можетъ быть, и самъ гр. Толстой чувствовалъ это и понималъ свою душевную оторванность отъ дѣйствительной, живой русской жизни, которой ему никогда не пришлось вдохнуть въ себя, потому что онъ росъ и развивался подъ такими впечатлѣніями, которыя его держали всегда внѣ дѣйствительнаго русскаго міра. Онъ и самъ говоритъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ былъ совершенно одинокъ и единственнымъ его товарищемъ была старая книга стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ. Метрическая форма языка произвела на него сильное впечатлѣніе и, упиваясь музыкою ритмовъ, онъ усваивалъ себѣ технику. Эта-то техника играетъ главную роль въ стихотвореніяхъ гр. Толстаго и на-столько беретъ иногда перевѣсъ надъ содержаніемъ, что чувствуется гораздо сильнѣе его.

Гр. Толстому ставятъ въ заслугу многообразіе и то, что его поэзіи были доступны всѣ сферы; такъ говоритъ г. Алмазовъ. И дѣйствительно, поэтическое настроеніе вызывали въ гр. Толстомъ и событія русской исторіи, и жизнь Запада и Востока, и простонародный бытъ, и евангельское слово, и житія святыхъ; въ этихъ словахъ г. Алмазова мы-бы прибавили, что гр. Толстому были доступны и всѣ противорѣчія жизни и природы. На упрекъ И. С. Аксакова, который находилъ въ стихахъ гр. Толстаго излишекъ торжественности и недостатокъ простоты, гр. Толстой отвѣчаетъ, что душа его, влекомая, безпредѣльная, строила не разъ свой псалтырь подъ голосъ грома, но она и не чужда здѣшной жизни, ее манитъ природа и все земное, ему дороги и гражданскія стремленія, но все, что чисто, достойно и сложилось стройно на землѣ, — неужели это послѣдняя грань высокаго призванія поэта и его окончателъная цѣль? Душа его просится еще куда-то выше; есть гдѣ-то еще болѣе чарующее, но что это чарующее, чѣмъ оно манитъ, —

О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Вотъ, конечно, почему гр. Толстой такъ дорожитъ своею поэтической свободой. Въ „Іоаннѣ Дамаскинѣ“ поэтъ заставляетъ голосъ съ небесъ сказать строгому монаху, наложившему обѣтъ мол-

чанія на Дамаскина, что его молитвенные звуки, какъ голосъ съ неба на землю, врачуютъ горести людей и что Господь послалъ своимъ созданьямъ благодать жизни не для того, чтобы они бесплоднымъ истязаньемъ убивали себя и казнили.

По что-жь пѣвца живую рѣчь
Сковаль ты заповѣдью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рѣкой пѣвучей неоскудно.

И старикъ обнялъ Дамаскина, разрѣшилъ ему пѣть снова и просилъ прощенія.

Что слову вольному преградой
Онъ былъ по грубости своей.

Эту мысль о свободѣ поэта гр. Толстой высказываетъ вездѣ и не допуская до поэта никакихъ сдерживающихъ его ограниченій. И чуждый этого ограниченія, гр. Толстой съ одинаковой поэтической силой и въ одинаково обаятельной формѣ говорить то о сонномъ застоѣ, который навѣваетъ на него спящая почтовая станція съ храпящимъ зрителемъ; то онъ обрушивается ироніей противъ дряблости благоразумной золотой середины; то душа его тянется къ воспоминаніямъ о старинѣ и только на ней отдыхаетъ душа; то онъ опять говоритъ, что прошлое исчезло невозвратно, что о немъ не нужно сожалѣть и не нужно бидать взоръ обратно; то онъ жалѣетъ, что тамъ, гдѣ теперь пасеть стада татаринъ молчаливый, „не видно Греціи счастливой“; то душа его рвется въ заоблачный міръ, пытается разорвать земныя узы; то въ необыкновенно поэтическомъ стихотвореніи онъ рассказываетъ о душѣ, которая на вопросъ небесныхъ свѣтилъ, отчего она грустна и отчего плачетъ, отвѣчаетъ, что она не забыла землю и много оставила тамъ страданій и горя:

Здѣсь лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы,—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

То поэтъ хочетъ примирить все и согрѣть и связать все чувствомъ безконечной любви и ищетъ въ душѣ своей миротворенія; то скорбитъ за жизнь, которая сдѣлала съ нимъ недоброе дѣло, бросивъ его въ свѣтскую жизнь; то онъ говоритъ противъ тѣхъ. у кого опускаются руки, и вслѣдъ затѣмъ самъ опускаетъ руки;

то онъ смѣло пускается разрѣшать самые неразрѣшимые вопросы и самонадѣянно думаетъ смѣшать въ своемъ гордомъ сердцѣ

Всѣ чувства, врознь которыя звучать,
И разрѣшить торжественнымъ аккордомъ,
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

То опять впадаетъ въ рефлексію сомнѣній и колебаній и не можетъ рѣшить, что такое старая правда и что такое новая правда; то въ немъ является упадокъ силъ и онъ проситъ у Господа живящей бури, проситъ, чтобы онъ уничтожилъ ржавчину покоя и далъ снова силу карающимъ словамъ. Но зачѣмъ же эти карающія слова, кого карать, за что карать, противъ чего бороться? И поэтъ какъ-будто-бы чувствуетъ, что на свѣтѣ есть нѣчто, противъ чего нужно направить свои силы; это „нѣчто“ не та Баба-Яга повседневныхъ мелочей и дразгъ и всякой дрянни, которую насолили поэту.

Баба, стой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
Сила и воля нужны мнѣ для боя иного—
Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова!

Но какой-же это бой, для котораго нужна поэту сила и воля,—намежь остался только намекъ и поэтъ нигдѣ не высказался ясно и опредѣленно.

Несмотря на эти противорѣчія и противоположности и многообразіе впечатлѣній, у гр. Толстаго не трудно подмѣтить одну общую главную струю, составляющую его исключительную тенденцію; эта струйка есть любовь, — любовь, проникнутая христіанскимъ содержаніемъ, любовь, пытающаяся все соединить и примирить,—любовь эта не имѣетъ у гр. Толстаго соціального отбѣнка и скорѣе склонна къ личной морали; такую она является, напримѣръ, въ „Грѣшницѣ“, гдѣ поэтъ даже измѣнилъ характеръ словъ Спасителя; грѣшница представлена у него простой, жалкой блудницей, душа которой никогда не знала истиннаго чувства; и вотъ когда ей говорятъ, что явился учитель, который всѣ законы Моисея подчинилъ закону любви, который всѣмъ простеръ свою благую руку и не осудилъ никого, которому открыто сердце мышленье и пытающаго взгляда котораго никто не выдержалъ, грѣшница отвѣчаетъ хвастливо:

„Я власти не боюсь ничьей!
Закладъ со мной держать хотите-ль?

Пускай предстанетъ вашъ учитель,
Онъ не смутитъ моихъ очей!"

Но вотъ когда учитель явился, когда онъ взглянулъ на нее своимъ всепроникающимъ взглядомъ, ей стала внезапно понятна вся неправда ея святотатственной жизни, вся ложь ея порочныхъ дѣлъ, она поняла, какъ много благъ и силъ далъ ей Господь и какъ она грязнила ежечасно свою жизнь, —

Блѣднѣетъ грѣшница молодая,
Дрожать открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

Поэтъ взялъ только одну половину мысли учителя и обошелъ молчаніемъ другую ея половину, болѣе широкую; кромѣ личной морали въ словахъ Спасителя было еще нѣчто другое, и въ этой другой половинѣ его мысли именно и заключается вся сила: „и если кто-нибудь изъ васъ считаетъ себя лучше, бросьте въ нее камень“ — и ни у кого не поднялась рука, потому что каждый чувствовалъ на себѣ тотъ-же грѣхъ. Моральное чувство, которое давало любви гр. Толстаго болѣе тѣсное содержаніе, помѣшало ему выразить въ „Грѣшницѣ“ болѣе широкую мысль. Чувство любви, согрѣвавшей гр. Толстаго, носило въ себѣ много той благовоспитанности, которая создается тѣмъ воспитаніемъ и положеніемъ, въ которомъ находился гр. Толстой; на его чувствѣ замѣтно сильное вліяніе библіи и евангелія, которыя всегда сообщаютъ чувству личный и моральный характеръ. Отсюда вытекаетъ безобидный, всеизвиняющій и примиряющій характеръ музы гр. Толстаго, совершенно чуждой того негодованія и злобы и желанія „боя иного“, о которомъ разъ муза поэта обмолвилась случайно. Въ сущности, у чувства любви гр. Толстаго не достаетъ высшаго полета, и та идея, которая высказывается въ „Демонѣ“, едва-ли была для него доступна. Поэтому гр. Толстой могъ написать своего Донъ-Жуана, но никогда не возвелъ-бы „сатану“, искушающаго Донъ-Жуана и пользующагося его слабой стрункой — гордостью, въ величественный образъ того „демона“, который самъ ищетъ всепрощенія любви, чтобы слиться со всею природою въ одну общую, всепримиряющую и добрую силу. Пожалуй, и въ Донъ-Жуанѣ высказывается подобная-же мысль, но только въ ней отъѣнки другіе. Донъ-Жуанъ тоже ищетъ такой любви, которая-

бы сосредоточила въ немъ всѣ его силы, озарила-бы всѣ неясныя стремленія его души; онъ ищетъ такого сердца, съ которымъ могъ-бы составить одно цѣлое, одно звено безконечной цѣпи, которая, въ связи со вселенной, восходитъ все выше къ божеству и только потому не можетъ съ нимъ слиться,

Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!

Но такой любви онъ найти не можетъ; ни одна женщина не отвѣчаетъ его идеалу, и не онъ измѣняетъ имъ, а онъ лгалъ ему, онъ подмѣняли его идеалы и вмѣсто совершенства, котораго онъ искалъ, подставляли ему другую личность. Все это было ложью, и вмѣсто женщины, которую Донъ-Жуанъ ставилъ такъ высоко и дѣлалъ на землѣ небеснымъ исключеніемъ, онъ обнималъ лишь призракъ, и каждая была такою-же, какъ другая. Въ доннѣ Аннѣ Донъ-Жуанъ какъ-будто-бы впервые почувствовалъ другое, и если не полюбилъ ее, то могъ-бы полюбить; но донна Анна умираетъ и въ эту роковую минуту Донъ-Жуанъ чувствуетъ, сколько въ его душѣ того чувства, которое онъ готовъ назвать любовью, а можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ та любовь, которую онъ искалъ. И вотъ Донъ-Жуанъ вызываетъ смерть и проклятіе, онъ вызываетъ на бой весь адъ, потому что не зачѣмъ жить, когда погибла любовь; теперь для него погибло все, и на слова командора: „въ послѣдній разъ молися“, Донъ-Жуанъ отвѣчаетъ въ бѣшенствѣ:

Не хочу!

Клянупо молитву, рай, блаженство, душу,—

И какъ въ безвѣрьи я не покорялся,

Такъ, вѣрацій, теперь не покорюсь!

Мы думаемъ, что гр. Толстой, такъ ревниво отстаивавшій свою поэтическую свободу, былъ меньше всего свободенъ, и меньше всего какъ поэтъ; онъ считалъ поэтической свободой право не искать шаткой опоры въ рукоплесканіи друзей, неужность чужого суда, независимое положеніе передъ чужой властью въ томъ, чтобы не таить передъ нею своей мысли,

Не лстять неправому пристрастью,

Враждѣ неправой не кадить.

Но развѣ кромѣ этой свободы нѣтъ другой свободы, развѣ внутривнѣйшій поэтическій міръ не связанъ никакими точными представленіями и точными чувствами? И вотъ гр. Толстой, нека-

дѣлѣній ни передъ какою властью, неищущій никакого суда, кромѣ своего собственнаго, въ то-же время связанъ чувствомъ поэтическаго космополитизма; его любовь имѣетъ границы не особенно широкія и никогда не доходитъ до того предѣла, гдѣ начинается ненависть, въ которой любовь почерпаетъ новую силу; отражая все, душа гр. Толстаго ни на одномъ частномъ явленіи не развиваетъ вполне своихъ силъ; его поэзія никогда не творитъ громаднѣхъ картинъ, а всегда даетъ, хотя и прекрасныя, законченныя, но небольшія картинки, напримѣръ, ключекъ голубого неба съ облачкомъ, маленькій крымскій видъ съ журчащимъ ручейкомъ, а если отдается болѣе законченнымъ произведеніямъ, хотя-бы въ родѣ „Донъ-Жуана“, или „Грѣшницы“, или „Іоанна Дамаскина“, то въ самомъ чувствѣ замѣчается какая-то надрѣзанность, точно сердце гр. Толстаго или боится, или не можетъ развернуться во весь свой объемъ. Очень часто и самые оттѣнки чувства бываютъ въ немъ неширокообразны и въ большинствѣ случаевъ лишены прочной точки опоры. У гр. Толстаго какъ-будто нѣтъ родины, нѣтъ одного мѣста, къ которому-бы онъ приросъ всеми своими силами, и потому его впечатлительная душа, раскидавшаяся между массой разнообразныхъ ощущеній, каждому отдала только часть себя, но ни разу не обхватила всего впечатлѣнія, ни разу не обхватила цѣлаго горизонта мысли и чувства. Оттого-то поэзія гр. Толстаго производитъ впечатлѣніе какой-то незрѣвшей законченности, точно ей, по ея размаху и космополитической шири впечатлѣній, еще предстоитъ дать что-нибудь вполне законченное и досказанное. Каждое отдѣльное стихотвореніе гр. Толстаго, законченное само въ себѣ, по отношенію къ его космополитическому размаху является пробой пера; и космополитизмъ главная причина, почему гр. Толстой поражаетъ такъ своимъ многообразіемъ. Въ одиннадцатой книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщенъ „Драконъ“, подъ которымъ подписано „рассказъ XII вѣка, съ итальянскаго“. Объ этомъ рассказѣ самъ гр. Толстой писалъ: „пусть Анжело де-Губернатисъ поломаетъ себѣ голову и пороется въ старыя изданіяхъ, отыскивая оригиналъ“; и дѣйствительно, де-Губернатисъ могъ-бы поломать голову, — такъ для космополитическаго таланта гр. Толстаго было легко проникаться впечатлѣніями чуждой ему жизни, чуждой страны.

Мы вполне согласны съ г. Тургеневымъ, что гр. Толстой былъ

рожденъ поэтомъ, а еще больше согласны съ тѣмъ, что однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія. Гр. Толстой именно принадлежалъ къ поколѣнію людей сороковыхъ годовъ, къ тому поколѣнію западниковъ, для души которыхъ Россія представлялась „прекраснымъ далекимъ“, и потому мы думаемъ, что едва-ли г. Тургеневъ правъ, когда говоритъ, что прекрасные образцы, оставленные гр. Толстымъ, втеченіи долгихъ лѣтъ стыдно будетъ не знать всякому образованному русскому. Ихъ будутъ знать и пусть знаютъ. Но мы думаемъ, что рядомъ съ этимъ знаніемъ будущіе поэты, если они явятся, должны будутъ вѣрно понимать и тотъ фактъ, почему смерть гр. Толстаго прошла такъ незамѣтно и почему на нее не отделинулась Россія. Причина этого лежитъ, конечно, не въ недостаткѣ поэтическаго чутья, а въ отсутствіи той сердечной связи, которой недоставало между гр. Толстымъ и Россіей. Его лиризмъ всегда личный лиризмъ. Это лиризмъ чисто-художественный, объективный и поэтически-эгоистичный. Гр. Толстой точно чувствуетъ себя совершенно свободнымъ отъ впечатлѣній окружающей его жизни, и держитъ себя совершеннымъ особнякомъ, отдаваясь одному воображаемому имъ свободному творчеству, хотя въ то-же время онъ рабъ этого творчества, и потому не можетъ связать себя съ общей русской жизнію, что онъ выросъ внѣ ея, подъ иными вліяніями, подъ рукою другой природы и иныхъ интересовъ чувства. Для будущихъ поэтовъ такое положеніе, конечно, будетъ невозможно, потому что они разовьются при иныхъ условіяхъ, въ интересахъ другой мысли, другихъ стремленій, и не повторятъ въ себѣ другого, пережитаго поколѣнія сороковыхъ годовъ.

Въ лекціи, прочитанной г. Миллеромъ въ пользу литературнаго фонда, лекторъ опредѣляетъ гр. Толстаго хотя вообще и довольно вѣрно, но того, что онъ называетъ „злобой дня“, онъ не опредѣлилъ достаточно, и при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ и спасти свѣжую могилу едва умершаго поэта отъ рѣзкаго упрека, онъ все-таки не миновалъ его; объяснивъ равнодушіе публики къ смерти поэта тѣмъ, что онъ былъ чуждъ „злобы дня“, г. Миллеръ миновалъ тѣ причины подобнаго душевнаго строя поэта, которыя можно возвести къ общимъ причинамъ,

а въ нихъ-то и весь вопросъ. Не разъяснивъ ихъ или отдавшись однимъ восхваленіямъ и личнымъ воспоминаніямъ, какъ это сдѣлали г. Алмазовъ и г. Тургеневъ, мы никогда не найдемъ и вѣрнаго аршина для оцѣнки произведеній гр. Толстаго. Но когда космополитическій строй души его выясненъ вполне въ самихъ его причинахъ, все творчество гр. Толстаго принимаетъ совсѣмъ иной характеръ и самая искренность его становится уже другою. Человѣкъ, котораго еще въ дѣтствѣ поразило обаяніе формы и ритма стиха, остался на всю жизнь подъ впечатлѣніемъ этой формы и очень часто не содержаніе принимало у него известную форму, а форма создавала содержаніе. Мы очень хорошо знаемъ, на-сколько это заключеніе друзья гр. Толстаго найдутъ неправильнымъ, но мы-бы хотѣли, чтобы они какъ-нибудь заставили насъ почувствовать перевѣсъ содержанія надъ формой въ томъ литературномъ родѣ стихотвореній, творцомъ котораго считаетъ гр. Толстаго г. Тургеневъ. Не скажемъ-же мы ничего подобнаго о другихъ стихотвореніяхъ гр. Толстаго, о такихъ, напримѣръ, какъ „Горними тихо летѣла душа небесами“. Въ этомъ и въ подобныхъ ему стихотвореніяхъ вы чувствуете дѣйствительно прекрасную душу поэта и они берутъ васъ за живое и вы не видите прекрасной формы, — такъ обаятельно дѣйствуетъ на васъ ихъ прочувствованное содержаніе.

II.

Гр. Толстой по-преимуществу отдавался формѣ и внѣшнимъ впечатлѣніямъ и его творчество зависѣло вполне отъ нихъ. Конечно, внѣшнія впечатлѣнія и для всякаго поэта служатъ источникомъ творчества, но одни поэты на-столько свободны отъ нихъ, что, получивъ толчокъ, они затѣмъ находятъ въ самихъ себѣ очень богатое содержаніе. Такимъ былъ, напримѣръ, Лермонтовъ. Увидитъ онъ, напримѣръ, двѣ высокія горы и онѣ воодушевятъ его на цѣлый рядъ такихъ величественныхъ мыслей и образовъ, вызываютъ такія торжественныя чувства, которыя если и не всегда ясны и соціально-опредѣленны, то всегда возбуждаютъ сильный подъемъ духа и сообщаютъ душѣ вѣрность и энергію. Муза гр. Толстаго не изъ такихъ могучихъ музъ. Свободный поэтъ, какъ

онъ называлъ себя, всегда въ зависимости отъ формъ и мыслей, его одушевляющихъ. Проникается-ли онъ библейскимъ или евангельскимъ словомъ, онъ никогда не освободится отъ ощущеній, ими возбужденныхъ, въ немъ является не самостоятельное творчество, а творчество съ оттънкомъ переложенія. Гр. Толстой никогда не бывалъ свободенъ отъ внѣшнихъ вліяній, но всегда на немъ лежала ихъ печать, и его оригинальность была всегда зависимою, копирующею, но не самопроизвольной и творящей. Эта зависимость отъ чуждаго содержанія, входившаго въ гр. Толстаго извнѣ, причиной того, что его космополитическая муза является глубже и богаче только тогда, когда глубже и богаче причины, заставляющія ее пѣть. Когда гр. Толстой находится подъ вліаніемъ итальянскихъ историческихъ воспоминаній или подъ вліаніемъ идей моцартовскаго „Донъ-Жуана“ и Гофмана, онъ пишетъ, дѣйствительно, очень хорошія вещи, но въ этихъ вещахъ онъ никогда не станетъ выше ни Моцарта, ни Гофмана, ни Данте, которые дали его вдохновенію и содержаніе, и форму. Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что гр. Толстой долженъ быть выше Данте или требовать, чтобы онъ былъ мировымъ поэтомъ; мы хотимъ сказать только, что похвалы друзей поэта нѣсколько преувеличены, и что гр. Толстой именно вслѣдствіе своихъ прекрасныхъ личныхъ качествъ и тѣхъ тихихъ чувствъ, которыми онъ былъ проникнутъ, имѣлъ больше свойства домашняго человѣка и не могъ носить въ себѣ той силы, подчасъ рѣзкой, угловатой, злой, которая жила въ душѣ Лермонтова и сообщала его поэзіи силу. Вѣдь и Пушкинъ, при всемъ своемъ многообразіи и поэтической подвижности, не явился могучимъ и потрясающимъ поэтомъ только потому, что его душа была склонна больше къ тихимъ, домашнимъ чувствамъ. Въ подобной зависимости гр. Толстаго отъ мыслей чужихъ и внѣшнихъ формъ, его одушевляющихъ, лежитъ причина, что его драматическія произведенія, содержаніемъ которыхъ послужила русская исторія, не представляютъ никакого интереса, кромѣ интереса формы, и не подвигаютъ васъ дальше мыслей Карамзина. Вы видите въ нихъ исторію въ лицахъ, переложенную въ стихи. Очень можетъ быть, что гр. Толстой, ради сохраненія исторической правды, и не хотѣлъ давать героевъ иными противъ того, какими ихъ рисуетъ исторія Карамзина, но, съ другой стороны, будетъ такъ-же справедливо возраженіе, что до сихъ

поръ исторія не разъяснила намъ вѣрно ни одной исторической личности, дѣйствующей въ трагедіи гр. Толстаго, и характеры Іоанна Грознаго, Годунова, Василя Шуйскаго остаются и до сихъ поръ психологически неразъясненными. Поэтому мы думаемъ, что передъ гр. Толстымъ лежало вполне открытое поле, на которомъ онъ могъ-бы развернуть вполне свои душевныя силы и создать дѣйствительно что-нибудь новое, если-бы внутренній душевный міръ гр. Толстаго былъ богаче собственными творческими силами и вдохновеніе поэта не зависѣло-бы на столько, сколько оно зависѣло, отъ внѣшнихъ возбужденій. Вѣдь создалъ-же Гёте изъ Гёце Берлихингена, не нарушая внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ, необыкновенно поэтическаго народнаго героя, и никто не укоритъ Гёте за отступленіе отъ исторической правды, хотя его Гёце былъ и не совсѣмъ такимъ въ дѣйствительности. И для гр. Толстаго была возможность уйти далеко дальше того, куда онъ ушелъ, даже пролить на исторію новый свѣтъ, если-бы внутренній психическій міръ героевъ, которыхъ онъ рисовалъ, полнѣе воспроизводился въ его собственной душѣ. Еще разъ скажемъ, что мы вовсе не требуемъ, чтобы гр. Толстой былъ русскимъ Гёте, и мы дѣлаемъ паралели только для того, чтобы опредѣлить точнѣе поэтическое творчество гр. Толстаго, его силу, отношенія его къ русской жизни и тѣ причины и мотивы, которые его возбуждали.

Послѣ заглавія „Смерть Іоанна Грознаго“ мы читаемъ у гр. Толстаго слѣдующія изрѣченія изъ пророка Даниила: „Рече царь: „Нѣсть-ли сей Вавилонъ великій, его-же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моя, въ честь славы моя!“ Еще слову сушу во устѣхъ царя, гласъ съ небесе бысть: „Тебѣ глаголется, Новуходоносоре царю: царство твое преиде отъ тебя, и отъ человекъ отженуть ты и со звѣрми дивными житіе твое!“ И думается намъ, что слова Даниила были именно тѣми пророческимъ содержаніемъ и той основной идеей, которой задался и вдохновился гр. Толстой. Ему хотѣлось объяснить, почему кончилось царство Іоанна и пресѣлся его родъ, тѣми моральными причинами, которыя заключались въ личныхъ свойствахъ царя и въ тѣхъ его поступкахъ, на которыхъ не могло лежать Божье благословеніе. Конечно, и эта моральная точка зрѣнія можетъ служить основаніемъ для задуманной гр. Толстымъ трагедіи. Есть

въ ней, пожалуй, и очень высокій моментъ—персть судьбы, отъ которой зависятъ и жизнь отдѣльныхъ людей, и жизнь царствъ и народовъ. Но мы думаемъ, что роль судьбы, въ томъ видѣ, какъ она понималась древними греками или какъ говоритъ Даниилъ пророкъ, для современной драмы едва-ли уже можетъ имѣть свое прежнее значеніе. Историки-мыслители давно уже постарались устранить, при объясненіи судебъ царствъ и народовъ, религиозно-мистическій и отвлеченный принципъ и указываютъ на причины болѣе близкія, непосредственныя, болѣе ясныя и болѣе зависящія отъ человѣческаго пониманія и человѣческихъ побужденій. На-сколько самъ гр. Толстой уже зависѣлъ отъ этой новой исторической теоріи, видно уже изъ того, что торжественный тонъ, которымъ онъ какъ-бы хотѣлъ проникнуться на основаніи писанія, ему не удался, и персть судьбы является у него неяснымъ и совершенно заслоняется слишкомъ земнымъ поведеніемъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи.

Даже самая величественная фигура всей трагедіи — Іоаннъ Грозный, является чѣмъ-то слабымъ и безцвѣтнымъ. Іоаннъ и всѣ его приближенные точно снимки или копіи съ героев Островскаго изъ московскаго купеческаго быта. Передъ вами грубое самодурство, какое-то баловство разнузданности безъ всякаго высшаго государственнаго историческаго момента. А между тѣмъ Іоаннъ Грозный не былъ такимъ; въ немъ шевелились и высокіе замыслы, жили чисто-правительственныя чувства, и именно въ Іоаннѣ больше, чѣмъ въ какомъ другомъ историческомъ героѣ, можно было найти вмѣстѣ съ очень мелкими и весьма крупныя черты. Не даромъ-же Іоаннъ Грозный производилъ такое впечатлѣніе на Петра Великаго и въ его политикѣ Петръ видѣлъ традиціонное начало, которому хотѣлъ слѣдовать. А между тѣмъ Іоаннъ является у гр. Толстаго лишеннымъ всякой величественности, въ его злодѣйствахъ не достаетъ ничего поэтическаго, точно гр. Толстой пользовался имъ не для того, чтобы создать поэтическій образъ, а для того, чтобы уронить и унижить своего героя. Если бы авторомъ „Смерти Іоанна Грознаго“ былъ кто-нибудь другой, такъ можно-бы было думать, по зная гр. Толстаго, думать такъ нельзя. Слѣдовательно, остается сказать, что Іоаннъ Грозный не въ состояніи былъ вызвать въ душѣ поэта никакихъ другихъ представленій, кромѣ тѣхъ, которыя гр. Толстой и вы-

сказалъ. А между тѣмъ какой былъ прекрасный матеріалъ! На примѣръ, хоть-бы сцена съ волхвами, предсказывающими смерть Іоанна Грознаго въ Ильинъ день. Сцена, когда Іоаннъ катся во всѣхъ своихъ убійствахъ, когда видитъ гнѣвъ божій въ ударѣ зимней молніи въ комнату, гдѣ царь убилъ сына. Іоаннъ пораженъ, въ немъ является и чувство страха отъ предсказанія волхвовъ, чувство боязни божьяго гнѣва; онъ готовъ-бы бороться за свою жизнь и въ то-же время суевѣріе заставляеть дать вѣру предсказаніямъ волхвовъ, а боязнь страшнаго суда вызываетъ въ немъ смиреніе. Царь и человекъ, деспотъ, привыкшій къ слѣпому повиновенію, и слабый смертный, чувствующій свое безсиліе, колеблющійся и не находящій равновѣсія въ душѣ Іоаннъ. И вотъ онъ говоритъ окружающимъ, что его срокъ еще не минулъ, что онъ еще пока царь и отъ него зависитъ покаяться, — и какъ эти два противоположныя чувства—сила и безсиліе—быстро смѣняются въ душѣ Іоанна! Онъ велитъ встать всѣмъ ближе къ нему, влается въ землю и проситъ у всѣхъ прощенія; стоя на колѣняхъ, онъ перечисляетъ бояръ и извиняется передъ каждымъ лично, но когда Шуйскій возражаетъ: „тебѣ-ль у насъ прощенія просить...“, Іоаннъ, точно уколотый тигръ, говоритъ ему грозно: „молчи, холопъ! Я каюсь и унижаться властенъ передъ кѣмъ хочу“. Въ этой сценѣ есть много вѣрнаго, но въ цѣломъ она слаба и безцвѣтна, и Іоаннъ могъ быть много выше и сильнѣе. Преувеличеніе не повредило-бы образу Іоанна и трагизмъ вышелъ-бы натуральнѣе и сильнѣе...

Точно также слаба и меньше, чѣмъ могла-бы быть, сцена съ схимникомъ. Іоаннъ, испугавшись смерти, посылаетъ за схимникомъ, пользовавшимся славою, и который тридцать лѣтъ уже сидитъ въ своей подземной кельѣ и не знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ. Схимникъ оставилъ свѣтъ, когда еще Іоаннъ находился въ цвѣтѣ лѣтъ и славы, въ то время, когда онъ еще завоевалъ Казань. Схимникъ думаетъ, что года славы и блеска еще продолжаютъ, что Іоаннъ по-прежнему грозенъ своимъ врагамъ, что его окружаютъ тѣ-же сподвижники; но узнаетъ отъ Іоанна, что и шведы воюютъ Ливонію, что и ханъ идетъ съ ордою на Москву, что идутъ ногаи, черемисы, и схимникъ говоритъ царю, чтобы онъ послалъ на нихъ своихъ вождей, что они привыкли покорять народы. Этихъ вождей уже нѣтъ, отвѣчаетъ ему Іоаннъ. „Ни одного!

спрашиваетъ схимникъ, — а гдѣ-же Горбатый Шуйскій? — „Казненъ“, отвѣчаетъ Іоаннъ. — „А Ряполовскій?“ — „Казненъ“. — „А Федоровъ?“ — „Казненъ“. — „А князь Михаилъ Воротынскій?“ — „Казненъ“. — „А Пронскій, вк. Турунтай, вк. Щербатовъ, Оболенскій, Кашинъ, Бутурлинъ, Серебряный, Морозовъ?“ — „Всѣ казнены“, отвѣчаетъ Іоаннъ. — „Какъ, до одного?“ — „Всѣ, отче, всѣ“. — Но какъ-же спасти царство отъ враговъ? — „Если-бъ ты не былъ слабъ и хворъ, говорить схимникъ, — я-бы сказалъ тебѣ: встань, государь, и самъ поведи свои поля на брань; но у тебя еще есть сынъ Іоаннъ...“ Оказывается, что и онъ убитъ... Сцена эта, очень оживленная въ первой своей половинѣ, когда Іоанну приходится перечислять всѣ свои убійства, слаба и лишена психологическаго содержанія дальше. Схимникъ выдержанъ, можетъ быть, и вѣрно, но онъ безчувственно-деревяненъ и мертвъ, какъ мумія. Іоаннъ ждалъ его совѣта, Іоаннъ перечислилъ ему всѣхъ тѣхъ, кого онъ убилъ и кѣмъ держалась его сила и царство; но схимникъ остается невозмутимо-спокойнымъ, совершенно равнодушно выслушиваетъ покаяніе царя и нѣтъ у него ни совѣта готоваго, ни слова утѣшенія, ни слова порицанія, ни грознаго упрека, который-бы поднялъ все нутро души Іоанна и показалъ-бы ему ужасъ избіенія, которое онъ совершилъ надъ лучшими людьми своего царства. Это одиночество пустоты осталось точно и неоткрытымъ Іоанну, онъ его какъ-бы и не почувствовалъ, въ немъ и не явилось сознанія грѣха, который онъ совершилъ и надъ собою, и надъ царствомъ. Очень можетъ быть, что схимнику такимъ и слѣдуетъ быть, но если-бъ гр. Толстой сдѣлалъ его похожимъ на пророка Давида, если-бъ вооружилъ его грознымъ словомъ, если-бъ заставилъ Іоанна полѣе и глубже заглянуть въ себя, мы думаемъ, что ни трагедія, ни эта сцена ничего-бы не потеряли. Напротивъ, гр. Толстому представлялся случай именно развить свою мысль о перстѣ Провидѣнія и высказать Іоанну грозящее пророчество и гибель его рода, гибель царства, которое онъ лишилъ самъ всѣхъ лучшихъ его силъ и у котораго, въ моментъ его разложенія, не найдется ни одного человѣка, способнаго его поддержать и спасти. Такимъ образомъ, самъ гр. Толстой какъ-бы отказался отъ своей программы и не выполнилъ ее, какъ онъ это обѣщаль. Конечно, въ „Смерти Іоанна Грознаго“ гр. Толстой и даетъ смерть Іоанна Грознаго; онъ даетъ

слабаго, обезсилѣвшаго, упавшаго духомъ, разбитаго тѣломъ старика, у котораго нѣтъ никакой энергіи и почти впавшаго въ дѣтство, и вообще возбуждаетъ къ Іоанну Грозному чувство сожалѣнія. Всѣ, кто окружаетъ его, — раболѣпіе и ничтожество; даже самыя выпуклыя лица, Василій Шуйскій и Годуновъ, не представляютъ никакой опредѣлительности, хотя именно эта неопредѣлительность и ничтожество ихъ лучше всего могли-бы отѣнить главную мысль гр. Толстаго, если она дѣйствительно заключалась въ пророчествѣ Даниила, которое онъ привелъ. Конечно, „Смерть Іоанна Грознаго“ явилась-бы тогда трагедіей политической и отъ этого она, конечно, не проиграла-бы, а выиграла. Теперь-же гр. Толстой, удержавшійся на моральной точкѣ зрѣнія, не выдержалъ и ее вполне, не выдержалъ до тонкости и психологическаго анализа Іоанна. Гр. Толстой, какъ видно, смутно понималъ историческій трагизмъ царствованія Іоанна Грознаго, — трагизмъ, заключавшійся во всей послѣдующей гибели царства и во всей той безлюдицѣ, среди которой не нашлось никого лучше Годунова и Василя Шуйскаго, а между тѣмъ, если въ исторіи Россіи есть моментъ, напрашивающійся на трагедію, то именно періодъ царствованія Іоанна Грознаго, со всѣми послѣдствіями царившей тогда системы. И наши поэты и драматурги всегда чувствовали, на-сколько заключается поэтическаго матеріала въ этомъ моментѣ русскои исторіи, но ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ; не воспользовался имъ, какъ слѣдуетъ, и самъ гр. Толстой, хотя въ пророчествѣ Даниила онъ нашелъ и такое трагическое указаніе, которое, казалось-бы, должно было дать ему и творческій матеріалъ, и творческую силу, и подробности, которыхъ если и нѣтъ въ самой исторіи, то онѣ-бы и не противорѣчили общему духу ея при болѣе богатомъ вымыслѣ, чѣмъ тотъ, который обнаружилъ гр. Толстой.

Что мысль гр. Толстаго была шире ея выполненія, мы заключаемъ изъ того, что „Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Федоръ Іоанновичъ“ и „Царь Борисъ“ составляютъ трилогію. Въ выполненіи-же идея судьбы и Провидѣнія затушевалась и трагедія вышла изображеніемъ характеровъ. Но если гр. Толстой и самъ понизилъ свой тонъ, ему, конечно, не мѣшало создать характеры болѣе грандіозныя, а не ставить ихъ въ зависимость отъ испол-

ненія актеровъ. Теперь Іоаннъ, какъ историческій образъ и историческое преданіе, чувствуется каждымъ читателемъ гораздо выше и поэтичнѣе, чѣмъ онъ изображенъ у гр. Толстаго. Если гр. Толстой думалъ, что изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, ему нужно набросить тѣнь на нѣкоторые наиболѣе рѣзкіе факты, то дать человѣка меньше—это едва-ли значить побережь искусство и нравственное чувство. У Шекспира такой щепетильности не было и потому его злодѣи всегда злодѣи во весь ростъ, страсти—всегда крайнія страсти, благородство и неблагородство рисуются всегда самыми крупными штрихами и потому впечатлѣніе выходитъ подавляющее. Но гр. Толстой точно боится крайности, его благовоспитанность точно мѣшаетъ ему сказать рѣзкое слово и онъ всегда сдерживаетъ себя въ тяготѣніи къ незадѣвающей никого серединѣ порядочности. Потому, что гр. Толстой удерживаетъ свой поэтический размахъ и слишкомъ заботится о нравственномъ чувствѣ читателя, онъ самъ мѣшаетъ своему собственному росту и боится рисовать большихъ людей. Если-бы гр. Толстой не надѣвалъ такой узды на свой талантъ, если-бы у него при этомъ, можетъ быть, не было еще и другихъ робкихъ соображеній, то весьма вѣроятно, что герои его трилогіи создали-бы большую, прочную славу драматическому таланту поэта. Теперь-же этого нѣтъ, и трагедіи гр. Толстаго, даже и во время ихъ появленія необратившія на себя особеннаго вниманія, едва-ли въ будущемъ займутъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ русской драматической литературѣ. Даже и та торжественность и отсутствіе простоты, которая находится въ поэтѣ И. С. Аксаковъ, не чувствуются въ его драмахъ; весь тонъ ихъ, дѣйствительно, низменный, и хотя дѣйствія совершаются постоянно во дворцахъ, хотя на сценѣ высшіе, первые люди, но все, что они ни говорятъ, всегда какъ-то мизерно, всегда деревенски-просто. Иногда-же гр. Толстой вводитъ въ чистое недоразумѣніе неопредѣленностью тона и сатирическимъ его оттѣнкомъ. Такъ, въ сценѣ между Федоромъ и стремяннымъ Федоръ спрашиваетъ, отчего коць его поднялся на дыбы; стремянной отвѣчаетъ на это, что когда царь хотѣлъ подать нищему и сталъ доставать деньги, онъ дернулъ коня за поводья и тотъ началъ дыбиться. На это Федоръ отвѣчаетъ: не давать коню овса, а пусть ѣсть одно сѣно. Но потомъ, когда разъясняется, что конь былъ

степенный, что ему будетъ лѣтъ двадцать пять и что на немъ ѣзжалъ еще покойный царь, Федоръ кладетъ гнѣвъ на милость и говорить:

Ну, такъ и быть, ужъ я его прощу;
Но ѣздить я на немъ не буду болѣ.
Въ табунъ его! И полный кормъ ему
Давать по смерти!

Въ сценѣ примиренія Годунова съ Шуйскимъ, когда рѣчь идетъ объ объявленіи этой радостной вѣсти народу, царь Федоръ, увидѣвъ Голубя, очень обрадовался ему и, забывъ о государственномъ дѣлѣ, заговорилъ съ нимъ о его силѣ. Голубь былъ извѣстный силачъ и боецъ и князю Шаховскому на одномъ вулачномъ бою сломалъ ребро. Узнавъ другъ друга, Голубь и Шаховской при царѣ стали держать закладъ на новый бой; въ ихъ разговоръ вмѣшалась царица Ирина и просить Федора не позволять имъ биться. „Ты думаешь, Аринушка?“ отвѣчаетъ ей Федоръ и затѣмъ, обращаясь къ Шаховскому и Голубю, говорить:

Смотрите-жь,
Не врѣпко бейтесь! Паче-же всего
Подъ ложку берегитесь бить другъ друга,
То самое смертельное есть мѣсто!

Видя, что дѣло идетъ не туда, князь Иванъ Шуйскій напоминаетъ царю, что онъ собралъ народъ не для этого. „Ну, ну, добро, скажи имъ“, отвѣчаетъ Федоръ. И не только въ этихъ двухъ сценахъ, а и вездѣ, гдѣ приходится говорить царю Федору, гр. Толстой всегда накидываетъ на него какой-то сатирической отгѣнокъ. Когда, послѣ перваго примиренія Годунова съ Иваномъ Шуйскимъ, Шуйскій укоряетъ его въ влятвопреступленіи и нарушеніи даннаго слова, царь Федоръ опять ихъ миритъ и, видя, что съ ними сладить трудно, наконецъ, сердится и хочетъ прибѣгнуть къ средству власти. „Я царь или не царь, царь или не царь?“ спрашиваетъ онъ Годунова. — „Ты—царь“, отвѣчаетъ Годуновъ. — „Довольно! Больше и не надо!“ отвѣчаетъ Федоръ и затѣмъ продолжаетъ:

Ты слышала, Арина? Князь, ты слышалъ?
Онъ согласился, что я царь! Теперь ужъ
Не можетъ спорить онъ! Теперь онъ—цыцъ!

И, обращаясь къ Годунову:

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?

Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты,
 Князь, будь спокоенъ! Дмитрія къ себѣ
 Изъ Углича я выпишу сюда!
 И мачиху, и мачихиныхъ братьевъ,
 Всѣхъ выпишу! Что это, въ самомъ дѣлѣ?
 На что это похоже? Даже въ потъ
 Меня онъ бросилъ! Посмотри, Арина!

Ходитъ по комнатѣ и потомъ останавливается передъ Шуй-
 скимъ и Годуновымъ:

Ну, а теперь, какъ я васъ помирилъ,
 Такъ полно вамъ сердиться другъ на друга!
 Ну, полно, шуринъ! Полно, князь! Довольно!
 Ну, поцѣлуйтеся! Ну!

Этотъ странный оттѣнокъ, который гр. Толстой набрасываетъ на царя Федора, не говоря уже про нѣкоторый комизмъ, сообщаемый его образу, противорѣчитъ и послѣднему монологу царя Федора. Сцена эта очень тяжелая, гдѣ всѣ семейные царя являются упавшими духомъ и только въ молитвѣ думаютъ найти себѣ утѣшеніе. „Бездѣтны мы съ тобой, Арина, говоритъ Федоръ,—по моей винѣ мы лишились брака, я остался послѣднимъ потомкомъ царствующей варяжской вѣтви и вмѣстѣ со мною думеть мой родъ. Если-бъ былъ еще живъ князь Иванъ Шуйскій, я-бы завѣщалъ ему престолъ, а теперь богъ-вѣсть кому онъ достанется!

Моею,

Моей виной случилось все! А я—
 Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
 Всѣхъ согласить, все сладить—Боже, Боже!
 За что меня поставилъ Ты царемъ!

Въ этихъ словахъ есть, дѣйствительно, подавляющій драматизмъ, и если-бъ это желаніе добра, которымъ былъ проникнутъ Федоръ, было главной канвой въ его характерѣ, въ изображеніи гр. Толстаго царь Федоръ Іоанновичъ представлялъ-бы и другой интересъ, и, какъ художественное произведеніе, стоялъ-бы много выше.

Слабая сторона трагедіи гр. Толстаго въ томъ, что душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ какъ-то необыкновенно просты и немногосложны, хотя въ то-же время попадаютъ иногда и ха-

раектеры, которыми гр. Толстой придаетъ въ некоторую силу. Такихъ, на примѣръ, является Иванъ Шуйскій, котораго-бы Федоръ готовъ прочесть въ свои наслѣдники. Въ Шуйскомъ происходитъ сильное броженіе, онъ готовъ на государственный переворотъ и даже составляетъ заговоръ, чтобы вмѣсто Федора провозгласить царемъ Дмитрія. Въ Иванѣ Шуйскомъ и энергія, и сила, и въ то-же время рыцарская новизна; это единственный человѣкъ съ закаломъ и который вышелъ-бы гораздо выпуклѣе, если-бы гр. Толстой нѣсколько порасширилъ штрихи, которыми началъ его рисовать. Есть и женскіе характеры, которые привлекаютъ къ себѣ своею силой; такую, на примѣръ, является царица Марья, жена, вдова Иоанна Грознаго, и царица Марья, жена Годунова. Когда Борисъ задумалъ выдать дочь свою, не спросясь согласія жены, за датскаго царевича, царица говоритъ:

Спѣсивъ ужь больно сталъ со мной Борисъ
Феодорычъ. Дочь вздумалъ, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

И женщина эта, дѣйствительно, можетъ поспорить.

Но у гр. Толстаго та или другая сила всегда является въ какомъ-то недоконченномъ видѣ, точно онъ хочетъ нарисовать характеры только въ половину и боится доводить ихъ до конца. Отъ этого онъ очень часто впадаетъ въ тѣ противорѣчія, которыя мы указали уже въ „Царѣ Федорѣ“. И подобную-же невидержку мы находимъ и въ характерѣ Бориса. На-сколько могъ-бы быть хорошъ монологъ Бориса, его гамлетовское „быть или не быть“, когда его начинаетъ посѣщать тѣнь убитаго Дмитрія и когда онъ задается вопросомъ, зачѣмъ совершилъ преступленіе. И, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ! Если онъ убилъ не изъ-за личнаго честолюбія, а только потому, что считалъ себя способнѣе дать народу миръ и спокойствіе, а царству—воротить его прежнюю силу и не достигъ этого — зачѣмъ убійство, за что вѣчное проклятіе за царубійство? Если-же Борисъ исполнилъ свой торгъ честно и отдалъ дань своему отечеству, за что-же является живой Дмитрій, чтобы отнять у Годунова его права? Годуновъ говоритъ, въ другомъ мѣстѣ, что ему не была дорога власть, ему была дорога только слава русской земли, и ради этой славы онъ дѣйствовалъ

всю свою жизнь. И Годуновъ призываетъ въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній самого Бога. Вотъ опять черты, которыми-бы можно было воспользоваться иначе и показать Годунова не исключительно мелочнымъ интриганомъ и миниатюрнымъ честолюбцемъ, а чѣмъ-нибудь побольше карамзинскаго Годунова. Конечно, не во власти Годунова было умиротворить и успокоить Россію. Больше шестидесяти лѣтъ копились и зрѣли въ ней элементы разложенія и неурстройства и только кризисъ и полное обновленіе могли-бы внести въ страну успокоеніе. Годуновъ лично, какъ продолжатель старой системы, не могъ сдѣлать ничего, и даже не потому, что у него не было способностей, а потому, что требовались инныя способности, и потому еще, что у него не достало послѣдовательности. Въ этомъ случаѣ Годуновъ является чисто-трагическимъ лицомъ, — лицомъ, въ которомъ все индивидуальное должно пасть передъ судьбой, противъ которой у него нѣтъ силъ бороться. И вотъ въ чемъ могъ-бы быть превосходнѣйшій матеріалъ въ моментъ просвѣтленія Годунова, когда гр. Толстой заставляетъ его произносить его „быть или не быть“.

Но русскіе характеры у гр. Толстаго всегда имъ обижены, точно онъ въ нихъ не находитъ никакого душевнаго матеріала для идей и понятій высшаго порядка; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ, какъ Борису и сыну его Федору, приходится говорить о новшествахъ, говорить новыми европейскими идеями, все это тоже безцвѣтно и слабо. Но если является герой изъ-за границы, напримѣръ, женихъ дочери Годунова, предъ вами сейчасъ же что-то иное, болѣе богатое и умомъ, и стремленіями, и всѣмъ душевнымъ строемъ.

Причину этого мы видимъ не въ томъ, чтобы у русскихъ героевъ гр. Толстаго было меньше содержанія, а въ томъ, что гр. Толстой не нашелъ содержанія, которое могъ-бы въ нихъ вложить. Ему самому вся прошлая Россія казалась такой, какой онъ ее рисовалъ, и въ себѣ самомъ онъ не находилъ такого русскаго содержанія, которое могъ-бы возвести въ идеаль и вложить въ своихъ героевъ. Какъ поэтъ преимущественно формы, онъ и русскую жизнь чувствовалъ съ ея формальной стороны, и вотъ почему тамъ, гдѣ ему приходится создавать характеры, творить для нихъ содержаніе и мысли, гр. Толстой, по-преимуществу лири-

ческий поэтъ и поэтъ личнаго художественнаго лиризма, не находить матеріала для характеровъ. За то тамъ, какъ, наприимѣръ, въ *Донъ-Жуанъ*, гдѣ готовый матеріалъ идей онъ можетъ черпать щедрой рукой въ произведеніяхъ европейскихъ писателей, — въ характерахъ, которые онъ рисуетъ, является и богатство, и многообразіе, и масса чувствъ и мыслей съ очень тонкими оттѣнками. Для русской-же души и для русскихъ характеровъ у гр. Толстаго оттѣнковъ никакихъ нѣтъ.

Подобное-же внѣшнее творчество, но только въ болѣе сильной степени, видно въ романѣ гр. Толстаго „*Князь Серебряный*“. Гр. Толстой говорить, что романъ имѣлъ три изданія и очень любимъ низшими классами. Мы этому готовы вѣрить, но думаемъ, что едва-ли любовью низшихъ классовъ къ „*Князю Серебряному*“ можно вѣрить гр. Толстаго, какъ романиста. Мы помнимъ время романовъ Загоскина и Лажечникова, помнимъ время романовъ и Вальтеръ-Скота. Загоскинъ и Лажечниковъ зачитывались, дѣйствительно, публикой и едва-ли кому-либо изъ русскихъ романистовъ выпалъ такой успѣхъ. Эта читающая публика не была низшей публикой и не принадлежала къ низшимъ классамъ, какъ выражается гр. Толстой о читателяхъ „*Князя Серебрянаго*“. Если Загоскинъ и Лажечниковъ имѣли свою публику интеллигенцію, а у гр. Толстаго публикой являются низшіе классы, то, очевидно, возникаетъ вопросъ: повелъ-ли гр. Толстой романъ дальше Загоскина и Лажечникова или уронилъ его еще ниже? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно опредѣлить, какихъ читателей гр. Толстой называетъ низшимъ классомъ. По обыкновенному смыслу слова, низшими классами называется то, что не составляетъ интеллигенціи, то, что читаетъ массу романовъ московскаго издѣлія, продаваемыхъ на ярмаркахъ и по деревнямъ офенями. Эта читающая публика безъ особенной разборчивости читаетъ то, что ближе къ ея понятіямъ, и „*Донъ-Жуана*“ гр. Толстаго, конечно, читать не станетъ. Читать не станетъ, конечно, и его стихотвореній. Но значить-ли это подвинуть романъ впередъ и стоило-ли гр. Толстому писать романъ для низшихъ классовъ? По закону умственнаго роста, всякое маленькое понятіе людей подготавливаетъ къ большому понятію и всякое новое большое понятіе становится современнѣе общимъ вульгарнымъ достояніемъ. Романы Лажечникова, Заго-

скина, Зотова давно уже отслужили свою службу въ слояхъ интеллигенціи и распродаютъ въ книжныхъ лавкахъ на ярмаркахъ и коробейниками по деревнямъ. Или романы эти не даютъ той пищи, какую нужно, что гр. Толстой написалъ для низшихъ классовъ особый романъ? Нѣтъ, они даютъ пищу хорошую. У одного Лажечникова и Загоскина, не говоря уже про Зотова, можно найти въ очень интересномъ изложеніи и смутное время, и самозванца, и Іоанна Грознаго, и исторію Шуйскаго, и исторію Годунова, и покореніе Лифляндіи, и Петра Великаго, и царствованіе Анны Ивановны; такъ что въ смыслѣ новыхъ фактовъ, гр. Толстой, конечно, не далъ низшимъ классамъ ничего такого, чего бы они не знали. Правда, гр. Толстой изучилъ придворный бытъ іоанновскаго времени съ необыкновенными подробностями, и для того, чтобы написать „Князя Серебрянаго“, долженъ былъ запастись очень богатыми знаніями. Но едва-ли эта фактическая сторона романа прибавляетъ что-нибудь къ художественности „Князя Серебрянаго“. Такимъ образомъ, тѣ условія, которыя-бы дѣлали „Князя Серебрянаго“ любимымъ чтеніемъ низшихъ классовъ, остаются неизмѣнными со временъ Загоскина, и мы имѣемъ основаніе утверждать, что гр. Толстой не подвинулъ историческаго русскаго романа ни вверхъ, ни въ ширь; мы даже думаемъ, что историческій романъ—тотъ литературный родъ, въ которомъ гр. Толстой долженъ былъ чувствовать себя меньше всего на мѣстѣ. И думаемъ мы такъ потому, что авторъ писалъ свой романъ ровно десять лѣтъ. Ровно десять лѣтъ, отъ 40 до 50 лѣтъ, въ періодъ времени, въ пору наивысшаго развитія творческихъ силъ! Если-бы у гр. Толстаго было дѣйствительно особенное призваніе къ историческому роману, то онъ-бы написалъ романъ, который-бы читался непрерывно интеллигенціей, а не соперничалъ-бы съ забытыми романами Загоскина и Зотова.

Въ „Князь Серебряномъ“ гораздо виднѣе, чѣмъ въ трагедіяхъ и стихахъ, перевѣсъ внѣшняго творчества надъ внутреннимъ. Ни одинъ характеръ не представляется живымъ и законченнымъ и даже главный герой романа, князь Серебряный, похожъ на ярко расписанную куклу. Общее впечатлѣніе, оставляемое романомъ, заключается въ томъ, что люди шумятъ, пьютъ, дерутся на каждой страницѣ, разбойники разбойничаютъ, воеводы воюютъ, а ге-

рой Бнязь Серебряный играетъ въ шутовство простодушнаго благородства. Мы желаемъ сохранить полный тонъ достоинства въ опѣнкѣ произведенія гр. Толстаго и говоримъ совершенно серьезно о впечатлѣннн, которое произвелъ на насъ его романъ. „Бнязь Серебряный“ больше всего разоблачаетъ слабость творческихъ силъ гр. Толстаго. Пока идетъ дѣло о личныхъ чувствахъ графа, возбуждаемыхъ природой, навѣваемыхъ на него воздухомъ Малороссіи или Италіи, или чтеніемъ европейскихъ знаменитостей, гр. Толстой дѣйствительно переживаетъ внутри себя полные творческіе процессы и пишетъ изъ себя; но когда ему подвертывается время Іоанна Грознаго, русскіе люди того времени, отношеніе ихъ къ поэту уже не субъективное, а объективное. Онъ никого изъ нихъ не проташитъ черезъ свою душу, а только, какъ-бы въ панорамѣ, видитъ ихъ образы и рисуетъ ихъ, какими они ему кажутся.

Въ отношеніяхъ критики къ гр. Толстому, уже умершему, конечно, не можетъ быть ни лицепріятія, ни злобы, ни ненависти, ни желанія его унизить, ни желанія поставить ему въ личный упрекъ, что онъ развивался при такихъ условіяхъ и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя, конечно, не могли создать изъ него истиннаго русскаго писателя. Гр. Толстой принадлежитъ къ поколѣнію даже не собственно сороковыхъ годовъ, не принадлежитъ онъ и къ чисто западникамъ, не принадлежитъ и къ славянофиламъ, не присталь и къ послѣднему движенію русской мысли и составляетъ дѣйствительно особнякъ, олицетворяя собою поэзію космополитическаго эгоизма; точнѣе поэзію гр. Толстаго опредѣлить мы не умѣемъ. Но потому, что поэзія гр. Толстаго выражаетъ собою замкнутый эгоистическій лиризмъ, мы должны не согласиться съ г. Тургеневымъ, превращающимъ гр. Толстаго въ такого поэта, котораго на много лѣтъ впередъ должны будутъ знать всѣ образованные русскіе. Мы думаемъ совершенно иначе; мы думаемъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ наступитъ пора, когда не только гр. Толстой, но и другіе писатели, болѣе его даровитые, будутъ совсѣмъ забыты и сдѣлаются достояніемъ исторіи русской литературы, какими сдѣлались писатели карамзинскаго періода; съ Гоголя наступилъ новый періодъ русской литературы, періодъ, продолжающійся до сихъ поръ. Художественная мысль уже не останавливается на тѣхъ явленіяхъ, на которыхъ стол-

ли Гоголь, Дружининъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, а за ними Писемскій, Островскій, а за ними еще тѣ новые белетристы, которые пытались создать новые руководящія типы. Въ теперешнюю минуту невозможенъ никакой великій белетристъ, никакой второй Гоголь; но онъ будетъ возможенъ черезъ 10—15 лѣтъ и положить начало тому слиянію людей, отсутствіемъ котораго томится современное общество. Этотъ новый Гоголь создастъ въ художественной формѣ идеаль народности, котораго теперь безплодно ищутъ и романисты, и белетристы, и публицисты, и драматурги, и критики, и у всѣхъ, наконецъ, опустились руки отъ безплодныхъ поисковъ. Все, что намъ давали теперь славянофилы и народники, все это попытки такихъ-же поддѣлокъ, какія намъ давалъ и гр. Толстой. Нѣтъ, не изъ Малороссіи и не изъ Италіи выйдетъ новый Гоголь, а собственно изъ Россіи, и явится онъ выразителемъ не той или другой группы, не того или другого „класса“, не того или другого слоя, а дастъ онъ ядро истинныхъ національныхъ чувствъ и покажетъ намъ, т. е. не намъ, а ктобудетъ послѣ насъ, и Россію, и насъ самихъ. Если вы скажете, что я увлекаюсь и пророчествую, я отвѣчу вамъ, что я сужу о будущемъ по прошлому. Былъ у насъ періодъ державинскій, періодъ карамзинскій, пушкинскій, а теперь періодъ гоголевскій; ясно, что кончится и этотъ періодъ, и наступитъ новый періодъ, періодъ истинной народности въ литературѣ, къ которой давно уже стремится русская мысль. Такъ-какъ это ея цѣль, то она ея и достигнетъ, а когда она ея достигнетъ, то будущимъ поэтамъ не будетъ стыдно не знать гр. Толстаго, а если его и будутъ знать, то только какъ явленіе литературнаго движенія сороковыхъ годовъ и утонченно-культурованнаго воспитанія, которое теперь надолго не поможетъ русскому поэтическому творчеству. Пророкъ явится изъ другого слоя. Говорятъ, что сочиненія гр. Толстаго будутъ скоро изданы вполнѣ; мы очень этому рады и желаемъ имъ успѣха, но въ то-же время мы-бы хотѣли предостеречь новыхъ поэтовъ отъ подражанія гр. Толстому и отъ его лирическаго эгоизма. Впрочемъ, если вѣрить г. Тургеневу, у насъ еще не скоро явятся поэты, а въ такомъ случаѣ и наше предостереженіе напрасно. Однимъ словомъ, мы считаемъ гр. Толстаго поэтомъ - космополитомъ, которому евро-

пейскіе звуки были ближе и понятнѣе собственно русскихъ; русское-же было ему ближе по формѣ, а не по душѣ. Только въ этомъ и причина общаго къ нему равнодушія. И въ самомъ дѣлѣ, отвѣтилъ-ли онъ на какой-нибудь русскій вопросъ, сдѣлалъ-ли намъ болѣе понятной какую-нибудь европейскую идею? Прогнулъ онъ чѣмъ-нибудь русскаго, собственно русскаго читателя, шелъ онъ за одно хотя съ какимъ-нибудь поколѣніемъ? Правда, и Байронъ, и Шекспиръ не шли съ своими поколѣніями. Но ихъ космополитизмъ былъ космополитизмомъ силы, въ нихъ было сильно чувство народности и стремленіе не къ одной своей личной свободѣ. Гр.-же Толстой думалъ только о своей поэтической независимости, но не достигъ и ея.

Н. Языковъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

19 декабря 1875 года.

„Наконецъ-то!“

Этотъ возгласъ пронесся по всей Франціи при полученіи извѣстія, что версальское національное собраніе назначило дни для общихъ выборовъ въ сенатъ и національное собраніе и тѣмъ заключило свою пятилѣтнюю законодательную дѣятельность. Откладывать долѣе распушеніе палаты оказывалось рѣшительно невозможнымъ и какъ ни желали гг. депутаты продлить свои полномочія, однакожь, не осмѣлились плыть противъ теченія. Періодъ выборной горячки наступилъ во всей своей лихорадочной, живописной оригинальности. Часъ насталъ, — и намъ, постороннимъ, болѣе или менѣе равнодушнымъ зрителямъ приходится, наконецъ, на дѣлѣ убѣдиться, чего хочетъ Франція!

Обсуждать дѣятельность версальскаго собранія, имѣющаго нѣкоторое сходство съ англійскимъ „Долгимъ парламентомъ“, я не буду. Когда страсти, возбужденныя борьбою въ немъ партій, нѣсколько улягутся, а послѣдствія пятилѣтнихъ законодательныхъ работъ его выскажутся на практикѣ, тогда можно будетъ спокойнѣе и объективнѣе отнестись къ событіямъ текущей эпохи. Примѣнять созданную версальскимъ собраніемъ конституцію предстоитъ новому собранію, которое будетъ выбрано въ февралѣ. Не касаясь оцѣнки дѣятельности версальскаго собранія, я, однакожь, постараюсь выяснитъ дѣйствительный характеръ событій, часто заслоняемый признаками чисто-внѣшними и несущественными.

На что-же приходится наткнуться при первомъ приступѣ къ изученію интересующаго насъ предмета? Уже около года во Франціи окончательно признана республиканская форма правленія и правительство считаетъ себя республиканскимъ. Условія, повидимому, такія, при которыхъ народная воля, желанія массъ должны-бы пользоваться всевозможными гарантіями для своего свободного проявленія. Между тѣмъ чего не дѣлаетъ это правительство для того, чтобы стѣснить самостоятельность выборовъ и направить ихъ въ извѣстномъ, излюбленномъ для одной изъ существующихъ партій направленіи? Если въ дѣйствіяхъ настоящаго кабинета проявляется хотя одна общая мысль, хотя одна послѣдовательная тенденція, то именно мысль эта заключается въ желаніи возстановить порядки, существовавшіе во время второй имперіи, и снова прибѣгнуть къ официальнымъ кандидатурамъ. Г. Бюфе положительно отказался дать національному собранію прямой и ясный отвѣтъ на вопросъ объ этихъ кандидатурахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не обращая никакого вниманія на ясно выраженное общественное мнѣніе, прибѣгъ къ тѣмъ способамъ, которые именно могутъ только затруднить свободное проявленіе воли избирателей. Не довольствуясь сохраненіемъ за собою права вліять на массы при посредствѣ мѣровъ, большинство которыхъ назначено правительствомъ, первый министръ заявилъ громогласно, что во время выборнаго періода, сопровождающагося обыкновенно волненіями массъ, слѣдуетъ принимать чрезвычайныя энергическія мѣры въ отношеніи собраній, какъ частныхъ, такъ и публичныхъ. Что касается печати, то министерство успѣшило сочинить проектъ, отъ котораго не отказалось-бы даже правительство второй имперіи, причежь удержало въ полной силѣ существующее осадное положеніе. Что касается выборовъ, то добивались принятія закона, что они будутъ производиться по округамъ, а не по спискамъ. Бюфе рассчитывалъ, что новый порядокъ дастъ администраціи полную возможность оказать желательное тяготѣніе на характеръ избранія. Глава кабинета былъ вполне убѣжденъ, что пройдутъ только кандидаты, солидарные съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Что Бюфе дѣйствительно рассчитывалъ на это, доказательствомъ служитъ нерасположеніе, съ какимъ онъ отнесся къ тому параграфу избира-

тельного закона, которымъ предполагалось запретить правительственнымъ чиновникамъ вмѣшательство въ избирательную борьбу. Постороннему свидѣтелю вѣрится съ трудомъ, чтобы въ странѣ, считающей себя свободною и провозгласившей менѣе года тому назадъ республиканскую форму правленія, первый министръ официально провозгласилъ, что выборныя волненія должны считаться беспорядками, устраненіе которыхъ должно болѣе всего озабочивать правительственныя власти! Англичане, съ давнихъ поръ привыкшіе къ свободѣ выборовъ, иронически улыбались, читая это заявленіе французскаго министра, и рѣшили, что едва-ли республиканскія учрежденія удержатся во Франціи. Но даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о республиканской формѣ, какое мнѣніе можно составить о націи, которая оставалась-бы совершенно неподвижною при разрѣшеніи самаго существеннаго въ политической жизни вопроса, затрагивающаго самыя ближайшіе интересы всего населенія? Затѣвать тяготѣніе на ходъ выборовъ, изыскивать средства къ стѣсненію проявленій дѣйствительной политической жизни народа во время избирательной свободы, вводить на это время всѣ строгости осаднаго положенія, подъ предлогомъ устраненія беспорядковъ, сопряженныхъ съ свободнымъ обсужденіемъ поставленныхъ кандидатуръ,—это такое ухищреніе, до котораго могъ додуматься только такой министръ, какъ Бюфе, допустившій республику по необходимости, но не отказывающійся ни на минуту отъ надежды возстановить во Франціи другую правительственную форму. Напрасно въ комисіи, обсуждавшей законъ о печати, предложили министру категорическій вопросъ о тѣхъ доказательствахъ, примѣрахъ, документахъ, которые могли-бы подтвердить высказываемыя имъ опасенія насчетъ возможныхъ результатовъ выборной тревоги: Бюфе наотрѣзъ отказался отъ всякихъ объясненій, и тѣмъ безспорно доказалъ, что дѣло тутъ не въ опасеніяхъ, а чисто въ тенденціозности.

Бюфе и его друзья, правый центръ, питали надежду, что ихъ дѣло выгоритъ, если имъ удастся взять выборы въ свои руки. Опираясь на массу чиновничества, правый центръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи такую массу лицъ, которая, при маломальски благоразумномъ распоряженіи своими силами, могла до-

ставитъ этой фракціи окончательную побѣду на выборахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать и значеніе кабинета. Однакожь, излишняя самоувѣренность въ безусловномъ успѣхѣ сгубила господствующую партію.

Дѣло началось съ выбора 75 членовъ будущаго сената, назначеніе которыхъ принадлежало самой палатѣ, въ настоящемъ ея составѣ. Обѣ части версальскаго собранія, какъ правая, такъ и лѣвая, изготовили, разумѣется, свои кандидатскіе списки. Списокъ праваго центра, взявшаго на себя руководство правой стороной, отличался тѣмъ, что въ него вошли почти исключительно противники настоящаго порядка вещей. Въ этотъ списокъ было включено 62 кандидата: изъ нихъ только 20 подали голосъ за конституцію, большинство, конечно, сверъпя сердце и съ твердымъ желаніемъ свергнуть порядокъ, за который они вотировали; 36 высказались противъ нея; изъ остальныхъ двое не присутствовали при балотировкѣ основнаго государственнаго закона, а четверо отказались отъ участія въ этой балотировкѣ. Бюфе, конечно, попалъ въ этотъ списокъ. Такимъ образомъ, правый центръ, считающій себя главнѣйшею, правительственною партіею въ государствѣ, предполагалъ ввести въ будущія законодательныя собранія большинство, которое по принципу было-бы враждебно принятому окончательно государственному устройству.

Руководящимъ принципомъ, выразившимся въ подобномъ практическомъ приѣмѣ, были, разумѣется, все тѣ-же интриги орлеанистской партіи, которыми она отличается съ давняго времени. Не было-бы ничего удивительнаго, если-бы крайняя правая сторона, состоящая изъ поборниковъ наслѣдственной бурбонской монархіи, стала изыскивать средства къ разрушенію новаго, только-что созданнаго республиканскаго зданія: вѣдь они подали свои голоса не за республику, какъ главнѣйшіе представители орлеанизма, а противъ нея; къ тому-же политику французскихъ легитимистовъ можно считать отсталую, но нельзя отказать имъ въ безусловной послѣдовательности. Но настоящая конституція создана при содѣйствіи именно праваго центра, который, слѣдовательно, долженъ-бы защищать свое дѣло. Однакожь, всякая законодательная мѣра, расходящаяся съ духомъ конституціи, всегда

получала поддержку отъ праваго центра. Кандидатскій списокъ въ сенаторы, составленный этою партіею, представлялъ собою нѣчто въ родѣ знаменитаго коня, при посредствѣ котораго въ Трою введены были самыя злѣйшіе ея враги. Разница, впрочемъ, въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ сами трояне озаботились о введеніи въ стѣны своей крѣпости того элемента, который долженъ служить къ ея разрушенію. Со стороны глядя, такое явленіе поражаетъ своею непослѣдовательностью, объяснить которую можно только господствомъ политическихъ страстей надъ простымъ здравымъ смысломъ.

Правый центръ страдаетъ грѣхомъ, который его положительно губить: грѣхъ этотъ — убѣжденіе въ своей важности, въ своемъ исключительномъ преобладаніи надъ прочими парламентскими партіями. Правый центръ не можетъ помириться съ мыслию, что, создавъ конституцію въ союзѣ съ лѣвымъ центромъ, ему слѣдуетъ и кончить свою законодательскую задачу при условіи того-же союза и необходимыхъ въ подобномъ случаѣ взаимныхъ уступокъ. Но не легко отказаться отъ самонадѣяннаго убѣжденія въ своемъ преобладающемъ призваніи. Оказавъ содѣйствіе осуществленію настоящей конституціи, правый центръ призналъ себя исключительно способнымъ дать направленіе ходу внутренней политики въ государствѣ: парламентаризмъ и господствующее его вліяніе окончательно будто-бы составили удѣлъ руководящей партіи, отказывающейся отъ всякой мысли раздѣлить этотъ удѣлъ съ представителями другихъ отгѣнковъ. Въ дѣйствительности партія эта вовсе не отказалась отъ своихъ задушевныхъ намѣреній возстановить монархію. Не такъ давно еще одинъ изъ виднѣйшихъ представителей орлеанизма публично заявилъ, что имъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы не быть связанными на случай смерти графа Шамбора. Это заявленіе вполне объясняетъ господствующую идею политими орлеанистовъ, основанной на антипатіи къ республиканской формѣ и на постоянно проявляющемся стремленіи отдать исключительное руководительство дѣлами страны правой сторонѣ, оставляя лѣвые отгѣнки внѣ всякаго парламентскаго значенія.

Связующимъ звеномъ между правымъ и лѣвымъ центрами была

всегда особая группа, названная, по имени предсѣдателя своего, группою Лаверня. Небольшое число лицъ, составляющихъ эту группу, принадлежитъ къ числу сторонниковъ новой конституціи. Что-же сдѣлалъ правый центръ въ отношеніи этой группы? Онъ даже Лаверня не включилъ въ списокъ кандидатовъ въ сенаторы. Такимъ образомъ, политическая группа, ближе всего подходящая къ претендующей на господство партіи, не видя своего предсѣдателя въ списокѣ кандидатовъ, естественно распалась, а вслѣдствіе этого соединенное дѣйствіе обоихъ центровъ оказалось невозможнымъ. Переговоры о совмѣстномъ дѣйствіи обоихъ центровъ тотчасъ-же прекратились.

Между тѣмъ со стороны лѣваго центра вначалѣ дѣлались самыя широкія уступки. Эта партія искала только увѣренности, что существующая конституція будетъ сохранена и что выборы не будутъ произведены съ исключительною цѣлью добиться ея скорѣйшаго разрушенія. Представители лѣвой стороны, участвовавшіе въ переговорахъ, готовы были внести въ свой кандидатскій списокъ значительное число членовъ праваго центра подъ однимъ только условіемъ недопущенія лицъ, высказавшихся открыто противъ конституціи. Разладъ окончательно обнаружился по вопросу о внесении въ списокъ членовъ ближайшей къ лѣвому центру съ другой стороны политической партіи, лѣвой республиканской. На этомъ пунктѣ и лѣвый центръ оказался неуступчивымъ, не желая выключать изъ списка лицъ, подобныхъ, напримѣръ, хотъ Жюлю Симону.

Однимъ словомъ, обѣ стороны хотѣли поставить на своемъ. почему и составлено было два списка кандидатовъ, одинъ правую, а другой лѣвою стороною.

Орлеанское направленіе, характеризующее списокъ, составленный правымъ центромъ, привело эту партію къ полному поражению. Направленіе это до такой степени неприятно поразило многихъ легитимистовъ и даже бонапартистовъ, что они разомъ отвернулись отъ своихъ союзниковъ и стали вотировать съ лѣвой стороною. Въ первый-же день выборовъ ни одинъ изъ кандидатовъ исключительно правой стороны не прошелъ. Выбранными оказались только двое: настоящій президентъ законодательнаго собра-

ня, герцогъ Одифре-Паке, внесенный въ оба списка, и одинъ изъ главнѣйшихъ представителей лѣвой стороны, Мартель. Изъ числа 687 голосовъ, принимавшихъ участіе въ балотировкѣ, герцогъ Одифре получилъ 551,—слѣдовательно, весьма значительное большинство. Въ самый день выборовъ, 9 декабря, у герцога былъ большой officialный обѣдъ, во время котораго получено было извѣстіе о торжественномъ избраніи его. На предложенный тотчасъ тостъ за здоровье хозяина дома герцогъ отвѣчалъ, что выборомъ его только подтверждается намѣреніе собранія поддерживать существующую конституцію, основанную на принципахъ умеренности, порядка и свободы, и поручить примѣненіе ея людямъ, честно относящимся къ выполнению своихъ патріотическихъ обязанностей, требующихъ часто пожертвованія личными симпатіями и даже убѣжденіями. Рѣчь президента собранія, принадлежавшаго прежде къ орлеанистамъ, была порицаніемъ правому центру, потому что вполнѣ расходилась по существу высказанныхъ мыслей со всею дѣятельностью этой партіи.

Въ ночь съ 9 на 10 декабря состоялась сдѣлка между партіями, результаты которой поразили всю Европу. Лѣвая половина собранія сошлась съ чистыми легитимистами, съ крайнею правою стороною и замѣстила въ своемъ списокѣ имена семнадцати своихъ членовъ именами такого-же числа приверженцевъ бѣлаго знамени.

Въ силу этого союза выборы, происходившіе на другой день, дали не тѣ результаты, какихъ въ своей самонадѣянности ожидали первый министръ и правый центръ. Пораженіе было страшное, потому что изъ девятнадцати избранныхъ въ этотъ день сенаторовъ семнадцать принадлежали къ лѣвой сторонѣ. Не надо забывать, что эти 75 сенаторовъ, избраніе которыхъ возложено на версальское собраніе, несмѣняемы, они избраны пожизненно,—слѣдовательно, выборы ихъ имѣютъ громадное значеніе, такъ-какъ ими отчасти опредѣлится будущее направленіе сената. Когда предсѣдатель объявилъ имена лицъ, получившихъ санецію избранія, большинство членовъ праваго центра позеленѣло съ досады. Офиціозная пресса въ безсильной досадѣ встрѣтила рядомъ насмѣшекъ и упрековъ результаты выборовъ. Особенно досталось, разумѣт-

ся, тѣмъ членамъ крайней правой стороны, которые дозволили записать себя въ одинъ кандидатскій списокъ съ крайними радикалами. Много ругательствъ досталось на ихъ долю отъ министерскихъ газетъ. Сдѣлка ихъ съ республиканцами выставялась образцомъ политической безнравственности.

Благодаря этой сдѣлкѣ, лѣвая сторона одержала полную побѣду; за исключеніемъ нѣсколькихъ легитимистовъ, масса сенаторовъ принадлежитъ къ республиканскому лагерю. Изъ болѣе извѣстныхъ личностей, засѣдающихъ на лѣвой сторонѣ, попали въ сенатъ: бывшій предсѣдатель лѣваго центра Корнъ, академикъ Лабулэ, экономистъ Воловскій, Казиміръ Перье, позитивистъ Литтре, историкъ Ланфра, старикъ Кремье, бывшій министромъ въ 1848 и въ 1870 годахъ, извѣстный аболіціонистъ Шельхеръ и Жюль Симонъ, избранный въ одинъ и тотъ-же день и въ сенаторы, и въ члены французской академіи. Только къ концу выборовъ правой сторонѣ удалось провести въ сенатъ одного изъ своихъ излюбленныхъ кандидатовъ, архіепископа орлеанскаго Дюпанлу. Изъ министровъ-же, также къ концу выборовъ, получили надлежащее большинство: военный — генераль Сиссе, морской — маркизь Монтеньякъ и народнаго просвѣщенія — Валлонъ. Герцога Деказа даже поддержка Тьера не могла вытянуть, а Бюфе, убѣдясь, что палата не выскажется въ его пользу, счелъ лучшимъ снять свое имя съ балотировальнаго списка. Онъ, конечно, былъ-бы забалотированъ.

Многихъ удивило, что Бюфе самъ отказался отъ кандидатуры. Пресса утверждала, что такой поступокъ показываетъ только замѣчательный недостатокъ выдержки со стороны лица, которому необходимо обладать этимъ качествомъ въ значительной степени. Пораженіе не только не было устранено выказанной нерѣшительностью, но прямо было признано самимъ балотирующимся, который до сихъ поръ не разставался съ надеждою попасть въ число избранныхъ, пока окончательная неудача не стала очевидною. По поводу этого обстоятельства одна газета, напомнивъ, что герцогъ Одифре-Пакье былъ избранъ огромнымъ большинствомъ, дѣлаетъ сравненіе между нимъ и Бюфе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, говорить эта газета, — не ли-

шенъ талантливости, у него есть способности, но взглядъ у него слишкомъ узкій, характеръ рѣзкій, жолчный и упорный; его, пожалуй, еще можно причислить къ политическимъ дѣателямъ, но государственнымъ человѣкомъ назвать его нельзя. При отсутствіи мягкости въ характерѣ, вдохновенія и всякаго признака гениальности, при сильномъ преобладаніи угрюмости, которая сама по себѣ уже достаточна, чтобы привести къ окончательному безплодію природу даже болѣе способную, Бюфе не возбуждаетъ ни въ комъ симпатіи; даже его приверженцы не довѣряютъ ему вполне. Нѣтъ сомнѣнія, что Бюфе, по уму и способностямъ, не первый встрѣчный, но живительнаго огня въ немъ нѣтъ ни искры: онъ не способенъ ни освѣтить дѣло, надъ которымъ работаетъ, ни согрѣть дѣателя, котораго призываетъ къ сотрудничеству. Мнѣ самому случилось слышать на-дняхъ, какъ какой-то остроумный наблюдатель сравнивалъ Бюфе съ глухимъ, деревяннымъ колоколомъ, болѣе шумнымъ, чѣмъ звонкимъ; звуки, издаваемые такимъ колоколомъ, глухи и плоски.

Герцогъ Одифре-Паке представляетъ совершенный контрастъ съ этою несимпатичною личностью своей откровенной, возвышенной, великодушной натурой. Чрезвычайная воспріимчивость и впечатлительность придаютъ иногда дѣйствіямъ герцога Одифре характеръ нѣкоторой измѣнчивости и отсутствія стойкихъ убѣжденій. Справедливость, однакожъ, требуетъ сказать, что его побужденіями по большей части руководитъ разумный патріотизмъ. По своему воспитанію и общественнымъ связямъ принадлежа къ числу монархистовъ, герцогъ Одифре въ качествѣ монархиста былъ избранъ въ національное собраніе. Но разъ убѣдившись, что Франція можетъ успокоиться только при республиканской формѣ правленія, герцогъ Одифре сталъ поддерживать республику безъ всякихъ заднихъ мыслей и опасныхъ обиняковъ, которыми отличалась дѣятельность многихъ изъ представителей его партіи. Насколько Бюфе старательно избѣгалъ даже употребленія слова „республика“, чтобы не связывать себѣ руки въ будущемъ, насколько онъ ревниво измышлялъ всевозможныя средства, чтобы воспользоваться антагонизмомъ партій въ духѣ поддержанія всякой реакціи, настолько герцогъ Паке настойчиво изыскивалъ средства для сближенія представителей разныхъ группъ и для

„Дѣло“, № 1, 1876 г.

образованія дѣйствительно либеральнаго большинства, искренно преданнаго новому порядку вещей.

Различіе въ характерѣ обоихъ дѣятелей особенно ярко выразилось въ способѣ выполненія тѣмъ и другимъ предсѣдательскихъ обязанностей и въ ораторскихъ приемахъ, отличающихъ каждого изъ нихъ. Герцогъ Одифре отличается всегда полнѣйшимъ безпристрастіемъ, чѣмъ не могъ похвалиться его предшественникъ Бюфе, всѣми способами иѣшавшій ораторамъ лѣвой стороны. Что касается ораторскихъ способностей, то и въ этомъ отношеніи герцогъ Одифре далеко превосходитъ Бюфе, рѣчи котораго всегда сухи и натянуты.

Дѣятельность Бюфе въ качествѣ перваго министра республики крайне странна. Какъ только республиканская форма правленія была окончательно принята палатою, Бюфе, ставшій главою перваго республиканскаго министерства, всѣми средствами сталъ стремиться къ тому, чтобы республику сдѣлать образцомъ ханжества и реакціи. Чтобы достигнуть этой цѣли вполне, онъ долженъ былъ направить свои усилія къ возстановленію въ палатѣ большинства, свергнувшаго Тьера. Идя къ этой цѣли, онъ выказалъ много твердой воли и даже извѣстнаго рода ловкость. Такъ, на примѣръ, онъ весьма вѣрно разсчиталъ, что успѣхъ можетъ быть за нимъ обезпеченъ только въ томъ случаѣ, если ему удастся провести въ настоящей палатѣ новый законъ о выборахъ, главной статьёй котораго была замѣна выборовъ по спискамъ выборами по округамъ. Успѣхъ въ этомъ случаѣ возбудилъ въ немъ самонадѣянность. Бюфе не додумался, что въ этомъ случаѣ спорный предметъ имѣлъ особый, такъ-сказать, теоретическій характеръ. что большинство могло здѣсь совсѣмъ иначе сложиться, чѣмъ оно сложится при самыхъ выборахъ, въ которыхъ борьба партій играетъ исключительную роль. Увлекаясь успѣхомъ, Бюфе вообразилъ, что какіе-нибудь пятнадцать голосовъ, пріобрѣтенныхъ министерствомъ изъ лѣваго центра при разрѣшеніи вопроса принципиальнаго, закабалятъ себя впредь въ духѣ задушевныхъ тенденцій и надеждъ настоящаго кабинета. Однимъ словомъ, Бюфе пригрѣзилось, что знаменитое большинство 24 мая возстановлено и что въ будущемъ все должно идти по пути, который будетъ указывать правый центръ въ смыслѣ стремленія къ возстановленію

орлеанской династии. Трудно найти другой примѣръ въ исторіи парламентаризма, гдѣ глава правительства сдѣлалъ-бы такую непростительную ошибку въ оцѣнкѣ направленія законодательныхъ органовъ.

Избраніе первыхъ семидесяти пяти сенаторовъ изъ списка, противъ котораго ратовалъ Бюфе, послужило, такимъ образомъ, выраженіемъ полного недовѣрія къ настоящему министерству: это значеніе придаетъ выбору и краснорѣчивое забалотированіе перваго министра, и выборъ въ сенатъ большинства лицъ, рѣшительно несочувствующихъ министерству, и, наконецъ, очевидное неодобреніе большинствомъ палаты, — хотя и образованнымъ изъ представителей самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, но тѣмъ не менѣе числовымъ, фактическимъ большинствомъ, — тѣхъ пріемовъ, которыми хотѣла воспользоваться администрація при производствѣ выборовъ. Политика перваго республиканскаго министерства получила сильное пораженіе за свои подпольныя стремленія.

Много толковали о томъ, прилично-ли Бюфе оставаться министромъ? На практикѣ способъ разрѣшенія этого сомнѣнія не имѣетъ уже исключительной важности. Какъ ни интригуѣ министерство, лучше сказать, Бюфе, а выборъ первыхъ семидесяти пяти сенаторовъ, во всякомъ случаѣ, произвелъ уже огромное впечатлѣніе и долженъ оказать вліяніе на ходъ послѣдующихъ избраній. Страна не можетъ отнестись съ довѣріемъ къ дѣйствіямъ министра, потерпѣвшаго сильное пораженіе въ томъ собраніи, которое само сдѣлало его министромъ вопреки общественному мнѣнію; и администрація должна тоже сознавать, что положеніе Бюфе довольно шатко. Вотъ почему Бюфе не можетъ рассчитывать на успѣхъ официальныхъ кандидатуръ. Убѣжденные, что дни министерства Бюфе сочтены, и провинціальная администрація, и избиратели будутъ заботиться скорѣе о тѣхъ, которые станутъ управлять страной послѣ Бюфе, чѣмъ о тѣхъ, которые въ настоящее время сходятъ со сцены, при условіяхъ, далеко не почетныхъ. Министерскіе органы стараются доказать, что собраніе отжило свой вѣкъ и что приговоры его не имѣютъ поэтому никакого значенія. Ну, а что если палата *in extremis* да заявитъ о своемъ довѣріи къ отживающему министерству? При тѣхъ случайностяхъ, которыми характеризуется группировка партій версальскаго

собранія, ничего удивительнаго въ такомъ фактѣ не будетъ, — въ какомъ-же смѣшномъ положеніи очутится тогда министерская пресса?

22 декабря.

Только-что вышедшая въ свѣтъ книжка Шарля Биго о „руководящихъ классахъ“ появилась какъ нельзя болѣе кстати въ самую минуту горячей дѣятельности версальскаго собранія. Хотя авторъ и оговаривается, будто этюдъ его совсѣмъ не относится къ тому небольшому кружку лицъ, который, при настоящихъ обстоятельствахъ, выказываетъ настойчивое стремленіе вести за собою общественное мнѣніе, знакомство съ его книгой тѣмъ не менѣе будетъ особенно полезно именно для этого кружка узкихъ доктринеровъ, который терпѣть не можетъ, когда къ нему обращаются съ напоминаніемъ, что существуетъ общественная нравственность. Ихъ бѣсить, когда очевидными фактами доказывається, что не все такъ прекрасно въ ихъ стремленіяхъ, какъ они кричатъ, что политическая и общественная безнравственность во Франціи очень велика.

Когда политическіе нравы извѣстнаго народа доходятъ до той степени растлѣнія, въ которой мы застаемъ современное французское общество, появленіе обличительной рѣчи серьезнаго мыслителя, желающаго придать своимъ словамъ значеніе не столько урока, сколько предостереженія, должно быть встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ здравомыслящею частью публики. Книга Биго встрѣтила сочувствіе какъ въ печати, такъ и въ большинствѣ читающей публики. О ней говорятъ, спорять; мнѣнія Биго опровергаютъ или подтверждаютъ новыми доводами, — однимъ словомъ, книга не проходитъ незамѣтной, а это хорошій знакъ! Въ своемъ произведеніи Биго не стѣсняется выводить наружу всевозможныя ошибки французскаго народа, а такое прямое отношеніе весьма полезно въ обществѣ, недавно еще шовинистскомъ, нежелавшемъ сознавать своихъ недостатковъ. Нѣкоторые критики обвинили автора въ излишнемъ пессимизмѣ: они утверждали, что Биго слишкомъ ужъ мрачными красками обрисовываетъ дѣятельность современнаго общества. По-моему, они неправы; Биго необыкновенно добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ; сообщаемые имъ факты

тщательно провѣрены имъ, и выводы такъ убѣдительно, что рѣшительно невозможно не согласиться съ ними.

Биго можно сдѣлать одинъ упрекъ: онъ устранилъ въ своихъ сужденіяхъ о современномъ обществѣ историческій, сравнительный методъ. Онъ довольствуется сравненіемъ только съ созданнымъ имъ самимъ идеаломъ и противопоставляетъ описываемой дѣйствительности только образъ того, что должно-бы быть, и не обращаетъ никакого вниманія на причины, вызвавшія то или другое явленіе. Отъ этого въ его выводахъ встрѣчается иногда чрезмѣрная жесткость, а мѣстами односторонность въ сужденіяхъ. Все вообще современное общество, а французское въ особенности, должно показаться, разумѣется, весьма жалкимъ, если сравнивать его даже хоть съ Платоновою республикою, но стоитъ обратиться нѣсколько назадъ, вспомнить, что дѣлалось при нашихъ предкахъ, и впечатлѣніе нѣсколько измѣнится. Конечно, такимъ сравнительнымъ методомъ надобно очень осторожно пользоваться, иначе, пожалуй, дойдешь до апологіи современнаго общества, что и сдѣлали нѣкоторые критики по выходѣ книги Биго, воспользовавшіеся нѣкоторыми его промахами для личныхъ цѣлей своихъ партій.

Но что-бы ни говорили эти господа, нельзя отрицать той опасности, которая угрожаетъ современному французскому обществу, политически деморализованному. Главнѣйшая причина растлѣнія французскаго общества, по словамъ Биго, лежитъ въ упадкѣ нравственнаго значенія тѣхъ классовъ, которые, благодаря образованію и состоятельности, замѣнили собою прежнія привилегированныя сословія. Эти классы для своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ недобросовѣстности, отличаются грубымъ эгоизмомъ, вѣшнимъ ханжествомъ и такими нравственными качествами, которыя замедляютъ ходъ современной французской цивилизаціи. Руководя дѣлами страны, эти классы много способствовали общей деморализаціи нравовъ. Стоитъ вспомнить значеніе, пріобрѣтенное образованными классами французскаго общества во время второй имперіи, чтобы убѣдиться въ правильности вывода Биго. Точно также подтверждаютъ выводы Биго факты дѣятельности въ настоящее время руководителей бонапартистской и орлеанистской партій, напримѣръ, недавняя рѣчь Кассаньяка въ бельвильскомъ собраніи рабочихъ, посадившая на скамью подсудимыхъ этого буйнаго

защитника бонапартизма въ самомъ непривлекательномъ его видѣ; или происки орлеанистовъ, пожелавшихъ обезпечить за собою официальные кандидатуры при выборахъ. Когда припомнишь подобные факты, становится понятнымъ, почему обличитель обращается именно къ руководящимъ классамъ современнаго общества, т. е. къ аристократіи богатства, а въ особенности образованія. Какой-то мисіонеръ нѣкогда покаялся передъ версальскимъ дворомъ въ томъ, что обличенія его часто были направлены, довольно нестати, на тѣ классы населенія, которымъ иногда не хватаетъ куска хлѣба: „Обидѣлъ я, говорилъ онъ, — лучшихъ друзей Господа Бога моего! Не на нихъ, а на васъ, присутствующихъ здѣсь великихъ міра сего, слѣдовало направить громы святого обличенія!“ По примѣру этого мисіонера, Бито оставляетъ въ сторонѣ такъ-называемую младшую братію и относитъ свои спокойныя, но строгія сужденія исключительно къ руководителямъ.

Проповѣдникъ сзывалъ слушателей къ суду Всевышняго, философъ довольствуется судомъ общественной совѣсти. „Что скажешь ты, іюльское правительство, спрашиваетъ онъ, — и ты, погибшая имперія? Какія объясненія выскажешь ты, священнослужитель? И ты, судья? Что заявишь въ свое оправданіе ты, современная сила, писатель или журналистъ? Что скажете вы, счастливые, старшіе сыны современнаго общества, могущіе, по своему положенію, по нравственному авторитету, по состоятельности, наконецъ по развитію духовному, имѣть вліяніе на судьбы народа? Что сдѣлали вы для увеличенія народнаго счастья, народнаго образованія, народной чести? Какія средства изыскали вы, чтобы укоренить и распространить въ народѣ чувства справедливости, взаимной любви и солидарности? Вы присвоиваете себѣ положеніе руководителей: чѣмъ-же руководили вы, и къ чему привело ваше руководство? Сознаетесь, не понимаете-ли вы подъ выраженіемъ *руководитъ народомъ* стремленіе къ постыдному бѣгству передъ теченіемъ ручья, какъ скоро ручей этотъ становится потокомъ, съ тѣмъ, чтобы безжалостно изсушить его до послѣдней капли, какъ только ненастье уgomонится и стихіи придуть къ обыденному порядку?“ Вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ Бито въ самомъ началѣ книги и для разрѣшенія которыхъ онъ вызываетъ къ суду собственной критики всѣ нравственныя силы совре-

менной цивилизаціи. Обвиняемые, разумеется, могут найти, что философ нѣсколько рѣзко становится на почву сознанія и принесенія повинной и что, принося покаяніе за другихъ, онъ слишкомъ крѣпко бьетъ прямо въ грудь кающимся. Журналисты, полагаемъ мы, въ особенности далеки отъ подобнаго самообвиненія; орлеанисты также неохотно поспѣшаютъ покрыть главу свою пепломъ; вообще современная буржуазія не безъ отвращенія прослушаетъ взводимое на нее обвиненіе, что она „пуглива, видя водоворотъ передъ собою, и жестока, какъ только успѣетъ его миновать.“ „Все это я говорю для того, чтобы изыскать средства къ вашему спасенію“, заключаетъ Биго. Посвятить цѣлый томъ выясненію того, на-сколько снасти корабля распущены, экипажъ недоволенъ, офицеры неспособны,—Биго кончаетъ, однакожъ, тѣмъ, что спасаетъ корабль, или, по крайней мѣрѣ, выражаетъ надежду, что онъ спасется. Для изысканія средствъ къ спасенію онъ обращается къ той-же буржуазіи, прошедшая дѣятельность которой нарисована имъ весьма мрачными красками. На той-же буржуазіи основываются всѣ его надежды.

Задача, которую Биго ставитъ современному обществу, заключается въ примиреніи развитой и состоятельной буржуазіи съ пролетаріатомъ.

„Рожденіе, развитіе, богатство—вотъ тѣ три элемента, которые раздѣляютъ человѣчество на два лагеря, далеко не равные по числу. Счастливые міра сего обязаны думать о томъ, какъ-бы помочь младшей братіи въ достиженіи благъ, какими обладаютъ они, счастливыя. Исполнивъ это, они показали-бы себя достойными выпадающаго на ихъ долю счастья, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили-бы себѣ преемниковъ и поддержку среди той части общества, которая хотя первоначально и была обдѣлена судьбою, но всегда готова была искать средствъ къ поднятію своего матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго уровня посредствомъ труда, порядка и бережливости. Велика ошибка пользующихся жизненнымъ счастьемъ, если они ограничиваются только тѣмъ, что наслаждаются жизненными благами! Нѣтъ, кто пользуется привилегією, тотъ долженъ нести и обязанности, съ нею связанныя. Если счастливыя, на долю которыхъ выпали самыя привлекательныя стороны жизни, будутъ заботиться лишь о сохраненіи за собою

права пользоваться этими удобствами; если остальная часть человечества будетъ существовать для нихъ только на-столько, на-сколько она можетъ служить ихъ собственнымъ интересамъ; если они, наконецъ, будутъ заняты только тѣмъ, чтобы сохранить за собою укрѣпленія, дающія имъ возможность держать страну въ своей власти, — то вправѣ-ли будутъ они жаловаться, если въ одинъ прекрасный день обиженные ими постараются овладѣть ихъ цитаделью? Чѣмъ имъ обязаны остальные ихъ соотечественники, которые ихъ знаютъ только по страданіямъ, вынесеннымъ по ихъ сознательной или случайной винѣ? Сами они, заявивъ намѣреніе жить исключительно для себя однихъ, тѣмъ самымъ напередъ подписали себѣ обвинительный приговоръ... Пусть руководящіе классы обсудятъ дѣло внимательно, и они не могутъ не убѣдиться, что собственные интересы ихъ требуютъ, чтобы они заслужили расположеніе, которое оказываетъ имъ судьба, призвавъ менѣе счастливыхъ братій своихъ ко всѣмъ выгодамъ, даруемымъ образованіемъ, представляющимъ собою первое и необходимое условіе достиженія всякихъ благъ. Невѣжественные классы сами по себѣ ничего не могутъ достигнуть на пути желаемаго ими преуспѣянія. Если предоставить ихъ на произволъ судьбы, то не только они не умножатъ прогресса, достигнутаго передъ даннымъ моментомъ, но даже не сумѣютъ сохранить всѣхъ выгодъ цивилизаціи — и міръ попытается по направленію къ варварству...

„Открыть свои ряды всѣмъ достойнымъ, оказать содѣйствіе, по мѣрѣ силъ и возможности, наступленію царства чистой справедливости, ускорить приближеніе момента, когда всѣ произвольныя неравенства въ обществѣ будутъ окончательно устранены, а останутся только неравенства естественныя, — вотъ роль, достойная руководящихъ классовъ! Слава тѣмъ изъ нихъ, которые въ дѣятельности своей будутъ исходить изъ подобнаго начала...“

Поставивъ такое общее положеніе, Виго переходитъ къ разбору частныхъ сторонъ вопроса и привлекаетъ прежде всего къ отвѣту правительства и сословія, правившія Франціею втеченіи послѣднихъ двухъ царствованій. „Іюльское правительство ничего не сдѣлало для поднятія матеріальнаго уровня низшихъ классовъ, говоритъ Виго; — вторая имперія ничего не сдѣлала для поднятія уровня нравственнаго. И орлеанская монархія, и вторая имперія,

права страню, руководились принципами растлѣнія: первая ввела растлѣніе политическое, вторая — растлѣніе политическое и соціальное. Если народъ во Франціи отучился отличать хорошее отъ дурного, справедливое отъ несправедливаго, то кто въ этомъ виновать, какъ не правящіе классы? Постыдныя интриги, которыми партіи дѣйствуютъ другъ противъ друга, только къ тому и приводятъ, что онѣ то завладѣвають властью силою, напоромъ, точно воры, со взломомъ грабящіе сундукъ съ деньгами; то достигаютъ ея путемъ темныхъ, подпольныхъ дѣйствій. Захвативъ власть въ свои руки, каждая партія только тѣмъ и занимается, что спѣшить воспользоваться мірскими благами, съ нею сопряженными, и надѣлать ими и себя, и родныхъ, и друзей: ничѣмъ не стѣсняются люди въ этомъ отношеніи и въ дѣйствіяхъ своихъ расходятся вполне съ своимъ прошедшимъ, оплевывая и награждая пощечинами свою собственную прежнюю дѣятельность. Совершенно лишнее сочинять какія-бы то ни было обличительныя рѣчи противъ нашихъ государственныхъ людей: достаточно перечитать тѣ, которыя они сами произносили въ прежнее время, когда власть была не въ ихъ рукахъ. Оппозиція страдаетъ въ своей дѣятельности такими-же общими мѣстами, какъ и власть. Одни всегда толкуютъ о свободѣ, о правѣ, о справедливости; другіе отпускаютъ все тѣ-же стереотипныя упреки въ стремленіи къ анархіи, въ колебаніи общественнаго строя, въ поднятіи краснаго знамени. Въ дѣйствительности о правѣ вопіютъ всегда слабые и побѣжденные; побѣдители довольствуются одною силою...

Затѣмъ авторъ послѣдовательно разбираетъ роль духовенства, магистратуры и прессы, какъ трехъ капитальныхъ руководящихъ обществомъ установленій.

Церковь, по словамъ Биго, должна-бы стоять „во главѣ движенія современной мысли“. Но можетъ-ли католицизмъ выполнить подобную роль? „Никогда, отвѣчаетъ авторъ, — потому что все интеллектуальное движеніе настоящаго вѣка происходитъ внѣ римской церкви. Римъ хочетъ противоdѣйствовать этому движенію, но, на дѣлѣ, даже не понимаетъ его... Въ то-же время эта церковь перестала усвоивать себѣ понятіе, безъ котораго никакой народъ не заслуживаетъ серьезной роли въ исторіи. Понятіе это — патриотизмъ. Римская церковь предалась ультрамонтанству; для

патера существуетъ только одно отечество: Ватиканъ, и признаеть онъ одинъ только законъ: непогрѣшимое повелѣніе римскаго первосвященника.“

О магистратурѣ Биго говоритъ слѣдующее: „Общество должно быть признано потрясеннымъ и больнымъ, если, при настоящей степени цивилизаціи и нравственнаго развитія, въ души гражданъ проникаетъ сомнѣніе въ безупречности тѣхъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ вѣсы правосудія“. Съ горечью вспоминаетъ Биго о дѣйствіяхъ судей во время второй имперіи, когда они оправдывали во что-бы то ни стало всякую дѣятельность правительственныхъ органовъ и постановляли свои рѣшенія по програмѣ, предписываемой клерикалами. Тщеславная погоня за почетными наградами не мало способствуетъ, по мнѣнію Биго, отстраненію въ судейской дѣятельности начала необходимой независимости. Этимъ грустнымъ воспоминаніямъ авторъ противопоставляетъ нѣсколько примѣровъ изъ независимой дѣятельности парламентской магистратуры въ прежнія времена. Однажды министръ пригласилъ къ себѣ предсѣдателя судебного мѣста, постановившаго оправдательный приговоръ по одному дѣлу, и въ разговорѣ сказалъ ему: „Счастливы вы, милостивый государь, что по званію вашему пользуетесь несмѣняемостью“. „Счастлива Франція, отвѣчалъ гордый судья,—что вы ею не пользуетесь“.

Биго, какъ журналистъ, хорошо знакомый съ журнальнымъ дѣломъ, не щадитъ современную французскую журналистику. Онъ говоритъ, что она пуста, часто позволяетъ себѣ наглые выходы и иногда прибѣгаетъ къ неблагороднымъ приѣмамъ. Вторая имперія, заботясь, главное, о томъ, чтобы пріостановить обсужденіе болѣе важныхъ вопросовъ дня, покровительствовала развитію въ прессѣ сплетничества и мелочного тщеславія. „Привыкнувъ писать, не выражая никакой существенной мысли, говоритъ Биго,—журналисты разучились мыслить. Не мало виновата и публика въ упадкѣ умственнаго развитія и пониженія уровня нравственности. Писатели гонятся за угожденіемъ публикѣ и стараются угождать господствующимъ вкусамъ. И писатели, и публика взаимно развращаютъ другъ друга; каждая изъ сторонъ играетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, роль развратителя. Главнѣйшая причина подобнаго растлѣнія лежитъ въ совершенной праздности, без-

дѣятельности мысли. Народъ и мелкая буржуазія не отвыкли еще отъ чтенія и ищутъ въ немъ чего-либо назидательнаго послѣ томительнаго дневнаго труда, человѣкъ читаетъ въ полномъ смыслѣ для развлеченія, чтобы при новомъ теченіи мысли совершенно освѣжить себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Но какимъ чтеніемъ занята богатая буржуазія? Исключительно сплетнями и репортерскими извѣстіями. Люди, которые съ наибольшою неохотою допускаютъ нѣкоторое напряженіе своихъ умственныхъ силъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которымъ съ утра до поздней ночи нечего дѣлать. Ихъ разочарованное воображеніе требуетъ исключительныхъ впечатлѣній, почерпаемыхъ изъ области скандала и сплетень. Они представляются ни во что невѣрующими и неимѣющими никакихъ принциповъ. Они презрительно смѣются надъ тѣми отсталыми идеалистами, которые увлекаются началами, выработанными философіей и основанными на свободѣ. Но въ дѣйствительности все это позировка; въ сущности, свептики подобнаго закала крайне легковѣрны. Привыкнувъ обходиться безъ всякаго умственнаго напряженія и работы, они въ концѣ-концовъ становятся даже неспособными къ ней и не могутъ дойти собственнымъ умомъ до распознаванія истины*.

Важнѣйшій недостатокъ, поражающій руководящіе классы французскаго общества въ самое сердце, это — разслабленіе воли, выражающееся въ совершенномъ отсутствіи энергіи. Явленіе это представляетъ собою въ нѣкоторомъ смыслѣ полную физическую и моральную анемію. Разслабленіе это въ интеллектуальномъ отношеніи выражается въ томъ крайнемъ легкомысліи, которымъ отличается именно образованная часть французскаго общества; въ отношеніи нравственномъ отсутствіе энергіи привело французовъ къ той исключительной порчѣ нравовъ, которая такъ поражаетъ иностранцевъ; но самыя пагубныя послѣдствія являются отъ того-же недостатка въ области жизни политической, — послѣдствія эти выражаются въ гибельномъ равнодушіи большинства ко всему, что происходитъ въ жизни государственной. Политика перестала интересовать высшія сферы французскаго общества. „Чѣмъ больше перемѣнъ, тѣмъ болѣе повторяются прежніе приемы“, — вотъ поговорка, которой отдѣлываются ненавистники политики, и оставляютъ ее на долю лавочниковъ и адвокатовъ. Высшая буржуазія занята

только вопросами собственной состоятельности и имущественнаго обезпеченія семействъ. Вся цѣль ея заключается въ томъ, чтобы поскорѣе разжиться, чему, конечно, болѣе всего способствуетъ биржевая спекуляція. Вотъ онъ, настоящій нервъ, руководящій современными интересами Франціи!

Совѣтъ не то представляется взорамъ наблюдателя по ту сторону Ламанша. Трудно отыскать англичанина, получившаго приличное образованіе, который не интересовался-бы политикою своего отечества, не слѣдилъ-бы со вниманіемъ за парламентскими дебатами, не имѣлъ-бы положительныхъ убѣжденій, либеральныхъ или консервативныхъ. Тамъ высшіе классы могутъ быть названы руководящими, потому что они дѣйствительно руководятъ. Тамъ они составляютъ дѣйствительную аристократію, ряды которой всегда открыты для всякаго новаго дѣятеля, отличающагося исключительными достоинствами.

Заслуживаютъ-ли названія „руководящихъ“ тѣ классы, которые вовсе не заботятся о томъ, чтобы идти впереди общества, руководимаго ими, которые остаются въ бездѣйствіи, избѣгаютъ обновленія и не умѣютъ дать соотвѣтственнаго современнымъ условіямъ направленія даже самимъ себѣ, не только другимъ?

„Если вздумается писателю начертать романъ французскаго семейства изъ среды руководящихъ классовъ, говоритъ Бигу, — планъ подобнаго произведенія у всѣхъ писателей одинъ и тотъ-же. Исторія этого семейства повторяется тысячи разъ въ здѣшнемъ обществѣ.

„Семейство исходитъ изъ среды народа. Оно отличается простотою нравовъ, здравымъ смысломъ и энергіею. При жизни первыхъ поколѣній оно обладаетъ всѣми тѣми добродѣтелями, которыя составляютъ принадлежность сильныхъ расъ и народовъ. Имѣющихъ будущее: бережливостью, трудолюбіемъ, строгостью къ самому себѣ и своимъ сочленамъ, настойчивостью въ одержаніи побѣды надъ природою и людьми, наконецъ благороднымъ самолюбіемъ, побуждающимъ достигать цѣлей только прямыми средствами. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ оно подвигается впередъ, очищая себѣ мѣсто собственнымъ трудомъ и усиленіемъ, — это мелкая буржуазія, дѣйствительная надежда Франціи. Наконецъ, оно достигаетъ цѣли и вступаетъ полноправно

въ ряды руководящихъ классовъ. Последнее поколѣніе является развитѣвшимъ цвѣткомъ этого послѣдовательнаго, вѣкового усилія и спѣшитъ надѣть или адвокатскій традиціонный костюмъ, или бѣлый галстухъ, отличающій нотариуса и медика, или, наконецъ, модный нарядъ богатаго банкира. Увы! съ этими внѣшними признаками достиженія цѣли является упадокъ тѣхъ качествъ, которыя привели къ желаннымъ результатамъ. Семейство наше размягчается, засыпаетъ, цѣпенѣетъ. Всѣ усилія его дѣятельности ограничиваются стремленіемъ къ сохраненію прибрѣтеннаго положенія. Одна только состоятельность увеличивается, вслѣдствіе накопленія наслѣдствъ и браковъ по расчету. Въ слѣдующемъ поколѣніи является уже положительный упадокъ. Отецъ достигъ жизненныхъ цѣлей собственнымъ достоинствомъ, сынъ уже ищетъ, какъ-бы воспользоваться связями и протекціею. Всѣ мысли его сосредоточены на томъ, какъ-бы хорошенько пожуировать: въ 18 лѣтъ онъ женоподобное созданіе, избѣгающее всякаго труда. Онъ занятъ своими лошадьми, посѣщаетъ клубы, одѣвается со вкусомъ, носитъ проборъ посреди головы, забавляется съ кокотками и задаетъ нескончаемую пляску этому пресловутому состоянію, надъ накопленіемъ котораго трудилось нѣсколько поколѣній!.. Вотъ тотъ прелестный цвѣтокъ, о произрастеніи котораго такъ сильно заботились“.

Причины такого результата, по мнѣнію автора, лежатъ прежде всего въ характерѣ расы, которая легче переноситъ злополучіе, чѣмъ благоденствіе. Но еще болѣе народнаго характера дѣйствуетъ тутъ несоотвѣтственное воспитаніе, даваемое юношеству. Биго рѣшительно порицаетъ обѣ системы: какъ свѣтскаго, такъ и католическаго воспитанія; и то, и другое, по его словамъ, убиваетъ, а не развиваетъ всякую энергію въ человѣкѣ.

Женщинамъ посвящена отдѣльная глава въ произведеніи Биго. По его мнѣнію, во Франціи онѣ получаютъ самое плохое воспитаніе; дѣвушекъ дурно учатъ, но еще хуже дѣлаютъ, что отъ нихъ многое скрываютъ, что знать имъ крайне необходимо. Система воспитанія дѣвушекъ во Франціи нисколько не укрѣпляетъ разсудка учащихся и съ тѣмъ вмѣстѣ страшно развиваетъ ихъ нервную систему и чувствительность. Женщины и безъ того по своей природѣ нервы и чувствительны, а воспитаніе доводитъ эти каче-

ства до болѣзненнаго состоянія. Романическому направленію потакають до крайности. Трудно встрѣтить школу, въ которой воспитанницамъ внушались-бы понятія о порядкѣ, правилахъ, законахъ, на основаніи которыхъ все живущее существуетъ и движется. Напротивъ, сила воображенія служитъ элементомъ постоянно новаго развитія: дѣвицы пичкають разсказами о сверхъестественномъ, заставляютъ зубрить легенды и проч. Точно по заказу стараются лишить умственные силы необходимой устойчивости, направляя воображеніе къ созерцанію міра, неизмѣющаго ничего общаго съ дѣйствительностью.

Въ настоящее время оба пола составляютъ во Франціи два особыхъ міра, неизмѣющихся между собою ничего общаго. Воспитаніе и обученіе ихъ до такой степени расходятся по самымъ принципамъ своимъ, что мужчины и женщины въ результатѣ представляютъ двѣ какъ-бы отдѣльныя націи. Женская половина живетъ еще остатками средневѣковой формальной религіозности, отживающими суевѣріями и броженіемъ устарѣлаго фанатизма; мужская питается между тѣмъ уроками исторіи, права и вообще всякой науки. Что-же можетъ быть общаго, при подобныхъ условіяхъ, между обѣими половинами? Одно только внѣшнее, матеріальное общеніе, нисколько невозстановляющее разобщенія умственнаго и нравственнаго.

„Жена отличается набожностью и даже ханжествомъ, а мужъ никогда ногою не ступитъ въ церковь, говоритъ Биго. — Мужъ либераль и сочувствуетъ республикѣ, а жена всею душою предается легитимистскимъ симпатіямъ и подчиняется вліянію патера. Съ каждымъ днемъ пропасть, раздѣляющая оба пола, все болѣе и болѣе расширяется, чему не мало способствуетъ новое направленіе католицизма, выражающееся въ полнѣйшей нетерпимости“.

Причина такого порядка вещей, по мнѣнію Биго, лежитъ преимущественно въ воспитаніи. Однимъ только воспитаніемъ можно достигнуть перемѣны въ этомъ отношеніи. Воспитаніе должно быть одинаковымъ для обохъ половъ; развитіе того и другого должно быть основано на наукѣ и на любви къ справедливости, а не на узкихъ клерикальныхъ внушеніяхъ. А для этого нужны школы, неизмѣющія другой тенденціозности, кромѣ выясненія научныхъ истинъ, въ которыхъ нравственное обученіе основывалось-бы на на-

чалахъ дѣйствительной нравственности, а не условной. Мало того, чтобы школы преслѣдовали преподаваніе научное, необходимо, чтобы въ нихъ популяризировались всѣ возможные спеціальности, могущія развить воспріимчивыя духовныя силы народа; литература, музыка, рисованіе, — всѣ, однимъ словомъ, виды искусства призваны въ одинаковой степени служить къ поднятію народнаго уровня.

Никто въ мірѣ не родится самъ по себѣ, особнякомъ. „Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного“ — вотъ настоящій девизъ современнаго общества. Не во имя добровольныхъ уступокъ и жалостливой милостыни призваны руководящіе классы къ выполненію обязанностей, налагаемыхъ на нихъ ихъ общественною ролью, а во имя безусловной общности и солидарности всей массы. Солидарность составляетъ высшую форму проявленія справедливости въ общественной жизни.

Въ краткомъ отчетѣ объ интересной книгѣ Биго я постарался выяснитъ главныя положенія талантливаго писателя. Появленіе его книги весьма утѣшительно, хотя она не нравится многимъ здѣшнимъ критикамъ. Шовинизмъ еще не умеръ во Франціи и шовинистамъ досадно, что Биго осмѣливается обнажать язвы „великой націи“. Но даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи французскаго общества, нельзя не согласиться съ авторомъ, что образованные классы во Франціи расслаблены именно отъ излишка матеріальныхъ средствъ. Поэтому образованные классы во Франціи не имѣютъ въ политической и общественной жизни того значенія, которымъ должны-бы были пользоваться при существованіи большей нравственной простоты. Этой-то простоты и связанной съ нею устойчивости жизненныхъ началъ требуетъ Биго. „Всѣ французы — либералы и революціонеры, говоритъ онъ, — пока имъ приходится выработывать себѣ положеніе и сколачивать состояніе; всѣ они становятся реакціонерами, какъ скоро достигли своей цѣли. Въ послѣдніе годы своей жизни они оплевываютъ сами себя, свои-же прежніе принципы, свою-же прежнюю дѣятельность; они начинаютъ съ того, что хотятъ все передѣлать, все перестроить, все пересоздать, а кончатъ тѣмъ, что оказываются готовыми на всякія пожертвованія, только-бы ничто не двинулось съ мѣста!“

Отсюда естественный выводъ, что Франціи необходимо обновленіе. Но гдѣ и какія къ тому средства? По мнѣнію автора, един-

ственное средство воротить Францію съ дороги растлѣнія и упадка, это — примиреніе буржуазіи съ пролетаріатомъ, а внѣ этого примиренія для нея нѣтъ спасенія, потому что симптомы разложенія начинаютъ появляться все чаще и чаще.

Но какъ добиться этого примиренія? Чѣмъ побудить руководящіе классы отступить отъ пагубныхъ нравовъ и спасти себя отъ разслабленія, — этого Бюго не говоритъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ не удалось пока ни одному изъ французскихъ мыслителей. Къ тому-же даже уроки исторіи оказываются недостаточными во Франціи для того, чтобы пріостановить ходъ событій. Давно-ли прусскій разгромъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ общественныя чувстваванія, симпатіи и увлеченія? Казалось, урокъ былъ сильный. И что-же? прошло нѣсколько лѣтъ — и французское общество вошло опять въ колею своей обыденной дѣятельности. Руководящіе классы здѣсь ничему не выучились и ничего не позабыли. Страна заплатила свои пять миллиардовъ и не обѣднѣла, но и нравы остались все тѣ-же.

Августъ.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

ПОСЛѢ СТОЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

(White Conquest by William Heberworth Dixon. London, 1876. 2 vol.)

Хотя Диксонъ почему-то пользуется у насъ большою популярностью, но его, конечно, нельзя отнести къ серьезнымъ дѣятелямъ европейской мысли;—это блестящій, эффектный фельетонистъ, мастеръ составить любопытную книгу изъ ловко собранныхъ матеріаловъ, и болѣе ничего. Однакожь, не придавая большого значенія этому плодовитому автору многочисленныхъ біографическихъ, историческихъ и этнографическихъ компиляцій, нельзя не отдать ему справедливости, что въ описаніи собственныхъ его путешествій онъ всегда сообщаетъ много интереснаго и новаго; онъ отлично знаетъ, куда ѣхать въ данную минуту, что осмотрѣть и какъ рассказать. Въ этомъ отношеніи всего замѣчательнѣе его „Новая Америка“, которой онъ главнымъ образомъ обязанъ своей литературной извѣстностью. Эта книга, подъ легкой формой путевыхъ впечатлѣній, впервые познакомила европейскихъ читателей съ своеобразными проявленіями умственнаго и религіознаго движенія нашего вѣка въ разнообразныхъ американскихъ сектахъ. Новое, только-что вышедшее сочиненіе Диксона, подъ заманчивымъ и таинственнымъ заглавіемъ: „Бѣлое завоеваніе“, представляетъ также описаніе его путешествія по Соединеннымъ Штатамъ въ прошломъ году. Послѣ „Новой Америки“ это самая любопытная и занимательная книга, вышедшая изъ-подъ его неутомимаго пера. Начавъ свою экскурсію или, по крайней мѣрѣ, свой дневникъ съ береговъ Тихаго Океана къ югу отъ Сан-Франциско, гдѣ онъ собралъ много интересныхъ анекдотовъ о калифорнской жизни, Диксонъ отправился черезъ

Уту на востокъ, въ Илинойсъ, оттуда спустился въ Техасъ, Новый Орлеанъ и Чарльстоунъ, а затѣмъ снова поднялся по берегу Атлантическаго океана въ Вермонтъ. Въ своей книгѣ онъ пытается представить картину современнаго положенія въ Америкѣ красной, черной и желтой расы, то-есть индѣйцевъ, негровъ и китайцевъ, въ ихъ борьбѣ за существованіе съ торжествующими „бѣлыми завоевателями“. Строго держась этой задачи, онъ, тѣмъ не менѣе, сообщаетъ много любопытныхъ свѣденій о Соединенныхъ Штатахъ, которыя въ основаніи справедливы, хотя часто обставлены для вящаго эффекта невѣроятными подробностями и рассказаны слишкомъ напыщеннымъ, цвѣтистымъ слогомъ.

Мы постараемся въ этой статьѣ познакомить читателей со всѣмъ, что заключается интереснаго и новаго въ этой книгѣ, имѣющей большой успѣхъ въ Англіи, отбросивъ весь ненужный балластъ, помогшій ей ловкому автору составить два большихъ тома, читающіеся очень легко и пріятно, какъ и всѣ сочиненія этого умнаго рассказчика.

I.

Исторія столѣтняго существованія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ представляетъ почти невѣроятную, волшебную сказку. Декларацию о независимости подписали, въ 1776 году, представители 13 колоній, считавшихъ 28,000 кв. миль пространства и 2,500,000 жителей, въ числѣ которыхъ было 500,000 негровъ-рабовъ. Не прошло и ста лѣтъ, въ 1874 г. 13 колоній превратились въ 39 штатовъ и 8 территорій съ 170,000 кв. миль пространства и съ 40,000,000 свободнаго населенія. Въ одно столѣтіе изъ небольшого государства американская республика сдѣлалась могущественной державой, третьей въ свѣтѣ по пространству и четвертой по народонаселенію *).

Юная республика начала свое существованіе на узкой полосѣ

*) Диксонъ приводитъ слѣдующую статистическую таблицу первыхъ четырехъ государствъ въ свѣтѣ:

Великобританія . .	8,000,000	англ. кв. миль	224,000,000	жител.
Китай (съ Монголіей)	3,000,000	„ „ „	420,000,000	„
Россія	7,000,000	„ „ „	74,000,000	„
Соед. Амер. Штат.	3,100,000	„ „ „	40,000,000	„

земли, не шире 100 англійскихъ миль, между горнымъ краемъ Алеганъ и Атлантическимъ океаномъ; только нѣкоторые предприимчивые плантаторы проложили себѣ дорогу въ необозримую равнину, гдѣ теперь лежатъ плодоносные штаты: западная Виргинія и Кентуки. Тогдашніе патріоты говорили, что западной границей республики было заходящее солнце, но въ то время позагали, что солнце заходило не по ту сторону Тихаго океана, на берегахъ Японіи, а на вершинахъ Голубого кряжа (Алеганъ). Питсбургъ, только-что выстроенное селеніе, стоялъ въ пустынѣ; путешественникъ, пускавшійся въ лодкѣ внизъ по Огіо, считался смѣльчакомъ; тамъ, гдѣ теперь стоитъ Цинцинати съ его школами, церквями, фабриками и желѣзными дорогами, индѣйцы разводили свои огни и оглашали воздухъ воинственнымъ крикомъ. Они охотились на буйволовъ по равнинамъ Индіаны, ловили рыбу въ притокахъ Миссисипи, сдирали кожу и жгли жилища бѣлыхъ, дерзавшихъ проникнуть въ Красную страну. На южной границѣ республики стоялъ на стражѣ бдительный, завистливый врагъ, тѣмъ болѣе опасный, что еще недавно былъ другомъ. Франція держала въ своей власти устье Миссисипи и въ грубомъ невѣденіи истинной политики отрѣзывала путь новому государству къ обладанію могучей рѣкой, безъ чего немислимо было заселеніе и промышленное развитіе Миссисипской долины. Такимъ образомъ, природа и обстоятельства, казалось, ограничивали распространеніе юной республики, удерживая ее въ первоначальныхъ предѣлахъ, въ прибрежной странѣ между Мэнномъ и Георгіей.

По окончаніи войны за независимость будущность республики представлялась многимъ далеко не обезпеченной. Даже Вашингтонъ не смѣлъ надѣяться; обозрѣвая освобожденную имъ страну, онъ не могъ удержаться отъ горькаго сомнѣнія и страха за ея дальнѣйшее существованіе. Вездѣ виднѣлись слѣды опустошеній междоусобной войны. Города и селенія были сожжены, дороги испорчены, мосты сломаны, мельницы уничтожены, дома разрушены или покрыты грязью и плесенью. Населеніе новаго свободнаго государства было бѣдно; почти въ каждомъ домѣ лежали раненые, почти каждый солдатъ выдавалъ себя за калѣку и требовалъ дароваго пропитанія. Всѣ были въ долгу, недовольны, озабочены; послѣ многихъ лѣтъ возбужденной военной дѣятельности никто не хотѣлъ приниматься за мирный трудъ. Благородный энтузіазмъ

остыль; грубость нравовъ и пьянство, естественные плоды долгой лагерной жизни, развились въ ужасающихъ размѣрахъ. Развратъ вошелъ въ моду; воспитаніе, составлявшее нѣкогда первую заботу поселенцевъ, пришло въ упадокъ и лучшие педагоги, не видя исхода для своей дѣятельности, бѣжали въ Европу. „Духъ свободы, говорилъ Вашингтонъ, черезъ семь лѣтъ послѣ объявленія независимости, — совершенно подавленъ эгоистическими страстями“. Но духъ свободы жилъ въ сердцѣ этого великаго гражданина; онъ принялся за врачеваніе естественныхъ ранъ и недуговъ, причиненныхъ войною его дѣтищу, и черезъ сто лѣтъ посѣянное имъ зерно дало такую жатву, о какой никогда не могъ и мечтать честный сѣятель.

Результаты его трудовъ по-истинѣ поразительны! У Франціи откуплено устье Миссисипи, испанцы изгнаны изъ Флориды, а мексиканцы изъ Калифорніи, Аризона и Техаса; почти всѣ области умѣренной полосы и нѣсколько областей полу-тропической полосы сѣверной Америки вошли въ составъ республики. И на этомъ громадномъ пространствѣ въ настоящее время живетъ 40,000,000 свободныхъ гражданъ, находится 146,000 школъ съ 270,000 учителей и 7,000,000 учениковъ обоего пола; 56,000 общественныхъ и 100,000 частныхъ библиотекъ съ 46,000,000 книгъ; 5,800 газетъ, выходящихъ въ 15,000,000,000 экземпляровъ; 400,000 фермъ, стоимостью на 200,000,000,000 фунтовъ стерлинговъ; 7,500,000 семействъ съ 7,000,000 отдѣльныхъ домовъ, такъ-что почти каждый глава семейства имѣетъ собственный домъ.

Впродолженіи своей столѣтней юной жизни американская республика много послужила на пользу человѣчества. Не говоря о пароходахъ и электрическихъ телеграфахъ, изобрѣтеніе которыхъ оспаривается у американцевъ, они подарили свѣту земледѣльскія и швейныя машины, электро-магнитъ, обращающійся печатный станокъ, трепальную машину, искусственный ледъ, гутаперчевыя произведенія и проч., и проч. Списокъ американскихъ изобрѣтеній и техническихъ приспособленій почти безконеченъ. Республика богата замѣчательными умами, предприимчивыми во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Въ ея предѣлахъ величайшій въ свѣтѣ водопадъ и широчайшій горный кражъ, а она сумѣла перекинуть мостъ черезъ первый и провести желѣзную дорогу черезъ послѣдній. Еще, быть можетъ, поразительнѣе чудовищное развитіе ея городовъ. Быстрый, сказочный ростъ

Нью-Йорка, Чикаго, Цинцинати и Сан-Франциско извѣстенъ во всемъ, но въ этомъ отношеніи Филадельфія служитъ еще болѣе поразительнымъ примѣромъ необыкновеннаго прогреса американской республики, потому что она не обязана своимъ процвѣтаніемъ случайнымъ, временнымъ условіямъ. Открытіе громадныхъ минеральныхъ богатствъ привлекло въ Сан-Франциско предприимчивыхъ людей со всего свѣта; наплывъ европейскихъ эмигрантовъ дѣлаетъ Нью-Йоркъ центромъ Новаго Свѣта; желѣзная дорога создала Омаху; нефтяныя источники даютъ жизнь Петролею; громадные доки составляютъ славу Биркенгеда. Но Филадельфія обязана своимъ благоденствіемъ только общимъ, естественнымъ, неизмѣняющимся причинамъ. Еще живы люди, помнящіе Филадельфію маленькимъ, незначительнымъ городкомъ, а теперь она четвертый городъ въ свѣтѣ послѣ Лондона, Парижа и Нью-Йорка, съ 1,100,000 жителей, съ широчайшимъ и, быть можетъ, красивѣйшимъ мостомъ въ свѣтѣ, съ великолѣпными, богатыми общественными и частными зданіями, между которыми первое мѣсто занимаетъ пенсильванскій университетъ, Джерардово училище, Масонскій храмъ, съ Фермонтскимъ паркомъ, который, раскидываясь на 3,500 акровъ, представляетъ седьмое чудо и, какъ по величинѣ, такъ и по красотѣ, не имѣетъ себѣ нигдѣ равнаго. Также, быть можетъ, нигдѣ, ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ, нѣтъ такого комфорта и чистоты въ частныхъ жилищахъ, какъ въ Филадельфіи. Вишняя красота еще не служитъ доказательствомъ городского благоденствія; обстановка Парижа Наполеономъ III великолѣпными зданіями и улицами нисколько не свидѣтельствовала о здоровомъ ростѣ французской столицы. Но Филадельфія можетъ гордиться своимъ гигиеническимъ положеніемъ. Въ ней нѣтъ ни мрачныхъ трущобъ, ни отвратительныхъ нищенскихъ конуръ, ни грязи, ни пыли, и почти въ каждомъ домѣ, почти въ каждой квартирѣ есть ванна. Изъ послѣдняго отчета мѣстнаго водопроводнаго общества оказывается, что 40,000 семействъ въ Филадельфіи платятъ обществу за воду для своихъ домашнихъ ваннъ.

Набросавъ широкими, рѣзкими штрихами грандіозную картину развитія американской республики, Диксонъ указываетъ и на обратную сторону медали. По его словамъ, четыре главные недуга гложутъ общественный организмъ республики и мѣшаютъ ему достигъ еще болѣе гигантскаго роста. Отъ успѣшнаго исхода упорной борьбы съ этими язвами зависитъ ея будущность. На первомъ мѣстѣ

стоять борьба бѣлой расы съ черной, красной и желтой, то-есть европейскихъ поселенцевъ сѣверной Америки съ туземными индѣйцами, еще не совершенно исчезнувшими, съ освобожденными неграми и китайцами, наводняющими въ послѣдніе годы западные штаты. Эта племенная борьба за существованіе преобладающей бѣлой расы въ Новомъ Свѣтѣ составляетъ главный предметъ книги Диксона, и потому мы прежде рассмотримъ три другіе общественные недуга американской республики, на которые онъ обращаетъ менѣе вниманія, считая ихъ не столь важными. Эти недуги заключаются въ недостаточномъ количествѣ женскаго пола, въ пьянствѣ и въ нечестивѣ грубой массы.

Ни въ одной образованной странѣ нѣтъ такого рѣзкаго неравенствія между численностью мужского и женскаго пола, какъ въ сѣверной Америкѣ. Въ 1870 году бѣлое населеніе американской республики составляло 33,589,000 душъ, въ томъ числѣ 17,029,000 мужчинъ и 16,560,000 женщинъ, — слѣдовательно, послѣднихъ менѣе первыхъ на 469,000 душъ, тогда какъ въ Англіи, при 31,670,000 жителей, женщинъ 16,257,000, то-есть на 897,000 болѣе, чѣмъ мужчинъ, а въ Пруссіи въ каждой тысячѣ населенія 13-тью женщинами болѣе, чѣмъ мужчинами. Этотъ недостатокъ женщинъ въ Америкѣ происходитъ, конечно, отъ преобладанія мужского элемента въ эмиграціи, начиная съ самыхъ первыхъ временъ. По статистическимъ вычисленіямъ, Англія и Германія должны Соединеннымъ Штатамъ 800,000 женщинъ, что составитъ, если считать каждую женщину такъ-же, какъ мужчину, въ 1,000 долларовъ — 800,000,000 долларовъ. При этомъ Соединенные Штаты страдаютъ въ общественномъ и нравственномъ отношеніяхъ не только отъ общаго недостатка въ женскомъ населеніи, но и отъ несчастнаго, неравновѣрнаго его распредѣленія. Въ Англіи, Франціи и Германіи во всѣхъ провинціяхъ оба пола распредѣлены почти поровну, съ небольшимъ преимуществомъ въ пользу женщинъ; но въ американской республикѣ нѣкоторые изъ штатовъ слишкомъ богаты женщинами, а другіе слишкомъ бѣдны; такъ въ 17 штатахъ и въ колумбскомъ округѣ болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ; въ старыхъ англійскихъ колоніяхъ преобладаніе женщинъ достигаетъ значительной цифры, особенно въ Массачусетѣ, гдѣ въ каждой тысячѣ 34 женщинами болѣе, чѣмъ мужчинами, въ Родъ-Эйлендѣ и въ Сѣверной Каролинѣ, гдѣ женщинъ болѣе, чѣмъ во

всѣхъ европейскихъ странахъ, исключая Швеціи. Но самымъ многочисленнымъ округомъ въ отношеніи женщинъ на всемъ свѣтѣ является Колумбія съ Вашингтономъ. Въ этомъ женскомъ чистилищѣ въ каждой тысячѣ населенія 528 женщинъ на 472 мужчины. Это, повидимому, странное явленіе объясняется очень просто тѣмъ, что Колумбія состоитъ почти изъ одного Вашингтона, столицы республики, привлекающей отовсюду женщинъ своими удовольствіями, богатствомъ и громаднымъ количествомъ холостяковъ. Во всѣхъ остальныхъ штатахъ и территоріяхъ недостаточное количество женщинъ усиливается, чѣмъ далѣе мы углубляемся на западъ; въ Вермонтѣ, Делаварѣ и Кентуки неравновѣсіе половъ совершенно незначительно; въ Утѣ, Арканзасѣ, Индіанѣ оно болѣе рѣзко; въ Калифорніи, Канзасѣ и Минезотѣ оно достигаетъ громадной цифры, а въ Аризонѣ, Идахѣ и Монтанѣ на четырехъ мужчинъ приходится одна женщина. Нужно-ли распространяться о нравственномъ и общественномъ положеніи страны, гдѣ въ бѣломъ населеніи на четырехъ мужчинъ приходится одна женщина? Если-бы бѣлая раса сохранила здѣсь равновѣсіе между полами, то не было-бы постыднаго торга въ западныхъ штатахъ индѣйскими дѣвушками, наплыва китайскихъ невольницъ и такого разврата, какой существуетъ въ Сан-Франциско и между рудокопами въ Скалистыхъ горахъ; наконецъ, и семейная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ не представляла-бы такихъ многочисленныхъ элементовъ раздора, какъ теперь. Если-бы каждый мужчина имѣлъ возможность жениться, онъ оставялъ-бы въ покоѣ жену сосѣда, и если-бы каждая женщина могла рассчитывать на любовь только одного мужчины, она была-бы менѣ мечтательна.

Недостаточное количество женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ влечетъ за собой не только нравственные, но и чисто-физическія неудобства. Судя по изслѣдованіямъ Катаринны Бичеръ, пламенной защитницы женской свободы, физическое здоровье американокъ внушаетъ самыя грустныя опасенія. „Среди громаднаго числа моихъ друзей и знакомыхъ во всѣхъ штатахъ, говоритъ она, — я не могу насчитать десяти замужнихъ женщинъ совершенно здоровыхъ“. Не довольствуясь своими знакомыми, м-сь Бичеръ посѣтила 98 городовъ, и по собраннымъ ею свѣденіямъ, которыя цитируются официальными отчетами вашингтонскаго правительства, изъ 10 американокъ только одна физически способна быть женою

и матерью. Три года тому назадъ вѣдомство народнаго образованія обнародовало статистическія данныя объ отношеніи рожденій къ общей смертности населенія Америки, которая поразила, какъ громомъ, всѣхъ истинныхъ патріотовъ. Непреложныя цифры доказали, что процентъ рожденій постоянно, изъ года въ годъ, уменьшается. Въ этомъ отношеніи американская республика уступаетъ всѣмъ европейскимъ государствамъ, даже Франціи въ самое худшее время правленія Наполеона III. Ученые статистики и доктора въ Бостонѣ пришли даже къ тому заключенію, что бѣлая раса не можетъ существовать на американской почвѣ. И, несмотря на все это, никакія мѣры не принимаются для измѣненія неравновѣсія между полами. Если избытокъ мужчинъ въ послѣдніе годы нѣсколько и уменьшился, то это благодаря общему уменьшенію эмиграціи. Въ 1860 году въ американской республикѣ было на 750,000 мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ, а черезъ десять лѣтъ эта цифра сократилась почти на 300,000. Неравенство половъ, созданное эмиграціей, и прекратится только съ ея уничтоженіемъ. Но вопросъ въ томъ, не будетъ-ли послѣднее хуже перваго?

Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ унаслѣдована американцами отъ ихъ предковъ—англичанъ и нѣмцевъ. Но если они пьютъ болѣе французовъ, итальянцевъ и испанцевъ, то и работаютъ болѣе ихъ. Во всемъ, хорошемъ и дурномъ, американцы выказываютъ могучую, своеобразную силу. Впрочемъ, если велико зло, то энергичны и мѣры, принимаемыя противъ него. Не только пьяницъ подвергаютъ штрафамъ и даже арестамъ, но въ нѣкоторыхъ штатахъ воспрещена совсѣмъ продажа крѣпкихъ напитковъ, а въ другихъ она ограничена такими условіями, которыя почти равняются запрещенію. Мало того, продавцы крѣпкихъ напитковъ во многихъ городахъ отвѣчаютъ за вредъ, причиненный пьяными; наконецъ, пьянство служитъ поводомъ къ разводу. Но всѣ эти мѣры не приводятъ ни къ чему и въ Соединенныхъ Штатахъ употребляютъ теперь водки даже болѣе, чѣмъ прежде. Въ самыхъ трезвыхъ мѣстностяхъ судебныя приговоры за пьянство увеличиваются съ каждымъ годомъ. Въ Мэнѣ, несмотря на его строгую систему совершеннаго воспрещенія продажи водки, въ 1874 году наложено болѣе штрафовъ за нарушеніе закона, чѣмъ въ прежніе года. Массачусетъ, испытавъ впродолженіи двадцати лѣтъ запретительную систему, теперь возвратился къ старой теоріи прави-

тельственнаго контроля надъ продажей питей. Въ Огіо пробовали и строгіе законы, и полицейскій надзоръ, и религіозный энтузіазмъ, но всѣ эти попытки оказались безуспѣшными. Болѣе успѣшно дѣйствовала здѣсь борьба женщинъ противъ пьянства и питейныхъ заведеній, но она прекращена правительствомъ. Этотъ крестовый походъ противъ общественнаго зла былъ предпринятъ почтенными женщинами веслеянской церкви и, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя выходки, заслуживаетъ полнаго уваженія. Первый починъ былъ сдѣланъ въ Цинциннати; толпа женщинъ, имѣя во главѣ м-съ Карей, послѣ церковной службы отправилась по улицамъ и, останавливаясь передъ питейными заведеніями, пѣла гимны и горячо молилась, чтобы Господь обратилъ на путь истинный пьяницъ и эксплуатирующихъ ихъ кабатчиковъ. Сначала посятители питейныхъ заведеній осыпали насмѣшками этихъ новыхъ крестоносцевъ, но вскорѣ привязанность американцевъ къ гимнамъ взяла свое; снявъ шляпы, мужчины, какъ внутри заведеній, такъ и на улицахъ, стали вторить религіозному пѣнію, а когда женщины возвратились въ церковь, за ними послѣдовали толпы мужчинъ, наэлектризованныхъ религіознымъ одушевленіемъ поборницъ трезвости. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль ежедневно повторялась эта сцена. Нѣкоторые изъ содержателей винныхъ погребовъ и кабаковъ приглашали женщинъ входить въ ихъ заведенія, и энтузіастки, оглашая воздухъ гимнами, выгоняли на улицу всѣхъ посѣтелей; другіе же содержатели закрывали свои заведенія, и только немногіе, подпоивъ отчаянныхъ кутилъ, заставляли ихъ пѣть неприличныя пѣсни. Но это не могло остановить движенія и уже тысяча питейныхъ заведеній была закрыта благодаря женщинамъ, какъ въ дѣло вступились власти и, подъ предлогомъ стѣсненія торговли и безпорядковъ на улицахъ положили конецъ благодѣтельной, хотя и очень оригинальной реформѣ. Въ сущности, власти, избираемыя, главнымъ образомъ, торговцами крѣпкихъ напитковъ, имѣющими въ городѣ громадное вліяніе, не хотѣли дать въ обиду своихъ сторонниковъ. Вообще эта торговля такъ выгодна въ Огіо, что штрафы для содержателей питейныхъ заведеній ничего не значатъ и они платятъ ихъ съ удовольствіемъ, не прекращая своихъ эксплуататорскихъ подвиговъ. Впрочемъ, хорошій судья можетъ всегда найти способъ доставить закону торжество. Такъ, Диксонъ рассказываетъ, что въ Цинциннати одинъ еврей судился

за продажу водки безъ патента; выслушавъ приговоръ судьи, оштрафовавшаго его 10 долларами, онъ произнесъ съ улыбкой: „десять долларовъ! заплачу и буду продавать опять“. На слѣдующій разъ судья назначилъ штрафъ въ 20 долларовъ; еврей сказалъ, оскаливъ зубы: „двадцать долларовъ! заплачу и буду опять“. Въ третій разъ штрафъ возвысился до 100 долларовъ и еврей, блѣдный, какъ полотно, пробормоталъ: „Сто долларовъ! больше не буду“.

Самыя яркія доказательства, что общество и законъ могутъ побороть роковое зло пьянства, несмотря на всѣ трудности, служить примѣръ Сент-Джонсбюри, небольшого городка въ Вермонтѣ. Описаніе этого невѣдомаго уголка Америки, прозваннаго раемъ рабочихъ, составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ книгѣ Диксона.

„Рѣдко, рассказываетъ онъ, — человѣческой взглядъ останавливается на такой живописной мѣстности, какъ Сент-Джонсбюри на берегу Коннектикута, въ роскошной, плодородной долинѣ, окруженной горными откосами, покрытыми блестящей зеленью дубовъ и каштановыхъ деревьевъ. Несмотря на всю свою физическую красоту, этотъ городокъ еще болѣе замѣчателенъ своимъ нравственнымъ порядкомъ. На улицахъ его не видно ни одного нищаго, ни одного пьянаго или праздношатающагося. Нѣтъ грязныхъ трущобъ и зловонія. Во время двухдневнаго моего пребыванія въ этомъ удивительномъ мѣстечкѣ я не видалъ ни одной женщины въ лохмотьяхъ, ни одного босого ребенка. Взрослые работаютъ, дѣти учатся. Каждый домикъ стоитъ отдѣльно на зеленомъ лужкѣ; стѣны окрашены большею частью бѣлой краской, хотя она дороже другихъ; въ окнахъ нѣтъ разбитыхъ стеколъ; съ крышъ не висятъ куски гонта; на дворахъ не мозолятъ глаза нечистоты. Школа на главной улицѣ, очень удобное, привлекательное зданіе съ большимъ садомъ и лугомъ для игры; дѣти обоюга пола здѣсь получаютъ даровое, хорошее воспитаніе, благодаря которому они выходятъ на жизненное поприще вполне готовыми къ полезной, трудовой дѣятельности. Сент-Джонсбюри населенъ преимущественно рабочими и составляетъ практическое примѣненіе на большой ногѣ образцовой системы рабочихъ жилищъ, о которыхъ хлопочутъ въ Англіи филантропы съ цѣлью пріучить рабочихъ къ бережливости и мало-по-малу обратить ихъ въ собственниковъ. Здѣсь эта задача разрѣшена и большинство рабочихъ владѣютъ своими жи-

лицами, которыя отличаются замѣчательнымъ комфортомъ и чистотой. Въ чемъ-же состоитъ тайна этого рая рабочихъ? Отчего дома такъ чисты, люди такъ хорошо живутъ и ѣдятъ? Отчего дѣти такъ здоровы и прилично одѣты? Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ мнѣ, что своимъ необыкновеннымъ благоденствіемъ Сент-Джонсбюри обязанъ строгому примѣненію закона о запрещеніи пьянства.

„Жители Вермонта, происходя отъ стараго, мужественнаго поколѣнія пуританъ и отличающагося строгой нравственностью, предпочитаютъ сами воду и не дозволяютъ никому пить даже пиво. „Мы живемъ, говорятъ они, — въ республикѣ, гдѣ всѣ люди свободны, но для всѣхъ законъ одинъ, и то, что мы признаемъ обязательнымъ, должно исполняться всѣми“. Такимъ образомъ, сторонники трезвости, находясь въ большинствѣ, приняли такъ-называемый шенскій законъ о воспрещеніи водки и исполняютъ его самымъ строгимъ образомъ. Во всемъ Сент-Джонсбюри нѣтъ ни одного питейнаго дома или кабака и никто изъ гражданъ не смѣетъ продавать подъ какими-бы то ни было предлогомъ спиртуозныя напитки. Въ двухъ гостинницахъ, чрезвычайно удобныхъ и живописно расположенныхъ, нельзя ничего достать, кромѣ воды и молока. Я привыкъ въ моихъ многочисленныхъ путешествіяхъ привыкаться къ мѣстнымъ обычаямъ: я грызъ ледъ съ друзьями Ливана, ѣлъ арбузы съ киргизами, пилъ квасъ съ печерскимъ архимандритомъ; поэтому я довольствовался, за неимѣніемъ вина, водой и чаемъ. Но остановившійся со мною въ гостинницѣ соотечественникъ, недавно вышедшій изъ Оксфорда, присталъ къ лакею, чтобы тотъ принесъ ему бутылку эля.

„— Это можно, сэръ, отвѣчалъ, наконецъ, лакей. — Но вамъ придется подождать. Надо послать къ комисару.

„— Къ какому комисару?

„— Къ чиновнику, назначаемому правительствомъ для продажи ядовитыхъ веществъ, подобно тому, какъ, говорятъ, у васъ въ Лондонѣ аптекаря только по особому разрѣшенію продаютъ мышьякъ.

„Лакей удалился и черезъ минуту подаль моему пріятелю листъ бумаги и перо, прося его написать требованіе эля и свою фамилію.

„— Къ чему это?

„— Комисаръ обязанъ вписывать въ книгу имя и адресъ каждаго покушника пива.

„Мы уже почти кончили обѣдъ, когда лавей возвратился съ двумя бутылками.

„— Нечего сказать, вашъ комисаръ либеральный человекъ. Мы просили одну бутылку, а онъ прислалъ двѣ.

„— Это я сдѣлалъ, сэръ. Васъ двое и вамъ не хватило-бы одной бутылки, а комисаръ не смѣетъ отпустить вамъ болѣе одной бутылки въ день, поэтому я и сказалъ, что васъ двое, и онъ отпустилъ по бутылкѣ на каждого.

„По справкѣ оказалось, что дѣйствительно пиво, вино и водка продаются особыми чиновниками, какъ медицинское средство, и бережно сохраняются подъ замкомъ. Нарушенія этихъ строгихъ правилъ караются немилосердно. Если на улицѣ встрѣтится пьяный иностранецъ, то его тотчасъ забираютъ и послѣ вытрезвленія отпускаютъ на свободу, предварительно узнавъ, отъ кого онъ досталъ водку. Указанное имъ лицо передается суду, такъ-какъ за нарушеніе закона отвѣчаетъ не покупатель, а продавецъ. При этомъ все равно, продано-ли вино за деньги или дано даромъ, такъ-что хозяинъ, пригласившій въ себѣ гостей, отвѣчаетъ за ихъ поведеніе. Конечно, подобная инквизиторская система имѣетъ свои неудобства, но ея выгоды неизмѣримо многочисленнѣе. Благодаря ей, процвѣтаетъ этотъ трезвый маленькій городокъ съ 5,000 жителей, большая часть которыхъ — собственники, и всѣ безъ исключенія считаютъ своимъ высшимъ долгомъ и личной пользой исполнять законъ. Въ Сент-Джонсбюри не видно вовсе властей и шесть полицменовъ никогда не показываются въ будни на улицахъ, а преспокойно работаютъ на фабрикѣ, и только по праздникамъ надѣваютъ мундиръ для парада. Конечно, нѣкоторую долю этихъ благотворныхъ результатовъ надо приписать производству особой системы вѣсовъ, изобрѣтенной полковникомъ Фербанесоми, выстроившимъ большой заводъ, на которомъ работаютъ до 500 человекъ за сравнительно большую плату, такъ-какъ работа трудная и требующая нѣкотораго искусства. Но все-же главный источникъ благоденствія Сент-Джонсбюри — законъ о трезвости, который рабочіе поддерживаютъ съ такой ревностью, что, кажется, готовы были-бы назначить смертную казнь за его нарушеніе“.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, по словамъ Диксона, далеко не находится въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ обыкновенно полагаютъ въ Европѣ. Тамъ нѣтъ однооб-

разной школьной системы и общей обязательности обученія. Республика, какъ государство, не обращаетъ никакого вниманія на образованіе своихъ гражданъ и государственныхъ учебныхъ заведеній только два: военная академія въ Вест-Пойнтъ, въ нью-Йоркскомъ штатѣ, и морская въ Анаполисъ въ Мэрилендѣ. Вообще-же всѣ заботы о народномъ образованіи республика предоставляетъ штатамъ, штаты—графствамъ, графства—общинамъ и городамъ, такъ-что можно смѣло сказать, что сколько существуетъ въ Америкѣ общинъ, столько и училищныхъ системъ. Только въ 5 изъ 39 штатовъ существуетъ обязательное посѣщеніе школъ, именно: въ Нью-Гампширѣ, Массачусетѣ, Коннектикутѣ, Мичиганѣ и Нью-Йоркѣ. Но даже въ этихъ штатахъ законъ не строго исполняется и число неграмотныхъ очень велико: такъ въ Нью-Йоркѣ 163,000 человекъ не умѣютъ читать и 240,000 не умѣютъ писать. При этомъ надо замѣтить, что эти безграмотные не исключительно негры и европейскіе эмигранты, но истые янки; 70,000 туземцевъ не умѣютъ подписать своего имени. Такимъ образомъ, и обязательная система образованія не всегда приводитъ къ желаннымъ результатамъ, и нѣкоторые штаты, какъ, на примѣръ, Техасъ, испытавъ эту систему и видя на опытѣ, что нельзя силою загнать дѣтей въ школу, возвратились къ прежней системѣ полной свободы образованія. Слѣдствіемъ подобнаго порядка вещей является, повидимому, невѣроятный фактъ, приводимый Диксономъ и подтверждаемый многими американцами,—что молодое поколѣніе гражданъ республики гораздо невѣжественнѣе своихъ отцовъ. Въ 1870 году всѣхъ американцевъ, неумѣвшихъ читать, было 4,500,000 и неумѣвшихъ писать 5,600,000. Конечно, значительный процентъ неграмотныхъ составляютъ ирландскіе эмигранты и негры; что-же касается нѣмецкихъ и китайскихъ переселенцевъ, то тѣ и другіе почти всѣ грамотны. Но, во всякомъ случаѣ, между туземными, природными американцами находится болѣе 2,000,000 неграмотныхъ.

Этотъ чудовищный фактъ сильно озадачилъ американцевъ четыре года тому назадъ. До тѣхъ поръ они были увѣрены, что ихъ образцовая республика шла впереди всѣхъ націй въ дѣлѣ народнаго образованія. На повѣрку-же оказалось, что, благодаря опустошенію и разоренію многихъ штатовъ междоусобной войной, Америка далеко отстала отъ другихъ государствъ. Впечатлѣніе,

произведенное подобнымъ открытіемъ, было тѣмъ страшнѣе, что не только въ политической наукѣ всеми принято за аксіому, что республика не можетъ существовать иначе, какъ въ образованномъ народѣ, но эта истина сознается каждымъ общественнымъ дѣятелемъ въ Соединенныхъ Штатахъ. „Республика основывается на воспитаніи и образованіи своихъ гражданъ“, говоритъ президентъ Грантъ. „Прочность и благоденствіе нашихъ учреждений зависятъ отъ народнаго образованія“, прибавляетъ Колумбусъ Делано, министръ внутреннихъ дѣлъ. Немедленно конгрессъ учредилъ департаментъ народнаго образованія съ цѣлью собрать факты и раскрыть всю правду. Генералъ Итонъ былъ назначенъ начальникомъ этого департамента и въ продолженіи четырехъ лѣтъ онъ ежегодно печатаетъ отчеты о печальномъ положеніи народнаго образованія въ американской республикѣ. Пока онъ можетъ только обнародывать факты, такъ-какъ хотя общественное мнѣніе и возбуждено по этому вопросу, но еще не настало время для общей великой реформы. Впрочемъ, американцы съ ихъ обычной энергіей принялись за дѣло; многіе штаты и графства принимаютъ дѣятельныя мѣры для уничтоженія губельныхъ послѣдствій междоусобной войны. Въ шести ново-англійскихъ штатахъ къ сѣверу отъ Потомака опустошеніе и разореніе было менѣе, а потому и дѣло народнаго образованія тамъ идетъ лучше, чѣмъ въ остальной странѣ, и если они еще не догнали въ этомъ отношеніи Германію и Швейцарію, то стоятъ уже давно наравнѣ съ Бельгіей и Англійей. Пенсильванія отстала нѣсколько отъ своего сѣвернаго соперника Нью-Йорка, хотя представляетъ гораздо лучше результаты, чѣмъ ея южныя сосѣди Мэрилендъ и Делаваръ. Первый изъ этихъ штатовъ никогда не относился съ любовью къ общественнымъ школамъ и теперь только изъ чувства стыда принялся за ихъ учрежденіе; приэтомъ школы для негровъ малочисленны и плохи. Делаваръ не признаетъ своей обязанности, какъ штата, заботиться о народномъ образованіи и ни штатъ, ни графство не отпускаютъ суммъ на этотъ предметъ, а воспитаніе юношества находится въ рукахъ духовенства. Поэтому неудивительно, что Делаваръ—одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ и мрачныхъ уголковъ американской республики. Въ странѣ озеръ, юные штаты Мичиганъ, Индіана, Висконсинъ, Iowa и Минезота имѣютъ болѣе однообразную училищную систему, которая ежегодно улучшается. Въ каждой об-

щинѣ находятся первоначальныя школы, въ графствѣ—среднее учебное заведеніе, а въ штатѣ—университетъ съ классическимъ и естественнымъ факультетами. Въ Огіо и Илинойсѣ существуетъ своя особенная училищная система. Въ западныхъ штатахъ, за исключеніемъ Калифорніи, на общественное воспитаніе не обращаютъ большого вниманія. Орегонъ, Давата и Невада едва могутъ назваться цивилизованными странами, а Ута, Аризона и Новая Мехика вѣдъ предѣловъ цивилизаціи. Въ среднихъ штатахъ, въ Небраскѣ, Канзасѣ и Миссури, царствуетъ та-же система, какъ и въ Мичиганѣ, съ первоначальными, средними и высшими учебными заведеніями. Но самая рѣшительная борьба просвѣщенія съ невѣжествомъ идетъ въ южныхъ штатахъ, преимущественно въ Віржиніи, которая всегда стоитъ впереди этихъ штатовъ во всемъ, и въ добрѣ, и въ злѣ. Десять лѣтъ тому назадъ въ Ричмондѣ не было общественныхъ школъ, какъ въ Филадельфій и Нью-Йоркѣ, потому что мѣстная аристократія не хотѣла, чтобы ея дѣти братались съ „бѣлой сволочью“ съ сѣвера. Но послѣ войны виргинцы стали выказывать въ борьбѣ съ невѣжествомъ такое-же мужество, какъ въ войнѣ съ непріятелями. Четыре года тому назадъ принята массачусетская система и общественныя школы развились съ такимъ успѣхомъ, что частныя училища быстро уничтожаются. При этомъ замѣчательно, что почти всѣ учителя—женщины аристократическаго происхожденія, которыя изъ бѣдности и патріотизма принялись за педагогическую дѣятельность. Благодаря этому, аристократы охотнѣе посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, гдѣ учатъ преподавательницы, равныя имъ по крови. Въ этихъ школахъ обученіе смѣшанное, то-есть мальчики учатся вмѣстѣ съ дѣвочками. Диксонъ приводитъ любопытный разговоръ съ одной изъ ричмондскихъ учительницъ, Грессъ Альстанъ, прелестной молодой дѣвушкой, занимавшейся въ классѣ съ мальчиками почти однихъ съ нею лѣтъ.

„— Вы сочувствуете этой смѣшанной системѣ, спросилъ Диксонъ,—этому обученію мальчиковъ и дѣвочекъ одному предмету и въ одной комнатѣ?

„— Да, отвѣчала она,—эта система гораздо лучше для мальчиковъ и дѣвочекъ; первые дѣлаютъ послѣднихъ болѣе мужественными, а послѣднія смягчаютъ первыхъ.

„— И вы никогда не имѣете непріятностей съ этими рослыми молодцами?

„— Нѣтъ, легче справляться съ пятнадцатилѣтними мальчиками, чѣмъ съ десятилѣтними; они болѣе стыдятся дурныхъ поступковъ, особенно въ присутствіи женщины, и въ нихъ развивается благородный, рыцарскій духъ“.

Говоря о неравенствѣ численности половъ въ Америкѣ, мы указали на поразительный фактъ, что въ послѣдніе годы европейская эмиграція постоянно уменьшается. Это неожиданное открытіе, по словамъ Диксона, произвело панику во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ болѣе, что оно соединено съ другимъ, не менѣе важнымъ открытіемъ, — что количество земли, привлекательной для переселенцевъ, точно также быстро сокращается. Дѣйствительно, въ чемъ лежитъ главный источникъ необычайнаго развитія американской республики? Въ людяхъ и землѣ. До сихъ поръ не было недостатка ни въ поселенцахъ, ни въ жилищахъ; то и другое, казалось, безпредѣльно. Европа посылала людей, Америка давала землю. Но не изсякнутъ-ли, наконецъ, эти два источника?

Со времени войны за независимость Европа подарила Америкѣ болѣе 7,000,000 выходцевъ. Во время переписи 1870 г. оказалось, что 5,500,000 гражданъ родились за границей и у 11,000,000 отецъ или мать были чужестранцы. Такимъ образомъ, 1 изъ 7 американскихъ гражданъ — иностранецъ по рожденію и 1 изъ 3 иностранецъ по крови. Большая часть эмигрантовъ были англичане, изъ метрополіи и Канады, именно 5,000,000, и нѣмцы — 2,000,000. Далѣе въ лѣстницѣ эмиграціи идутъ французы и шведы; изъ не европейцевъ-же всего многочисленнѣе китайцы и мексиканцы. Изъ этого видно, что Америка, главнымъ образомъ, населена англійскими и нѣмецкими поселенцами. Но въ послѣдніе годы несомнѣнные факты доказываютъ, что снабженіе Америки человѣческой силой изъ Англии и Германіи приближается къ концу. Сорокъ лѣтъ, отъ 1820 по 1860 годъ, англійская эмиграція постоянно возрастала и отъ 152,000 человѣкъ въ первое десятилѣтіе достигла до 2,500,000 въ четвертое. Затѣмъ наступилъ отливъ, несмотря на толпы безпечныхъ, веселыхъ ирландцевъ, нахлынувшихъ въ Нью-Йоркъ во время войны, когда республика употребляла 1,000,000 долларовъ въ день на людей и порохъ. Источникъ, очевидно, изсякалъ. Хотя наука, политика и финан-

тропія постоянно содѣйствуютъ эмиграціи, но съ нѣкоторыхъ поръ замѣчается обратное теченіе поселенцевъ. Всѣ англійскіе консулы въ Америкѣ завалены просьбами лицъ, желающихъ возвратиться въ старое отечество. Всѣ корабли и пароходы наполнены поселенцами, жаждущими переплыть обратно Атлантическій океанъ. За неизмѣнимъ статистическихъ свѣденій о лицахъ, выбывающихъ изъ Америки, невозможно опредѣлить отношеніе между прибылью и убылью эмиграціи; но Диксонъ свидѣтельствуетъ, что, по собраннымъ имъ свѣденіямъ, стремятся обратно въ Англію изъ Америки тысячи и десятки тысячъ людей всевозможныхъ наименованій: поселяне и горожане, рудокопы и фабричные мастера, ирландскіе работники и мелкіе фермеры, слуги и конторщики. Десять лѣтъ тому назадъ немисливо было встрѣтить въ Мюнстерѣ или Эссексѣ работника, побывавшаго въ Америкѣ, этой обѣтованной землѣ, а теперь почти въ каждомъ селеніи вокругъ Корка или Брентвуда можно встрѣтить поселянъ и рабочихъ, попытавшихъ счастья въ обѣтованной землѣ и вернувшихся на родину.

Точно также и Германія, повидимому, не общаетъ въ будущемъ особенно сильнаго притока эмиграціоннаго населенія. Въ тѣ-же сорокъ лѣтъ, о которыхъ мы говорили выше, германская эмиграція ежегодно усиливалась и дошла отъ 8,000 душъ въ десятилѣтіе до 950,000, но съ 1861 года наступило обратное движеніе, а въ послѣдніе годы Бисмаркъ обратилъ свое вниманіе на этотъ вопросъ и, конечно, съумѣетъ найти дѣйствительное средство положить предѣлъ уменьшенію числа бойцовъ, поддерживающихъ своею кровью его политику огня и меча.

Если мы теперь взглянемъ на землю, то по свѣденіямъ, сообщаемымъ въ ежегодныхъ отчетахъ генерала Газена, главнаго начальника департамента межеванія въ Вашингтонѣ, окажется, что и земля такой-же изсякаемый источникъ, какъ переселенцы. При покупкѣ Лузіаны у Франціи, эта новая провинція республики считалась безграничною; никто не зналъ ея западныхъ и сѣверныхъ предѣловъ, а теперь каждый акръ ея земли обработанъ, насколько это возможно при бѣдной, болотистой почвѣ. То-же самое было при образованіи штатовъ Илинойса, Іовы, Небраски и Канзаса; полагали, что въ нихъ можетъ помѣститься до 30,000,000 жителей съ отдѣльными фермами для каждаго; но въ этихъ штатахъ вся земля уже разобрана, то-есть такая земля, которая го-

дится для обработки. Большая часть Канзаса и Небраски и значительная доля Дакоты и Колорадо не представляют удобныхъ условий для заселенія. Идаха, Монтана, Віомингъ, Юта — горные округа, преимущественно неплодородные и годные лишь для скотоводства на большой ногѣ, что возможно только крупнымъ капиталистамъ. Въ бассейнѣ Тихаго океана, отъ Вашингтона до Верхней Каролины, въ Техасѣ, Новой Мехикѣ и Аризонѣ нѣтъ болѣе „дикой“, незанятой земли и осталось очень мало свободныхъ государственныхъ владѣній. Близъ Миссисипи почва болотистая, а далѣе къ Тихому океану гористая, бесплодная, мрачная; вода и лѣсъ въ скудномъ количествѣ и зима холодная. Конечно, тамъ и сямъ попадаются плодородные оазисы, но вообще страна обнаженная, печальная. Въ Утѣ и Колорадо почва и климатъ лучше, но земли удобной для заселенія мало; а къ сѣверу почва бѣдная, растительность скудная, холодъ сильный. Изъ всѣхъ отчетовъ генерала Газена можно вывести заключеніе, что въ американской республикѣ осталось очень мало земли, которая могла-бы привлечь трудолюбивыхъ поселенцевъ.

Такимъ образомъ, если эти факты справедливы, — а ихъ достоверность подтверждается официальными и научными авторитетами, — американская республика должна въ будущемъ опираться на свои собственные силы, не рассчитывая на помощь Европы. Эти-же силы, представляя не однообразную, одноплеменную массу, а сборище четырехъ главныхъ расъ: бѣлой, черной, красной и желтой, заключаютъ въ себѣ роковой источникъ борьбы, исходъ которой, по словамъ Диксона, можетъ быть гибеленъ для цивилизаціи. „Какъ ни славна и величественна исторія преобладанія бѣлой расы, говоритъ онъ въ заключеніи своей книги, — конецъ еще не наступилъ, опасность еще не миновала. Бѣдствія въ прошломъ и угрозы въ будущемъ предостерегаютъ бѣлую расу, повелѣвая ей стоять за свою кровь, языкъ, науку. Мы, бѣлые, сильны, но не безсмертны. Если мы желаемъ погибели нашихъ свободныхъ учреждений, слѣдуетъ принять сторону красныхъ, черныхъ и желтыхъ людей противъ нашихъ бѣлыхъ братьевъ; но если мы хотимъ сохранить свободу, науку и цивилизацію, нашей первой мыслию должно быть усовершенствованіе всего, что содѣйствуетъ увеличенію силы и могущества бѣлой расы. Если такъ много враговъ у бѣлыхъ людей, то ихъ лозунгомъ должно быть — „сожми ряды“, и только, когда

ряды будут сомнуты, но никакъ не ранѣе, можетъ раздаться боевой кликъ: „право и справедливость впередъ, впередъ“!

Мысль, выраженная въ этихъ напыщенныхъ, полу-тайственныхъ фразахъ, проведена Диксономъ по всей его книгѣ, и онъ нарочно посѣтилъ краснокожихъ индѣйцевъ, негровъ и китайскихъ переселенцевъ, чтобы выставить рельефнѣе опасность, которая, по его мнѣнію, грозитъ бѣлой расѣ отъ этихъ племенъ. Хотя его страхъ къ краснымъ, чернымъ и желтымъ представителямъ человечества, конечно, преувеличенъ и часто доходитъ до смѣшного, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не скрываетъ своего убѣжденія въ конечной побѣдѣ бѣлой цивилизаціи, но представляемая имъ картины, факты и свѣденія очень любопытны и новы, особенно въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены китайцамъ и неграмъ.

II.

По мнѣнію Диксона, для дальнѣйшаго развитія и благоденствія американской республики во второмъ столѣтіи ея существованія необходимо ей разрѣшить три вопроса: индѣйскій, африканскій и азіатскій. Послѣдній самый новый и, какъ выразился сенаторъ Фаулеръ, разговаривая съ Диксономъ въ вашингтонскомъ Капитолѣ о будущности своей родины, „самый грозный для республиканскихъ учреждений“. „Дѣйствительно, прибавляетъ авторъ разбираемой нами книги, — едва-ли что-нибудь случилось въ наше время, по могущимъ произойти роковымъ послѣдствіямъ, страннѣе и важнѣе возникновенія азіатскаго вопроса на почвѣ американской политики“.

Съ незапамятныхъ временъ китайскій народъ жилъ замкнутой жизнію, отдѣльной отъ всего остального міра, довольствуясь своими обычаями и произведеніями, чуждаясь всѣхъ иностранцевъ. На западъ его отдѣляла отъ сосѣдей каменная стѣна, величайшее дѣло человѣческаго труда, а на востокъ его единственными сосѣдями были морскіе вѣтры и бѣшущія волны. Никто изъ туземцевъ не могъ выхвать изъ Небесной имперіи, никто изъ иностранцевъ не могъ проникнуть въ нее, и только отъ времени до времени иноземные торговцы, подкупивъ того или другого мандарина, ввозили тайно опиумъ и вывозили чай. Но вообще вся страна ме-

жду Гинду-Кошемъ и Желтымъ моремъ была закрыта для всего свѣта. Послѣ подобнаго вѣкового, тысячелѣтняго существованія въ одинъ прекрасный день европейскія пушки сдѣлали брешь въ каменной стѣнѣ этого рая чаепійцъ и курителей опиума. Въ эту брешь хлынули китайцы, и съ того дня могучій потокъ желтокожихъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, наводняя сосѣднія страны: Австралію, Полинезію и главныя образы Калифорнію. Послѣднюю страну китайцы предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ, потому что, во-первыхъ, путешествіе туда дешевле и легче, во-вторыхъ, климатъ вполне соотвѣтствуетъ ихъ требованіямъ, въ-третьихъ, поле дѣятельности шире и заработная плата выше. Изъ Калифорніи они проникаютъ въ Орегонъ моремъ и въ Неваду, Идаду, Монтану — сухимъ путемъ. Въ Утѣ они нашли для себя мало работы, такъ-какъ мормоны такъ-же трезвы и трудолюбивы, какъ они, но все-же они пріютились и на Соленомъ озерѣ. Толпы ихъ растутъ съ непостижимой быстротой; сначала они являлись въ Америку небольшими группами въ три-четыре человека, потомъ десятками, сотнями, тысячами, а теперь десятками тысячъ. Это наводненіе республики азіатской расой произошло такъ незамѣтно и безмолвно, присутствіе ея оказалось такъ полезно, что до сихъ поръ почти никто не обращалъ вниманія на серьезныя его послѣдствія и только недавно политическіе дѣятели стали заниматься азіатскимъ вопросомъ, то-есть вліяніемъ наплыва азіатскихъ дикарей на европейскіхъ поселенцевъ въ Америкѣ. Мы уже указывали, что Диксонъ смотритъ очень мрачно на борьбу за существованіе черной, красной и желтой расъ противъ преобладающаго бѣлаго племени, и потому естественно, что въ его глазахъ азіатскій вопросъ въ Америкѣ сводится къ тому: что будетъ преобладать на берегахъ Тихаго океана — европейская цивилизація или азіатское варварство?

„Пять крупныхъ фактовъ ясно видны всякому наблюдателю, говоритъ онъ; — послѣдствія ихъ очевидны. 1) Китай — ближайшій сосѣдъ Калифорніи, и монгольскіе эмигранты скорѣе и дешевле могутъ достигъ Америки, чѣмъ всякіе другіе поселенцы. Поэтому естественно, что если въ Кантонѣ и въ какомъ-либо другомъ портѣ, напримѣръ, Корѣѣ, снабжающемъ всего болѣе Америку эмигрантами, соберется масса голодающаго населенія, то китайцы прежде явятся въ Америку, чѣмъ ирландцы, а слѣдо-

вательно, если въ Китаѣ есть голодный ротъ, то онъ, конечно, будетъ искать пищи въ Калифорніи. 2) Китай—бѣднѣйшая и самая населенная страна въ свѣтѣ. Густота его населенія далеко не пропорціональна пространству и плодородію земли. По пространству Китай второстепенное государство, немного болѣе Бразиліи и вдвое менѣе Соединенныхъ Штатовъ, а по числу жителей онъ превосходитъ всѣ страны свѣта. Все народонаселеніе Америки и Европы не равняется населенію Китая; въ провинціи Ксингъ-Су на квадратную милю приходится вдвое болѣе населенія, чѣмъ въ Бельгіи, самоѣ населенномъ углу Европы. Очевидно, что какъ-бы почва ни была плодородна, она не можетъ дать средства къ существованію такому рою живыхъ существъ, и, слѣдовательно, въ Китаѣ должно быть много голодныхъ ртовъ, которые всегда готовы бѣжать изъ родины, если путь имъ свободенъ. 3) Китайскій народъ не имѣетъ свободы передвиженія, и ни одинъ фактъ изъ его исторіи не дозволяетъ намъ заключить, что китайская эмиграція добровольная, какъ ирландская или нѣмецкая. Конечно, богатые и счастливые люди не ищутъ новой родины въ отдаленныхъ странахъ, но когда морскіе порты открыты и эмиграція дозволена, то всегда между переселенцами могутъ попасться и хорошіе люди. Но относительно китайцевъ американцы ничѣмъ не гарантированы, что эмигранты изъ Небесной имперіи не исключительно разбойники, убійцы, проститутки и т. д. Сомнѣніе въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе основательно. Вся женская половина китайской эмиграціи дѣйствительно состоитъ изъ проститутко-невольницъ, купленныхъ въ Кантонѣ торговцами живымъ товаромъ и перевезенныхъ въ Сан-Франциско съ цѣлью наживы ихъ несчастнымъ ремесломъ. Мужчины, принадлежатъ-ли они къ подонкамъ тюремъ или улицъ, во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ тому-же низшему слою общества, и является вопросъ, не высылаеть-ли Китай въ Калифорнію своихъ худшихъ преступниковъ, какъ нѣкогда Англія въ Ботанибей? 4) Основаніемъ американской республики служить принципъ всеобщей свободы и равенства, т.-е. преобладаніе большинства. При такомъ порядкѣ китайцы легко могутъ побороть геній Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Хотя они и составляютъ третью всего человѣческаго рода, борьба противъ нихъ еще возможна съ оружіемъ въ рукахъ, по что дѣлать съ такимъ могучимъ большинствомъ у избирательнаго

ящика? 5) Возможное преобладаніе желтой расы грозитъ европейскимъ поселенцамъ не только относительно религіи, нравственности, законовъ и литературы, но и низшихъ проявленій животной жизни. Они могутъ, пользуясь силой численности, ввести свою цивилизацію, замѣняя естественныя науки кодексомъ трехъ тысячъ переменій, и китайскіе судьи, привыкнувъ къ рабству, полигаміи и дѣтубійству, будутъ, конечно, дозволять своимъ желтымъ братьямъ покупать рабовъ, держать нѣсколькихъ женъ, топить лишнихъ дѣтей, а въ судебное производство ввести пытку“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о роковой опасности, грозящей американской республикѣ отъ наплыва желтой расы, Диксонъ приводитъ слова одного сенатора въ Сакраменто. „Черный недугъ на югѣ ступевывается передъ желтымъ недугомъ на западѣ, сказалъ этотъ американскій патриотъ;—это борьба за обладаніе нашей землей, самая тяжелая и опасная, какую только мы до сихъ поръ переносили. Въ Новомъ Орлеанѣ передъ вами на-лицо все, что есть дурного и хорошаго въ африканскомъ Самѣ. Онъ стоитъ передъ вами во всемъ своемъ всеоружіи; вы можете сосчитать врага. у него нѣтъ резервовъ. Но азіатскій Джонъ—таинственная загадка. Этотъ врагъ является къ намъ тысячами, десятками тысячъ, но это только предвѣстники могучей арміи, которая можетъ легко достигъ миліоновъ, десятковъ миліоновъ. Насъ, бѣлыхъ, 30,000,000, а желтыхъ 360,000,000. Китаю удѣлять намъ 50,000,000 ничего не значить, а для насъ такой подарокъ—смерть. Потерявъ 50,000,000, Китай останется столько-же населеннымъ, какъ Ирландія до голода, и прямой расчетъ пекинскому правительству нанять корабли и вывезти эти 50,000,000 ротвъ, требующихъ пищи. Къ тому-же если болѣзнь картофеля переселила къ намъ треть ирландскаго народа, то отчего-же болѣзнь чая не наводнитъ Америку седьмою частью китайскаго населенія? Все это возможно, а появленіе въ нашей республикѣ 50,000,000 китайцевъ доставитъ имъ всю власть въ странѣ отъ Орегона до Мехиканскаго залива, такъ-какъ они будутъ имѣть вездѣ большинство“. Противъ настоящаго наплыва китайцевъ и возможнаго, хотя гадательнаго, преобладанія ихъ на американскомъ континентѣ въ будущемъ, принимаются только мѣстныя мѣры въ Калифорніи, но, быть можетъ, онѣ хуже того зла, второе стремятся пресѣчь. Калифорнцы по чувству самозащиты из-

дали множество законовъ, которые нарушаютъ самыя лучшіе принципы общей конституціи Соединенныхъ Штатовъ. По этой конституціи, всѣ порты въ странѣ открыты для всякаго и каждый человѣкъ, выходящій на американскій берегъ, получаетъ подѣ очень легкими условіями права гражданства; а по законамъ Калифорніи доступъ китайцевъ въ Сан-Франциско ограниченъ и они не могутъ ни подѣ какими условіями получить права гражданства. Благодаря положенію дѣлъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ отъ наплыва китайцевъ, Сан-Франциско пересталъ быть свободнымъ портомъ, подобно Нью-Йорку, и это столкновение принциповъ съ практикой приводитъ къ большому замѣшательству. Никто въ Орегонѣ, Калифорніи и Невадѣ не знаетъ положительно, что законно и что незаконно. Судъ, дѣйствующій по мѣстнымъ законамъ, постановляетъ одно, а другой, руководящійся общимъ кодексомъ, опредѣляетъ совершенно противоположное. Напримѣръ, городскія власти въ Сан-Франциско, узнавъ, что въ ихъ портъ прибыло судно съ цѣлымъ грузомъ преступниковъ, высланныхъ догадливыми мандаринами изъ Небесной имперіи, не дозволили никому выйти на берегъ и потребовали удаленія судна. Хозяева отказались, и дѣло перешло въ судъ. Въ первой инстанціи дѣло было рѣшено въ пользу властей, но вторая инстанція, на основаніи принциповъ американской конституціи, отвергла право муниципалитета отказывать кому-бы то ни было селиться на свободной землѣ республики. Подобный-же случай произошелъ во время пребыванія Дивсона въ Сан-Франциско. Въ этомъ главнѣйшемъ портѣ Тихаго океана большинство, если не всѣ женщины, прибывающія изъ Китая, невольницы. Исторія ихъ самая печальная; нѣкоторыя продаются родителями, другія похищены во внутреннихъ провинціяхъ и свозятся въ китайскіе порты, откуда ихъ отправляютъ въ Калифорнію, подѣ видомъ женъ эмигрантовъ, а въ Сан-Франциско ихъ продаютъ для самыхъ безнравственныхъ цѣлей. Чтобъ пресѣчь это зло, въ Калифорніи изданъ законъ, по которому портовое начальство имѣетъ право осматривать всѣ суда, прибывающія изъ Азіи, и не позволять выгрузку позорнаго человѣческаго товара. Однажды вошелъ въ портъ Сан-Франциско подобный невольничій корабль. „Вы не можете высадить на берегъ этихъ женщинъ“, сказали власти торговцамъ. — „Увидимъ“, отвѣчали торговцы и, не желая потерять выгоднаго случая къ наживѣ, подали

жалобу въ судъ, который оправдалъ городскую власть. Торговцы подали на апелляцію въ верховный судъ въ Сакраменто и тотъ также утвердилъ первоначальное рѣшеніе. Но торговцы не унывали и перенесли дѣло въ окружный судъ Соединенныхъ Штатовъ, который отмѣнилъ оба рѣшенія, на томъ основаніи, что мѣстные законы Калифорніи противорѣчатъ американской конституціи. Тогда, въ свою очередь, городскія власти Сан-Франциско подали на апелляцію въ верховный вашингтонскій судъ, но какъ окончательно разрѣшенъ этотъ вопросъ, Диксонъ не объясняетъ, потому что въ то время онъ уѣхалъ изъ Америки. Конечно, съ юридической точки зрѣнія, онъ долженъ разрѣшиться въ пользу торговцевъ невольницами, и подобное разрѣшеніе, повидимому, вдвойнѣ либерально: дозволяется свободный доступъ всѣмъ въ предѣлы республики и съ тѣмъ вмѣстѣ невольницы, ступивъ на свободную землю, дѣлаются свободными. Но на практикѣ выходитъ совершенно другое. Кто скажетъ китайской невольницѣ, что она свободна, кто объяснитъ ей смыслъ самыхъ словъ: свободная земля, свобода личности? Несчастное созданіе никогда не слыхало на родинѣ, чтобы женщины, подобныя ей, были свободны. Поэтому она и въ Сан-Франциско остается такой-же невольницей, какъ въ Небесной имперіи.

Подобное положеніе дѣлтъ, влекущее за собой неисчислимыя неудобства, конечно, немислимо, но выходъ изъ него чрезвычайно труденъ и общее вниманіе американскихъ политическихъ дѣятелей начинается съ тревогою сосредоточиваться на азіатскомъ вопросѣ. Въ послѣднемъ посланіи президентъ Грантъ указалъ на него конгрессу въ слѣдующихъ словахъ: „Я обращаю ваше вниманіе на всѣми признаваемый фактъ, что большая часть китайскихъ эмигрантовъ являются въ нашу страну не для того, чтобы основать въ ней свое постоянное жилище и своими трудомъ содѣйствовать общему благоденствію, а въ силу контрактовъ съ промышленниками, которые почти владѣютъ ими, какъ невольниками. Въ томъ-же самомъ положеніи, но въ еще худшей формѣ, находятся китайскія эмигрантки. Едва замѣтный процентъ ихъ живетъ честнымъ трудомъ; громадное-же большинство привозится для постыдныхъ цѣлей, къ униженію общества, среди котораго онѣ поселяются, и къ развращенію мѣстнаго юношества. Если подобное зло можетъ быть устранено законодательнымъ путемъ, то я сочту

своей обязанностью и удовольствіемъ строго примѣнять каждое правило, которое стремилось-бы къ столь желанному результату“.

Въ этихъ словахъ Гранта заключается намекъ на китайскую легенду, рассказываемую въ Сан-Франциско и оттуда проникшую въ американскіе книги и журналы. По этой легендѣ, китайскіе эмигранты въ Америкѣ составляютъ толпу невольниковъ, принадлежащихъ шести китайскимъ обществамъ и находящихся подъ управленіемъ особаго трибунала, который пользуется таинственной, неограниченной властью надъ всѣми переселенцами, мужчинами и женщинами. Не довѣряя подобному баснословному разсказу, Диксонъ старался изслѣдовать этотъ любопытный вопросъ и съ помощью англійскаго консула въ Сан-Франциско собралъ достовѣрныя свѣденія отъ одного изъ важнѣйшихъ и образованнѣйшихъ китайскихъ торговцевъ въ Америкѣ, Ли-Ванга. Оказывается, что въ Китаѣ существуютъ всего пять мѣстныхъ обществъ для вербовки и отправки эмигрантовъ въ Америку, а шестое составляетъ собственно распорядительный комитетъ въ Сан-Франциско для приема ихъ и надзора надъ ними. Эмигранты дѣлятся на два класса: одни перевозятся изъ родныхъ селеній во внутренности Китая, въ Гонгъ-Конгъ, и оттуда въ Сан-Франциско на счетъ пяти обществъ, а другіе совершаютъ путешествіе на свой счетъ. Первымъ все переселеніе обходится отъ 90 до 100 долларовъ, которые они должны потомъ заработать по контракту, обезпечиваемому имуществомъ эмигранта въ Китаѣ, если онъ такое имѣетъ, или поручительствомъ родственниковъ. По прибытіи такого эмигранта въ Сан-Франциско, мѣстный китайскій комитетъ доставляетъ ему жилище, пищу и работу, получая за него заработную плату до тѣхъ поръ, пока долгъ пяти обществамъ не будетъ уплаченъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, китайскіе эмигранты въ нѣкоторомъ отношеніи невольники, и выйти изъ этого зависимаго положенія они никакъ не могутъ, потому что не имѣютъ денегъ и никто въ Сан-Франциско не приметъ ихъ въ услуженіе безъ атестата комитета, такъ что имъ предстоитъ одно изъ двухъ: или повиноваться своимъ кредиторамъ, или умереть голодною смертью. Но еще большею властью пользуется китайскій комитетъ надъ своими соотечественниками въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ потому, что онъ принимаетъ на себя обязанность доставлять обратно на родину тѣла умершихъ эмигрантовъ, что составляетъ

религіозный долгъ каждаго китаецъ. Для этой цѣли со всѣхъ эмигрантовъ, даже съ тѣхъ, которые путешествуютъ на свой счетъ, комитетъ вѣдуетъ пять долларовъ и уже слѣдитъ за всѣми ихъ дѣйствіями до самой смерти чрезъ многочисленныхъ агентовъ. Въ свою очередь, эмигранты уважаютъ и боятся людей, которые могутъ отсрочить доставленіе на родину ихъ труповъ, что иногда, впрочемъ, случается невольно отъ недостатка средствъ сообщенія, такъ-какъ англійскіе пароходы, исключительно нанимаемые комитетомъ, питаютъ отвращеніе къ перевозкѣ мертвыхъ.

„— Неужели всѣ китаецы возвращаются на родину послѣ смерти? спросилъ Диксонъ у Ли-Ванга.

„— Всѣ, отвѣчалъ онъ; — то-есть всѣ хорошіе люди, за исключеніемъ татарскихъ собакъ, обрѣзывающихъ себѣ косички и надѣвающихъ американскую одежду.

„— И несмотря на подобное затрудненіе, ваша эмиграція постоянно увеличивается?

„— Да, въ прошломъ году прибыло изъ Китая 5,000 человѣкъ, въ нынѣшнемъ 13,000 человѣкъ, а въ будущемъ, вѣроятно, явится 25,000 человѣкъ. Въ Америкѣ много земли и мало народу, а въ Китаѣ много народу и мало земли; вотъ почему китаецы любятъ жить въ Америкѣ, но мертвые возвращаются на родину“.

Кромѣ общихъ свѣденій о китайской эмиграціи въ Америкѣ, Диксонъ представляетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу картинъ изъ жизни желтыхъ братьевъ въ западныхъ штатахъ. „Впервые я увидаль желтаго брата, рассказываетъ онъ, — на рыночной площади въ Балтиморѣ, самомъ грязномъ и шумномъ уголѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ круглой шляпѣ и длинномъ синемъ халатѣ, онъ отличался гладкимъ лицомъ, круглымъ подбородкомъ, темными бровями, заплетенными волосами, вздернутымъ носомъ и кроткимъ взглядомъ. По наружности и одеждѣ трудно сказать, къ какому полу онъ принадлежитъ; среди многолюднаго, шумнаго базара мяса, рыбы и овощей онъ тихо движется, не выражая на своемъ лицѣ никакого чувства; онъ не смѣлъ, какъ янки, не суетливъ, какъ индѣецъ, не неловокъ, какъ негръ, но серьезенъ, наблюдателенъ. Онъ ничего не спрашиваетъ, но все высматриваетъ безъ улыбки или удивленія, но на его лицѣ ясно видно, что онъ можетъ выстроить подобныя лавки

и лари, сдѣлать такую-же выставку мяса и зелени и производить столь-же выгодную торговлю. Вечеромъ его можно встрѣтить съ тѣмъ-же хладнокровнымъ, безстрастнымъ лицомъ на мелкихъ аукціонахъ, гдѣ ловкіе торговцы сбываютъ по выгодной цѣнѣ всякій мелочной товаръ: старыя тряпки, оловянные бритвы, стеклянныя бусы и т. д. Онъ самъ ничего не покупаетъ, но при завидной сдѣлкѣ торговца съ какой-нибудь несчастной негритянкой онъ не можетъ удержаться отъ одобрительной улыбки. Позже, ночью, онъ посѣщаетъ публичныя стрѣльбища, но только самъ не стрѣляетъ, а слѣдитъ за призами стрѣлковъ. Очевидно, онъ вездѣ и всегда учится. Послѣ этого перваго знакомства съ желтымъ братомъ, Диксонъ, углубляясь въ горную страну Віоминга, встрѣчаетъ его уже все чаще и чаще—то въ видѣ трактирнаго слуги, то работника, роющаго канавы или ставящаго изгороди, но всюду одинаково безмолвнаго, кроткаго, проворнаго и работающаго. Чернокожіи Самъ, прельщенный высокою заработной платой, охотно является въ эти отдаленныя горы, но холода и снѣга вскорѣ заставляютъ его возвратиться на сахарныя плантаціи южной Каролины. Ги-Лингъ, напротивъ, можетъ жить во всякомъ климатѣ и во всякой странѣ, не обращая никакого вниманія на тепло или холодъ, на вѣтеръ или дождь, на хорошую пищу или дурную, на доброе или жестокое обращеніе, благо-бы онъ имѣлъ возможность нажить деньги и отложить ихъ на черный день. За Соленымъ озеромъ число этихъ азіятцевъ, похожихъ лицами, одеждой и манерами на женщинъ, быстро увеличивается. Въ долинахъ Тоано, Тускарара, Ганска и проч. они селятся въ покинутыхъ другими поселенцами жилищахъ и наводняютъ горныя округа Невады. Они проникаютъ всюду и дѣлаютъ все; они живутъ тамъ, гдѣ даже уты и шопоны умираютъ. Они довольствуются заброшенными рудниками и изнуренной почвою. Песчинка серебра или колось кукурузы вознаграждаютъ ихъ за самый тяжелый трудъ. Въ качествѣ слугъ, дровосѣковъ, рудокоповъ, поденщиковъ и прачекъ, китайцы въ Калифорніи, особенно въ Сан-Франциско, почти вытѣснили бѣлыхъ и чернокожихъ. Живя на рисѣ и не зная другихъ лакомствъ, кромѣ опиума и чая, они естественно работаютъ дешевле, чѣмъ американцы и европейскіе эмигранты, которые не могутъ обойтись безъ говядины, пива и водки. Первые китайцы, явившіеся въ Калифорнію, были простые рабочіе, и вскорѣ они вытѣснили съ рынка

своихъ соперниковъ — ирландцевъ, работая энергичнѣе и дешевле и вѣстѣ съ тѣмъ возбуждая сочувствіе къ себѣ хозяевъ своимъ трудолюбіемъ, трезвостью и кротостью. Они не отказываются ни отъ какой работы: строятъ дома и копаютъ руду, стряпаютъ кушанья и ходятъ за скотомъ. Вообще они предпочитаютъ домашнюю, женскую работу, но охотно берутся за всякій трудъ и отличаются удивительной способностью быстро выучиваться любому ремеслу. Въ этомъ отношеніи они выказываютъ необычайную наблюдательность, упорство и хитрость. Такъ, напримѣръ, первый китайскій поселенецъ въ калифорнскомъ городѣ Сан-Иозе, Го-Лингъ, открывъ маленькое прачечное заведеніе и въ три мѣсяца такъ успѣшно повелъ дѣло, что выписалъ еще другихъ восемь китайцевъ и условился съ американскими плотниками построить ему десять хижинъ за огульную цѣну 100 долларовъ. Пока американецъ возводилъ первую хижину, китайцы преспокойно сидѣли на землѣ, наблюдая за его работою, а когда жилище было готово, то Го-Лингъ заплатилъ по расчету 10 долларовъ, а остальные хижины выстроилъ самъ съ своими товарищами. Потомъ мало-по-малу китайцы стали мастерами въ плотничьемъ ремеслѣ и теперь оно почти исключительно перешло въ ихъ руки. То-же самое можно сказать относительно производства сигаръ въ Сан-Франциско, которое составляетъ одну изъ главныхъ отраслей мѣстной промышленности и даетъ хлѣбъ тысячамъ рабочихъ. Во время пребыванія Диксона въ Сан-Франциско, происходила жестокая борьба желтыхъ работниковъ съ бѣлыми въ часовомъ и сапожномъ ремеслахъ. Уже одинъ китаецъ, Инъ-Юнгъ, научившійся послѣднему ремеслу у еврея-сапожника, открылъ большой магазинъ на лучшей улицѣ города и продаетъ такой-же товаръ, какъ у американскихъ соперниковъ, но гораздо дешевле. Въ часовомъ производствѣ китайцы еще совершенные новички, и Карнель, собственникъ громадной часовой фабрики въ Чикаго, открылъ въ прошломъ году въ Сан-Франциско такую-же фабрику, на большей ногѣ, чѣмъ въ Женевѣ, рассчитывая, что дешевый трудъ китайцевъ доставитъ ему громадные барыши. „Желтый трудъ, говорилъ онъ Диксону, — дешевъ и хорошъ; китайцы толковы и послушны, непьющи и смиренны. Конечно, ихъ придется научить ремеслу, но ловкій, терпѣливый китаецъ станетъ дѣлать отлично часы черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ“. Этотъ планъ возбудилъ большое негодованіе въ Сан-Франциско и даже въ Чи-

ваго, гдѣ боялись, что китайскіе работники своей дешевизной подорвутъ все часовое производство въ Илинойсѣ и пустятъ по міру тысячи искусныхъ работниковъ. Даже мастера, вывезенные Карнелемъ изъ Чикаго въ числѣ 25 человекъ, взбунтовались и не хотѣли поднять на себя руку, то-есть научить своему ремеслу желтокожихъ, но Карнель былъ непреклоненъ и объявилъ, что готовъ отдать предпочтеніе американцамъ, если они будутъ такъ-же дешево, много и хорошо работать, какъ китайцы, въ противномъ-же случаѣ обойдется и безъ нихъ. Кончилось тѣмъ, что китайцы допущены до новаго ремесла и, конечно, вскорѣ заберутъ его въ свои руки. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, также какъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности въ Калифорніи, Орегонѣ и Невадѣ, „люди, питающіеся рисою“, по выраженію Диксона, взяли верхъ надъ людьми, питающимися мясомъ.

Въ виду всего этого неудивительно, что бѣлое населеніе относится съ ненавистью къ желтокожимъ. Ихъ считаютъ позорными подонками общества и вообще смотрятъ на нихъ, какъ нѣкогда смотрѣли на чернокожихъ въ Виргиніи. Съ ними обходятся, какъ съ собаками, хозяева ихъ бьютъ, мальчишки на улицахъ бросаютъ въ нихъ камнями, въ церквяхъ проповѣдники ихъ клеймятъ, какъ нечестивыхъ язычниковъ, они не имѣютъ никакихъ правъ, никакой защиты. Однако, несмотря на все это, преобладаніе желтой расы растетъ съ каждымъ годомъ, и даже самые ярые враги китайцевъ пользуются ихъ услугами. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ разговоръ Диксона съ однимъ богатымъ вупцомъ въ Сан-Франциско. „Вы можете не любить китайцевъ, сказалъ американецъ, — и я самъ ихъ терпѣть не могу, но какъ повара и слуги, они необходимы и неизмѣримо лучше ирландцевъ и нѣмцевъ. Спросите у жены, видала-ли она когда-нибудь лучшую горничную, швею и прачку, какъ нашъ желтый Ки? У нихъ много достоинствъ, рѣдкихъ въ бѣлой расѣ: они не пьянствуютъ, не грубятъ, не ходятъ въ гости. Конечно, они лгутъ и крадутъ, какъ всѣ слуги, но менѣе ирландцевъ и нѣмцевъ. Наконецъ, на нихъ находятъ минуты раскаянія и они сами просятъ, чтобъ ихъ подвергали наказанію палочными ударами, на что я всегда охотно соглашаюсь“. Но всѣ эти похвалы китайцамъ блѣднѣютъ передъ послѣдней чертой ихъ характера, указанной Диксону тѣмъ-же американцемъ, хотя съ совершенно другой, обратной точки

зрѣнія. „Вы не можете себѣ представить нахальства этихъ злополучныхъ язычниковъ, прибавилъ онъ;— надняхъ, въ дождь, когда грязь на Монтгатерійской улицѣ доходила до 15 дюймовъ высоты, какой-то желтокожій мальчишка въ красномъ атласномъ халатѣ и мѣховой пелеринѣ переходилъ черезъ улицу по доскѣ, одинъ изъ нашихъ почтенныхъ согражданъ, видя, что онъ болѣе походить въ этой блестящей одеждѣ на женщину, чѣмъ на порядочнаго торговца, быстро побѣжалъ по доскѣ въ нему навстрѣчу и столкнулъ его въ грязь при общемъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ. Но представьте себѣ, до чего доходитъ нахальство этихъ нечестивыхъ язычниковъ: желтокожій медленно поднялся, страхнулъ съ себя грязь, добродушно взглянулъ на нашего достойнаго согражданина и, присѣдая, какъ женщина, сказалъ громко, такъ что всѣ вокругъ слышали: „вы христіанинъ, я язычникъ,— прощайте“.

Представивъ, такимъ образомъ, собранныя имъ изъ личныхъ наблюденій и разговоровъ съ мѣстными жителями достовѣрныя свѣденія о трудолюбіи, честности, добротѣ и прочихъ хорошихъ качествахъ китайцевъ, Диксонъ, съ другой стороны, рисуетъ картину азіятскаго квартала въ Сан-Франциско въ самыхъ черныхъ краскахъ, изображая тѣхъ-же китайцевъ отвратительными существами обоюга пола, грозящими заразить всю Америку своими грубыми, дикими пороками. По его словамъ, седьмая часть населенія и семидесятая часть пространства въ Сан-Франциско принадлежатъ желтокожимъ; вообще сыны Востока селятся тѣснѣе европейцевъ, но нигдѣ густота населенія не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Китайскомъ Городѣ въ Сан-Франциско, который представляетъ кварталъ не закрытый, а свободно распространяющійся во всѣ стороны изъ самаго сердца этой столицы Тихаго океана. Средоточіемъ китайскаго царства въ Новомъ Свѣтѣ служитъ чайная Локъ-Сина въ Джаксоновой улицѣ; вокругъ нея расположены китайскіе банки, рынки, магазины, блестящій буддійскій храмъ, два великолѣпныхъ театра—одинъ, посвященный историческимъ пьесамъ, а другой—легкимъ комедіямъ, игорные дома, притоны курителей опиума и всевозможныя трущобы разврата. Далѣе почти по всѣмъ окрестнымъ улицамъ тянутся жилища, часто собственные дома желтокожихъ, и если описаніе ихъ, которое даетъ Диксонъ, вполнѣ справедливо, то неудивительно, что евро-

пейцы бѣгутъ съ отвращеніемъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ пріютились ихъ желтые братья. „Европейцы, говоритъ онъ, — не могутъ выносить шума, грязи и зловонія китайскихъ жилищъ; никакой бѣлый не станетъ спать подъ однимъ кровомъ съ желтокожимъ, никакая бѣлая женщина не пройдетъ добровольно по Джексоновой улицѣ, которая кишитъ выходами изъ Небесной имперіи. Войдемъ въ ихъ жилища и посмотримъ, какъ они живутъ. Не вдалекѣ отъ кофейной Локъ-Сина находится большой, четырехъ-этажный домъ, нѣкогда модный отель, а теперь арендуемый богатымъ китайцемъ Ли-Си-Тутомъ, который отдаетъ комнаты соотечественникамъ высшаго класса, то-есть магазинщикамъ, прикащикамъ и т. д., но не допускаетъ воровъ, развратныхъ женщинъ и пр. Такимъ образомъ, этотъ домъ можно назвать роскошнѣйшимъ караванъ-сераемъ китайской имперіи въ Америкѣ. При входѣ въ него васъ обдаетъ отвратительный запахъ; на лѣстницѣ грязь непроходимая; изъ каждой двери выходятъ заразительныя испаренія; по стѣнамъ сочится зловонная слизь. Лѣстницы и всѣ проходы кишатъ народомъ; отовсюду смотрятъ на васъ блѣдныя желтыя лица, плюющія куда ни попало свою наркотическую жвачку; изъ cadaго угла выглядываютъ лихорадочно-сверкающіе отъ опиума глаза и вездѣ царствуетъ какой-то необъяснимый ужасъ. Каждая комната, удобная для жизни одного человѣка, раздѣлена на шесть или на семь отдѣленій циночками или по стѣнамъ въ ней прибиты полки, отъ десяти до двѣнадцати, такъ-что дюжина людей помѣщается тамъ, гдѣ слѣдуетъ жить одному. Съ подвала до чердака домъ этотъ набитъ народомъ, грязью, зловоніемъ. Въ этомъ китайскомъ раѣ кишитъ до 1,500 человѣческихъ существъ. Я видывалъ много переполненныхъ людьми жилищъ, но ничто — ни эмигрантскій корабль въ Ливерпулѣ, ни сьумасшедшій домъ въ Неаполѣ, ни бараки на Нилѣ — не можетъ сравниться съ домомъ Ли-Си-Туа по тѣснотѣ и давкѣ. Хозяинъ увѣряетъ, что отдаетъ свои 60 комнатъ 800 жильцамъ, то-есть каждую комнату 13 лицамъ, но жильцы его обманываютъ, отдавая отъ себя свои полки, такъ-что втеченіи сутокъ населеніе нѣкоторыхъ изъ комнатъ перемѣняется три раза. Но лица, обитающія въ этомъ домѣ, еще счастливы въ сравненіи съ населеніемъ лабиринта узкихъ переулковъ и дворовъ вокругъ Бартистской ален. Въ этой мѣстности поселились первые бѣлые эмигранты въ Сан-Франциско и,

конечно, возвели свои бревенчатыя хижины на-скоро и какъ можно дешевле. Съ тѣхъ поръ онѣ еще сгнили и покрылись плесенью, а теперь тутъ живутъ массы китайцевъ. Въ конурахъ, негодныхъ для собакъ, находятъ себѣ пріютъ десять, двѣнадцать несчастныхъ желтокожихъ, старающихся въ дыму опиума забыть свое печальное существованіе. Еще болѣе ужасную картину представляетъ воровской кварталъ, куда нельзя проникнуть иначе, какъ ночью и съ полицейскими. Въ сырыхъ, зловонныхъ трущобахъ, болѣею частью подземныхъ, скрываются лавки краденыхъ вещей и отвратительныя жилища воровъ, убійцъ и несчастныхъ невольницъ, торгующихъ развратомъ. Страхъ и отчаяніе видируются на блѣдныхъ монгольскихъ лицахъ, а за многими мрачными дверьми, мимо которыхъ вы проходите съ отвращеніемъ, слышится трескъ взводимого ружейнаго курка. „То, что вы видите въ Сан-Франциско, сказалъ спутникъ, сопровождавшій меня въ этихъ странствіяхъ по китайскому кварталу, — вы найдете въ Сакраменто, Стоктонѣ, Сан-Иозе и другихъ городахъ; гдѣ китайцы ни явятся, они тотчасъ заведутъ китайскій кварталъ и населятъ его преступниками, невольниками и развратными женщинами. Они доставляютъ намъ дешевый трудъ, и финансисты говорятъ, что мы нуждаемся въ дешевомъ трудѣ для развитія страны; но какую цѣною намъ придется купить это развитіе?“

Хотя представляемая Диксономъ картина китайскаго города въ Сан-Франциско невольно отталкиваетъ читателя отъ желтой расы, но не надо забывать, что подобныя трущобы, а, можетъ быть, и хуже, существуютъ въ каждомъ большомъ городѣ или промышленномъ центрѣ, и, конечно, въ томъ-же Сан-Франциско, Нью-Йоркѣ или Лондонѣ Диксонъ могъ-бы наблюдать не менѣе отвратительныя сцены среди подонковъ бѣлой расы. Какъ-бы въ подтвержденіе того, что описываемые имъ ужасы не составляютъ отличительной характеристики извѣстной расы, а, напротивъ, извѣстнаго класса всѣхъ расъ, Диксонъ рисуетъ совершенно противоположную картину „небеснаго селенія“ на берегу Тихаго океана, близъ Минтереея. Въ этомъ мирномъ уголкѣ Соединенныхъ Штатовъ живутъ припѣваючи 400 или 500 китайцевъ съ своими женами и дѣтьми совершенно независимо отъ бѣлой расы. Это свободные люди, неснискивающіе себѣ пропитаніе тяжелымъ

трудою или лакейской должностію, а добывающіе средства къ жизни рыбной ловлею и обработкою небольшихъ огородовъ съ капустой, перцемъ и другими овощами. Хотя ихъ жилища чрезвычайно миниатюрны и похожи на кукольные домики, но опрятны и чисты; въ каждомъ находится каминъ и на немъ изображеніе Будды, передъ которымъ постоянно стоитъ чашка съ горячимъ чаемъ и тлѣютъ лучины изъ кедроваго дерева. Одинъ изъ этихъ китайскихъ поселенцевъ, А-Тимъ, принялъ Диксона очень гостеприимно и рассказывалъ ему, что они живутъ отлично, ничего не должны Пяти Обществамъ и потому совершенно независимы, такъ-что для ихъ полнаго благополучія не достааетъ только права американскаго гражданства.

— „Такъ вы формально требуете права гражданства? спросилъ Диксонъ.

„— Конечно, сэръ, я родился въ Америкѣ, отвѣчалъ А-Тимъ, который первый изъ представителей желтой расы увидѣлъ свѣтъ на американской землѣ; — я женился въ Америкѣ, я живу въ Америкѣ, мои дѣти родились въ Америкѣ—слѣдовательно, я американскій гражданинъ и имѣю право голоса по американской конституціи“.

Это требованіе китайскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, которое рано или поздно должно раздаться съ могучей силой и быть уважено американской республикой во имя ея основнаго принципа—свободы и равенства всѣхъ гражданъ, приводитъ въ ужасъ Диксона. Если, говоритъ онъ, и теперь отъ наплыва грубой массы европейскихъ эмигрантовъ, особенно ирландскихъ, характеръ и достоинство американскаго правительства мельчаетъ изъ года въ годъ и великіе принципы основателей республики ступеньваются передъ личными, корыстными интересами, то что-же будетъ, когда политическая власть перейдетъ въ руки китайскаго большинства? Но у бѣлой расы есть великое орудіе спасенія, одинъ живительный элексиръ отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и опасностей—образованіе. Китайцы являются въ Америку постепенно и нѣтъ основанія опасаться внезапнаго вторженія 50,000,000, какъ полагаетъ Диксонъ, и потому американцы, при разумномъ, гуманномъ обращеніи съ желтыми братьями, легко могутъ ихъ мало-по-малу ввести въ лоно европейской цивилизаціи и тѣмъ пресѣчь въ корнѣ всякую опасность отъ ихъ численной силы.

Получивъ - же европейское образованіе, китайцы станутъ естественно цѣнить и величайшій его плодъ—свободныя учрежденія, а умъ, наблюдательность, трезвость, трудолюбіе и способность къ быстрому обученію желтой расы, о которыхъ свидѣтельствуесть Диксонъ въ своей книгѣ, могутъ служить ручательствомъ, что китайцы будутъ хорошими учениками, если только бѣдне примутся за дѣло честно, ровно и безъ задней мысли, безъ личныхъ расчетовъ. „Свѣта, какъ можно болѣе свѣта“—останется вѣчнымъ лозунгомъ цивилизаціи вездѣ и всегда, кака-бы ей ни грозила опасность. Не отъ сомкнутія рядовъ и воинственной борьбы, какъ полагаетъ Диксонъ, зависить будущность бѣлой расы и ея цивилизаціи, а, напротивъ, отъ мирнаго прогресса и широкаго раскрытія ея рядовъ всѣмъ человѣческимъ расамъ во имя истинныхъ принциповъ этой самой цивилизаціи.

В. Т.

(Окончаніе будетъ.)

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Прохождение Венеры через дискъ солнца.—Во что обошлись наблюденія надъ этимъ явленіемъ и какаѧ цѣль ими достигается?—Полярныя экспедиціи.— Новыя земли.—Новые люди, представляющіе собою связующее звено между обезьяной и человѣкомъ.—Проектъ о превращеніи Сахары въ море.—Проектъ кругосвѣтнаго путешествія.—Конгрессъ ассоціаціи „общественной науки“ въ Глазговѣ.—Вообще о дѣятельности конгрессовъ за прошлый годъ.—Итоги дѣятельности законодательной.—Законъ о работѣ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ во Франціи.—Германія и Австрія.—Законы въ интересахъ рабочаго класса въ Англіи.—Общественная и правительственная дѣятельность въ другихъ сферахъ.

Въ прошломъ году ученый и офиціозный міръ особенно сильно и долго былъ заинтересованъ двумя событіями: прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца и австро-венгерской полярной экспедиціей. Значеніе и того, и другой было, какъ водится, раздута до послѣдней степени. Журналы и газеты Европы и Америки трубили о нихъ втеченіи чуть не нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Имена Прейера и Вейнрехта не сходили съ языка патріотическихъ нѣмцевъ, по ту и по сю сторону океана, и о Венерѣ толковали во всѣхъ углахъ земного шара, толковали даже люди, пониѣвшіе до тѣхъ поръ ни малѣйшаго понятія ни о какой другой венерѣ, кромѣ медицинскон.

По поводу Венеры писались цѣлыя книги, брошюры, журнальныя статьи, читались публичныя лекціи; Венера стала модною темою разговоровъ не только на торжественныхъ собраніяхъ ученыхъ и сѣдовласыхъ жрецовъ богини науки, но даже на увеселительныхъ балахъ и вечерахъ; о ней бесѣдовали и въ кадриляхъ, и за пріятельской попойкою, и въ великосвѣтскихъ сало-

нахъ, и въ трактирахъ, и кабакахъ. Дѣлались различныя догадки и предположенія насчетъ возможныхъ послѣдствій ея прохожденія черезъ солнечный дискъ. Многіе при этомъ высказывали прекуръзныя соображенія насчетъ того, какъ-бы это прохожденіе не нанесло какого-нибудь ущерба солнцу и не повліяло-бы черезъ то на ходъ дѣлъ на нашей планетѣ. Наивные люди воображали, — а нѣкоторые, быть можетъ, и теперь еще воображаютъ, — что Венера въ буквальноймъ смыслѣ слова должна была пройти черезъ наше свѣтило... Разумѣется, читатель, я не хочу думать, чтобы ты могъ принадлежать къ этимъ нѣкоторымъ. Тебѣ, какъ человѣку просвѣщенному, не могло не быть извѣстнымъ, что Венера, вращающейся вокругъ солнца подобно землѣ и лунѣ, попасть на солнце никакимъ образомъ нельзя, и что то явленіе, которымъ такъ интересовался ученый міръ и которое астрономы всѣхъ цивилизованныхъ странъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали 9 декабря 1874 года, — что это явленіе на-столько-же можетъ быть названо прохожденіемъ Венеры черезъ солнце, насколько солнечное затмѣніе можетъ быть названо прохожденіемъ черезъ солнце луны. Вся разница только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ луна заслоняетъ солнечные лучи, падающіе на землю, и образуетъ, такимъ образомъ, на немъ черное пятно, равное своей окружности; во-второмъ въ положеніи луны очутилась Венера.

Вотъ это-то маленькое, для невооруженнаго глаза незамѣтное солнечное затмѣніе, произведенное Венерою, и всполошило ученую и офиціозную Европу. Почему? Въ явленіи этомъ не было ничего ни особенно удивительнаго, ни особенно замѣчательнаго. Оно наблюдалось нѣсколько разъ и до 1874 года *), его много разъ будутъ наблюдать и послѣ. Астрономъ Деламбръ опредѣлилъ даже года и числа, въ которые мы (т. е. не мы, а господа астрономы) удостоются чести видѣть на солнцѣ венерину тѣнь. Мы знаемъ, что событіе, надѣлавшее столько шума въ декабрѣ прошлаго года, повторится въ томъ-же декабрѣ 1882 года, затѣмъ въ іюнь 2004 и 2012 годовъ, въ декабрѣ 2117 и 2125, опять въ іюнь 2247 и 2255 годовъ и опять въ декабрѣ 2360 и 2368 гг. Дальше астрономическія предсказанія нейдутъ, но и это-

*) А именно: 4 декабря 1639 г., 6 іюня 1761 года и 3 іюня 1769.

го довольно. Тотъ фактъ, что прохожденіе Венеры черезъ солнце можетъ быть съ математическою точностію опредѣлено почти за 500 лѣтъ впередъ, ясно показывается, что въ немъ столько-же необычайнаго, сколько и во всякомъ солнечномъ затмѣніи, общемъ или частномъ.

Но общія солнечныя затмѣнія, производимыя луною, доступны взорамъ простыхъ смертныхъ и любоваться ими можетъ каждый, не тратя ни единой копейки. Совсѣмъ не то съ затмѣніемъ, произведеннымъ Венерою;—Европѣ пришлось поплатиться нѣсколькими миліонами. А это не шутка, особенно если вспомнить, что финансы послѣдней не особенно-то процвѣтаютъ и что ей нерѣдко приходится оставлять безъ удовлетворенія самыя, повидимому, настоятельныя нужды „за недостаткомъ средствъ“.

Во всякомъ случаѣ, мы, въ качествѣ патріотовъ, должны испытывать не мало удовольствія, что наша родина асигновала болѣе 1,200,000 фр. для организаціи научныхъ наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры. И находятся еще скептики, сомнѣвающіеся въ нашей любви къ наукѣ! И есть еще злонамѣренные люди, увѣряющіе цивилизованный Западъ, будто мы—варвары, будто интересы цивилизаціи недоступны нашимъ закоснѣлымъ сердцамъ, нашимъ губнымъ умамъ!

Французское національное собраніе—эта вѣковѣчная охранительница „нравственнаго порядка“—пожертвовало на тотъ-же предметъ 300,000 фр. Говорите послѣ этого, что „нравственный порядокъ“ не заинтересованъ въ преуспѣяніи точныхъ наукъ! Бисмарковская Германія—этотъ живой протестъ противъ всего, что имѣетъ хотя какое-нибудь отношеніе къ такъ-называемой идеологіи,—Германія, влюбленная въ свои пушки, въ своихъ солдатъ, въ своего „железнаго графа“, и глубоко презиращая все, что не носитъ мундира и не отличается боевою выправкою,—даже она не поскупилась бросить на Венеру $\frac{1}{2}$ миліона фр., какъ-разъ — $\frac{1}{12,000}$ часть своей военной добычи.

Англійское правительство, несмотря на всю свою бережливость, не пожалѣло на нее 400.000 фр. Точно такую-же сумму затратилъ англичанинъ Лидзей, снарядившій цѣлую астрономическую экспедицію на свой собственный счетъ. Англійскія колоніи (въ Индіи, Викторіи, Новой Галліи и т. п.) внесли въ сборную лепту свои кровныя 100,000 фр.

Сложите всё эти пожертвованія и у васъ составитъ кругленькая цифра въ 3,910,000 фр. Сумма немаленькая! Но, конечно, для интересовъ науки... такая жертва не можетъ быть велика. Вѣдь это не какіе-нибудь пошло-практическіе интересы грубой, прозаической дѣйствительности! Вѣдь тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь безграмотныхъ мальчишкахъ, не о жалкихъ оборванцахъ, *выпертыхъ* на улицу биржевыми и промышленными спекулянтами, не о вонючихъ конурахъ „черныхъ людшекъ“, — нѣтъ-съ, тутъ былъ затронутъ вопросъ посерьезнѣе и поважнѣе — вопросъ объ опредѣленіи точнаго разстоянія отъ земли до солнца. Согласитесь, что передъ этимъ вопросомъ блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ ваши мизерные вопросики о „кускѣ насущнаго хлѣба“.

Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже: мы, люди XIX вѣка, перлы и адаманты цивилизаціи, мы, разрѣшившіе столько удивительныхъ тайнъ природы, перекрестившіе всё уголки (т. е. тѣ, въ которыхъ мы сами обитаемъ) земного шара желѣзными дорогами и телеграфами, мы, открывшіе столько паразитическихъ способовъ комфортабельно наслаждаться жизнью, мы, постоянно толкующіе о своей учености и гордящіеся своимъ умомъ, — и мы-то вдругъ не знаемъ навѣрное, какое именно количество биліоновъ миль отдѣляетъ насъ отъ солнца! Непростительное упущеніе!

Но какими-же образомъ Венера можетъ помочь намъ исправить это упущеніе? О, на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: астрономы или, лучше сказать, англійскій астрономъ Галлей (Halley) *) доказалъ съ ясностью для всѣхъ очевидно, что только одна эта планета и можетъ помочь намъ въ разрѣшеніи интересной задачи опредѣленія точнаго разстоянія отъ земли до солнца.

Просвѣщенный читатель знаетъ, безъ сомнѣнія, какимъ образомъ опредѣляется разстояніе отъ данной плоскости до какой-нибудь точки X. Точка X принимается за вершину равнобедреннаго треугольника; на данной плоскости мы беремъ опредѣленную линію АВ, параллельную плоскости, за основаніе треугольника; углы треугольника будутъ опредѣляться АВ и X; зная углы и основаніе равнобедреннаго треугольника, мы можемъ уже безъ

*) Тотъ самый, который открылъ комету, носящую его имя.

труда опредѣлить величину сторонъ. Къ несчастію, однако, разстояніе между данною плоскостью (часть какой-бы поверхности она ни составляла) и точкою X можетъ быть опредѣлено при помощи этой простой геометрической задачи лишь въ одномъ случаѣ, а именно, когда величина данной поверхности находится въ известномъ отношеніи къ ея разстоянію отъ точки X. Если же этого отношенія не существуетъ, если величина поверхности, на которой взята плоскость АВ, чрезчуръ мала сравнительно съ разстояніемъ, отдѣляющимъ ее отъ X, то линіи, идущія отъ АВ къ X, будутъ почти параллельны и вычисленіе ихъ величины по основанію и угламъ треугольника становится невозможнымъ.

Земля находится относительно солнца именно въ такомъ положеніи. Вотъ почему разстояніе, отдѣляющее ее отъ послѣдняго, и не можетъ быть опредѣлено этимъ простымъ геометрическимъ способомъ. Приходится прибѣгать къ вычисленіямъ болѣе сложнымъ, приходится опредѣлить предварительно разстояніе земли отъ какой-нибудь третьей точки, — точки, находящейся между солнцемъ и нашею планетою, и затѣмъ разстояніе между солнцемъ и этою точкою. При этомъ, конечно, отношенія ея разстояній къ землѣ и солнцу должны быть намъ известны. Такою-то точкою и можетъ служить Венера. Ея разстоянія отъ солнца и отъ земли неизвѣстны, но каковы-бы они ни были, мы знаемъ (благодаря Кеплеру), что между ними существуетъ опредѣленное отношеніе и что это отношеніе равняется 5 : 2. Слѣдовательно, разъ мы имѣемъ возможность опредѣлить одно изъ этихъ разстояній, мы можемъ вычислить и другое, а опредѣливъ величину обонхъ разстояній, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ и разстояніе между нашею планетою и солнцемъ.

Прохожденіе Венеры черезъ солнце отрывало намъ эту возможность. Вы, читатель, еще не на-столько забыли свои гимназическія тетрадки, чтобы не знать, какимъ образомъ рѣшаются задачи, требующія опредѣлить разстояніе данной точки, положимъ В, отъ данной окружности, положимъ С. Вамъ известно, что для этого нужно провести перпендикулярную линію отъ точки В къ центру окружности С. Затѣмъ по обѣ стороны отъ точки совпаденія этой линіи съ окружностью взять на ней двѣ равныя дуги; соединивъ крайнія точки хорды этихъ дугъ, получимъ

основаніе для двухъ трехугольниковъ, при помощи которыхъ можемъ опредѣлить искомое разстояніе. Предположите теперь, что точка В (Венера) не стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, что она вращается вокругъ данной окружности С (солнца) и что лица, желающія опредѣлить ея разстояніе отъ послѣдней, находятся не на В и не на С, а на какой-нибудь третьей точкѣ З (земля), которая отстоитъ отъ С далѣе В, и, подобно послѣдней, вращается вокругъ первой, заимствуя отъ нея свой свѣтъ. Какъ должны поступить изслѣдователи? Очевидно, они должны будутъ выждать время, когда В станетъ въ такое положеніе къ С и З, что заслонитъ собою лучи С, падающіе на З. Съ точки З точка В будетъ казаться небольшимъ чернымъ пятномъ, проходящимъ черезъ окружность С, и, двигаясь отъ одной точки ея окружности къ другой, это пятно опишетъ хорду. Если изслѣдователи помѣщены на двухъ противоположныхъ діаметрахъ точки З, то они, наблюдая прохожденіе В по окружности С, увидятъ двѣ хорды. Соединивъ конечныя точки этихъ хордъ воображаемою линією, принявъ ее за основаніе трехугольника, вершина котораго будетъ помѣщаться въ точкѣ В, и зная величину основанія этого равнобедреннаго трехугольника и его вершину, они безъ труда уже опредѣлятъ величину его сторонъ, т. е. разстояніе В отъ С.

Понятно-ли теперь, почему 9 декабря 1874 года съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалось астрономами всѣхъ странъ цивилизованнаго міра? Этотъ день долженъ былъ имъ дать всѣ необходимыя элементы для разрѣшенія задачи, надъ которою они такъ долго и безуспѣшно бились и важность которой не подлежитъ для нихъ ни малѣйшему сомнѣнію. Судя по даннымъ, полученнымъ главными обсерваторіями съ различныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, устроенныхъ по всѣмъ уголкамъ земнаго шара, можно заключить, что ожиданія астрономовъ не обманули ихъ. За исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ, наблюденія звездъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Каковъ будетъ общій результатъ этихъ наблюденій, къ какимъ окончательнымъ заключеніямъ придутъ астрономы, — объ этомъ мы, простые смертные, теперь еще не можемъ разсуждать. Будемъ только утѣшать себя надеждою, что, авось, три миліона, вынутые Венерою изъ нашихъ кармановъ, дадутъ намъ, по крайней мѣрѣ, право сказать XX вѣку: „мы, люди XIX в., сдѣлавъ

то-то и то-то, разрѣшили, между прочимъ, и великую астрономическую задачу о дѣйствительномъ разстояніи нашей планеты отъ солнца“.

Что-же, 3 миліона за право сказать: „мы разрѣшили великую астрономическую задачу... и т. д.“—это не слишкомъ дорого, особенно если принять во вниманіе, какъ вообще высоко цѣнятся слава на человѣческомъ рынкѣ и съ какимъ трудомъ она пріобрѣтается. Въ наше время, чтобы прославиться, нужно или совершить какое-нибудь чудовищное злодѣяніе, или продѣлать какую-нибудь колоссальную биржевую штуку, разорить тысячи семей, или... ну, хоть открыть какую-нибудь необитаемую ледяную землю, какой-нибудь никому ненужный проливецъ.

Въ прошломъ году намъ и по этой части, т. е. по части открытій никому ненужныхъ земель, замѣчательно какъ везло. Гг. Прейеръ и Вейрехтъ, вмѣстѣ съ кораблемъ „Тегентгофомъ“, заслужили вѣчную признательность потомства, не говоря уже о благодарности современниковъ. Ихъ полярная экспедиція, начавшаяся въ іюль 1871 г. и кончившаяся въ сентябрѣ 1874 г., обратила на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра: онъ долго не могъ надивиться самоотверженному мужеству смѣлыхъ путешественниковъ и нарадоваться важности достигнутыхъ ими результатовъ. Дѣйствительно, экипажъ „Тегентгофа“ и въ особенности руководители экспедиціи по части мужества и самоотверженности могли-бы получить первую монтіоновскую премію... если-бы только эти качества считались въ нашъ вѣкъ добродѣтелью. Читая описаніе ихъ путешествій, зная все, что они претерпѣли, всѣ трудности и препятствія, съ которыми имъ приходилось бороться, невольно задаешь себѣ вопросъ: а что-бы могли сдѣлать эти люди, если-бы они обратили свою энергію не на борьбу съ полярными бурями и льдами, не на борьбу съ грозными естественными стихіями, а на борьбу съ вѣчно бушующими, все леденящими и мертвящими стихійными силами общества, съ тѣми силами, передъ которыми они теперь, по всей вѣроятности, первые-же преклоняются и идолопоклонствуютъ? Что-бы было, если-бы они вмѣсто того, чтобы увеличивать фантастическую имперію

императора Франца необитаемыми странами, постарались-бы сдѣлать менѣе необитаемыми его уже обитаемыя владѣнія? Очень можетъ быть, что ничего-бы не вышло, и ужь во всякомъ случаѣ они не заслужили-бы тогда тѣхъ шумныхъ, единодушныхъ рукоплесканій и овацій, которыми почтили ихъ патриотическіе нѣбцы. Борьба съ неодушевленными, стихійными силами, даже и при неудачѣ, обѣщала имъ славу; борьба-же съ одушевленными стихійными силами, даже и при удачѣ, не обѣщала имъ ничего, кромѣ вѣчныхъ непріятностей. Такъ не были-ли они правы, отдавъ предпочтеніе первой передъ второй, полюсу передъ родиной?

Да, они были правы... но что изъ этого? Много-ли отъ этого выиграли тѣ, которые, сами того не зная, должны были, волею-неволею, оплатить издержки экспедиціи? Много-ли выиграла Австро-Венгрія, что къ ея разнокалибернымъ землямъ прибавилась еще одна земля,—ледяная земля Франца-Иосифа?

А наука, а господа ученые? О, это другое дѣло! Наука обогатилась новымъ открытіемъ и знаменитый Петерманъ, потирая отъ удовольствія руки, можетъ съ гордостью сказать: „вотъ, видите, я былъ правъ: я говорилъ, я предсказывалъ, вы мнѣ не хотѣли тогда вѣрить, стыдитесь-же теперь и посрамляйтесь!“

Дѣйствительно, 10 лѣтъ тому назадъ Петерманъ говорилъ и доказывалъ нѣмецкому географическому обществу, засѣдавшему въ Гамбургѣ, что теченіе гольфстрема идетъ гораздо сѣвернѣе, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ, и что за Шпицбергеномъ, за областью льда, долженъ находиться свободный отъ льдовъ океанъ.

Мысль знаменитаго географа произвела большой переполохъ среди ученаго міра; сперва на нее со всѣхъ сторонъ набросились, какъ на невѣжественную ересь, но затѣмъ явилось сомнѣніе и было высказано предположеніе, что вѣдь, можетъ быть, онъ отчасти и правъ. Стали поговаривать, что не худо-бы было провѣрить его догадку, и вотъ начинается цѣлый рядъ экспедицій къ сѣверному полюсу.

Первая экспедиція отправилась въ 1868 г.; распорядился ею капитанъ Кольдсвей; она проникла до 81° с. ш., сдѣлала нѣсколько изслѣдованій по восточному берегу Шпицбергена, но, не достигнувъ никакихъ важныхъ результатовъ, вернулась назадъ домой.

Въ слѣдующемъ 1869 г. было снаряжено нѣсколько экспедицій для изученія береговъ Гренландіи и Сибири. Самая замѣчательная изъ нихъ была, безъ сомнѣнія, такъ-называемая вторая нѣмецкая экспедиція, имѣвшая цѣлью изслѣдованіе восточныхъ береговъ Гренландіи.

Состояла она изъ двухъ кораблей: „Германія“ и „Гонта“. Начальство надъ нею ввѣрено было опять-таки капитану Кольдсвею и прославившемуся въ прошломъ году Юлію Шейеру. Оба корабля до 74° с. ш. шли вмѣстѣ, но затѣмъ, вслѣдствіе дурно понятаго сигнала, разошлись и „Гонта“ очень скоро была затерта льдами въ 40 миляхъ отъ берега, потомъ ее отнесло дальше на югъ, гдѣ ледъ окончательно ее разбилъ. Экипажъ спасся на плавающей льдинѣ и послѣ 6-мѣсячнаго странствія на ней, — странствія, сопряженнаго со всевозможными приключеніями и лишеніями, — ему удалось добраться до южнаго берега Гренландіи, откуда его перевезли въ Копенгагенъ.

„Германія“ больше посчастливилось; цѣлый мѣсяцъ, однако, ей никакъ не удавалось подойти къ берегу, и только въ августѣ, когда подулъ вѣтеръ съ Атлантическаго океана и ледъ немного разошелся, она могла бросить якорь въ маленькой бухтѣ у остр. Сабинны, составляющаго часть такъ-называемой „Земли короля Вильгельма“.

Восточный берегъ Гренландіи, по наблюденію путешественниковъ, совершенно мѣняетъ свой видъ за 70°: онъ усѣянъ здѣсь множествомъ мысовъ и глубокихъ заливовъ (фіорды); на заднемъ планѣ, среди громадныхъ горъ, возвышаются гигантскіе ледники, — ледники, съ которыми даже знаменитые швейцарскіе глетчеры не могутъ выдержать никакого сравненія. Общій видъ мѣстности во многомъ напоминаетъ берега средней Азіи. „Германія“ пришлось тутъ зимовать. Ледъ, немного оттаявшій лѣтомъ, съ половины августа снова затянулъ всѣ проходы между островами и выйти изъ бухты не было никакой возможности. Замерзаніе воды происходитъ здѣсь, по рассказамъ очевидцевъ, довольно оригинальнымъ способомъ. Сперва появляются небольшіе ледяные куски, мягкіе, въ видѣ густого теста; мало-по-малу они образуютъ одну сплошную массу, затягивающую всю поверхность воды и настолько гибкую и упругую, что она постоянно движется и колеблется, слѣдуя за колебаніями и движеніемъ волнъ. Въ поло-

винѣ сентября масса эта на-столько окрѣпла, что могла выдержать тяжесть саней. Кольдсвей и его спутники воспользовались этимъ обстоятельствомъ и предприняли цѣлый рядъ экспедицій для изученія окрестностей. Нечего и говорить, съ какими страшными трудностями были сопряжены эти экспедиціи. Скоро, однако, онѣ должны были и совсѣмъ прекратиться. Въ первыхъ числахъ ноября солнце скрылось и наступила длинная, трехмѣсячная ночь съ бурями и ураганами. Зима этого года въ особенности отличалась своею непогодю. Страшные ураганы продолжались иногда по 100 часовъ безъ перерыва. Только съ марта мѣсяца можно было снова приняться за ученныя изслѣдованія. Изслѣдователямъ приходилось путешествовать по льду пѣшкомъ, таская на себѣ всѣ необходимыя имъ вещи. Путешествіе это по своей трудности и утомительности превосходило все, что только можно себѣ представить. Вѣтеръ, не переставая, дулъ въ лицо, ослѣпительно-блестящая поверхность льда разстраивала зрѣніе и производила галлюцинаціи и миражи; они лишились сна и аппетита... Но они не падали духомъ: измученные, больные, они самоотверженно шли все дальше и дальше. И всюду вокругъ нихъ по направленію къ полюсу разстилался необозримый океанъ льда; воды нигдѣ не было видно. Путешественники добрались, такимъ образомъ, до мѣстности, лежащей за 77° с. ш., на 18° в. д. (отъ Гринвича). Идти дальше не было возможности. Въ іюль „Германія“ вышла въ открытое море; она попыталась-было еще разъ приблизиться къ полюсу, но всѣ каналы и проходы оказались до такой степени запруженными льдомъ, что, дойдя до $75,26^{\circ}$ с. ш., она должна была вернуться назадъ и 11 сентября вошла въ устье Везера.

Результаты этой экспедиціи, обогатившей науку многими весьма цѣнными въ гидрографическомъ и физическомъ отношеніи свѣденіями, противорѣчили предположенію Петермана. Кольдсвей положительно удостовѣрялъ, что на востокъ отъ Гренландіи никакого прохода въ открытое море не существуетъ.

Въ слѣдующемъ 1871 году Пейеръ вмѣстѣ съ Вейнрехтомъ снова принялъ участіе въ экспедиціи къ полюсу. Цѣль экспедиціи была разыскать землю Вильгельма. Цѣли этой она не достигла, но путешественникамъ удалось все-таки пройти на 150 миль дальше своихъ предшественниковъ, за 78° с. ш. (между

42 и 60° в. д.); передъ ними на необъятномъ пространствѣ разстилалось открытое море съ температурою воды (на поверхности), колебавшеюся отъ 3 до 4° ниже нуля (по Фаренг.). Недостатокъ провизіи заставилъ ихъ вернуться назадъ.

Въ томъ-же году норвежскіе путешественники Макке и Карлзень предприняли двѣ экспедиціи для отысканія мѣста зимовки въ 1579 г. смѣлаго голандскаго мореплавателя Барентца. Хотя Макке и не отыскалъ мѣста зимовки Барентца (это сдѣлалъ послѣ него Карлзень), однако, онъ зашелъ такъ далеко, какъ до него не доходилъ ни одинъ путешественникъ, и всюду онъ встрѣчалъ свободное отъ льда море. Шансы Петермана, очевидно, поднимались. Скоро они поднялись еще больше.

Въ томъ-же 1871 году въ сѣверное полярное море отправилась новая экспедиція, подъ начальствомъ американца Чарльза Халя.

Выѣхавъ 29 іюня изъ Новой Земли на корабль „Паларисъ“, Халь слѣдовалъ по проливу Смика, открытому 17 лѣтъ тому назадъ капитаномъ Конамъ; въ концѣ августа онъ достигъ 80 с. ш. и высадился на землю Гриннеля; затѣмъ, поднявшись по каналу Кеннеди, онъ вошелъ въ узкій проливъ во сто миль длиною, примыкавшій, по всей вѣроятности, къ знаменитому арктическому бассейну; проливъ этотъ до него никѣмъ еще не былъ посѣщаемъ и о его существованіи не имѣлось даже никакихъ свѣденій. Халь назвалъ его проливомъ Робинзона, въ честь морского министра Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдуя по этому вновь открытому пути, онъ дошелъ до 82,16° с. ш. Здѣсь онъ остановился. Передъ нимъ разстилалось далеко на сѣверъ водное пространство, совершенно свободное отъ льда, — „море Линкольна“, какъ онъ его окрестилъ; еще далѣе виднѣлся океанъ съ заливомъ; на восточной его сторонѣ обрисовывались очертанія береговъ; очевидно, тамъ должна была лежать земля, географамъ еще неизвѣстная. Ее называли землею Гранта. Ея фауна, повидимому, представляла полнѣйшую аналогію съ фауной Гренландіи; экипажу казалось даже, будто онъ видитъ на новой землѣ несомнѣнные признаки человѣческаго жилья. Обрадованные и нетерпѣливые путешественники хотѣли бросить корабль и по льду добраться до обѣтованныхъ береговъ. Но капитанъ Беддингтонъ воспротивился этому и увелъ „Паларисъ“ по заливу въ каналъ

Робинзона. Неожиданная смерть Халя, послѣдовавшая въ ноябрѣ мѣсяцѣ, положила конецъ экспедиціи; простоявъ въ бездѣйствіи всю зиму, „Паларисъ“ съ наступленіемъ лѣта отправился домой. На возвратномъ пути ему пришлось испытать много непріятныхъ приключеній; въ концѣ-концовъ въ немъ оказалась течь и его экипажъ едва-едва спасся отъ гибели.

Между тѣмъ неутѣшныя Прейеръ и Вейнрехтъ, только-что возвратившіеся изъ своей неудавшейся экспедиціи, задумали уже новую, съ цѣлью изучить неизвѣстныя еще мѣстности, лежащія на сѣверѣ отъ Сибири по полярному морю, и пройти, если возможно, къ Берингову проливу. Планъ экспедиціи заинтересовалъ ученый міръ; два вліятельнѣйшихъ аристократа, венгерцы Вильчекъ и Зичи, не щадили средствъ для приведенія его въ исполненіе. Королевское географическое общество учредило съ этою-же цѣлью особую комисію, въ составъ которой попало не мало денежныхъ тузовъ. Скоро суммы, необходимыя для этого предпріятія, были собраны, пароходъ („Тегентгофъ“) снаряженъ, и 14 іюля 1872 года неустрашныя рыцари науки отплыли изъ Тронзое (въ Норвегіи) въ полярное море. Нѣсколько дней спустя вслѣдъ за ними отправился на своей парусной лѣтѣ и графъ Вильчекъ. Онъ хотѣлъ устроить для „Тегентгофа“ гдѣ-нибудь на восточной сторонѣ арктическаго океана складъ угля и необходимаго провіанта. Но 21 августа, у мыса Напана, между Новой Землею и устьемъ Печоры, графская лѣта потеряла пароходъ изъ вида. Несмотря на всѣ ея усилія попасть снова на слѣдъ экспедиціи, ей это не удалось, и она вернулась обратно.

„Тегентгофъ“ точно канулъ въ воду. Прошло болѣе двухъ лѣтъ и о немъ не было ни слуху, ни духу. Ученный міромъ и всѣми тѣми, которые внесли свою лепту въ предпріятіе Шейера и Вейнрехта, овладѣло безпокойство. Начали принимать различныя мѣры къ отысканію пропавшихъ безъ вѣсти путешественниковъ. Графъ Вильчекъ разослалъ китоловамъ массу каучуковыхъ шариковъ, въ которые владывались записки, съ тѣмъ, чтобы шарики эти были разбросаны въ различныхъ направленіяхъ по полярному морю. Географическое общество въ Лондонѣ поручило одному кораблю, шедшему въ Шницбергень, повсюду разузнавать, не знаетъ-ли кто чего-нибудь о „Тегентгофѣ“. Такое-же предписаніе дано было и русскимъ морскимъ министер-

ствомъ всѣмъ морякамъ, отправлявшимся въ сѣверныя страны. Наконецъ, нашъ достопочтенный „спеціалистъ по сѣверу“, г. Сидоровъ, задумалъ даже снарядить особую экспедицію для разслѣдованія судьбы несчастнаго парохода. Всѣ были убѣждены, что онъ погибъ и что смѣлые путешественники вмѣсто Берингова пролива попали, вѣроятно, рыбаць на обѣдъ.

И вдругъ 3 сентября прошлаго года въ Вѣнѣ пронесся слухъ, будто Пейеръ и Вейрехтъ вернулись здоровы и невредимы и будто они ѣдутъ въ столицу Австріи. Слухъ оказался справедливымъ. Черезъ нѣсколько дней вѣнское населеніе съ торжествомъ и оваціями встрѣчало своихъ героевъ.

Дѣло о ихъ мнимой пропажѣ объяснилось очень просто.

21 августа 1872 года, въ тотъ самый день, когда Вильчекъ потерялъ пароходъ изъ виду, „Тегентгофъ“ затерло льдомъ. Съ этого дня онъ сталъ игрушкою капризныхъ стихій; ледяная масса напирала на него со всѣхъ сторонъ, постоянно качая изъ стороны въ сторону; страшныя бури и ураганы, свирѣпствовавшіе въ ту зиму, свалили его на бокъ и, казалось, готовы были разбить въ дребезги. Къ веснѣ (въ мартѣ мѣсяцѣ) натискъ льда прекратился. „Тегентгофъ“ увидѣлъ себя какъ-бы замороженнымъ среди ледяной равнины, разстланной на нѣсколько миль въ окрестности. Равнина эта, подъ напоромъ вѣтра, двигалась то въ ту, то въ другую сторону; вмѣстѣ съ нею двигался и пароходъ. Такимъ образомъ его доташило вплоть до 79,54° с. ш. 31 августа 1873 года экипажъ замѣтилъ, что вдаль на сѣверѣ виднѣются какіе-то гористые берега, покрытые ярко-блестящими ледниками. Земля отстояла отъ парохода миль на 14. Можно себѣ представить радость путешественниковъ! Случай, нежданно-негаданно, натолкнулъ ихъ на открытія. Они хотѣли уже идти нѣшкомъ по льду для того, чтобы поскорѣе не только видѣть, но и осознать новую землю—землю, названную ими землею императора Франца-Иосифа. Однако, это оказалось невозможнымъ. Пришлось ужѣрнить свое нетерпѣніе и ждать, ждать долго, очень долго, до конца зимней ночи. Только съ февраля 1874 года можно было приступить къ научнымъ изслѣдованіямъ.

Были предприняты три экскурсіи на саняхъ. Въ первую экскурсію (съ 10 по 16 марта) Прейеръ посѣтилъ ближайшій

къ пароходу островъ, омываемый живописнымъ заливомъ; на заднемъ планѣ острова возвышался громадный ледникъ (на 2,500 футовъ). Во вторую экскурсію сдѣлано было новое открытіе: Прейеръ вошелъ въ проливъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный, имѣвшій направленіе съ юга на сѣверъ и тянувшійся до 82° с. ш. Проливъ этотъ былъ какъ-бы усѣянъ маленькими островами; по обѣ стороны его видѣлись берега; землю по одну сторону назвали землею Зичи, по другую — Вильчекъ.

Когда Прейеръ вышелъ изъ него, его глазамъ представился громадный бассейнъ, за которымъ видѣлась еще новая земля, окрещенная имъ именемъ земли принца Рудольфа. Онъ прослѣдилъ ея очертаніе до мыса Флигелей (опять имъ самимъ данное названіе); дальше идти было нельзя: начинались трещины и провалы. Но этимъ открытія не кончились. Дойдя до крайней точки, до которой можно было идти, они увидѣли передъ собою новый проливъ; онъ примыкалъ къ новой землѣ, простиравшейся до 83° с. ш. Они назвали ее землею Петермана.

Такимъ образомъ, они открыли цѣлый новый міръ невѣдомыхъ земель. И Прейеръ полагаетъ, что это не какіе-нибудь незначительные острова, а цѣлый архипелагъ въ родѣ архипелага Шпицбергена. Не есть-ли это та земля Вильгельма, преданія о которой еще сохранились и которую въ послѣднее время такъ упорно и такъ тщетно искали?

Третья экскурсія отправилась на востокъ. Въ 14 миляхъ отъ „Тегентгофа“ путешественники взобрались на высокой мнѣ (Бріюнь) и отсюда прекрасно рассмотрѣли общее очертаніе новопріобрѣтеннаго владѣнія императора Франца-Иосифа.

Этой послѣднею экскурсіею закончились ихъ научныя изслѣдованія. Нужно было подумать и о возвратномъ пути. На корабль ѣхать уже было нельзя; пришлось его бросить и отправиться на саняхъ (а гдѣ и на лодкахъ) отыскивать дорогу изъ міра льда въ міръ цивилизаціи. Три мѣсяца проблуждали они по совершенно незнакомой мѣстности и, наконецъ, послѣ немновѣрныхъ лишеній и трудовъ, измученные, полу-больные, голодные, они добрались до Новой Земли. Шесть дней спустя, ихъ взялъ оттуда русскій пароходъ „Николай“ и благополучно доставилъ въ Вардзее.

Въ прошломъ году открывались, однако, не только новыя земли, но и новые люди. По поводу этого послѣдняго открытія мы находимъ въ мемуарахъ Антропологическаго общества (*Memoires de la Société d'Anthropologie*) за 1874 годъ слѣдующія подробности.

Два года тому назадъ докторъ Швейнфуртъ, во время своего путешествія по центральной Африкѣ, былъ однажды приглашенъ на праздникъ, данный въ честь его королемъ одного изъ африканскихъ племенъ. Здѣсь онъ замѣтилъ нѣсколькихъ маленькихъ невольниковъ (не выше 1,4 метра) съ чрезвычайно страннымъ строеніемъ тѣла. На вопросъ, что это за люди, ему сообщили, что это акки, народъ, живущій по берегамъ рѣки Горбона (подъ 30 с. ш.), въ странѣ Мамбуту. По просьбѣ Швейнфурта король охотно подарилъ ему одного изъ этихъ пигмеевъ. Но подарокъ не пошелъ впрокъ: невольникъ умеръ при перѣздѣ черезъ Нубію.

Въ 1873 году другой путешественникъ, итальянецъ Міани, посѣтилъ страну Мамбуту. Пораженный страннымъ видомъ маленькихъ существъ, онъ купилъ двухъ акки и повезъ ихъ въ Европу. Но на дорогѣ Міани умеръ; однако, всѣ его вещи, бумаги, коллекціи и оба невольника, послѣ тысячи всевозможныхъ приключеній, были, наконецъ, благополучно доставлены въ Египетъ. Въ Каирѣ акки были тщательно изслѣдованы президентомъ академіи Колюкъ-пашею; затѣмъ ихъ изслѣдовалъ знаменитый Ричардъ Оуэнъ. На основаніи этихъ изслѣдованій, а также судя по снятымъ съ нихъ фотографіямъ, средній типъ акки представляется въ такомъ видѣ. Ростъ отъ 1,3 до 1,5 метровъ, цвѣтъ кожи шоколадный, какъ у абиссинцевъ, — лобъ широкій, но съ приплюснутымъ, съ широкими ноздрями; губъ почти нѣтъ, такъ что когда ротъ закрытъ, то онъ имѣетъ видъ щели, какъ у обезьянъ; сильно развитыя челюсти, съ широкимъ, выдающимся подбородкомъ; черепъ сжатый, удлинненный; бедра чрезвычайно тонкія, и акки всегда держатъ ноги разставленными; ступня широкая, приплюснутая; сильно развитый большой палецъ, свободно отдѣляющійся отъ ноги. Вообще, какъ оконечности, такъ въ особенности половые органы совершенно аналогичны съ обезьяньими. Еще болѣе приближаются они къ нашимъ прародителямъ по строенію своего туловища: широкая грудь, громадный, выдающійся

впередъ животъ и, наконецъ, позвоночный столбъ, изогнутый въ видѣ фигуры С.

Въ умственномъ отношеніи они крайне ограниченны. Языкъ ихъ до сихъ поръ неизвѣстенъ; по мнѣнію Швейнфурта, это языкъ весьма своеобразный и состоитъ онъ изъ очень немногихъ словъ. Настроеніе ихъ духа или психическій темпераментъ чрезвычайно часто мѣняется: они быстро переходятъ отъ сильнѣйшаго гнѣва къ необузданной веселости, и наоборотъ.

Арки, купленные Міани, были привезены въ Италію и представлены Виктору-Эмануилу. Послѣ этого представленія они стали передразнивать короля, прикладывая концы указательныхъ пальцевъ къ обѣимъ сторонамъ рта и тѣмъ намекая на его длинные усы и на его привычку постоянно крутить ихъ.

Ихъ водили также въ театръ и наша музика имъ очень понравилась; одинъ изъ нихъ выучилъ даже пѣть наизусть арію изъ *la fille de M-m Angot*. Смотрѣть на танцы они очень любятъ и сами танцуютъ съ большимъ удовольствіемъ.

Вопросъ о превращеніи Сахары въ море, заставилъ въ прошломъ году снова говорить о себѣ. Извѣстно, что авторъ этого проекта, Рудэръ, вмѣстѣ съ Дюверье были посланы географическимъ обществомъ въ Африку для болѣе подробнаго изученія степи. Это изученіе еще болѣе утвердило ихъ въ мысли о полной осуществимости проекта; каналъ, который потребуется прорыть отъ Средиземнаго моря въ степь, не долженъ быть длиннѣе 16 километровъ. Деша въ этомъ смыслѣ и была ими послана въ прошломъ году на имя географическаго общества. Она-то и возбудила тамъ новыя толки о Сахарѣ. Однако изъ всѣхъ этихъ толковъ ничего положительнаго вывести нельзя. Явились оппоненты, доказывавшіе невозможность, а въ случаѣ возможности, непрактичность рудэровскаго плана; ихъ, конечно, опровергали, а они возражали; въ концѣ-же преній, какъ и всегда бываетъ, каждый остался при своемъ мнѣніи. Будемъ надѣяться, что когда-нибудь вопросъ этотъ разрѣшитъ практика, и тогда мы навѣрное узнаемъ, чьи мнѣнія и соображенія были вѣрнѣе: за-

щитниковъ-ли идеи превращенія Сахары въ море или ихъ противниковъ.

Въ ожиданіи этого „когда-нибудь“ не хочеть-ли кто-нибудь изъ васъ, читатели, принять участіе въ кругосвѣтномъ путешествіи, проектъ котораго въ прошломъ году составилъ ученый и довольно извѣстный путешественникъ капитанъ Базеркъ?

Цѣль путешествія — изученіе различныхъ явленій природы на различныхъ пунктахъ земного шара. Совершаться оно должно при помощи всевозможныхъ способовъ передвиженія — частью пѣшкомъ, частью на лошадяхъ, частью по желѣзной дорогѣ, отчасти водою. Сборнымъ пунктомъ для лицъ, желающихъ принять въ немъ участіе, капитанъ назначилъ Вѣну. Въ Триестѣ путешественники сядутъ на корабль и черезъ Гибралтаръ, направятся въ южную Америку, въ Венецуэлу, оттуда въ Каракасъ. По Каракасу пойдутъ пѣшкомъ. Пройдя пампасы и Андскіе Кордильеры, отправятся въ Квито черезъ Риобамба. Посѣтивъ Чимборазо, побывають въ дѣвственныхъ лѣсахъ и у индѣйцевъ. Затѣмъ, пройдя Кусарайскую долину, переѣдутъ на корабль въ Бару; отсюда пойдутъ караваномъ въ Рио-Жанейро; исколесивъ южную Америку по всѣмъ направленіямъ, отправятся въ Сан-Франциско и, обойдя караваномъ Калифорнію, побывавъ у мормоновъ, пойдутъ въ Нью-Йоркъ. Оттуда моремъ въ Квебекъ, осмотрятъ Канаду и затѣмъ благополучно вернуться въ Европу.

Путешествіе должно продолжаться 4 года. Корабль будетъ устроенъ на 200 лицъ, изъ нихъ 120 человекъ обязаны вносить за себя опредѣленную плату, а остальные 80 будутъ путешествовать даромъ; въ число этихъ счастливыхъ должны войти: ученые, доктора и прислуга. Капитанъ увѣряетъ, что если плата за путешествіе будетъ назначена въ 12,000 фр. въ годъ (т. е. за четыре года 48,000 фр.), то путешественники могутъ быть обставлены всевозможными удобствами и даже комфортомъ. Разумѣется, нужно только, чтобы ихъ было не менѣе 120 чел., т. е. чтобы общая сумма дорожныхъ расходовъ равнялась 5,760,000 фр. Сумма, какъ видите, кругленькая, и едва-ли предприимчивому капитану удастся скоро ее собрать. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ объ осуществленіи его проекта еще ничего не слышно.

А вѣдь, согласитесь, проектъ грандіозный! Подумайте, сколько новыхъ наблюденій, впечатлѣній, открытій, непредвидѣнныхъ случаевъ и сильныхъ ощущеній, и сколько интересныхъ отношеній, столкновеній и сближеній завязалось-бы между путешественниками? Просто прелесть! И все это за какіе-нибудь 6 миліоновъ! Кругосвѣтная прогулка за 6 миліоновъ! Вѣдь почти даромъ, особенно если сравнимъ съ тѣмъ, что заплатилъ Овсянниковъ нашимъ облобкатамъ, чтобы отправиться только въ Сибирь...

Не давно собирался въ Брайтонѣ конгрессъ „Ассоціаціи общественныхъ знаній“. Изъ всѣхъ конгрессовъ по части „общественныхъ наукъ“, собиравшихся въ прошломъ году, конгрессъ членовъ этой ассоціаціи (въ Глазговѣ), безспорно, былъ самымъ выдающимся, какъ по своему личному составу и своему многолюдству, такъ и по обилію и разнообразію затронутыхъ имъ вопросовъ. Одно уже это обстоятельство не дозволяетъ хроникеру конгрессовъ 1874 г. обойти глазговское ученое собраніе молчаніемъ. Но, кромѣ того, на дѣятельность глазговскаго конгресса, вѣроятно, не разъ придется ссылаться, давая отчетъ о задачахъ и дѣятельности конгресса въ Брайтонѣ. Намъ нерѣдко приходилось наткаться на такіе случаи, когда ученые политики и иные „ревнители“ прогресса и просвѣщенія въ одномъ году говорятъ и рѣшаютъ одно, а въ слѣдующемъ—совершенно другое; наприимѣръ, нѣмецкіе политико-экономы, какъ мы видѣли, въ 1872 году требовали свободной конкуренціи частныхъ банковъ, а въ 1874 г. доказывали необходимость и разумность банковской монополіи. Конечно, англійскіе „ревнители“ не совсѣмъ похожи на нѣмецкихъ и положеніе науки въ Англій не совсѣмъ таково, какъ въ бисмарковской Германіи, но... чѣмъ и кѣмъ чортъ не шутить? Да если-бы даже на этотъ разъ чортъ и не пошутилъ, если-бы почтенные ученые и не стали сами себѣ противорѣчить, то все-же интересно знать: произошелъ-ли за этотъ годъ какой-нибудь прогрессъ въ ихъ взглядахъ на общественные вопросы, подвинулась-ли хоть на одну іоту впередъ ихъ Social Science или осталась все въ томъ-же положеніи, въ какомъ ее засталъ глазговскій конгрессъ, или, быть можетъ, она сдѣлала шагъ назадъ?

Если принять во вниманіе, во-первыхъ, то участіе, которое принимаетъ Англія въ теоретическомъ и практическомъ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, во-вторыхъ, то значеніе, которымъ пользуется въ ряду ея ученыхъ учрежденій Social science association, то нельзя не согласиться, что вопросы эти имѣютъ не только мѣстный, но и общій интересъ.

Но для того, чтобы имѣть возможность рѣшить ихъ, необходимо познакомиться предварительно съ дѣятельностью Глазговскаго конгресса. Это знакомство дастъ намъ матеріалъ, съ одной стороны, для оцѣнки предстоящихъ ученыхъ сѣздовъ, съ другой—для общей характеристики дѣятельности конгрессовъ 1874 года.

Конгрессъ собрался въ октябрѣ и продолжался недѣлю. Различныя англійскія знаменитости обоого пола—и политическія, и ученныя, и литературныя—украшали его своимъ присутствіемъ. Тутъ были и члены парламента, и высокорожденные лорды и баронеты, и денежныя тузы и миліонеры, и простые, нетитулованныя рабочіе. Рядомъ съ достопочтенными лордами Нельсономъ, Кэмпбелемъ, Монкревомъ, знаменитымъ Коксомъ, возсѣдали Макдональдъ (членъ парламента отъ рабочихъ), Гоуэлъ (секретарь постояннаго комитета рабочихъ обществъ), Джорджъ Поттеръ и Ллойдъ Джонсъ—издатель и редакторъ единственной англійской рабочей газеты Все Ниве. Число женщинъ, какъ участвовавшихъ, такъ и присутствовавшихъ при дебатахъ, доходило въ нѣкоторые дни и въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ до 500 человекъ и даже больше. Тутъ была и неизбѣжная миссъ Кэрпентеръ, и миссъ Льюсъ, и Доротея Бель, и многое множество другихъ миссисъ и мистрисъ. Предсѣдателемъ этого разнохарактернаго, но, во всякомъ случаѣ, блестящаго и изящнѣйшаго собранія былъ избранъ блестящій и изящнѣйшій лордъ Розбери (самый младшій, т. е. юный членъ парламента), за нѣсколько времени передъ этимъ предсѣдательствовавшій на скачкахъ. Сознывая свою молодость и неопытность, изящный лордъ вѣжливо замѣтилъ въ своей вступительной рѣчи, что онъ не считаетъ себя въ правѣ руководить столь достопочтенное собраніе; онъ желаетъ только, по силѣ своего разумнія, указать на средства къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Такихъ средствъ онъ видитъ два. Первое и самое главное—воспитаніе, общеобразовательное и техническое; причемъ онъ особенно настаиваетъ на

мысли о необходимости распространять въ народѣ „здравыя экономическія понятія“. Второе средство — кооперація; въ коопераціи онъ усматриваетъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ; хотя въ Англіи она и дѣлаетъ съ каждымъ годомъ значительные успѣхи, однако ораторъ полагаетъ, что она далека еще отъ своего идеала. Какъ на идеальную кооперацію, онъ указываетъ на колоссальный союзъ американскихъ „грэнжистовъ“ (granges), — союзъ, основанный въ 1867 году и имѣющій теперь уже 20,500 вѣтвей и считающій 1,311,226 членовъ. Въ каждомъ штатѣ у этой ассоціаціи есть свои агенты, а въ Калифорніи — свой флотъ. Цѣль ея — непосредственный сбытъ сырыхъ продуктовъ (хлѣба) за границу (преимущественно въ Ливерпуль) и ввозъ чая, сахара и т. п. припасовъ для ежедневнаго потребленія. Припасы эти продаются членамъ ассоціаціи по оптовымъ цѣнамъ.

Очевидно, почтенный лордъ, указывая на грэнжистовъ какъ на образецъ, достойный подражанія, тѣмъ самымъ далъ понять, что именно въ такой формѣ ассоціаціи (преслѣдующей чисто-торгово-промышленныя цѣли) и заключается спасеніе общества, что она, и только она, можетъ предохранить міръ (міръ не въ смыслѣ космоса, а въ смыслѣ даннаго общественнаго порядка) отъ угрожающей ему катастрофы всеобщаго разрушенія.

Рѣчь Розбери была единственнымъ событіемъ перваго дня конгресса. На второй день говорилъ рѣчь предсѣдатель юридической секціи — Монкревъ. Предметъ рѣчи — юридическое законодательство. Поскорбѣвъ предварительно о томъ, что юристовъ мало цѣнятъ и недостаточно уважаютъ, несмотря на всю важность и значеніе ихъ роли въ жизни, несмотря на то, что, „поэты и романисты имѣютъ дѣло лишь съ „тѣнями“, а они, юристы, съ реальною субстанціею“, достопочтенный лордъ высказалъ нѣсколько самыхъ общихъ и безсодержательныхъ мыслей о законѣ, какъ „компендіумъ жизни“, о необходимости существованія въ ней двоякаго „теченія“ впередъ и назадъ, причемъ „администрація“, по его мнѣнію, воплощаетъ въ себѣ „передовое“ движеніе, а законодательство — „задовое“. Последнее должно постоянно контрабалансироваться первымъ, а первое — последнимъ. Затѣмъ ораторъ незамѣтно перешелъ съ высоты этихъ отвлеченныхъ принциповъ къ неизменностямъ англійской практики, къ англійскому законодательству. Похваливъ его общій духъ и по-

жалѣвъ (это вѣчная жалоба англійскихъ юристовъ) объ отсутствіи государственной прокуратуры, онъ долго и краснорѣчиво распространялся на излюбленную тему о пользѣ и необходимости кодификаціи. Какъ истый англичанинъ, онъ хотя и призналъ и пользу ея, и необходимость, но все-таки утверждалъ, что инициатива ея отнюдь не должна принадлежать правительству, что она должна быть осуществлена усиліями частныхъ лицъ и что самое осуществленіе должно совершиться „постепенно“, „потихоньку и полегоньку“.

Послѣ этихъ мудрыхъ рѣчей члены конгресса разошлись по отдѣленіямъ юриспруденціи, уголовного права, воспитанія, гигиены и политической экономіи, — и въ каждомъ отдѣленіи начались чтенія соотвѣствующихъ рефератовъ и пренія по ихъ поводу. Слѣдить за дѣятельностью всѣхъ отдѣленій, знакомить со всѣми прочтенными рефератами и т. п. не стоить труда. Мы укажемъ только на тѣ изъ наиболѣе замѣчательныхъ рефератовъ, которые или даютъ возможность, хотя приблизительно, опредѣлить общій характеръ міровоззрѣнія представителей англосаксонской общественной науки, или представляютъ какія-нибудь интересныя данныя для оцѣнки той или другой стороны англійской общественной жизни.

Пренія и рефераты юристовъ не представляли ничего такого, на чемъ-бы стоило остановиться. Поставленъ вопросъ (Людловымъ) о правительственномъ вмѣшателствѣ въ организацію и управленіе рабочихъ *friendly societies*; выражена надежда на выработку (когда-нибудь въ будущемъ) общаго международнаго кодекса; заявлено желаніе о подчиненіи полицейскому надзору нѣсколькихъ категорій такихъ правонарушеній, которыя, по существующимъ законамъ, полицейской опеки подлежатъ не могутъ.

Вотъ и все, до чего додумались юристы. Педагоги—въ отдѣленіи воспитанія—по части оригинальности и изобрѣтательности немногимъ ушли далѣе юристовъ. Прежде всего они очень долго спорили о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ техническимъ воспитаніемъ. Каждый подразумѣвалъ подъ этимъ терминомъ нѣчто совершенно особенное: Самуэльсонъ не соглашался съ Нельсономъ, Нельсонъ съ Брайсомъ и т. д.; въ концѣ-концовъ всѣ остались при своихъ мнѣніяхъ и вопросъ остался открытымъ. Затѣмъ Эттрикъ Непиръ началъ толковать о преимуществахъ и

недостаткахъ англійской и шотландской системъ, т. е., выражалась точнѣе, системы обязательнаго и необязательнаго обученія. Въ Шотландіи обязательная система была въ послѣднее время отиѣнена и результатомъ этой отиѣны явилось пониженіе уровня народнаго образованія. Результатъ этотъ весьма удивилъ почтеннаго оратора, ибо, по его мнѣнію, принципъ необязательнаго обученія справедливѣе принципа обученія обязательнаго и гораздо болѣе соответствуетъ духу и характеру свободной саксонской расы. Однако, въ заключеніи его рѣчи оказалось, что обѣ системы хороши и что необходимо обѣ ихъ соединить въ одну систему. Неудовлетворительное состояніе образованія въ Шотландіи ораторъ объяснилъ, между прочимъ, отсутствіемъ въ этой странѣ министерства народнаго просвѣщенія (Education Department) и настаивалъ на его учрежденіи.

Послѣ этого отдѣленіе занималось вопросами: о значеніи университетскаго образованія, о религіозномъ элементѣ въ воспитаніи, о практическихъ послѣдствіяхъ „дополненій“ (clauses) къ Factory, Workschop и т. п. Act'овъ. По первому вопросу высказано было нѣсколько общихъ соображеній насчетъ того, что хотя, съ одной стороны, при университетскомъ образованіи нельзя упускать изъ виду и чисто-практической точки зрѣнія (т. е., что оно должно готовить практическихъ специалистовъ), но съ другой—нельзя упускать изъ виду и болѣе возвышенную научную точку зрѣнія. Професоръ Рамзай (референтъ) полагалъ, что задача эта можетъ быть рѣшена и двѣ противоположныя точки могутъ сходиться въ томъ только случаѣ, когда будетъ установлена болѣе тѣсная связь между высшими (спеціальными) школами королевства и университетами.

Второй вопросъ вызвалъ въ собраніи цѣлую бурю: представители „высокой церкви“, которыхъ было не мало, съ негодованіемъ возстали противъ предложеній, клонящихся къ отдѣленію свѣтскаго элемента въ воспитаніи отъ религіознаго, и, разумѣется, никакого рѣшенія не послѣдовало и вопросъ остался открытымъ.

Что касается „дополненій“ къ фабричному акту, къ акту о мастерскихъ, къ акту о рабочихъ домахъ и т. п., дополненій, вводящихъ обязательное обученіе дѣтей на фабрикахъ, мастерскихъ и т. п., то почти всѣ безъ исключенія высказались за ихъ полезность и практичность.

По отдѣлу „гигіены“ обращаютъ на себя вниманіе: 1) докладъ Кука-Тайлора: „О вліяніи фабричныхъ занятій женщинъ на смертность дѣтей и о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ограничивать эти занятія?“ Повидимому, такому ученому и почтенному человѣку, какимъ старался казаться Тайлоръ, трудно было придти къ другому рѣшенію этого вопроса, кромѣ положительнаго. Но такое рѣшеніе совершенно противорѣчитъ интересамъ англійской промышленности. Фабриканты давно уже вопіютъ противъ правительственнаго деспотизма, осмѣливающагося, хотя и очень робко, заносить руку на свободу договора труда съ капиталомъ и своими „своевольными“ регламентаціями вредящаго священнымъ интересамъ торговли и промышленности. До сихъ поръ „свободолюбивыхъ“ промышленниковъ защищали одни только политико-экономы. Теперь и статистики, и доктора предлагаютъ себя въ ихъ распоряженіе. Кукъ-Тайлоръ въ своемъ обширномъ докладѣ утверждаетъ, что фабричныя занятія матерей не оказываютъ или, по крайней мѣрѣ, ни изъ чего не видно, чтобы они оказывали особенно вредное вліяніе на дѣтскую смертность. Статистика, т. е. то, что онъ называетъ статистикой и что правильнѣе было-бы назвать статистическимъ шулерствомъ, свидѣтельствуєтъ въ его пользу: дѣтская смертность въ фабричныхъ округахъ не больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ округахъ; отсюда онъ заключаетъ, что всякое законодательное вмѣшательство въ вопросъ о женскомъ трудѣ, всякое ограниченіе женской фабричной работы не только бесполезно, но и крайне вредно.

Разумѣется, такая черезчуръ уже вольная мысль не могла не возбудить въ почтенномъ собраніи „представителей британской науки“ весьма оживленныхъ преній. Большинство, однако, ораторовъ высказалось въ пользу мнѣнія докладчика.

2) Рѣчь президента сесіи доктора Плайфера (Playfair) о нѣкоторыхъ гигиеническихъ условіяхъ жизни проникнута была совершенно инымъ духомъ и по своему основному принципу рѣзко противорѣчила докладу Тайлора. Тайлоръ заявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, хотя-бы эти отношенія и противорѣчали требованіямъ гигиены; Плайферъ-же, наоборотъ, настаивалъ на необходимости такого вмѣшательства, хотя-бы оно было даже иногда сопряжено съ нарушеніемъ священнаго *jus utendi et*

abutendi собственника. Частныя усилія, частная инициатива безъ правительственной помощи не могутъ значительно улучшить гигиеническія условія нашей жизни. Законъ долженъ обезпечить каждому необходимое количество воздуха и воды. Необходимо также, чтобы администрація дѣятельнѣе, чѣмъ теперь, наблюдала за точнымъ исполненіемъ законодательно-гигиеническихъ предписаній.

Кромѣ этихъ общихъ взглядовъ рѣчь Плайфера не представила никакихъ ни новыхъ, ни интересныхъ данныхъ.

Затѣмъ въ секціи много толковалось о дурныхъ жилищахъ рабочихъ, о томъ, что въ нихъ однихъ нужно искать чуть-ли не единственную причину и пьянства, и вообще всѣхъ дурныхъ и порочныхъ привычекъ рабочаго люда. Всѣ сходились на мысли о необходимости улучшить эти „дурныя жилища“, но въ то-же время была высказана мысль (Симпсономъ), что „усилія частныхъ лицъ и ассоціацій“ не въ состояніи осуществить этой задачи. Безъ государственнаго внимательства и тутъ сдѣлать ничего нельзя.

Указанными вопросами исчерпывается интересъ занятій гигиенической секціи. Онъ, какъ видите, не особенно великъ. Несравненно больше интереса представляли пренія въ отдѣлѣ „политической экономіи и торговли“.

Одинъ изъ вопросовъ, возбуждившій оживленныя пренія, — пренія, въ которыхъ приняли участіе пріѣхавшіе на конгрессъ индусы, — касался земельныхъ отношеній: можетъ или не можетъ государство отчуждать невоздѣланныя земли, съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ въ наемъ мелкимъ фермерамъ или кооперативнымъ обществамъ? Разумѣется, ни къ какому положительному рѣшенію не пришли: одни, какъ водится, рѣшали его отрицательно, другіе — утвердительно; единственно интереснымъ эпизодомъ преній была рѣчь индуса, — рѣчь, въ которой онъ съ поразительною ясностью и убѣдительною раскрылъ дикое, варварское хищничество англійской политики по отношенію къ Индіи. „Англійское правительство, говорилъ онъ, — до такой степени отяготило налогами наше земледѣліе, что заниматься имъ рѣшительно невозможно. Собственники земель находятъ болѣе выгоднымъ для себя оставлять свои участки невоздѣланными, въ видѣ пустошей. Вотъ почему въ Индіи неизбѣжно долженъ свирѣпствовать хроническій голодъ“.

Затѣмъ зашла рѣчь о „средствахъ къ болѣе тѣсному сближенію интересовъ метрополи, Индіи и колоній“; всѣ почти ораторы склонялись къ той мысли, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ было-бы преобразование нынѣшняго великобританскаго королевства въ союзъ равноправныхъ государствъ, соединенныхъ общимъ выборнымъ парламентомъ. При этомъ индусы снова вмѣшались въ пренія и высказали много горькихъ жалобъ на свою теперешнюю администрацію,—администрацію, не только незнающую мѣстныхъ интересовъ и потребностей, но непонимающую даже мѣстнаго языка.

Въ послѣднія засѣданія секціи ученыхъ мужей занимали двѣ леди: одна (г-жа Кингсъ) прочла рефератъ „о домашней экономіи, основанной на научныхъ принципахъ“ (?), другая (г-жа Краушестъ) — о необходимости миссъ и леди самимъ заниматься тѣми домашними работами, которыя теперь исполняются наемною прислугою. Наемная прислуга изъ году въ годъ становится дороже, слѣдов., нужно отыскать средство обходиться безъ нея. Для этого изобрѣтательная миссъ устроила въ своей прелестной резиденціи, около Merthyr Tydvill'я, какъ-бы школу для обученія „благородныхъ“ дамъ и дѣвицъ „неблагодарному ремеслу“ кухарокъ и лакеевъ. Дѣло пошло, по ея словамъ, отменно!

Представители „британской общественной науки“ съ большимъ вниманіемъ выслушали краснорѣчивыхъ мистрисъ и пришли въ восторгъ какъ отъ г-жи Кингсъ съ ея „научными принципами“, указывающими на необходимость подчиненія домашняго хозяйства *ихъ* женъ авторитету *ихъ* науки, такъ и отъ миссъ Краушестъ съ ея практическою изобрѣтательностью, обещающею въ близкомъ будущемъ значительное сокращеніе *ихъ* домашняго бюджета.

Польщенные честью, оказанною *ихъ* наукѣ, и утѣшаемые надеждою на скорое избавленіе отъ требовательныхъ кухарокъ и дорогихъ горничныхъ, члены конгресса разошлись съ миромъ по домамъ своимъ, назначивъ себѣ rendez-vous въ будущемъ, т. е. въ нынѣшнемъ году, въ Брайтонѣ.

Свиданіе это уже состоялось. Въ слѣдующей хроникѣ мы скажемъ, на-сколько за этотъ годъ подвинулась впередъ „британская общественная наука“?

Мы рассмотрѣли въ бѣглому очеркѣ всѣ сколько-нибудь замѣчательныя ученныя rendez-vous трудолюбивыхъ воздѣлывателей вертограда общественной науки. Итоги ихъ дѣятельности читатели могутъ подвести и сами. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ на этихъ сѣздахъ, всего больше времени, всего больше вниманія удѣлялось вопросамъ международнаго права и вопросамъ экономическимъ. Очевидно, эти вопросы наибольше интересуютъ теперь общественное мнѣніе. Въ законодательныхъ, въ правительственныхъ сферахъ на нихъ тоже обращено „благосклонное“ вниманіе; впрочемъ, это вниманіе привело въ прошломъ году къ довольно мизернымъ результатамъ, по крайней мѣрѣ, въ области экономическихъ вопросовъ; въ области-же вопросовъ международныхъ хотя результаты и не были мизерны, но за то сентиментальные миротворцы едва-ли найдутъ ихъ, особенно для себя, утѣшительными. Правда, съ одной стороны, сдѣлано было нѣсколько официальныхъ попытокъ къ международному объединенію (конгрессъ военныхъ уполномоченныхъ въ Брюсселѣ, почтовый конгрессъ въ Бернѣ и почтовая международная конвенція, конгрессъ въ Брюсселѣ по поводу объединенія мѣръ и вѣсовъ), но съ другой — повсемѣстное увеличеніе военныхъ силъ и возрастаніе военныхъ бюджетовъ должно неволью приводить европейскихъ миротворцевъ къ убѣжденію, что прописное изрѣченіе, гласящее, будто „худой миръ лучше доброй ссоры“, лишено всякаго основанія, и что съ несравненно большимъ правомъ можно утверждать обратное положеніе: добрая ссора лучше дурнаго мира.

По части-же вопросовъ чисто-экономическихъ въ прошломъ году сдѣлано такъ мало, да и сдѣланное-то такъ мизерно, что приходится только подивиться, изъ чего хлопочутъ, совѣщаются, сѣзжаются, разсуждаютъ господа воздѣлыватели вертограда общественныхъ наукъ?

Въ самомъ дѣлѣ, законодательная дѣятельность по части экономическихъ отношеній въ четырехъ передовыхъ государствахъ Европы — Франціи, Англіи, Германіи и Австро-Венгріи, представляетъ несравненно болѣе интереса въ отрицательномъ смыслѣ, чѣмъ въ положительномъ. Ея положительная сторона исчерпывается нѣсколькими постановленіями. Особенною заботливостію отличались въ этомъ отношеніи Германія и Австрія. Новый за-

конъ объ акціонерныхъ обществахъ (Австрія, законъ 15 мая 1874 г.), новый законъ о введеніи метрической системы мѣръ и вѣсовъ (Венгрія), новый законъ о банкахъ (Пруссія), о введеніи марки, о фабричныхъ штемпеляхъ (накладываемыхъ на товары во избѣжаніе поддѣлки), объ уничтоженіи заставныхъ пошлинъ на общественныхъ дорогахъ и удержаніи ихъ въ полной силѣ на дорогахъ частныхъ (Пруссія) и т. д.

19 мая 1874 года версальское законодательное собраніе вотировало новый законъ о работѣ дѣтей на фабрикахъ. Законъ этотъ воспрещаетъ работать на фабрикахъ дѣтямъ, достигшимъ 12-лѣтняго возраста. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, которыя будутъ подробно опредѣлены особыми циркулярами, дозволяется занимать дѣтей 10-лѣтняго возраста; однако, они не могутъ работать болѣе 6 часовъ въ день. До 16 лѣтъ воспрещается употреблять дѣтей на ночныя работы. Женщины отъ 16 — 21 года точно также не могутъ быть употребляемы на ночныя работы; постановленіе это относится лишь до фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Далѣе, женщинамъ воспрещается работать въ копяхъ и рудникахъ. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ настоящаго закона, заключающаго въ себѣ, между прочимъ, рядъ предписаній, касающихся внутренняго порядка въ мастерскихъ, назначаются 15 фабричныхъ инспекторовъ, на манеръ англійскихъ. Если они будутъ дѣйствовать съ тѣмъ-же безпристрастіемъ, какимъ отличаются послѣдніе, то отъ ихъ дѣятельности можно будетъ ожидать хорошихъ результатовъ.

Болѣе всего по части соціального движенія въ Европѣ сдѣлано въ Англии. Мы укажемъ здѣсь лишь на главнѣйшіе изъ этихъ законовъ.

Іюля 10-го 1874 года изданъ законъ о строительныхъ товариществахъ (building societies), ставящихъ своею задачею покупку земель и постройку на нихъ домовъ для рабочихъ, — домовъ, поступающихъ въ собственность послѣднихъ за известную годовую плату. Законъ предоставляетъ имъ различныя льготы, значительно облегчающія веденіе ихъ операций.

Другимъ закономъ (отъ того-же числа) срокъ выкупа, а слѣдовательно, вообще срокъ, послѣ котораго недвижимое имущество можетъ свободно передаваться, уменьшенъ съ 60 лѣтъ на 40.

Законъ 30 іюля о наймѣ рабочихъ-вязальщиковъ имѣетъ въ виду оградить ихъ интересы отъ произвола хозяевъ. Хозяева, нанимая вязальщиковъ (т. е. преимущественно вязальщицъ, такъ какъ этимъ ремесломъ занимаются, главнымъ образомъ, женщины), при расчетѣ вычитали обыкновенно изъ заработной платы издержки на наемъ и содержаніе мастерской. Законъ воспрещаетъ на будущее время подобныя вычеты, дозволяя дѣлать ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда работа дурно исполнена.

Того-же числа обнародованъ весьма важный законъ относительно работъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Дѣтямъ воспрещается работать болѣе $4\frac{1}{2}$ ч. безъ отдыха; отдыхъ долженъ продолжаться не менѣе $\frac{1}{2}$ часа. Два часа оставляются на ѣду.

Законъ отъ 7-го августа содержитъ въ себѣ нѣсколько санитарныхъ правилъ относительно содержанія жилищъ рабочихъ.

„Friendly Societies“ (общества взаимной помощи) особенно сильно интересовали собою и общество, и правительство. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году въ веденіи дѣлъ ихъ администраціями открыто нѣсколько довольно важныхъ злоупотребленій и нѣкоторыя изъ нихъ не могли выполнить тѣхъ обязательствъ, которыя на нихъ лежали. На Глазговскомъ конгрессѣ много объ этомъ разсуждали, но не пришли ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Правительство назначило для изслѣдованія этого вопроса особую комисію и внесло проектъ закона, который, однакожь, еще не былъ вотированъ въ 1874 году.

Вотъ и все. Таковы итоги законодательной дѣятельности въ области такъ-называемыхъ „общественныхъ вопросовъ“. Приложите ихъ къ итогам дѣятельности ученыхъ съѣздовъ и совѣщаній по этимъ-же вопросамъ и потомъ попробуйте выразить ихъ общій результатъ какою-нибудь опредѣленною математическою величиною. Я боюсь, однако, что вамъ будетъ очень трудно это сдѣлать, если вы недостаточно хорошо знакомы съ дифференціалами, если вы недостаточно упражнялись въ вычисленіяхъ надъ „безконечно-малыми“ величинами. Что-же касается меня, то я заранѣе отказываюсь отъ подобныхъ вычисленій.

Н. Гр—ели.

НОВЫЯ КНИГИ.

Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Ник. Вас. Гербель. Спб., 1875 г.

Два года тому назадъ г. Гербель издалъ „Русскихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ“, но, по скромности, не помѣстилъ въ нихъ ни своей біографіи, ни своихъ образцовыхъ произведеній, хотя послѣднихъ у него не меньше, чѣмъ у кого-бы то ни было. Впрочемъ, около того-же времени Николай Васильевичъ сообщилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1873 г., стр. 0223) драгоцѣнное автобіографическое показаніе, которымъ мы и начнемъ обзоръ его многолѣтней и многоплодной литературной дѣятельности.

„Та отрасль нашего рода, повѣствуетъ г. Гербель, — которая переселилась изъ Швейцаріи въ Россію слишкомъ 150 лѣтъ тому назадъ, не имѣла и не имѣетъ ничего общаго съ какими бы то ни было Гербелями, существующими, вѣроятно, гдѣ-нибудь за границей. Нашъ родоначальникъ и мой прапрадѣдъ, Николай Гербель, извѣстный инженеръ и архитекторъ своего времени, былъ вызванъ самимъ Петромъ Великимъ въ строившійся тогда Петербургъ, куда онъ и прибылъ 152 года тому назадъ. Не какъ наемникъ явился онъ въ Россію, новое свое отечество, но какъ честный труженикъ и энергическій исполнитель предначертаній величайшаго изъ государей въ созиданіи новой столицы, на сооруженіе и украшеніе которой онъ положилъ всѣ свои силы. Сооруженіе многихъ лучшихъ въ столицѣ зданій, укрѣпленіе береговъ Невы набережными и проведеніе главныхъ улицъ Петербурга дали ему мѣсто въ исторіи этого города („Полн. собр. зак. р. и., т. V, стр. 3427.) Сынъ его, герой Кольберга и Бендеръ (Военный журналъ, изд. Рахмановымъ, 1811, кн. XVII, Военный Энциклоп. Лексиконъ, т. II, стр. 148, Справ. Энцикл. Словарь 1855 г., т. III, стр. 401), инженеръ-генераль-поручикъ Гербель, и всѣ остальные его потомки до послѣдняго колѣна всегда и вездѣ вѣрно служили Россіи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ оставили свое имя въ исторіи войнъ нынѣшняго столѣтія, или пали смертію храбрыхъ

(Истор. польской войны Шмита; Справ. Энцикл. Сл. 1855, т. III, стр. 400 и 401.) Потомокъ этого рода, прославившійся на мирномъ поприщѣ музъ, г. Гербель, родился въ 1827 г. (Лицей кн. Безбородко, 1859 г., стр. 21) и по рожденіи былъ нарѣченъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, *Никитой* (словарь Толля, слово *Гербель*), но нужно замѣтить, что справедливость этихъ извѣстій подвергается сильному сомнѣнію, и мы склоняемся болѣе на сторону тѣхъ, которые утверждаютъ, что г. Гербеля зовутъ не Никитой, а Николаемъ. Правда, библиографы могутъ сослаться на авторитетъ В. И. Межова, который прямо и ясно пишетъ—*Никита* Васильевичъ Гербель (Библиогр. указат. истор. русск. и вс. словесности, 1872, стр. 322), но самъ Гербель вышеприведенное автобіографическое показаніе подписалъ *Николай* Гербель (Русск. Арх. 1873, стр. 0224), за двѣ страницы передъ этимъ онъ себя тоже называетъ *Николай* Гербель (тамъ-же, стр. 0222); въ указателѣ „Русскаго Архива“ 1873 г. онъ обозначенъ, хотя и аббревіатурой, но тѣмъ не менѣе ясно: *Никол.* Гербель (стр. XXI), равнымъ образомъ и въ 1871 г. то-же почтенное изданіе называло его *Николай* Гербель (Р. А. 1871 г., стр. 0979.) Послѣ этого, намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что подлинное имя его не Никита, а Николай. Но откуда-же взялся у г. Межова *Никита*? Это не опечатка, какъ видно изъ списка опечатокъ, приложеннаго къ книгѣ Межова, и не простая ошибка, ибо нельзя предположить возможность столь важной ошибки у такого библиографа, какъ В. И. Межовъ. Мы объясняемъ это гораздо проще, именно тѣмъ, что кромя *нашего* г. Гербеля, скрывается въ Петербургѣ другой, *Никита* Гербель, который, какъ увидимъ ниже, занимается самыми преступными дѣлами и иногда выдаетъ себя за нашего *Николая* Гербеля.... Но объ этомъ нѣже. Итакъ, Николай Васильевичъ Гербель родился въ 1827 г. Учился онъ въ нѣжинскомъ лицей кн. Безбородко (Справ. слов. Толля, стр. 412) и, кончивъ курсъ въ 1849 г. (Лицей кн. Безбородко, 1859 г., стр. 247), поступилъ въ военную службу, въ кавалерію (Словарь Толля, стр. 412.) Еще на лицейской скамьѣ музъ любили его и геній Кувольника, Прокоповича, Гребенки осылали его своими поэтическими крыльями. Первые явленія музъ г. Гербелю произошли въ лицейскомъ саду, какъ видно изъ его стихотворенія—

„Одинъ я бродилъ по аллеямъ густымъ
Родного лицейскаго сада“ („Современникъ“ 1857 г.)

Вступивъ въ кавалерійскую службу, г. Гербель началъ украшать своими стихотвореніями страницы лучшихъ нашихъ журналовъ и вскорѣ достигъ такой знаменитости, что долженъ былъ удовлетворить настоящему любопытству публики, пустивъ въ свѣтъ свой гравированный портретъ. Замѣчательно, что на этомъ портретѣ онъ изображенъ такимъ либераломъ, какимъ не является ни въ одномъ изъ своихъ произведеній: не только кавалерійскій мундиръ его на портретѣ разстегнуть, что, какъ извѣстно, строгъ

воспрещается, но и жилеть разстегнуть, и рубашка разстегнута, а грудь обнажена, и густая шерсть, покрывающая ее, изображена художникомъ превосходно. Одновременно съ оригинальными произведеніями, Гербель печаталъ множество переводныхъ со всѣхъ языковъ. Особенно хорошъ его переводъ „Слова о полку Игоря“. Какая легкость стиха, какая гибкость фантазіи и какіе смѣлые обороты, въ родѣ, напр., слѣдующаго—

„дневное *свѣтло*
Пожи его *млюи* осѣнило...“

Это чисто по-милтоновски. А какая творческая изобрѣтательность при подыскиваніи рифмъ! Напр.

былъ пѣвецъ *Боянъ*
Вѣщимъ *духомъ* *обоянъ*.

Въ 1858 г. г. Гербель издалъ свои стихотворенія въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ: „Отголоски. Собраніе стихотвореній. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (Каталогъ библ. Черкесова, на Невскомъ просп., д. № 54, кв. № 37, 1872 г., стр. 137.) Книжки эти были встрѣчены общимъ восторгомъ и даже „Свистокъ“ не счелъ нужнымъ что-нибудь сказать по поводу ихъ. Около того-же времени г. Гербель оказалъ истинную услугу русской литературѣ, издавъ сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Многіе изъ этихъ переводовъ очень хороши, но многіе и очень плохи, лучше-же всѣхъ—переводы самого г. Гербеля, благодаря которымъ, конечно, Шиллеръ и выдержалъ у насъ уже пять изданій. Затѣмъ г. Гербель вмѣстѣ съ Некрасовымъ издалъ „Полное собраніе сочиненій Шекспира въ переводахъ русскихъ писателей“. Сюда вошли превосходные переводы Кронеберга, Дружинина и др., но жаль, что г. Гербель самъ не перевелъ ничего изъ Шекспира; мы увѣрены, что если-бы онъ помѣрился съ этимъ гигантомъ поэзіи, то окончателно поборолъ бы его, какъ поборолъ впоследствии Байрона. Далѣе, въ 1871 г. неутомимый поэтъ подарилъ не только Россію, но всѣхъ братьевъ-славянъ, отъ Тисы до Дриссы, отъ Ваги до Праги, отъ Саянъ до Балканъ, обширнымъ, увѣсистымъ сборникомъ „Поэзія славянъ въ переводахъ русскихъ писателей“. Объ этомъ подвигѣ г. Гербеля будутъ говорить въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ.

Въ этомъ изданіи г. Гербель уже не скромничалъ, какъ при изданіи Шекспира, и не только переводилъ со всѣхъ языковъ, но смѣло устранялъ превосходнѣйшіе переводы другихъ писателей и замѣнялъ ихъ своими, самыми превосходнѣйшими. Такъ, во главѣ книги онъ помѣстилъ свой чудный переводъ „Слова о полку Игоревѣ“. Всѣ другіе переводы г. Гербеля—тоже самыя превосходныя, и онъ имѣетъ полное право говорить о себѣ словами переведенной имъ пѣсни червонорусскаго поэта Лѣсѣкевича—

Не войной мы Русь поднимаемъ
Изъ земли сырой,
А могучимъ, вѣщимъ словомъ
Пѣсни золотой (стр. 215.)

Но въ то самое время, какъ г. Гербель подымалъ Русь и поилъ ее изъ славянскаго моря, его патриотическая репутація чуть-было не пострадала: „Русскій Архивъ“ 1871 г., къ общему ужасу всѣхъ славянъ, заявилъ: „Статьи о Россіи, довольно часто появляющіяся въ нѣмецкихъ журналахъ, отличаются въ послѣднее время *особенно враждебнымъ тономъ*. Такова статья Гербеля въ *Unsere Zeit* (6 тетрадь 1870 г.) и его-же статья: „Жизнь въ петербургскихъ салонахъ“ (*Das Ausland*, 1871, № 10.) Г. Гербель немедленно-же прибѣгъ къ помощи благодѣтельной гласности и напечаталъ слѣдующее заявленіе: „Не желая, чтобы даже тѣнь подозрѣнія въ написаніи названныхъ выше статей могла пасть на мое имя или на имя кого-нибудь изъ моихъ родственниковъ, я спѣшу заявить, что не только ни я и никто изъ моихъ родственниковъ не писали поименованныхъ выше статей, но что и самая мысль о томъ ни мнѣ, ни имъ, какъ русскимъ, не могла даже придти въ голову. Мало этого: никто изъ насъ, *русскихъ Гербелей*, даже не подозрѣвалъ до сихъ поръ о самомъ существованіи нѣмецкаго литератора Гербеля“ („Р. А.“ 1873, 0222.) Очевидно, что съ г. *Николаемъ Гербелемъ*-славяниномъ сыгралъ злую шутку вышеупомянутый *Никита Гербель*-нѣмецъ, напечатавъ злокозненные статьи подъ именемъ Николая, и онъ же, конечно, сообщилъ въ редакцію словаря Толя и В. И. Межову, что г. Николая Гербеля зовутъ *Никитой*.

Оправдавъ свою репутацію и отрекшись, отъ имени своего и всѣхъ русскихъ Гербелей, отъ Никиты Гербеля и всѣхъ нѣмецкихъ Гербелей, всеславянскій Гербель издалъ „Русскихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ“. Въ свое время мы разбирали эту превосходную книгу, и здѣсь замѣтимъ только, что единственный ея недостатокъ въ томъ, что г. Гербель не украсилъ ее ни своей біографіей, ни своими образцами.

„Музы, сказалъ безсмертный Ломоносовъ,—не такія дѣвки, чтобы каждый ихъ насильничать могъ“, но есть нѣкоторыя излюбленныя ими природы, съ которыми эти божественныя дѣвы не расстаются никогда. Не расстаются онѣ и съ г. Гербелемъ, который неутомимо переводитъ и издаетъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ и въ настоящее время готовится къ печати сборникъ: „Чухонскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, который, говорятъ, печатается съ небывалою у насъ роскошью, на атласѣ золотыми буквами. Что-же касается „Английскихъ поэтовъ“, то эта книга служитъ новымъ доказательствомъ, что поэтическій талантъ Гербеля съ каждымъ годомъ достигаетъ все большей и большей высоты, а критическая дѣятельность его пролагаетъ совершенно новую дорогу литературѣ. Г. Гербель употребляетъ при выборѣ поэтовъ и критической оцѣнкѣ ихъ совершенно новый пріемъ. Онъ равняетъ ихъ, какъ солдатъ, по ранжиру, и отмѣчаетъ въ ихъ статейныхъ спискахъ, или біографіяхъ, мѣсто каждаго въ общемъ ряду. Вотъ дошекспировское время: „знаменитѣйшимъ поэтомъ былъ тогда Спенсеръ (стр. 21.) Вотъ „Джонъ Мильтонъ, замѣчательнѣйшій изъ поэтовъ своего времени и уступающій одному только Шекспиру“ (стр. 138.) Вотъ

Вильсонъ,— „послѣ Вордсворта, Кольриджа и Соути, *четвертый* корифей Озерной Школы“ (стр. 258). Даже женщина г. Гербель не избавляетъ отъ рванжировки и ставитъ на правомъ флангѣ Фелицію Гиенсъ, „величайшую изъ поэтовъ своего пола“ (стр. 343), хотя не по его винѣ, конечно, въ женской ротѣ произошло разстройство и „первое мѣсто между женщинами-поэтами“ заняла черезъ сто страницъ Елисавета Броуцингъ (стр. 443.) Но мужчины соблюдаютъ равеніе превосходно, — на этотъ счетъ у г. Гербеля строго, и осторожность, съ какою въ его критическомъ по поэтическимъ дѣламъ присутствіи выбираются и распредѣляются новобранцы, дѣлаетъ ему величайшую честь. Многихъ поэтовъ Англій и Америки онъ не включилъ въ свою книгу, потому что „извѣстность ихъ не опредѣлилась еще настолько, чтобы о ней можно было высказать окончательное сужденіе и, на основаніи его, *указать, какое мѣсто подобаетъ каждому изъ этихъ поэтовъ*“ (стр. V.) Г. Гербель, отрекшійся отъ всякаго общенія съ нѣмцами, видимо не довѣряетъ даже всѣмъ иностраннымъ авторитетамъ и вполне самостоятельно выбираетъ писателей. Въ его книгѣ нѣтъ даже такихъ первостепенныхъ поэтовъ, какъ Коуперъ, Свифтъ, Эдгаръ По; очевидно, что первый изъ нихъ исключенъ изъ списковъ за сумасшествіе, второй—за политическую неблагонадежность, а третій—за пьянство. Такъ и слѣдуетъ, и мы удивляемся, что г. Гербель далъ мѣсто въ своей книгѣ такимъ сомнительнымъ личностямъ, какъ Марло и Шелли. Впрочемъ, оба они переведены въ разрядъ штрафованныхъ: Марло за пьянство и любовную связь съ простолудинкой (стр. 25), а Шелли за явную неблагонадежность (стр. 323.)

Книга г. Гербеля начинается историческимъ очеркомъ англійской поэзіи, и хотя весь этотъ очеркъ взятъ по частямъ у Тэна, Барро и Шерра, но г. Гербель не просто переводилъ подходящія мѣста изъ этихъ писателей, а вливалъ въ нихъ свой духъ и сообщалъ имъ ту оригинальность, какую всегда отличаются его стихи и проза. Біографіи составлены по тѣмъ-же источникамъ, причеиъ отброшено все лишнее и обращено особенное вниманіе на такія интересныя вещи, какъ генеалогическія таблицы, присутствіе на похоронахъ писателя „многихъ знаменитыхъ сановниковъ“ (стр. 231) и т. д. Что-же касается образцовъ, то въ книгѣ Гербеля не мало превосходныхъ переводовъ изъ Шекспира, Марло, Борнса, Гуда, Лонгфелло, — переводовъ, принадлежащихъ Кронебергу, Дружинину, Вейнбергу. Особенно хороши всѣ переводы, подписанные ***. Но г. Гербель не удовольствовался этими превосходными пьесами и переиѣшалъ ихъ съ другими, самыми превосходными, въ родѣ пьесъ Попа, переведенныхъ И. Дмитріевымъ и Воейковымъ (стр. 150—155), „Королевы Ураки“ Соути (224) и особенно его-же „Баллады, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на чорномъ конѣ вдводемъ и кто сидѣлъ впереди“ (стр. 226),—вѣдьма, гробъ, дьяволъ... очень страшно! Но выше всѣхъ, даже самыхъ превосходныхъ переводовъ, переводы самого Гербеля, на которыхъ мы и остановимся.

Г. Гербель не переводитъ, а творитъ, и положительно повергаетъ долу

всякаго поэта, за какаго ни возьмется. Намъ нравятся особенно его церковно-славянскіе обороты, въ родѣ: „о, дщери наслажденій!“ (стр. 22.) Этими оборотами г. Гербель пользуется съ изумительною поэтическою вольностью. Напр., чтобы поставить въ рифму съ *господень* славянское множественное, *преисподняя* онъ дѣлаетъ изъ него родительный не *преисподнихъ*, какъ слѣдуетъ по грамматикѣ, а *преисподень* (стр. 277.) У него верѣдко даже единственное число согласуется со множественнымъ, напр.:

*И холодны, и безучастны,
Съ челомъ нахмуреннымъ, безмисны
Стоитъ толпа ея придворныхъ* (стр. 286)

Понятно, что съ такими приѣмами г. Гербель легко одолѣлъ Байрона, изъ котораго онъ перевелъ такъ много для своей книги. Вольность оборотовъ въ этихъ переводахъ достигаетъ такой степени, о которой не снилось не только Байрону, но даже гр. Хвостову. Тутъ и „страстей *соборъ*“ (стр. 275), и „мозгъ изсыкаеть“ (id.), и лампа не пылаеть, а „*искрится*“ (стр. 295), и „сердце бьется“ не въ груди, а „*подъ грудью*“ (id.), и крылья „*шумятъ въ лицо* нечестивымъ“ (272), и т. д. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ даже называетъ очи своей возлюбленной „*синими шарами*“! (стр. 276.) Во многихъ мѣстахъ г. Гербель гладкостью стиха, ясностью и правильностью выражений, поэтическимъ чувствомъ и фантазіей положительно возвышается не только до Сумарокова и Княжнина, но даже до Тредьяковскаго. Чтобы показать читателю, до какой степени близко подходитъ г. Гербель къ упомянутымъ корифеямъ нашей литературы, мы представимъ здѣсь для сравненія нѣсколько образцовъ и просимъ читателя прочесть ихъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

1. Изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона (*переводъ Гербеля*):

Воями, о, небо, и реку,
Земля да слышитъ усть глаголы.
Какъ дождь я словомъ потеку
И свидуть, какъ роса къ цвѣтку.
Мои вѣщанія на доли.

2. Изъ трагедіи А. П. Сумарокова:

Мехора.

О, сколько разъ, томясь въ постели одинокой,
Я превращала тишь въ напоръ грозмъ жестокой?!
Не страшень мнѣ союзъ всѣхъ ужасовъ и бѣдъ!
И лишь дрожу, когда тебя со мною нѣтъ.
Какъ можетъ существо, столь нѣжное ко мнѣ.
Вести борьбу съ судьбой, лишь думать о войнѣ?

Конрадъ.

Но прошлое мое въ томъ можетъ поручиться
Грядущему всему, что страсть моя продлится.
Но нынче-же судьба хоть не надолго насъ

Вновь разлучить должна, и въ этотъ самый часъ...
 Я расказаь-бы все, лишь было-бы возможно;
 Но не страшись, мой другъ, препятствіе ничтожно!

3. Изъ трагедіи Княжнина:

Не знаю самъ, но есть на свѣтѣ что-то,
 Что духъ во мнѣ втеченьи многихъ лѣтъ
 Крѣпить,—и то не тщетная работа:
 Мы покупаемъ бѣды ради бѣды.
 Быть можетъ, духъ мятежный шевелится
 Во мнѣ и часъ отчаянья насталь.
 Быть можетъ, климатъ—воздухъ, что струится
 Вокругъ меня, и мѣръ озеръ и скалъ
 (Да, все это сломить строптивость въ силѣ
 И научить терпѣнью заодно.)
 Меня тому терпѣнью научили,
 Съ которыми я не брался давно!

4. Изъ Чосера (*переводъ Гербеля*):

Различными земля цвѣтами
 Небесный расписала сводъ,
 Луна блѣднѣеть со звѣздами,
 Выходитъ царь планетъ изъ водъ.
 Мой витязь, будто левъ, проснулся,
 На щитъ волшебный оглянулся,
 Пошелъ прохладною долиной,
 Вдоль берега прозрачныхъ водъ.
 Имѣлъ въ пути полетъ орлиный
 Или отважный львиный ходъ.
 Три вонна ему явились,
 Они щитами заслонились;
 Стѣной сомкнувъ другъ съ другомъ грудь,
 Героя не пускаютъ въ путь.

5. Изъ лучшихъ стиховъ Тредьяковскаго:

Такъ онъ сидѣлъ, тая тоску
 И слухъ склоняя къ вѣтерку...
 Глядитъ онъ, трепещеть, о, сладостный видъ!—
 Красавица-дѣва на камнѣ сидитъ.
 Вскочилъ, глядитъ, на сердцѣ страхъ:
 Такъ не смутилъ его-бъ и врагъ...
 Но прежде, нежели провѣщала,
 Она на небо указала.

Читатель согласится, что всѣ эти отрывки почти одинаковаго достоинства и что стихи Гербеля, т. е. 1 и 4 отрывки, лучше всѣхъ остальныхъ. Такъ? Конечно, такъ! Но мы подшутили надъ читателемъ: 1 отрывокъ принадлежитъ Тредьяковскому, 4 Хераскову, а 2, 3 и 5—Гер-

белю (см. стр. 294—5, 274, 292): это его переводы изъ Байрона, изво-лите видѣть!.. Хорошо особенно восклицаніе байроновской героини —

*О, сколько разъ, томясь въ постели одинокой,
Я превращала тишь въ напоръ грозы жестокой!*

Такіе стихи достойны безсмертія. Мы предполагаемъ, что передѣлывая это мѣсто изъ Байрона, г. Гербель увлекся нѣсколько одной сценой изъ крыловской трагедіи „Подщипа“ (см. „Русск. Старина“, т. III, стр. 167.)

Очевидно, Гербель вообразилъ, что байроновская героиня находилась ча-сто въ такомъ-же положеніи, какъ крыловская Подщипа, иначе какъ-же объяснить эти безсмертные стихи?

И какъ ловко, какъ искусно онъ выразилъ все содержаніе довольно длин-ной крыловской сцены въ одною сжатомъ, энергическомъ двустипіи! Это удается только великимъ поэтамъ. Продолжайте-же, г. Гербель, вашу пло-дотворную поэтическую дѣятельность. Пусть зомли считаютъ васъ бездарно-стью, пусть говорятъ, что вы своими стихами и прозой только портите из-даваемые вами сборники, пусть ставятъ васъ ниже Тредьяковского, кото-рый, при всей своей бездарности, яко-бы сдѣлалъ много полезнаго, — не унывайте и тщитесь, тщитесь, молодой кавалеристъ по части російскихъ музъ...

Изо дня въ день. Записки сельскаго священника. Спб. 1875.

Подъ этимъ заглавіемъ печатались корреспонденціи въ прошлогоднѣшъ «Гражданинѣ» изъ какого-то села Ю—ки, м—ской губерніи; теперь эти корреспонденціи изданы отдѣльною книжкой, которую слѣдовало-бы на-звать «Тайны села Ю—ки»,—такъ много въ ней ужасовъ, чудесъ, бѣ-совъ, козней, «неожиданныхъ событій». Прочитавъ эти рассказы, мы вполне должны убѣдиться въ давнишнихъ завѣреніяхъ г. Аскаченскаго о скоромъ пришествіи антихриста. Судите сами.

Въ промышленномъ селѣ Ю—какъ служить волостнымъ писаремъ до-бродѣтельный юноша Авдулинъ, добродѣтели и самая наружность кото-раго свидѣтельствуютъ объ его аристократическомъ происхожденіи. Вотъ что говорить о немъ авторъ:

«На лицо ему было лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Лицо его было прекрасно; темные кудри очень изящно обрисовывали блѣдное и задумчи-вое его лицо, съ весьма красивымъ лбомъ и темными изъ-подъ черныхъ бровей глазами; волосы были зачесаны назадъ, и только посрединѣ вид-нѣлось что-то въ родѣ естественнаго пробора; во всемъ лицѣ было что-то благодарное (благородное?) и не простое; признаковъ простаго про-исхожденія какъ-будто не было у него въ наружности никакихъ: какое-то врожденное изящество бросалось въ глаза и въ движеніяхъ, и во всей его особѣ. Я узналъ послѣ изъ его словъ, что онъ изъ сиротъ, воспи-

танниковъ воспитательнаго дома, и этой-то печальною неизвѣстностью его рода я объяснилъ себѣ явное отсутствіе въ немъ чертъ простонародья. Кто знаетъ, тонкія свойства души этого человѣка не были-ли тоже принадлежностью другого міра, котораго внутренняя жизнь богаче и разнообразнѣе по своему содержанію?" (стр. 20.) Кромѣ Авдулина, во всеѣхъ селѣ только два хорошихъ человѣка—его невѣста, дочь купца Подаркова, да еще старикъ Филиппъ; всѣ-же остальные 497 человѣкъ, живущихъ въ селѣ,—пьяницы, развратники, грабители, растлители, „скоты, незнающіе Бога“, *атеисты* (стр. 21)!.. Все село состоитъ во власти разбогатѣвшихъ мужиковъ, которые, называя себя *союзниками*, дѣлаютъ всевозможныя безобразія, давятъ лошадыи дѣтей на улицѣ, содержатъ гаремы (стр. 22), растлѣваютъ родственницъ своихъ. Отецъ упомянутой уже невѣсты Авдулина, одинъ изъ союзниковъ, купецъ Подарковъ, „отрекся отъ Бога“, извелъ чарами жену свою, завелъ гаремъ, проигралъ свою дочь въ карты ея дядѣ, который добивался ея любви, а потомъ „велѣлъ ей, чтобы не досталась она дядѣ, повѣситься“ (стр. 41—45.) Всѣ эти ужасы происходятъ подъ вліяніемъ женщинъ, которыя, какъ извѣстно, легче мужчинъ поддаются кознямъ сатаны. У союзниковъ „бабы все распутныя да *безбожницы*; черезъ этихъ бабъ *нечистый*-то и ластится“ (стр. 29.) *Нечистый*-же, или сатана, является въ видѣ учителя Скорлупова (стр. 29), пьяницы, развратника и т. д., но очень умнаго и хитраго, какъ и подобаетъ бѣсу. Самая наружность его, въ противоположность аристократической наружности Авдулина, отвратительна,—да и неумудрено: онъ изъ семинаристовъ. Вотъ этотъ-то учитель или сатана и вертитъ всѣми въ селѣ: совратилъ всѣхъ богатыхъ мужиковъ, учитъ ихъ пьянствовать, играть въ карты, развратничать, пропиваетъ церковныя деньги, расцѣвуетъ плевелы лжеученія, совращаетъ и становаго, и исправника, и мирового посредника, и судебного слѣдователя, и станціоннаго смотрителя, и инспектора школъ, и благочиннаго. Ужасъ, ужасъ, что такое! „Здѣсь мое царство!“ надменно провозглашаетъ сей сатана (стр. 33.) Онъ вселилъ подчиненныхъ ему нечистыхъ духовъ въ союзниковъ, и авторъ рассказываетъ, какъ одинъ изъ этихъ нечистыхъ духовъ былъ изгнанъ изъ Подаркова (стр. 60.) И *бѣсъ*, и *измяніе* его представляются въ буквальномъ значеніи этихъ словъ. Понятно, что если-бы союзники, становой, инспекторъ школъ и т. д. были-бы совращены только прелестью лжеученія, то съ ними легко было-бы справиться, — стоило бы только доказать имъ ложность ихъ идей; но коль скоро вы имѣете дѣло съ людьми, въ которыхъ поселились настоящіе бѣсы, то борьба чрезвычайно трудна. Авторъ упорно велъ эту борьбу, жена его даже до губернатора доходила, слѣдователи пріѣзжали, жандармскій офицеръ былъ, но толку никакого не вышло: бѣсъ!.. Въ заключеніе авторъ, переведенный на другое мѣсто, вполне признаетъ бесплодность такой борьбы съ „цѣлымъ обществомъ“, говоритъ даже, якбы и начальникъ не совѣто-

валь ему „вооружать противъ себя князей вѣка сего, иже суть безвѣріе, корысть, чревоугодіе, самопоклоненіе“ (стр. 271.) „Да и лучше-ли мы тѣхъ, кого хотѣли-бы судить?“ спрашиваетъ авторъ.—„Не должны мы этого думать; напротивъ, не должны-ли мы считать себя хуже всѣхъ худшихъ?“ (стр. 279.)

Знаете-ли что, достопочтеннѣйшій „Гражданинъ“? Мы думаемъ, что вы въ 1875 г. учинили то-же самое, въ чемъ уличали Лѣскова-Стебницаго въ 1873 году. Въ „Русскомъ Мирѣ“ была напечатана тогда полемическая статейка противъ „Гражданина“, съ подписью: *священникъ П. Касторскій*; но редакція „Гражданина“ разоблачила, что авторъ этой замѣтки вовсе не *Касторскій* и отнюдь не *священникъ*, а г. Лѣсковъ. Мы убѣждены, что и корреспонденціи, о которыхъ идетъ рѣчь, писаны вовсе не въ селѣ Ю—какъ и отнюдь не священникомъ, а сочинены въ редакціи „Гражданина“, въ той-же мастерской, изъ которой вышли „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“ и „Женщины большого свѣта“. Наше убѣжденіе, что эта книга—фальсификація, основывается на слѣдующихъ данныхъ:

1) Авторъ выдаетъ себя за молодого, образованнаго священника. Загляните въ какія-нибудь епархіальныя вѣдомости, „Странникъ“, „Православное Обзорѣніе“, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, и вы увидите, что нынѣшніе духовные пишутъ точно такъ-же, какъ и свѣтскіе, и прежнія особенности семинарскаго языка уже исчезли. Но авторъ, очевидно, не зналъ этого и, поддѣлываясь подъ языкъ духовныхъ, щедро надѣмилъ рѣчи ихъ словами *сей, оный, иже суть* и т. д. Но такъ-какъ съ церковно-славянскимъ языкомъ авторъ знакомъ плохо, то во многихъ мѣстахъ онъ надѣлалъ такихъ грамматическихъ ошибокъ, которыя невозможны не только для образованнаго священника, но даже для послѣдняго пономаря. Его священникъ, напр., говорить: „дать давидовъ пращъ“, а не *давидову пращу* (стр. 205.) Никакой священникъ также не назоветъ фізіономіи крестьянина „*микомъ*“ (стр. 228), словомъ, прилагаемымъ къ лицу святого, Бога, иконы. Авторъ заставляетъ своего іерея называть „*люстрою*“ церковное паникадыло (стр. 83); обычное воззваніе проповѣдей: „благочестивые слушатели“, превращаетъ въ „возлюбленные братья“ (стр. 86); *змія*-искусителя его священникъ называетъ *змією* (стр. 255); а архіерей у автора, словно французскій прелать, говорить священникамъ: „сынъ мой“,—*mon fils!*.. (стр. 270.) Мало этого, священникъ „Гражданина“ въ своей проповѣди называетъ адъ „гіеной огненной“!.. (стр. 92.) *Чена*—звѣрь, достопочтеннѣйшій „Гражданинъ“, адъ же—*геенна*.

2) Настоящій священникъ, хорошо знакомый съ крестьянскимъ бытомъ, не можетъ такъ коверкать крестьянскаго языка, какъ коверкаетъ его авторъ „Записокъ сельскаго священника“, у котораго крестьянинъ говорить, напр., что „*занозу скорби* изъ души не скоро вырвешь“ (стр. 24), или свое нежеланіе разлучаться выражаетъ словами: „станемъ другъ съ

другомъ соединены“ (стр. 235), а вмѣсто „очень много мы натерпѣлись отъ него“, говорить: „*чутьочки* понатерпѣлись мы отъ него“ (стр. 261.) Священникъ, мало-мальски знакомый съ сельскою жизнью, не заставитъ также исправника говорить *вы* волостному писарю (стр. 238.)

3) Вообще, священникъ можетъ не имѣть хорошаго слога, дѣлать грамматическія ошибки, писать тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ, но, во всякомъ случаѣ, читая его, вы будете видѣть, что это писалъ русскій человѣкъ, а не офранцузившійся баринъ, который по-французски знаетъ лучше, чѣмъ по-русски, и у котораго русскія фразы выходятъ неправильнымъ переводомъ съ французскаго. Таковъ именно языкъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Мещерскаго, таковъ-же языкъ и въ „Запискахъ сельскаго священника“. Напр., „*вызванъ* сердца къ обращенію къ Богу“ (стр. 86), „*молиться* долго и *обдуманно*“ (стр. 124); „у всѣхъ святыхъ *наплакаюсь*“ (стр. 226); „мы рѣшили возобновить школу и *помышлатъ* ее у себя“ (стр. 259.) Или вотъ, священникъ, говорящій языкомъ съ сильнымъ оттѣнкомъ церковно-славянскаго, вдругъ пишетъ: „нѣ стало *стыдно* передъ Господомъ!“ (стр. 179.) А это развѣ не переводъ съ иностраннаго: „я воспріялъ свое служеніе, чтобы видѣть беззаконія людей, и ища среди нихъ добро, *съ этимъ добромъ* бороться противъ нечестія?“ (стр. 180.)

4) Священникъ „Записокъ“ не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ вещей изъ своего быта. Когда священники благословляютъ подходящихъ къ нимъ, то говорятъ: „во имя Отца, и Сына, и св. Духа“, а священникъ „Гражданина“ — „Благословленіе Господне на васъ да пребудетъ всегда“ (стр. 258.) Или вотъ къ священнику приходитъ раскаявшійся нигилистъ, крестьянинъ. „Я, пишетъ мнимый священникъ, — всталъ и, обратившись къ образу, прочелъ вслухъ псаломъ „Помилуй мя, Боже“. Старикъ плакалъ во время чтенія сего псалма и стоялъ на колѣняхъ. Потомъ я прочелъ „Царю Небесный“ и *все до* „Отче Нашъ“ *включительно*“ (стр. 262.) Что же это *все*? Неопытный читатель можетъ подумать, что это что-нибудь въ родѣ молебна, въ которомъ молитвы расположены въ определенномъ порядкѣ, но человѣкъ знающій увидитъ тутъ просто только незнакомство автора съ духовнымъ бытомъ. То-же незнакомство еще сильнѣе обнаруживается въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ: „на клиросѣ *помѣстились* 12 человѣкъ *пѣвчихъ въ тѣлескомъ одѣяніи*“ (стр. 84.) Столичный авторъ видалъ костюмы придворныхъ и архіерейскихъ пѣвчихъ и облекъ въ нихъ деревенскихъ пѣвчихъ!!!

5) Пока священникъ описываетъ деревенскую жизнь и духовный бытъ, онъ постоянно дѣлаетъ промахи и обнаруживаетъ незнаніе описываемыхъ явленій; но какъ скоро онъ выводитъ на сцену губернатора и губернаторшу (стр. 185—187) и чиновника особыхъ порученій, молодого князя Ниловскаго (стр. 196—223), рассказъ идетъ гораздо живѣе и читатель чувствуетъ, что авторъ досконально знаетъ такихъ людей, людей большого свѣта...

Вотъ какъ сочиняются алармистскія корреспонденціи „Гражданина“! Хотя-бы пономаря какого наняли редактировать ихъ и закрашивать бѣдыя нитки, которыми онѣ шиваются!...

Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ М. Венюковъ. Спб. 1875 г.

Книжка г. Венюкова совершенно спеціальнаго содержанія, и самъ авторъ считаетъ ее лишь „краткимъ военно-статистическимъ очеркомъ“ (стр. 172.) Тѣмъ не менѣе и „штатскіе“ читатели могутъ отыскать въ ней кое-что интересное. Правда, общественноинтересныхъ свѣденій въ ней мало, но у читателей, особенно „штатскихъ“, еще меньше свѣденій объ Индіи. Въ какомъ-нибудь „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“ много толковали и толкуютъ о проложеніи путей изъ Россіи въ Индію, причемъ нѣкоторые готовы, если судить по горячности рѣчей ихъ, предложить собственные свои лбы для пробитія желѣзнодорожнаго туннеля въ Гиндукушѣ. Но ни въ одной изъ этихъ рѣчей мы не замѣчали основательнаго знакомства съ Индіей, къ которой такъ похотливо стремятся наши торговые предприниматели. А познакомиться-то, право, не мѣшало-бы; хоть-бы кто въ Соляномъ Городкѣ имъ лекцію прочелъ—вѣдь на безрыбьи и ракъ рыба.

Въ 1636 г. императоръ шахъ Джеганъ, вылеченный отъ сифилиса англійскимъ медикомъ, въ благодарность за это открылъ англійскимъ кораблямъ доступъ во всю Индію и дозволилъ имъ основать факторію въ Мадрасѣ. Но дѣлхъ сто лѣтъ англичане не имѣли въ Индіи никакого особеннаго значенія, и только съ 1757 г. начали быстро распространять свои владѣнія, дѣлая среднимъ числомъ каждые два года какое-нибудь територіальное приобрѣтеніе, или силою оружія, или другимъ путемъ. Съ 1759 по 1875 г. включительно они сдѣлали 57 такихъ приобрѣтеній и очутились повелителями 200,000,000 разноплеменныхъ подданныхъ и 460 вассальныхъ государствъ. Надъ всею этой массой господствуетъ 110,000 англичанъ, изъ которыхъ не болѣе 67,000 военныхъ, а большинство остальныхъ живетъ въ Индіи только временно, чтобы сколотить въ нѣсколько лѣтъ капиталъ и затѣмъ вернуться въ Европу. Чѣмъ-же объясняется, что эти 200,000,000 туземцевъ, глубоко ненавидящихъ своихъ малочисленныхъ притѣснителей, не въ состояніи свергнуть ихъ ига? Главная причина заключается въ чрезвычайной раздробленности этой массы на множество самыхъ разнообразныхъ и враждебныхъ частей. Сколько однихъ національностей, — аборигены Индіи *дравидасы* 45,000,000, индусы 189,000,000, марамы 2,500,000. малайцы, негритосы, парсы, таджики, афганцы, китайцы. Индусы и дравидасы распадаются на множество племенъ, говорящихъ разными нарѣчіями и испо-

вѣдующихъ разныхъ религій. Индусскіе языки раздѣляются на 5 главныхъ группъ, въ которыхъ считается 200 языковъ и нарѣчій! Масса населенія держится браманизма, 12,000,000 принадлежатъ разнымъ сектамъ браманійскаго происхожденія, 40,000,000 магометанъ, нѣсколько миліоновъ буддистовъ и т. д. Послѣдователи всѣхъ этихъ сектъ и религій фанатически ненавидятъ людей не ихъ вѣры. При праздникахъ разныхъ исповѣданій, случающихся нерѣдко въ одно и то-же время, возникаютъ сплошь и рядомъ столкновенія, драки и открытые уличные бунты, которые приходится умирять войсками. Кастовое устройство вноситъ въ индійское общество такое-же раздѣленіе, какъ и религія. Высшее сословіе—брамины. „Нельзя сказать безусловно, чтобы все духовенство Индіи состояло изъ однихъ потомственныхъ браминовъ или чтобы всѣ потомственные брамины занимались исключительно духовными профессіями. Напротивъ, есть брамины солдаты и брамины царствующія особы; есть также люди не браминской касты, занимающіеся вѣроученіемъ. Но основная принадлежность сословія, его наследственное право—учить народъ, истолковывать ему законы и священныя книги, а основное правило для самихъ браминовъ—не сочетаться бракомъ съ лицами другихъ сословій, чтобы не осквернить святость своей касты. За эту-то святость брамины пользуются величайшимъ уваженіемъ. Браминъ-торговецъ занимается своимъ дѣломъ, не платя пошлинъ, браминъ-солдатъ есть личность неприкосновенная для своихъ собратій по оружію. „Вѣковое довольство отразилось и на наружности браминовъ, которые во всей Индіи отличаются отъ остальныхъ туземцевъ и болѣе благородною наружностью, и менѣе темнымъ цвѣтомъ лица, и болѣе красивымъ и высокимъ ростомъ, почти также, какъ англійская, венгерская и польская знать“ (стр. 43.) Вторая каста кшатріевъ, или воиновъ, вслѣдствіе частыхъ завоеваній, „почти перестала существовать, какъ каста, и скорѣе составляетъ отдѣльное племя, которое, кромѣ военной службы, занимается также въ своемъ кругу торговлею, промышленностью и земледѣліемъ. Всѣ раджпуты, а также обитатели Мальвы, Вандельканда, Пенджаба и Мервара считаютъ себя принадлежащими къ кастѣ кшатріевъ, подобно тому, какъ въ Бискайѣ каждый житель считаетъ себя благороднымъ“ (44.) Каста вайсievъ распадается на купцовъ, земледѣльцевъ и множество ремесленныхъ цеховъ. Четвертая каста—отверженныхъ судръ. Но четырьмя кастами общественное дѣленіе не ограничивается и отъ брачнаго смѣшенія ихъ число кастъ достигаетъ по мѣстамъ до 84!

Люди всѣхъ вѣръ, всѣхъ племенъ, всѣхъ кастъ болѣе или менѣе ненавидятъ англичанъ и, не имѣя силы мстить открыто, чаще всего прибѣгаютъ къ отравѣ; англичане-же презираютъ туземцевъ. „Англичане въ Индіи, говоритъ Шоръ,—поставили себѣ правиломъ считать туземцевъ людьми нисшей расы и высказываютъ это при всякомъ случаѣ на словахъ и въ дѣйствіяхъ. Рѣдкій англичанинъ удостоитъ поклономъ туземца; съ большимъ трудомъ рѣшится онъ говорить съ индусомъ сколько-нибудь вѣжливо. Самая ничтожная ошибка туземнаго слуги навлекаетъ на него, если не побой,—что, впрочемъ,

случается очень часто, — то, по крайней мѣрѣ, самую грубую брань. Плеть или хлысть — обыкновенно употребляемое орудіе сношеній съ ключниками, разсыльными и другими слугами, которыхъ вина большею частію состоитъ въ томъ, что они не понимаютъ того языка, на которомъ имъ отдають приказанія и который они считаютъ за туземный. Часто англичанинъ, подъ предлогомъ дерзости, будто-бы оказанной непонявшимъ его слугою, отказываетъ ему отъ мѣста и еще не уплачиваетъ при этомъ жалованья. Предлогъ дерзости выставляется каждымъ англичаниномъ, который теряетъ хладнокровіе и обижаетъ своихъ слугъ безъ всякой причины. Когда туземецъ, даже высшаго сословія, хочетъ посѣтить англичанина и велитъ доложить о себѣ, то отвѣтомъ бываетъ часто: *къ чорту этого черномазаго шута!* И даже если туземца примуть, то поклонятся ему небрежно или не поклонятся вовсе; если предложить ему стулъ, то онъ услышитъ тутъ-же на дурномъ гиндустани нѣсколько словъ, далекихъ отъ вѣжливости. И когда кто-нибудь изъ общества замѣтитъ, что какъ посѣтитель уже принятъ, такъ нужно-же сказать съ нимъ нѣсколько словъ, то хозяинъ дома нерѣдко отвѣчаетъ: „а зачѣмъ этотъ мѣднокожій шутъ таскается сюда беспокоить меня? Я не знаю, что сказать ему, что вообще можно говорить съ подобными людьми?“ А между тѣмъ тотъ, о которомъ отзываются такимъ образомъ, быть можетъ, принцъ или потомокъ туземныхъ государей, которому, въ довершеніе всего, исторія Англии и ея законы лучше извѣстны, чѣмъ самому поносящему его англичанину, или-же ученый, отъ котораго умный и вѣжливый собесѣдникъ могъ-бы получить множество свѣденій, полезныхъ для управленія страной. Обыкновенно англичанинъ, который ведетъ себя подобнымъ образомъ, самъ принадлежитъ къ числу господъ, которые умѣютъ говорить только о лошадяхъ, собакахъ, батальонномъ ученѣ, о повышеніяхъ въ арміи или о какихъ-нибудь частностяхъ службы, если они принадлежатъ къ числу не офицеровъ, а гражданскихъ чиновниковъ“ (стр. 93.) Это презрѣніе къ туземцамъ особенно рѣзко высказывается въ Гон-Конгѣ, гдѣ „китайцы хотя и составляютъ огромное большинство населенія, но англичане относятся къ нимъ крайне недоувѣрчиво и не допускаютъ до участія въ управленіи колоніей. Китайцу не позволено даже выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера, такъ что онъ отнюдь не полноправный гражданинъ Гон-Конга, а только терпимое тамъ лицо. Почти то-же въ Сингапурѣ, Малаккѣ и пр.“ (стр. 48.) Предразсудки англичанъ относительно „нисшей расы“ доходятъ до того, что „когда, напр., совершается бракъ европейца съ туземкой, а тѣмъ болѣе, наоборотъ, индуса съ европеейкой, то это считается не только скандаломъ, но даже почти преступленіемъ“ (стр. 93.)

Какъ ни близорука всегда была англійская политика въ Индіи, она все-таки понимала, что ей необходима въ странѣ хоть какая-нибудь туземная опора. Съ этой цѣлью въ XVIII в. англичане начали ломать порядки поземельнаго владѣнія и создавать поземельную туземную аристократію на англійскій манеръ. Но опытъ рѣшительно не удался и древняя община упѣ-

дѣла. „Каждая община, будь она городской или сельской, самостоятельно управляетъ своими внутренними дѣлами. Членами ея состоятъ всѣ мѣстные землевладѣльцы и вообще лица, имѣющія постоянную осѣдлость, а управление находится въ рукахъ выборныхъ лицъ. Эти выборные управители суть: судья, регистраторъ, сборщикъ податей, староста по орошенію полей, предсказатель, школьный учитель, кузнецъ, телѣжный мастеръ, горшечникъ, цирюльникъ, серебряникъ и поэтъ. Всѣ эти 12 лицъ получаютъ отъ общины жалованье, избранію-же подвергаются ежегодно. Въ экономическомъ отношеніи община также составляетъ одно самостоятельное цѣлое, какъ и въ административномъ, причежъ земля состоитъ лишь въ пользованіи членовъ общины, но не составляетъ ихъ собственности“ (стр. 47.) Не успѣвъ создать поземельную аристократію, англичане постарались по-возможности привлечь къ себѣ и противопоставить массамъ два высшія сословія. Устраняя отъ управления наиболѣе энергическихъ туземцевъ, магометанъ, англичане привлекаютъ къ нему богатыхъ и родовитыхъ браманистовъ, дѣлаютъ ихъ мировыми судьями, членами губернаторскихъ совѣтовъ, офицерами, возводятъ въ званіе баронетовъ и т. д. Среднее и высшее образованіе въ странѣ организовано такъ, что оно доступно почти исключительно молодымъ людямъ аристократическаго происхожденія, которымъ только и раздаются потомъ сколько-нибудь видныя мѣста въ администраціи. Для этой цѣли давно уже основаны университеты въ Мадрасъ, Бомбей, Калькутѣ и Лагорѣ. Въ 1872 г. въ нихъ получило степень 792 туземца изъ 2,428 экзаменовавшихся. Въ томъ же году въ 60 коллегіяхъ было студентовъ 6,047. Многія изъ этихъ коллегій ничто иное, какъ наши факультеты и специальные институты, медицинскіе, инженерные и т. д. За коллегіями слѣдуютъ гимназіи, низшія училища и нормальныя школы для приготовленія учителей. Въ 1871 г. было этихъ заведеній 43,192; въ нихъ учениковъ — 977,000; 1 ученикъ на 196 жителей. Мало, но все-таки хорошо даже и не для такой страны, какъ Индія... Результатомъ распространенія образованія явилась туземно-европейская литература, которая имѣетъ много независимыхъ журнальныхъ органовъ, издающихся въ Бомбей, числомъ 26, Калькутѣ — 15. Мадрасъ, Лагорѣ и т. д. Послѣдствіемъ той-же свободы образованія явились ученые общества: въ Калькутѣ азіатское и общество для умственного сближенія европейцевъ съ туземцами, бенгальское общество соціальныхъ наукъ, географическое и медицинское общества въ Бомбей, литературныя въ Рангунѣ и Мадрасъ и т. д. Множество туземцевъ состоитъ членами этихъ обществъ. Вообще, несмотря на весь гнетъ англійскаго владычества, Индія все-таки, благодаря ему, дѣлается все болѣе и болѣе цивилизованною страной. Вся она покрыта телеграфической проволокой; въ 1874 г. въ ней было 8,800 верстъ желѣзныхъ дорогъ (стр. 72); до 1872 г. было проведено искусственныхъ оросительныхъ каналовъ на пространствѣ, составляющемъ гораздо болѣе половины европейской Россіи, — 58,000 кв. миль (стр. 76.) Конечно, далеко еще то время, когда страна можетъ назваться вполне цивилизованной, но когда наступитъ это время, тогда пробьетъ послѣдній часъ

англійскаго владычества. До той-же поры англичанамъ нечего бояться за свою власть. Общее возстаніе, вслѣдствіе указанныхъ выше условій, невозможно; что-же касается внѣшняго врага, то г. Венюковъ очень убѣдительно доказываетъ, что Индія „1) безусловно защищена отъ нападений съ сѣвера огромнымъ хребтомъ Гималаи и 2) трудно доступна съ моря“ (стр. 7 и др.) Но г. Венюковъ забываетъ другое, грозящее этой странѣ бѣдствіе, — промышленное поработаніе московскими фабрикантами, когда мы проведемъ въ Индію свою желѣзную дорогу. Впрочемъ, что-же мы будемъ продавать индусамъ? Наши фабричныя издѣлія не могутъ соперничать съ англійскими. Хлѣбъ? Но Индія отпускаетъ за границу около половины всего количества риса, обращающагося въ международной торговлѣ (стр. 50.) Конопля она продаетъ за границу на 27,000,000 р. с., шерсти миллионы на 6 и т. д. (стр. 68.) Вотъ развѣ пойдетъ туда мальць-экстрактное пиво Гоффа?

Замѣчанія на „Слово о полку Игоревѣ“. Князя П. П. Вяземскаго. Спб. 1875 г.

Когда «Слово о полку Игоревомъ» найдено было гр. А. И. Мусинимъ-Пушкинымъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ старинныхъ рукописныхъ сборниковъ, — то многіе ученые отнеслись крайне-недовѣрчиво къ его подлинности, а иные попрекнули даже *въ подлостъ* самого любознательнаго изыскателя. Прошли года, и тотя далеко не всѣ темныя мѣста этой поэмы объяснены удовлетворительно специалистами, но наиболѣе придирчивая критика удостовѣрилась въ подлинности «Слова» и признала его однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ древне-русской литературы. Послѣ этого переводы «Слова» сдѣлались любимымъ упражненіемъ нашихъ стихотворцевъ, и на этомъ поприщѣ потрудились въ равной мѣрѣ, но съ различнымъ успѣхомъ, гг. Минаевъ (старшій), Мей, Гербель и Аполлонъ Майковъ. Можно не раздѣлять, конечно, преувеличенныхъ восхищеній этою «проблемою нашей древней литературы» (по выраженію г. Строева), можно, пожалуй, признавать ее «дѣтскимъ лепетаньемъ», по мнѣнію г. Грамматина; но слѣдуетъ, однако, согласиться и съ тѣмъ, что въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ XII-го вѣка находятя въ обиліи и поэтическія краски, и любопытныя для историка черты умственной и политической жизни нашихъ предковъ. Не должно забывать того огромнаго превосходства, которое имѣетъ «Слово» надъ всѣми позднѣйшими попытками нашего эническаго творчества, а превосходство это объясняется ничѣмъ другимъ, какъ преимуществомъ того нравственнаго и общественнаго строя, въ которомъ обрѣтался пѣвецъ «Слова», сравнительно съ тѣми порядками, которые создались на Руси впоследствии, подъ гнетущимъ вліяніемъ татарскаго ига.

На этомъ основаніи мы встрѣчаемъ съ благодарностью почтенный трудъ кн. П. П. Вяземскаго, посвятившаго много лѣтъ своей жизни добросовѣстнымъ изысканіямъ о предметѣ своихъ литературныхъ симпатій. Какъ всякій специалистъ, односторонне-углубившійся въ ту или другую тему изслѣдованія, кн. Вяземскій, можетъ быть, часто увлекается; онъ заходитъ далеко въ своихъ гипотезахъ и въ своихъ восторгахъ; но намъ нравится и эта горячность его отношенія къ дѣлу, и та самостоятельность мысли, которую онъ обнаруживаетъ, защищая права критики противъ установившихся, традиціонныхъ воззрѣній. «Количество бытовыхъ и умственныхъ движеній, говорятъ онъ въ своемъ обращеніи къ читателю, — совершавшихся втеченіи вѣковъ, среди различныхъ народностей и различныхъ слоевъ обществъ, до того безмѣрно велико, что едва-ли правильно приносить факты въ жертву какой-либо системѣ. Съ другой стороны, самые противоположные взгляды на древнія сказанія почти всегда болѣе или менѣе правильны, каждый въ отдѣльности, по отношенію къ какому-либо ихъ разряду или даже къ тому или другому въ нихъ наслоенію. *Господствующія-же школы, злоупотребляя своимъ авторитетомъ, кажутся, слишкомъ ревниво отстраняють и уничтожаютъ въ зародышѣ попытки, расходящіяся съ ихъ направленіемъ*».

Кн. Вяземскій говоритъ, дѣйствительно, много такого, что врядъ-ли придется по вкусу господствующимъ школамъ, врядъ-ли заслужить ученую санцію съ ихъ стороны, хотя авторъ «Замѣчаній» и самъ не промахнулся, соорудивъ для своихъ теорій такую барикаду историческихъ, филологическихъ и литературныхъ цитатъ изъ всевозможныхъ источниковъ, отъ французскихъ до китайскихъ, — что передъ нею почувствуетъ нѣкій трепеть даже и опытный ученый наѣздникъ. Шагъ-за-шагомъ, строка-за-строкою, слѣдитъ кн. Вяземскій за своимъ излюбленнымъ поэтомъ и мечетъ во всѣ стороны остроумныя возраженія и болѣе или менѣе справедливыя догадки. Въ библиографической рецензій, конечно, нельзя прослѣдить всѣ соображенія автора, и мы должны ограничиться указаніемъ только нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ его противорѣчій установившимся взглядамъ.

Начать съ того, что кн. Вяземскій, вопреки господствующему мнѣнію (см., напр., въ «Курсѣ литературы» Стоюнина, стр. 23), не находитъ въ поэмѣ *никакихъ пропусковъ*, принимая ее за цѣльную, вполне законченную картину какъ самаго похода, такъ и состоянія Руси въ эпоху, современную поэту. Въ личности пѣвца онъ предполагаетъ не только *грамотнаго* (въ чемъ сомнѣвается г. Стоюнинъ), но даже высоко-образованнаго, по тому времени, человѣка, знакомаго если не въ подлинникъ, то въ передѣлкѣ и извлеченіи, со всѣми замѣчательнѣйшими произведеніями древне-классической литературы. Чтобы доказать возможность для русскаго поэта узнать Гомера и другихъ великихъ раисодовъ древности, н. Вяземскій разсматриваетъ довольно подробно условія развитія обра-

зованности въ Византіи и въ нашеѣ отечествѣ, по принятіи христіанства отъ грековъ. При этомъ онъ старается ослабить вліяніе скептицизма шлецеровской школы, которая допускала въ древней Россіи существованіе только однихъ чисто-духовныхъ училищъ, задававшихъ спеціальною цѣлью приготовленія служителей церкви. «Стремленіе строго отдѣлять свѣтское образованіе отъ духовнаго, возражаетъ кн. Вяземскій, — есть стремленіе новѣйшаго времени. Понятія о наукѣ и просвѣщеніи ученаго XIX столѣтія здѣсь прилагаются къ православному труженику XI столѣтія. Раздѣленіе между духовною и свѣтскою образованностью не существовало во времена Нестора не только въ Россіи и въ Греческой имперіи, но и въ прочихъ странахъ Европы и Азіи, и даже въ училищахъ самихъ еретиковъ и мусульманъ... Ограничивая воззрѣніе одною лѣтописью Нестора, нѣтъ указанія, чтобы цѣль образованія была исключительная, тогда какъ, наоборотъ, въ памятникѣ находятся весьма явныя и многочисленныя доказательства свѣтскаго образованія самихъ духовныхъ писателей и людей, являющихся на поприщѣ свѣтскомъ. Непостижимо, какъ до сихъ поръ можетъ высказываться печатно система, основанная на сомнѣніи въ существованіи гражданской грамотности въ вѣкѣ, оставившемъ послѣ себя лѣтописи, договоры и узаконенія» (48—49 стр.). Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ ссылается на мнѣніе Григорія Назіанзина, высоко цѣнившаго «искусство слова» и изучившаго съ любовію древнихъ классиковъ, на многочисленность переводовъ съ греческаго языка на славянскій, на несомнѣнную образованность нѣкоторыхъ русскихъ князей, владѣвшихъ большими бібліотеками, составленными изъ греческихъ книгъ, на дозволенный въ Россіи обычай — изображать Гомера на иконахъ, въ числѣ мужей древности, «безсознательно предсказывавшихъ рожденіе Спасителя». Если всѣ эти доказательства не настолько сильны, чтобы укрѣпить насъ въ мысли о «блистательномъ состояніи» образованности въ Византіи и древней Россіи въ XI—XII столѣтіяхъ, то они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ вѣсь для разрѣшенія частнаго вопроса о степени умственнаго развитія Игорева пѣвца.

Въ связи съ предыдущимъ находится и предположеніе кн. Вяземскаго, что *Вомъ*, о которомъ упоминается въ началѣ поэмы, есть нѣкто иной, какъ самъ творецъ Иліады, а «вѣщи Трояни» — время троянской войны, воспѣтой Гомеромъ. Дѣва Обида, вступившая на землю троянскую, также, по мнѣнію кн. Вяземскаго, знаменуетъ собой прекрасную Влену, возмущившую въ древности народы. «Пѣвецъ русскій XII столѣтія, говоритъ авторъ, — обращаясь къ вѣщему, вѣчному, всемірному поэту, не называя его, могъ имѣть въ виду только одного Гомера или равняющагося ему славянскаго поэта. Нельзя не согласиться съ Тредьяковскимъ, Шевыревымъ и Буславевымъ, что наши богатырскія повѣсти суть обломки древняго эпоса, — но пока не найденъ авторъ этого эпоса. Творцомъ древнѣйшимъ неволью является Омиръ». (На страницѣ 504-й авторъ смягчаетъ

нѣсколько это возрѣніе и допускаетъ уже, что нашъ древній поэтъ подѣ словомъ Боянь «обозначаетъ *цѣлый кругъ тѣмъ», сохраняя древнѣйшіе* обычая классической Греціи.») Но ни въ первоначальномъ, ни въ смягченномъ видѣ возрѣніе это не опирается на текстъ поэмы, такъ-какъ въ немъ, вслѣдъ за упоминаніемъ имени Бояна, говорится прямо что этотъ Боянь воспѣвалъ подвиги русскихъ князей—«старога Ярослава, храброга Мстислава», а отнюдь не Ахиллеса и Одиссея. Что-же касается толкованія кн. Вяземскаго на сомнительныя выраженія: «вѣщи Трояни, трона Трояня», въ которыхъ онъ подозреваетъ Троя, а не императора Траяна, то на этомъ толкованіи будетъ не лишнимъ остановиться. «Должно замѣтить, остроумно замѣчаетъ авторъ,— что Троянь и Траянъ не одно и то-же. Сочинитель «Слова о походѣ Игоря» не заслуживаетъ пренебреженія изслѣдователей къ его правописанію. Если-бы всѣ доводы историческіе клонились къ объясненію, несогласному съ правописаніемъ, то само собою разумѣется, что подобная погрѣшность могла быть приписана сочинителю. Но здѣсь поспѣшность, съ которою приписывается сія погрѣшность въ правописаніи, вовсе не объясняется силою историческихъ доводовъ въ пользу принятаго толкованія. Въ четырехъ мѣстахъ «Слова», въ которыхъ встрѣчается слово Троянь, въ трехъ при семъ объясненіи (т. е., при объясненіи именемъ римскаго императора) предполагается описка или недоразумѣніе. «Того внука» объясняется вставкою, неупоминаемаго еще ни разу, Олега. Седьмой вѣкъ принимается за описку или ошибку самого пѣвца. «Вѣщи Трояни»—за описку вмѣсто *стѣчи*, вѣроятно, потому, что вѣковъ императора Траяна не могло быть, а былъ одинъ его вѣкъ. Наконецъ, *два*, вступившая на землю троянскую, вовсе не объясняется исторіею войнъ императора Траяна на Дунаѣ» (стр. 106.)

Это объясненіе совершенно расходится, какъ съ мнѣніемъ г. Пыпина, утверждавшаго, что «слово Троя имѣло у насъ только два прилагательныхъ: Тройскій и Троянскій, и что смягченное окончаніе ѣ указываетъ именно на Траяна», такъ и съ мнѣніемъ г. Буслаева (см. «Истор. очерки», т. I, стр. 384—390), который, сблизивъ русскую поэму съ сербскими и болгарскими сказаніями, признавалъ въ этомъ загадочномъ Траянѣ «существо мифическое изъ породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, нѣмецкіе эльфы» и пр. Но тѣмъ не менѣе объясненіе это заслуживаетъ вниманія, такъ-какъ, помимо вышеприведенныхъ доказательствъ, кн. Вяземскій, руководствуясь словаремъ Миклошича (стр. 122), оспариваетъ филологическія соображенія г. Пыпина.

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны замѣтить, что книга кн. Вяземскаго не мало теряетъ вслѣдствіе крайней разбросанности своего содержанія, съ которой тщетно боролся трудолюбивый Н. П. Барсуковъ посредствомъ составленія систематическаго указателя. Авторъ могъ-бы, кажется, сосредоточиться на фактахъ и доводахъ, не столь многочисленныхъ, но болѣе разработанныхъ и систематически-связанныхъ между собою.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Обидчивость современныхъ россіянъ.—Полицеймейстеры и исправники, влекущіе редакторовъ на скамью подсудимыхъ.—Гансальскій инквизиторъ, изблеченный прессою.—Овсянниковскій процессъ.—Личность подсудимаго.—Обвинители и защитники.—Отношеніе адвокатуры къ печати и къ общественному мнѣнію.—Стихотворный гимнъ одному изъ адвокатовъ.—Отзывъ итальянской прессы о вердиктѣ присяжныхъ.—Удаленіе гг. Герарда и Потѣхина изъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.—Полемика г. Языкова съ „дворянскомъ“ Градовскимъ.—Литературные курьезы: професоры-спириты; новый защитникъ іезуитизма; биржевыя Гамлеты.

Въ прошломъ столѣтіи одна изъ знатныхъ барынь, близкая ко двору, громко сѣтовала на то, что „нынче-де народъ не въ мѣру сталъ обидчивъ: бывало, дуютъ, дуютъ палочьемъ, — въ чемъ только душа держится! — и ничего-себѣ, горюшка мало, а нынче никому слова нельзя сказать“. Но въ прошломъ столѣтіи эти *слова*, на которыя уже начинали обижаться россіяне, были довольно-таки крупныя, и помянуть родителей, даже не во хмѣлю, задѣтъ мимоходомъ честь жены или дочери—считалось обычнымъ оборотомъ рѣчи. Иногда къ этимъ словеснымъ вольностямъ присоединялись и соотвѣтствующіе жесты, доказывавшіе, что наши прадѣды были большіе ходоки по нмической части. Но что сказала-бы эта знатная барыня, если-бъ, возставъ изъ гроба, узнала, къ ужасу своему, что современные россіяне обижаются и становятся на дыбы по поводу такихъ словесныхъ заявленій, которыя не только не сопровождаются никакими выразительными жестами, но своею мягкостью и „увѣтливостью“ могли-бы плѣнить и очаровать сердце всякаго, нежестокосердичаго человѣка! Что сказала-бы она, узнавъ, что безсмертный Иванъ Ивановичъ Пе-

ререпенко, изъ-за одной влички „гусака“, вчинилъ искъ противъ своего завадычнаго друга, сосѣда и дворянина, Ивана Никифоровича Довгочхуна?!

Ну, подумала-бы навѣрно эта барыня, — приходитъ, видно, конецъ міру, и намъ, грѣшнымъ, пора убираться изъ земной юдоли въ другой, лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни судовъ, ни адвокатовъ, ни обидчиковъ, ни обижаемыхъ, гдѣ грубый языкъ человѣческой замѣненъ дыханіемъ зефировъ и чистымъ ангельскимъ лепетомъ, въ которомъ самый обидчивый смертный не усмотритъ юридическихъ основаній къ начатию иска о клеветѣ или диффамации. Мы полагаемъ даже, что знатная барыня, если-бъ знала, то непремѣнно повторила-бы ту выразительную характеристику, которую посвятилъ намъ, россиянамъ, чуть не два столѣтія назадъ, знаменитый Пуффендорфъ: „зазорны-же и невоздержательны суть, свирѣбы и кровежаждущіе человѣцы, *въ вещныхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимую гордостію возносятся*, въ противныхъ-же вѣщехъ низложеннаго ума и сокрушеннаго“... Не правда-ли, читатель, что въ этой характеристикѣ, до сихъ поръ, еще вѣрны нѣкоторыя черты? Да, мы въ самомъ дѣлѣ „безчинно и нестерпимо горды“, когда видимъ передъ собою врага, котораго легко можно уничтожить и котораго мы, только по жалкому своему неразумію, принимаемъ за врага; мы по-прежнему обнаруживаемъ „умъ низложенный и сокрушенный“, когда встрѣчаемся съ дѣйствительнымъ и сильнымъ врагомъ, не дающимъ намъ ни малѣйшей потачки. И куда только пропадаетъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вся наша напускная прыть и обидчивость? Какія удивительныя алюры подсказываетъ намъ „низложенный умъ“, сколько унижающихъ митарствъ готовы пройти мы, чтобы искупить, очистить свой грѣхъ въ глазахъ сильнаго человѣка! А печать, общественное мнѣніе, судъ потомства — стоитъ-ли много церемониться съ этими выдумками слабыхъ и злонамѣренныхъ людей?

Полицеймейстеры, исправники, судебные слѣдователи и станочные пристава, — словомъ, весь тотъ „мелкій чинъ“, дѣйствіями котораго ограничивается обличительный кругозоръ русской прессы, увидавъ свое имя съ неслестнымъ эпитетомъ въ газетномъ столбцѣ, волнуется, ропщетъ и негодуетъ, призываетъ всѣ семь египетскихъ язвъ на наше бѣдное печатное слово. Подобно го-

голевскому городничему, приходившему въ неистовство при одной мысли о томъ, что какой-нибудь щелкоперъ, бумагомарака вставить его въ комедію, современный „мелкій чинъ“ восклицаетъ, обращаясь ко всей нашей обличительной прессѣ: „у, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! узломъ-бы васъ всѣхъ завязаль, въ муку-бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку, въ шапку туда ему!“ Никогда покойный Луи-Филиппъ, любовавшійся въ „Шаривари“ карикатурами на свою грушеобразную фізіономію, никогда королева Викторія, находящая въ „Пончѣ“ свою фигуру съ болѣе или менѣе остроумными подписями, никогда англійскіе, французскіе и американскіе министры, привывшіе встрѣчать въ оппозиціонной прессѣ самую рѣзкую критику своей политической дѣятельности, не волновались, не волнуются и едва-ли будутъ когда-нибудь волноваться такъ нервно и горячо, какъ волнуется нашъ мелкій чинъ по поводу ничтожнаго слуха или намёка въ газетной корреспонденціи. Чуть проглянули въ печати начальныя буквы чьей-нибудь фамиліи, извѣстной только въ Саложкѣ, Царевкоокшайскѣ или въ Чебоксарахъ, — какъ уже признавъ къ мировому или въ окружной судъ оглашаетъ печальныя стогны русской журналистики. Кажется, ни одинъ редакторъ, какъ-бы опытенъ и остороженъ онъ ни былъ, не избѣжалъ горькой необходимости перевѣдаться на судъ съ какимъ-нибудь новѣйшимъ Довгочуномъ или Перерепенкомъ. Простой поправки, простого восстановленія факта, если онъ былъ случайно искаженъ корреспондентомъ, слишкомъ мало для расходившагося самолюбія, и „кровежаждущіе челоуѣцы“ вопіютъ о примѣрной казни сотрудника и редактора, несмотря на охлаждающіе протесты прокуратуры. За доказательствами всего этого ходить не далеко.

Дѣломъ прошлаго года „Голосъ“ помѣстилъ невинную корреспонденцію изъ Кронштадта, принадлежавшую, какъ оказалось впоследствии, перу секретаря мѣстной думы. Въ этой корреспонденціи говорилось о натянутыхъ отношеніяхъ между кронштадтскою полиціею и городскимъ обществомъ, и для характеристики этихъ отношеній приводилось извѣстіе, въ видѣ слуха, что во время засѣданія думы (23 іюля), посвященнаго разсужденіямъ о преданіи суду кронштадтскаго головы, проскакала мимо городского дома пожарная часть съ цѣлью перепугать гласныхъ и въ надеждѣ,

что, побѣжавъ немедленно спасать свое имущество, они пропустятъ законный срокъ для обжалованія постановленія кронштадтскаго присутствія по городскимъ дѣламъ, отнесагося такъ строго къ дѣятельности бывшаго представителя общественнаго самоуправленія. Шутить или не шутить авторъ корреспонденціи, сообщая этотъ слухъ и тутъ-же выражая сомнѣніе въ его справедливости, это субъективный вопросъ, интересный только для одного г. Свищева; но интереснымъ для всѣхъ и весьма характеристическимъ оказывается уже то обстоятельство, что г. кронштадтскій полицеймейстеръ усмотрѣлъ въ этой городской уткѣ и неуваженіе къ тому „правительственному посту“, который онъ занимаетъ, и „клевету, позорящую его дѣйствія“, какъ служебнаго лица. Ставъ на эту точку зрѣнія, не одобренную даже (какъ увидимъ ниже) прокуроромъ судебной палаты, г. полицеймейстеръ предлагалъ сначала вчинить искъ только противъ автора корреспонденціи, не касаясь редактора, ее напечатавшаго; но когда „Голосъ“ пустилъ передовую статью по этому вопросу, въ которой обсуждались какъ средства, употребленныя г. полицеймейстеромъ для узнаванія имени автора, такъ и особый видъ пользованія свѣдѣніемъ, добытымъ конфиденціальнымъ путемъ, — то обиженная сторона, въ отмщеніе за такую нескромность, привлекла къ суду и редактора „Голоса“, г. Краевского.

Мы сказали уже, что прокуратура не совѣтъ-то благосклонно взираетъ на судебную манію обидчивыхъ россянъ и, по-возможности, ставитъ преграды разгулявшемуся не въ мѣру самолюбію. Прокуратура, конечно, руководствуется при этомъ вполне легальными соображеніями, и мы рекомендуемъ непонимающимъ другого языка, кромѣ почерпнутаго изъ свода законовъ, прислушаться повнимательнѣе къ этимъ солиднымъ и дѣльнымъ соображеніямъ. „Для того, чтобъ честь лица, опозореннаго въ печати, была восстановлена, — говорилъ товарищъ оберъ-прокурора по дѣлу гг. Суворина и Ватсона, — достаточно, чтобъ судебнымъ порядкомъ была признана ложность сообщенія; для восстановленія чести нѣтъ надобности въ наказаніи; наказаніе не восстанавливаетъ чести, а поражаетъ преступность. *Наказаніе призвано служить не порывамъ личной мести, а лишь общественному порядку*“. Возставая далѣе противъ того распространительнаго толкованія, которое придала судебная палата понятію о клеветѣ, г. това-

рищъ оберъ-прокурора выражалъ справедливое опасеніе, что „въ силу этого толкованія огромный отдѣлъ журналистики, именно отдѣлъ корреспонденцій, подвергается смертному приговору, потому что какими-же рѣшительными и безусловно-дѣйствительными средствами можетъ обладать редакторъ, чтобъ повѣрять сообщаемое корреспондентомъ?“ „Для того, чтобы опровергнуть сообщеніе корреспондента о Голубевѣ, замѣчаетъ не безъ ироніи представитель высшаго прокурорскаго надзора, — на судѣ потребовались справки въ станціонныхъ книгахъ, потребовались письма двухъ министровъ и другія доказательства! Можетъ-ли журналистъ располагать подобнымъ матеріаломъ для повѣрки сообщаемыхъ ему корреспонденцій? Такимъ образомъ, журналистъ, печатая извѣстіе, всегда можетъ оставаться въ ожиданіи, что извѣстіе окажется ложнымъ. Обвиненіе въ клеветѣ и наказаніе за нее сдѣлается, такимъ образомъ, совершенною случайностью, неизбѣжною никакаго отношенія къ преступности или добросовѣстности намѣренной редактора“. Итакъ, окончательный выводъ изъ рѣчи г. товарища оберъ-прокурора состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ сообщенія невѣрнаго извѣстія въ газетѣ, возможно привлечь къ суду развѣ только одного корреспондента, а отнюдь не редактора, который и въ глаза не видалъ „оскорбленнаго и униженнаго“ россіянина, вчиняющаго искъ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ личныхъ отношеній и, слѣдовательно, былъ чуждъ всякаго намѣренія задѣвать его. Но даже и при завѣдомо - невѣрномъ сообщеніи, г. товарищъ оберъ - прокурора справедливо указываетъ на то, что не наказаніе возстановляетъ „опозоренную честь“, а признаніе судомъ невѣрности сообщеннаго факта, чего г. Голубевъ достигъ еще въ первой судебной инстанціи и чего, впрочемъ, не стоило добиваться послѣ того, какъ редакція газеты сама опровергла сообщенное по ошибкѣ извѣстіе.

Съ неменьшею строгостью отнесся и г. товарищъ прокурора судебной палаты къ притязаніямъ кронштадтскаго полицеймейстера. „Многія должностныя лица, — сказалъ онъ по этому поводу, — не слѣдуютъ строгому различію въ томъ, что можетъ считаться оскорбленіемъ личнаго чувства, больше или меньше развито, и что должно считаться оскорбленіемъ ихъ, какъ должностныхъ лицъ, и, вслѣдствіе такого непониманія различія между этими двумя обстоятельствами, въ судебной палатѣ часто по-

являются такого рода дѣла, которыя прокурору, на основаніи закона, не представляется никакой возможности прекращать. Настоящее дѣло относится къ подобной категоріи дѣлъ... Ничтожная сплетня была представлена не какъ удостовѣреніе позорящаго обстоятельства, а именно какъ ходящій по городу слухъ, въ которомъ самъ авторъ сомнѣвается и высказалъ это въ своей статьѣ. На-сколько подобнаго рода сплетня заслуживаетъ помѣщенія въ газетѣ,—это вопросъ другой, который разбору нашему не подлежитъ. Насъ касается только вопросъ о томъ: дѣйствительно-ли въ этой сплетнѣ есть, въ существѣ или по формѣ, что-нибудь оскорбляющее достоинство полицеймейстера, какъ должностнаго лица? Положительно, ничего оскорбительнаго я въ данномъ случаѣ не нахожу, а потому не считаю возможнымъ обвинять гг. Свищева и Краевского и отъ обвиненія отказываюсь". Судебная палата совершенно согласилась съ этимъ заключеніемъ прокурорской власти и, вѣроятно, въ связи съ нимъ-же находится извѣстіе, сообщенное недавно газетами, что въ самомъ порядкѣ привлеченія къ суду за личныя оскорбленія въ печати произойдетъ въ скоромъ времени существенная перемѣна.

Въ то время, какъ „огорченные россияне“ точутъ зубы на нашу юную гласность,—эта гласность, еще робкая и неувѣренная въ своихъ правахъ, еще нуждающаяся въ защитѣ и покровительствѣ, продолжаетъ оказывать серьезныя услуги всему, дѣйствительно страждущему, люду на необъятномъ пространствѣ русской земли. Такъ, напр., недавно заглянула она въ Гапсаль,—уѣздный городокъ эстляндской губерніи, извѣстный до сихъ поръ своими „цѣлебными грязями“,—и открыла въ немъ другую грязь, вовсе не цѣлебнаго свойства, и къ тому-же грязь, смѣшанную съ кровью. Мы говоримъ о преступныхъ дѣйствіяхъ уже отданнаго подъ судъ секретаря гапсальскаго магистрата, г. Кюммеля, исправлявшаго, въ то-же время, должность гапсальскаго герихтсфохта, то-есть полицеймейстера. Въ ночь съ 12 на 13 мая въ Гапсаль произведено было крупное воровство: воры забрались въ магистратъ, выломали тамъ желѣзную дверь, отдѣлявшую комнату присутствія отъ темной кладовой, въ которой хранился желѣз-

ный-же сундукъ съ городской кассой, вытащили этотъ сундукъ черезъ окно, разбили его камнями и вынули всѣ деньги, въ числѣ которыхъ находились, вѣроятно для безопасности, частныя суммы, принадлежащія бургомистру и секретарю магистрата. Какимъ образомъ и при чемъ содѣйствіи воры продѣлали благополучно такую сложную и шумную операцію, это остается покуда загадкою; но несомнѣнно то, что гапсальскій полицеймейстеръ принялся за изслѣдованіе съ необыкновенною ревностью, побуждаемый, конечно, не одною заботою о казенномъ интересѣ, но также и надеждою найти свою похищенную собственность. Нужно замѣтить, что въ прибалтійскомъ краѣ донинѣ не введенъ институтъ судебныхъ слѣдователей, и предварительное дознаніе производится тамъ полиціей, а формальное слѣдствіе — судебными мѣстами. Въ Гапсалѣ-же и полицейская, и судебная власть сосредоточиваются въ рукахъ магистрата. Такимъ образомъ, производство слѣдствія о цокражѣ попало, по неисповѣдимымъ судьбамъ, въ руки тѣхъ самыхъ лицъ, имущество которыхъ было расхищено ворами. И вотъ, съ конца мая между дачниками, нѣбывшими несчастіе поселиться вблизи магистрата, начали носиться слухи, что по ночамъ изъ этого зданія раздаются неистовые, потрясающіе душу крики; что тамъ немилосердно дерутъ арестантовъ, захваченныхъ во множествѣ полиціей при усердныхъ поискахъ за похищенными деньгами. Стоны и вопли, систематически исторгаемые новѣйшею инквизиціей, не унимались долгое время, и, наконецъ, всѣ дачники могли уже убѣдиться собственнымъ опытомъ, что

...въ нѣмецкомъ Гапсалѣ херръ Кюммелъ.

Такой подносить допель-кюммель

Своимъ клиентамъ,—что въ томъ градѣ

И жизни граждане не рады!

„Губернскія власти,—рассказываетъ корреспондентъ,—какъ кажется, ничего не знали о подвигахъ Кюммеля. Первое извѣстіе о гапсальскихъ истязаніяхъ ревельскій губернаторъ получилъ отъ неизвѣстнаго лица, — вѣроятно, кого-нибудь изъ дачниковъ, соскучившихся слушать невеселую музыку, по сосѣдству съ магистратомъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ отправленъ въ Гапсаль, для секретнаго дознанія, чиновникъ ревельской полиціи изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Вернувшись въ Ревель, полицейскій чинов-

никъ, — нѣмецъ, носящій польскую фамилію, — почтительно доложилъ губернатору, что въ Гапсалѣ все благополучно, что Кюммель ничего незаконнаго не дѣлаетъ, что хотя нѣкоторые арестанты и жалуются на него, будто-бы онъ сѣчетъ ихъ, но эти жалобы ничѣмъ не подтверждаются и ихъ надобно признать безосновательными“. На-сколько это благополучное донесеніе было вѣрно дѣйствительности, обнаружилось вскорѣ изъ протоколовъ слѣдственной комисіи, въ составъ которой вошли, по счастію, лица *не изъ мѣстныхъ уроженцевъ*. Комисія эта, только-что принявшись за дѣло, раскрыла цѣлый рядъ инквизиціонныхъ жестокостей и пытокъ, производимыхъ изо дня въ день съ систематическою, желѣзною настойчивостью. Мало того, что арестантовъ, выпытывая отъ нихъ признаніе, сѣкли до крови въ подвалѣ магистрата, что надъ нѣкоторыми изъ нихъ возобновляли эту операцію до десяти разъ, повторяя сѣченіе по тѣлу, уже покрытому гніющими ранами, — одного изъ арестантовъ, Константина Гринтала, подозрѣваемаго въ томъ, что онъ зарылъ деньги на кладбищѣ, повели ночью на это кладбище и тамъ, *на могилѣ его матери*, принялись бить прутьями, вырѣзанными изъ ближайшаго куста сирени, толщиною въ палецъ. Эту экзекуцію надъ нимъ производили собственноручно полицеймейстеръ Кюммель и ратсгеръ, гапсальскій купецъ Гольмбергъ. Тотъ-же самый Гринталь, котораго спина представилась взорамъ комисіи татуированною и покрытою гнойными струпами, — испыталъ и другого рода пытку. По приказанію изобрѣтательнаго на муки Кюммеля, несчастный арестантъ былъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ (шильонскій узникъ, да и только!) и оставался на этой цѣпи втеченіи нѣсколькихъ недѣль. Цѣпь была такъ коротка, что Гринталь не могъ лежать иначе, какъ съ приподнятыми къ верху руками. Гринталь — молодой, девятнадцатилѣтній парень; мученія свои онъ перенесъ довольно бодро. Но Кюммель не оставлялъ въ покоѣ и больныхъ стариковъ, въ родѣ гапсальскаго фурмана Розенберга. Спина этого арестанта была также татуирована, но Кюммель, въ добавокъ къ сѣченію, употреблялъ еще какую-то ѣдкую мазь для растравленія ранъ. Бромъ того, онъ подвергалъ Розенберга и нѣкоторымъ особеннымъ пыткамъ, а именно: накладывалъ на его пальцы тиски и винтомъ заворачивалъ ихъ, сдавливая пальцы до послѣдней степени боли. Въ

другой разъ, ночью, соннаго старика подняли и повели въ присутственную камеру магистрата. Тамъ поставили его въ простѣнки дверей, ведущихъ изъ камеры въ темную кладовую. Въ простѣнкѣ, на высотѣ пяти съ половиною футовъ, вбитъ былъ большой желѣзный крюкъ; къ этому крюку прикрѣпили желѣзные наручники, въ которые былъ закованъ Розенбергъ, и оставили его въ такомъ положеніи на всю ночь. Жена Розенберга, двадцатипятилѣтняя молодая женщина, не имѣла участи мужа. Гансъ Неро, не выдержавъ истязаній, изловчился задушить себя въ арестантской камерѣ, заложивъ рукава своей куртки за воротъ рубашки.

Когда этотъ печальный мартирологъ былъ доведенъ прессою до свѣденія общества и правительства, изъ Петербурга отправился, по экстренному порученію, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, и на самомъ мѣстѣ происшествія могъ убѣдиться въ справедливости газетныхъ сообщеній. Какъ не сказать, послѣ этого, спасибо русской прессѣ, которая подъ страхомъ всякой отвѣтственности, подъ угрозою преслѣдованій со стороны людей, заинтересованныхъ въ сокрытіи истины, — неутомимо и храбро выполняетъ свою — можно сказать безъ фразы — священную роль? Нашу прессу наказываютъ, по выраженію г. товарища обер-прокурора, „въ два кнута“; противъ нея возбуждаются иски двумя способами: во-первыхъ, за *клевету*, причѣмъ обвиняемые могутъ еще представлять письменныя (и только письменныя) доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ, а во-вторыхъ, за диффамацию, т. е. за разглашеніе позорящаго слуха, и въ этомъ послѣднемъ направленіи иска отъ обвиняемыхъ не принимается уже ровно никакихъ доказательствъ, хотя-бы разглашенный или слухъ имѣлъ дѣйствительное и прочное основаніе. Хорошо еще, что каждому хочется опровергнуть распространенный о немъ слухъ путемъ опредѣленныхъ доказательствъ, которыя становятся невозможными въ искѣ о диффамации; хорошо еще, что никто не удовлетворяется тѣмъ, чтобы объ немъ сказали: „да, онъ несомнѣнно совершилъ некрасивыя дѣянія, но не слѣдовало только *размышлять* ихъ“; будь менѣе щекотливы люди въ вопросахъ чести — и тогда иски за диффамацию даже совершенно вытѣснили-бы иски за клевету. Тѣмъ не менѣе, дѣйствовать подъ угрозою двойныхъ преслѣдованій, имѣя въ виду лишь общественную пользу, которую

не понимаютъ ясно сами члены этого общества, — это своего рода геройство, самоотверженіе, весьма рѣдко встрѣчающееся въ нашъ эгонистическій вѣкъ.

Но что будете вы дѣлать съ естественнымъ стремленіемъ человека знать и вѣдать обо всемъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ? Это жизненное, неискоренимое стремленіе лежитъ и въ основѣ гласности, главнымъ органомъ которой является нынѣ пресса, а прежде были — калиты переходяіе, бандуристы, трубадуры, баяны съ ихъ изустной молвою и пѣснью, замѣнявшею книгу и газетный листъ.

Съ этой людскою молвою, съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ, — законность котораго такъ раздражительно отрицали наемные адвокаты, — пришлось, наконецъ, свести свои послѣдніе счета и господину „комерціи совѣтнику“ Овсянникову. Такъ-какъ все на свѣтѣ кончается, то кончился и овсянниковскій процессъ, волновавшій почти цѣлый годъ русское общество во всѣхъ слояхъ его, отъ бѣднаго мужичка, таскающаго куле на калашниковской пристани, и до различныхъ тузовъ финансоваго и бюрократическаго міра. Благодаря этому интересу и предупредительной услужливости нашихъ газетъ, фактическая сторона овсянниковскаго процесса стала уже извѣстна до послѣднихъ тонкостей каждому гимназисту, мечтающему, съ полученіемъ атестата зрѣлости, о портфель облаката. Все это избавляетъ насъ отъ скучной необходимости толковать о самовозгораемости трухи, о злосчастномъ уголькѣ, якобы запавшемъ въ подземные каналы мельницы и превратившемъ ихъ въ огнедышащіе вулканы, и о прочемъ вздорѣ, придуманномъ на досугѣ, за овсянниковскія деньги, гг. Потѣхинимъ и Языковымъ. Существенные факты, которые рельефно выяснились послѣ рѣчей товарища прокурора и г. Спасовича, — представителя интересовъ страховыхъ обществъ, — состоятъ въ томъ, что за нѣсколько времени до пожара, Овсянниковимъ и Левтѣевимъ приняты были *всѣ мѣры* къ тому, чтобы мельница оказалась совершенно беззащитною противъ огня; что пожаръ произошелъ *наканунѣ* истечения срока страхованія мельницы и начался въ *двухъ — трехъ пунктахъ*, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго значительнымъ

разстояніемъ и капитальными стѣнами, и что, наконецъ, Овсянниковъ имѣлъ *несомнѣнную выгоду* вырвать у своего конкурента тотъ „магнитъ“, къ которому притягивался хлѣбный подрядъ. Въ до-полненіе къ этимъ фактамъ, живымъ комментариемъ къ нимъ сто-яла передъ присяжными засѣдателями внушительная личность „комерціи совѣтника“, формуляръ котораго исцѣпленъ 17-тью уголовными дѣлами, — личность, столько прославившаяся въ пе-тербургскомъ коммерческомъ мірѣ, что о ней не слыхать было и двухъ противорѣчащихъ мнѣній... Такимъ образомъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ фактическія подробности дѣла, мы можемъ прямо перейти къ оцѣнкѣ его общественнаго значенія.

Прежде всего мы должны сказать, что съ этой точки зрѣнія весь ходъ овсянниковскаго процесса, начиная отъ первой его ста-діи, — энергическихъ мѣръ судебного слѣдователя, — и кончая по-слѣднимъ его словомъ — обвинительнымъ вердиктомъ присяжныхъ, — является, такъ-сказать, новой побѣдой, новымъ нравственнымъ завоеваніемъ гласнаго суда, съ открытыми дверями и съ уча-стіемъ представителей общественной совѣсти. Въ одномъ нѣмец-комъ карикатурномъ листкѣ, относящемся недовѣрчиво къ непод-купности нашего правосудія, еще во время судебного слѣдствія, г. Овсянниковъ изображенъ былъ по дорогѣ въ тюрьму съ тяжелнымъ мѣшкомъ за плечами, на которомъ четко выдѣлялась соблазни-тельная надпись: *18 миліоновъ*. А тутъ-же рядкомъ помѣщалась и другая карикатура, гдѣ оправданный богачъ представленъ вы-ходящимъ изъ тюрьмы, но съ мѣшкомъ, на которомъ значилось уже однимъ миліономъ меньше. Теперь инсинуаціи эти, основан-ныя, конечно, на опытахъ стараго нашего судопроизводства, па-даютъ сами собой: всѣ миліоны Овсянникова остались въ его сундукахъ, за вычетомъ тѣхъ оскребковъ, около которыхъ пожи-вились гг. Думашевскій, Боровиковскій, Потѣхинъ, которыми облизнулся г. Герардъ и другіе рыцари безкорыстія... но „ко-мерціи совѣтникъ“ тѣмъ не менѣе отправляется въ изгнаніе...

Въ предыдущемъ обзорѣніи мы говорили уже о тѣхъ опас-ныхъ дебряхъ, куда забралась, сломя голову, русская адвока-тура; но то были еще цвѣточки, ягоды-же приподнесъ намъ овсян-никовскій процессъ.

Первое слово на судѣ уголовномъ принадлежитъ, какъ извѣст-но, обвинительной власти, и мы видимъ, что она съумѣла

отнестись къ дѣлу не съ одной лишь формально-юридической, но также и съ общественной стороны. Г. товарищъ прокурора началъ свою вѣскую и строго-обдуманную рѣчь выясненіемъ того вреда, который приноситъ массѣ народа дурное продовольствіе войскъ (всѣ знаютъ, что на этомъ „сдобренномъ хлѣбцѣ“ Овсянниковъ и нажилъ свои миліоны), затѣмъ обстоятельно разобралъ всѣ данныя, добытыя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, и окончилъ обвиненіе новымъ напоминаніемъ объ общественной важности судимаго преступленія. „Правительству, сказалъ онъ, — весьма трудно проводить хорошія стремленія черезъ низшіе органы и предупреждать ихъ неподкупность; но оно могло надѣяться, что человѣкъ, гордящійся своими пожертвованіями, не приложитъ руки къ подкупу. Оно могло надѣяться, что коммерческій военный агентъ будетъ солидаренъ съ общественными интересами дѣла. За мною будутъ слѣдовать рѣчи гражданскихъ истцовъ, но *главнаго потерпѣвшаго здѣсь нѣтъ. Онъ даже и не знаетъ, что его скудный паекъ можетъ служить средствомъ къ эксплуатаціи для миліонера. Этому потерпѣвшаго вы не забудете*“.

За товарищемъ прокурора выступилъ г. Спасовичъ, какъ „присяжной гражданскій истецъ“ (по его собственному выраженію), и, завившись кольцомъ съ ловкостью хорошо-выѣзженнаго пристяжнаго, сильно двинулъ въ гору кузовъ обвиненія. Шагъ за шагомъ, минута за минутою, прослѣдилъ онъ все, что происходило на мельницѣ не задолго до пожара и во время его, провель присяжныхъ засѣдателей по всѣмъ ходамъ и выходамъ огромнаго зданія, которое „и поджечь-то нельзя скоро“, и, остановившись предъ вопросомъ: могъ-ли Овсянниковъ, при своемъ богатствѣ, рискнуть на преступленіе? сейчасъ-же отвѣчалъ на него слѣдующимъ образомъ: „Что препятствуетъ этому? Могла-бы препятствовать прошедшая жизнь Овсянникова. Но за Овсянниковымъ не ищется этой чистой жизни прошлой; его сила — одни только миліоны, только то, что онъ воплощенный капиталъ. Свои миліоны этотъ человѣкъ сложилъ по мелочамъ (т. е. изъ солдатскихъ пайковъ, о которыхъ упомянулъ товарищъ прокурора), копейка за копейкою. При своихъ миліонныхъ операціяхъ, онъ не перестаетъ заниматься и копеечными“.

Рѣчи гг. Жуковскаго и Спасовича, которому пришлось, на сей

разъ, исполнять прокурорскія обязанности, установили твердо главные пункты обвиненія, и г. Кокоревъ, — второй гражданскій истецъ, — только закидалъ ихъ хворостомъ злоквенціи въ своихъ патетическихкихъ обращеніяхъ къ „вышему вдохновенію“, къ „земской совѣсти“, даже къ какому-то „священнодѣйствию свободного человѣческаго духа“.

Г. Павлу Потѣхину, принявшему на себя неблагодарную въ нравственномъ смыслѣ (хотя и очень благодарную въ смыслѣ денежномъ) роль защитника Овсянникова, — приходилось сражаться съ недюжинными противниками. Можно было-бы ожидать, что онъ, по крайней мѣрѣ, приготовился къ этой роли, оставивъ свою защиту сколько-нибудь солидными аргументами, и вообще *заслужилъ* тѣ 25 тысячъ р. с., котораго успѣлъ уже до рокового приговора перемѣстить въ свой карманъ. Я не охотникъ до „судоговоренія“ и безъ особаго вниманія пробѣгаю въ газетахъ размашистыя рѣчи наемныхъ ораторовъ; но имя г. Павла Потѣхина давно извѣстно мнѣ по наслышкѣ, какъ имя одного изъ „свѣтилъ“ столичной адвокатуры. Я былъ, такъ-сказать, предубѣжденъ въ пользу г. Потѣхина, хотя его ораторская фізіономія рисовалась мнѣ въ очень туманныхъ и неясныхъ чертахъ. Но теперь, зная его „поступки“ и рѣчи въ овсянниковскомъ процессѣ, я совершенно отрекся отъ этого предубѣжденія и прямо заявляю, что г. Потѣхинъ даже въ техническомъ отношеніи, какъ цеховой мастеръ, вовсе не оправдываетъ своей репутаціи. Онъ просто плохъ, изъ рукъ вонъ плохъ, и я никому не порекомендую обращаться къ нему за совѣтами, — тѣмъ болѣе платить ему за эти совѣты по червонцу за каждый членораздѣльный звукъ. Слѣдя за этимъ актеромъ въ судебной драмѣ, я нѣсколько разъ мысленно вопрошалъ:

Скажи мнѣ, молодецъ блестящій.
Гдѣ ты взросъ, гдѣ ты разцвѣлъ?
Какой цѣнитель немудрящій
Тебя въ таланты произвелъ?!

Первымъ дѣяніемъ г. Потѣхина на судѣ было — отвести г. Герарда изъ стана противниковъ въ станъ безвредныхъ свидѣтелей и обезсилить, такимъ образомъ, гражданскаго истца Кокорева, которому, за отводомъ его повѣреннаго въ свидѣтельскую комнату,

пришлось самому прищипорить свои ораторскія способности. Ту-же затѣю хотѣлъ онъ примѣнить и къ г. Спасовичу, но тотъ оказался на своей позиціи сильнѣе г. Герарда, предлагавшаго свои услуги попеременно — сначала Овсянникову, а потомъ Кокореву. Г. Потѣхинъ, вѣроятно, воображалъ, что фортель его удивительно-хитеръ и остроуменъ, а послѣдствія доказали ему, что невозможно было придумать ничего хуже. Въ „Новомъ Времени“ (№ 326) рассказано было, что этотъ фортель произвелъ на присяжныхъ засѣдателей—по собственному свидѣтельству одного изъ нихъ—самое скверное впечатлѣніе, такъ-какъ, прибѣгая къ нему, защитникъ Овсянникова явно обнаруживалъ свою слабость и напередъ внушалъ недовѣріе къ искренности и справедливости защиты. Когда-же пришла г. Потѣхину очередь говорить въ пользу своего кліента (или протектора? не знаемъ, какъ вѣрнѣе выразиться), то онъ понесся, закусивъ удила, самымъ фальшивымъ бѣгомъ. Безтрепетно, но и безтактно, онъ бралъ подъ свою охрану „быть можетъ, несовсѣмъ (какъ это скромно!) хорошія дѣяствія Овсянникова по исполненію подряда“, распинался за него, какъ за гражданина, который, „можетъ быть (!), расходится съ общественными понятіями“, умывалъ его отъ „густыхъ красокъ“, наложенныхъ обвиненіемъ, ругательски ругалъ печать, ставшую обоимъ имъ поперегъ дороги, и, въ заключеніе, приравнивалъ себя къ человѣколюбивому врачу, спасающему отъ смерти опасно-больного (не слышать, однако, чтобы гдѣ-нибудь въ мірѣ врачи брали по нѣскольку тысячъ за одинъ визитъ, и справедливѣе было-бы г. Потѣхину приравнять себя къ подкупленному сторожу, выпускающему тигра изъ звѣринца.) Всѣ эти приемы такъ хороши, такъ восхитительно-безтактны, что у насъ, изъ глубины души, льется гимнъ новоявленному юридическому эскулапу:

Когда-бы ты, Потѣхинъ Павелъ,
 Умомъ и тактомъ обладалъ,
 Ты-бъ ярый гнѣвъ свой поубавилъ.
 Литературу-бъ не ругалъ.
 И кто сказалъ тебѣ, что пресса
 Въ Европѣ о судахъ молчить,
 Что голосъ правды и прогреса
 Тамъ никого не шевелитъ?
 И кто тебя увѣрилъ смѣло,

Что адвокату все равно—
 Пристойно или гнусно дѣло,
 Лишь было-бъ *денежно* оно?
 Кто далъ несчастную идею,
 Что долженъ ты, какъ *врачъ*, спѣшить
 На помощь къ злему лиходѣю...
 Чтобъ запахъ крови заглушить?
 Безъ адвокатскаго задора,
 Признайся-жъ гласно, наконецъ,
 Что долженъ ты у прокурора
 Учиться многому, дѣлецъ!

Г. Языковъ... Но мы ждали, что защитникъ Левтѣева скажетъ только, подражая одному древнему пустынноику: „братія, давайте плакать“, и залетѣетъ самъ въ три ручья, подобно тому, какъ заливался онъ въ мясниковскомъ процесѣ, чѣмъ и вызвалъ, въ свое время, замѣчаніе со стороны публики, что это „не онъ плачетъ, а мясниковскія денежки въ немъ плачутъ“. Вышло, однако, что г. Языковъ умѣетъ и говорить, хотя говорить онъ не ахти какъ связно. Для насъ въ его рѣчи интересно только то мѣсто, гдѣ онъ, сдѣлавъ назиданіе русской печати за то, что она „*нарушаетъ спокойствіе* участвующихъ въ дѣлѣ лицъ“ (Господи, какое страшное преступленіе!), принялся увѣрять представителей общественной совѣсти, что никакого *общественнаго мнѣнія* на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ, потому-де, что „множество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, и каждое лицо имѣетъ свое мнѣніе“. Помилосердитесь, г. Языковъ! Вѣдь, раздробляя общество на мелкія единицы, ничѣмъ между собою несвязанныя, вы не доищетесь, пожалуй, ни семьи, ни племени, ни народа, и вслѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ у васъ улетучится всякое другое коллективное понятіе. На васъ не стоитъ даже писать новыхъ стиховъ, а довольно будетъ и передѣланной строфы изъ посланія Пушкина къ другому, болѣе васъ даровитому, Языкову. Примите эту передѣлку, или бездѣлку, на память объ овсянниковскомъ процесѣ:

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
 Твое забавное болтанье?
 Какъ ты шалишь и какъ немигъ!
 Какой упадокъ чувствъ и силъ,
 Какое грубое кривлянье!

Нелишнимъ будетъ отмѣтить и то обстоятельство, что гг. Потѣхинъ и Языковъ пустились вдвоемъ „шпынять“ товарища прокурора... какъ-бы вы думали, насчетъ чего?.. Насчетъ политической неблагонадежности. „Намеки адвокатовъ, — возразилъ на это г. Жуковский, — сводились къ тому, что прокуроръ пользуется неблагоприятными для подсудимыхъ обстоятельствами дѣла, стремясь раздражить социальнымъ икъ оттънкомъ представитель общественной совѣсти (!), какъ раздражаютъ кровью спящаго льва. Но чѣмъ виноватъ прокуроръ, что чтеніе длинной отчетности интендантства о благополучіи въ хлѣбныхъ магазинахъ не могло усыпить этого льва? Но чѣмъ виноватъ прокуроръ, что обстоятельства дѣла сложились не въ пользу подсудимыхъ, что преступленіе представляетъ собою не сухую, безжизненную схему, а живой, социальный интересъ?“ Нѣтъ, рѣшительно наши адвокаты унизились до греческихъ сикофантовъ, и прокурорамъ суждено наставлять этихъ господъ элементарной порядочности въ публичной бесѣдѣ! Представители и стражи общественныхъ интересовъ, какими должны-бы быть адвокаты, въ особенностяхъ присяжные, — огрызаются на прокуратуру за то, что она не забываетъ этихъ интересовъ: — какое странное, чисто-калейдоскопическое смѣшеніе ролей и понятій!

Г. Соколовскому выпало на долю защищать „расплюснаго человека“ Рудометова, виновность котораго была всего менѣе доказана на судѣ. Г. Соколовскій, хотя и относился съ сентиментальною ласкою къ „умной, сѣдой головушкѣ“ Овсянникова, не желая знать, что у этой головушки, кромѣ ума, были еще кое-какія другія качества; но все-таки у него хватило смысла настолько, чтобы не позорить печати и не дѣлать инсинуацій въ родѣ указанныхъ выше. Тѣмъ не менѣе и надъ нимъ тяготѣло то фальшивое положеніе, въ которое сталъ онъ, войдя въ союзъ съ гг. Потѣхинымъ и Языковымъ и почерпнувъ свой гонораръ изъ одной съ ними кассы. Вслѣдствіе этого онъ обязанъ былъ подчиниться камертону, исходившему отъ наибольшаго адвоката, т. е. г. Потѣхина, которому благоугодно было поставить вопросъ въ такой формѣ: „всѣ трое подсудимыхъ (Овсянниковъ, Левтѣевъ и Рудометовъ) связаны между собою самою крѣпкою связью, на-столько крѣпкою, что, выдѣливъ одного изъ нихъ, обвиненіе падаетъ; обвиненіе ихъ окружено такою высокою стѣною, что

если не выскочитъ одинъ подсудимый, то все должны остаться". Между тѣмъ судъ вовсе не призналъ существованія такой крѣпкой связи, вовсе не видѣлъ надобности приносить въ жертву троицхъ подсудимыхъ и, въ первоначальной редакціи, намѣревался спросить присяжныхъ засѣдателей: „виновенъ-ли Овсянниковъ въ томъ, что поджегъ мельницу при участіи *другихъ* лицъ“, видѣлая изъ вопроса какъ Левтѣва, такъ и Рудометова. Но гг. адвокаты, получившіе гонораръ отъ Овсянникова, настояли на томъ, чтобы въ этотъ вопросъ были включены имена Левтѣва и Рудометова и, рассчитывая спасти *одного*, пустили ко дну *всѣхъ трехъ*. Г. Соболевскій участвовалъ въ этой неблагоприятной сдѣлкѣ, и мы можемъ спросить его:

Ты сладко пѣлъ о „мухѣ“ жалкой,
Ты къ состраданію взывалъ;
Зачѣмъ-же самъ, здоровой палкой,
Ты эту муху доканаль?

Никто не былъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ (*какъ гласитъ французская пословица*, по увѣренію одного, малосвѣдущаго въ „законѣ“ оратора), — и присяжные засѣдатели, неугодившіе гг. облакатамъ, могутъ утѣшиться тѣмъ, что ихъ безпристрастный приговоръ произвелъ во всей Европѣ совершенно иное впечатлѣніе. „При прежнемъ судопроизводствѣ, — говорятъ въ одинъ голосъ всѣ нѣмецкія газеты, — подобный исходъ процесса былъ-бы немислимъ. Старые суды не рѣшились-бы осудить миліонера. *Честь и хвала присяжнымъ, несмутившимся ни богатствомъ, ни преклонными лѣтами подсудимаго, честь и хвала общественному мнѣнію Россіи* (г. Лыжковъ, прочтите и оплатьте грѣхи ваши!), ставшему выше всякихъ предубѣжденій. Присяжные не смутились, увидѣвъ передъ собою старца-миліонера. Его сѣдины („умная сѣдая головушка!“) не внушили имъ уваженія, его миліоны не внушили имъ благоговѣнія или страха... Въ процессѣ Овсянникова боролись: представитель стараго времени съ юною, гласною представительницею общихъ интересовъ. *Кого не должно радовать торжество второй надъ первымъ?*“ Но гг. облакатовъ это не радуетъ: до общихъ-ли интересовъ тутъ, когда, съ осужденіемъ Овсянникова и К°, изъ ихъ рукъ ушло — у одного 75, а у другого 25 тысячъ гонорара, обѣщаннаго въ случаѣ

оправдательнаго приговора? Всѣ эти безцеремонныя продѣлки адвокатуры невольно напоминаютъ намъ одну любопытную страницу изъ „Исторіи Англіи“, Джифорда. Въ 1779 г. посетила Англію страшная саранча, надѣлавшая много бѣдъ народу. Въ то-же время, и еще злѣе саранчи, накинудись на этотъ народъ хищные адвокаты, которыхъ расплодилось, благодаря темнотѣ положительнаго закона и отсутствію кодекса, такъ много, что нельзя было дохнуть, чтобы не попасть имъ въ руки. Кляузы, процессы, крючки, всевозможныя юридическія фокусы были пущены въ ходъ, и общество очутилось въ какомъ-то осадномъ положеніи. Бѣдные люди и думать не могли о наемной защитѣ, — всякое адвокатское маранье оцѣнивалось въ сотни фунтовъ. Наконецъ, терпѣніе хладнокровнаго народа истощилось, и въ Лондонѣ, передъ парламентомъ, собралась громадная толпа народа. Съ непокрытыми головами, при торжественномъ гимнѣ „Боже, спаси короля“, она громко молилась: „Господи! избави насъ отъ саранчи и адвокатовъ“! Какъ-бы и намъ, читатели, не собраться скоро гдѣ-нибудь на Литейной и не процѣть подобной жалобной пѣсни...

Встрепенудся, наконецъ, и совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, видя, что нѣкоторые члены его производятъ безчинства, какъ-бы отъ имени цѣлой корпораціи, и опасаясь, можетъ быть, что возникнетъ, наконецъ, новая „юридическая артель“, основанная на болѣе чистыхъ началахъ, чѣмъ нынѣ дѣйствующая присяжная адвокатура, — возникнетъ и, чего добраго, отобьетъ сразу хлѣбную практику у потерявшихъ кредитъ болтуновъ. Г. Герардъ, „свободно“ прогуливавшійся отъ Овсянникова къ Кокореву и отъ Кокорева къ Овсянникову, все не умѣя разрѣшить для себя вопроса: кому-же принадлежитъ паровая мельница?—г. Герардъ скупалъ отъ совѣта *строий* выговоръ, а г. Потѣхинъ, „скомпрометировавшій (?) на судѣ своего товарища“ (да не онъ-ли раньше всѣхъ скомпрометировалъ себя самого?), отдѣлался простымъ выговоромъ или внушеніемъ. Несмотря, однако, на легкость наказанія, и г. Герардъ, и г. Потѣхинъ сложили съ себя, въ огорченіи, званіе членовъ совѣта... Жалѣтъ объ этомъ мы не будемъ. Скорѣе пожалѣемъ мы о томъ, что г. Потѣхинъ, выйдя изъ совѣта, вздумалъ печатно оправдываться и выражать позднее уваженіе къ свободѣ печатнаго слова. Никому нѣтъ дѣла

до его личныхъ, келейныхъ, такъ-сказать, уваженій и неуваженій; достаточно того, что его образъ дѣйствій противорѣчитъ сполна всѣмъ требованіямъ общественнаго мнѣнія. Г. Языковъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, и въ печати ведетъ себя совершенно по-адвокатски. Недавно, напр., онъ приструнилъ фельетониста „Голоса“, оказавшагося, по справкѣ, помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, за то, что сей неопытный юноша, приготовляясь „къ рыцарской чести вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ“, развѣваетъ ротъ противъ старѣйшинъ этого сословія, въ родѣ г. Языкова, и позволяетъ себѣ публично злословить и поносить ихъ. Впрочемъ, г. Градовскій (это онъ, бывшій редакторъ „Гражданина“!) и самъ не промахъ: возражая г. Языкову, онъ не преминулъ glisser le mot, что я, молъ, не простой „помощникъ“, а, главное, дворянинъ и студентъ университета.

Ты—дворянинъ и кавалеръ,
 Все это мило, другъ любезный,
 Но было-бъ лучше, не впримѣръ,
 Когда-бы ты за трудъ полезныи
 Принялся, бросивъ фельетонъ,
 На публику нагнавшій сонъ.

Какимъ, однако, образомъ г. Градовскій, который недавно, въ должности „помощника“ кн. Мещерскаго (видно, ему на роду написано быть вѣчнымъ помощникомъ!), обливалъ еженедѣльно грязью редактора „Голоса“, г. Краевского—какимъ образомъ онъ-же очутился въ „Голосѣ“ и оттуда, снова еженедѣльно, обливаетъ помоями прежняго хозяина? Мудрый Эдипъ, разрѣши!

Заговоривъ о г. Градовскомъ, мы подобрались уже къ нашимъ литературнымъ сферамъ, въ которыхъ,—что грѣха таить!—курьезовъ тоже встрѣчается довольно. Этими курьезами мы и закончимъ наше обозрѣніе.

Если гг. адвокаты обратились неожиданно въ сикофантовъ, подслушивающихъ и подглядывающихъ за прокуроромъ, то нѣтъ препятствій нашимъ ученымъ обратиться въ Марфушъ, гадающихъ на кофейной гущѣ. Въ литературной больницѣ „Русскаго Вѣст-

ника“ открылось уже, на всякій случай, нѣсколько кроватей для „ученыхъ спиритовъ“. Двѣ изъ нихъ, въ настоящее время, заняты гг. Вагнеромъ и Бутлеровымъ, изъ которыхъ послѣдній по-даетъ надежду на выздоровленіе, но первый... первый, кажется, прихворнулъ на смерть. Представьте себѣ, читатель, что онъ окончательно увѣровалъ въ „матеріализацію духа“, что онъ щупалъ руки и платье дѣвицы Кетти, явившейся съ того свѣта къ ученому мужу, и даже своими глазами видѣлъ, какъ лоскутки матеріи, вырѣзанной изъ ея платья, мгновенно восполнялись новою тканью... Можно-ли возражать духовидцу такому?

Когда, въ таинственномъ сеансѣ,
Ты руку Кетти изловилъ:—
Скажи, въ нормальномъ-ли балансѣ
Ты умъ и чувство сохранилъ?
Ты не увлекся-ли черезъ мѣру,
Ты не хватилъ-ли черезъ край,
И пошлой праздности химеру
Принялъ за дѣву невзначай?

На-ряду съ новымъ спиритизмомъ нашелъ себѣ защитниковъ и старый іезуитизмъ. Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ г. Пржецлавскій, начерталъ такую знаменательную тираду: „То, что называютъ духомъ интриги у іезуитовъ, есть ничто иное, какъ дѣятельное усердіе ордена къ интересамъ религіи и повсемѣстнаго законнаго порядка. Теперь, когда уже не можетъ быть рѣчи о средневѣковыхъ заблужденіяхъ и злоупотребленіяхъ, *іезуиты остались честными и ревностными консерваторами...* Въ австрійской революціи 1848 г. участвовала почти вся молодежь, всѣ школы опустѣли... *только изъ одного іезуитскаго училища ни одинъ воспитанникъ не последовалъ этому увлеченію*“. Вишь, куда мѣтить! Это значитъ, что, въ виду недавнихъ увлеченій русской молодежи, заявленныхъ въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, не худо, дескать, попробовать для нея іезуитскую систему воспитанія. Ну, что-жь, съ Богомъ, г. Пржецлавскій, открывайте іезуитскій коллегій да пригласите въ инспекторы г. Семевского, который, при всей своей щедрости на пригѣчанія, тиснулъ безъ возраженія вашу реплику, прицѣпивъ только, въ двухъ ея мѣстахъ, по вопросительному крѣчку.

Спириты на кафедрахъ, Игнатій Лойола въ русской журналистикѣ,—недоставало только Гамлетовъ на с.-петербургской биржѣ! Явились и они, въ дополненіе картины. Вы помните, можетъ быть, читатель, что въ концѣ прошлаго года въ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ произошелъ погромъ, и г. Полетника, потерявъ прежнихъ сотрудниковъ, захотѣлъ приурочить радикализмъ къ биржевому ажіотажу. Съ этою цѣлью онъ посѣтилъ нѣкоего Зауряднаго Читателя, воображая найти въ немъ квинтъ-эссенцію передовой мысли, и свою бесѣду съ нимъ началъ извѣстными стихами:—

Такой-же я, какъ вы, *ужасный либераль,*
И оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!

Тутъ хорошо-бы сказать ему: „послушай, ври, да знай-же мѣру“, но Заурядный Читатель, по своему телячьему добродушію, въ ту-же минуту увѣровалъ въ безиредѣльный либерализмъ г. Полетника и изъявилъ согласіе идти съ нимъ рука въ руку. И вотъ нынѣ Заурядный Читатель, разбирая вновь вышедшее собраніе монографій и критическихъ статей А. П. Пятковского, подпускаетъ ему шпильки въ такомъ язвительномъ родѣ, что онъ ничего болѣе, какъ „благомыслящій либераль“, что онъ уже удаляется нынѣ въ „иные сферы, болѣе благопристойныя, чѣмъ литературныя“ (неужели литературныя сферы, и въ самомъ дѣлѣ, такъ неблагопристойны?), что его „сочиненія должны очень нравиться людямъ, у которыхъ на душѣ все ясно, строго разграничено, сознано, опредѣлено и формулировано, и нѣтъ ни малѣйшихъ какихъ-либо *сомнѣній, колебаній, вопросовъ, исканія новыхъ, неизъданныхъ путей*“; что въ развитіи его мыслей ничто не возбуждаетъ въ читателѣ „недоумѣнія (?) и нетерпѣнія“. Казалось-бы, и слава-богу, что у человѣка на душѣ все ясно, опредѣлено и формулировано, и что, выработавъ себѣ разъ твердыя убѣжденія, онъ не подгибаетъ ихъ подъ уровень измѣнившихся обстоятельствъ; но нашими „недоумѣнными Гамлетами“, ищущими новыхъ путей на с.-петербургской биржѣ, всего этого, какъ видите, мало, и грандіозность ихъ требованій соответствуетъ только, въ обратной пропорціи, узкости ихъ пониманія... Какъ не воскликнуть:

Все измѣнилось подѣ нашимъ зодіакомъ,—
 И самъ Полетика, доселѣ бывшій *ракомъ*,
 Вдругъ *козерогомъ* сталъ,—и въ лютости своей
 Всѣхъ „благомыслящихъ“ лягаетъ онъ людей!

Впрочемъ, о нашихъ литературныхъ сферахъ, о кружковой морали, о положеніи литературнаго труда и о литературномъ фондѣ мы поговоримъ обстоятельнѣе въ слѣдующій разъ. Покуда-же мы обратимся къ „Заурядному“ Читателю съ добрымъ совѣтомъ:

Обзиратель фельетонный,
 Что ты суетишься,
 И на всѣ лады и тоны
 Гнѣвно кипятишься?
 Не ищи святыхъ скрижалей
 Межъ бумагъ процентныхъ,
 А межъ мавлеровъ— Лассалей,
 Въ прессѣ компетентныхъ!

Н. Ивсантроповъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Важность для хода будущих дѣйствій побѣды, одержанной инсургентами въ Босніи.—Неподвижность азіатскаго деспотизма.—Его безсиліе въ столкновеніи съ цивилизаціей.—Этикетъ при турецкомъ дворѣ.—Плохое воспитаніе турецкихъ принцевъ.—Привязанности султана Абдуль-Азиса.—Дурной глазъ.—Расходы на гаремъ.—Громадные расходы на броненосцевъ и вооруженіе арміи.—Своеобразный расчетъ Турціи съ своими кредиторами.—Итальянскіе клерикалы.—Игра по-турецки.—Негодование англичанъ противъ Турціи.—Затруднительное финансовое положеніе египетскаго хедива.—Продажа авцій Суэзскаго канала.—Колебанія герцога Деказа.—Дизраели ловко обдѣлываетъ дѣльце.—Выгоды для Англіи обладанія Суэскимъ каналомъ.—Виды Англіи на Египеть.—Заявленіе г. Веселитскаго-Божидаровича объ ужасномъ положеніи босняковъ и герцеговинцевъ, бѣжавшихъ изъ отечества.

I.

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что военныя дѣйствія въ Босніи и Герцеговинѣ, на время пріостановившіяся по случаю сильныхъ холодовъ, возобновились съ прежней энергіей со стороны инсургентовъ и съ прежнею-же апатіей со стороны турокъ. Первый блинъ вышелъ комомъ для турокъ, разбитыхъ совершенно инсургентами. цѣль которыхъ—возстановленіе сообщенія съ Рагузою—вполнѣ достигнута. Успѣхъ этотъ чрезвычайно важенъ для инсургентовъ, получающихъ подкрѣпленія людьми и военныя припасы изъ Рагузы и изъ ближайшихъ съ нею окрестныхъ селъ и деревень. Если инсургенты сумѣютъ удержать отбитыя ими у турокъ позиціи, борьба для нихъ въ нынѣшнемъ году будетъ представлять менѣе трудностей, чѣмъ въ прошломъ, когда въ ихъ распоряженіи для сношеній съ Рагузою были едва проходимыя горныя тропинки, а дороги находились въ рубахъ турокъ.

Такимъ образомъ, и въ нынѣшнемъ году главный интересъ по-прежнему остается сосредоточеннымъ на Турціи. По-прежнему ея дѣлами занимаются, какъ дипломаты, такъ печать и общественное мнѣніе западной Европы. Лучшіе органы западно-европейской прессы наполнены статьями о Турціи; публицисты и историки посвящаютъ свое время изученію дряхлаго политическаго организма азіатской державы, которой ея опекуны насильственно хотѣли привить европейскія идеи и европейскія учрежденія. Попытка, какъ извѣстно, не удалась: европейская Турція въ наше время очень немногимъ отличается отъ своего предка—азіатской орды, вторгнувшейся въ восточную римскую или греческую имперію и разгромившей ее такъ-же легко, какъ когда-то германцы разгромили западную римскую имперію.

Въ прошлой хроникѣ („Дѣло“, № 12, 1875 г.) мы выразили мнѣніе, что главная причина раздѣльности и вражды, характеризующихъ современное состояніе турецкаго государства, заключается въ северномъ политическомъ управленіи, составляющемъ причину и результатъ еще худшаго социальнаго устройства. Дурное управленіе составляетъ неизлечимую болѣзнь Турціи; она неизлечима потому, что это управленіе имѣетъ своимъ основаніемъ азіатскій деспотизмъ, по самой природѣ своей несовмѣстимый ни съ какою реформою. Турецкій деспотизмъ вошелъ въ пословицу, о немъ такъ много говорено и писано, что, вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей уже давно составилъ о немъ ясное понятіе. Азіатскій деспотизмъ представляетъ собою систему, имѣющую нѣкоторый смыслъ въ примѣненіи къ обществамъ варварскимъ и первобытнымъ, ведущимъ непрерывныя войны съ своими сосѣдями. Но въ новѣйшихъ государствахъ такая до-нельзя упрощенная система управленія рѣшительно непримѣнима. Европа выработала другія системы управленія; она дала силу закону и только одна европейская Турція держится старыхъ, обветшалыхъ формъ и не хочетъ (да и не можетъ, если-бы даже хотѣла) войти въ компромисъ съ требованіями новаго времени. Система управленія въ современной Турціи, почти ничѣмъ неотличающаяся отъ правительственной системы Тамерлана или Чингисъ-Хана, рѣшительно не гармонируетъ съ условіями существованія нашихъ новѣйшихъ обществъ, съ нашими желѣзными дорогами и пароходами и даже нашими банками. Египетскій паша, принявшій титулъ вице-короля и

почти независимый отъ Турціи, пытался реформировать восточный деспотизмъ, но его ревностныя усилія не привели ни къ чему. Онъ поигралъ динамитомъ, панцирными кораблями, въ особенности системой европейскаго кредита, и потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Для приведенія въ исполненіе своихъ затѣй онъ нашелся вынужденнымъ прибѣгать къ займамъ, тѣмъ болѣе, что европейскіе капиталисты охотно ссужали его деньгами. Насталъ срокъ уплаты по нѣкоторымъ долгамъ; надо было вносить проценты, а откуда взять денегъ? Азіятская система исключаетъ всякую возможность развитія экономическихъ силъ народа, значитъ искать въ странѣ новыхъ источниковъ дохода было бесполезно,—и существующіе налоги ложатся тяжелымъ бременемъ на народъ, пребывающій въ нищетѣ; оставалось прибѣгать къ новымъ займамъ въ Европѣ и вырученной отъ нихъ суммой погашать старыя обязательства. Такъ дорого обходящаяся финансовая система несомнѣнно должна была привести и привела къ разоренію. Съ новой цивилизаціей слѣдуетъ обращаться осторожно, умѣючи, а не то вмѣсто благъ она принесетъ разочарованіе и гибель. Путемъ наслѣдства мы съ ней освоились и умѣемъ принимать предосторожности противъ нѣкоторыхъ пагубныхъ ея проявленій; мы глотаемъ ядъ не поморщась и онъ не производитъ на насъ мгновеннаго разрушающаго дѣйствія. Но такая пища губельна для народовъ первобытныхъ и они мрутъ, какъ мухи, отъ нашихъ болѣзней, которыми мы ихъ заражаемъ, и отъ нашей водки; ихъ женщины становятся безплодными, вступая въ связь съ европейцами. Мы живемъ въ атмосферѣ болѣе сложнаго состава и уже болѣе или менѣе искусственной. Да позволено будетъ намъ прибѣгнуть къ сравненію: предположимъ, что мы измѣнили какииъ-бы то ни было путемъ составныя части воздуха, уменьшили пропорцію азота и на счетъ его увеличили пропорцію кислорода; при такомъ измѣненіи состава воздуха несомнѣнно должны измѣниться условія нашего существованія, что, въ свою очередь, произведетъ новую расу, отличающуюся иными качествами, чѣмъ существовавшая. Кто былъ болѣе приготовленъ къ условіямъ новаго существованія, чей организмъ въ силахъ ихъ вынести, тотъ будетъ жить и въ новой атмосферѣ, будетъ способенъ къ продолженію рода; неподготовленные-же къ принятію новыхъ условій станутъ постепенно вымирать.

Въ Турціи—турецкій султанъ вмѣстѣ папа и императоръ: всѣ прочіе, какъ мусульмане, такъ и христіане, не имѣютъ нивакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. По азійской традиціи, султанъ, какъ наслѣдникъ калифовъ, имѣетъ какъ духовную, такъ и свѣтскую власть. Онъ обладаетъ религіозной, политической, военной, законодательной и исполнительной властію. Султанъ— „тѣнь Бога на землѣ“, говорятъ турки; „каждое слово его—законъ“; „повелитель правовѣрныхъ—существо высшее человѣка“. И эти слова не поэтическая метафора; они составляютъ символъ вѣры каждаго мусульманина, подданнаго султана.

По существующему при турецкомъ дворѣ этикету, къ султану могутъ близко подходить только лица царствующихъ фамилій, находящіяся проѣздомъ въ Константинополь, послы иностранныхъ державъ, глава мусульманскаго духовенства шейхъ-уль-исламъ и великій визирь. Прочіе министры могутъ лицезрѣть своего повелителя только издали и входятъ они въ комнату, гдѣ онъ находится, не иначе, какъ дрожа всѣмъ тѣломъ или, по крайней мѣрѣ, показывая видъ, что они дрожатъ. Обыкновенно случается, что они должны ожидать по нѣскольکو часовъ, пока ихъ допустятъ на аудіенцію. Если турокъ удостоивается счастья быть принятымъ султаномъ, онъ входитъ въ комнату, гдѣ находится его повелитель, не поднимая глазъ, держась ближе стѣны и выражая своей фигурой полнѣйшее униженіе. Ни одинъ подданный не имѣетъ права видѣть лица „повелителя правовѣрныхъ“ и долженъ отвѣчать на его вопросы не иначе, какъ самымъ просительнымъ голосомъ. Выслушавъ слова султана, онъ долженъ безпрестанно то подносить свою правую руку къ своимъ губамъ, то власть ея къ себѣ на лобъ. Откланиваясь султану, онъ долженъ склониться такъ низко, чтобы рука его касалась пола. Никто изъ подданныхъ султана не имѣетъ права сидѣть въ его присутствіи; исключенія дѣлаются въ тѣ дни, когда султанъ приглашаетъ къ своему столу иностранныхъ государей и принцевъ, находящихся въ Константинополь; министры обыкновенно тоже приглашаются къ обѣду, и какъ они не могутъ-же ѣсть стоя, то имъ позволено садиться, но при этомъ этикетъ требуетъ, чтобы они сажались на самую кончикъ стула или дивана; сѣсть-же удобно, какъ это принято въ Европѣ, они не смѣютъ, такъ-какъ это было-бы сочтено признакомъ неуваженія къ высокому хозяину и неприличіемъ.

Показываясь въ публикѣ, султанъ не кланяется народу и народъ не имѣетъ права привѣтствовать его восклицаніями; попадающіеся на встрѣчу султану его подданные молча или склоняются ницъ, или просто низко кланяются. „Вполнѣ понять всю силу азіатской власти султана и ея послѣдствія, говорить одинъ изъ англійскихъ публицистовъ, долгое время жившій въ Константинополѣ, — можетъ только тотъ, кто увидитъ этого человѣка съ гордымъ и презрительнымъ видомъ пробѣгающимъ среди безжолвствующей толпы, состоящей преимущественно изъ людей съ изнуренными болѣзнью лицами и въ грубой, заплатанной или изорванной одеждѣ, показывающими, что нищета царитъ въ турецкомъ государствѣ“.

„Абдуль-Азисъ, пишетъ тотъ-же наблюдатель, — не знаетъ ни одного изъ европейскихъ языковъ, но весьма основательно изучилъ турецкій языкъ. Говорятъ, что онъ замѣчательный каллиграфъ, а этотъ талантъ высоко цѣнится восточными народами. Что касается наукъ, то султанъ очень мало занимался ими и въ исторіи и географіи не пошелъ далѣе самыхъ элементарныхъ знаній. Съ условіями существованія новѣйшихъ народовъ онъ рѣшительно незнакомъ. Если судить по нѣкоторымъ указамъ, подписаннымъ имъ по настоянію европейскихъ дипломатовъ, можно-бы подумать, что онъ равностный почитатель прогресса, но въ его дворцѣ это слово не въ употребленіи и ему не придается никакого существеннаго значенія. Абдуль-Азисъ знаетъ только, что его воля составляетъ единственный законъ, который его подданные обязаны исполнять съ рабскимъ послушаніемъ. Всемогушій для дѣланія какъ добра, такъ и зла, онъ пользуется своей громадной властью только для удовлетворенія своихъ личныхъ прихотей. Въ дѣйствительности, у него нѣтъ воли, а только фантазіи. При воспитаніи, какое получаютъ турецкіе принцы, иначе и быть не можетъ. Сыновья женщинъ-рабынь, воспитанные среди рабовъ, въ дѣтствѣ окруженные евнухами и невѣжественными и порочными слугами. Позднѣе грубыми льстецами, живя въ праздности, предаваясь грубымъ наслажденіямъ, причеиъ каждое ихъ желаніе, какъ-бы оно ни было неприятно окружающимъ, тотчасъ выполняется, — принцы рѣшительно незнакомы съ дѣйствительнымъ міромъ и составляютъ себѣ о немъ самое фантастическое понятіе. И такое-то воспитаніе считается турками солиднымъ, дающимъ полную гарантію, что ихъ

будущій повелитель исполнить свое назначеніе, т. е. даруетъ счастье подвластнымъ ему народамъ“.

Въ частной жизни султана вполне выражается его характеръ, его политика и его управленіе. Собственно говоря, онъ и не пользуется публичной жизнью. Его дворець, какъ и всякій домъ турка, раздѣленъ на двѣ части: *гаремъ*, гдѣ живутъ женщины, и *саламликъ*, мужская половина, гдѣ мужчины проводятъ день и принимаютъ посѣтителей. Султанъ выходитъ изъ гарема между 9 и 10 часами утра и возвращается въ гаремъ между 9 и 10 часами вечера. Онъ не даетъ себѣ труда даже одѣваться, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ дѣлаетъ приемъ или выѣзжаетъ. Обыкновенно онъ ходитъ въ халатъ и въ туфляхъ. Передъ завтракомъ великій визирь испрашиваетъ у него позволенія повергнуть къ его стопамъ дѣла, нетерпяція отлагательства. Султанъ обыкновенно рѣшаетъ ихъ очень скоро, высказывая свою волю самымъ лаконическимъ языкомъ. Завтракъ составляетъ для султана самое важное дѣло, такъ-какъ повелитель правовѣрныхъ обладаетъ хорошимъ аппетитомъ. Подобно святѣйшему отцу, римскому папѣ, султанъ ѣстъ всегда одинъ. Во время ѣды, придворные, стоя въ почтительномъ отдаленіи, стараются забавлять своего повелителя шутками первобытнаго, довольно грубаго свойства.

Въ своей юности Абдуль-Азисъ былъ неутомимымъ наѣздникомъ, любилъ охоту и рыбную ловлю, но уже давно отказался отъ всякихъ тѣлесныхъ упражненій. Онъ садится верхомъ на лошаадь только по пятницамъ, отправляясь въ мечеть на обязательную молитву. Впрочемъ, Абдуль-Азисъ очень любитъ смотрѣть на борьбу сильныхъ людей между собой; онъ и самъ иногда борется съ кѣмъ-либо изъ придворныхъ, но, разумѣется, никто изъ нихъ не имѣетъ на-столько смѣлости, чтобы побороть султана, который поэтому всегда остается побѣдителемъ. Невресь-паша, товарищъ дѣтскихъ игръ султана, составилъ себѣ карьеру борьбы съ повелителемъ правовѣрныхъ. Правда, онъ обладалъ притомъ особыми талантами: онъ умѣлъ падать такъ, что всегда, бывало, размѣшитъ Абдуль-Азиса. Разъ бѣдняга не рассчиталъ вѣрно разстоянія и упалъ такъ неловко, что вслѣдъ за своимъ паденіемъ пересчиталъ ступени лѣстницы. Разогорченный султанъ, желая утѣшить его, подарилъ ему богатый домъ. Однакожъ, это паденіе дорого обошлось Невресю-пашѣ. Онъ послѣ него сталъ болѣть часто

и умеръ, будучи еще далеко не старымъ человѣкомъ. Невресь-паша не обладалъ ни знаніями, ни способностями, даже въ грамотѣ онъ былъ не особенно силенъ, но послѣдовательно былъ министромъ торговли, министромъ финансовъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Бого онъ просвѣщаль на послѣднемъ посту — мудрою опредѣлить.

При дворѣ Абдуль-Азиса существуетъ своя труппа плохихъ актеровъ, скорѣе балаганщиковъ; труппа танцовщицъ и фокусниковъ; оркестры музыкантовъ, одинъ изъ нихъ исключительно составленъ изъ женщинъ; труппа вольтижеровъ и гимнастовъ; труппа варляковъ. Но болѣе всего султанъ любитъ пѣтушійе бои; своего любимаго и самаго храбраго пѣтуха онъ называлъ „Наполеономъ III“, но послѣ Седана переименовалъ это имя на прозвище „побѣдителя побѣдителей“.

Какъ большинство охотниковъ, Абдуль-Азисъ до страсти любить животныхъ. Онъ выстроилъ звѣринецъ, чистый дворецъ, содержаніе котораго обходится до 300,000 рублей въ годъ, и населилъ его львами, тиграми, пантерами, ягуарами, носорогами и др. По количеству звѣрей этотъ звѣринецъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ. Если губернатору выпадаетъ счастье получить въ свое управленіе провинцію, гдѣ можно отыскать рѣдкихъ звѣрей, и онъ препроводитъ нѣсколько экземпляровъ ихъ въ султанскій звѣринецъ, онъ можетъ смѣло рассчитывать на быстрое повышеніе. Какъ лица, завѣдующія звѣринцемъ, такъ и служители, ходящіе за звѣрями, получаютъ хорошее жалованье; звѣри содержатся вообще хорошо. Главный смотритель звѣринца — лицо важное при дворѣ. Султанъ ежедневно принимаетъ его и лично выслушиваетъ донесеніе о состояніи звѣринца.

Абдуль-Азисъ самъ занимается садоводствомъ и въ особенности разведеніемъ тропическихъ растений. Его садовники, по его приказанію, безпрестанно покупаютъ рѣдкіе экземпляры растений въ лучшихъ европейскихъ оранжереяхъ.

Впрочемъ, у Абдуль-Азиса много и другихъ привязанностей. Для него приобрѣтаютъ, конечно, за большія деньги, вездѣ, гдѣ только случится, старый фарфоръ, старый фаянсъ, финифтанныя издѣлія; но болѣе всего султанъ любитъ китайскія и японскія вазы; за нѣкоторые образцы этихъ издѣлій его агенты платили по 25,000 франковъ за штуку.

Не пренебрегаетъ султанъ и живописью; въ его картинной галереѣ находится теперь нѣсколько извѣстныхъ картинъ новой живописи. Къ тому-же Абдуль-Азисъ рисуетъ самъ, и недурно. Сперва онъ любилъ ландшафты, потомъ перешелъ въ жанру, но теперь всѣмъ родамъ живописи предпочитаетъ батальную, и особенно восхищается тѣми картинами, на которыхъ изображены австрійцы, побиваемые турками, и покупаетъ только тѣ, гдѣ убитыми и ранеными оказываются только австрійцы, а турки всѣ живыми и здоровыми. На службѣ у султана находился молодой полякъ, талантливый художникъ; онъ-то и писалъ султану картины съ убитыми и ранеными австрійцами. Этотъ полякъ былъ учителемъ султана въ живописи. Абдуль-Азисъ рисуетъ тоже преимущественно батальныя картины. Нѣкоторые изъ его эскизовъ, наприѣръ, „Боевой конь“, „Стрѣляющій пѣхотинецъ“, несмотря на нѣкоторую наивность исполненія, не лишены достоинствъ по своей простотѣ и вѣрности натурѣ.

Художникъ нерѣдко бываетъ хорошимъ архитекторомъ. Если Абдуль-Азисъ и не выказалъ своихъ архитектурныхъ способностей, за то проявилъ страсть къ постройкамъ. Онъ построилъ множество дворцовъ. Не надо забывать, что восточные народы съ понятіемъ о своемъ жилищѣ не соединяютъ идеи неопредѣленной вѣчности, какъ это дѣлаютъ западные народы. Турку его домъ все еще кажется временнымъ жилищемъ, палаткой. Даже самые бѣдные турки смотрятъ на свой домъ, какъ на случайное жилище, какъ на караванъ-серай, въ которомъ они остановились на болѣе или менѣе продолжительное время, съ тѣмъ, чтобы потомъ далѣе продолжать свое странствіе. Богатый турокъ строить не домъ, а виллу; онъ гораздо менѣе заботится о прочности постройки, чѣмъ о наружныхъ украшеніяхъ, и совершенно спокойно говорить, что рано или поздно зданіе должно превратиться въ развалины. Турокъ не любитъ поправлять старое зданіе, онъ охотнѣе строить новое. Для западныхъ народовъ домъ—родъ храма, семейная святыня. Западный европеецъ съ гордостью говорить, что въ его домѣ жили предки и онъ надѣется, что въ немъ-же будутъ жить его внуки и правнуки. У народовъ латинской расы домъ и фамилія — синонимы; это чувство они наслѣдовали отъ римлянъ. Англичанинъ, нѣмецъ и скандинавъ считаютъ каждый свой домъ чуть не центромъ міра. Народы славянскаго происхож-

денія привязаны къ своему дому болѣе, чѣмъ вѣсточные народы, но менѣе, чѣмъ западные.

Абдула-Меджида даже его восточные подданные укоряли за непомѣрную роскошь, какую онъ проявлялъ въ постройкахъ своихъ дворцовъ, но его племянникъ и наследникъ въ этомъ отношеніи далеко оставилъ его позади себя. Онъ велѣлъ срыть большую часть построекъ своего предшественника и замѣнилъ ихъ новыми, болѣе роскошными. Абдуль-Меджидъ, желая дать дамамъ своего гарема вѣрное понятіе о лондонской всемірной выставкѣ, заказалъ на берегахъ Темзы хрустальный дворецъ въ уменьшенномъ видѣ. Это зданіе было сооружено по частямъ, сложено на корабль и перевезено на берега Босфора. Подъ прекраснымъ константинопольскимъ небомъ, эта игрушка приводила всѣхъ въ восхищеніе. Но она не нравилась Абдуль-Азису. По его словамъ, этотъ чудесный маленький дворецъ портилъ видъ. Онъ приказалъ снести его и распродать по частямъ въ лавки, торгующія разнымъ хламомъ.

Однажды „отецъ вѣрующихъ“ (одинъ изъ титуловъ султана) приказалъ построить дворецъ, который своимъ великолѣпіемъ превосходилъ-бы всѣ до сихъ поръ существовавшія въ Турціи постройки. Для сооруженія этого дворца были употреблены всѣ средства, какія только указывали наука и искусство, и онъ стоилъ громаднхъ денегъ. Султанъ торопилъ архитектора и безпрестанно справлялся, скоро-ли будетъ оконченъ его любимый дворецъ; онъ уже впередъ называлъ его „любимымъ“. Наконецъ, султану были вручены ключи отъ новаго дворца. Второпяхъ садясь на лошадь, Абдуль-Азисъ поскользнулся и упалъ. Сочтя это дурнымъ предзнаменованіемъ, онъ не захотѣлъ переступить дверей новаго дворца и отдалъ повелѣніе разрушить его. Сколько ни умоляли султана великій визирь и архитекторъ, онъ оставался неумолимымъ. Наконецъ, въ дѣло вмѣшался англійскій посланникъ; онъ представилъ султану, что, разрушая этотъ великолѣпный дворецъ, его высочество можетъ возбудить противъ себя общественное мнѣніе, а главное, стать смѣшнымъ въ глазахъ Европы. Это подѣйствовало; дворецъ не тронули, но его заколотили, потому что онъ находится подъ вліяніемъ дурного глаза.

Безполезно говорить, что всѣ эти затѣи стоили непомѣрныхъ суммъ (Абдуль-Азисъ построилъ 2 большихъ дворца и 12 кіос-

ковъ, которые тоже можно считать отдѣльными дворцами), что отозвалось чувствительно на разстроенныхъ турецкихъ финансахъ.

Расходы на содержаніе дома султана и его султаншъ „превосходятъ воображеніе нашихъ ограниченныхъ умовъ“ (unseres beschränkten Unterthanen verstandes), какъ доносилъ князю Бисмарку одинъ изъ агентовъ германскаго правительства. Вотъ счетъ расходовъ на сераль, представленный Кохреномъ английской палатѣ общинъ. Ежемѣсячно расходуется (въ круглыхъ цифрахъ):

1) На столъ 36 женъ и одалисовъ	150,000	руб.
2) Расходы по содержанію дома и пр.	430,000	„
3) Содержаніе 1,780 прислужницъ	120,000	„
4) Содержаніе 2,000 слугъ и привратниковъ	95,000	„
5) Содержаніе людей, специальная обязанность которыхъ провожать во время прогулокъ 36 дамъ первой категоріи	45,000	„
6) Пенсія женщинамъ, уволеннымъ изъ сераля	500,000	„

Итого въ мѣсяць расходуется . 1,340,000 руб.

Прибавивъ къ этому драгоценныя бездѣлушки, покупаемыя дамамъ гарема, и экстренные подарки имъ, дѣйствительно придется согласиться съ нѣмецкимъ агентомъ, что это превосходить самое пылкое воображеніе нашихъ ограниченныхъ умовъ.

При дворцѣ султана содержится цѣлая армія прислуги обоего пола, болѣе 6,000 человекъ. Она раздѣляется на двѣ категоріи: первая получаетъ жалованье и пищу, вторая только пищу. Въ числѣ этой прислуги находится 400 поваровъ, 300 садовниковъ и 500 кучеровъ. Кромѣ самой прислуги, султанская кухня отпускаетъ продовольствіе многочисленнымъ родственникамъ и слугамъ слугъ первой категоріи. Это уже паразиты паразитовъ. Можно представить себѣ, какое количество мяса, овощей, масла, фруктовъ, дровъ и пр. потребляется на султанской кухнѣ. Трудно составить себѣ понятіе о томъ грабежѣ, какой происходитъ ежедневно. Грабежъ производился до того явно и нагло, что, нако-

нець, его замѣтилъ самъ султанъ. Онъ приказалъ произвести слѣдствіе; открылись ужасающія злоупотребленія, превзошедшія всякую мѣру. Напримѣръ, одинъ армянинъ, недавно еще мелкій торговецъ, представилъ счетъ въ 12,000,000 рублей за проданные имъ драгоценные камни для женъ и одалисовъ султана. За одну карету былъ представленъ счетъ въ 90,000 рублей, а за другую въ 600,000 рублей. Начальникъ султанской кухни выводилъ содержаніе для 1,500 поваровъ и поваренковъ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ было всего 250. Многие изъ виновныхъ въ этихъ злоупотребленіяхъ заплатились ссылкой и тюрьмой, но денегъ, ими заграбленныхъ, конечно, не вернули и злоупотребленія и грабежъ совершаются по-прежнему, хотя и не такъ уже явно и нагло.

Прибавьте къ этому, что, по существующему обычаю, въ праздники байрама, въ день восшествія на престолъ султана и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ всѣмъ служителямъ обоюга пола выдаются болѣе или менѣе цѣнные подарки. Вообще на подарки, включая сюда подарки султаншамъ и одалискамъ, расходуются громадныя суммы.

II.

Несмотря на весьма печальное состояніе государственной казны. въ одинъ прекрасный день турецкое правительство вздумало завести у себя панцырный флотъ. Какъ постройка броненосцевъ, такъ и содержаніе ихъ стоитъ очень дорого. Но цифра расходовъ никогда не смущаетъ неразсчетливыхъ финансистовъ Турціи. Министры убѣдили султана, что Турція должна имѣть панцырный флотъ, если не равный флоту англійскому или французскому, то, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ послѣдовательности, тотчасъ-же стоящій за ними. Задумано—сдѣлано, Турція получила въ свое владѣніе паровыя военные корабли съ сильными машинами, построенные въ англійскихъ докахъ, но, къ ея несчастію, у нея не имѣлось машинистовъ, способныхъ управлять этими машинами. Когда турецкіе доморощенные машинисты вздумали попробовать заморскія диковинки въ Дарданелахъ, они едва не погубили ихъ. Пришлось какъ можно скорѣе ввести ихъ обратно въ портъ и выписать изъ Англій машинистовъ.

Устраивая флотъ, султанъ и его министры естественно должны были позаботиться о лучшемъ вооруженіи сухопутной арміи. 300,000 ремингтоновскихъ ружей были куплены въ Англии и сложены въ арсеналь Ирины. Въ то-же время было заказано въ Соединенныхъ Штатахъ 600,000 ружей для дольма-бачскаго арсенала. Специально для круповскихъ пушекъ былъ сооруженъ новый арсеналь. Два года тому назадъ *валиде*, т. е. султаншамать, подарила своему сыну 80 круповскихъ пушекъ, которыя обошлись ей въ 800,000 рублей. Эту сумму она скопила изъ своихъ экономій. Можно судить теперь о размѣрахъ получаемой ею пенсіи, такъ-какъ въ Турціи женщина, въ качествѣ рабы, не имѣетъ права владѣть никакой недвижимою собственностью.

Только-что были окончены эти воинственные приготовления, вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи. Турція была захвачена врасплохъ этимъ возстаніемъ. Денегъ въ кассѣ ни гроша, а усовершенствованное оружіе и панцырные корабли не могли принести никакой пользы въ горахъ. Всплакнули турецкіе государственные люди, вспомнивъ, съ какимъ легкомысліемъ они затрачивали деньги на вооруженія, которыхъ нельзя было теперь употребить въ дѣло, — да было уже поздно!

Государственное хозяйство управляется тѣми-же законами, какъ и частное. Если расходы превышаютъ получаемый доходъ, если каждый годъ увеличивается дефицитъ, результатомъ такого веденія дѣлъ необходимо будетъ несостоятельность. Турція давно уже тратитъ больше, чѣмъ получаетъ. Безпрестанно ей приходится прибѣгать къ займамъ. Цифра займа съ каждымъ разомъ все увеличивалась и, наконецъ, въ 1874 году она заняла 250,000,000 рублей, увѣряя, что эти деньги пойдутъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, что онѣ дадутъ возможность совершить необходимыя финансовыя реформы и пр. и пр. Какъ и всегда, ни одно изъ этихъ обѣщаній не было выполнено. Деньги пошли частію на уплату старыхъ долговъ, а частію израсходованы зря. Въ 1875 году турецкій министръ финансовъ вздумалъ заключить новый заемъ. Онъ объяснялъ, что Турціи нечѣмъ заплатить процентовъ по прежнимъ займамъ, что этому помѣшали непредвидѣнные обстоятельства, какъ, напримѣръ, голодъ въ Малой Азіи, возстаніе въ Герцеговинѣ и пр.хлопоты его, однакожь, не привели къ

благоприятному результату. Между тѣмъ распространился слухъ, что турецкое правительство намѣрено въ этомъ году вмѣсто слѣдующихъ кредиторамъ 5 проц. заплатить только 3 проц. Турецкое правительство успѣшило официально опровергнуть этотъ слухъ, назвавъ его клеветой. Но чрезъ нѣсколько времени въ официальной турецкой газетѣ появился декретъ, гласящій, что отнынѣ кредиторы Турціи вмѣсто 5 проц. будутъ получать всего 2¹/₂ проц. Слухъ дѣйствительно оказался невѣренъ!

Можно представить себѣ волненіе, которое произвелъ этотъ государственный переворотъ на главнѣйшихъ финансовыхъ рынкахъ. Впродолженіи нѣсколькихъ дней владѣльцы турецкихъ бумагъ терзали биржи своими сѣтованіями и выраженіями своего негодованія. Болѣе другихъ пострадавшіе отъ этого своеобразнаго расчета съ кредиторами стали требовать вмѣшательства своихъ правительствъ въ это дѣло. Они твердили, что Франція и Англія гарантировали первые турецкіе займы, заключенные въ 1854 и 1856 годахъ, что Турція обязывалась обезпечить свои долги спеціальными доходами, какъ, напримѣръ, данью, получаемою ею съ Египта. Они напоминали о вмѣшательствѣ лорда Пальмерстона въ знаменитомъ дѣлѣ еврея Пачифико, объ экспедиціи въ Мексику, куда Англія и Франція послали свой соединенный флотъ—одна для истребованія уплаты по мексиканскимъ облигаціямъ, находящимся въ рукахъ англичанъ; другая—для полученія какого-то аптекарскаго счета швейцарскаго банкира Жюкера, предъявляемаго имъ мексиканскому правительству и перепроданнаго Морни.

Но хотя поводъ вмѣшаться въ турецкія дѣла былъ равнозначущъ съ поводомъ вмѣшательства въ дѣла мексиканскія, современные дипломаты поступили иначе, чѣмъ ихъ собратья 15 лѣтъ тому назадъ. Они нашли этотъ поводъ недостаточнымъ для вмѣшательства. Мы не станемъ порицать за это современную дипломатію. Еще не существуетъ международнаго суда, который могъ-бы разбирать подобныя дѣла. Чего-же хотятъ тогда владѣльцы турецкихъ облигацій? Войны? Но война еще болѣе разоритъ Турцію,—слѣдовательно, шансы на поправленіе ея финансовъ еще болѣе уменьшатся... И теперь уже финансы Турціи находятся въ безотрадномъ положеніи. По послѣднему бюджету доходъ ея вычисланъ всего въ 133 миліона рублей; процентовъ (полныхъ, а не

уменьшенных) по своему долгу она должна была заплатить 91 миллионъ рублей; значить, на всё остальные расходы у ней оставалось-бы всего 42 миллиона рублей. Но даже уплативъ только половину слѣдующихъ съ нея процентовъ, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи всего 87½ миллионъ, т. е. все-таки меньше, чѣмъ ей нужно на текущіе расходы.

Къ тому-же, съ чего это вздумали жаловаться гг. биржевые дѣятели? Послѣдній турецкій заемъ заключенъ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ для Турціи, что владѣльцы облигацій на дѣйствительно выданную ими сумму должны были получать 11,63 проц. (при уплатѣ полныхъ 5 проц. на номинальный капиталъ облигацій); теперь-же, при половинной уплатѣ процентовъ, они получаютъ 5,31 проц., что вовсе не дурно, если Турція въ состояніи будетъ платить далѣе. „При большихъ процентахъ меньше обезпеченія“—эту аксіому должны хорошо знать кредиторы Турціи. Покупая пятипроцентную 100-рублевую облигацію за 50 рублей, спекуляторы очень хорошо знаютъ, что они рискуютъ пятьюдесятью шансами не получить своихъ денегъ противъ 50—получить. Съ другой стороны, 16 турецкихъ займовъ заключены въ суммѣ 1,362,000,000 рублей, изъ которыхъ турецкое министерство финансовъ получило только 800,000,000, т. е. меньше 60 проц.; остальные деньги остались въ карманахъ комисіонеровъ и банкировъ. Турція нѣсколько лѣтъ платила проценты полностью. Она порѣшила, что если свести точный счетъ, выйдетъ, что она получила только половину капитала,—слѣдовательно, объявивъ, что она намѣрена платить впередъ только половину процентовъ, она не совершаетъ важнаго преступленія. Конечно, такіа разсужденія несправедливы, но развѣ справедливо поступали съ нею ея займодавцы? Вообще на свѣтѣ есть много несправедливостей, о которыхъ слѣдовало-бы кричать громче, чѣмъ кричали противъ Турціи за ея своеобразную расплату съ кредиторами, но люди сжились съ ними и не обращаютъ на нихъ должнаго вниманія.

По поводу этого своеобразнаго разрѣшенія въ Турціи финансоваго затрудненія считаемъ не лишнимъ привести здѣсь факты, позабавившіе итальянцевъ. Въ числѣ самыхъ крупныхъ владѣльцевъ турецкихъ облигацій находятся главнѣйшіе изъ итальянцевъ

янскихъ клерикаловъ, кардиналы изъ свиты его святѣйшества, римскаго папы.

„Съ 1871 года клерикалы, рассказываетъ газета „Diritto“, — вели самую ревностную пропаганду противъ итальянскихъ бумагъ. „Не берегите ихъ! твердили они своимъ приверженцамъ. — Лучше и выгоднѣе для васъ покупать турецкія облигаціи“. Послушные своимъ наставникамъ, какъ самыя богатые патриціи, такъ и скромные пенсіонеры папы, спѣшили помѣщать свои капиталы и сбереженія въ турецкія облигаціи. Самъ знаменитый Антонелли подалъ примѣръ, накупивъ этихъ облигацій на 150,000 лиръ (37½ тысячъ рублей). Однакожь, старая лисица, сдѣлавъ эту попытку въ угоду своей партіи, призадумалась. Антонелли почувялъ, что надъ турецкими финансами виситъ грозная туча, и, постепенно продавъ все свои турецкія облигаціи, замѣнилъ ихъ итальянскими. Многимъ пришлось солоно отъ мѣры, принятой турками относительно уплаты процентовъ своимъ кредиторамъ, а Антонелли посмѣивался себѣ въ бороду, похваливая себя за предусмотрительность. Въ отчаяніи отъ уменьшенія своихъ обычныхъ доходовъ, многіе изъ ревностныхъ католиковъ обратились къ патерамъ съ просьбою отслужить молебенъ и просить Небо, дабы оно даровало побѣду турецкимъ войскамъ надъ инсургентами. Но этому воспротивились кардиналь-визарій и каноникъ Петацци. Они объявили, что боснійскіе и герцеговинскіе инсургенты — христіане и между ними есть много добрыхъ католиковъ; слѣдовательно, молитва за успѣхи турецкаго оружія въ римскихъ церквяхъ произведетъ всеобщій скандалъ. Какъ времена пережѣнчивы! Лучше сказать, какъ клерикалы ревниво держатся за свой карманъ, что даже изъ опасенія потерять тысячу-другую лиръ готовы возносить молитвы, испрашивая побѣды невѣрнымъ надъ христіанами! Да, этотъ эпизодъ съ турецкими облигаціями крайне интересенъ и мы должны благодарить турокъ, что они дали поводъ клерикаламъ еще разъ доказать, какую цѣну придаютъ они своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ! То-то бѣсятся они теперь на Антонелли, такъ коварно перехитрившаго ихъ всѣхъ“.

Во Франціи тоже, конечно, не мало пострадавшихъ отъ турецкой катастрофы. Они тоже печалятся, но французъ даже и въ печали не можетъ не смѣяться. Парижскіе гамэны, какъ извѣст-

но, шустры и мастера на выдумки. Одинъ изъ репортеровъ, проходя черезъ тюльерійскій садъ, услышалъ слѣдующій разговоръ двухъ гамэновъ:

- Хочешь, сяграемъ по-турецки? предложилъ первый.
- Какъ-же это? спросилъ его товарищъ.
- Есть у тебя монета въ десять су?
- Вотъ она.
- Отлично! Получи обратно пять су — это-то и называется играть по-турецки.

Англія, болѣе всѣхъ потерявшая отъ турецкой катастрофы, естественно кричитъ и негодуетъ болѣе всѣхъ.

„Необходимо покончить съ дурной турецкой администраціей, пишутъ въ одной изъ англійскихъ газетъ. — Пора покончить съ безумными тратами, съ кучей несправедливостей, которыми проявляетъ свое существованіе турецкое государство. Отъ паденія Турціи цивилизація не потеряетъ, а скорѣе выиграетъ. Турція служить поводомъ къ вѣчнымъ раздорамъ; это „гостинница, гдѣ въ каждомъ углу лежитъ порохъ, сказалъ однажды лордъ Дерби. — Если Турція существуетъ, то только потому, что мы не знаемъ, что съ нею дѣлать. Мы давно допустили-бы ее погибнуть, если-бы знали, какъ раздѣлить на части ея остовъ“. Мы не можемъ не согласиться съ нашимъ просвѣщеннымъ государственнымъ чело-вѣкомъ, что Турція больна неизлечимой болѣзью; никакія самыя радикальныя лекарства помочь ей не могутъ. Мы, англичане, желали воскресить Турцію, желали вызвать ее къ новой жизни посредствомъ необходимыхъ реформъ. Но въ Турціи не существуетъ даже понятія объ общественномъ благѣ. Люди, власть имѣющіе, занимаются гораздо болѣе своими наложницами, чѣмъ государственными дѣлами. Наше вліяніе бессильно противъ рутины; оно не подниметъ заснувшую націю, которая просыпается за тѣмъ только, чтобъ тиранически расправиться съ несчастными христіанами, невынесенными злоупотребленій и непожѣрныхъ налоговъ и возставшими съ оружіемъ въ рукахъ. Банкротство Турціи неминуемо; отъ него могли-бы спасти ее реформы, но реформа немис-

лима въ Турціи. Слѣдовательно, вся забота наша теперь должна заключаться въ томъ, чтобы слѣдствія банкротства Турціи отразились на насъ менѣе чувствительнымъ образомъ. Имѣемъ-же мы право требовать энергическаго содѣйствія нашего правительства, когда съ нами поступаютъ, какъ поступила въ настоящее время Турція“.

И это говорить не „Times“, относящійся къ турецкой катастрофѣ довольно сдержанно, а фешенебельная „Брайтонская Газета“, попавшая случайно намъ въ руки. Въ приведенной нами выпискѣ изъ нея весьма точно выражается общественное мнѣніе руководящихъ классовъ въ Англіи, до сихъ поръ получавшихъ съ Турціи весьма значительную подать въ свою пользу, такъ-какъ большая часть облигацій турецкихъ займовъ принадлежитъ англичанамъ. Эти классы поддерживали Турцію, пока та въ состояніи была выполнять свои обязательства, но какъ только турецкіе финансы пришли въ безотрадное состояніе и странѣ стало угрожать банкротство, англичане закричали: „справедливость требуетъ даровать независимость Босніи и Герцеговинѣ“. Они позабыли, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ они-же сами распинались за Турцію, доказывая, что Англія сдѣлаетъ непоправимую ошибку, если такъ или иначе не поможетъ Турціи выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Но когда турки не оплатили купоновъ, находящихся у ихъ защитниковъ, эти защитники вспомнили, что турки—мусульмане, а инсургенты—христіане и что христіанскимъ народамъ слѣдуетъ вступить за своихъ единовѣрцевъ. И здѣсь побудительной причинойъ явились деньги, однѣ только деньги.

III.

Такимъ образомъ, и Англія оставила Турцію, предоставивъ ее ея судьбѣ. При этомъ Англія нисколько не измѣнила своей политики, — она преслѣдуетъ ту-же цѣль, только другими средствами. Самая прямая дорога изъ Лондона идетъ теперь не черезъ Константинополь, а черезъ Александрію, — слѣдовательно, Англія можетъ пока оставить Константинополь и заняться спеціально Александріей. Вотъ когда проведется желѣзный путь черезъ Азію и

одной из промежуточных станцій — конечной европейской станціей — будетъ Константинополь, тогда — другое дѣло! — тогда можно будетъ снова заняться имъ. Англія, думая о будущемъ, старается прежде всего извлечь изъ настоящаго все, что оно можетъ дать.

Египетскій паша, подобно своему сюзерену, разорился оттого, что слишкомъ часто прибѣгалъ къ займамъ, которые ему всегда удавалось заключать безъ особыхъ затрудненій. Онъ также служилъ для европейскихъ капиталистовъ большой приманкой для наживы и они сами предлагали ему денегъ, поощряя его тратить какъ можно болѣе. Они жужжали ему въ уши, почему-же ему не выстроить новый дворецъ, не завести новаго, дорого-стоющаго флота, не предпринять отдаленную военную экспедицію, не заказать Верди новую оперу, которую поставить съ неменьшей роскошью, какъ она ставится въ Парижѣ, Лондонѣ или Петербургѣ. И хедивъ точно исполнялъ всѣ эти совѣты. Онъ старался примѣшивать свое имя ко всякому предпріятію, о которомъ, какъ можно было надѣяться, стануть много говорить; такъ онъ подписалъ крупную сумму на сооруженіе германскаго театра въ Байретѣ специально для представленія на немъ трилогіи Вагнера. Пышность и роскошь хедива, напоминавшая роскошь калифовъ „Тысячи и одной ночи“, собирала къ его двору множество иностранцевъ, что льстило его тщеславію. Пышность и великолѣпіе обходятся недешево; заключая одинъ заемъ за другимъ, хедивъ къ 1-му декабря прошлаго года имѣлъ на своей шеѣ долга 415,000,000 рублей, на которые приходится платить процентовъ 53,000,000 рублей, да подати султану 5,000,000 рублей; всего-же слѣдуетъ уплачивать за-границей 58,000,000 рублей. Между тѣмъ обыкновенные и чрезвычайные доходы, включая сюда доходъ съ частнаго имѣнія, идущаго на содержаніе двора хедива, простираются всего до 75,000,000 рублей. Слѣдовательно, за уплатой процентовъ по долгамъ и дани султану, у хедива остается всего 17,000,000 рублей на расходы на армію, флотъ, администрацію и даже на личные расходы хедива. Понятно, что при такихъ условіяхъ египетскій бюджетъ не могъ обходиться безъ дефицита. Средній дефицитъ за послѣднія 8 лѣтъ былъ 34,000,000 рублей. Въ прошломъ декабрѣ пришлось уплатить и

нѣкоторые долги, такъ-что вся уплата—процентовъ и капитала—опредѣлялась суммою почти въ 110,000,000 рублей. Денегъ у хедива не было, заключить новый заемъ было невозможно, и онъ рѣшился обратиться въ деньги все, что имѣло какую-нибудь цѣнность.

Прежде всего ему представилась идея продать свою часть собственности въ Суэзскомъ каналѣ. Ему казалось, что приличнѣе всего предложить сдѣлку французскимъ капиталистамъ. И онъ былъ правъ: если каналъ былъ вырытъ, то только благодаря Франціи, которая подписалась на двѣ трети акцій. Бори и Лавалле, подрядчики работъ, исполнили свои обязательства вполне добросовѣстно. Французское правительство энергически защищало предпріятіе противъ недоброжелательства Англии. Тюльерійскій кабинетъ рѣшительно заявилъ Турціи, что онъ не остановится передъ необходимостью начать войну, если турецкое правительство не выдастъ добровольно требуемаго отъ него рѣшенія приступить къ работамъ. Хедивъ за свои 176 акцій потребовалъ 25,000,000 рублей, и такъ-какъ, по условію съ компаніей, онъ не имѣлъ права на полученіе процентовъ втеченіи 20 лѣтъ, онъ обязывался все это время платить на акціи по 5% изъ своей собственной шкатулки. Частныя лица, къ которымъ обратился хедивъ, не имѣли въ наличности такой суммы денегъ; они обращались и туда, и сюда, чтобы достать ее, но безуспѣшно. Наконецъ, обратились къ правительству. Герцогъ Деказъ, министръ иностранныхъ дѣлъ французской республики, отнесся сочувственно къ предложенію хедива, но дальше своего сочувствія не пошелъ. Если-бъ онъ обратился къ Ротшильду, какъ сдѣлало потомъ англійское правительство, или заявилъ-бы о предложеніи хедива съ трибуны національнаго собранія, или, наконецъ, сговорился-бы съ компаніей, которая желала купить эти акціи, правда, за 22,000,000 рублей,—онъ непремѣнно получилъ-бы необходимую сумму. Но герцогъ Деказъ, необладающій ни сильнымъ умомъ, ни сильнымъ характеромъ, медлил и колебался; ему хотѣлось заполучить акціи, но онъ не осмѣливался взять на себя инициативу; онъ потребовалъ отъ хедива особенныхъ гарантій, какихъ-то финансовыхъ реформъ и пр.,—однимъ словомъ, толковалъ разный вздоръ на либеральныя темы, а дѣла не дѣлалъ.

Англійскій кабинетъ зорко слѣдилъ за этими переговорами и успѣшилъ сдѣлать Франціи сообщеніе, написанное весьма рѣшительнымъ тономъ, которое скорѣе походило на формальное вето. Дизраели довольно высокомерно заявилъ, что Франція имѣеть уже въ своемъ распоряженіи половину акцій Суэзскаго канала, чего слишкомъ достаточно для того, чтобы пользоваться преобладающимъ вліяніемъ въ управленіи предпріятіемъ. Далѣе онъ заявлялъ, что Англія имѣеть интересъ большій, чѣмъ какая-либо другая страна, въ поддержкѣ и эксплуатаціи Суэзскаго канала и потому ей будетъ неприятно, если какая-нибудь другая страна соединитъ въ своихъ рукахъ почти всѣ акціи этого предпріятія.

Если-бъ Деказь находился на высотѣ своего положенія и ясно сознавалъ важность дѣла, о которомъ ему пришлось вести переговоры, получивъ ноту Дизраели, онъ тотчасъ-же послалъ-бы телеграмму хедиву, увѣдомляя его о покупкѣ акцій. Вслѣдъ за этой телеграммой онъ послалъ-бы другую Дизраели, заявляя, что онъ предлагаетъ политическую нейтрализацию канала и учрежденіе международнаго синдиката для завѣдыванія имъ, какъ коммерческимъ предпріятіемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Деказь охранилъ-бы честь и интересы Франціи (имѣющей также свои колоніи въ Индіи), охранилъ-бы коллективные торговые интересы всѣхъ націй и, еще болѣе, обезпечилъ-бы полу-независимость Египта, защитить которую Порты не въ силахъ. Но Деказь министръ не Франціи, а своей орлеанистской партіи, и потому дальше узкихъ интересовъ своей партіи онъ ничего не видитъ. Испугавшись рѣзкаго и рѣшительнаго тона заявленія Дизраели, Деказь успѣшилъ отвѣтить хедиву, что, къ своему великому сожалѣнію, онъ ничего не можетъ для него сдѣлать. Такой исходъ дѣла былъ какъ нельзя болѣе на руку Дизраели. Англійскій министръ, не долго думая, отсчиталъ хедиву 25,000,000 рублей наличными деньгами, заявивъ, что покупаетъ акціи для Англіи, т. е. совершилъ тотъ самый поступокъ, за который порицалъ Францію, еще думавшую только совершить его.

Дизраели ловко обдѣлалъ дѣльце; барышники Стараго и Новаго Свѣта, разумѣется, превознесли его. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что онъ мастерски провелъ своего соперника, герцога Деказа. Франція оказалась одураченной и униженной. И кто-же

сыгралъ съ ней такую злую шутку? Ея старый союзникъ, съ которымъ вмѣстѣ она воевала въ Крыму. Пришлось Франціи молча проглотить и эту пилюлю. Много ихъ уже проглотила она послѣ седанской катастрофы, которая была чистымъ барышомъ, полученнымъ отъ экспедиціи въ Мексику, отъ занятія Рима и взятія Севастополя. Франція искупаетъ теперь парижскій трактатъ и тотъ наглый тонъ, которымъ она, послѣ своей несчастной побѣды. втеченіи пятнадцати лѣтъ сносилась съ другими государствами. Въ то время она считала себя вправѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, всюду лѣзла съ своимъ непрошеннымъ посредничествомъ. Теперь, наоборотъ, ей приходится молчать даже въ такихъ дѣлахъ, которыя прямо затрагиваютъ ея интересы; ей приходится молчать, когда съ ней обходятся грубо не только ея враги, но даже и друзья; ей приходится показывать видъ, что она не замѣчаетъ, когда къ ней относятся не съ тѣмъ уваженіемъ, какового имѣетъ право требовать всякое самостоятельное государство. Да не подумаютъ читатели, что мы радуемся униженію Франціи; напротивъ, мы питаемъ къ ней самую искреннюю и глубокую привязанность. *Amica Gallia, sed magis amica veritas.* Потому-то, что мы любимъ Францію, мы и не скрываемъ истины. И мы скажемъ ей прямо, что ей болѣе, чѣмъ всякой другой націи, слѣдуетъ держаться въ предѣлахъ строгой справедливости: не она-ли гордилась всегда, что идетъ во главѣ прогресса человѣчества? Она сдѣлала много ошибокъ и должна исправить ихъ. Несмотря на то, что принципъ грубой силы снова вошелъ въ моду въ наше время, мы продолжаемъ вѣрить, что честность, справедливость и даже умѣренность, въ концѣ-концевъ, приносятъ болѣе прибыли государствамъ, чѣмъ чудовищныхъ размѣровъ пушки. Франція, конечно, неприятно, что съ нею, какъ слабѣйшею изъ великихъ державъ, рѣдко совѣтуются и рѣшаютъ общія дѣла безъ ея содѣйствія. Но въ этой неприятности есть и хорошая сторона: тщеславіе, какъ роскошь, недоступно теперь для Франціи. А надо признаться, что во времена своей славы и могущества она не могла похвалиться скромностью; ее совершенно справедливо обвиняли въ крайнемъ тщеславіи.

Дизраели увѣряетъ, что Франція, владѣя половиной акцій компаніи Суэзскаго канала, можетъ принимать рѣшительное участіе въ предпріятіи и имѣть господствующее значеніе въ управленіи имъ. Дизраели утверждаетъ положительно, что всѣ остальные акціи, не принадлежащія хедиву, находятся въ распоряженіи французовъ. Не говоря уже о томъ, что это невѣрно, но даже допуская, что Дизраели правъ и что половина акцій дѣйствительно принадлежитъ французамъ, все-таки придется сказать, что не Франція, а Англія будетъ имѣть преобладающее значеніе въ управленіи предпріятіемъ. Во Франціи акціями Суэзскаго канала владѣютъ частныя лица, а не правительство; могутъ-ли они служить противомѣсомъ такому крупному акціонеру, какъ англійское правительство? Несомнѣнно также, что въ очень скоромъ времени англійское правительство сосредоточитъ въ своихъ рукахъ столько акцій, приобретя ихъ покупкою на биржѣ, что въ его распоряженіи будутъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всего числа ихъ, и, слѣдовательно, сдѣлается полнымъ хозяиномъ предпріятія; оппозиція, даже если къ ней будутъ принадлежать всѣ владѣльцы остальной трети акцій, не въ состояніи будетъ ничего предпринять противъ желанія Англіи.

Англія теперь страстно желаетъ захватить въ свои руки управленіе Суэскимъ каналомъ; но когда, въ самомъ началѣ предпріятія, ей предложили принять участіе въ расходахъ и получить извѣстную долю въ распоряженіяхъ, она отвѣчала почти оскорбительнымъ отказомъ. Каналъ вырытъ на деньги другихъ націй, предпріятіе пущено въ ходъ и даетъ хорошіе барыши — и сент-джемскій кабинетъ спѣшитъ исправить сдѣланную ошибку и почти насильно беретъ часть въ распоряженіи предпріятіемъ, которая нѣкогда предлагалась ему добровольно. Пальмерстонъ выказалъ себя почти наглымъ въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе Франціи раздѣлить вмѣстѣ съ нею заботы по устройству и управленію Суэскимъ каналомъ; Дизраели отнесся невеликодушно и слишкомъ пренебрежительно къ французской щекотливости. Въ обоихъ случаяхъ Франція была незаслуженно оскорблена. Англійская политика всегда отличалась и отличается до сихъ поръ весьма характеристичнымъ эгоизмомъ, но она тверда и разсудительна. Она охотно надѣвается на себя плащъ филантропіи, но, когда это бываетъ необходимо,

она смѣло сбрасываетъ этотъ плащъ и дѣйствуетъ прямо и рѣшительно.

Всѣхъ удивило, что хедивъ не послѣдовалъ примѣру своего сюзерена, не произвелъ подобной-же своеобразной финансовой операціи, хотя находился въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ онъ. 25,000,000 рублей, полученныхъ хедивомъ отъ Англіи, не могли заполнить пропасть его дефицита и были израсходованы очень скоро на покрытіе самыхъ неотлагательныхъ потребностей. Хедиву волей-неволей придется совершить и многія другія торговныя сдѣлки. Онъ владѣетъ нѣсколькими участками земли по каналу; ему принадлежитъ много городской земли въ Измаиліи и Портъ-Саидѣ; англичане уже договариваются съ нимъ о покупкѣ и тѣхъ, и другихъ. Хедивъ владѣетъ многими фабриками и заводами, и въ числѣ ихъ сахарными, оцененными въ 12½ миліоновъ рублей, — англичане хотятъ купить и ихъ. Египетское государство владѣетъ желѣзными дорогами, доходъ съ которыхъ, постоянно возрастающій, простирался въ прошломъ году до 5½ миліоновъ рублей, — англійское правительство готово уже дать за нихъ отъ 65 до 70,000,000 рублей. Англичане совѣтуютъ хедиву совѣмъ ликвидировать его дѣла; они заплатятъ его долги, а онъ передастъ имъ свои владѣнія. Сдѣлка; недурная, тѣмъ болѣе, что англійскому правительству весьма легко достать денегъ. Въ то время, какъ хедиву по нѣкоторымъ займамъ приходится платить 15‰, англійское правительство находитъ деньги за 3‰. На этихъ условіяхъ заключенъ имъ и послѣдній заемъ. Слѣдовательно, платя только 3‰, англійское правительство на уплаченные за акціи 25,000,000 будетъ получать 5‰, и такимъ образомъ, въ его пользу ежегодно будетъ очищаться прибыль въ 500,000 рублей, а въ 20 лѣтъ оно приобрететъ 10,000,000 рублей. И выходитъ, что акціи ему обойдутся только въ 15,000,000 рублей и оно вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣло ключемъ позиціи противъ Азіи и Африки, станетъ господствовать на Нилѣ, протекающемъ 5½ тысячъ верстъ и орошающемъ громадную территорію. Англія ловко примѣняетъ систему „завоеванія посредствомъ гипотекъ“; она овладѣваетъ странами и народами, государи которыхъ сильно нуждаются въ деньгахъ. Своей сдѣлкой съ Египтомъ Дизраели далъ драгоцѣнныя указанія для новой политики. Пруссія, на примѣръ.

можетъ купить желѣзныя дороги въ Австріи, Бельгіи и Голандіи, дать деньги на осушку Зюдерзее и т. п.

Въ будущемъ Египеть, по всей вѣроятности, будетъ превращенъ въ англійскую ферму. Многие энтузіасты-англичане предсказываютъ, что Египеть будетъ Индіей въ меньшемъ размѣрѣ. Изъ Лондона уже послана въ Каиръ комісія для изученія страны. Говорятъ о путешествіи хедива въ Лондонъ. Даже сама „Times“ зафантазировалась и видитъ, что въ Александріи, въ Суэцѣ и на берегахъ Нила уже квартируютъ англійскіе солдаты. Но, кажется, органъ лондонскаго сити слишкомъ зарапоровался и мы не намѣрены вмѣстѣ съ нимъ строить воздушныя замки на берегахъ Нила; мы займемся только несомнѣнными результатами, къ какимъ можетъ привести совершившееся событіе.

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ тѣхъ дипломатовъ и публицистовъ, которые утверждаютъ, что Англія изъ предусмотрительности утвердилась въ Египтѣ, опасаясь, что иначе ее могутъ обойти при разрѣшеніи восточнаго вопроса. „Для меня рѣшительно безразлично, кто будетъ владѣть Константинополемъ, говоритъ она,—если я стану твердой ногой въ Александріи“. Поползновенія Англіи на Египеть утрашили Бельгію и Голандію. Даже Франція не чувствуетъ себя вполне спокойно. Правда, Англія имѣетъ очень слабую армію въ Европѣ; нѣтъ теперь Наполеона III, который былъ ея первымъ солдатомъ; но за то на нее трудно напасть на ея территоріи. И если у нея нѣтъ арміи, она владѣетъ самымъ могущественнымъ флотомъ въ мірѣ. Еще лучше, она послѣдовала совѣту Яго и наполнила свой кошелекъ. Этотъ кошелекъ даетъ ей громадное преимущество передъ другими націями, которымъ она умѣетъ очень ловко пользоваться. Британскій бульдогъ положилъ свою лапу на Египеть и, конечно, не выпуститъ своей добычи. Самыя умѣренныя англійскія газеты, какъ вигскія, такъ и торійскія, холодно объявляютъ, что за обладаніе Мальтой и Гибралтаромъ Англія выдержала страшныя войны. Между тѣмъ и Мальта, и Гибралтаръ, вмѣстѣ взятыя, не даютъ тѣхъ выгодъ, какія дастъ Англіи Суэзскій каналъ. „Поэтому мы всячески будемъ поддерживать свое право, заключаютъ онѣ,—защищать проходъ въ Индію. И если-бы намъ пришлось купить его войной, мы купимъ. Война за обладаніе Египтомъ можетъ быть только

морская... Война на морѣ насъ очень мало тревожить. Если это нужно, мы рискуемъ вторымъ морскимъ сраженіемъ въ виду абу-кирскаго берега“.

Это гордая рѣчь, можетъ быть, даже слишкомъ гордая. Но мы не хотимъ ничего предсказывать. Мы констатировали факты и тѣмъ исполнили нашу задачу.

М. Триго.

IV.

Такъ-какъ вся настоящая хроника посвящена Турціи, то будетъ кстати заключить ее сообщеніемъ, сдѣланнымъ г. Веселитскимъ-Божидаровичемъ петербургскому отдѣлу славянскаго общества о положеніи герцеговинцевъ и босняковъ, бѣжавшихъ изъ Турціи.

Г. Веселитскій-Божидаровичъ извѣстенъ своей энергической дѣятельностію по сбору пожертвованій въ пользу славянъ, жертвъ возстанія. Г. Веселитскій былъ среди несчастныхъ райевъ, собиравъ свѣденія о ихъ несчастномъ положеніи, обращался ко всѣмъ за помощью, — словомъ, дѣйствовалъ такъ, какъ можетъ дѣйствовать только человекъ, глубоко сочувствующій несчастнымъ людямъ. Г. Веселитскій сказалъ длинную рѣчь, которую мы передаемъ здѣсь въ извлеченіи.

„Въ нижѣшнемъ возстаніи славянъ особенно рѣзко бросается въ глаза фактъ, уже описанный всею европейскою прессой, сказалъ онъ. — Я говорю о бѣгствѣ жителей цѣлыхъ селеній на чужбину; бѣгутъ всѣ — и дѣти, и женщины, и старики, — всѣ, кто не въ состояніи носить оружіе; бѣгутъ безъ цѣли, безъ оглядки, лишь-бы только спастись отъ ненавистныхъ имъ турокъ, бѣгутъ даже изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ военныхъ дѣйствій. Фактъ этотъ не представляетъ ничего чрезвычайнаго; онъ фатально связанъ съ тою системою, какая практикуется турками въ отношеніи славянъ; ихъ всякій можетъ оскорбить, ограбить, убить даже, не подвергаясь за это никакому наказанію. Бѣдный христіанскій райя все терпитъ, все выноситъ, но бывають случаи, когда терпѣніе лопается, и тогда райя, смиренный въ мирное время, берется за оружіе и въ борьбѣ съ врагомъ обнаруживаетъ такое геройство, такое самопожертвованіе, которое въ немъ трудно было и предпо-

ложить. Систематическія жестокость и коварство турокъ въ отношеніи къ славянамъ приучили послѣднихъ рѣшительно ни въ чемъ не довѣрять туркамъ; въ 1874 году было введено увеличеніе десятиннаго налога на 10%; многихъ это вооружило и заставило бѣжать въ Черногорію; турецкое правительство предложило имъ воротиться, обѣщая не увеличивать налога; когда они воротились, то были убиты; фактъ убіенія довель райевъ до отчаянія, и съ іюня 1875 года начинаются бѣгства, непрекратившіяся и до сихъ поръ. Сначала бѣжали въ Черногорію и Сербію, а потомъ и въ австрійскія владѣнія — въ Далмацію и Крoацію. Въ это время стали устраиваться мѣстные комитеты для оказанія помощи бѣглецамъ; въ это-же время нѣсколько лицъ, жившихъ въ Парижѣ, рѣшились образовать международный комитетъ для этой-же цѣли. Попытка образовать такой комитетъ была очень смѣла, такъ-какъ у лицъ, взявшихся за это дѣло, не было почти никакихъ средствъ; но они вѣрили въ то, что европейское общество постарается помощью несчастнымъ герцеговинцамъ и боснякамъ хотя отчасти загладить свою историческую вину передъ славянами, и дѣйствительно, вскорѣ Англія, Швейцарія и даже Америка отозвались на призывъ къ помощи“. Далѣе г. Веселитскій описалъ видѣнныя имъ картины бѣгства. Когда онъ прибылъ въ Черногорію, то нашель здѣсь если не помощь, то, по крайней мѣрѣ, такія распоряженія, которыя въ значительной степени облегчали участь эмигрантовъ; черногорское правительство позаботилось составить описаніе всѣхъ домовъ, гдѣ могли-бы помѣститься пришельцы, и, кромѣ того, воспретило черногорцамъ продавать свой скотъ за границу до тѣхъ поръ, пока не будетъ проданъ скотъ, приведенный съ собою эмигрантами; эта мѣра сильно подняла популярность князя Николая, и вообще положеніе эмигрантовъ въ Черногоріи гораздо лучше положенія тѣхъ, которые бѣжали въ австрійскія владѣнія, такъ-какъ среди черногорцевъ они находятъ такое сочувствіе, такой приѣмъ, что чувствуютъ себя какъ дома. Къ сожалѣнію, Черногорія не можетъ помѣстить у себя всѣхъ ищущихъ у нея убѣжища. Изложивъ подробно свое путешествіе по возставшимъ провинціямъ и по тѣмъ мѣстностямъ, куда направляются эмигранты, г. Веселитскій представилъ картины такой нищеты и разоренія, что дѣйствительно повѣришь, что даже тѣ незначительныя пожертвованія, какія поступаютъ изъ Россіи, кажутся вели-

чайшимъ благодѣяніемъ несчастнымъ райямъ. По словамъ г. Веселитскаго, нужда крайняя во всемъ: въ хлѣбѣ, жилищахъ, одеждѣ, бѣльѣ, посудѣ. Онъ считаетъ уже тѣхъ сравнительно обезпеченными, у которыхъ одна рубашка приходится на трехъ человекъ, одинъ котель на 5 семействъ; особенно страдаютъ несчастныя дѣти: нужда въ одеждѣ крайняя, между тѣмъ одѣяла, которыя наиболѣе необходимы, очень дороги: дешевле восьми гульденовъ нельзя купить одѣяло въ Далмаціи. Необходимо было также позаботиться о раненныхъ; ихъ положеніе было ужасно, такъ-какъ въ первое время не было никакихъ средствъ для оказанія медицинской помощи. Цетинскій комитетъ обратился за помощью въ Женеву, въ центральный международный комитетъ общества „Краснаго Креста“, но ему было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, будто помощь раненымъ почтется за помощь возставшимъ, и только послѣ просьбы черногорскаго правительства была послана изъ Женевы делегація. Теперь посланный Россіей санитарный отрядъ обезпечиваетъ въ значительной степени участь раненныхъ. Всѣхъ бѣжавшихъ въ Черногорію насчитывается отъ 50 до 55 тысячъ, кромѣ тѣхъ, которые находятся на границѣ; въ Далмацію бѣжало около 25 тысячъ, въ Кроацію отъ 30 до 35 тысячъ, въ Сербію до 16 тысячъ. Эти достовѣрныя цифры лучше всего показываютъ, какъ велика нужда и какъ настоятельна помощь. Кромѣ того есть слухи, что начинаются бѣгства изъ Болгаріи. Немудрено поэтому, что всѣ европейскіе народы и американцы начинаютъ выражать сочувствіе и присылаютъ пожертвованія; но бѣдный райя, по словамъ г. Веселитскаго, всѣ поступающія въ его пользу пожертвованія считаетъ идущими изъ Россіи и на нее одну только и надѣется; онъ не хочетъ и вѣрить, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ Россіи, ему помогалъ, и потому считаетъ ее своею благодѣтельницей.

Къ этимъ прочувствованнымъ словамъ почтеннаго оратора прибавлять нечего: они слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Рѣчь г. Веселитскаго-Бождаровича произвела глубокое впечатлѣніе и была покрыта долгими и оглушительными рукоплесканіями.

Въ этомъ-же засѣданіи славянскаго общества было заявлено, что всѣхъ пожертвованій въ пользу славянъ поступило въ славянскій комитетъ 100,770 руб.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

- Мертвая петля. (Драма въ пяти дѣйствіяхъ.) *Н. А. Потѣхина.*
Послѣдній приваль. Стихотвореніе.
(Изъ Ф. Коппе.) *А. М.*
Ренегатъ. Романъ. (Гл. I—VII.) . . . *Жюль Кларети.*
Молодой матери. Стихотвореніе. . . . *В. И. Славянскаго.*
Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ. (Гл.
I—V.) *А. Михайлова.*
Во тьмѣ. Стихотвореніе. *И. Сурикова.*
Наши окраины. Безлюдье Сѣвера. . . *Д. Л. Мордовцева.*
Гроза въ деревнѣ. Стихотвореніе. . . *Е. Л. Оболенскаго.*
Черноземныя поля. Романъ. Въ двухъ
частяхъ. Часть первая. (Гл.
I—III.) *Л. Маркова.*
Новиковъ и его журнальная дѣятельность. *С. С. Пашкова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Поэтъ-космополитъ. *Н. Языкова.*
Парижскія письма. *Анонима.*
Сѣверо - Американскіе Соединенные
Штаты послѣ столѣтняго суще-
ствованія. *В. Т.*
Научная хроника. *П. Н. Гр—оли.*
Новыя книги.
Калейдоскопъ. Литературныя и обще-
ственныя замѣтки. *Н. Мизантропова.*
Политическая и общественная хро-
ника. *М. Триго.*
-

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1831 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. А. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиѣны. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайтта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 220